This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

5664
61-5

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРИГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

61-5

Digitized by Google

Δ
P Slav 236.4 (3/12)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 декабря, 1869 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
10 AUG 1966

Digitized by Google

ВЪ РАЗБРОДЪ.

(*Изъ исторіи нашей семьи.*)

(*Окончаніе.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Въ захолустьѣ

...Большія села, города, цивилизованный міръ остались гдѣ-то въ сторонѣ, сзади, сбоку. Меня окружалъ со всѣхъ сторонъ высокій, невозмутимо спокойный лѣсъ съ наваленными внизу сучьями, прутьями, листьями, съ засохшими деревьями, спутавшимися вѣтвями, съ здоровыми деревьями. Мы ѣхали, ѣхали этимъ безконечнымъ лѣсомъ и вдругъ неожиданно передъ нами открылся небольшой лугъ, за нимъ садъ и барскій домъ съ деревней въ сторонѣ... Я въѣзжалъ въ свою деревню. На долго ли?—я этого еще не зналъ, также не зналъ, какъ не зналъ прежде и того, что мнѣ удастся попасть хоть по крайней мѣрѣ въ свою деревню черезъ четыре года послѣ выѣзда изъ Петербурга. Да, уже четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ въ провинцію. Я могъ бы, повидимому, написать множество главъ объ этихъ четырехъ годахъ,—но всѣ эти главы мнѣ пришлось бы озаглавить тремя словами: «одиночество, бездѣйствіе и скука».

Digitized by Google

Именно это впечатлѣніе производитъ мой толстый дневникъ, веденный мною въ провинціи. Перечитывая его, я удивляюсь, какъ я могъ пережить эту пору. Эти четыре года были такъ же похожи другъ на друга, какъ былъ похожъ каждый ихъ день на всѣ предыдущіе и на всѣ послѣдующіе дни моего пребыванія въ губернскомъ городѣ. Съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ городъ я поселился у одной бѣдной вдовы мелкаго чиновника, Никифоровой. Она перебивалась кое-какъ, получая небольшую пенсію и отдавая въ наймы свой домикъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ. Эти доходы были такъ невелики, что ей было трудно прокормить себя, свою старую мать и своего тринадцатилѣтняго племянника Гришу. Этотъ мальчикъ держался теткою въ черномъ тѣлѣ, терпѣлъ не мало упрековъ и непріятностей отъ сварливыхъ родственницъ и тотчасъ же послѣ моего переселенія въ домъ Никифоровой явился къ моимъ услугамъ для уборки въ комнатахъ, для исполненія мелкихъ порученій. Это былъ смышленый, худенькій и высокій мальчуганъ. Несмотря на провинціяльную дикость и неловкость, несмотря на забитость, въ немъ хранились слѣды какой-то мягкости и нѣжности, слѣды, такъ часто встрѣчающіеся въ бѣдныхъ дѣтяхъ, жившихъ когда-то въ холѣ и довольствѣ и потомъ попавшихъ въ нищенскій уголъ подъ гнетъ озлобленныхъ нуждою ближнихъ. Мнѣ стало жаль его и я поспѣшилъ объявить его теткѣ, что я найму себѣ слугу, чтобы избавить Гришу отъ роли моего лакейчика. Никифорова замѣтила мнѣ, что съ ея племянникомъ нечего церемониться, что онъ «не великъ баринъ», но тѣмъ не менѣе не отказалась отъ моего предложенія, когда я сказалъ, что я буду содержать мальчугана на свой счетъ. Возможность избавиться отъ лишняго рта соблазнитъ хоть кого. Поговоривъ съ Гришей, я увидалъ, что онъ хотѣлъ бы учиться, и предложилъ ему свои услуги въ качествѣ учителя. Такъ какъ ему приходилось жаться съ своею теткою и бабкою въ маленькой коморкѣ и въ кухнѣ, то я предложилъ ему переселиться въ мой кабинетъ. Я не зналъ, что можетъ выйдти и выйдетъ ли вообще что нибудь доброе изъ мальчугана, но мнѣ хотѣлось, какъ я сказалъ, имѣть около себя хотя одно живое существо. Мальчику казалось, что я дѣлаю ему неслыханное благодѣяніе, и онъ скоро привязался ко мнѣ, сначала какъ къ доброму барину, потомъ

Digitized by Google

какъ къ другу. Онъ не понималъ, что, уча его, няньчась съ нимъ, я въ сущности спасалъ себя отъ того убійственнаго одиночества, которое окончательно могло свести меня съ ума, довести до апатіи, до примиренія съ той средой, куда я попалъ, или до пьянства. Почти годъ продолжались между мною и Гришей натянутыя, неровныя отношенія, почти годъ онъ церемонился со мною и эти церемоніи доходили иногда до смѣшного, такъ, напримѣръ, онъ никогда не рѣшался лечь спать раньше меня и, несмотря на одолѣвавшую его дремоту, выжидалъ, когда лягу я,—но наконецъ мнѣ удалось поставить его къ себѣ въ тѣ дружескія и искреннія отношенія, которымъ не суждено было прерываться никогда. Мальчикъ съ жадностью схватился за науку и чѣмъ шире развертывалась передъ нимъ область знанія, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему научиться всему. Въ концѣ второго года моего пребыванія въ домѣ Никифоровой мнѣ пришлось пригласить двухъ учителей для занятій съ Гришею. Эти господа познакомились со мною въ городской библіотекѣ и нерѣдко проводили вечера въ моей квартирѣ. Губернская аристократія относилась къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ къ пролетаріямъ; они, бывшіе когда-то студентами, довольно развитые, платили губернской аристократіи тою же монетою, сознавая всю ея умственную ничтожность, всю ея нравственную несостоятельность. Они были рады моему знакомству. Мы сошлись довольно близко и нашъ маленькій кружокъ наслаждался тою немного грустною, немного однообразною, но все-таки нелишенною прелести мирною и безмятежною жизнью, какую можно устроить только въ провинціи, замкнувшись въ своемъ домѣ съ нѣсколькими близкими людьми и отшатнувшись отъ всего остального враждующаго между собою люда. Иногда мы проводили вечера за чтеніемъ, подчасъ дѣлились газетными и литературными новостями и своими личными радостями и печалями, порой насъ радовала возможность выместить свои неудачи хоть злословіемъ и передачею грязныхъ слуховъ про ненавистныхъ намъ людей, нерѣдко мы просто наслаждались затишьемъ, лѣниво перекидываясь незначительными фразами, часто, въ лѣтнее время, мы устраивали parties de plaisir, занимались уженьемъ рыбы, катаньемъ по рѣкѣ, посѣщеніемъ ближайшихъ деревень. Но всегда и во всемъ, смотря на насъ, можно было безошибочно угадать, что мы только

Digitized by Google

хотимъ кое-какъ убить переходное время, что мы нетерпѣливо ждемъ какой-то другой поры, другой жизни, что если бы у насъ не было надеждъ на эту жизнь, то мы или покончили бы съ собою или запили бы съ горя. Съ тоской вспоминаю я теперь объ этихъ бѣднякахъ. Я зналъ, что имъ не удастся дождаться иной жизни. И какая же иная жизнь можетъ начаться для бѣднаго учителя, заброшеннаго въ провинцію? Притѣсненія и нужда, одиночество и скука, вотъ все чѣмъ богато его существованіе. Эта жизнь оставила неизгладимыя черты въ моемъ характерѣ. Въ немъ и прежде было много того, что называлось въ наше время «елейностью». Теперь эта сторона моего характера развилась еще болѣе. Я все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что передо мною стоятъ не злые и не порочные, но глупые и невѣжественные и, прежде всего, больные люди, требующіе не наказаній, не злобы, но исцѣленія и любви. Я пересталъ раздражаться на свою долю, но старался приноровиться и къ ней, извлечь какъ можно болѣе счастья и изъ нея. Я началъ хладнокровнѣе смотрѣть на всѣ невзгоды и на вражду людей. Мнѣ казалось, что невзгоды должны пройдти и смѣниться счастьемъ, а потому надо терпѣливо переносить ихъ, чтобы счастье не застало меня ослабѣвшимъ отъ невзгодъ или убитымъ ими. Если же невзгоды и не пройдутъ, думалось мнѣ, а смѣнятся еще большими несчастіями, то и въ этомъ случаѣ нужно переносить хладнокровнѣе настоящее горе, чтобы не погубить своихъ силъ, необходимыхъ для борьбы съ болѣе грозными ужасами будущаго. Всѣ враждебныя выходки людей, всѣ грязныя сплетни перестали задѣвать меня за живое и я твердо вѣрилъ, что сегодняшніе враги придутъ завтра ко мнѣ же за помощью, за совѣтомъ или просто будутъ краснѣть передо мной, видя, что я не отвѣчаю на ихъ мелкія, злобныя клеветы и иду твердо и спокойно своимъ прямымъ путемъ. И какъ счастливъ былъ я въ эти четыре года, зная, что послѣ мелкихъ дрязгъ на службѣ, послѣ скверныхъ встрѣчъ съ моими сослуживцами, я могу отдохнуть дома и забыть все подъ дружескія рѣчи развивавшагося подъ моимъ вліяніемъ мальчика. Какъ заботливо, съ любовью отца слѣдилъ я за его успѣхами въ лучшую пору его развитія. Никогда въ моей жизни еще не встрѣчалось болѣе чистыхъ и болѣе теплыхъ отношеній, чѣмъ мои отношенія къ Гришѣ. Онъ

Digitized by Google

принадлежалъ къ тому сорту неиспорченныхъ, мягкихъ, человѣчныхъ натуръ, которыя у насъ называются «прямыми душами». Чужое горе было его горе; чужая радость была его радость. Онъ со слезами разсказывалъ о чужихъ несчастіяхъ, онъ спѣшилъ первый передать вѣсть о чужой радости; иногда онъ даже досадовалъ и печалился, если ему не удавалось сдѣлаться первымъ вѣстникомъ чужого счастія, точно это обстоятельство должно было доказать недостатокъ его симпатіи къ ближнимъ. Въ четыре года мы привыкли радоваться однѣми радостями, тосковать одною тоскою. Помню я, какъ радостно бѣжалъ онъ ко мнѣ, когда я возвращался изъ канцеляріи губернатора, и кричалъ мнѣ:

— Письма пришли изъ Петербурга, Владиміръ Михайловичъ! И дядюшка, и Марья Васильевна, и Макаровъ, и Лесвъ пишутъ.

Онъ зналъ ихъ всѣхъ, зналъ ихъ почерки. Мы садились вмѣстѣ послѣ обѣда и читали эти письма вслухъ, точно ихъ писали не мнѣ одному, а и ему. Да и точно ихъ писали и къ нему: его уже любили мои друзья. Ярко возстаетъ въ моей памяти одинъ день, — это было черезъ четыре года послѣ моего пріѣзда въ провинцію,—когда я получилъ письмо отъ дяди, гдѣ старикъ писалъ мнѣ: «Да благословитъ Богъ твоего добраго друга Гришу за то, что онъ хранитъ твою жизнь. Это, Володюшка, ангелъ-хранитель, посланный тебѣ Богомъ. Всегда я говорилъ тебѣ, что никакая людская злоба не погубитъ насъ, если мы правы передъ Всевышнимъ. Люди могутъ запереть насъ въ темницу, могутъ приставить къ намъ стражу, могутъ отнять у насъ все дорогое нашему сердцу,—а Онъ пошлетъ намъ своего ангела и тотъ раздѣлитъ наше одиночество. Только мы сами своими дурными дѣлами и своею злобою можемъ лишить себя этого счастія. Береги же своего друга и не лишай себя счастія. Будь для него тѣмъ, чѣмъ я былъ для тебя». Когда я читалъ это мѣсто, я услыхалъ, что Гриша плачетъ; я обернулся къ нему, онъ горячо меня обнялъ и поднесъ мою руку къ своимъ губамъ. Я не отнималъ руки, я не говорилъ ему, что не слѣдуетъ цѣловать моихъ рукъ; въ этомъ поцѣлуѣ не было слѣдовъ холопскихъ отношеній слуги къ барину, это было простое выраженіе той горячей, безпредѣльной любви, которая связывала насъ. Я зналъ, что, можетъ быть, будетъ минута, когда и

Digitized by Google

я невольно поцѣлую его руку, какъ цѣловалъ я иногда руку моего дяди. Оставивъ письма, недочитывая ихъ, мы сидѣли, обнявъ другъ друга, и бесѣдовали о будущемъ. Какой широкій міръ открывался передъ Гришей, какъ онъ надѣялся поступить въ академію, сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ, идти рука объ руку со мной! Какъ увлекали меня его юныя мечты, и снова мнѣ казалось, что я и силенъ, и твердъ, и что по мнѣ не проѣхало тяжелое колесо всесокрушающихъ обстоятельствъ.

— Владиміръ Михайловичъ, очнулся Гриша отъ своихъ мечтаній,—тутъ вѣдь есть еще письмо отъ Бубнова.

— Ну прочтемъ, сказалъ я.—Что-то онъ пишетъ?

«Переѣзжайте въ свою деревню», писалось въ первой строчкѣ письма.....

— Не читайте, не читайте дальше! крикнулъ Гриша, вырывая у меня изъ рукъ письмо.—Дальше пойдутъ наставленія. Чортъ съ ними!

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, онъ прыгалъ, какъ ребенокъ, онъ обнималъ меня.

— Въ Петербургъ, въ Петербургъ мы ѣдемъ! кричалъ онъ.— Деревня только станція! Сегодня у насъ праздникъ, говорилъ онъ, и началъ зажигать свѣчи. — Иллюминацію! иллюминацію! Пусть всѣ черти знаютъ, что у насъ праздникъ!

Я смѣялся его юношеской выходкѣ и послалъ пригласить къ себѣ нашихъ знакомыхъ учителей гимназіи. Мы достали нѣсколько бутылокъ краснаго вина и устроили импровизированный пиръ. Мои пріятели радовались объявленной мною новости, хотя и говорили, что они привыкли ко мнѣ и не радуются за себя.

— Ну, Гриша, чокнемся за исполненіе твоихъ мечтаній объ академіи, промолвилъ я, наливая стаканы.—Да выпьемъ кстати на *ты*.

Гриша чокнулся со мною.

— Ура, крикнулъ онъ.

Я засмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ. Я былъ взволнованъ и счастливъ, мнѣ казалось, что дѣйствительно деревня будетъ для меня только одною изъ станцій. Вечеръ пролетѣлъ быстро и когда пришлось расходиться гостямъ, то мы увидали, что одинъ изъ гостей долженъ былъ непремѣнно остаться

Digitized by Google

у насъ ночевать, такъ какъ онъ уже спалъ самымъ крѣпчайшимъ сномъ праведника, свернувшись на диванѣ въ клубокъ.

Черезъ нѣсколько дней я уѣзжалъ изъ губернскаго города въ свою деревню. Гриша оставался на время въ городѣ и долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ на лѣто въ деревню, когда я дамъ ему знать, что я устроился въ своемъ новомъ гнѣздѣ. И вотъ я подъѣзжалъ къ этому гнѣзду. Я сталъ всматриваться въ нашъ деревенскій домъ: это было мѣсто, гдѣ мнѣ приходилось прожить, можетъ быть, долгіе годы. Домъ походилъ на какую-то груду всевозможныхъ архитектуръ, на какой-то памятникъ капризовъ и прихотей нѣсколькихъ поколѣній, нѣсколькихъ владѣльцевъ. Проѣхавъ по заросшему травой двору къ подъѣзду и выскочивъ изъ повозки, я услыхалъ такіе звуки, какъ будто кто-то чихалъ въ платокъ и въ тоже время у моихъ ногъ завертѣлось что-то живое.

— Ишь, старая, туда же «ахаетъ» и кусаться лѣзетъ, засмѣялся ямщикъ и указалъ кнутовищемъ на старую вахластую собаку, возившуюся у моихъ ногъ. Она, повидимому, хотѣла полаять и укусить меня, но у нея, вслѣдствіе ея преклонныхъ и почтенныхъ лѣтъ, не выходило ни того, ни другого.

На встрѣчу намъ вышелъ безъ шапки старикъ съ кривымъ глазомъ и заспанная женщина. Они, узнавъ, кто я, всполошились, хотѣли дать знать старостѣ о моемъ пріѣздѣ, потомъ, услышавъ отъ меня, что покуда это ненужно, кое-какъ съ помощью ямщика вытащили мои чемоданы и повели меня въ комнаты,—оттуда вѣяло сыростью и гнилью.

— Въ кабинетѣ будете, батюшка, спать, али въ прадѣдушкиной опочивальнѣ? спросилъ меня старикъ, останавливаясь съ чемоданомъ въ пустыхъ сѣняхъ.

— Покажи кабинетъ, отвѣтилъ я.

— А то еще есть и спальня вашей бабушки. Покойница—царство ей небесное—жила тамъ, когда еще въ дѣвицахъ была, неторопливо шамкалъ старикъ, не трогаясь съ мѣста.

— Нѣтъ, лучше въ кабинетъ...

— Слушаю-съ.

Старикъ сдѣлалъ шагъ и снова остановился.

— Есть еще у насъ для гостей комнаты, такъ въ нихъ неугодно ли заглянуть, произнесъ онъ по прежнему неторопли-

Digitized by Google

во.—Только тамъ течь теперь, потому что потолки худы стали.

Я начиналъ терять терпѣніе.

— Да лучше проведи вонъ барина въ комнату, гдѣ останавливался старый баринъ, вмѣшалась въ разговоръ женщина.—Тамъ все и прибрано.

— Ну вотъ и веди меня въ нее, сказалъ я старику.

Положивъ въ этой комнатѣ свои вещи, я пошелъ осматривать домъ, чтобы сообразить, что можно сдѣлать изъ этихъ развалинъ. Все здѣсь было запущено, вездѣ дуло, вездѣ протекала вода. Не придавая никакой цѣны нашему деревенскому дому, Бубновъ, проживъ здѣсь недѣлю или двѣ, не тронулъ ничего и оставилъ домъ догнивать по прежнему. Болѣе всего поразилъ меня кабинетъ прадѣда. Это была большая, мрачная комната съ большимъ, похожимъ на гробницу, письменнымъ столомъ. Около стола стоялъ кованый сундукъ съ отбитой крышкой. У одной изъ стѣнъ стояла кровать тоже въ сосѣдствѣ съ другимъ сундукомъ. Надъ кроватью висѣли бычачьи и оленьи рога и пучокъ прутьевъ, покрытыхъ пылью. Большая часть стульевъ и столовъ были загромождены камнями и кирпичами. На окнахъ тоже лежали камни и сухіе пучки прутьевъ. Пыль лежала на всемъ.

— Зачѣмъ здѣсь камни? спросилъ я у старика.

— Прадѣдушка это вашъ, Акимъ Акимычъ, любилъ ихъ, покойникъ, отвѣтилъ старикъ.—Пойдутъ бывало гулять, захватятъ на дорогѣ камень и тащатъ его подъ полой. Иногда устанутъ они, сядутъ, либо подзовутъ встрѣчнаго мужика, — на, говорятъ, неси ко мнѣ! Травы тоже любили. Много про нихъ наши старики разсказывали...

Я осмотрѣлся, на одной изъ стѣнъ мнѣ бросилась въ глаза крупная, стариннымъ почеркомъ сдѣланная, надпись. Я подошелъ къ ней и сталъ читать:

Вотъ ѣдетъ тарантасъ—
Четыре желтыхъ колеса,
Въ немъ сидитъ Сашка дурандасъ,
Всей губерни краса.

— Кто это писалъ? спросилъ я у старика.

— Акимъ Акимычъ, батюшка. Это они такой стихъ сложи-

Digitized by Google

ли про своего сынка Александра Акимовича. Былъ онъ у насъ, старики говорили, гулящій такой. Прадѣдушка его и наслѣдства рѣшить хотѣли, своимъ сыномъ не признавали, только онъ прежде ихъ душеньку свою Богу отдалъ... Изъ-за него они и съ покойницей вашей прабабушкой, Марьей Антоновной, ссору имѣли и до самой до ея смерти не говорили съ ней. Бывало въ комнатѣ встрѣтятся, такъ сейчасъ же спинками другъ къ другу повернутся и пойдутъ въ разныя стороны... Какъ умерла наша матушка-барыня, такъ Акимъ Акимычъ и на панафиды не выходили и въ церковь не пошли. Только какъ въ могилку гробъ это опускать стали, увидалъ народъ, что бѣжатъ Акимъ Акимычъ безъ шапки, волоса треплются, брови наморщены, словно туча—и подбѣжали они къ могилѣ, схватили комокъ земли и шваркнули его въ крышку,—потомъ снова тѣмъ же путемъ и домой убѣжали... Не долго жили послѣ того... А ужь и тиранили же они Александра Акимовича, это, сказывали люди, утащатъ его за волосы въ кабинетъ, запрутся и тѣшатъ тамъ свою душеньку. Бывало барыня-матушка ползаетъ, ползаетъ у дверей, а они только пуще свирѣпѣютъ... Вотъ и арапникъ, чѣмъ Александра Акимовича стегали...

Я взглянулъ на стѣну, куда указалъ старикъ,—тамъ висѣлъ арапникъ съ оббитымъ концомъ, задернутый паутиной.

— Отчего же не убрали этого хлама? спросилъ я.

— Да сюда, батюшка-баринъ, никто и не заглядывалъ, какъ померъ вашъ прадѣдушка, отвѣчалъ старикъ,—всѣ словно отъ чумы убѣжали... Мы вотъ со старухой здѣсь только и живемъ. Пріѣзжалъ вотъ сюда баринъ Григорій Даниловичъ, такъ онъ взялъ себѣ одну комнату да и не заглянулъ, поди, въ другіе-то покои. Оно и то сказать, домъ-то только на мусоръ годится.

Я осмотрѣлся и увидалъ, что стѣны кабинета были исписаны гдѣ углемъ, гдѣ мѣломъ, гдѣ карандашомъ или чернилами. Нѣкоторыя надписи были затянуты, какъ траурнымъ крепомъ, паутиною, нѣкоторыя были почти стерты благодѣтельнымъ, всепримиряющимъ временемъ. Среди этихъ надписей встрѣчались очень энергичныя строки, такъ однѣ изъ нихъ гласили:

Digitized by Google

Еслибъ чортъ тебя къ себѣ взялъ,
Я бы и охъ! никогда не сказалъ,—
Только видно ни Богу, ни чорту
Не нужно срамцевъ этого сорту.

Но тяжелѣе всего подѣйствовала на меня слѣдующая эпитафія:

Теперь я напастей не трушу,
Воровъ и разбойниковъ не боюсь,
Пью, ѣмъ и веселюсь,—
Сашка, наконецъ, чорту отдалъ душу.

Эта ненависть полупомѣшаннаго старика къ сыну, несмолкнувшая даже передъ гробомъ послѣдняго, какъ-то скверно подѣйствовала на меня. Я вышелъ изъ кабинета и велѣлъ убрать въ немъ весь хламъ. Проходя по залѣ, я невольно остановился передъ нашими фамильными портретами, особенно поразили меня два портрета: одинъ изображалъ старика съ всклокоченными сѣдыми волосами, съ проницательными, почти безумными глазами, устремленными куда-то вдаль, съ морщинистымъ лбомъ и тонкими губами; другой—представлялъ младенца, похожаго на херувима съ вьющимися свѣтлыми волосами, съ полными алыми губками, полуоткрытыми какъ бы для поцѣлуя. Оба портрета наводили ужасъ: старикъ пугалъ своими безумными, вперившимися въ зрителя глазами, младенецъ пугалъ отсутствіемъ глазъ—глаза на портретѣ были выколоты и все лицо было исполосовано черными чертами.

— Это Александра Акимовича потретъ, объяснялъ старый дворовый.—Акимъ Акимычъ и глазки ему выкололи и замазали его...

Я поспѣшно вышелъ изъ залы и велѣлъ вынести эти портреты. Я хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды давно прекращеннаго смертью семейнаго раздора, слѣды одной изъ страшныхъ повѣстей о сошедшемъ съ ума отцѣ и его загубленномъ сынѣ. Осмотрѣвъ всѣ комнаты, я думалъ поселиться въ столовой, залѣ и гостиной, изъ которой шла лѣстница въ садъ. Мнѣ нужно было перенести мебель изъ другихъ комнатъ и пересмотрѣть всѣ вещи. Я рѣшился очистить домъ отъ всего, что

Digitized by Google

напоминало прошлую жизнь, съ которой я не имѣлъ ничего общаго, но которая тѣмъ не менѣе давила меня. Такъ выброшенные на берегъ люди вступаютъ въ борьбу съ туземными обычаями, спѣшатъ устроить по своему свой уголъ и уничтожить старыхъ кумировъ.

Усталый, я легъ спать. Всю ночь, подъ вліяніемъ разсказовъ стараго слуги, мнѣ снилась жизнь, когда-то шедшая въ этомъ домѣ, раздоры, передававшіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ богатствомъ, нажитымъ правдою и неправдою, своимъ упорнымъ трудомъ и кровью ближняго. Передо мной сумрачно проходила фигура прадѣда, сѣдого старика съ всклокоченными волосами, съ остановившимся дикимъ взглядомъ. Мнѣ грезился его сынъ, этотъ погибшій Саша, заплатившій жизнью за какую-то ошибку своей матери, и черныя полосы, видѣнныя мною на его портретѣ, казались мнѣ рубцами запекшейся на его юныхъ щекахъ крови. Мнѣ слышалось, какъ плакалъ, какъ стоналъ этотъ младенецъ, когда его билъ отецъ, запершись въ своемъ кабинетѣ. Но вотъ отъ дверей этого кабинета до меня донеслись еще какія-то слабыя мольбы. Это моя прабабушка умоляетъ своего мужа пощадить *ея* сына. Ее никто не слушаетъ, она тщетно ползаетъ за кабинетными дверями, тщетно ломаетъ свои руки. Наконецъ эти вопли утихаютъ и я вижу эту женщину безмолвно идущею по комнатамъ съ гордо поднятой головой, она встрѣчаетъ старика съ всклокоченными волосами и, отворачиваясь отъ него, безмолвно идетъ въ другую сторону; онъ топаетъ ногой и тоже поворачивается къ ней спиной. Она похожа на мученицу, сознавшую всю подлость своего палача, всю безплодность своихъ слезъ и холодно рѣшившуюся переносить все молча, съ достоинствомъ правоты или, лучше сказать, съ достоинствомъ грѣшницы, давно искупившей страданіями свой минутный грѣхъ. Эти люди, живущіе подъ одной кровлей, соединенные неразрывными узами брака, далеки другъ отъ друга, какъ жители двухъ противоположныхъ полюсовъ. Ихъ жизнь бросаетъ въ дрожь, еще страшнѣе дѣйствуетъ ихъ смерть. Я съ ужасомъ видѣлъ во снѣ, какъ угасала эта женщина, брошенная, забытая; я слышалъ, какъ злобно смѣялся старикъ, когда она умерла, какъ онъ бѣжалъ по снѣгу безъ шапки съ развѣвавшимися по вѣтру сѣ-

Digitized by Google

дыми волосами, какъ онъ враждебно бросилъ въ крышу ея гроба мерзлый комокъ земли; этотъ глухой звукъ, этотъ послѣдній ударъ, нанесенный если не ей самой, то ея гробу, пробудилъ меня. На моемъ лицѣ былъ холодный потъ, а въ окно уже свѣтило ясное утро, разгонявшее страшныя грезы о прошломъ.

Я принялся за устройство своего гнѣзда. Трудно было сдѣлать что нибудь порядочное изъ этихъ развалинъ. Собравъ на подмогу нѣсколько человѣкъ изъ деревни, я распоряжался на счетъ очистки дома. Мытье половъ, перемѣщеніе портретовъ и мебели по разнымъ комнатамъ, переборка разнаго хлама, шумъ и гамъ заняли почти цѣлый день. Казалось, какіе-то новые люди завладѣли жилищемъ отжившаго народа и спѣшили выносить покойниковъ, смывать за ними слѣды крови и праха. Шумъ передвигавшейся мебели, вбиваніе гвоздей, крики мужиковъ и бабъ, неловко бравшихся за дѣло, все это вдругъ оживило мертвое жилище. Я чувствовалъ себя болѣе спокойнымъ и, позавтракавъ, принялся за осмотръ ящиковъ и сундуковъ: я искалъ книгъ, рукописей, разныхъ памятниковъ прошлаго. Всего нашлось по немногу, нашелся даже чей-то чепецъ, украшенный корабликомъ изъ красныхъ и синихъ лентъ. Но лучше всѣхъ другихъ находокъ были найденные мною три портрета, писанные на слоновой кости: это были портреты моей бабки, погибшаго ея брата и капитана. Боже мой, какое прелестное дитя это было, какъ онъ былъ милъ въ неуклюжемъ мундирчикѣ съ бойкими глазенками, съ вихрастыми волосами! Я рѣшилъ, что эти портреты я пошлю въ подарокъ капитану и оставлю себѣ только портретъ погибшаго бѣдняка: его задумчивая, не по лѣтамъ серьезная физіономія и взглядъ изподлобья напоминали мнѣ отчасти меня самого въ дѣтскіе годы. Мнѣ казалось, что я именно такъ глядѣлъ на Бубнова, когда онъ говорилъ мнѣ: «ну, что ты волчонкомъ смотришь?» Странно, я почти любилъ незнакомаго мнѣ родственника или, лучше сказать, я любилъ созданный мною изъ разсказовъ о немъ образъ. Мое гнѣздо устроилось. Если оно не было особенно блестяще, особенно весело, то, во всякомъ случаѣ, мнѣ было здѣсь уютно въ полномъ затишьѣ, на свободѣ. Наша деревня выглядѣла недурно, она находилась на бойкомъ мѣстѣ и мужики не очень бѣдствовали.

Digitized by Google

Я не могъ покуда принести имъ какую нибудь существенную пользу и чувствовалъ необходимость учиться сельскому хозяйству, приглядываться къ быту народа. Воспитанный, подобно большинству современной мнѣ образованной молодежи, въ городѣ, воспитанный на чтеніи иностранныхъ книгъ, я былъ гораздо ближе знакомъ съ какими нибудь англійскими фабричными, чѣмъ съ нашимъ русскимъ мужикомъ. Какъ школьнику, мнѣ приходилось иногда краснѣть за свое незнаніе такихъ вещей, которыя были извѣстны послѣднему деревенскому мальчугану. Я сблизился со старостой, смышленымъ мужикомъ, управлявшимъ нашимъ имѣніемъ; иногда ко мнѣ приходили мужики съ просьбами подождать уплаты оброковъ; порою я заходилъ къ нашему священнику и толковалъ съ нимъ объ ученіи крестьянскихъ дѣтей. Къ концу перваго же мѣсяца для меня опредѣлился характеръ моей будущей дѣятельности въ деревнѣ; я видѣлъ, кромѣ необходимости изученія сельскаго хозяйства, необходимость уменьшить оброки и завести школу. И то и другое я могъ сдѣлать, не спрашивая разрѣшенія Бубнова. Доходы съ имѣнія дѣлились по ровну между мной и Мишелемъ, и потому я могъ уменьшать оброки, на сколько мнѣ было угодно, только бы Мишелю доставлялась его часть доходовъ; открыть школу я могъ безъ большихъ затратъ въ своемъ домѣ или въ домѣ священника. Этотъ планъ заставилъ меня подготовиться къ зимнимъ занятіямъ съ дѣтьми и далъ мнѣ возможность смотрѣть безъ особенной боязни на скучное зимнее одиночество въ деревнѣ. Я не спѣшилъ заводить знакомства съ сосѣдними помѣщиками, зная ихъ съ невыгодной стороны изъ разсказовъ Григорія Даниловича,—это были или надутые господа, пріѣзжавшіе въ деревни изъ Москвы только на лѣто, или заскорузлые помѣщики, похожіе на Собакевичей и Ноздревыхъ. Первые, лѣтніе жители деревни, не особенно манили меня къ себѣ уже и потому, что знакомые мнѣ нужны были собственно для зимы, а не для лѣта, когда не скучно въ деревнѣ и безъ знакомыхъ. Вторые не только не могли манить къ себѣ, но даже заставляли бояться, что они когда нибудь силою ворвутся въ мой домъ. Только одна семья возбуждала мое любопытство—это семья князей Мышкиныхъ, дальнихъ родственниковъ моей матери, стоявшихъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ моему дѣду, помогавшему

Digitized by Google

нмъ и крестившему у нихъ дѣтей. Изъ разсказовъ объ этихъ обѣднѣвшихъ князьяхъ, я заключилъ, что они принадлежатъ къ числу довольно типичныхъ личностей. Довольно сильно хотѣлось мнѣ увидать и дѣда. Слухи о немъ ходили самые странные и противорѣчивые. Бубновъ и дядя представляли мнѣ его какимъ-то звѣремъ и самодуромъ. Староста и мужики не могли найдти достаточно сильныхъ похвалъ для него. По ихъ словамъ, это былъ «простой баринъ», «сердечный человѣкъ», «отецъ крестьянъ», «умная голова». Я слышалъ, что отъ дѣда и исправникъ отступился, и самъ губернаторъ его уважаетъ, что за нимъ крестьяне живутъ, какъ за каменной стѣной. Мнѣ было интересно увидать этого страннаго человѣка и я сильно досадовалъ, что я не могу просто и откровенно сойдтись съ старикомъ, не подвергаясь опасности быть затравленнымъ собаками. Проживъ недѣль шесть въ деревнѣ, я наконецъ собрался къ своимъ родственникамъ, чувствуя, что не ловко откладывать еще дальше этотъ визитъ.

IX.

Домъ князей Мышкиныхъ.

Я вошелъ въ полуразрушенные барскіе покои обѣднѣвшихъ, затерявшихся въ провинціальной глуши, князей Мышкиныхъ, моихъ дальнихъ родственниковъ. На потемнѣвшихъ, мѣстами ободранныхъ стѣнахъ залы красовались портреты княжескихъ предковъ, полопавшіеся и потускнѣвшіе отъ времени, какъ разлагающіеся покойники. Мебель была старинная, ветхая. Меня ввелъ въ залу сѣдой, похожій, по цвѣту лица, на пергаментъ, тощій лакей. На его костлявой, длинной фигурѣ болтался, какъ на вѣшалкѣ, нѣкогда коричневый, теперь песочнаго цвѣта фракъ съ облѣзлыми галунами и покраснѣвшими мѣдными пуговицами, хранившими только мѣстами слѣды позолоты. Покашливая и хрипя, онъ сказалъ, что доложитъ обо мнѣ «его сіятельству» и пошелъ изъ залы, шаркая одеревенѣлыми, несгибающимися ногами. Я остался ждать. Минутъ черезъ пять послышались

Digitized by Google

чьи-то легкіе и торопливые шаги, и въ комнату появился, мелко перебирая на ходу коротенькими ножками, маленькій, сѣденькій и розовенькій старичокъ съ привѣтливой, немного запуганной улыбочкой.

— Марьи Александровны сынка имѣю честь видѣть? Очень радъ, очень радъ! заговорилъ онъ торопливымъ, сладенькимъ голоскомъ и протянулъ мнѣ руку. Это была аристократическая маленькая рука; должно быть, нѣкогда она была мягка, теперь же кожа на ней сморщилась и загрубѣла.

— Слышали, слышали давно, что вы нашу глушь посѣтили, но не имѣли чести васъ видѣть, частилъ старичекъ, не давая мнѣ времени заговорить. — Княгиня говорила: «вѣрно и не вспомнитъ, что здѣсь родные есть». Конечно, въ столицѣ родственныя связи и все такое скоро забывается...

— Я еще ни у кого не былъ, хотѣлъ:..

— А вѣдь мы покойную вашу матушку, какъ дочь любили, перебилъ меня старичокъ, торопливо моргая глазами. — Выходила и замужъ почти изъ нашего дома. Княгиня даже прослезилась, когда узнала, что она умерла. «Боже мой, Боже мой, говорила княгиня, какъ нынче рано умираютъ въ свѣтѣ. Я право рада,—это княгиня-то говорила,—что живу въ деревнѣ, вдали отъ этого шумнаго, убивающаго свѣта»...

Я оставилъ всякую надежду сказать что нибудь. Старичокъ, кажется, и не думалъ замолчать. Онъ говорилъ безъ умолку, какъ всѣ словоохотливые люди, которымъ почему нибудь рѣдко удается найдти слушателей. Наконецъ въ залу снова вошелъ пергаментный лакей и торжественно объявилъ, что ея сіятельство просятъ меня пожаловать на ихъ половину. Половина княгини отдѣлялась отъ «парадной» половины, состоявшей изъ зала и столовой, однимъ коридорчикомъ въ пять шаговъ и состояла изъ кабинета и спальной. Я вошелъ въ сопровожденіи князя въ кабинетъ.

— Закрой, пожалуйста, окно. Здѣсь дуетъ, когда отворяютъ дверь, обратилась къ князю княгиня и потомъ томно перевела на меня свои оловянные глаза.

— Мы васъ давно ждали! едва слышнымъ, утомленнымъ голосомъ проговорила она.

Я объяснилъ причины, почему не могъ быть у нихъ до сихъ

Digitized by Google

поръ. Княгиня, почти закрывъ глаза, полулежала на неловкомъ диванѣ. Это была высокая женщина, худая, сухая, съ мелкими локонами на вискахъ, со стклянкою eau-de-Cologne на столѣ, съ вѣчнымъ tic douloureux.

— А я все больна, слабо произнесла она и замолчала.

Я опять не могъ ничего говорить. Мнѣ было хотѣлось посовѣтовать ей ѣхать за-границу для излеченія, но я во время удержался отъ совѣта, видя ихъ обстановку и считая такой совѣтъ обиднымъ. Мы помолчали, княгиня, кажется, дремала, князь, не шевелясь, съежился на стулѣ и смотрѣлъ съ боязливымъ выраженіемъ въ лицѣ на жену.

— Вы съ княземъ Аполлономъ не видѣлись въ Петербургѣ? спросила княгиня послѣ продолжительнаго молчанія.

Я недоумѣвалъ, кто такой этотъ князь Аполлонъ, но такъ какъ я не зналъ никакихъ князей Аполлоновъ, то и отвѣтилъ отрицательно.

— Онъ въ уланахъ теперь тамъ... Писемъ давно нѣтъ отъ него... Князь, когда онъ писалъ въ послѣдній разъ? обратилась княгиня къ мужу.

Князь вытянулся на стулѣ и отрапортовалъ:

— Въ январѣ. Послѣдніе письмо въ январѣ получили.

— Ахъ, кажется, въ декабрѣ! Ты посмотри. Неужели тебѣ трудно посмотрѣть? Оно тамъ у меня въ портфелѣ между семейными письмами лежитъ.

Князь соскочилъ со стула, иноходью подбѣжалъ къ столу, порылся въ портфелѣ княгини въ отдѣленіи семейной переписки и черезъ минуту, отыскавъ письмо князя Аполлона, началъ съ какимъ-то смущеннымъ видомъ переворачивать во всѣ стороны этотъ листикъ исписанной почтовой бумаги.

— Ахъ, что же ты ничего не говоришь? простонала княгиня.—Вѣроятно я права. Ты вѣчно споришь и только раздражаешь мои нервы.

— Пи... письмо, пробормоталъ князь,—не помѣчено никакимъ мѣсяцемъ.

— Странно, удивилась княгиня.—Посмотри въ моей записной книжкѣ, когда оно получено и помѣть его... Какъ это я забыла его помѣтить?

Князь снова началъ рыться въ записной книжкѣ жены и

Digitized by Google

наконецъ торжественно объявилъ, что письмо было получено въ январѣ.

— Да? А мнѣ казалось въ декабрѣ, понюхала княгиня eau-de-Cologne.—Чему же ты радуешься? Кажется, ошибиться всякій можетъ! Вѣдь у меня ихъ только двое: онъ и Зинаида, обратилась она ко мнѣ.—Я такъ всегда безпокоюсь о немъ и утрирую опасности.

Я понялъ, что князь Аполлонъ ея сынъ.

— Я иногда лежу и все думаю о немъ. Думаю, думаю, гдѣ онъ, что дѣлаетъ, воображаю, какъ онъ, увлеченный свѣтомъ, является на раутахъ, въ театрахъ, въ маскерадахъ. Мнѣ представляется онъ окруженнымъ поклонницами, танцующимъ, смѣющимся... Потомъ разъѣзжаются послѣ бала. Эта страшная русская зима! Мнѣ кажется, что онъ простудился .. Я вижу его больнымъ, вокругъ него доктора... Онъ едва говоритъ... Ахъ, это ужасно!

Княгиня закрыла на минуту оловянные глаза, кажется, уже присутствуя мысленно на похоронахъ сына, и потомъ снова начала нюхать eau-de-Cologne. Я понялъ, что мнѣ не придется говорить втеченіе этого визита, и всталъ.

— Вы уже идете? спросила она.

— Я боюсь васъ безпокоить. Вы, кажется, сегодня чувствуете себя дурно.

— Ахъ, я всегда такая! отвѣтила княгиня.

— Да, да, княгиня всегда такая! пролепеталъ князь и мгновенно стушевался, встрѣтивъ оловянный взглядъ жены. Старичокъ даже покраснѣлъ, несмотря на свои преклонные года.

Услышавъ эти слова, я пересталъ надѣяться встрѣтить что нибудь отрадное въ домѣ моихъ родственниковъ.

— Останьтесь у насъ, посидите у князя... Вы, вѣроятно, курите? заговорила гробовымъ тономъ княгиня.

— О, да!

— Ну вотъ... Нынче всѣ курятъ!.. У него на половинѣ вы можете... На моей половинѣ я не выношу табачнаго запаху при моихъ головныхъ боляхъ.

Я отправился за княземъ на его половину, состоявшую изъ одной комнаты съ драпировкой, за которой стояла его односпальная жалкая кровать.

Digitized by Google

— Пожалуйста, безъ церемоній, садитесь поудобнѣе, разстегнитесь, зачастилъ князь, усаживая меня на жесткій диванъ.— Или вотъ сюда, на кресло сядьте. Это удобное кресло!

Я взглянулъ на кресло, оно дѣйствительно было удобнѣе всей остальной мебели.

— А знаете ли, чье это кресло? таинственно спросилъ князь, говоря въ полголоса и лукаво подмигивая мнѣ.

Я никакъ не могъ угадать.

— Вашего дѣдушки кресло. Да! объяснилъ шопотомъ князь.— Онъ его прислалъ къ намъ. Чудакъ! чудакъ! Не могу я, говоритъ, на вашихъ прокустовыхъ ложахъ сидѣть. Это, говоритъ, въ старину дворянство такую мебель выдумало, чтобы и гости во фронтъ сидѣли и развалиться не могли... А вы уже были у дѣдушки?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какъ же это, какъ же это? зачастилъ князь въ испугѣ и оглянулся на дверь.—Надо же было заѣхать. Какъ же это вы къ намъ къ первымъ? Надо было къ нему. Ну вдругъ...

— Я къ нему и къ послѣднему не поѣду, замѣтилъ я.

— Тс, тс! Что вы, что вы? замахалъ князь руками съ такимъ видомъ, какъ будто за мои слова и мнѣ, и ему могло быть худо.

— Я ѣзжу только къ тѣмъ, гдѣ надѣюсь встрѣтить радушныхъ и добрыхъ знакомыхъ, а не сумасбродовъ, травящихъ людей собаками. Впрочемъ...

Князь уже не слушалъ меня, не говорилъ, а только махалъ руками и озирался на дверь. Въ эту минуту въ другой комнатѣ послышалась тяжелая поступь. Слышно было, какъ подъ чьими-то мощными ногами жалобно скрипѣлъ старый полъ княжескихъ палатъ. Тяжелые шаги и постукиванье палкой приближались къ кабинету. Князь, махая мнѣ руками, выворачивая самымъ неестественнымъ образомъ глаза, ринулся бѣжать къ дверямъ и наткнулся въ нихъ на высокаго, плотнаго старика съ густыми сѣдыми волосами. Эти волосы обрамляли умное и серьезное, немного холодное, не то равнодушное, не то насмѣшливое, обрюзгшее лице. Черные глаза смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей не то недовѣрчиво, не то сердито. Губы

Digitized by Google

немного отвисли въ углахъ рта. На старикѣ былъ долгополый просторный сюртукъ. Широкій воротникъ рубашки былъ откинутъ и измятъ. Несмотря на эту не модную, небрежную одежду, старикъ выглядѣлъ важнымъ бариномъ. Князь доставалъ головой только до подбородка своего гостя.

— Куда это бѣжали, князь? спросилъ звучнымъ и густымъ голосомъ гость.—Бѣда случилась, что-ли?

— Васъ встрѣтить хотѣлъ, засовался князь.

Старикъ сердито пожалъ плечами и только въ эту минуту замѣтилъ меня.

— Владиміръ Михайловичъ, началъ князь, боязливо указывая на меня.

— А! произнесъ старикъ, не дослушавъ моей фамиліи, и съ любопытствомъ взглянулъ на меня.

— Александръ Николаевичъ Серпуховскій, пробормоталъ князь, обращаясь ко мнѣ. Вашъ д... д... д...

Князь запнулся и издалъ какой-то нечеловѣческій звукъ, нѣчто похожее на лихорадочный стукъ зубами. Я сухо поклонился гостю, чувствуя, что мое лицо горитъ, какъ въ огнѣ. Я не ожидалъ этой встрѣчи и не подготовился къ ней. Старикъ сѣлъ на свое кресло и оперся подбородкомъ на палку, поставивъ ее между колѣнъ. Онъ не спускалъ съ меня своего взгляда и я подмѣтилъ въ этомъ взглядѣ насмѣшливое выраженіе. Онъ чувствовалъ всю неловкость моего положенія, такъ какъ онъ зналъ князя, съ которымъ было трудно говорить, и, кажется, сразу понялъ, что я не намѣренъ заговорить съ нимъ самимъ. Я счелъ за лучшее взять фуражку. Но князь бросился ко мнѣ.

— Какъ? что вы? Я васъ не могу отпустить, княгиня будетъ сердиться, заговорилъ онъ, ясно показывая, что въ эту минуту онъ радъ бы отпустить меня, если бы не боялся княгини.—Она васъ представитъ Зинѣ...

Я колебался.

— Или вы, можетъ быть, дали кому нибудь слово быть сегодня, началъ князь.

— Кому же? Я ни съ кѣмъ не знакомъ...

— Развѣ вы еще не ѣздили къ Теплицинымъ?

— Нѣтъ.

— Вѣдь они вамъ тоже родней доводятся.

Digitized by Google

— Отцу доводились родней, а не мнѣ...

— Помилуйте, это все равно.

— Ну нѣтъ, я ихъ даже и не знаю, если же что и слышалъ о нихъ отъ Бубнова, то эти слухи отбили всякую охоту знакомиться.

Старикъ Серпуховскій усмѣхнулся.

— Съ сыновней покорностью держитесь мнѣній отчима и опекуна, замѣтилъ онъ, видимо желая вмѣшаться въ разговоръ.

— Ну не совсѣмъ. Мой отчимъ ими очарованъ, отвѣтилъ я.

— Аа! значитъ во всемъ идете наперекоръ старому поколѣнію, замѣтилъ старикъ.

— И то не угадали: въ отношеніи иныхъ людей я придерживаюсь взгляда моего отчима на нихъ.

— Странно что-то, промолвилъ онъ, пристально всматриваясь въ меня, какъ въ подозрительнаго человѣка.

— Кажется, страннаго ничего нѣтъ, отвѣтилъ я.—Все зависитъ отъ того, кто какъ и почему однихъ хвалитъ, а другихъ бранитъ.

— Меня должно быть вашъ отчимъ хвалилъ, засмѣялся старикъ сердитымъ смѣхомъ.

— Онъ васъ лично не знаетъ, но знаетъ два ваши поступка, за которые, конечно, не сталъ бы васъ хвалить никто, а не только что онъ.

— Значитъ и вы не одобряете меня? насмѣшливо спросилъ старикъ.

— Я вообще не люблю трусовъ, отвѣтилъ я, раздраженный насмѣшливостью старика.

— Что?

— Трусовъ я не люблю, которые отъ людей за собакъ прячутся.

Старикъ сощурилъ глаза и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Минутъ съ десять длилось молчаніе. Потомъ старикъ всталъ и, постукивая палкой, вышелъ изъ кабинета. Князь побѣжалъ за нимъ, но старикъ пробормоталъ ему:

— Я къ Зинѣ пройду! и захлопнулъ дверь передъ самымъ носомъ хозяина. Князь сомлался изъ угла въ уголъ и былъ видимо разстроенъ.

Digitized by Google

— Извините, я, кажется, сдѣлалъ вамъ непріятность, сказалъ я князю.—Я не думалъ встрѣтить здѣсь дѣда.

— Да вѣдь онъ къ намъ почти каждый день заходитъ, чуть не плача пробормоталъ князь. Какъ это вы такъ неосторожно обошлись съ нимъ! А мы-то думали... Княгиня говорила: «мы ихъ примиримъ и тогда намъ...»

Князь вдругъ закусилъ губы и засовался еще болѣе. Онъ, казалось, испугался, что проговорился о чемъ-то такомъ, чего не велѣла ему высказывать княгиня.

— Да, княгиня непремѣнно хотѣла васъ примирить, началъ онъ снова.

— Мы не ссорились съ нимъ, замѣтилъ я.—Мы даже незнакомы другъ съ другомъ. И мнѣ очень досадно, что я встрѣтился съ нимъ.

— Что вы, что вы! Какъ это можно! зачастилъ князь, махая руками.—Онъ такой добрый!

— Добрый? удивился я.

Но князь мнѣ не отвѣтилъ, такъ какъ пергаментный лакей доложилъ объ обѣдѣ. Мы пошли на парадную половину, гдѣ былъ накрытъ столъ на пять персонъ. Я замѣтилъ, что на одномъ приборѣ лежала особенно чистая и, повидимому, довольно новая салфетка, рѣзко отличавшаяся отъ другихъ салфетокъ. Этотъ приборъ, какъ оказалось, былъ предназначенъ для меня. Въ столовую появилась княгиня, за нею шла сморщеная маленькая старушка, съ выбившимися изъ-подъ чепца сѣдыми клочками волнистыхъ волосъ, съ какимъ-то растерявшимся выраженіемъ на лицѣ. Казалось, она напряженно старалась что-то вспомнить, но никакъ не могла сдѣлать этого и точно боялась, что ее распекутъ за эту позабытую мысль. Сморщенныя руки старушки тревожно шарили что-то въ вышитомъ бисеромъ, ветхомъ ридикюлѣ.

— Это наша добрая Полина Францовна, жена покойнаго моего брата, произнесла княгиня Антонида Аркадьевна, обращаясь ко мнѣ.

Я поклонился. Старушка растерялась еще болѣе и, какъ-то смѣшно дѣлая реверансъ, присѣла точно застигнутая врасплохъ курица. Черезъ минуту въ столовую вошелъ дѣдъ и за нимъ появилась молодая дѣвушка съ свѣжимъ, строго правильнымъ

Digitized by Google

лицомъ. Я уже видѣлъ однажды мелькомъ эту красавицу, когда она вихремъ пронеслась передо мною на лошади по большой дорогѣ. Теперь я могъ спокойнѣе разсмотрѣть ее. Высокая, стройная, она поражала при первомъ взглядѣ на нее своею фигурою и своею красотой. Свѣжесть лица, небольшія страстныя губы чуть-чуть открытаго рта, изъ-за которыхъ выглядывали ровные бѣлые зубы, большіе, съ какимъ-то бархатнымъ отливомъ черные глаза, гладко зачесанные черные волосы, обвившіеся двумя пышными косами вокругъ головы, строгость и въ тоже время страстность выраженія лица, все было безукоризненно прекрасно въ этой дѣвушкѣ. Княгиня отрекомендовала меня ей. Это была княжна Зинаида Анатоліевна. Она поклонилась мнѣ какимъ-то величаво снисходительнымъ поклономъ и тутъ же обратилась съ поцѣлуемъ къ своей теткѣ. Старушка опять растерялась и поцѣловала племянницу по ошибкѣ не въ губы, а въ подбородокъ и, какъ бы отъ испуга за свою неловкость, начала усиленно шарить въ ридикюлѣ. Мы всѣ усѣлись за столъ. Дѣдъ не обѣдалъ. Послѣ я узналъ, что онъ обѣдаетъ только у себя дома и постоянно въ двѣнадцать часовъ.

— На долго вы сюда пріѣхали? спросила меня княгиня своимъ умирающимъ голосомъ.

— Не знаю, право. Это будетъ зависѣть не отъ меня, отвѣтилъ я.

Разговоръ какъ-то не клеился. Но я видѣлъ, что княжна Зинаида начала смотрѣть на меня съ особеннымъ любопытствомъ.

— Ахъ, вамъ будетъ здѣсь очень скучно! простонала со вздохомъ княгиня.

— Обживусь! Вѣдь вы же привыкли къ этому затишью и не скучаете, замѣтилъ я.

— Не скучаемъ! вырвалось изъ устъ княжны невольное восклицаніе и въ немъ прозвучала какая-то странная, хватающая за сердце нота—не то злой ироніи, не то отчаянья.

Я обратилъ на нее глаза, она вся поблѣднѣла и ея глаза сдѣлались совсѣмъ темными и матовыми. Я сконфузился, что невольно задѣлъ ея больное мѣсто.

— Да, здѣсь скучно, заныла княгиня.—Но что же дѣлать? Я все больна, князь тоже слабъ, мы не можемъ выѣзжать...

Digitized by Google

Дѣдъ насмѣшливо обратился въ Полинѣ Францовнѣ съ вопросомъ:

— Ну, а вы, Полина Францовна, тоже скучаете?

Старушка испугалась и задрожала, прозвенѣвъ оброненною ею на тарелку вилкою. Она, кажется, уже начинала отдыхать, питая сладкія надежды, что всѣ забыли о ея присутствіи, и теперь не могла не волноваться, увидавъ обманчивость своихъ надеждъ.

— Я... я... забормотала она прерывающимся голосомъ.— Мнѣ тихо здѣсь...

Она говорила нечистымъ русскимъ языкомъ.

— Такъ, такъ, ласково проговорилъ дѣдъ.—Тихо, ну и прекрасно! Чего гнаться за бурями, когда мачты сломаны и руль потерянъ? Тихо—ну и отлично!

Въ звучномъ и мелодическомъ голосѣ дѣда зазвучали грустныя и задушевныя ноты. Полина Францовна, повидимому, была очень рада, что угодила дѣду и съ благодарностью взглянула на него.

— Ахъ, Полина слишкомъ боится шуму! Она ищетъ только одиночества, тишины. Но вѣдь это значитъ заживо похоронить себя, произнесла сантиментально княгиня.

— А между людьми толкаться что толку? спросилъ дѣдъ, хмуря брови.—Одинъ подлецъ, другой дуракъ,—вотъ вамъ и все общество.

— А куда же вы честныхъ и умныхъ отчислили? спросилъ я.

— За штатъ? односложно оборвалъ дѣдъ.

Наступило молчаніе. Дѣдъ видимо не желалъ говорить со мною и обратился снова къ княгинѣ. Но хотя онъ говорилъ и не со мною, я все-таки ясно понялъ, что его слова служили отвѣтомъ мнѣ.

— Дураковъ и подлецовъ видѣть — это еще не особенное счастіе, заговорилъ онъ рѣзко. Честныхъ же, да умныхъ въ нынѣшнемъ обществѣ вы не увидите. Они или бьются съ этимъ обществомъ, или бѣгутъ отъ него. Ну, значитъ, нужны силы, чтобы попасть въ ихъ ряды, чтобы бороться рядомъ съ ними— или нужно бѣжать отъ общества, какъ бѣгутъ они.

Я въ это время началъ кое-какъ завязывать разговоръ съ княжной Зинаидой. Оказалось, что она много читаетъ и лю-

Digitized by Google

битъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, особенно Мцыри послѣдняго. Я спросилъ ее, читала ли она «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго; она сказала, что читала и что это произведеніе очень тяжело на нее подѣйствовало, что она не могла спать втеченіе двухъ ночей и что, наконецъ, «она ненавидитъ это произведеніе». Меня удивило такое заключеніе и я сказалъ ей объ этомъ, прося объясненія.

— Я не люблю, когда и деревенскія женщины воютъ и причитаютъ надъ покойниками, отвѣтила она и перемѣнила разговоръ.

Она говорила сдержанно и холодно, какъ будто ей не хотѣлось быть откровенною. Наконецъ обѣдъ кончился и княгиня томно обратилась къ мужу.

— Князь, покажи Владиміру Михайловичу нашъ садъ.

Князь засуетился и мелкими шажками побѣжалъ со мною въ садъ, взглянувъ молящимъ взглядомъ на дочь. Княжна молча пошла за нами. Въ первой же аллеѣ сада князь началъ уморительно переминаться съ ноги на ногу и поглядывать на дочь.

— Папа, ты вѣдь спать хочешь, проговорила она.

— Ничего, ничего, залепеталъ онъ въ смущеніи и скороговоркой.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, замѣтилъ я.

Князь словно ожилъ.

— Да я, знаете, люблю послѣ обѣда... Привычка... Княгиня садъ нашъ любитъ, всегда проситъ показать его гостямъ послѣ обѣда... Ну а я... знаете, привычка скверная... уснуть люблю... Княгиня этого не знаетъ... Она женщина нервная, подумаетъ, что я отъ нездоровья приваливаюсь... А у меня, ей Богу, это только привычка...

Князь частилъ, словно желая наговориться за все время предстоящаго молчанія во время сна. Княжна какъ-то сострадательно глядѣла на него.

— Такъ ты останешься съ Владиміромъ Михайловичемъ здѣсь? нѣжно обратился онъ къ дочери.—Послѣ велишь меня разбудить, когда пойдете на половину княгини...

— Ступай, ступай! нетерпѣливо проговорила княжна.

Князь нѣжно поцѣловалъ руку дочери и ушелъ. Мы пошли

Digitized by Google

молча по аллеѣ запущеннаго сада, княжна ощипывала листы съ сорванной ею вѣтки.

— Отчего это люди такіе забитые, робкіе? проговорила она чрезъ нѣсколько минутъ какъ бы про себя и вдругъ, словно что-то вспомнивъ, прибавила: Я это говорю о герояхъ Достоевскаго, о немъ самомъ. Отчего его герои забиты и робки, и онъ самъ только причитаетъ надъ ними, какъ безпомощныя крестьянки причитаютъ надъ покойниками?

— Бѣдняки таковы и въ жизни, какъ въ его повѣсти, отвѣтилъ я.

— Да?.. Я не знаю общества, потому и не могу судить. Мнѣ не приходилось встрѣчать бѣдняковъ, кромѣ крестьянъ, какъ-то холодно и почти гордо произнесла она.—Но мнѣ кажется, что не стоитъ описывать бѣдныхъ, если надъ ними можно только причитать, если не находишь средства указать на путь къ ихъ спасенію. Это только нервы раздражаетъ и дѣлаетъ людей слабыми, а на слабость и на нервы и безъ того всѣ жалуются... Что вы со многими здѣсь познакомились? холодно перемѣнила она разговоръ.

— Нѣтъ, я ни у кого не былъ и не думаю быть, отвѣтилъ я.

— Мы тоже ни съ кѣмъ не знакомы...

— Но вѣдь вамъ же приходится встрѣчаться съ сосѣдями хотя въ церкви?

— Мы почти не ѣздимъ въ церковь.

— А я думалъ, что ваша матушка очень набожна...

— Я, право, не знаю, какъ вамъ сказать, можетъ быть, она и набожна, въ раздумьи сказала княжна Зинаида. Но она не ѣздитъ въ церковь, потому что ей тяжело встрѣчаться съ сосѣдями. Она такъ слаба, что ей трудно поддерживать знакомства...

— Но вамъ скучно безъ общества?..

— Съ обществомъ было бы не веселѣе... Я не люблю здѣшняго общества, хотя знаю его только по слухамъ. Я покойнѣе, когда не вижу людей, сижу за книгой, за вышивкой, хожу по саду, катаюсь верхомъ... Правда, про меня говорятъ, что я оригинальничаю, что я изъ гордости не схожусь ни съ кѣмъ, но вѣдь для меня все равно, что говорятъ обо мнѣ. Я могу только одно отвѣтить въ свое оправданіе: никто изъ нихъ не

Digitized by Google

знаетъ меня, значитъ и говоритъ, что услышитъ или самъ выдумаетъ.

Мнѣ начало казаться, что передо мною стоитъ не совсѣмъ дюжинная уѣздная барышня.

— А я съ вами уже видѣлся разъ, замѣтилъ я,—вы катались верхомъ.

— Да, я ѣзжу почти каждый день, замѣтила княжна Зинаида.

— И постоянно безъ провожатыхъ?

— Иногда съ отцомъ, но больше одна.

— О, да вы изъ храбрыхъ.

— Чего же бояться? Когда ѣздитъ отецъ со мною, то съ нимъ скучно. Онъ всегда труситъ.

— Ну онъ уже слабъ ..

— Да онъ не за себя труситъ, а за меня. Онъ самъ очень смѣлый наѣздникъ. Онъ вѣдь изъ кавалеристовъ.

— Вотъ трудно повѣрить! невольно проговорилъ я.

Она нахмурила брови. Ей было видимо непріятно, что я замѣтилъ слабость и трусость ея отца. Я поспѣшилъ поправиться.

— Въ немъ нѣтъ ни капли того непріятнаго ухарства, которымъ отличаются отставные кавалеристы, сказалъ я.

Княжна Зинаида пристально взглянула на меня.

— А вамъ лучше нравятся смиренно улыбающіяся личности? спросила она съ насмѣшливостью въ голосѣ.

— Ну это тоже крайность!

— Крайность и гораздо худшая, чѣмъ ухарство, серьезно замѣтила она.—Не люблю я забитыхъ трусовъ. Я очень рада, что отецъ остается по прежнему смѣлымъ, добавила она.—Я, кажется, презирала бы его, если бы онъ былъ трусомъ. Знаете ли, прошлой зимой мы катались съ нимъ ночью и за нами въ лѣсу погнались два волка. Отецъ только возжами передернулъ и продолжалъ разговаривать и смѣяться, только мелькомъ замѣтивъ мнѣ: «ну вотъ хорошо, хоть съ фонарями доѣдемъ, не такъ темно будетъ». Это онъ волчьи глаза фонарями назвалъ...

Княжна Зинаида смотрѣла такъ же гордо и спокойно, какъ, вѣроятно, смотрѣла она въ ту минуту, когда за ней и ея отцомъ гнались волки. Я невольно залюбовался ея прекраснымъ, немного холоднымъ, немного насмѣшливымъ лицомъ.

— А вотъ и я, вотъ и я, зачастилъ князь, проснувшійся

Digitized by Google

ранѣе срока и отыскавшій насъ.—Ну что нашъ садъ—хорошъ?

— Удивительно хорошъ, но еще больше понравился мнѣ разсказъ о вашей храбрости при нападеніи волковъ, улыбнулся я.

— Ну, что это за храбрость! Вѣдь мнѣ же на моемъ вѣку и медвѣдей, и волковъ не впервые приходилось встрѣчать, скороговоркой промолвилъ князь.

Я улыбнулся и подумалъ: «ну а такую женщину, какъ княгиня, ты вѣрно впервые встрѣтилъ, что такъ боишься ее».

Мы прошли въ комнаты, дѣдъ уже давно ушелъ домой. Княгиня появилась къ намъ и начала убиваться о князѣ Аполлонѣ, рисуя новыя опасности, которымъ, можетъ быть, подвергался теперь князь Аполлонъ. Княжна Зинаида холодно молчала. Князь съежился на стулѣ и, кажется, прислушивался, не дастъ ли ему какого нибудь порученія княгиня. Полина Францовна притаилась въ уголку и, повидимому, опять радовалась, что ее не замѣчаютъ, что о ней забыли. Вечеръ тянулся убійственно скучно, наконецъ у княгини, ко благу человѣчества, начался тикъ и я могъ уѣхать, взявъ слово съ князя, что онъ пріѣдетъ ко мнѣ на охоту. Я ѣхалъ домой и долго размышлялъ обо всемъ этомъ семействѣ. Меня интересовала княжна Зинаида. Думая о ней, я даже позабылъ на время дѣда.

Пріѣхавъ домой я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ Гриши. Онъ привезъ мнѣ письма отъ моихъ старыхъ провинціальныхъ знакомыхъ и надѣялся провести у меня конецъ лѣта. Мы встрѣтились, какъ родные братья, и проболтали до поздней ночи, наконецъ я напомнилъ своему юному другу, что ему не худо и отдохнуть съ дороги. Онъ признался, что онъ таки порядкомъ утомился, и легъ спать въ моемъ кабинетѣ, но черезъ минуту мы уже снова болтали и намъ удалось заснуть только по-утру, когда я упорно отказался отвѣчать неугомонному юношѣ и объявилъ, что я перейду въ другую комнату, если онъ не замолчитъ. Съ пріѣздомъ Гриши мой домъ оживился, Гриша по цѣлымъ днямъ разгуливалъ со мною, осматривая окрестности, отправляясь на рыбную ловлю или на охоту и постоянно находя въ своей памяти новые анекдоты объ оставленномъ мною и имъ городишкѣ.

Дней черезъ пять къ моему дому подъѣхала ветхая, неуклюжая коляска, докладывавшая о себѣ еще издали жалобнымъ

Digitized by Google

дребезжаньемъ; я взглянулъ въ окно и увидалъ привѣтливо и весело кивающую мнѣ головку розовенькаго старичка. Это былъ князь Анатолій Леонидовичъ Мышкинъ. Я поспѣшилъ на крыльцо. Оказалось, что князь былъ не одинъ, съ нимъ сидѣлъ какой-то господинъ лѣтъ сорока, довольно худощавый, загорѣлый, черноволосый, съ неглупымъ и язвительнымъ выраженіемъ лица.

— А я къ вамъ не одинъ, заговорилъ князь, торопливо пожимая мнѣ руки и улыбаясь.—Я привезъ къ вамъ....

— Вашего бывшаго родственника, Андрея Дмитріевича Хомутова, договорилъ съ гримасой незнакомый мнѣ господинъ.

— Отчего же бывшаго, а не настоящаго родственника? спросилъ я съ улыбкой, пожимая его загорѣлую, грубую, но маленькую и красивую руку.

— Да ужь такъ судьбѣ угодно: въ моей жизни все бывшее—и богатство, и дворянское званіе, и родственныя связи.

Я пригласилъ гостей въ свой кабинетъ.

— Надѣюсь, что вы будете, какъ дома, сказалъ я имъ.

Я былъ душевно радъ ихъ пріѣзду и надѣялся развлечься болт вней съ посторонними людьми.

— Ну нѣтъ, князь будетъ здѣсь вѣрно не какъ дома, усмѣхнулся Хомутовъ иронической улыбкой.

— Шутникъ, шутникъ, все шутитъ, пробормоталъ веселымъ тономъ князь и началъ торопливо осматриваться и хвалить мой кабинетъ.

— И какъ это вы устроились, точно здѣсь никогда и не жилъ вашъ прадѣдъ, все такъ уютно, хорошо, говорилъ онъ, ходя по комнатѣ.

Я распорядился на счетъ обѣда и пошелъ показывать своимъ гостямъ свое помѣщеніе. Оно очень понравилось князю. Увидавъ висѣвшій въ залѣ портретъ капитана, моего дяди, князь сталъ распрашивать о старикѣ и передалъ мнѣ нѣсколько новыхъ свѣденій о моемъ прадѣдѣ, о которомъ помнилъ весь уѣздъ. Хомутовъ или не вмѣшивался въ разговоръ или вставлялъ свои язвительныя замѣчанія. Наконецъ Гриша пришелъ сказать, что обѣдъ поданъ. Мы всѣ пошли въ столовую. Князь болталъ безъ умолку, какъ только-что начавшій говорить ребенокъ. Онъ удивился, увидавъ за моимъ столомъ Гришу, и спросилъ меня по-французски, кто это. Я сказалъ, что это

Digitized by Google

одинъ изъ моихъ юныхъ друзей, недавно пріѣхавшій изъ того города, гдѣ я жилъ еще такъ недавно; князь ласково потрепалъ его по плечу и весело принялся за вино. Онъ дѣйствительно былъ не такимъ, какъ дома, поминутно громко смѣялся и острилъ.

— Эй, князь, не пейте, нездорово, замѣтилъ ему Хомутовъ.

— Ну да, толкуйте! Точно я въ первый разъ въ жизни съ виномъ знакомство свожу! засмѣялся князь, осушая рюмку.—Я знаете, дома не пью, обратился онъ ко мнѣ, — хорошее вино пить дорого, дрянь же и держать не стоитъ.

— Ну, а княгиня говоритъ, что вы ради сохраненія здоровья не пьете, продолжалъ подшучивать Хомутовъ.

— Нападаетъ все на княгиню! махнулъ рукой князь.—Это вѣдь два врага, объявилъ онъ мнѣ. — Видѣть другъ друга не могутъ. И какъ только вашъ дѣдушка разсердится на княгиню, такъ тотчасъ же и подошлетъ его къ намъ, — ну у княгини сейчасъ тикъ, глядишь, она два дня на своей половинѣ и обѣдаетъ и чай пьетъ.

— А вамъ всѣ половины показывали у князя? засмѣялся ѣдкимъ смѣхомъ Хомутовъ.

Я сдѣлалъ усиліе, чтобы удержаться отъ улыбки, и отвѣтилъ сквозь зубы:

— Я, кажется, видѣлъ весь домъ.

— Да, это вѣдь интересно: двѣ комнаты — половина княгини, одна комната—половина князя, коморка—половина Полины Францовны, свѣтелка—половина княжны, чуланчикъ и кухонка—службы и людскія половины. Что шагъ ступишь, то въ чужія владѣнія попадешь и можешь подвергнуться преслѣдованію.

— Слабости княгини! пожалъ плечами князь, какъ бы оправдываясь.—А знаете ли вы, кто Андрея Дмитріевича къ вамъ прислалъ?

— Никто меня не присылалъ, недовольнымъ тономъ перебилъ князя Хомутовъ.

— Ну да, ну да, теперь и сердиться начинаетъ, какъ про самого правду хотятъ сказать, засмѣялся князь.

— Какая же это правда? Ну развѣ меня могутъ куда нибудь посылать? Развѣ у меня есть княгиня?—Хомутовъ обра-

Digitized by Google

тился ко мнѣ.—Вы вѣдь не посвящены во всѣ тайны нашей жизни, сказалъ онъ,—и для васъ, вѣроятно, кажутся странными наши отношенія. Дѣло въ томъ, что я и князь, мы живемъ душа въ душу и оба одинаково легко и весело смотримъ на міръ, но у насъ есть одинъ пунктъ, на которомъ расходятся наши убѣжденія, и мы дѣлаемся врагами. Дѣло въ томъ, что князю кажется, будто у всякаго человѣка есть своя княгиня, а я, напротивъ того, утверждаю, что человѣкъ можетъ прожить и безъ княгини. Такъ какъ я въ настоящее время живу у вашего дѣда, то князь и вообразилъ, что это моя княгиня. Но смѣю васъ увѣрить, что вашъ дѣдъ играетъ для меня роль княгини не болѣе, чѣмъ и для васъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, что вы подразумѣваете подъ именемъ княгини, замѣтилъ я.

— Воронье пугало!

Гриша прыснулъ со смѣху. Я не могъ удержаться отъ улыбки. Князь, качая головою, тоже улыбнулся.

— Вы видите, онъ своей княгини и теперь боится, указалъ мнѣ Хомутовъ на князя.

— Ну вотъ глупости, совсѣмъ я ее не боюсь. Но, знаете, объяснялъ князь,—княгиня женщина болѣзненная, у нея тикъ; конечно, я стараюсь не раздражать ее. А бояться ея мнѣ нечего.

Князь, кажется, и теперь трусилъ, что княгиня можетъ узнать его легкомысленныя рѣчи.

— Нѣтъ ужь князь, вы не оправдывайтесь, продолжалъ Хомутовъ.—Княгиня только у васъ у одного и можетъ быть, потому что вы преступникъ и должны быть подъ опекой. Онъ вѣдь, знаете, въ одинъ день все свое состояніе въ карточки спустилъ, обратился ко мнѣ Хомутовъ.—Ну, конечно, княгинѣ это было обидно, она увидала его легкомысліе и взяла его подъ опеку. Съ тѣхъ поръ она и въ деревню переселилась и тикомъ начала страдать.

Князь улыбался черезъ силу и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, а развѣ неправда, что старикъ-то послалъ васъ сюда? началъ онъ дразнить Хомутова.

— Не послалъ, но, кажется, былъ радъ, что я поѣхалъ сю-

Digitized by Google

да, отвѣтилъ Хомутовъ.—А вы когда къ нему собираетесь? обратился онъ ко мнѣ

— Я совсѣмъ не поѣду къ нему, отвѣтилъ я.

— Это почему? Онъ отличный старикъ.

— Ну, отличные люди не станутъ гостей травить собаками, засмѣялся я.

— Подлецовъ-то? воскликнулъ Хомутовъ.—Да я на его мѣстѣ не собаками бы сталъ травить ихъ, а приглашалъ бы ихъ къ себѣ да поролъ бы. Такъ-таки и поролъ бы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. У насъ иногда рѣшительно нельзя поступать иначе съ подлецами. Навязывается къ вамъ любознательный господинъ, вы ему говорите, что не хотите знаться съ любознательными господами, а онъ все-таки лѣзетъ къ вамъ А, братецъ, коли такъ—изволь, приходи ко мнѣ, я тебѣ, покажу, какъ я принимаю вашего брата: штанишки долой и пори! Или женщинамъ вотъ тамъ у васъ въ столицѣ проходу нѣтъ на улицѣ, почему? Потому, что должны женщины, имѣющія братьевъ, мужей или даже просто короткихъ знакомыхъ, приводить непрошенныхъ провожатыхъ на свою квартиру и тутъ тихимъ манеромъ пусть близкіе женщинамъ люди взлупятъ этихъ господчиковъ. Разъ вспорятъ, два вспорятъ—покорнѣйше благодарю, больше провожать не полѣзутъ—себѣ молъ дороже стоитъ.

Хомутовъ говорилъ съ неподражаемо-серьезнымъ видомъ. Гриша опять прыснулъ со смѣху.

— Довольно оригинальныя мѣры! засмѣялся я.

— Да вѣдь и общество-то у насъ довольно оригинальное, замѣтилъ Хомутовъ.—На одномъ концѣ идолопоклонники, незнающіе, что значитъ мыться, что значитъ имѣть постоянный домъ, пожирающіе сырую рыбу и сырое мясо, на другомъ концѣ люди, пользовавшіеся въ прошломъ столѣтіи до злоупотребленія избирательнымъ правомъ, выработавшіе утонченную, чисто французскую цивилизацію, со всѣми ея скверными и хорошими сторонами. Въ одной сторонѣ хлѣбъ гніетъ отъ излишка, на другой сторонѣ ѣдятъ кору отъ голода. У помѣщиковъ въ рукахъ право сѣчь, отдавать въ солдаты, женить насильно, брать въ любовницы бабъ, у крестьянъ даже нѣтъ права жаловаться, если бы изъ нихъ даже жилы тянули...

— Ну, это немного утрировано...

Digitized by Google

— Помилуйте! Статья закона запрещаетъ жаловаться. — Да это что! Есть вещи и похуже, усмѣхнулся Хомутовъ своею нервной улыбкой, болѣе походившей на гримасу, чѣмъ на улыбку.—Я знаю даже и то, что до 1836 г. изъ законнорожденныхъ можно было незаконнорожденнымъ сдѣлаться, вотъ какъ, напримѣръ, я сдѣлался.

— Меня крайне интересуетъ ваша исторія, замѣтилъ я.

— А вотъ я вамъ ее разскажу на досугѣ послѣ обѣда. Князь, вѣроятно вздремнетъ.

— Что вы, что вы! возразилъ князь.

— Не церемоньтесь! Мы потолкуемъ, а вы усните. Возмите съ собою сигару и отдохните.

Подгулявшій князь остался весьма доволенъ моимъ предложеніемъ, чокнулся со мною рюмкой и пошелъ за Гришей въ мой кабинетъ. Я и Хомутовъ прошли въ садъ въ бесѣдку, разлеглись тамъ на диванъ и, прихлебывая кофе, стали толковать. Чрезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединился Гриша, и сказалъ, что князь уже уснулъ.

Разсказъ моего бывшаго родственника.

Я вашъ бывшій родственникъ, началъ говорить Андрей Дмитріевичъ.—Кромѣ того я бывшій богачъ, бывшій владѣлецъ большого имѣнія, бывшій законный сынъ и наслѣдникъ моихъ родителей, однимъ словомъ, бывшій счастливчикъ, котораго прочили, по крайней мѣрѣ, въ директоры какого нибудь департамента, а при счастливомъ случаѣ надѣялись видѣть, можетъ быть, и губернаторомъ. Теперь я незаконнорожденный, жалкій учитель въ сельской школѣ вашего дѣда, бывшій и актеромъ на провинціальномъ театрѣ и половымъ въ трактирѣ, и, какъ видите, я не богатъ. Не думайте, что я пропилъ свое имущество. Нѣтъ-съ, я пилъ и пью иногда и теперь, но началъ я пить только тогда, когда мнѣ въ сущности и пропивать было нечего. Если у васъ будутъ дѣти, желаю, чтобы они не испытали ничего подобнаго тому, что испыталъ я... Мой отецъ доводился родственникомъ вашей матери, онъ былъ богатъ, причудливъ, не умѣлъ ужиться

Digitized by Google

съ родными, не умѣлъ поладить съ начальствомъ, жилъ безъ дѣла, хандрилъ, былъ недоволенъ жизнью и удивлялъ общество своимъ чудачествомъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ его чудачествъ была его женитьба на дочери одного мелкопомѣстнаго дворянина, его сосѣда по имѣнію. Хотя этотъ неровный бракъ и возбудилъ сначала различные толки, но такъ какъ мой отецъ былъ очень богатъ, то его знакомые скоро поняли необходимость оказывать уваженіе моей матери и принять ее въ свой кругъ. Очень ужь хорошо кормили гостей въ нашемъ домѣ! Ей жилось не худо, хотя она иногда и страдала, когда мой отецъ впадалъ въ меланхолію, когда онъ затворялся въ своемъ кабинетѣ отъ всѣхъ людей, называя ихъ холопами и рабами. Гораздо лучше жилось мнѣ. За мной ухаживали всѣ со дня моего рожденья, губернаторъ съ меня на рукахъ носилъ. И не только на рукахъ носилъ, но одинъ разъ до того расчувствовался, что въ лошадки со мной игралъ. Когда я сталъ подростать, то я, знаете, себя чуть не царемъ воображалъ. Гувернеръ, гувернантка, прислуга, знакомые, всѣ только и кричали: «ахъ какой красавчикъ Андрюша! ахъ какъ Андрюша уменъ!» Вѣтеръ, кажется, не смѣлъ на меня пахнуть. Ну ужь и капризенъ же я былъ. Захотѣлось мнѣ разъ, чтобы одинъ чиновникъ на четвереньках по комнатѣ прошелъ, изображая собаку, — настоялъ съ на своемъ, заставилъ чиновника въ собаку превратиться? Этакого-то шалыгана отдали въ Петербургѣ въ одинъ изъ аристократическихъ пансіоновъ, — хотѣли, чтобы я между дѣтьми исправился. Только тутъ мнѣ еще больше было раздолья ломаться надъ людьми. Учителя, гувернеры, директоръ видятъ, что я въ экипажѣ пріѣзжаю на уроки, знаютъ, что мой отецъ богачъ, и все мнѣ спускаютъ. Мальчишки поживляются отъ меня конфектами и деньгами и ходятъ передъ мной на заднихъ лапкахъ. Кто мнѣ изъ дѣтей не нравится, тому житья нѣтъ въ классахъ, всѣ его бьютъ, всѣ къ нему придираются. И ужь какъ же мало я учился, такъ вы и представить себѣ не можете. Шло этакъ время, приближался тринадцатый годъ моей жизни. Отецъ мой въ это время чудилъ на пропалую, пересталъ принимать къ себѣ знакомыхъ, ругалъ общество, ругалъ новое направленіе общественнаго порядка — это было въ 1824 году — и возбудилъ противъ себя многихъ вліятельныхъ лицъ. Можетъ быть, все окончилось бы благопо-

Digitized by Google

лучно: отецъ страдалъ желчью, былъ слабъ и, вѣроятно, скоро бы умеръ. Но судьба удрала съ нами другую штуку. Около этого же времени возвратился изъ-за-границы братъ моего отца, служившій въ военной службѣ во время отечественной войны, раненный въ одномъ изъ сраженій и долго лечившійся или, лучше сказать, долго проматывавшій свои деньги за-границею. Молодецъ явился въ Россію въ вожделѣнномъ здравіи, но голъ, какъ соколъ. Нужно было поправить дѣлишки. Началъ онъ обнюхивать, нѣтъ ли гдѣ падали и разнюхалъ хорошую добычу. Съ моимъ отцемъ онъ былъ въ ссорѣ и постоянно говорилъ, что мой отецъ сумасшедшій. Прежде всѣ только смѣялись, когда дядюшка такъ отзывался о своемъ братѣ, теперь же оскорбленные отцемъ люди поддакивали дядюшкѣ и, можетъ быть, тайно подумывали: «какъ жаль, что имѣніе-то неуживчиваго Дмитрія Петровича Хомутова находится не въ рукахъ милѣйшаго Петра Петровича Хомутова». Отъ толковъ о сумасшествіи моего отца было недалеко до толковъ о его неровномъ бракѣ, какъ самомъ ясномъ доказательствѣ сумасшествія. Покуда въ обществѣ шли толки, нельзя ли моего отца отдать подъ опеку, дядюшка началъ что-то припоминать, началъ наводить какія-то справки и въ одинъ прекрасный день совершенно неожиданно даже для враговъ моего отца началось дѣло «о расторженіи незаконнаго брака отставного ротмистра Дмитрія Петрова Хомутова съ его кумою Анною Ивановой Мытищевой...» Теперь мнѣ самому кажется, что мой отецъ былъ сумасшедшимъ. Ну возможно ли было человѣку съ здравымъ смысломъ надѣяться, что никто и никогда не вспомнитъ, что онъ еще юношею крестилъ кого-то вмѣстѣ съ дѣвочкою, на которой потомъ женился? Будь онъ нищій— а, это другое дѣло, тогда никто и не вспомнилъ бы, что онъ приходился кумомъ своей женѣ, а тутъ дѣло другое! Завязалось дѣло, тянулось оно не долго, отца признали сумасшедшимъ, мать упрятали въ монастырь, а я превратился въ незаконнорожденнаго ребенка... Нашлась только одна добрая душа, которая подобрала меня съ улицы,—это была сестра моей матери, женщина бѣдная, обремененная большимъ семействомъ. Я былъ не такого характера, чтобы ужиться и въ довольствѣ и съ однимъ человѣкомъ, а тутъ и бѣдность и семеро ребятишекъ, которыхъ я билъ на каждомъ шагу. Плохо мнѣ жилось. Тетка

Digitized by Google

наказывала меня за своихъ дѣтей, дѣти вооружались противъ меня всѣ разомъ. Мое нѣжное тѣло было вѣчно покрыто синяками; я былъ вѣчно голоденъ; мнѣ говорили, что меня въ подпаски отдадутъ, въ сѣрый армякъ одѣнутъ. Не подъ силу стало мнѣ выносить эту каторгу, озлобился я окончательно и задумалъ сдѣлать одно дѣльцо. Выбралъ я ночь потемнѣе и поджегъ сарай при домѣ тетки. Притаился я въ постели, готовясь выскочить въ окно, какъ только огонь дойдетъ до моей комнаты. Мое сердце замирало отъ страху. Каждую минуту я готовился вскочить и убѣжать, боясь, что послѣ я не успѣю выскочить въ окно. Но въ то же время меня удерживала отъ побѣга мысль, что тогда меня заподозрятъ въ поджогѣ. У меня зубъ на зубъ не попадалъ, хотя ночь была душная, жаркая. Мнѣ казалось, что ей конца не будетъ, что я вѣчно буду ждать этого проклятаго зарева. Порою мнѣ хотѣлось взглянуть, не погасъ ли огонь, но я боялся встать. Наконецъ, когда я уже начиналъ успокоиваться и думалъ, что пожара не будетъ, что огонь загасъ, на дворѣ раздались пронзительное мычанье нашей коровы и крики нашей работницы: горимъ! горимъ! Какъ страшны эти звуки въ ночную пору, какъ гулко стонутъ они въ затишьѣ! И какъ страшно, когда знаешь, что самъ былъ причиною этого ужаса! Въ минуту всѣ въ домѣ были на ногахъ. Всѣ хватали, что могли, кто тащилъ кочергу, кто несъ старое ведро, а огненные языки поднимались все выше и выше. Небо казалось еще чернѣе, еще глубже надъ этимъ пламенемъ. Надъ домомъ среди дыма показался одинъ изъ нашихъ бѣлыхъ голубей, онъ былъ ярко озаренъ огнемъ и кружился на одномъ мѣстѣ, словно не могъ вырваться на свѣжій воздухъ, — вдругъ онъ перекувырнулся и мгновенно изчезъ въ огнѣ. Я чуть не зарыдалъ. Тетка, работница и дѣти безпомощно стонали, глядя на пожаръ. Меня била лихорадка. Народъ возился около хлѣва.

— Не идетъ! не идетъ! кричалъ какой-то мужикъ и въ отвѣтъ на эти крики изъ хлѣва раздавалось жалобное, протяжное мычанье коровы. Господи, никогда не слыхалъ я болѣе страшныхъ стоновъ, а, кажется, насмотрѣлся я и наслушался людского горя! Я былъ внѣ себя, наконецъ мычанье стало тише, еще жалобнѣе, еще протяжнѣе, скотина стонала, какъ больной че-

Digitized by Google

ловѣкъ, — и въ воздухѣ вдругъ запахло горѣлыми костями и шерстью. Въ этотъ мигъ тетка крикнула:

— Господи, да вѣдь Саньки здѣсь нѣтъ!

Я обернулся и увидалъ, что дѣйствительно между нами не было моего двухлѣтняго двоюроднаго брата. Я стремглавъ бросился въ горящій домъ. Мнѣ хотѣлось, кажется, не брата спасти, а самому сгорѣть. Я бѣжалъ сквозь дымъ и пламя, была минута, когда я не надѣялся болѣе жить: я упалъ, задѣвъ за что-то. Но я быстро вскочилъ, вспомнивъ, что не я одинъ сгорю, что сгоритъ и Санька. Добѣжавъ до комнаты, гдѣ обыкновенно спали дѣти, я выхватилъ изъ люльки ребенка, завернулъ его въ одѣяло и побѣжалъ съ нимъ... Что было послѣ, я не помню... Только черезъ двѣ недѣли я очнулся въ крестьянской избѣ, въ ближайшей деревнѣ, гдѣ насъ пріютили. Тетка радовалась моему пробужденію отъ забытья и называла меня нѣжными именами за спасеніе Саньки. Я не могъ вынести ея благодарности.

— Тетя, это я виноватъ во всемъ, воскликнулъ я.

— Полно, голубчикъ, на все воля Божья, проговорила тетка.—Онъ и милуетъ, онъ и наказуетъ!

Медленно выздоравливалъ я, все мнѣ казалось, что передо мной вьется нашъ бѣлый сгорѣвшій голубь, что подъ ухомъ жалобно протяжно, мычитъ горящая корова. Не могъ я смотрѣть на нищету и горе тетки, и ушелъ отъ нея скитаться по бѣлу свѣту... Это было на пятнадцатомъ году моей жизни. Съ этой поры я былъ и половымъ, и провинціальнымъ актеромъ, и писцомъ въ губернскомъ правленіи и просьбы писалъ мужикамъ, покуда не встрѣтился съ Александромъ Николаевичемъ. Онъ произвелъ меня въ чинъ сельскаго учителя...

Я еще удивлялся страннымъ событіямъ изъ жизни моего родственника, когда явился князь. Онъ былъ розовъ со сна и какъ-то сладко жмурился, глядя на заходившее за деревья сада солнце.

— Хорошо ли уснули, князь? спросилъ я.

— Отлично.

Digitized by Google

— Княгиню во снѣ не видали? спросилъ Хомутовъ.

— Богъ помиловалъ!

Князь былъ веселъ и шутилъ. По предложенію Гриши мы рѣшили идти на берегъ озера ловить рыбу, захвативъ съ собою все нужное для ловли. Насъ сопровождала гурьба ребятишекъ, позванныхъ Гришею и накопавшихъ червей. Трудно сказать, кого болѣе радовало это маленькое partie de plaisir, Гришу ли, любителя рыбной ловли, или князя.

— Эхъ, дамъ бы сюда! подмигнулъ мнѣ князь, усаживаясь на берегу озера и надвигая себѣ на глаза картузъ для защиты отъ солнца.—Плохо, батенька, безъ хозяйки.

— Что же дѣтать, если не удалось еще жениться?

— Надо ошибку исправить, надо! говорилъ князь.

— Ну и женитьба тоже не Богъ знаетъ какая благодать! замѣтилъ Хомутовъ.—Вотъ вы, князь, безъ княгини, ей Богу, лучше.

— Э, что вы все меня въ примѣръ ставите! Я исключенье. Я теперь точно стѣсняюсь при княгинѣ, но вѣдь у нея тикъ. Это дѣло особаго рода.

— Ну, а Полина Францовна счастлива была въ замужествѣ?

— Да, скажите, пожалуйста, что это за странная старушка? спросилъ я, съ невольнымъ любопытствомъ, обращаясь къ князю.

— О, она предобрая! воскликнулъ князь.—Она полька, вышла за брата княгини на шестнадцатомъ году замужъ, уѣхала съ мужемъ въ деревню, а у него тамъ цѣлый крѣпостной сераль былъ. Онъ ее и сталъ заставлять угощать и прислуживать его любовницамъ. Всякій день у него людей пороли, всякій день оргіи были. Онъ на весь уѣздъ безобразничалъ. Пробовала Полина Францовна убѣжать—воротилъ ее по этапу и за наказанье велѣлъ ей стоять каждый день во время обѣда втеченіе трехъ недѣль на колѣняхъ предъ гостями...

Мнѣ стало скверно.

— И ничего ему не сдѣлали? спросилъ я.

— Нѣтъ, разъ накуралесилъ черезъ чуръ, такъ его перевели на житье въ Сибирь. Полина Францовна думала было не ѣхать—переслать ее приказалъ... Потому-то она и выглядитъ такою запуганною. Про нее, знаете, разсказываютъ, что въ былыя времена, ожидая мужа изъ гостей, она заболѣвала лихо-

Digitized by Google

радкой, какъ помѣшанная дѣлалась и только твердила: «охъ, Олексѣй пріѣдетъ, охъ Олексѣй пріѣдетъ!..» Разсказывали тоже, что разъ она ходила по деревнѣ передъ пріѣздомъ мужа и у всѣхъ крестьянъ со слезами спрашивала: «гдѣ наша курица яйцо снесла?» — боялась, что за одно пропавшее яйцо ее или безъ обѣда оставитъ, или велитъ ей при гостяхъ нѣсколько земныхъ поклоновъ положить. А мужъ тысячи въ карты проигрывалъ и на любовницъ тратилъ. И вѣдь, говорятъ, какая гордая, какая красивая была она сначала...

— Да ужь мужъ-то у насъ не воронье пугало! вздохнулъ Хомутовъ.—Тутъ дѣйствительно есть, чего бояться. А что, князь, если бы васъ сослали въ Сибирь, вытребовали ли бы вы княгиню?

Князь только головой покачалъ.

— Все шутитъ!

Я не вмѣшивался въ разговоръ и молчалъ подъ невеселымъ впечатлѣніемъ разсказа. Гриша былъ тоже задумчивъ. Начинало дѣлаться сыро и я былъ радъ случаю возвратиться домой.

День кончился ужиномъ, на слѣдующее утро мы собирались на охоту. Князь былъ хорошій стрѣлокъ. Послѣ охоты мы хорошо пообѣдали, отдохнули и провели вечеръ въ полумракѣ на терассѣ, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ. Князь былъ вполнѣ счастливъ, но тужилъ, что на слѣдующій день нужно ѣхать домой.

— Ну, а когда же вы ко мнѣ? спросилъ меня Хомутовъ.

— Я, право, затрудняюсь. Вы живете съ моимъ дѣдомъ.

— Я живу только на его землѣ, но не въ одномъ домѣ съ нимъ.

— Все равно, я не желалъ бы встрѣчаться съ нимъ, сказалъ я.—Дѣло въ томъ, что старикъ, кажется, не такъ дуренъ, какъ его описывали мнѣ, и я радъ бы сойдтись съ нимъ. Но я поставленъ въ странное положеніе.

Я откровенно разсказалъ Хомутову планы Бубнова.

— Я не желалъ бы, чтобы изъ этихъ плановъ осуществилось хоть что нибудь, окончилъ я.—Я желалъ бы сойдтись съ дѣдомъ только въ томъ случаѣ, если я буду увѣренъ, что между нами никогда не возникнетъ разговоровъ о наслѣдствѣ.

— Да вы чего же это такъ боитесь его наслѣдства? засмѣялся Хомутовъ.

Digitized by Google

— Не наслѣдства я боюсь, а боюсь происковъ изъ-за полученія денегъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы старикъ видѣлъ во мнѣ хорошаго знакомаго, но никакъ не жаднаго родственника, который вертится около него, какъ воронъ около трупа. Наслѣдство мнѣ не нужно уже и потому, что я и своихъ-то крестьянъ хочу освободить, какъ только улажу дѣла съ братомъ.

— Э, такъ вы и на этомъ сойдетесь съ Александромъ Николаевичемъ, онъ тоже все подготовилъ къ освобожденію своихъ крестьянъ, замѣтилъ Хомутовъ.

Онъ добавилъ, что я могу быть покоенъ, что дѣдъ не заподозритъ меня въ дурныхъ намѣреніяхъ, и еще разъ просилъ меня побывать у него. Я обѣщалъ. Мнѣ стало легче послѣ откровеннаго объясненія съ Хомутовымъ. Мои отношенія къ дѣду были мнѣ непріятны. Я слышалъ ото всѣхъ и отчасти видѣлъ самъ, что это былъ человѣкъ не дурной, хотя и оригиналъ. Мнѣ было пріятно сойдтись съ нимъ, но я боялся, что это стремленіе будетъ принято за желаніе сдѣлаться его наслѣдникомъ. Съ другой стороны, мнѣ было такъ же неловко слишкомъ рѣзко отстраняться отъ дѣда, такъ какъ этимъ образомъ дѣйствія я какъ будто исполнялъ ловко придуманную програму Бубнова. Теперь я началъ надѣяться, что дѣдъ узнаетъ всю суть дѣла и отстранится отъ меня, заподозривъ тонкое плутовство и въ самой моей откровенности, или сойдется со мною просто и искренно, понявъ, что я не принадлежу къ числу тонкихъ и своекорыстныхъ плутовъ.

X.

Мой дѣдъ.

Черезъ нѣсколько дней я снова былъ у князя Мышкина. Онъ собирался къ Хомутову и потащилъ меня съ собою. Андрей Дмитріевичъ былъ очень радъ нашему пріѣзду. Онъ жилъ въ небольшомъ чистенькомъ домѣ, гдѣ помѣщалась сельская школа, основанная дѣдомъ. Самъ Хомутовъ исполнялъ здѣсь роль главнаго наставника и училъ дѣтей съ помощью священника и ка

Digitized by Google

кого-то отставного семинариста. Мы не успѣли сказать нѣсколькихъ словъ, какъ въ комнату вошелъ дѣдъ. Онъ поздоровался съ княземъ и подошелъ ко мнѣ.

— Одинъ навязывался съ ножемъ къ горлу, другой бѣжитъ отъ меня, какъ отъ огня, промолвилъ онъ съ насмѣшливой, но въ то же время радушной улыбкой, протягивая мнѣ руку.

— Андрей Дмитріевичъ, вѣроятно, передалъ вамъ, почему я поступалъ такъ, а не иначе, и потому надѣюсь, что вы не станете обвинять меня за мой образъ дѣйствій, отвѣтилъ я, искренно пожимая протянутую мнѣ руку.

— А порядочный негодяй твой отчимъ, проговорилъ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ родственнику, на ты.

Хомутовъ завязалъ общій разговоръ, но дѣдъ почти не вмѣшивался въ наши толки и пристально разглядывалъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ взялъ меня подъ руку и пошелъ со мною въ садъ.

— Пусть ихъ толкуютъ, намъ познакомиться надо, промолвилъ онъ мнѣ, оставляя князя и Хомутова.

Онъ началъ распрашивать меня о матери, о моемъ прошломъ, и внимательно слушалъ меня, то хмурясь, то ругая моего отчима и другихъ лицъ, къ которымъ и я относился скверно. Я узналъ отъ него между прочимъ, что и онъ въ былыя времена совершилъ не по своей волѣ прогулку на Кавказъ, Менѣе чѣмъ черезъ часъ мы перестали стѣсняться между собою и говорили, какъ короткіе знакомые. Хомутовъ, вышедшій къ намъ въ садъ съ княземъ, былъ видимо доволенъ, что мы сошлись. Вечеромъ я сталъ собираться домой, но Андрей Дмитріевичъ просилъ меня переночевать у него.

— У меня хата не велика, а для двоихъ мѣсто найдется, говорилъ онъ.

— Уложи только князя у себя, а Владиміръ переночуетъ у меня, сказалъ дѣдъ.—Я кстати покажу ему портретъ его матери.

Я поблагодарилъ дѣда за приглашеніе и пошелъ за нимъ въ его домъ. Это было отличное, удобное и просторное зданіе. Все здѣсь было приспособлено къ спокойной и удобной жизни на барскую ногу. Прислуги у дѣда было много и вся она была отлично одѣта, крайне вѣжлива и расторопна. Дѣдъ обращался съ нею хорошо и хотя не говорилъ ей *вы*, но и не называлъ

Digitized by Google

ее полуименами, Петьками, Мишками и Васьками. Въ кабинетѣ, гдѣ помѣщалась и библіотека, дѣдъ показалъ мнѣ портретъ моей матери. Я съ грустью смотрѣлъ на эти любимыя мною черты лица. Дѣдъ былъ тоже угрюмъ и не веселъ.

— Ни за грошъ погибла! проговорилъ онъ.

Я промолчалъ. Мнѣ было тяжело. Все прошлое ярко воскресло въ моей памяти и снова тяготило меня.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, она вышла замужъ безъ вашего согласія за моего отца? спросилъ я.

— Не то чтобы безъ согласія, но безъ моего совѣта, отвѣтилъ старикъ.—Я не считалъ никогда себя въ правѣ давать ей согласіе. Но она не посовѣтовалась со мной и вышла замужъ почти тайкомъ, хотя это было совсѣмъ ненужно. Романическій бракъ хотѣлось устроить! Правда, я не любилъ ея мужа; онъ казался мнѣ тѣмъ безхарактернымъ идеалистомъ, которые умираютъ отъ чахотки или попадаютъ подъ башмакъ жены и спиваются съ кругу. Тяжело мнѣ было, что воспитаніе Маши шло не такъ, какъ хотѣлъ я.

— Вы никогда ее не простили?

— Я на'нее не сердился, отвѣтилъ дѣдъ.—Она сама перестала писать ко мнѣ. Не потому перестала, что сердилась на меня, а потому, что намъ не о чемъ было переписываться. Пропасть цѣлая лежала между нами. Мы были чужими другъ для друга.

Дѣдъ хмуро наклонилъ голову на грудь и замолчалъ. Я невольно залюбовался этимъ лицомъ, дышавшимъ силой и энергіей.

— У меня съ тобой больше общаго, хотя мы только второй разъ видимся, промолвилъ дѣдъ черезъ минуту и протянулъ мнѣ руку.

Онъ началъ говорить о необходимости освобожденія крестьянъ, о необходимости образованія для народа. Онъ былъ твердо увѣренъ, что такъ или иначе общество должно будетъ разрѣшить эти насущные вопросы. Рѣчи дѣда были слишкомъ смѣлы и рѣзки, но въ то же время совершенно спокойны. Онъ говорилъ, какъ вполнѣ независимый человѣкъ, сознающій свое достоинство и свое значеніе, безъ мелочнаго раздраженія, безъ затаенной злобы. Мы проговорили до полночи. Какъ мы сошлись — этого я не замѣтилъ. Но, кажется, мы уже оба любили другъ друга. По крайней мѣрѣ я, съ своей сто-

Digitized by Google

роны, съ наслажденіемъ слушалъ рѣчи этого оригинальнаго, полнаго жизни и силы старика, принадлежавшаго къ отжившему типу старыхъ баръ, независимыхъ по состоянію, воспитанныхъ на сочиненіяхъ свободныхъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Онъ былъ изъ числа тѣхъ энергичныхъ и сильныхъ натуръ, которыя отдаются каждому дѣлу, каждому вопросу всецѣло и потому иногда впадаютъ въ крайности. Держаться золотой середины, лавировать онъ не умѣлъ да и не имѣлъ надобности. Отсюда происходило то, что онъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ безапелляціонно изрѣкалъ свои приговоры. Такъ онъ не видѣлъ никакой возможности найдти оправданіе для нѣкоторыхъ личностей, вредившихъ и мѣшавшихъ намъ въ жизни. Такъ онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своихъ отрицаніяхъ и даже утверждалъ, что не онъ одинъ, а всѣ мы инстинктивно отрицаемъ все существующее у насъ, и не сознаемся въ этомъ только по трусости или по глупости. Несмотря на свою крайнюю парадоксальность, его мнѣнія меня заинтересовали, такъ какъ онѣ сложились въ его головѣ самостоятельно и были вызваны долгими наблюденіями.

Дѣдъ между прочимъ спросилъ меня, чѣмъ я занимаюсь, я сказалъ, что пишу и печатаю мелкія статьи въ журналахъ.

— Давно я ничего не читаю новаго, замѣтилъ онъ.

— Старое кажется вамъ лучше новаго?

— Я мало русскихъ книгъ читаю, уклончиво отвѣтилъ онъ.— Есть у меня нѣсколько книжонокъ Руссо, Вольтера, Свифта,— ну а новые французы и англичане жиже ихъ.

— Вы, я думаю, и Грибоѣдова и Гоголя читали...

— Какъ же, какъ же, Грибоѣдова лично зналъ, и знаю, что онъ вывелъ въ комедіи шалопая, который подлецамъ и идіотамъ проповѣди читаетъ, да еще какія! — совѣтуетъ костюмъ европейскій сбросить, облечься въ старое русское платье и въ тоже время нападаетъ на низкопоклонничество, перешедшее къ намъ прямо отъ нашей старой Руси. А Гоголь вашъ взятки каралъ, то есть то, за что и законъ наказываетъ; помѣщиковъ осмѣивалъ за ихъ скупость, невѣжество или идеальничанье, а въ концѣ концовъ договорился до того, что нужно помѣщику быть отцемъ крестьянъ и наказывать ихъ, какъ дѣтей! Ревизора же кончилъ тѣмъ, что благодѣтельное правосудіе накры-

Digitized by Google

ваетъ взяточниковъ. Объ чемъ же и тужить, противъ чего же и возставать, если порокъ не ускользаетъ отъ глазъ правосудія?

— Въ послѣднее время Гоголь пошелъ на ложную дорогу, замѣтилъ я.

— Всегда онъ на ней былъ, сурово и съ пренебреженіемъ проговорилъ старикъ.—Не взятки надо карать, а нужно указывать, почему явилось взяточничество и что его поддерживаетъ...

— Ну это трудно...

. . . . . .

. . . . . .

Я замѣтилъ, что Андрей Дмитріевичъ Хомутовъ высказывалъ мнѣнія, очень схожія съ мнѣніями дѣда.

По утру я всталъ довольно рано и вышелъ на балконъ. Въ воздухѣ вѣяло свѣжестью. Утро было великолѣпное. Садъ дѣда съ просѣкой передъ балкономъ, доходившею до рѣки, былъ тихъ и прекрасенъ. Что-то спокойное и грандіозное было въ этихъ густыхъ и высокихъ выхоленныхъ деревьяхъ, въ этомъ отсутствіи мелкихъ садовыхъ растеній и цвѣтовъ. Лужайка передъ домомъ, далѣе просѣка, заканчивавшаяся рѣкой, все было просто и прекрасно. Вообще дѣдъ не любилъ мелочныхъ украшеній, дешевенькаго блеска и выше всего ставилъ комфортъ и прочность. Каждая вещь, принадлежавшая ему, поражала своею строгою простотой и была приспособлена къ полезному употребленію. Дѣдъ сердито пожималъ плечами, если встрѣчалъ у кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ какую нибудь гипсовую статуетку или вычурную вазу съ искуственными цвѣтами. Ему казалось верхомъ глупости бросанье денегъ на ненужныя украшенія. Въ нарядахъ женщинъ его злили разныя кружева и бантики и онъ серьезно увѣрялъ, что этими внѣшними прикрасами всегда прикрывается тупоумное неряшество... Я сидѣлъ еще на балконѣ, когда вышелъ дѣдъ.

— А ты уже всталъ, сказалъ онъ.

— А вы, кажется, уже давно не спите?

— Я рано встаю, отвѣчалъ онъ.—Лѣтомъ жаль просыпать утро. Мнѣ уже не долго на свѣтъ смотрѣть. Былъ на работѣ, теперь пойду купаться.

— Я тоже охотно бы выкупался.

— Что жь, пойдемъ.

Digitized by Google

Мы отправились вмѣстѣ къ рѣкѣ. На берегу мы застали Хомутова и князя. Князь уже стоялъ по горло въ водѣ и плескался руками. Онъ былъ похожъ на сѣдовласаго, кудряваго ребенка. Хомутовъ обдавалъ его брызгами воды и князь только какъ-то уморительно всхлипывалъ.

— Чортъ съ младенцемъ разыгрался! пробормоталъ дѣдъ вслухъ.

Я не сомнѣваюсь, что младенцемъ дѣдъ считалъ не Хомутова, а князя. Дѣдъ быстро раздѣлся и прямо бросился въ воду. Онъ отлично плавалъ. Онъ отплылъ довольно далеко, потомъ вернулся, проплылъ еще разъ и потомъ вышелъ изъ воды.

— Ну, вы оставайтесь здѣсь полоскаться, промолвилъ онъ,— я пойду распорядиться на счетъ чаю.

Онъ, кажется, и купанье считалъ дѣломъ серьезнымъ и глядѣлъ на насъ, какъ на дѣтей. Съ этого дня я, князь, дѣдъ и Хомутовъ видѣлись очень часто. Чѣмъ больше узнавалъ я дѣда, тѣмъ сильнѣе привязывался я къ нему. Но на меня тяжело дѣйствовали его рѣчи. Эта необычайная суровость, это полное отрицаніе возможности преобразовать людей, вѣчное проповѣдыванье, что надо измѣнять обстоятельства, а люди измѣнятся сами, и въ тоже время сознаніе, что намъ не удается передѣлать обстоятельства, раздражали меня.

— Вотъ княгиня мучаетъ князя, говорилъ онъ.—А пошлю я къ нимъ Хомутова, натравлю ихъ—ну и утихнетъ... тикъ сейчасъ сдѣлается. Вы же все на взяточниковъ нападаете, а не на тѣ обстоятельства, которыя вызываютъ взяточничество. Толкуйте хоть весь вѣкъ, что то или другое скверно — толку не выйдетъ, а измѣни отношенія людей и въ годъ будутъ благіе результаты. Мелко вы плаваете, въ глубину забраться боитесь.

День-ото-дня мнѣ становилось все болѣе и болѣе жутко.

Digitized by Google

XI.

Послѣднія грозы.

Я началъ заниматься въ устроенной мною деревенской школѣ, читалъ книги по политической экономіи и сельскому хозяйству, въ праздники сходился съ своими родными. Иногда выдавались и веселые дни, когда весь нашъ «веселый клубъ», какъ называлъ Хомутовъ наше общество, сходился вмѣстѣ. Въ «веселомъ клубѣ» не малое участіе принимала и княжна Зинаида. Она была весела, остроумна и не отставала отъ насъ ни на охотѣ, ни на рыбной ловлѣ, ни на катаньяхъ. Иногда у дѣда давались оффиціальные обѣды, на которые пріѣзжали аристократы губернскаго города, относившіеся къ дѣду съ уваженіемъ и какъ будто съ боязнію. Онъ держалъ себя съ ними такъ же ровно и спокойно, какъ и въ сношеніяхъ съ нами. Я подмѣтилъ въ немъ одну характерную черту: онъ смотрѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, какъ на юношей, даже къ сорокалѣтнему губернатору онъ относился, какъ къ неопытному молодому человѣку. Но всѣ эти пиры были рѣдки и зимніе вечера будней, когда я кончалъ занятія въ школѣ, когда мнѣ не хотѣлось читать, были для меня тяжелы и невыносимы. Я былъ одинъ. Гриша давно уже уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію. Мучительное ожиданіе того дня, когда я буду въ состояніи переѣхать въ Петербургъ, росло во мнѣ съ каждымъ днемъ. Иногда мнѣ казалось, что я не дождусь этой поры и меня начинало пугать мое будущее—будущее одинокаго холостяка въ деревенской глуши. Все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову мысль о необходимости имѣть около себя близкое любящее существо... Не знаю, долго ли оставались бы эти мечты простыми мечтами, если бы въ моей жизни не случилось одного тяжелаго событія.

Уже давно привыкъ я переписываться съ своими друзьями, разсѣянными по свѣту. Я зналъ почти день за день все, что случалось съ ними. Я зналъ, что Шепелевъ, скверно принятый отцемъ и матерью, выслушавшій наставленія своего дяди вице-губернатора, поступилъ на службу въ провинціи, съ ме-

Digitized by Google

ханической акуратностью исполнялъ свои обязанности, проводилъ вечера за картами, дѣлалъ оффиціальные визиты въ торжественные дни, слылъ за степеннаго и ревностнаго молодого человѣка, за выгоднаго жениха и, повидимому, совершенно примирился съ своею жизнію. Но онъ коротко и сухо писалъ мнѣ о своей жизни и оживлялся въ письмахъ только тогда, когда сообщалъ о своихъ музыкальныхъ успѣхахъ: онъ началъ учиться играть на скрипкѣ. По странному капризу моей фантазіи, эта скрипка казалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ погремушекъ, которыми прекращаютъ плачъ дѣтей. Боль отъ ушиба не прошла, синякъ не уничтоженъ, можетъ быть, ушибленное мѣсто черезъ часъ распухнетъ и потребуетъ медицинскихъ пособій, но ребенокъ на минуту забылъ про боль, онъ смѣется сквозь слезы и его ближніе думаютъ, что они достигли своей цѣли. Это одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которыми люди усыпляютъ и свое и чужое горе, забывая, что обманъ не можетъ уничтожить самое горе. Это что-то похожее на тихое безуміе. Я зналъ, что не лучше утѣшился и Палицынъ. Онъ писалъ мнѣ: «Я только теперь имѣю возможность трезво глядѣть на все пережитое нами. Мы, какъ мальчишки, толковали вкривь и вкось. Но только теперь мнѣ стало вполнѣ ясно, что все это ерунда, что прежде всего надо узнать нашъ народъ, котораго мы не знаемъ и которому не по плечу всѣ эти прелести, выработанныя гнилой европейской сивилизаціей. Меня здѣсь охватило русскимъ духомъ. Въ нашихъ палестинахъ живутъ пять, шесть помѣщиковъ, понимающихъ, лучше всѣхъ вашихъ профессоровъ, русскаго мужика и его потребности. Я сошелся съ ними и думаю при первой возможности идти куда нибудь въ путь съ обозомъ для изученія русскаго народа. Покуда мнѣ удалось быть только на нѣсколькихъ сходкахъ да потолкаться по кабакамъ. Мое сивильное платье, конечно, брошено къ дьяволу и я по просту хожу въ родномъ зипунѣ».

Потомъ я узналъ, что Палицынъ дѣйствительно ушелъ съ обозомъ, что онъ гордился своимъ полнымъ «обмужиченьемъ». «Теперь, братъ, меня ни по одеждѣ, ни по говору, ни по фигурѣ не отличишь отъ мужика, писалъ онъ». Черезъ нѣсколько времени до меня дошли слухи, что онъ собираетъ пѣсни и ходитъ съ коробомъ по Россіи, записывая сцены изъ

Digitized by Google

народной жизни. Ему суждено было скоро выступить на литературное поприще съ этими очерками изъ народной жизни. Очерки были фотографически вѣрны дѣйствительности, но Палицынъ воздерживался отъ всякихъ «западническихъ теорій» и въ сущности вносилъ въ литературу только сырой матеріялъ. Впрочемъ, слава Богу, что онъ ограничился только этою ролью, такъ какъ мнѣнія его стали дѣлаться все болѣе и болѣе странными, онъ сталъ примыкать по убѣжденіямъ къ тѣмъ людямъ, которые считали Россію шестой частью свѣта и ждали, когда можно будетъ отслужить панихиду за упокой души догнившаго Запада. Но, несмотря на внѣшнее разнообразіе своей жизни, несмотря на живое отношеніе къ своему дѣлу, Палицынъ томился какимъ-то невысказаннымъ, несознаннымъ недовольствомъ и пилъ. Гораздо искреннѣе, гораздо ярче высказывалось гнетущее состояніе духа Макарова. Этотъ человѣкъ не обманывалъ себя ни погремушками, ни односторонними взглядами. Онъ просто понялъ весь ужасъ своего безъисходнаго положенія и не вошелъ въ сдѣлку съ дѣйствительностью. Марья Васильевна писала мнѣ, что онъ переѣхалъ отъ нея и заходитъ къ ней только изрѣдка. Это меня удивляло, но письмо самого Макарова объяснило мнѣ все: «Я живу одинъ: тяжело мнѣ стало у Марьи Васильевны. У нея все такъ розово, все такъ уютно, мирно, что мнѣ стало гадко. Она, ея ученицы, твой дядя, всѣ они пристроились, всѣ, какъ будто въ раю, довольны своимъ угломъ и, кажется, не чуютъ, не хотятъ понять, что все ихъ счастье создано на пескѣ. Впрочемъ нѣтъ, ихъ счастье существуетъ какъ-то въ сторонѣ отъ бурь и вѣтровъ. Я почувствовалъ, что не могу жить въ этомъ раю. У меня являются вопросы: отчего не всѣ пользуются этимъ счастьемъ, что мѣшаетъ этому, гдѣ исходъ? Мое присутствіе здѣсь могло нарушить и ея миръ.»

. . . . . .

. . . . . .

Съ каждымъ разомъ письма Макарова дѣлались короче и мрачнѣе. Наконецъ онъ написалъ мнѣ: «Это мое послѣднее письмо къ тебѣ. У меня нѣтъ болѣе силъ для жизни». Я встревожился, получивъ эту записку и тотчасъ же написалъ письмо своему несчастному другу. Отвѣта не получилось. Для меня прошелъ мучительный мѣсяцъ въ ожиданіи этого отвѣта. Наконецъ, почта

Digitized by Google

принесла мнѣ груду писемъ. Я дрожащею рукою распечаталъ одно изъ писемъ—оно было отъ Марьи Васильевны... «Не знаю, хорошо ли я дѣлаю, что пишу вамъ обо всемъ откровенно, писала она. Но лучше горькая правда, чѣмъ сладкій обманъ...» Я пробѣжалъ глазами еще нѣсколько строкъ осторожнаго вступленія и мой взоръ приковался къ одной большой буквѣ М. Я видѣлъ, что этою буквою начиналась знакомая мнѣ фамилія и не могъ оторваться отъ нея, я предчувствовалъ, я зналъ впередъ все, что прочту далѣе. «Макаровъ застрѣлился». Я читалъ и перечитывалъ эти два слова и не понималъ, что я читаю. Мои глаза были сухи, мое сердце почти не билось, я словно замеръ. Я ходилъ по комнатѣ, ни о чемъ не думая, я брался нѣсколько разъ за голову, словно стараясь вспомнить о чемъ-то, потомъ я снова читалъ письмо, читалъ подробности смерти Макарова, читалъ, что онъ и застрѣлился-то неудачно, что онъ жилъ и мучился еще три часа послѣ выстрѣла,—и снова я ходилъ по комнатѣ, снова не понималъ ничего.

— Что же это я съ ума схожу, что-ли? мелькнула въ моей головѣ мысль.

Я быстро одѣлся, схватилъ фуражку и вышелъ изъ дому. Куда и зачѣмъ я шелъ—я не зналъ, не помнилъ. Съ часъ бродилъ я по большой дорогѣ, погруженный въ какія-то безотчетныя думы, наконецъ, усталый, продрогшій, я вернулся домой. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было письмо Марьи Васильевны, валявшееся на полу. Взглянувъ на него, я какъ бы очнулся и расплакался, какъ ребенокъ... Мы часто негодуемъ на друзей и на близкихъ людей, когда они стараются насъ утѣшить въ горѣ. Но если бы вы знали, какъ страшно испытывать горе и знать, что кругомъ васъ нѣтъ даже человѣка, который могъ бы не только-что успокоить васъ своею заботливостью, но даже просто разсердить, раздражить васъ непрошеннымъ и неловкимъ участіемъ. Въ такія минуты начинаешь понимать, что люди, со всѣми ихъ ошибками, со всѣми ихъ пороками, нужнѣе для насъ, чѣмъ небо, чѣмъ солнце, чѣмъ воздухъ. Безъ воздуха, безъ солнца вы умрете, безъ людей вы сдѣлаетесь самоубійцей или сойдете съ ума.

— Куда нибудь, хоть къ исправнику, хоть къ становому, но только въ общество людей, только вонъ изъ этого одиноч-

Digitized by Google

наго заключенія! говорилъ я на другой день, сжимая свою горячую голову.

XI.

Непоправимая ошибка.

Это письмо было для меня громовымъ ударомъ, при которомъ обыкновенно крестится русскій человѣкъ. До сихъ поръ я просто скучалъ, сердился на одиночество, сѣтовалъ на то, что мои связи и надежды оборвались, но все-таки мнѣ казалось, что гроза прошла и что понемногу намъ удастся отдохнуть. Теперь внезапно дошла до меня вѣсть, что гроза прошибла одного изъ нашихъ, явилась боязнь, что я самъ могу дойдти до подобнаго отчаянія. Чѣмъ больше я думалъ о своемъ положеніи, тѣмъ страшнѣе становилось мнѣ за свое будущее; я чувствовалъ, что я пріѣду въ Петербургъ, какъ чужой, что мнѣ, порядочно упавшему духомъ, будетъ трудно сплотить новый кружокъ друзей и составить новые планы практической дѣятельности. И кого я встрѣчу въ Петербургѣ? Дядя старъ, Марья Васильевна прекрасная женщина, но у нея свои интересы, Леевъ едва ли пойдетъ со мною по одной дорогѣ, Макарова не стало, Шепелевъ и Палицынъ не вернутся въ столицу. Да если бы они всѣ и были въ Петербургѣ, то что стали бы мы дѣлать тамъ. Мнѣ начинали вспоминаться слова дяди: «плохо жить бобылемъ до старости». Да, дѣйствительно плохо, если нѣтъ общественной широкой дѣятельности если нѣтъ надеждъ на эту дѣятельность. Никогда не чувствовалъ я такъ сильно своего одиночества, какъ теперь, никогда не тосковалъ я такъ о счастьи, какъ въ это время, никогда не рисовалась предо мною въ такихъ яркихъ краскахъ прелесть семейной жизни, какъ въ эти дни. Повидимому, я еще не былъ ни въ кого влюбленъ, но если бы заглянуть поглубже въ мою душу, то можно бы было увидать, что образъ княжны постоянно мелькалъ передо мною, что въ картинахъ моего семейнаго счастья эта дѣвушка играла не послѣднюю роль. Мы въ тѣ времена были крайними

Digitized by Google

идеалистами и искали всюду недюжинныхъ и дѣятельныхъ натуръ; княжна, какъ мнѣ казалось, принадлежала къ числу ихъ: смѣлая, презирающая свою среду, гордая, ненавидящая приниженье, сдержанная и незараженная пустотою свѣтскихъ барышень, она поражала меня своею нравственною силою, своимъ умомъ. Я не могъ насмотрѣться на ея энергичное лицо, не могъ наслушаться ея рѣчей. Иногда ея сдержанность и холодность въ сношеніяхъ съ капризною княгинею заставляли меня глубоко страдать за эту дѣвушку: я понималъ, какъ больно, какъ тяжело княжнѣ сдерживать себя и сохранять внѣшнее спокойствіе, когда въ душѣ кипитъ буря. Съ каждымъ днемъ мы сходились все ближе и ближе, иногда меня ободряли рѣчи княжны, когда я разсказывалъ ей о своихъ печаляхъ, о своихъ невзгодахъ, а она отвѣчала мнѣ:

— О чемъ тужить? Или вы слезами хотите доставить удовольствіе своимъ врагамъ! Или вы хотите уложить себя, какъ вашъ Макаровъ, въ могилу, чтобы враги имѣли возможность со смѣхомъ засыпать вашъ ротъ землею? Бейтесь съ ними-старайтесь завербовать счастье на зло имъ; если не можете завербовать счастья, то хоть смѣйтесь, чтобы обмануть ихъ своимъ смѣхомъ, чтобы обозлить ихъ, смутите ихъ своимъ весельемъ...

Потомъ она начинала смѣяться надо мною вызывающимъ смѣхомъ, какъ иногда смѣялся Леевъ; она входила со мной въ комнаты, гдѣ сидѣли мой дѣдъ, князь, Андрей Дмитріевичъ, и говорила имъ съ ироніей:

— Понянчитесь, пожалуйста, съ этимъ малюткой, онъ опять плачетъ!

Затѣмъ открывался рояль и въ комнатѣ неслись звуки буйной, бравурной пѣсни.

— О, съ такою женщиной можно идти на борьбу, на смерть! думалъ я въ эти минуты.

Все ярче и ярче блестѣлъ передо мной этотъ образъ. Обманывала ли она меня, обманулъ ли я себя, увлеченный внѣшностью,—Богъ знаетъ,—но я уже шелъ покорно за этою женщиной и, какъ провинившійся школьникъ, ждалъ ея снисходительной улыбки. А тутъ настала опять весна съ ея оживленіемъ, съ ея поэтическими ночами. Молодая жизнь опять за-

Digitized by Google

кипѣла въ груди, опять захотѣлось надѣяться на счастье, захотѣлось идти на борьбу и казалось, что для предстоящей борьбы у меня уже есть одинъ товарищъ, смѣлый и непокорный, готовый на все. Я сообщилъ дѣду свои планы на счетъ женитьбы.

— Я, братъ, плохой совѣтникъ въ этихъ дѣлахъ, нахмурился онъ.—Еслибы ты бралъ ее въ любовницы,—а! это другое дѣло. Я пожалуй и благословилъ бы тебя. Ну а жена — это статья особаго рода. Разлюбитъ она тебя или ты ее разлюбишь,—оба будете несчастливы. И дѣвушка-то она съ характеромъ...

— Это-то и прекрасно, воскликнулъ я.

— Это-то и дурно! холодно замѣтилъ онъ.—При настоящемъ положеніи дѣлъ, жена должна быть безхарактерна, если у мужа есть характеръ, или наоборотъ.

— То есть или нужны мужья въ родѣ князя, или жены въ родѣ Полины Францовны? засмѣялся я.

— Да. Ты думаешь, это несчастные браки? пристально посмотрѣлъ на меня дѣдъ.—А я тебѣ скажу, что это самые счастливые браки. Тутъ, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ правитъ домомъ, дѣтьми, дѣлами. Ну а будь-ка князь съ моимъ характеромъ—да что бы тогда было: княгиня тарелкой въ меня, а я въ нее блюдомъ, она въ меня чашкой, а я въ нее миской. Ей подавай француза гувернера, мнѣ русскаго студента; она бредитъ сыномъ франтомъ, я хочу въ сынѣ видѣть хоть мужика, но человѣка. Она взяла бы любовника, я выгналъ бы ихъ вонъ; мнѣ понравилась бы другая женщина, я оставилъ бы жену. А тутъ все мирно, все тихо, княгиня жила съ гувернеромъ, а князь и второстепенною ролью былъ доволенъ; полюбилъ онъ горничную, побаловалъ потихоньку и промолчалъ, когда княгиня отдала ее замужъ за послѣдняго деревенскаго пьяницу.

— Да развѣ это счастье! воскликнулъ я.

— Ну не особенное счастье, но вѣдь счастья въ бракѣ и быть не можетъ, высказалъ дѣдъ одинъ изъ своихъ парадоксовъ, а тутъ все-таки хотя одна половина вполнѣ счастлива, если же оба съ характеромъ, то обѣ половины несчастны.

— Это слишкомъ!

— Да тебѣ непремѣнно хочется найдти счастливые браки,

Digitized by Google

ну изволь: вонъ вашъ Гоголь описывалъ счастливые браки старосвѣтскихъ помѣщиковъ и Маниловыхъ, прибавь, что такъ же была бы счастлива и Полина Францовна съ княземъ, если бы они были супругами. Это безхарактерные люди—они могутъ быть счастливы. Есть и счастливые браки—ну да то и браками трудно назвать, это просто союзъ двухъ рабочихъ силъ,—это браки честныхъ бѣдняковъ. Завязываются они обыкновенно для того, чтобы помогать другъ другу.

— Но могутъ же люди быть счастливы, если ихъ убѣжденія схожи...

— Гмъ, убѣжденія! опять нахмурился дѣдъ.—Это ты о честныхъ убѣжденіяхъ толкуешь, что ли? Ну такъ вотъ что я тебѣ скажу: честныя убѣжденія выгоды мало приносятъ.

— А ты знаешь ея убѣжденія? спросилъ онъ.

— Кажется.

— Не вѣрю! Я тебѣ не хочу ни совѣтывать, ни отсовѣтывать, парень, но скажу одно: ни ты, ни я и никто другой не знаетъ княжны. Она гдѣ-то глубоко, глубоко похоронила свой характеръ и свои мысли и оставила на виду только то, что считаетъ удобнымъ показывать людямъ. Но кромѣ того, она и сама не знаетъ себя вполнѣ, потому что она не видѣла свѣта и общества... Вѣрно одно, что у нея есть характеръ.

Я смотрѣлъ на дѣда, какъ на крайняго скептика, и понималъ, что онъ преувеличиваетъ во всемъ дурныя стороны. Мнѣ было трудно согласиться съ его взглядами на княжну и на мою женитьбу на ней. Я впрочемъ еще не рѣшился ни на что окончательно, когда случай разрубилъ тотъ гордіевъ узелъ, который я хотѣлъ развязать. Дня черезъ два я былъ у князя. Послѣ обѣда мы долго ходили съ княжной по саду. Она была раздражена на отца.

— Я не понимаю, зачѣмъ онъ такъ пригнулся передъ матерью, говорила она. Гадко, когда человѣкъ такъ принижается, особенно, если это мужчина.

— Да и для женщины это гадко, замѣтилъ я.

— Ну женщина хоть своею безправностью можетъ оправдаться, а тутъ и оправданія нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ это тяжело дѣйствуетъ на меня, тѣмъ болѣе, что всѣмъ это ясно. Вы помните, вы съ перваго раза разгадали отношенія отца къ

Digitized by Google

матери, и я старалась оправдать его. Мнѣ больно, что его считаютъ трусомъ.

— Какъ у васъ достаетъ силъ бороться съ матерью?

— За то она и не любитъ меня.

— Вамъ тяжело жить здѣсь?

— Что это вы жалѣть меня собираетесь? усмѣхнулась княжна насмѣшливой улыбкой.

Она была удивительно хороша въ такія минуты.

— Вы, я думаю, въ этомъ не нуждаетесь. Я просто говорю фактъ и, признаюсь, мнѣ досадно, что вамъ приходится тратить свои силы на эту мелкую борьбу.

— Что же дѣлать?

— Вырваться отсюда.

— Какимъ образомъ? На мѣсто идти?

— Вамъ никогда не приходила мысль о замужествѣ?

— Какъ же, мнѣ исправникъ предлагалъ свою руку, засмѣялась княжна своимъ тихимъ, ироническимъ смѣхомъ и я снова залюбовался ею.

— Вы, вѣроятно, такъ же бы разсмѣялись, если бы я вамъ предложилъ свою руку? замѣтилъ я шутливо.

Княжна мелькомъ взглянула на меня.

— Я объ этомъ никогда не думала, серьезно отвѣтила она.

— Очень грустный для меня отвѣтъ.

— Отчего же?

— Значитъ вы даже никогда и не думали обо мнѣ безъ меня, сказалъ я.—Вообще, когда сходятся молодые люди, имъ обыкновенно начинаетъ представляться въ мечтахъ ихъ будущее и въ его картинахъ близкія лица играютъ главныя роли. Это въ порядкѣ вещей.

— Я никогда не мечтаю, вскользь и холодно отвѣтила княжна.—Чѣмъ роскошнѣе воздушные замки, тѣмъ печальнѣе окружающія насъ лачуги. И, наконецъ, стоитъ ли вся роскошь воздушныхъ замковъ одной какой нибудь курной избы?

Въ ея голосѣ звучала какая-то тоскливая нота.

— Да, это грустная правда, но она доказываетъ только то, что всѣ наши широкіе планы не удаются, и мы перестаемъ совсѣмъ вѣрить планамъ и грезамъ... Я тоже не очень вѣрю мечтамъ и планамъ, но у меня есть одна завѣтная мечта, ко-

Digitized by Google

торой я вѣрю,—это мечта о мирной и честной жизни. Вотъ почему я задалъ вамъ вопросъ о томъ, что бы вы отвѣтили на мое предложеніе...

Она шла молча подлѣ меня съ опущенной головой. Потомъ она подняла голову:

— Вы изъ сожалѣнія къ моей участи предлагаете мнѣ свою руку? спросила она съ усмѣшкой.

— О, ради Бога не думайте этого! въ увлеченіи воскликнулъ я.—Я не имѣю никакого права благодѣтельствовать вамъ, когда вы не просите моей помощи и даже не жалуетесь на свое положеніе. Я люблю васъ, вы одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя могутъ твердо идти рядомъ съ мужчиной, не дѣлаясь его игрушкою, его куклой, его ученицей. Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которымъ нужна жена подруга, а не слуга, не игрушка. Я одинъ, мнѣ тяжело живется, я привыкъ въ послѣднее время дѣлиться съ вами и горемъ, и радостями, вотъ почему я прошу вашей руки.

Она опять молча шла рядомъ со мною. Мнѣ было тяжело это молчаніе. Тогда я не отдавалъ себѣ отчета, почему мнѣ было тяжело, я не замѣчалъ въ тѣ минуты всей фальши нашего объясненія въ любви, я не сознавалъ тогда, что не такъ объясняются въ любви страстно влюбленные люди.

— Вы меня не любите, говорите прямо, сказалъ я черезъ минуту, несмотря на нее.

— Нѣтъ это не то, встряхнула она головой.—Я не могу сказать, что я не люблю васъ. Съ вами я сошлась ближе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь... Такъ близко я не сходилась еще ни съ кѣмъ... Я никогда не представляла себѣ идеаловъ; изъ книгъ ихъ было трудно почерпнуть среди дрянныхъ героевъ, а въ жизни я никого не видала... Потому вы не выше, не ниже моихъ требованій, я чувствую, что вы хорошій и добрый человѣкъ, что я буду счастлива съ вами...

Она замолчала. Меня начинала бить лихорадка. Но все-таки я не замѣчалъ, что мы толкуемъ о любви, какъ о коммерческой сдѣлкѣ.

— Но отчего же вы не рѣшаетесь сказать *да?* спросилъ я.

— Мнѣ какъ-то досадно, какъ-то странно, что я слишкомъ... слишкомъ. . княжна подыскивала слово:—слишкомъ спокойна,

Digitized by Google

окончила она.—Можетъ быть, это не любовь, или я не умѣю любить, какъ любятъ другія... Я вѣдь знаю, что я буду счастлива съ вами, но съумѣю ли я сдѣлать счастливымъ васъ.

— Добрая, такъ это вы за меня боитесь! сказалъ я, сжавъ ея руку.—Я не мальчикъ, мѣряющій любовь по числу нѣжныхъ поцѣлуевъ, мнѣ нужна женщина-другъ, которая могла бы идти рядомъ со мною и въ тяжелыя минуты поддерживать меня... Будьте моимъ другомъ, и я буду счастливъ.

Она протянула мнѣ руки и тихо, робко, беззвучно поцѣловала меня въ лобъ. Я видѣлъ въ этомъ тихомъ, робкомъ поцѣлуѣ новый признакъ нравственной чистоты, той высокой дѣвственной чистоты, которую я такъ любилъ въ княжнѣ. Мы сѣли на скамью. Зина наклонила свою голову на мое плечо и молчаливо слушала мои горячія рѣчи о нашемъ будущемъ, о нашемъ переѣздѣ въ Петербургъ, о моихъ планахъ освободить крестьянъ, о моихъ надеждахъ на литературные труды. Я говорилъ съ нею, какъ съ другомъ, какъ съ товарищемъ, и мнѣ не казалось страннымъ, что я говорю такъ много обо всемъ, но только не о любви.

— Какой чудный вечеръ! прошептала она.—Я вполнѣ счастлива, милый.

— Такихъ вечеровъ много, много будетъ въ нашей жизни! отвѣтилъ я восторженнымъ тономъ и наклонился поцѣловать ее.

Она подняла голову и обвила меня руками.

— Милый, милый, ты первый научилъ меня любить, шептала она.—До сихъ поръ я презирала, или жалѣла людей, теперь я люблю ихъ.

Въ ея глазахъ заблестѣлъ, страстный, яркій огонь.

Когда я вернулся домой, я былъ въ восторгѣ и ни одна черная мысль не промелькнула въ моей головѣ. Какъ это всегда бываетъ, самый важный шагъ былъ сдѣланъ чисто случайно. Одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ писателей замѣтилъ, «что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная, какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово,—и кончено». Такъ было и со мною. Но такъ ли случайно отдавала мнѣ свою руку княжна? Это осталось ея тайною.

Съ этого дня между нами должны были начаться новыя от-

Digitized by Google

ношенія, но они какъ будто не начинались: правда, мы тѣснѣе сошлись, Зина откровенно говорила, что ее давятъ семейныя отношенія, она чаще распрашивала меня о моихъ дѣлахъ, но у насъ не было ни тѣхъ шаловливыхъ выходокъ, которыми такъ богаты простенькіе женихи и невѣсты, ни тѣхъ тайныхъ, страстныхъ поцѣлуевъ, которыми полно предбрачное время влюбленныхъ. Нѣтъ, мы были слишкомъ умны для всего этого, слишкомъ ясно видѣли другъ въ другѣ не жениха и невѣсту, а двухъ товарищей. Иногда мнѣ становилось даже досадно, что я недостаточно нѣженъ. Но потомъ я вспоминалъ свое дѣтство, вспоминалъ, что я давно отвыкъ отъ ласкъ, и былъ увѣренъ, что моя сдержанность нормальна. Что касается до сдержанности княжны, то я передъ нею благоговѣлъ: это чистое, стыдливое и непорочное существо, думалось мнѣ. Я часто выражалъ эти же мысли дѣду.

— Кто васъ знаетъ, умны вы слишкомъ и слишкомъ непорочны, а мудрецы и непорочные никогда не умѣли любить, сердито отвѣчалъ онъ.

— Что-жь, значитъ, глупость и порочность лучше? смѣялся я.

— Да ужь человѣку должно быть свойственно все человѣческое, а значитъ, и глупость, и порочность. Лучше сглупить, лучше согрѣшить въ минуту увлеченія, чѣмъ непорочно и мудро надѣть своей ближней петлю на шею да и затянуть ее.

Я зналъ идеи дѣда относительно брака и потому не считалъ нужнымъ распространяться объ этомъ. Одинокая жизнь между тѣмъ стала мнѣ невыносима, кто жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, кто не могъ переѣхать изъ деревни въ большой городъ, тотъ пойметъ, какъ и почему такъ легко завязываются тамъ связи съ дѣвушками, на которыхъ мы, можетъ быть, и не взглянули бы въ городѣ, которыя стоятъ ниже насъ по развитію, которыя никакъ не могутъ быть нашими подругами. Выбирать подругу жизни здѣсь приходится или изъ провинціальныхъ барышень или изъ крестьянокъ; но сойдтись съ женщиной, какъ съ любовницей, я не могъ; мнѣ всегда были гадки эти связи на время безлюдья съ неразвитыми довѣрчивыми горничными, которыхъ увлекала разная образованная молодежь, зная впередъ, что черезъ годъ или черезъ два придется бросить этихъ несчастныхъ полубезграмотныхъ, неумѣющихъ разогнать нашу тоску созданій. Искать

Digitized by Google

жену между безхарактерными, пошленькими провинціальными барышнями, поющими романсы и дѣлающими глазки, я тоже не могъ и видѣлъ, что княжна неизмѣримо выше ихъ. Мнѣ казалось, что лучшей женщины нельзя встрѣтить въ мірѣ.

Мои дѣла между тѣмъ шли не дурно. Я началъ питать нѣкоторую надежду на переѣздъ въ Петербургъ. Насталъ день свадьбы. Она совершилась довольно торжественно. Князь былъ въ восторгѣ и даже не боялся княгини. Княгиня страдала тикомъ и дѣлала умирающее лицо передъ гостями. Хомутовъ былъ моимъ шаферомъ и оригинально поздравилъ меня: «ну, оболванился!» Дѣдъ хмуро смотрѣлъ на все и, поздравляя насъ, передалъ моей женѣ пачку билетовъ.

— Вамъ будутъ нужны деньги на шпильки и на булавки, сказалъ онъ ей.

— Ну, будетъ теперь у княжны, чѣмъ пришпиливать ближнихъ, замѣтилъ Хомутовъ князю.

Князь обидѣлся.

— Ты ужь можешь надо мной трунить, а ее не тронь, отвѣтилъ онъ.

— Да чѣмъ же я ее трогаю? Булавки имѣть въ запасѣ не дурно.

Оказалось, что дѣдъ далъ своей крестницѣ двадцать пять тысячъ. Эти деньги были давно отложены имъ для нея.

— Чудакъ, замѣтила мнѣ Зинаида, показывая подарокъ. Когда у меня платья порядочнаго не было,—онъ не давалъ почти ничего. Когда у меня все есть въ избыткѣ,—онъ даритъ тысячи.

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ, чтобы на тебѣ женился кто нибудь не ради денегъ, а по любви, отвѣтилъ я.

— Да, но за то онъ могъ сдѣлать этимъ то, что я вышла бы замужъ изъ-за денегъ жениха.

— Ну, онъ былъ увѣренъ въ тебѣ и зналъ, что ты не сдѣлаешь этого.

— Ахъ, мой милый, какъ же онъ могъ знать это, когда я и сама этого не знала! воскликнула Зинаида.

— Какъ ты думаешь, что ты могла бы выйдти замужъ ради денегъ? изумился я.

— Я ничего не думаю, отвѣтила она сдержаннымъ тономъ,

Digitized by Google

Есть случаи, которыхъ нельзя предвидѣть. Развѣ ты можешь сказать, какъ бы ты поступилъ, если бы ты вдругъ остался безъ хлѣба, на улицѣ, безъ работы? Можетъ быть, ты сдѣлался бы воромъ, убійцей. Ты скажешь, что этого ты никогда бы не сдѣлалъ, но ты скажешь это потому, что ты не стоялъ еще въ такомъ положеніи.

Я понялъ, что она права...

Наша жизнь пошла мирно и ровно, казалось, въ моемъ существованіи не произошло никакой перемѣны, только мой домъ сдѣлался оживленнѣе, только дни проходили, какъ-то спокойнѣе, безтревожнѣе. Дѣдъ, князь и Андрей Дмитріевичъ почти ежедневно заѣзжали къ намъ и были веселы и милы безъ княгини, которая все еще страдала тикомъ. Замужество дочери казалось ей обиднымъ событіемъ, такъ какъ я не былъ ни княземъ, ни графомъ. Деньги, данныя дѣдомъ Зинаидѣ, повергли княгиню въ еще большее уныніе; она теперь сердилась на дѣда и мечтала, какъ отлично она могла бы прожить съ своей семьей въ столицѣ, если бы дѣдъ отдалъ эти деньги до свадьбы княжны.

— Ахъ, я рада, что ты, по крайней мѣрѣ, независима отъ мужа, ныла княгиня передъ Зиной.

Но странно было то, что постоянно, когда я оставался одинъ съ Зиной, мы толковали только о будущемъ, какъ будто наше настоящее было только ночлегомъ на станціи, какъ будто оно не вполнѣ удовлетворяло наши стремленія. Тогда я не разсуждалъ объ этомъ, но если бы и вздумалъ разсуждать, то, вѣроятно, призналъ бы такое положеніе нормальнымъ, рѣшилъ бы, что мы и дѣйствительно не можемъ удовлетвориться однимъ семейнымъ узкимъ счастіемъ, что наши планы и цѣли шире, что мы и сошлись только для того, чтобы легче достигнуть своихъ цѣлей, работая не порознь, а вмѣстѣ. Да, я такъ могъ думать тогда, не замѣчая, что Зина, съ своей стороны, покуда не высказывала никакихъ плановъ и только соглашалась съ моими проектами, что, можетъ быть, въ ея головѣ бродили совсѣмъ другія мысли, чѣмъ тѣ, которыя высказывалъ я. Такъ прошло около года. Я по прежнему занимался наукой, по прежнему училъ въ школѣ ребятишекъ, взявъ себѣ въ помощники по школѣ учителя. Всѣ эти работы не могли раздѣляться Зиной и она по большей части проводила время за чтеніемъ

Digitized by Google

книгъ или въ обществѣ своей матери, дѣда, Полины Францовны и другихъ членовъ нашего кружка. Наконецъ я получилъ письмо отъ Бубнова, гдѣ предлагали мнѣ пріѣхать въ столицу. Я былъ внѣ себя отъ радости. Не меньше меня радовалась и Зина, начинавшая скучать въ деревнѣ. Мы торопились ѣхать. Я распорядился, чтобы Гриша нанялъ мнѣ квартиру въ Петербургѣ. Первые дни послѣ пріѣзда въ столицу намъ пришлось хлопотать о покупкѣ мебели и всего нужнаго для устройства своего гнѣзда. Среди этихъ хлопотъ на второй же день послѣ пріѣзда въ столицу, я съѣздилъ къ дядѣ, Бубнову и Лееву. Кажется, давно ли я съ ними разстался, а между тѣмъ какая была перемѣна въ нихъ. Дядя, совсѣмъ посѣдѣвшій, сдѣлался совсѣмъ похожимъ на младенца, забывался очень часто, глядѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, иногда путалъ имена людей, и только прошлое ярко блестѣло въ его воспоминаніяхъ. Онъ читалъ всѣмъ безконечныя наставленія и подкрѣплялъ свои доводы ссылками на свою опытность, на свое умѣнье вывернуться изъ всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ ходилъ, опираясь на толстую палку, помощницу его ослабѣвшихъ ногъ. Марья Васильевна тоже замѣтно постарѣла, немного посѣдѣла, но была все такъ же жива и весела. Бубновъ сгорбился и выглядѣлъ сурово и невесело. На его лбу были глубокія морщины. Онъ встрѣтилъ меня такъ задушевно, что я и не ожидалъ такого пріема. Я спросилъ его о братѣ, вышедшемъ въ гвардію.

— Онъ живетъ отдѣльно, угрюмо проговорилъ Григорій Даниловичъ.—Отцы нынче стѣсняютъ дѣтей.

Я промолчалъ, понимая, что тутъ должно быть кроется семейный разладъ, отзывающійся болью въ сердцѣ старика.

— Вы не думаете продавать ваше имѣніе? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. А что?

— Такъ... Отлично дѣлаете!.. Мишка же спитъ и видитъ продать все... Попробуйте отговорить его.

— Я поговорю съ нимъ. Ему, вѣроятно, недостаетъ доходовъ съ имѣнія. Мы это дѣло уладимъ.

Бубновъ пожалъ мнѣ руку. Онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Я не замѣчалъ въ его лицѣ, въ его голосѣ прежней твердости, прежней надменности; морщинистое лицо выглядѣло такимъ печальнымъ, что невольно выдавало тѣ внутреннія

Digitized by Google

страданія, которыя угрюмый старикъ тщательно старался скрыть отъ непрошеннаго любопытства и обидныхъ для него людскихъ сожалѣній. Изъ его кабинета, сквозь полуотворенную дверь я увидалъ огромную кіоту въ углу спальной; передъ образами теплилась массивная лампада; на полу лежалъ коврикъ, сильно потертый колѣнями того, кто ежедневно молился передъ этими образами. Бубновъ, кажется, замаливалъ грѣхи или молился о спасеньи сына. Прежде онъ не былъ религіозенъ, теперь онъ былъ даже суевѣренъ и боялся трехъ свѣчей, зажженныхъ на одномъ столѣ, хмурился, слыша собачій вой передъ окномъ. Чѣмъ больше чувствовалъ онъ близость смерти, тѣмъ сильнѣе закрадывался въ его душу страхъ. Разсѣять этотъ страхъ было некому: онъ былъ одинокъ, одинокъ вполнѣ, болѣе одинокъ, чѣмъ я во время своей жизни въ провинціи. Я зналъ, по крайней мѣрѣ, что хотя гдѣ-то далеко есть люди, думающіе обо мнѣ,—у него не было и этого утѣшенія. Никогда не дорожилъ онъ дружбою людей, независимо отъ выгодъ этой дружбы, никогда не сходился онъ искренно съ людьми и теперь холодно встрѣчался съ ними, зная, что имъ нѣтъ дѣла до его внутренней жизни, до его страданій и печалей. Онъ еще поддерживалъ всѣ выгодныя связи, но для чего? Для пріобрѣтенія денегъ, для пріобрѣтенія значенія въ свѣтѣ. Это наполняло его жизнь въ былые годы, но теперь онъ ясно видѣлъ, что ему самому, приближающемуся къ могилѣ, не нужно уже ничего, и если онъ что либо пріобрѣтаетъ, то пріобрѣтаетъ для сына. Но именно сынъ-то, это единственное существо, для котораго дѣлалось все, которое могло бы вознаградить отца за все,—жилъ въ сторонѣ отъ отца, тратилъ черезъ мѣру все то, что утягивалъ отецъ у ближнихъ, что покупалось цѣною совѣсти, за что переносились и униженія, и обиды. Бубновъ, можетъ быть, отрекся бы отъ сына, но это онъ могъ бы сдѣлать въ былые дни, а не теперь. Тогда сына можно было еще замѣнить женой, новыми призраками счастья, новыми надеждами, теперь же нельзя было сдѣлать и этого. Отречься отъ сына; значило сломать ту соломинку, которая еще связывала старика съ міромъ; отрекаясь отъ сына, можно было только отказать все нажитое всѣми неправдами на монастыри, на церкви для поминовенія души и лечь въ могилу. Бубновъ хотѣлъ вѣрить, что сынъ исправится,

Digitized by Google

что сынъ придетъ къ нему съ ласкою, и каждый разладъ съ сыномъ, каждая новая проказа послѣдняго потрясали старика, обманывая его надежды.

Одинъ Леевъ остался неизмѣнно все тѣмъ же зрителемъ жизненной комедіи: онъ былъ по старому веселъ, оживленъ, смотрѣлъ на все сквозь пальцы, и только едва замѣтная ѣдкость говорила, что и надъ нимъ не даромъ прошли тяжелые годы. Онъ служилъ удачно, былъ чиновникомъ особыхъ порученій, за нимъ ухаживали разныя барыни. Отношенія его къ этимъ барынямъ были очень странныя. Онъ былъ любезенъ и милъ со всѣми и не сближался ни съ одной, говоря со смѣхомъ, что для него Богъ еще не создалъ женщины. Эта холодность дразнила тогдашнихъ свѣтскихъ барынь, понявшихъ только пошлую сторону романовъ Жоржъ Занда онѣ называли Леева неприступнымъ и осаждали эту крѣпость. Леевъ шутливо называлъ ихъ женами Пентефрія и по прежнему оставался холоднымъ зрителемъ людской пошлости. Но всѣ впечатлѣнія, произведенныя на меня этими лицами померкли при встрѣчѣ съ Наташею. Во время моего визита къ Марьѣ Васильевнѣ, Наташи не было дома. Я болталъ съ дядей и Марьей Васильевной, когда въ комнату вошла высокая, стройная дѣвушка съ темнорусыми, гладко причесанными волосами, съ нѣжнымъ лицомъ, съ легкимъ, но здоровымъ румянцемъ на щекахъ;—я, можетъ быть, не узналъ бы ее, если бы передо мной не блеснули ея прежніе добрые и умные, большіе и глубокіе синіе глаза. Она вопросительно взглянула на меня, на тетку, и черезъ мгновенье Наташа уже пожимала мою руку. Я былъ пораженъ этой простой, спокойной, если можно такъ выразиться, русской красотой.

— Ну, слава Богу, вы снова здѣсь, радушно проговорила она.—А я все боялась, что вы замрете тамъ... Нашъ бѣдный другъ, Макаровъ, не вынесъ, вздохнула она.

— Да и кто же вынесъ! невольно произнесъ я.

Она вопросительно взглянула на меня.

— Васъ удивляютъ мои слова? Но я говорю собственно не о смерти, а о перемѣнахъ, никто не вынесъ этого времени безъ перемѣнъ, всѣ или выбрали новую дорожку, или...

— Вы женились? Перебила она меня.

— Женился.

Digitized by Google

— Вы меня познакомите съ вашей женой?

— О конечно! Я такъ много говорилъ ей о вашей семьѣ, о васъ...

— Она, я думаю, смѣялась, такъ какъ вы могли сообщить ей только о моихъ дѣтскихъ шалостяхъ...

— Вы были не смѣшной ребенокъ...

Мы начали вспоминать старину и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вечеръ шелъ тихо и мирно, всѣмъ было какъ-то тепло и уютно, и даже легкій слѣдъ грусти былъ милъ и дорогъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился Леевъ.

— А я у тебя былъ, сказалъ онъ мнѣ, пожимая намъ руки.

— Видѣлъ Зину? спросилъ я.

— Нѣтъ, видѣлъ я кого-то, но это должно быть не Зина, а по крайней мѣрѣ Діана...

Я засмѣялся.

— Вообразите себѣ, началъ расказывать Леевъ. — Вхожу я въ переднюю, встрѣчаетъ лакейчикъ или кто онъ тамъ такой, право не знаю, — говорю: дома баринъ? — Нѣтъ съ. — Ну, говорю, пустите въ кабинетъ, я напишу ему пару словъ... Иду-съ черезъ залу, вдругъ гляжу, въ амбразурѣ окна стоитъ женщина, вся въ бѣломъ, прислонивъ голову къ боковой стѣнкѣ окна, и задумчиво смотритъ на улицу, опустивъ мраморныя руки на подоконникъ. Пальцы, какъ изваянные, не шевелясь, едва касались подоконника, лицо—черта къ чертѣ подобрана— и все это неподвижно, строго, божественно. Я, какъ ошеломленный грѣшникъ при видѣ божества, чуть не присѣлъ со страху и неловко поклонился, когда богиня медленно обратила ко мнѣ свое лицо, не перемѣняя своей позы. Немного удивленные глаза богини взглянули на лицо смертнаго и, мнѣ казалось, одобрили мой поклонъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Какъ же это одобрили? засмѣялась Наташа.

— Да, ей Богу, это былъ не поклонъ, но только одобреніе, нѣчто въ родѣ того, что ты, смертный, можешь поклониться мнѣ.

Въ комнатѣ раздался всеобщій смѣхъ.

— Это ваша жена? спросила Наташа.

— Да.

Digitized by Google

— Ну, я бы не осмѣлился на ней жениться, воскликнулъ Леевъ.—А я еще хотѣлъ пріударить за твоей женой по пріятельски. Радовался, что ты женился, думалъ, ну вотъ буду ami de la maison. А теперь у тебя и говорить-то будетъ страшно.

— Онъ такъ описываетъ вашу жену, что я тоже начинаю бояться ея неприступности, замѣтила Наташа.

— Ну если она страшна для Тишки, то никакъ не страшна для васъ.

На меня, впрочемъ, слова Леева произвели скверное впечатлѣніе. Я почувствовалъ, что, несмотря на шутливость, Леевъ вѣрно подмѣтилъ въ женѣ эту божественную холодность и безмятежную недосягаемость, скверно дѣйствовавшія на постороннихъ и остановившія мою жену отъ радушной встрѣчи съ моимъ другомъ.

Дня черезъ два я поѣхалъ съ Зиной къ дядѣ. Онъ, по старой привычкѣ, наклонился и поцѣловалъ ея руку. Она прикоснулась губами къ его щекѣ. Марья Васильевна приняла ее искренно и предупредительно. Она говорила о томъ, что я и мои друзья близки ей, что мы вмѣстѣ пережили тяжелое время и породнились общими печалями. Зина холодно замѣтила, что она отъ меня много слышала о самой Марьѣ Васильевнѣ и ея племянницѣ. Я почувствовалъ, что Зина совершенно безучастно относится къ тому, что было пережито нами, какъ мы обыкновенно относимся къ разсказамъ о горѣ, неиспытанномъ нами, непонятномъ для насъ. Я сознавалъ, что это не ея вина, и мнѣ было досадно, что посторонніе люди, въ родѣ Марьи Васильевны, гораздо тѣснѣе связаны со мною прошлымъ, чѣмъ моя жена. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ уроковъ и Наташа. Тетка замѣтила ей, что мы уже собираемся ѣхать.

— Мнѣ было бы очень досадно, если бы я пропустила случай увидаться съ вами, но я надѣюсь, что мы будемъ знакомы, проговорила Наташа, сжимая руку Зины.

— О, конечно, отвѣтила Зина.—Мы, впрочемъ, еще не совсѣмъ обставились здѣсь...

Послѣдняя фраза сказалась такимъ тономъ, какъ будто Зина просила Наташу покуда не посѣщать насъ.

Все какъ-то не клеилось. Зина была слишкомъ нарядно одѣта, она слишкомъ оффиціально держала себя, ея сдержанность

Digitized by Google

и холодность тѣмъ ярче бросались въ глаза, чѣмъ искреннѣе относились къ намъ хозяева. Даже дядя не нашелъ, о чемъ говорить съ Зиной и только съ важностью взбивалъ свой хохолъ.

— Ну, какъ онѣ понравились тебѣ? спросилъ я Зину, когда мы возвращались домой.

— Я ихъ такими представляла себѣ и прежде, разсѣянно отвѣтила она.—Ты вѣдь умѣешь очерчивать людскія физіономіи. Это дѣйствительно бѣдные и простые люди.

— Честные и добрые, прибавь къ этому. Ну, а дядя? не правда ли, милѣйшій старикъ?

— Да, онъ должно быть былъ очень оригинальнымъ старикомъ, но теперь это уже одна развалина прошлаго... Къ Бубнову мы, вѣроятно, не поѣдемъ? Намъ надо еще побывать у моихъ родныхъ.

— Можно бы съѣздить и къ Бубнову, впрочемъ, я былъ у него, а ты познакомишься съ нимъ у насъ.

Мнѣ было тяжело, я понималъ, что все близкое мнѣ не близко Зинѣ. Упрекать ее я все-таки не могъ, потому что не могла же она полюбить въ нѣсколько минутъ незнакомыхъ ей людей, вѣдь смотрѣлъ же холодно и я самъ на ея родныхъ, съ которыми у меня не было ничего общаго. Общаго съ ними не было и у нея, однако въ ихъ аристократическихъ домахъ она была развязнѣе, разговорчивѣе, чѣмъ въ домѣ Меньшовой. Здѣсь не давили ее тѣсныя комнаты, здѣсь ея нарядъ не рѣзалъ глазъ сильнымъ контрастомъ съ обстановкой комнатъ, здѣсь шли толки не о быломъ, за которое ничего не даютъ, не о личныхъ чувствахъ, неинтересныхъ для постороннихъ, а о балахъ, театрахъ, модахъ, обо всемъ, что сулитъ удовольствія въ будущемъ. Я удивлялся ловкости и остроумію Зины. Казалось, она никогда не выходила изъ этого круга и знала всѣ условія его жизни. Въ этотъ же день вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ Бубновъ съ Мишелемъ. Мишель— я его видѣлъ въ первый разъ послѣ пріѣзда—бросился ко мнѣ на шею и началъ буквально душить меня въ своихъ объятіяхъ.

— Голубчикъ, какъ я тебѣ радъ, ты и представить себѣ не можешь, говорилъ онъ, цѣлуя меня.

Первая встрѣча сразу подкупила меня въ пользу моего брата. Это былъ совсѣмъ молоденькій, съ простенькимъ и доб-

Digitized by Google

ренькимъ лицомъ маленькій офицерикъ. Что-то беззаботно-шаловливое и дѣтское было во всемъ его существѣ. Онъ не только цѣловалъ меня, но и любовался мною, вскакивалъ поминутно съ мѣста и снова обнималъ меня.

— Ты меня, пожалуйста, возьми въ руки, наивно говорилъ онъ.—Я ужаснѣйшій негодяй, какъ говоритъ monsieur mon père. Но тебя, душечка, я очень люблю, потому что ты со мной карточныя крѣпости когда-то строилъ.

Я повелъ своихъ родственниковъ въ гостиную къ женѣ. Зина благосклонно встрѣтила украшеннаго орденами старика и облеченнаго въ блестящій мундиръ юношу. Бубновъ пристально окинулъ ее глазами и, кажется, расчиталъ по копѣйкамъ, чего она стоитъ, должно быть цифра вышла довольно крупная, потому что онъ очень любезно сказалъ Зинѣ нѣсколько комплиментовъ и спросилъ, намѣрена ли она выѣзжать въ собранія и въ театры.

— На этотъ счетъ вашъ мужъ профанъ, и я совѣтую вамъ обратиться къ Мишкѣ, онъ все знаетъ, что касается до удовольствій, только не говорите съ нимъ о дѣлѣ, промолвилъ съ ироніей старикъ Бубновъ.

— Да вѣдь и дѣло только средство къ наслажденію, улыбнулась Зина.

Бубновъ пристально взглянулъ на нее.

— Позвольте, я васъ не совсѣмъ понялъ, сказалъ онъ.

— Люди работаютъ, чтобы имѣть средства для удовольствій, промолвила она.

— И больше ни для чего?

— Для чего же еще? удивилась Зина.

— А вотъ вашъ мужъ все думалъ, что можно трудиться для блага ближнихъ, усмѣхнулся Григорій Даниловичъ.

— Ну да, если человѣкъ видитъ наслажденіе въ благѣ ближнихъ, а не въ театрахъ, холодно замѣтила Зина.—Есть вѣдь люди, которые трудятся, чтобы накопить денегъ, другіе трудятся, чтобы только трудиться, — но вѣдь это значитъ, что у людей разные вкусы въ дѣлѣ наслажденій.

— О, въ этомъ случаѣ я съ вами согласенъ, сказалъ Григорій Даниловичъ. Я думалъ сначала, что наслажденіями вы считаете только балы и театры.

Digitized by Google

— Да вы и теперь не знаете, что *я* считаю наслажденіемъ, тихимъ смѣхомъ засмѣялась Зина.—Я только сказала, что у каждаго свои взгляды на это, но какіе *мои* взгляды — этого я не объясняла.

— Только вы, пожалуйста, не говорите моему рара, если вы любите балы и театры, а то онъ начнетъ брюзжать, засмѣялася звонкимъ смѣхомъ Мишель.

— А вы еще трусите, когда брюзжатъ? насмѣшливо улыбаясь, спросила его моя жена.

— Къ сожалѣнію, онъ никогда не трусилъ, и я былъ бы радъ, еслибы онъ хоть немного боялся моего брюзжанья, тяжело вздохнулъ Бубновъ.

— Видите, онъ или брюзжитъ, или жалуется на меня, продолжалъ смѣяться Мишель.—Рѣшительно несноснымъ старикашкой сталъ.

Бубновъ нахмурилъ брови. Ему было видимо непріятенъ этотъ довольно нахальный тонъ вѣтренаго сына. Въ эту минуту вошелъ Леевъ.

— Вы, кажется, видѣли другъ друга? обратился я къ нему и къ моей женѣ, рекомендуя ихъ.

— И твоя жена вѣроятно сочла меня за школьника, тайкомъ пробиравшагося въ кабинетъ учителя, улыбнулся Леевъ.—По крайней мѣрѣ, я такъ растерялся, встрѣтивъ Зинаиду Анатоліевну, что едва поклонился и изчезъ...

— Ей тѣмъ легче было принять тебя за школьника, что ты все еще выглядишь ребенкомъ, замѣтилъ я—Ты отчасти знаешь Леева изъ моихъ разсказовъ: это непостояннѣйшій изъ смертныхъ, лѣнтяй, какихъ мало, вѣчно веселый и беззаботный, сказалъ я Зинѣ.

Она пристально глядѣла на него, какъ будто провѣряя мои разсказы о его красотѣ.

— Ну это вы ему не вѣрьте, мнѣ вѣчно скучно и потому я вѣчно хохочу, перебилъ меня Леевъ.—Вѣдь вы и представить себѣ не можете, что за скука здѣсь, обратился онъ къ Зинѣ.—Утромъ дамы и мужчины въ должностяхъ и на визитахъ...

— Какъ, и женщины въ должностяхъ? съ удивленіемъ спросила моя жена.

— Ну да, по магазинамъ ѣздятъ...

Digitized by Google

— А! улыбнулась Зина.

— Потомъ обѣды, потомъ театръ, потомъ ужинъ, потомъ, сонъ и опять должность и визиты.

— Въ мужскихъ должностяхъ всѣ бумаги по одной формѣ пишутся: отношеніе за № такимъ-то, въ такой-то столъ и т. д. Въ женскихъ должностяхъ все тѣ же шляпки, платьица, бурнусики, мантильки изъ шелку, кружевъ и воздуху. На визитахъ все тѣ же толки о погодѣ, о новыхъ, въ сущности старыхъ, модахъ, о крестѣ Ивана Ивановича, о балѣ Марьи Ивановны et partout les petits commérages; обѣды всѣ похожи одинъ на другой, точно у всѣхъ готовитъ одинъ поваръ; балы—Боже мой, что это за балы!—все вертится, кружится, княжна Зизи показываетъ всѣмъ свои перламутровые зубы, скрывая всѣ остальныя кости подъ газомъ, графиня Мими показываетъ все остальное и только прячетъ свои черные зубы; статскіе играютъ роль разочарованныхъ, военные представляютъ побѣдителей; статскіе язвятъ языкомъ, военные побрякиваютъ саблями,—потомъ, о Боже мой! потомъ вся молодежь, наговоривъ комплиментовъ бриллiантамъ юныхъ дѣвъ, летитъ на пикники, а юныя дѣвы мечтаютъ, лежа въ постеляхъ, и сѣтуютъ, что у насъ полиція и холодъ не дозволяютъ пѣть серенады подъ окнами. Какъ разочаровались бы эти дѣвы, еслибы серенады было дозволено пѣть свыше: онѣ увидали бы, что ихъ поклонники не явились бы къ нимъ, блаженствуя въ объятіяхъ другихъ дѣвъ, неприманивающихъ бриллiантами, но приманивающихъ бриллiанты.

— Да, это вѣрная картина нашей безпутной свѣтской жизни. И этой-то жизнью дорожитъ наша юность!.. сказалъ со вздохомъ старикъ Бубновъ и еще разъ повторилъ:—Да, это вѣрная картина.

— Въ черномъ свѣтѣ все можно представить, замѣтилъ Мишель, по-дѣтски надувъ губы.

— Виноватъ, виноватъ, произнесъ Леевъ.—Я позабылъ еще цѣлую массу людей, которые не занимаются ни балами, ни театрами, ни серьезными разговорами въ дружескихъ кружкахъ. Утромъ они идутъ въ свою должность, въ свою лавку, въ свой магазинъ, берутъ взятки съ просителей, барыши съ покупателей, надуваютъ своего собрата по службѣ и сотоварища

Digitized by Google

по торговлѣ, обворовываютъ казну или объявляютъ себя злостными банкротами, пьютъ и ѣдятъ до отвала, копятъ деньги, рыбу ловятъ въ мутной водѣ и вечеромъ, мирно и долго помолившись передъ иконой, поправивъ пальцами лампаду и обтерѣвъ пальцы о свою голову, со вздохомъ праведниковъ, скорбя о гибели міра, идутъ спать... Если они сходятся по вечерамъ съ ближними, то для того, чтобы переговорить о новой плутнѣ или обыграть этихъ ближнихъ въ карты. Это вообще плотный, чистоплотный и набожный народъ...

Бубновъ кусалъ губы.

Я поспѣшилъ начать разговоръ съ Григоріемъ Даниловичемъ и пошемъ съ нимъ въ свой кабинетъ.

— Эхъ, скверное время мы переживаемъ, проговорилъ старикъ.—Этотъ щелкоперъ отчасти правъ; въ обществѣ пустота; образованія всѣмъ этимъ болтунамъ и танцорамъ не дали никакого. А этотъ болтунъ, вѣдь если бы зналъ дѣло, такъ не болталъ бы, а боролся бы противъ злоупотребленій, а то, поди-ка, его первый взяточникъ опутаетъ. И на что мы надѣемся? Куда идемъ? Серьезности, строгости въ воспитаніи нѣтъ. Я самъ тоже думалъ сперва, что это не важно, что съ лѣтами все прійдетъ,—нѣтъ, съ лѣтами уйдетъ все, а придти—ничего не придетъ. И вѣдь сколько денегъ уходитъ на эти балы, на эти театры. И все это только развращаетъ молодежь. Да чтожь въ самомъ дѣлѣ, куда мы идемъ?

— Я никакъ не думалъ, что вы недовольны существующимъ порядкомъ дѣлъ, замѣтилъ я отчиму.

— Да, я консерваторъ, я стою противъ разныхъ теорій, но именно потому-то я и недоволенъ взяточничествомъ, развращеніемъ общества, его мишурнымъ блескомъ, мотовствомъ.

Я внимательно слушалъ Григорія Даниловича, и передо мною пронеслись тѣни дяди, Марьи Васильевны, Леева, Палицина и Шепелева. Всѣ они были недовольны и всѣ шли все-таки въ разбродъ. Если бы ихъ свести вмѣстѣ, они не нашли бы никакой точки, общей для нихъ всѣхъ и только могли бы сказать одно: «Старое отжило!»

Digitized by Google

XII.

Трудъ и праздность.

Я долженъ былъ хлопотать объ устройствѣ своихъ матеріяльныхъ дѣлъ. При помощи Григорія Даниловича я нашелъ мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ, кромѣ того я рѣшился давать уроки и продолжать литературныя работы, составляя отчеты о новыхъ иностранныхъ книгахъ. У меня было приготовлено нѣсколько статей по политической экономіи и мнѣ удалось снова завязать прерванныя литературныя связи. Всѣ эти труды должны были дать мнѣ средства къ безбѣдной жизни и къ осуществленію моего плана на счетъ моихъ крестьянъ. Владѣя имѣніемъ нераздѣльно съ Мишелемъ, я не могъ отпустить крестьянъ на волю; но я не бралъ своей части оброковъ, и такимъ образомъ Мишель могъ пользоваться прежними доходами, крестьяне же могли вносить только половину прежнихъ оброковъ. Въ моихъ литературныхъ работахъ явился мнѣ помощникомъ Гриша. Онъ поселился со мною, писалъ подъ мою диктовку или переводилъ тѣ или другія отмѣченныя мною мѣста изъ иностранныхъ книгъ. Наши общіе труды, наши постоянныя пребыванія вмѣстѣ сблизили насъ еще болѣе и Гриша сталъ для меня необходимъ, какъ лучшій другъ, какъ любимый братъ, отъ котораго не было у меня никакихъ тайнъ. Простая и прямая натура этого человѣка привлекала къ себѣ невольно. Онъ любилъ меня и даже преувеличивалъ мои достоинства, извиняя въ то же время всѣ мои недостатки. Его отношенія къ Зинѣ были какія-то натянутыя: она какъ будто не замѣчала его, онъ старался быть вѣжливымъ съ нею, но въ тоже время старался какъ можно рѣже встрѣчаться съ нею, постоянно конфузясь въ ея присутствіи. Со мной онъ избѣгалъ разговоровъ объ ней, но я замѣчалъ, что онъ ее не любитъ, что онъ смотритъ на нее съ недовѣріемъ.

Но если на одной половинѣ дома шелъ усиленный трудъ, за то на другой продолжалось полнѣйшее бездѣйствіе. Зина не дѣ-

Digitized by Google

лала ничего. Она читала иногда книги, но чаще всего или принимала гостей, или сама дѣлала визиты и ѣздила по магазинамъ. Ея братъ, князь Аполлонъ, надутая и безцвѣтная личность, ея дядя, графъ Сухотинъ, угрюмый и важный старикъ; ея три кузины, княжны Сухотины, очень бойкія, очень болтливыя, очень хорошенькія собой и очень вѣтреныя дѣвушки; нѣкто Самаринъ, вѣчный спутникъ Сухотиныхъ, вѣстовщикъ скандаловъ, ухаживавшій за всѣми женщинами и въ томъ числѣ за моей женой; Мишель, Леевъ и еще нѣсколько личностей, принадлежавшихъ къ такъ называемому «свѣту», окружали Зину съ утра до поздней ночи. Сначала я выѣзжалъ съ женою на два, на три бала, на два, на три спектакля, но потомъ мнѣ пришлось отказаться или отъ выѣздовъ, или отъ части работы, дававшей мнѣ средства жить и не брать денегъ съ имѣнія. Я рѣшился серьезно объяснить Зинѣ, что я не могу жить такъ открыто, какъ ея родные, что я не придаю никакой цѣны этой праздной жизни, что я считаю нужнымъ трудиться, что, наконецъ, я совѣтую и ей не увлекаться этимъ наружнымъ блескомъ пустого и ничтожнаго свѣта.

— Да вѣдь лучшаго нѣтъ, надо пользоватся хоть этимъ свѣтомъ, отвѣтила Зина, пожимая плечами.

— Можно собрать кружокъ честныхъ и добрыхъ друзей, замѣтилъ я.

— Скучно, мой милый! зѣвнула Зина. — Это вѣдь придется тѣми мрачными разговорами заниматься, о которыхъ говорилъ Леевъ.

— Все же эти разговоры, если ужь честные люди по твоему мнѣнію ничего другого не выдумаютъ, лучше пустой болтовни и пляски.

— Не знаю, я охотнѣе говорю о пустякахъ, чѣмъ о серьезныхъ вещахъ, если изъ разговоровъ ничего не можетъ выйдти. Я дома гораздо охотнѣе говорила о разныхъ ненужностяхъ въ родѣ лошадей и книгъ, чѣмъ о такихъ горькихъ вопросахъ, какъ наша бѣдность или мои отношенія къ отцу и матери.

— Такъ-то такъ, но эта среда затягиваетъ, пустая жизнь опошляетъ человѣка...

— Ахъ, ты считаешь меня на столько глупенькою, что мнѣ, какъ школьницѣ, нужно постоянно повторять зады, чтобы не

Digitized by Google

сбиться въ случаѣ внезапнаго экзамена, засмѣялась насмѣшливымъ смѣхомъ Зина.

Я почти сконфузился. Мнѣ вновь показалось, что эта глубокая натура не можетъ затянуться въ пошлую среду. Я попробовалъ заговорить о трудѣ.

— Ужь не шить ли мнѣ самой себѣ платья? улыбнулась Зина.—Тогда моя бѣдная модистка останется безъ хлѣба.

— Ну ты и не умѣешь шить, улыбнулся я. — Но можно найдти болѣе полезное дѣло. Попробуй учить дѣтей даромъ...

— Филантропіей заниматься? Но вѣдь ты же противъ филантропіи пишешь?

— Я не признаю за филантропіей значенія радикальной мѣры для пересозданія общества. Но покуда существуетъ настоящій порядокъ дѣлъ, она можетъ приносить нѣкоторую пользу...

— То есть дать грошъ нищему, чтобы онъ умеръ съ голоду не сегодня, а завтра? пожала плечами Зина.

— Не совсѣмъ такъ. Сегодня ты поможешь ему, а завтра онъ, быть можетъ, найдетъ работу.

— О, милый, какое ты дитя! Если онъ въ десятки лѣтъ не нашелъ работы, то ужь, конечно, не найдетъ ее въ одинъ день.

Нашъ разговоръ не привелъ ни къ чему. Зина прямо объявила, что она не имѣетъ никакой охоты работать.

— Значитъ, мнѣ одному придется быть батракомъ, вздохнулъ я.

— Что это: упрекъ? гордо и сурово нахмурила она брови.— Если тебѣ трудно и непріятно работать для меня, то я могу жить изъ своихъ денегъ.

— Мнѣ не на тебя трудно работать, но мнѣ больно, что ты говоришь далеко не то, что говорила прежде, тѣшась мечтами о нашемъ будущемъ трудѣ, о нашей мирной жизни въ своемъ уголкѣ...

— Другъ мой, въ деревнѣ деревенскія мечты, въ городѣ городская жизнь, отвѣтила она насмѣшливымъ тономъ.

Я молча ушелъ въ свой кабинетъ. Мнѣ было тяжело и досадно, я не могъ обвинять Зину. Если кто нибудь былъ виноватъ въ моемъ несчастіи, то, конечно, это я самъ. Я не понялъ, что между мною и Зиной не было ничего общаго, я былъ влюб-

Digitized by Google

ленъ въ созданный мною идеалъ, а не въ нее. Но страшнѣе всего для меня была мысль, что, можетъ быть, моя ошибка сдѣлаетъ несчастною и Зину. Покуда она веселилась и только иногда упрекала меня за то, что я все сижу въ своемъ кабинетѣ.

— Вѣдь это скучно, милый, ты, точно волъ, вѣчно запряженъ въ плугъ, говорила она.

— Ты хочешь широко жить, Зина; для этого нужны деньги, вотъ я и работаю, отвѣчалъ я.

— Но у тебя есть имѣнье...

— Я не хочу жить на деньги бѣдняковъ...

— Но вѣдь ты платишь же за квартиру, отчего же они должны даромъ пользоваться твоею землею?

Я пробовалъ объяснить Зинѣ различіе между этими двумя явленіями, но она только пожимала плечами. Съ каждымъ днемъ пропасть между нами все расширялась, и трудно было сказать, на сколько мы разойдемся въ концѣ концевъ. Все дурное, что скрывалось въ Зинѣ до замужества, теперь ярко выглянуло на свѣтъ. Она была въ сущности все таже, но я не узнавалъ ее, не имѣя теперь возможности идеализировать тѣ или другіе ея взгляды или фразы. Она назначила четвергъ для пріема гостей. Собирались у нея по большей части ея чиновные родные, мой братъ, у меня сходились старикъ Бубновъ, нѣсколько студентовъ и два, три изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ; посредникомъ между двумя кружками былъ Леевъ,—онъ острилъ и въ гостиной моей жены, и пускался въ серьезные споры въ моемъ кабинетѣ. Зина была въ восторгѣ отъ его красоты, отъ его остроумія, отъ его веселости. Мнѣ было невыносимо слушать въ гостиной жены трескотню пустыхъ фразъ о театрахъ, балахъ, модахъ, французскихъ романахъ и мелкихъ свѣтскихъ интригахъ. Сотни остроумныхъ фразъ и анекдотовъ не выкупали той скуки, которая царила въ этомъ обществѣ. Я все рѣже и рѣже вмѣшивался въ разговоры и все чаще и чаще оставался съ своимъ кружкомъ въ кабинетѣ. Но въ одинъ изъ четверговъ мнѣ пришлось неожиданно принять участіе въ бесѣдѣ кружка моей жены. Я уже расположился у себя въ кабинетѣ, когда Гриша объявилъ мнѣ, что къ намъ пріѣхалъ дядя, Марья Васильевна и Наташа. Меньшовы до сихъ поръ еще не были у насъ, если не считать одного сдѣланнаго намъ визита, въ который они не застали ни

Digitized by Google

меня, ни Зины. Я вошелъ въ залу. Зина сухо разговаривала съ неожиданными гостями.

— Ну вотъ мило сдѣлали, что наконецъ-то собрались къ намъ, сказалъ я, пожимая руки своимъ старымъ друзьямъ.

Зина взглянула на меня страннымъ взглядомъ и тихо пожала плечами, словно говоря мнѣ, что я сказалъ глупость.

— Да что, батюшка, я три раза былъ у васъ, да тебя и съ собаками не сыщешь, громко заговорилъ дядя.—Какъ ни пріѣдешь, говорятъ: «баринъ на службѣ, барыня съ визитами уѣхали, либо баринъ и барыня на балу или въ театрѣ». Да прахъ васъ побери! говорю я, когда же ихъ застанешь дома? Мнѣ тоже старыя кости даромъ трясти на нашихъ гитарахъ неудобно. «По четвергамъ, говорятъ, господа бываютъ у себя». Ну, по четвергамъ, такъ по четвергамъ, и то ладно! Пріѣхалъ я домой и говорю Марьѣ Васильевнѣ: «ужь вы какъ хотите, а мы въ четвергъ возмемъ рыдванъ и всѣ нагрянемъ, какъ снѣгъ на голову, къ нашей молодежи!» Марья Васильевна и руками, и ногами: «какъ, да что, да зачѣмъ, молъ, мы поѣдемъ. Нарядовъ у насъ парадныхъ нѣтъ!»—«Ну, говорю, нѣтъ ужь, если не поѣдете — разсорюсь и переѣду, и не загляну къ вамъ никогда. Насъ вѣдь не за наряды любятъ». Испугалась она и согласилась. Ну вотъ мы и пріѣхали, говорилъ дядя на всю залу, постукивая палкой и разводя руками.

Старикъ былъ невыразимо милъ въ своей искренней, добродушной откровенности.

— И умно сдѣлали, промолвилъ я. — Мы дѣйствительно закружились и рѣдко бываемъ дома, но авось все скоро пріѣстся и тогда засядемъ на мѣстѣ.

— Пора, пора, Володюшка, остепениться! наставительно замѣтилъ дядя.—А куда же твоя жена пропала?

Я обернулся, мы были одни въ залѣ. Зина ушла въ гостиную.

— Въ другую комнату вышла. Тамъ гости, нельзя оставить однихъ, оправдалъ я жену.

— Ну, конечно, конечно! Вотъ и мы туда поплетемся. Ты насъ познакомь со всѣми. Я, знаешь, люблю общество.

Я не зналъ, что дѣлать. Во мнѣ кипѣла и злоба на жену, и тоскливое чувство за дядю, за Марью Васильевну, за Наташу,

Digitized by Google

Я чувствовалъ, что имъ придется играть незавидную роль среди этой свѣтской черни.

— Я тебя, дядя, лучше къ своимъ знакомымъ попрошу, сказалъ я и поручилъ Гришѣ проводить старика въ кабинетъ. Черезъ минуту я ввелъ Наташу и ея тетку въ гостиную. Всѣ глаза были обращены на нихъ. Зина уже успѣла шепнуть своимъ знакомымъ, что къ намъ явились непрошенные гости изъ «прежнихъ мужниныхъ знакомыхъ». Наташа и Марья Васильевна сконфузились, увидавъ блестящее общество въ гостиной, и, можетъ быть, растерялись бы окончательно, если бы ихъ не выручило совершенно неожиданное обстоятельство: отъ группы гостей отдѣлился Леевъ и быстро направился къ своимъ старымъ знакомымъ. Совершенно безсознательно я взглянулъ на Зину: она поблѣднѣла и сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Въ ту минуту я не обратилъ никакого вниманія на это и этотъ фактъ вспомнился мнѣ только послѣ.

— Вотъ неожиданная и счастливая встрѣча! проговорилъ Леевъ съ своей дѣтски-веселой улыбкой.—Какъ это вы рѣшились оставить свой маленькій рай?

— Капитанъ вытащилъ, отвѣтила Марья Васильевна.

— А! и милѣйшій капитанъ здѣсь!

— Пріѣхалъ.

— Значитъ, здоровъ и бодръ, какъ всегда.

Леевъ усѣлся рядомъ съ Наташей и ея теткой. Я воспользовался удобной минутой и подошелъ къ женѣ.

— Займи, пожалуйста, Марью Васильевну и ея племянницу, отрекомендуй ихъ кому нибудь, сказалъ я шепотомъ.—Вѣдь ихъ положеніе среди незнакомыхъ людей очень неловко.

— Мой другъ, я нисколько не виновата въ неловкости ихъ положенія въ незнакомомъ домѣ, отвѣтила сухимъ тономъ Зина.

— Въ незнакомомъ домѣ? У насъ, почти у родныхъ? Что ты говоришь...

— Я ихъ почти не знаю.

— Но ты сама была у нихъ.

— Онѣ могли понять, что ты привезъ меня тогда къ нимъ, но сама я къ нимъ не ѣздила.

— Я попрошу тебя занять ихъ или...

Digitized by Google

— Что? прервала меня Зина, смѣрявъ меня презрительнымъ и вызывающимъ взглядомъ.

— Или твои гости испытаютъ такой же пріемъ съ моей стороны, отвѣтилъ я холоднымъ тономъ.

Зина отвернулась отъ меня, избѣгая моего взгляда.

— Да скажи, пожалуйста, за какимъ чортомъ ты меня въ кабинетъ послалъ, когда тамъ сидитъ эта подлая тварь? громко раздался позади меня голосъ дяди, стучавшаго въ негодованіи костылемъ.

Я обернулся и хотѣлъ остановить его, но онъ съ свойственною ему живостью уже успѣлъ обратиться къ моей женѣ.

— Вы вообразите себѣ, заговорилъ онъ, — этотъ негодяй, мой старый врагъ, Гришка Бубновъ, осмѣливается мнѣ протягивать руку и о моемъ здоровьѣ спрашивать! Мучитель спрашиваетъ о здоровьѣ своей жертвы! Это насмѣшка! злая насмѣшка! Онъ жену свою, мою племянницу, уморилъ, онъ-съ...

— Позвольте, здѣсь его сынъ, сухо замѣтила Зина,—и мнѣ было бы непріятно, если бы онъ услыхалъ васъ...

— А пусть его слушаетъ! воскликнулъ дядя.—Если онъ такой же негодяй, какъ его отецъ, то и по дѣломъ ему; если же онъ порядочный человѣкъ, то онъ пойметъ, что я правъ.

— Полно, дядя, промолвилъ я, и отвелъ его къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли Леевъ, Наташа и ея тетка.

Великосвѣтскіе друзья моей жены шептались и лорнировали насъ. Гостиная превратилась въ театральную залу, гдѣ нашъ кружокъ неожиданно превратился въ группу актеровъ, разыгрывающихъ увеселительную пьесу. Зина не считала нужнымъ отвлечь отъ насъ вниманіе своихъ знакомыхъ и своимъ отношеніемъ къ дядѣ и двумъ бѣднымъ женщинамъ давала полное право каждому смотрѣть на неожиданныхъ посѣтителей съ презрительными усмѣшками. Болѣе всего, какъ узналъ я послѣ, раздражало ее то, что среди нашего кружка находился Леевъ, уже весело и громко смѣявшійся и вызывавшій смѣхъ своихъ собесѣдницъ.

— Нѣтъ, братъ, Володя, какъ посмотрю я у васъ на все, такъ это не то, что въ наше время было, заговорилъ дядя.— Бывало, всѣ это мы въ кружокъ усядемся, и идутъ у насъ разсказы, кто про домовыхъ, кто про походы кто про шуле-

Digitized by Google

ровъ разсказываетъ, а то фанты затѣемъ или танцы. Фью, какъ отплясываемъ, бывало. Тоже зимой, знаешь, горы на дворахъ у себя устраивали многіе. На рогожѣ это, знаешь, и не опасно, и хорошо. Хохотъ, крики, барышни визжатъ: ай, ай!

Капитанъ воодушевился и шумѣлъ на всю гостиную. Я видѣлъ, что всѣ обратили на него вниманіе.

— Вотъ вѣдь такъ же иныя трудомъ хлѣбъ добывали, какъ нашъ ангелъ, Марья Васильевна; ну шьютъ, шьютъ недѣлю-то всю, гнутъ горбъ, а ужь въ праздничекъ и гуляютъ. И дружно все было, тепло! А теперь что у васъ? Одни вонъ въ одномъ углу, другіе—въ другомъ. Поди-ка Бубновъ теперь меня ругаетъ, а вотъ я его. Да что мы! Мы чужіе, мы враги! А, я думаю, сынокъ-то его—гдѣ онъ, Володюшка, ты мнѣ покажи эту птичку—вотъ онъ-то, я думаю, тоже батюшкѣ бока мнетъ. Ждетъ, я думаю, когда старикъ умретъ. Да, Володюшка, нѣтъ нынче общества, нѣтъ друзей!

— Полноте, дядя, вѣдь мы же дружны, проговорила Наташа, вся пунцовая отъ смущенія.

— Мы, мы! Мы, маточка, старыя кочерги!

Наташа улыбнулась почти сквозь слезы; она ясно видѣла, что надъ ея старымъ другомъ смѣются въ другомъ концѣ комнаты.

— Да смѣйся, смѣйся, а и ты стараго закала человѣкъ, задушевно произнесъ дядя,—ты въ святой семьѣ росла, не во французскомъ пансіонѣ, не въ заднихъ комнатахъ у гувернатки воспитывалась. Ты на трудовыя деньги вырощена, а это великое дѣло!

— А вы меня не узнали? послышался около насъ голосъ Мишеля.

Мишель стоялъ противъ дѣда; я замѣтилъ, что недалеко отъ насъ три молоденькія кузины моей жены смотрѣли на него съ особеннымъ любопытствомъ. Лицо Мишеля приняло нахальное, насмѣшливое выраженіе, котораго не выносилъ Григорій Даниловичъ при разговорахъ съ сыномъ.

— Не имѣю чести знать! отвѣтилъ дядя и уже хотѣлъ по своему обыкновенію принять важную осанку, обдернувъ сюртукъ

— Я вашъ внукъ, промолвилъ Мишель съ улыбкой.

— То есть сынъ господина Бубнова? нахмурился дядя.

Digitized by Google

— Сынъ моей матери и вашей племянницы, отвѣтилъ Мишель, улыбаясь еще развязнѣе, еще наглѣе.

Онъ видимо замышлялъ разыграть комедію.

— Не имѣю чести знать, не имѣю чести знать, пробормоталъ дядя.—Мой внукъ — Володя, моя внучка — Наташа, мои родные тѣ, которые любятъ меня.

— Дѣдушка, неужели вы оттолкнете своего внука, комически-жалобнымъ голосомъ промолвилъ Мишель. — О жестокосердый...

— Молокососъ, молокососъ! поднялся во весь ростъ дядя, понявъ наглую выходку внука и стуча костылемъ.

— За что вы сердитесь, милый дѣдушка?

Я поблѣднѣлъ отъ этой мальчишески-глупой выходки Мишеля. Я зналъ, что онъ не лучше обращался иногда съ отцомъ, что въ настоящемъ случаѣ надо поскорѣе кончить эту исторію.

— Я тебя попрошу извиниться передъ дядей и выйдти вонъ, проговорилъ я брату, не владѣя собой.

Мишель весь вспыхнулъ.

— Это... это... очень... забормоталъ онъ въ смущеніи.

— Извините, обратился я къ кузинамъ жены, незамѣтно приблизившимся къ намъ. —Эти мальчики очень нахальны и ихъ нужно учить.

Я холодно взялъ за руку Мишеля и подвелъ его къ опустившемуся снова на кресло дядѣ. Мишель, вѣроятно, чувствовалъ сильную боль въ сжатой мною рукѣ и стиснулъ зубы.

— Нашъ дѣдъ, заговорилъ я почти шепотомъ, спокойнымъ, сдержаннымъ тономъ, — принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на чести которыхъ нѣтъ ни одного пятна. Онъ былъ благодѣтелемъ нашей матери, и если на тебѣ теперь красуется этотъ мундиръ...

Я потрясъ мундиръ Мишеля.

— То даже имъ ты обязанъ самоотверженной любви дѣда. Твой отецъ и твоя мать были бы очень небогаты, если бы дѣдъ не бросилъ имъ щедрою рукою въ подаяніе деревню. Оскорбляя дѣда, ты становишься хуже послѣдняго негодяя, хуже послѣдняго нищаго.

Я сильнѣе стиснулъ руку брата и толкнулъ его къ дѣду.

— Извините меня, пробормоталъ онъ тоже шепотомъ, почти

Digitized by Google

плача. — Мнѣ никогда и ничего не говорили о томъ, что я узналъ теперь...

Капитанъ махнулъ рукой и поднялся съ мѣста.

— Поѣдемте, проговорилъ онъ Марьѣ Васильевнѣ и Наташѣ.

— Голубчикъ, ты скажи, что я по глупости сошкольничалъ, пусть старикашка не сердится, со слезами прошепталъ мнѣ Мишель, какъ добрый, провинившійся ребенокъ.

— Послѣ, теперь не время, отвѣтилъ я, но мнѣ было отъ души жаль этого добраго, мягкаго, но крайне испорченнаго и вѣтренаго ребенка.

Я пошелъ, чтобы проводить дядю, Меньшовыхъ и Леева, который ѣхалъ съ ними. Гости моей жены группами стояли поодаль и смотрѣли на насъ съ насмѣшливыми улыбками. Въ дверяхъ гостиной, сложивъ на груди руки, стоялъ Григорій Даниловичъ; онъ, какъ я узналъ послѣ, былъ свидѣтелемъ всей сцены дяди съ его сыномъ. Его лицо было угрюмо. Онъ неторопливо отдѣлился отъ дверей, увидавъ, что дядя уходитъ, и подошелъ къ старику.

— Извините, капитанъ, моего сына. Мнѣ больно и за него, и за себя! произнесъ искреннимъ тономъ Григорій Даниловичъ.

— Богъ его проститъ. Это вѣдь все итоги старыхъ счетовъ подводятся, промолвилъ дядя и на ходу кивнулъ головою Бубнову, не обративъ вниманія, что тотъ протянулъ руку, какъ нищій, напрасно ждущій подаянія.

Проводивъ дядю, я прошелъ въ свой кабинетъ. Мнѣ было невыносимо скверно. Я сѣлъ за столъ и опустилъ на руки голову. Это были минуты какого-то полнѣйшего безсилія, когда человѣкъ не знаетъ, что сдѣлать, и готовъ убѣжать куда нибудь, только бы скрыться отъ своей настоящей жизни. Я чувствовалъ, что мой разладъ съ женою увеличился въ этотъ вечеръ болѣе, чѣмъ онъ увеличивался во всѣ предыдущіе дни. Прошло съ полчаса или болѣе. Наконецъ я очнулся и всталъ, чтобы взять стаканъ воды. Къ моему удивленію, передо мной былъ Григорій Даниловичъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, подложивъ себѣ подъ локоть подушку и смотрѣлъ на меня грустными глазами.

— Васъ разстроила вся эта исторія съ моимъ негодяемъ, произнесъ онъ.—Но не сердитесь на него и не судите его

Digitized by Google

очень строго. Онъ не злой малый, но я избаловалъ его, испортилъ его. Вотъ такъ-то онъ обращается и со мною...

Бубновъ опустилъ на грудь голову, онъ былъ жалокъ въ эту минуту.

На слѣдующій день утромъ я холодно встрѣтился съ женою, точно что-то вдругъ легло между нами. Я, она и Гриша сидѣли за завтракомъ и молчали.

— Я не желала бы, чтобы въ моихъ комнатахъ появлялись Марья Васильевна и ея племянница, замѣтила мнѣ Зина, храбро прерывая молчаніе.

— Я думаю, твои комнаты въ то же время мои, сказалъ я,—а во-вторыхъ, Меньшовы бываютъ у насъ такъ рѣдко, что это стѣснить тебя не можетъ.

— Ни часто, ни рѣдко не хотѣлось бы мнѣ ихъ видѣть, отвѣчала Зинаида.—Моимъ гостямъ вовсе не интересно слушать разсказы о катаньи на рогожахъ, о шитьѣ бѣлья и швеяхъ и наконецъ многихъ просто стѣсняютъ эти мѣщанки...

— Дураковъ? сказалъ я.—Эти мѣщанки стоятъ цѣлой головой выше какихъ нибудь праздношатающихся шалопаевъ, въ родѣ Самарина, переносящаго сплетни изъ гостиной въ гостиную, или обратившихся къ ханженству женщинъ, въ родѣ княгини Сухотиной...

— Я тебѣ не позволю...

— Ну, позволенья я у тебя на стану спрашивать и наконецъ прекращу посѣщенія всей этой мошеннической шайки.

Гриша незамѣтно удалился изъ комнаты, видя, что нашъ разговоръ становится рѣзкимъ.

— Что съ тобой? Ужь не ревнуешь ли ты меня къ Самарину? усмѣхнулась Зина и вдругъ нахмурила брови. — Или этотъ гнѣвъ—слѣдствіе того, что я не желаю принимать двухъ женщинъ, съ которыми ты и Леевъ стоите Богъ знаетъ въ какихъ отношеніяхъ.

Я стиснулъ зубы. Я начиналъ смутно понимать, что она ревнуетъ Леева къ Наташѣ.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, произнесъ я.—Но я тебѣ повторяю, что принимать эту свѣтскую дрянь я больше не буду.

— Тѣ, кого ты ругаешь, ходятъ ко мнѣ...

Digitized by Google

— Ну, этихъ разграниченій нельзя дѣлать въ одной квартирѣ. Вѣдь не завести же двѣ половины, какъ было у твоей матери, по двѣ комнаты каждая половина.

— Оттого и нельзя завести двѣ половины, что мы живемъ не по состоянію.

— Да, ты тратишь слишкомъ много.

— Я трачу свое. Да я не о томъ говорю. Мы живемъ хуже, чѣмъ мы могли бы жить. Богъ знаетъ, для чего ты не берешь деньги съ имѣнія.

Я промолчалъ, я не хотѣлъ снова объяснять ей свои взгляды на это дѣло.

— Кажется, странно лишать себя необходимаго и копить деньги, продолжала она.—Эта жадность не позволяетъ намъ жить, какъ слѣдуетъ, и заводить связи въ свѣтѣ.

— Чортъ его возьми, этотъ свѣтъ. Для него я не стану тратить чужихъ денегъ. Крестьянскія деньги не мои.

— Не хочешь ли ты отдать заработанныя тобою деньги мужикамъ?

— Можетъ быть, сухо отвѣтилъ я.—Во всякомъ случаѣ, я тутъ могу не спрашивать тебя, какъ ты не спрашиваешь моихъ совѣтовъ, распоряжаясь своими деньгами.

— Мы, кажется, никогда ни до чего не договоримся.

— Мы уже договорились до того, что или и ты, и я не будемъ принимать непріятныхъ кому нибудь изъ насъ знакомыхъ или разъѣдемся, холодно промолвилъ я.

Зина поблѣднѣла. Она молча встала и вышла изъ комнаты.

Съ этого дня наша жизнь пошла какъ-то въ рознь. Теперь Зинаида принимала все большее и большее число своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, желая показать мнѣ, что она не намѣрена покориться «моимъ прихотямъ»; я съ Гришей все чаще и чаще посѣщалъ Меньшовыхъ и дядю, желая отдохнуть въ ихъ маленькомъ раю. Моя жена, между прочимъ, находилась въ такомъ положеніи, что ей нельзя было слишкомъ часто выѣзжать на балы. Это ее раздражало. Иногда у ней раздраженіе доходило до жалобъ, до слезъ.

— Когда же это наконецъ кончится! Мы женщины — несчастныя созданія, говорила она мнѣ.—Лучшіе годы должны возиться съ дѣтьми.

Digitized by Google

— Это такія святыя обязанности, которыми можно гордиться, замѣтилъ я.

— Ахъ, это говорятъ обо всѣхъ обязанностяхъ тѣ, у кого этихъ обязанностей нѣтъ! раздражительно отвѣтила она.

Въ ней не было и тѣни святого материнскаго чувства любви къ будущему младенцу. Это меня и огорчало, и еще болѣе отталкивало отъ нея. Наконецъ я сдѣлался отцомъ.

Мой милый, дорогой сынъ, мой Володя лежалъ у меня на рукахъ, и я давалъ мысленно обѣтъ сдѣлать все, чтобы онъ вышелъ честнымъ человѣкомъ. Зинаида отказалась кормить его, и черезъ шесть недѣль она уже стремилась на дачу въ Петергофъ, въ тогдашнее модное лѣтнее мѣстопребываніе петербургскаго высшаго круга, чтобы принять участіе въ проектированныхъ ея кружкомъ катаньяхъ и кавалькадахъ. Ребенокъ не интересовалъ ее, онъ находился на рукахъ кормилицы, и только иногда его выносили въ комнаты Зины, чтобы показать кружева и шелкъ его нарядовъ. Я иногда не бывалъ на дачѣ по два и по три дня, занимаясь дѣлами въ Петербургѣ. Но каждый разъ, когда я возвращался на дачу, я или не заставалъ Зину дома, узнавалъ, что она уѣхала кататься съ Леевымъ и Самаринымъ, или слышалъ, что Зина дома и у нея сидятъ Самаринъ и Леевъ. Леевъ и Самаринъ сдѣлались ея неразлучными спутниками. Мнѣ становились странными ихъ отношенія. Самаринъ ухаживалъ за Зиной, но она смѣялась надъ нимъ. Леевъ обращался съ нею небрежно, менѣе всѣхъ другихъ соглашался съ нею, восхищался при ней Наташей, говорилъ, что онъ могъ бы любить женщину не болѣе года, объяснялъ, что, впрочемъ, до сихъ поръ не встрѣчалъ даже и такой женщины, которую могъ бы полюбить хоть на годъ, ручался, что онъ и не встрѣтитъ никогда такой женщины, а между тѣмъ Зина заискивала въ немъ и только въ немъ одномъ. Она, кажется, хотѣла доказать всѣмъ, называвшимъ красавца Леева безсердечнымъ человѣкомъ, что этотъ холодный красавецъ, этотъ эгоистъ, этотъ лѣнтяй будетъ у ея ногъ, откажется отъ своей лѣни, забудетъ свой сонъ, чтобы только быть около нея. Она иногда любезничала при Леевѣ съ Самаринымъ, старалась возбудить ревность въ Леевѣ, но это не удавалось, и Зинаида снова начинала ухаживать за Леевымъ. Я начиналъ ясно

Digitized by Google

видѣть всю завязку этой странной капризной игры въ кошки и мышки. Но покуда я еще не зналъ, на сколько серьезно любитъ моя жена Леева, я думалъ, что она просто играетъ съ нимъ отъ бездѣлья, заводитъ одну изъ тѣхъ пустыхъ и глупыхъ интригъ, которыя такъ часто развлекаютъ свѣтскихъ барынь отъ скуки и праздности ихъ жизни. Однажды я засталъ Леева у себя въ комнатѣ.

— А! здравствуй, дамскій угодникъ, весело поздоровался я съ нимъ.

— Ну, братъ, плохой я угодникъ, лѣнивъ слишкомъ и спать люблю, такъ что непремѣнно проспалъ бы часъ своей свадьбы, замѣтилъ онъ.

— Однако, за тобой, кажется, всѣ барыни ухаживаютъ...

— Да вѣдь это всегда такъ бываетъ, промолвилъ Леевъ.— Человѣкъ ищетъ всю жизнь фортуну, не спитъ ночей, бѣгаетъ за ней всюду

Et la trouve, assise à la porte.

De son ami plongé dans un profond sommeil.

— Ну, въ такомъ случаѣ, конечно, и сонливый лѣнтай отворитъ ей двери.

— Конечно, но я съ условіемъ отворяю, чтобы меня не очень безпокоили счастьемъ, а главное, чтобы оно не очень долго длилось.

— Милое правило!

Леевъ засмѣялся.

— Впрочемъ, я и при этихъ условіяхъ очень рѣдко отворяю двери фортунѣ: лѣнь и сонъ прежде всего, прибавилъ онъ.—Но шутки въ сторону, мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою...

Нашъ разговоръ прервался приходомъ Зины. Я надѣялся объясниться съ Леевымъ при первой возможности, но дня черезъ два или три, гуляя по саду, я увидалъ въ травѣ бумажку. Это было письмо. Я машинально прочелъ и не сразу понялъ его.

«Писать—для меня наказаніе, а вы требуете отвѣта, говорилось въ письмѣ.—Вы, право, странная женщина. Что вамъ за охота выбирать для своей первой, какъ вы говорите, любви такое лѣнивое существо, какъ я. Я вамъ двадцать разъ повто-

Digitized by Google

рялъ, что я, можетъ быть, и полюбилъ бы васъ, но что лѣнь для меня еще дороже, а вы заставляете меня вставать въ извѣстные часы для катаній и скакать по садамъ и паркамъ. Вотъ и теперь скачка предстоитъ. Конечно, я пріѣду, но ей Богу, въ одинъ прекрасный день я залягу въ постель и никакія прелести любви не вызовутъ меня оттуда. Повѣрьте, что въ концѣ концевъ вамъ будетъ не веселѣе со мною, чѣмъ съ вашимъ мужемъ. Вашъ лѣнивый другъ Леевъ».

«Это къ ней», подумалъ я и смялъ письмо въ рукахъ. Мнѣ не было больно, во мнѣ не было ревности, я уже не любилъ Зину,—но мнѣ было тяжело, страшно сознавать, что я не могу разойтись съ нею и порвать наши тяжелыя для обѣихъ сторонъ связи. Меня изумилъ и тонъ письма Леева, этотъ тонъ ясно показывалъ, что Леевъ не любитъ Зинаиду. Я рѣшился объясниться съ женою.

— Зина, намъ надо поговорить, сказалъ я ей, появляясь въ ея комнатѣ.

Жена моя вздрогнула и, кажется, испугалась. Мы уже такъ давно не бесѣдовали съ ней ни о чемъ! Она не отвѣтила ни слова. Мнѣ приходилось говорить прямо.

— Въ какихъ отношеніяхъ ты находишься къ Лееву? спросилъ я.

Она продолжала молчать.

— Ты его любишь?

Она посмотрѣла въ сторону, избѣгая встрѣчи съ моимъ взглядомъ и проговорила сквозь зубы:

— Да.

Ея голосъ былъ какъ то сухъ и отрывистъ.

— Это надо было сказать раньше и не ставить меня въ ложныя отношенія къ тебѣ, проговорилъ я.

— Я тутъ ни въ чемъ не виновата, произнесла она, хмуря брови.

— Я и не думаю обвинять тебя за любовь къ нему, но мнѣ больно, что ты во время не предупредила меня...

— Я боролась съ собой, заговорила она,—я думала, что все кончится само собой, потому и не говорила. Ты долженъ былъ это предвидѣть. Ты женился на мнѣ, когда я не видала людей и свѣта. Я шла за тебя потому, что ты первый предложилъ

Digitized by Google

мнѣ выйдти изъ семейнаго омута. Ты могъ понять, что это была не любовь.

Она говорила безсвязно, все болѣе и болѣе сдвигая брови. Я видѣлъ, что она искала оправданій себѣ и поспѣшилъ убѣдить ее, что я ее и не думаю обвинять.

— Значитъ, ты находишь, что я ошибся? сказалъ я.

— Ну да.

— А ты понимала, что ты не любишь меня?

— Да... но я думала, что я со временемъ полюблю тебя.

— И тоже ошиблась?

Она посмотрѣла на меня: я былъ холоденъ и спокоенъ.

— Да, глухо прошептала она.

— Значитъ, мы оба ошиблись, оба равно виноваты и теперь не время толковать о томъ, кто изъ насъ былъ болѣе виноватъ—ты или я. Я не за тѣмъ и началъ объясненіе. Дѣло въ томъ, что я не стану жить съ женщиной, которая любитъ другого и совершенно не любитъ меня. Если между нами не будетъ никакой внутренней связи, то будетъ просто подло сохранять внѣшнюю связь. Если ты будешь тѣсно связана съ Леевымъ и будешь жить съ нимъ, прикрываясь мною, то это будетъ недостойно и тебя, и Леева.

— Что же, ты хочешь развода? спросила она.

— Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ бы, чтобы ты жила врознь со мною, если ты сознаешься, что между нами нѣтъ ничего общаго, если ты чувствуешь, что привязанность къ Лееву дѣло серьезное...

— Ты непремѣнно хочешь скандала? съ горькой усмѣшкой произнесла она.

— Я хочу, напротивъ того, прекратить скандалъ.

— Хорошо прекращеніе скандала: ты сдѣлаешь и меня, и себя предметомъ пересудовъ, толковъ свѣта.

Я понялъ, что для нея все святое заключалось въ толкахъ свѣта, что она готова была сдѣлать все, но такъ сдѣлать, чтобы объ этомъ не говорилъ свѣтъ. Теперь мнѣ стало ясно, что въ былыя времена она сторонилась отъ сосѣдей не потому, что они были гадки и пусты, а потому, что она была бѣдна и не могла играть въ ихъ кружкахъ первой роли.

— Мы съ тобой и тутъ расходимся во мнѣніяхъ: я боюсь

Digitized by Google

дурныхъ поступковъ и не обращаю вниманія на то, что говорятъ обо мнѣ, промолвилъ я.—Ты же еще не дошла до того убѣжденія, что свѣтъ иногда бросаетъ грязью въ самыя святыя личности, что нужно только заботиться о честности своихъ поступковъ, а не о томъ, какіе толки они вызовутъ.

— А, это все медвѣжьи теоріи!

— Что? удивился я.

— Я говорю, что это все медвѣжьи теоріи, повторила Зинаида.—Ты вообще смотришь на все, какъ могъ бы смотрѣть медвѣдь, засѣвшій въ свою берлогу, невылѣзающій изъ нея и потому плюющій на все, что говорится вокругъ него. Но вѣдь мы живемъ въ обществѣ, мы должны подчиняться его приличіямъ и обычаямъ.

— То есть развратничать тайкомъ и не смѣть смѣло сказать, что наша любовь не развратъ?

— Я не развратничаю, я люблю Леева, и ты давно могъ понять, что я не люблю тебя, строптиво проговорила Зинаида.

— Неужели ты не можешь понять, что жить съ человѣкомъ, котораго не любишь, скверно, нечестно?

— Развѣ я виновата, что бракъ нельзя расторгнуть?

— Можно разойдтись безъ формальнаго развода, можно жить отдѣльно въ одномъ и томъ же домѣ или уѣхать за-границу съ Леевымъ—толковъ не будетъ. Барыни наши такъ часто ѣздятъ на свободу за-границу. Мы будемъ оба свободны.

Она пристально посмотрѣла на меня.

— Тебѣ, вѣроятно, тоже нужна свобода?

Мнѣ стало гадко, я понялъ, что Зинаида намекаетъ на мою дружбу съ Наташей.

— Теперь ты не имѣешь права спрашивать меня объ этомъ, и я имѣю право не отвѣчать на подобные вопросы, проговорилъ я.

— На что ты рѣшаешься? спросилъ я черезъ минуту.—Во мнѣ оборвалась послѣдняя связь съ этой женщиной.

Она испугалась.

— Я не знаю... Какъ онъ...

— Ты переговори съ нимъ...

— Но, можетъ быть, ему нельзя...

— Мнѣ все равно. Во всякомъ случаѣ, между нами все

Digitized by Google

кончено. Переговори съ Леевымъ. Это единственный исходъ для насъ, если ты не намѣрена прекратить связи съ этимъ человѣкомъ...

Зина поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, но закусила губы и вдругъ закрыла лицо руками.

— Зина, о чемъ же ты плачешь? проговорилъ я съ невольнымъ участіемъ.—Ты еще можешь быть счастлива съ нимъ...

— Ступай, ступай, мнѣ не нужно сожалѣній! быстро проговорила она, глухо рыдая.

Я поднялся съ мѣста и пошелъ.

Мнѣ было тяжело. Я сознавалъ, что между нами все кончено, и не о томъ тужилъ, что разошелся съ этой женщиной. Теперь она стала мнѣ противна по своимъ убѣжденіямъ. Меня мучило только раскаянье за мою недальновидность и грызла мысль, что я загубилъ и себя, и ее, и Леева, такъ какъ бракъ нерасторжимъ, и намъ всѣмъ придется стоять въ ложныхъ отношеніяхъ. Но я не вполнѣ понималъ, о чемъ плачетъ она. Эти слезы не могли быть слѣдствіемъ раскаянья. И въ чемъ ей было раскаяваться, если она дѣйствительно не любила меня и любила Леева? Или дѣйствительно мои подозрѣнія были вѣрны и Леевъ не любилъ ее? Я отправился къ нему и объявилъ ему, что я говорилъ съ женою.

— Я невольно какъ будто сталъ на твоей дорогѣ, промолвилъ онъ.

— Ни ты, ни кто нибудь другой не становились на моей дорогѣ, перебилъ я его,—я самъ сошелъ съ нея гораздо раньше. Къ сожалѣнію, я понимаю теперь, что мнѣ совсѣмъ было не нужно идти на этотъ путь. Я никогда не любилъ ее, я любилъ созданный мною призракъ. Она же и того не любила. У нея былъ только расчетъ.

— Ты слишкомъ строгъ къ ней, сказалъ Леевъ.

— Что это у тебя серьезная любовь?

— Я ее совсѣмъ не люблю, отвѣтилъ Леевъ.

Эти слова обдали меня, какъ холодная вода. Я не могъ говорить отъ душевнаго волненія.

— Ты знаешь меня, продолжалъ Леевъ,—больше всѣхъ женщинъ люблю я свободу...

Digitized by Google

— То есть въ одинъ прекрасный день, поигравъ съ нею, ты бросишь ее? съ невольнымъ отвращеніемъ замѣтилъ я.

Леевъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами.

— Да я и не игралъ съ нею, отвѣтилъ онъ. Если съ кѣмъ нибудь играли, такъ это со мною. Я говорилъ ей двадцать разъ, что не могу любить ее и не могу играть въ любовь съ нею, какъ съ женою близкаго мнѣ человѣка.

— Ну, ну и что же? торопливо допрашивалъ я; я былъ какъ бы въ какомъ-то чаду.

— Что?... Она смѣялась... Меня лѣнь одолѣваетъ, а она зоветъ меня на катанье, пріѣду—она торжествуетъ.

— Зачѣмъ же ѣздилъ?...

— Пробовалъ не ѣздить...

— Ну?

— Нѣтъ, братъ, ты не знаешь, что можетъ сдѣлать женщина, если ей хочется, чтобы ей повиновались! съ отчаяньемъ воскликнулъ Леевъ.—Я думалъ, что мало-по-малу я ей докажу невозможность нашей связи, но покуда мнѣ не удалось это сдѣлать... Когда я начиналъ говорить о тебѣ, мнѣ указывали на Самарина и говорили, что если не я, то онъ, или кто нибудь другой станетъ на твоей дорогѣ, что жить съ тобою она не можетъ... Ты понимаешь, что объявить тебѣ это, чернить передъ тобою твою жену, обрывать семейное счастье я не могъ...

Я схватился за голову.

Опять я видѣлъ въ поступкахъ Зины то же желаніе покорить себѣ человѣка, поставить на своемъ, не думая о послѣдствіяхъ. Я понималъ вполнѣ что и теперь Зина въ сущности, можетъ быть и безсознательно, дорожила не Леевымъ, а своею побѣдою. Ей хотѣлось покорить этого человѣка, сдѣлать его своею игрушкою и, можетъ быть, потомъ насмѣяться надъ нимъ же. Я видѣлъ во всемъ этомъ слѣды того глубокаго свѣтскаго разврата, который подталкиваетъ людей отъ бездѣлья играть самыми святыми чувствами и отношеніями. И что же святого могло выработаться въ душѣ этой женщины, видѣвшей въ дѣтствѣ связь своей матери съ гувернеромъ и связь своего отца съ крѣпостной горничной?

— Что же будетъ теперь, что мы станемъ дѣлать? говорилъ

Digitized by Google

я въ отчаяньи, ходя по комнатѣ Леева.—Ты не поѣдешь съ нею за-границу?

— Я? изумился онъ.—Я тебѣ говорю, что я не любилъ и не люблю ее. Я пріѣзжалъ къ тебѣ на-дняхъ объясниться, мнѣ помѣшали...

Я опять взялся за голову. Я былъ похожъ на сумасшедшаго. Я не могъ придумать. что дѣлать. Мнѣ показалось, что лучше всего молчать и не вспоминать объ этой исторіи. Леевъ рѣшился не ѣздить къ намъ.

Это было въ концѣ лѣта. Мы переѣзжали съ дачи. Зина выглядѣла мрачною и угрюмою. Я не говорилъ ни слова объ ея отъѣздѣ за-границу и жилъ на своей половинѣ съ Гришей, являясь только къ обѣду въ общія комнаты. Въ это время единственною отрадою для меня были Меньшовы и Гриша. Эти люди, почти не зная моихъ семейныхъ обстоятельствъ, видѣли, что я худѣю, что я грустенъ и принимали во мнѣ участіе. Наташа въ это время хлопотала о помощи разнымъ бѣднякамъ, учила даромъ дѣтей, волновалась сотнями различныхъ вопросовъ. Жизнь въ ней билась ключомъ. Глядя на это живое, подвижное созданіе, я вспоминалъ о давнопрошедшихъ годахъ моей юности и благословлялъ мысленно эту дѣвушку на лучшую долю, чѣмъ моя доля. Иногда она заходила къ намъ съ просьбами помочь тому или другому нуждающемуся семейству. Зина почти никогда не выходила къ ней и оставляла насъ однихъ. Однажды я собирался выйти изъ дома, когда ко мнѣ вошелъ Гриша и сказалъ о приходѣ Наташи. Она рѣдко появлялась въ нашемъ домѣ и потому я былъ изумленъ ея утреннимъ посѣщеніемъ. Я вышелъ въ залу. Лицо Наташи было озабочено и разстроено.

— Что съ вами, Наташа? спросилъ я, здороваясь съ ней.

— Я по дѣлу къ вамъ, сказала она, и не могла подавить волненія.—Вѣдь это просто возмутительно, имъ опять отказали. Гдѣ же правда? Вѣдь онѣ умираютъ съ голоду, вѣдь не на самоубійство же имъ рѣшиться. Это возмутительно!

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло.

— Фоминой вѣрно отказали въ мѣстѣ въ богадѣльнѣ? спросилъ я, вспомнивъ наши недавніе хлопоты объ одной бѣдной семьѣ.

Digitized by Google

— Ну да, торопливо отвѣтила Наташа. Да нѣтъ, вы вообразите: написала я ей просьбу въ комиссію, тамъ не приняли и послали съ человѣколюбивое, здѣсь получается отказъ, такъ какъ она получаетъ двухрублевую пенсію. Я пишу прошеніе о принятіи ея въ богадѣльню съ дочерью. Тамъ тоже отказъ опять потому, что она получаетъ два рубля пенсіи. Но развѣ на эти проклятые два рубля можно жить? Если бы вы взглянули, что у нихъ теперь. Онѣ обѣ живутъ въ углѣ, безъ окна, безъ печки, обѣ больны, не могутъ работать, и работы-то нѣтъ. Я сейчасъ отъ нихъ. Вѣдь это варварство такъ мучить людей и не давать исхода.

Я услышалъ рыданія.

— Полноте, Наташа, подошелъ я къ ней.—Полноте. Ну вотъ мы общими силами имъ поможемъ...

— Имъ! имъ! да вѣдь это двѣ изъ тысячъ, воскликнула она, сжимая руки.—Двумъ Христа ради дадимъ хлѣба, но тысячамъ этимъ не поможемъ, вотъ что меня ужасаетъ. Мы вотъ тутъ по театрамъ ѣздимъ, рядимся, вертимся на балахъ, а около насъ умираютъ съ голоду!

— Вы-то ѣздите на балы! невольно воскликнулъ я. — Ну, Наташа, не васъ попрекнутъ онѣ! Видитъ Богъ, не васъ!

— Что это съ вами? спросила моя жена, шумно появляясь въ залу съ прогулки и осматривая нашу группу удивленными глазами.

Наташа быстро отерла слезы.

— Опять вѣрно бѣдняки какіе нибудь на сценѣ?..

— О нѣтъ, они всегда за кулисами, на сценѣ только мы! проговорила Наташа.—Только мы играемъ комедіи.

— Вы, кажется, сегодня нездоровы! сухо проговорила Зинаида.

— Вы правы, я разстроена и нездорова, отвѣтила Наташа и обратилась ко мнѣ:—Ради Бога помогите хоть этимъ, хлопочите, кланяйтесь, но устройте ихъ въ богадѣльню.

— Не безпокойтесь, если и не устрою, то помогу имъ самъ. Но берегите себя...

— Что вы обо мнѣ толкуете! раздражительно проговорила Наташа.

Digitized by Google

— Потому и толкую, что вы нужны хотя для трехъ, четырехъ подобныхъ несчастныхъ, о которыхъ вы заносите вѣсть въ наши золоченыя тюрьмы.

Я пошелъ съ Наташей. Жена нахмурила брови.

Мы нашли Фоминыхъ въ страшномъ положеніи. Я помѣстилъ ихъ на лучшую квартиру и далъ имъ немного денегъ. Послѣ страшной картины нищеты, видѣнной мною, мнѣ не хотѣлось ѣхать домой,—я поѣхалъ къ Меньшовой. Ея маленькій раекъ былъ по-прежнему уютенъ и свѣтелъ. Она удивилась, увидавъ меня у себя въ обѣденную пору. Я сказалъ, что мнѣ нужно отдохнуть здѣсь душою, что дома мнѣ тяжело. Наташа сурово молчала, она никогда не говорила о моей женѣ, о моей семейной жизни. Марья Васильевна тоже не сказала ни слова объ этомъ предметѣ, но была какъ-то матерински предупредительна и заботлива со мною. Такъ бываютъ нѣжны добрые друзья съ несчастными и больными друзьями.

— А что жена твоя къ намъ не заѣдетъ? спросилъ дядя, садясь съ нами за столъ.—Ты ее все одну оставляешь, это не хорошо. Молодой женщинѣ скучно!

Я молчалъ.

Марья Васильевна поторопилась перемѣнить разговоръ.

— Я вотъ на-дняхъ къ тебѣ сбираюсь, такъ и скажу ей, чтобы она тебя пожурила за то, что мало о ней думаешь, продолжалъ дядя.—Мы, Марья Васильевна, соберемтесь-ка сегодня вечеромъ къ ней. Нечего въ дальній ящикъ этого откладывать. А то женщина молодая сидитъ дома, а онъ одинъ по гостямъ рыщетъ...

— Она сегодня нездорова. Ты, дядя, лучше въ другой разъ соберись, сказалъ я.

— Ахъ, ахъ, какъ это дурно! воскликнулъ дядя.—Ну, Володюшка, не ожидалъ я этого отъ тебя. Жена больна а онъ въ гостяхъ. Да что бы сказали люди, если бы я пошелъ куда нибудь, зная, что Марья Васильевна больна? А? Не хорошо, не хорошо! И какъ это испортилось твое сердце, Володюшка! Былъ ты прежде добрый мальчикъ и меня даже не оставлялъ, а теперь—на!—жену бросаешь.

— Она, дядя, легла спать, и мнѣ надо было освѣжиться...

— Не хорошо, все-таки не хорошо!

Digitized by Google

— Ну полно, дядя—ворчунъ, насильно улыбнулась Наташа, вставая изъ-за стола. Спать намъ пора, такъ мы передъ сномъ и ворчимъ.

— Ну да, передъ сномъ! по-дѣтски произнесъ дядя и, ворча что-то, пошелъ изъ комнаты, опираясь на руку Наташи. Она довела его до комнаты, сдала съ рукъ на руки его лакею и сама прошла въ свою комнату.

Я сидѣлъ молча, мнѣ нужно было объясниться съ Марьей Васильевной. Она уже сидѣла за работой.

— Марья Васильевна, началъ я, неподнимая глазъ,—отговорите дядю отъ визитовъ ко мнѣ...

Она промолчала.

— Мнѣ вообще хотѣлось бы видѣться со всѣми вами только у васъ, продолжалъ я.

Она пристально взглянула на меня, опустивъ работу.

— Такъ это правду говорилъ Леевъ, что вы очень несчастливы?

— Не будемте говорить объ этомъ, махнулъ я рукой.—Сдѣлано—не передѣлаешь!

Марья Васильевна быстро начала разспрашивать меня о Фоминыхъ, о разныхъ другихъ бѣднякахъ и какъ будто забыла о моемъ собственномъ горѣ. Разговоры о чужихъ страданіяхъ, о голодныхъ людяхъ заставили меня позабыть о моемъ горѣ или, лучше сказать, оно даже начало мнѣ казаться какимъ-то мелочнымъ, происходящимъ просто оттого, что мы подчиняемся извѣстнымъ приличіямъ и условіямъ свѣтской жизни. Я начиналъ понимать, что разладъ съ женою можно еще устранить, но добыть кусокъ хлѣба, не имѣя ни силъ, ни работы, нельзя. Я понялъ, что отъ подобнаго моему горя люди старѣютъ, мужаютъ, но не умираютъ, если они на-столько разумны, что могутъ идти своей дорогой, неозначенной въ кодексѣ принятыхъ обществомъ условій и приличій. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла Наташа. Мы начали толковать о томъ, какъ бы возможно было устроить трудъ такъ, чтобы бѣдняки могли лучше жить. Проснувшійся дядя забылъ, что уже видѣлся со мною и благодарилъ меня за посѣщеніе. Вечеръ прошелъ быстро и я только къ ночи возвратился домой. У жены были гости. Я прошелъ въ свой кабинетъ и велѣлъ слугѣ не говорить, что дома. До моихъ ушей доносился смѣхъ и говоръ гостей.

Digitized by Google

Дня черезъ три я неожиданно узналъ, что Зина собирается за-границу. Я встрѣтился съ нею за обѣдомъ и спросилъ ее, правда ли, что она уѣзжаетъ, и къ какому времени нужно достать ей паспортъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтила она, не глядя на меня.

Я посмотрѣлъ на нее, — она была блѣдна и слегка вздрагивала.

— Леевъ ѣдетъ? мелькомъ спросилъ я.

Она взглянула на меня насмѣшливымъ взглядомъ.

— Мы теперь не имѣемъ права задавать другъ другу подобныхъ вопровъ, проговорила она, повторяя сказанныя ей мною слова.

— Зина, дружески замѣтилъ я, съ сожалѣніемъ смотря на ея блѣдное, похудѣвшее лицо,—будешь ли ты съ нимъ счастлива? Любитъ ли онъ тебя? Теперь еще есть время поправить все. Ты, кажется, ошиблась въ своемъ выборѣ... Оставайся здѣсь, поѣдемъ въ деревню, забудемъ все... Вспомни, что у тебя есть ребенокъ...

— Зачѣмъ же мнѣ мѣшать твоему счастію съ такими идеалами честности, какъ Наталья Львовна, засмѣялась судорожнымъ смѣхомъ Зина.

— Что это ты ревнуешь меня, не чувствуя ко мнѣ любви? спросилъ я.

— Не ревную, но не желаю видѣть этой примѣрной ученицы, на которую указываютъ мнѣ, какъ на образецъ, отвѣтила Зина.

— Во-первыхъ я не указывалъ тебѣ на нее, какъ на образецъ, во-вторыхъ, если ты хочешь, то ни сами Меньшовы, ни ихъ имена не появятся здѣсь въ домѣ. Я люблю ихъ, какъ знакомыхъ; ты дорога мнѣ, какъ мать моего ребенка... Зина, Зина, я принесу тебѣ въ жертву все, только бы ты была счастлива, и попрошу тебя только пожертвовать тѣми пустыми скверными личностями, которыя окружаютъ тебя. Ты говорила, что ты не любишь меня, что ты любишь Леева...

Зина вздрогнула при этомъ имени.

— Теперь, вращаясь въ своемъ пошломъ кругу, ты должна бѣжать съ Леевымъ, чтобы быть счастливою, продолжалъ я.—Но

Digitized by Google

если ты согласишься оставить свой кругъ, то я готовъ согласиться на переѣздъ Леева къ намъ. Мои знакомые не осудятъ тебя, они поймутъ, что иначе сдѣлать нельзя...

— Мнѣ такъ же не нуженъ Леевъ, какъ и ты, произнесла Зина, гордо поднимаясь съ мѣста.—Я ненавижу васъ обоихъ.....

Я въ изумленіи открылъ глаза. Я не понималъ ничего.

Она пошла изъ комнаты.

— Зина, окликнулъ я ее.

— Ты болѣе не услышишь отъ меня ни слова. Между нами все кончено.

— Вспомни, что ты обрываешь послѣднюю нить, связывавшую насъ... Вспомни, что у насъ есть дитя....

— Это *твой* сынъ, отвѣтила она, скрываясь за дверью.

XIII.

Одиночество.

Она уѣхала, уѣхала съ Самаринымъ! Для нея было невыносимо и то, что я зналъ ея любовь къ Лееву, и то, что въ свѣтѣ знали объ этой неудачной любви. Для меня нѣтъ человѣка болѣе жалкаго, чѣмъ мать, бросившая грудного ребенка. Для меня нѣтъ человѣка болѣе несчастнаго, какъ ребенокъ, брошенный матерью. Передъ колыбелью моего сына въ моей душѣ не было злобы на его мать за то, что она обманывала меня; въ моей душѣ не было ропота на судьбу за то, что я несчастливъ; въ моей душѣ не было отчаянья, что вся моя будущность безвозвратно искалѣчена. Нѣтъ, эта женщина казалась мнѣ жалка, о себѣ и о своей будущности я не думалъ, потому что передо мною лежалъ едва родившійся на свѣтъ человѣкъ, уже несчастный въ колыбели. Передо мной лежала дорога подъ гору и мнѣ было все равно, какъ доплетусь я до станціоннаго порога, до могилы, а этому младенцу еще нужно было набраться силъ, чтобы встать на ноги и начать путь. Далеко ли дойдетъ онъ безъ нѣжнаго надзора матери, далеко ли дойдетъ онъ безъ семейнаго кружка, безъ тѣхъ друзей сверстниковъ,

Digitized by Google

съ которыми онъ могъ бы играть передъ своими отцомъ и матерью, передъ отцами и матерями этихъ дѣтей? Тутъ онъ понялъ бы съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ отрадно жить человѣку въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, вѣчно расширяющемся вновь рождающимися и прибывающими членами. А теперь: я уйду на службу и долженъ буду оставить его на рукахъ прислуги или, что еще хуже, на рукахъ полуобразованной гувернантки. Въ праздничный день ко мнѣ, можетъ быть, заглянутъ два, три человѣка изъ моихъ знакомыхъ, — но это не друзья мнѣ, они просто мои знакомые, они не посѣщаютъ меня съ семействами, какъ вдовца, какъ бобыля, и ребенокъ будетъ одинъ среди большихъ. Ни женщинъ, ни дѣтей не встрѣтитъ онъ у себя въ домѣ. Чтобы онъ видѣлъ ихъ, я долженъ его везти въ чужіе семейные дома. Тамъ жизнь кипитъ радостью, тамъ люди живутъ уютнѣе, не на холостую ногу, тамъ родные, друзья — и онъ, сравнивъ пустыню своего дома съ оживленнымъ кружкомъ чужихъ домовъ, станетъ ненавидѣть свой домъ и завидовать ближнимъ,—завидовать, какъ завидовала когда-то чужому счастью его мать. Не имѣя друзей, онъ не узнаетъ человѣка, не имѣя семьи, онъ не узнаетъ ни хорошихъ, ни дурныхъ ея сторонъ и будетъ ошибаться и въ своихъ привязанностяхъ, и въ своихъ антипатіяхъ. А этотъ проклятый примѣръ бездѣйствія? Дитя не будетъ видѣть, какъ тружусь я въ должности, дитя не будетъ видѣть, какъ тружусь я ночью въ тѣ минуты, когда онъ будетъ спать, и когда я стану писать въ ночной тишинѣ. Ребенокъ будетъ видѣть гувернантку или гувернера, которые будутъ выказывать рвеніе только при мнѣ и будутъ бросать ребенка безъ меня. И тунеядство, и ложь идутъ рука объ руку. И онъ привыкаетъ плохо учиться, видя только необходимость исполнять формальную сторону дѣла. И что покажетъ ему необходимость науки? Какъ растолковать ребенку, что ему нужна географія? что ему нужна геометрія? исторія? языки? Какъ вообще растолковать ему, что ему нуженъ трудъ, когда онъ не видитъ трудящейся семьи? Нѣжной семьи и трудящейся среды нѣтъ около него, и вотъ онъ выростетъ однимъ изъ тѣхъ грубыхъ и черствыхъ людей, которыхъ такъ много между брошенною безпутными отцами и матерями молодежью, выростетъ тѣмъ

Digitized by Google

тунеядцемъ, которыхъ такъ много выходитъ изъ растлѣвающей среды людей, загребающихъ жаръ чужими руками...

Какъ памятны мнѣ эти безсонныя ночи, эти одиновіе дни, когда я сиживалъ предъ дѣтской колыбелью, одинъ среди десяти пустыхъ парадныхъ комнатъ, прислушиваясь къ тихому, едва слышному дыханью ребенка. Все пережитое, видѣнное, передуманное вспоминалось мнѣ тутъ. Тутъ я исповѣдался въ своихъ грѣхахъ и судилъ тѣхъ, кто дѣлаетъ мнѣ зло. Не перечетъ грѣховъ, не самый судъ надъ ближними занимали меня, но тѣ причины, по которымъ грѣшили мы. И гдѣ же можно найдти лучшую святыню, передъ лицомъ которой не стало бы силы солгать, какъ это еще невинное дитя, которое когда нибудь можетъ упрекнуть насъ, что мы загрязнили его грѣхами, довели до гибели, до позора и все отъ того, что мы когда-то не искренно покаялись передъ его еще чистымъ существомъ и не рѣшились отстранить всю сознанную нами грязь, всѣ открытыя нами въ себѣ ошибки?...

Кругомъ меня шумѣлъ безобразно пьяный и растлѣвающій городъ со своею праздною блестящею толпою, съ своими торгашами, потомъ и кровью ближнихъ и съ своими нищими, просящими Христа ради; со всѣмъ этимъ гамомъ и шумомъ, сквозь который слышатся то звуки «Травіаты» въ надтреснутой шарманкѣ, то доведенная до кабачнаго цинизма русская пѣсня...

Гриша не утѣшалъ меня, не старался обмануть мое горе пустыми фразами, но онъ былъ еще ласковѣе, еще нѣжнѣе со мною.

Прошло недѣли три, я отправился къ Марьѣ Васильевнѣ.

— Что съ вами? Вы больны? всплеснула руками Марья Васильевна, увидѣвъ меня.

— Нѣтъ, я здоровъ, отвѣтилъ я.

Наташа взглянула на мою голову удивленными глазами и отвернулась въ сторону: я замѣтилъ въ ея глазахъ слезы.

— Марья Васильевна, началъ я,—скрывать отъ васъ что нибудь я не хочу, да и не имѣю права, какъ другъ вашей семьи. Потому не удивляйтесь, что я разскажу вамъ всѣ мои семейныя дѣла.

Я сѣлъ и разсказалъ все. Марья Васильевна и Наташа слушали меня молча.

Digitized by Google

— Вы сами виноваты, хмуро проговорила Наташа.—Вы ее никогда не любили...

— Можетъ быть, я не любилъ ее той страстной любовью, которою любятъ влюбленные, но я видѣлъ въ нѣй друга.

— И друзей не такъ любятъ, проговорила Наташа.—Помните ли, какъ любилъ васъ Макаровъ? Помните ли, какъ вы его любили? Развѣ ваши отношенія не были такъ же нѣжны, развѣ вамъ не нужно было видѣть другъ друга, чувствовать ласки?

Я сидѣлъ молча, я чувствовалъ; что это правда, что я сошелся съ Зинаидой ради одиночества, скуки, смерти Макарова и отсутствія женскаго общества, что я былъ влюбленъ не въ нее, а въ созданный мною идеалъ.

— Да, но вы посѣдѣли, промолвила Наташа черезъ минуту.

— Я еще и не зналъ этого, горько улыбнулся я и подошелъ къ зеркалу; я не узналъ себя, я былъ худъ, желтъ, и въ волосахъ блестѣли серебристыми нитями сѣдые волосы.

— Но что же вашъ ребенокъ будетъ дѣлать? спросила Наташа, задумчиво опуская на грудь голову.

— Этотъ вопросъ и только онъ одинъ мучаетъ меня. У меня есть планы... но... но я не знаю, возможно ли ихъ исполнить, печально прошепталъ я.

— Что такое?

— Я хочу сдать свою большую квартиру, переѣхать на маленькую. . нанять двѣ маленькія, въ одной могъ бы помѣститься я съ дядей.

— Вы его хотите взять отъ насъ? испугалась Марья Васильевна.

— Я хочу просить васъ пріютить другого младенца...

Я опустилъ голову и ждалъ отвѣта.

— Такъ вотъ для кого вторая квартира, проговорила Марья Васильевна.—Вы знаете, я для васъ готова все сдѣлать... для васъ и вашего ребенка... Но... но...

Она тревожно взглянула на Наташу.

— Тетя, тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній, просто и спокойно проговорила Наташа.

У меня отлегло отъ сердца.

— Наташа, ты вспомни, что мы живемъ среди грязныхъ и злыхъ людей, сказала Марья Васильевна.

Digitized by Google

— Тетя, они поговорятъ и придутъ къ намъ же на отдыхъ...

Я подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ и поцѣловалъ ея руку. Я горячо благодарилъ этихъ честныхъ женщинъ. Черезъ часъ всталъ дядя.

— А, ты здѣсь, Володюшка, промолвилъ онъ.—Давно не бывалъ! Стыдно, стыдно старика забывать.

— Я дядя уѣзжалъ; жену провожать ѣздилъ. Она больна, лечиться за-границу уѣхала, сказалъ я.

— А! видишь ты, говорилъ я, что всѣ эти балы не доведутъ до добра. По моему и сдѣлалось. Шутка-ли, когда ни придешь,—все на балу, въ театрѣ... Не берегъ ты ее, вотъ теперь на себя и пеняй... Одинъ и живи бобылемъ...

— Нѣтъ, дядя, я одинъ жить не буду. Я хочу тебя пригласить жить со мною, сказалъ я.

— Гмъ, гмъ, замялся капитанъ.—Я... готовъ... отчего же... Только какъ же это Марья Васильевна безъ мужчины въ домѣ останется?..

Я печально улыбнулся.

— Марья Васильевна и Наташа тоже переѣзжаютъ, дядя, промолвилъ я.—Онѣ берутъ къ себѣ Володю.

— Володю... Володю... проговорилъ старикъ забывшись.—Твоего Володю берутъ... А моего Володю никто не бралъ... Мой Володя всѣми брошенъ былъ.

Я подошелъ къ дядѣ.

— Что, дядя, нашу старину вспомнилъ?

Старикъ поднялъ на меня свои ослабѣвшіе глаза.

— Да, Володюшка, никто-то тогда не заботился о насъ, проговорилъ онъ, приходя въ память, и ласково провелъ по моей головѣ рукою.—Э, да какой же ты старый сталъ.....

— Посѣдѣлъ я, дядя...

— Старый, совсѣмъ старый! А на сколько лѣтъ я тебя старше? А?

— На сорокъ, дядя.

— Слышите: на сорокъ лѣтъ я его старше! А еще говорятъ, что я слабъ. Да я богатырь передъ нимъ, передъ мальчишкой! Нѣтъ, въ старину люди бодрѣе были, сильнѣе, теперь что!

— Дай, дядя, намъ до вашихъ лѣтъ дожить, и мы то же запоемъ.

Digitized by Google

— Гдѣ вамъ!

Черезъ недѣлю я нашелъ квартиру въ Итальянской улицѣ. Это былъ небольшой домъ особнякъ, здѣсь помѣстились я, дядя, Марья Васильевна, Наташа, Гриша, мой сынъ и наши слуги: лакей дяди, кухарка и кормилица. Уладивъ все въ квартирѣ, я тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню подъ предлогомъ, что мнѣ надо было устроть тамъ нѣкоторыя дѣла. Въ сущности я хотѣлъ отдохнуть. Мнѣ хотѣлось провести первое время внѣ Петербурга. Въ деревнѣ все шло по старому, только княгиня была опасно больна и въ одинъ прекрасный день отдала Богу свою ненужную людямъ душу. О моемъ семейномъ горѣ знали только дѣдъ и Андрей Дмитріевичъ, князь же былъ вполнѣ увѣренъ, что Зинаида поѣхала лечиться заграницу только на время. Черезъ три мѣсяца я возвратился домой. Меня не ждали. Я прошелъ въ свои комнаты и, входя въ кабинетъ, остановился въ дверяхъ: въ кабинетѣ сидѣла Наташа, на ея рукахъ спалъ мой сынъ. Она была задумчива и не замѣтила моего прихода.

— Наташа, робко окликнулъ я ее.

Она слабо вскрикнула и сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобы я не шумѣлъ.

Я на цыпочкахъ подошелъ къ ней и опустился на колѣни, чтобы поцѣловать ребенка.

— Мы къ вамъ перенесли его, онъ былъ болѣнъ, бѣдняжка, прошептала она.—Недавно сталъ поправляться.....

— Добрая моя, вы ходили за нимъ...

Я взялъ руку Наташи и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Если бы вы знали, Наташа, какъ тяжело мнѣ жить, проговорилъ я.

Въ эту минуту проснулся Володя и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Это папа, Володя, сказала Наташа ребенку.

— Па! повторилъ Володя.

Я взялъ его на руки.

Онъ не дичился меня и подставилъ мнѣ свои губки.

— Па! снова повторилъ онъ и засмѣялся.

— И вы еще толкуете, что вамъ тяжело жить, проговорила Наташа.—Отдайтесь ему—и вамъ будетъ и легко, и отрадно,

Digitized by Google

мы слишкомъ избалованы судьбой и слишкомъ многаго требуемъ отъ жизни...

— Что это, Наташа, покорность, примиреніе, сдѣлка съ существующимъ?

Она взглянула на меня глубокимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, это не сдѣлка съ существующимъ. Но мы должны предъявлять жизни меньше требованій для себя и больше для другихъ, тогда мы будемъ счастливы. У насъ и миръ, и дружный кругъ, и кусокъ хлѣба есть, а кругомъ насъ голодные, холодные, одинокіе, гонимые люди идутъ въ грязи, мрутъ въ подвалахъ, какъ же мы смѣемъ говорить, что намъ тяжело жить? Думайте больше о нихъ, заглядывайте чаще въ ихъ норы, работайте безустанно въ ихъ пользу, — и вы не скажете, что вамъ тяжело жить...

— Наташа, вы говорите такъ, потому что васъ спасла судьба отъ тѣхъ неисправимыхъ ударовъ, которые перенесъ я; на вашей дорогѣ не стоялъ человѣкъ, черезъ трупъ котораго вы могли бы переступить къ полному счастью.

— Кто вамъ сказалъ? быстро произнесла она и вдругъ поблѣднѣла и смолкла.

Я пристально взглянулъ на нее. Она собралась съ силами и протянула мнѣ руку.

— Обѣщайте мнѣ работать въ пользу ближнихъ, думать больше о другихъ, чѣмъ о себѣ, и не говорить болѣе о людяхъ, ставшихъ на нашемъ пути... Иначе наша жизнь будетъ и тяжела, и ничтожна...

Наташа взяла изъ моихъ рукъ сына и неторопливо вышла изъ комнаты, я видѣлъ, какъ она поцѣловала его, выходя въ третью комнату...

Я стоялъ, опустивъ голову на грудь. «Люди, ставшіе на *нашемъ* пути». Она сказала, что и на ея пути стоятъ люди. Неужели и она любитъ меня? Неужели и ея жизнь такъ же сгубится этой любовью, какъ отравляется моя жизнь? Не думать объ этомъ, заботиться о другихъ,—легко сказать, но какъ это сдѣлать?

Я твердо рѣшился со временемъ купить часть имѣнія Мишеля и потомъ освободить крестьянъ. Эта мысль была пробуждена во мнѣ Наташею. Но, откладывая деньги, я долженъ былъ уси-

Digitized by Google

ленно работать, чтобъ вносить въ нашу общую семью свою долю денегъ. Мы всѣ были независимы другъ отъ друга въ матеріяльномъ отношеніи. Гриша нашелъ уроки и жилъ почти независимо отъ меня, приплачивая Марьѣ Васильевнѣ за столъ. Наташа по прежнему давала уроки на сторонѣ и у себя въ домѣ ученицамъ тетки. Первые уроки приносили ей доходъ, вторые были даровыми. Когда ее благодарили за эти уроки матери бѣдныхъ дѣвочекъ, она обыкновенно отвѣчала: «Мнѣ самой давали уроки даромъ, это я только старый долгъ плачу». Домъ нашъ мало-по-малу превратился въ очень дѣятельную и оживленную общину. Каждый изъ насъ вносилъ въ нее свою долю денегъ, каждый ѣлъ свой заработанный кусокъ хлѣба. Мои литературныя связи дали мнѣ возможность достать переводы для Наташи и для Гриши, сначала мнѣ приходилось перечитывать ихъ работы, но скоро стало не нужно и это, молодые люди быстро освоились съ литературнымъ языкомъ. Мы уже черезъ три или четыре мѣсяца могли опредѣлить почти вѣрно среднюю цифру нашихъ ежемѣсячныхъ заработковъ и, сообразно съ нею, составить бюджетъ расходовъ. Заработки были на столько велики, что можно было жить безъ особенныхъ стѣсненій. Конечно, заработывалъ больше всѣхъ я, такъ какъ я продолжалъ служить въ страховомъ обществѣ и получалъ довольно много за мелкія газетныя статьи. Но мнѣ приходилось и тратить больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ я платилъ за себя, за Володю и за его кормилицу, оставшуюся жить у насъ въ качествѣ няньки. Вся недѣля проходила у насъ въ трудѣ, свободными оставались только три часа по вечерамъ, да праздники. Но трудъ не особенно утомлялъ насъ при хорошемъ помѣщеніи, при сытной и здоровой пищѣ, при томъ душевномъ спокойствіи, которое позволяетъ работать, не волнуясь за будущіе голодные дни. Мы вѣрили, что этихъ голодныхъ дней не будетъ, покуда мы будемъ жить и работать вмѣстѣ. У насъ не только не было недостатка въ работѣ, но былъ избытокъ въ ней, и часть переводовъ приходилось удѣлять постороннимъ людямъ. Не работали только капитанъ нашего ковчега и мой Володька. Капитанъ или отдыхалъ отъ трудовъ прошлой жизни, или раскладывалъ пасьянсы у себя въ комнатѣ, вѣроятно гадая о нашемъ будущемъ, и, нагадавшись до сыта, спускался

Digitized by Google

въ наши рабочія комнаты, гдѣ ученицы Марьи Васильевны шаловливо пугали другъ друга: «Вотъ дѣдушка-капитанъ идетъ, ужо онъ вамъ задастъ». Обыкновенно капитанъ начиналъ очень серьезно разсматривать работу ученицъ Марьи Васильевны и глубокомысленно одобрялъ всѣхъ, замѣчая, «что онѣ отлично шьютъ, и что это шитье удивительно мелко, такъ что онъ и разсмотрѣть ничего не можетъ». Потомъ онъ подсаживался къ Марьѣ Васильевнѣ и торжественно заявлялъ:

— А я, Марья Васильевна, сегодня послѣ обѣда удивительный сонъ видѣлъ...

Затѣмъ начинался разсказъ сна со всѣми мельчайшими подробностями и съ оговорками, что вѣрить снамъ, конечно, не слѣдуетъ, но что этотъ сонъ выходитъ изъ ряду вонъ и что нибудь да значитъ. Иногда ко мнѣ заѣзжали Леевъ и Бубновъ. Первый немного смущался, что онъ невольно послужилъ причиной моихъ семейныхъ несчастій, но я старался не вспоминать объ этой исторіи, сознавая, что я самъ болѣе всѣхъ другихъ виноватъ въ ней. Послѣдній очень полюбилъ Володю, уважалъ Марью Васильевну и Наташу и былъ бы, можетъ быть, совершенно какъ дома въ нашемъ жилищѣ, если бы не чувствовалъ, что капитанъ умышленно избѣгаетъ встрѣчъ съ нимъ.

— Да, да, онъ пережилъ тотъ возрастъ, когда прощаютъ и забываютъ старое, говорилъ мнѣ Григорій Даниловичъ про дядю.— Онъ проститъ и забудетъ вчерашнюю обиду, но уже не проститъ и не забудетъ того, что было нанесено ему лѣтъ двадцать тому назадъ.

Я началъ замѣчать, что Григорій Даниловичъ становится все пасмурнѣе и пасмурнѣе. Нѣсколько разъ я пробовалъ заговорить съ нимъ о томъ, что его волнуетъ, но онъ уклончиво отвѣчалъ, что просто не весело ему жить бобылемъ, безъ любящихъ людей. Онъ умышленно не произносилъ при мнѣ имени Мишеля, я, съ своей стороны, боялся спрашивать о братѣ. Мой братъ велъ себя странно: его почти никогда нельзя было застать дома; пикники, балы, камеліи заполонили его окончательно, онъ забиралъ отъ меня всѣ свои доходы съ деревни и иногда присылалъ мнѣ записки съ просьбою дать ему заимообразно денегъ, которыя нужны ему «до зарѣзу». Я попробовалъ поговорить съ нимъ серьезно, назначилъ ему день свида-

Digitized by Google

нія, но онъ явился ко мнѣ и на первыхъ же словахъ замѣтилъ, что онъ пробудетъ у меня только минутку.

— Тороплюсь, голубчикъ, у насъ сегодня кутежъ, проговорилъ онъ, цѣлуя меня.

— Миша, не время ли остановиться, ты зашелъ и безъ того слишкомъ далеко по пути кутежей, замѣтилъ я ему.

— Ну полно ворчать, старикашка! Мнѣ перебѣситься надо, отвѣтилъ онъ, обнимая меня за талью.—Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!

— Да развѣ это молодость? воскликнулъ я.—На развратъ и старики способны. Молодость нужна для дѣла, для работы...

— Большое счастье въ работѣ! Ты-то вотъ и работалъ, и честенъ былъ, а чѣмъ ты помянешь свою молодость?..

— Я не раскаяваюсь, замѣтилъ я.—Если бы мнѣ пришлось снова начинать жизнь, я началъ бы ее именно такъ, какъ началъ ее и прежде.

— Ну, голубчикъ, это значитъ, что у всякаго своя дорога. Я пройду по своей и черезъ годъ вступлю на твою дорогу...

— Смотри, не погибни раньше этого времени.

Миша только зажалъ мнѣ ротъ со смѣхомъ и объявилъ, что ему хочется потѣшить теперь свою волюшку. Серьезно разсуждать съ нимъ не было никакой возможности. Отецъ же его все грустнѣе и мрачнѣе смотрѣлъ на жизнь, его начинали волновать какія-то горькія событія, которыхъ онъ не объяснялъ мнѣ. Онъ началъ мучаться какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ.

— Знаете ли, говорилъ мнѣ однажды Григорій Даниловичъ, сидя у меня,—мнѣ было бы легче, если бы на свѣтѣ не было капитана. Съ вами я помирился; мнѣ казалось, что жена давно простила меня за гробомъ. Если бы не было капитана, то я думалъ бы, что я успѣлъ примириться со всѣми тѣнями прошлаго, но онъ, потерявъ способность прощать, какъ будто говоритъ мнѣ, что и тѣ, которые умерли, не простивъ меня, точно такъ же лишены возможности примириться со мною. Онъ подрываетъ мою вѣру въ ихъ прощеніе. Вы прожили не такъ, какъ я. Ваша жизнь шла чище. Вамъ не приходилось имѣть власть надъ людьми. Вамъ не приходилось слишкомъ сурово относиться къ ближнему, потому вы не знаете, что значитъ въ старости замаливанье грѣховъ. Вы, можетъ быть, и не вѣрите

Digitized by Google

въ возможность отмолить старые грѣхи,—не вѣрите, и васъ не безпокоитъ это невѣріе. Но если бы вы знали, какъ тяжело нашему брату, поддававшемуся страстямъ, порочно прожившему молодость, стоять на молитвѣ, просить о спасеніи своей души и въ эти минуты слышать тайный голосъ, говорящій, что мертвые и отжившіе не простятъ нашихъ грѣховъ, что нельзя замолить того, чѣмъ загублена чужая жизнь... Я знаю, что Богъ милосердъ, что онъ прощаетъ и разбойника, знаю и вѣрю въ это теперь, днемъ, при хладнокровномъ взглядѣ на дѣло, а тогда, когда душа взволнована молитвой, когда нѣкоторыя имена, простыя имена въ памятной книжкѣ, бросаютъ въ дрожь и въ жаръ,—тогда снова является сомнѣніе и кажется, что никакая благость не можетъ простить намъ того, что мы загубили чью нибудь жизнь, потому что никакая благостная сила не можетъ воротить погубленнымъ ихъ прежней жизни. Награда на небесахъ,—но это уже нѣчто другое, можетъ быть, ожидавшее бѣдняковъ и тогда, когда не была бы отнята ихъ здѣшняя жизнь. Награда на небесахъ—но вѣдь она ждетъ и разбойника, если онъ будетъ прощенъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было бы свято жить, если и разбойника, и жертву ждетъ одно и то же блаженство? Это страшныя мысли, страшныя мысли...

Я посмотрѣлъ на старика—онъ былъ страшенъ и жалокъ. Черты его лица были искажены ужасомъ и душевнымъ страданіемъ. Въ его сердцѣ таилось что-то невысказанное, что-то страшно давящее, тяжелое.

— И капитанъ, капитанъ вѣчно грезится мнѣ и словно шепчетъ: чего ты молишься? Если всѣ простятъ тебя, если всѣ отпустятъ твои грѣхи, то я не прощу тебя никогда.

Я постарался успокоить Бубнова и сказалъ ему, что капитанъ давно простилъ ему, но что онъ ни къ кому не выходитъ, что ему тяжелы воспоминанія.

— Да, да, я страшно наказанъ. Если бы все было прощено, то и тогда я помнилъ бы старое: у меня есть сынъ, и онъ иститъ мнѣ за все—и за жену, и за васъ, и за...

Бубновъ пугливо оглянулся кругомъ.

— Вы справлялись о ней? спросилъ онъ, не называя ничьего имени.

Digitized by Google

— Да, она умерла, отвѣтилъ я, понимая, что онъ говоритъ о Настѣ.

— Я все бы отдалъ, все бы отдалъ, чтобы она была жива.

Григорій Даниловичъ всталъ.

— Да, Володя, дай тебѣ Богъ быть счастливѣе меня, проговорилъ онъ, называя меня снова послѣ долгихъ лѣтъ этимъ именемъ и говоря мнѣ *ты*.—Что бы теперь ни случилось со мной, не удивляйся, не распрашивай... Помоги Михайлѣ... я ему болѣе не отецъ... но ты помоги ему... я... я... все-таки люблю его...

Бубновъ опустился на кресло и горько, глухо заплакалъ.

— Полноте, другъ мой, что съ вами! воскликнулъ я, наклоняясь къ нему.

Онъ поднялъ голову, протянулъ ко мнѣ руки и вдругъ покатился съ кресла...

Ему сдѣлалось дурно. Я послалъ за докторомъ, призвалъ прислугу, принесъ холодной воды. Онъ не приходилъ въ себя. Черезъ четверть часа явился докторъ и объявилъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Пустили кровь. Уложили старика въ постель.

— У него, должно быть, было какое нибудь потрясеніе, сказалъ докторъ.

Я отвѣтилъ, что ничего не знаю, и послалъ за Мишелемъ. Его по обыкновенію не застали дома. Я поѣхалъ самъ къ нему. Мнѣ сказали, что онъ, должно быть, не ночуетъ дома, такъ какъ онъ уѣхалъ къ знакомымъ, чтобы отправиться на пикникъ. Мнѣ дали адресъ: въ большой Морской, домъ Смурова, квартира Матильды Лебланъ. Я зналъ, кто была эта Матильда Лебланъ, и поѣхалъ. Изъ разствореннихъ дверей залы я увидѣлъ, что Мишель лежалъ въ роскошной гостиной Лебланъ въ кругу молодежи. Все было пьяно, полураздѣто, цинично. Я остался ждать въ залѣ.

— А! Какими судьбами, cher frère? воскликнулъ Мишель, выходя ко мнѣ нетвердою походкой.—Не хочешь ли съ горя по измѣнившей найдти здѣсь подругу жизни?

— Если у кого нибудь есть теперь горе, такъ это у тебя. Твой отецъ...

— Mein lieber grausamer Vater, что съ нимъ?

— Онъ умираетъ.

Digitized by Google

— Ну?! Такъ скоро? не сознавая, что онъ говоритъ, глупо удивленно усмѣхнулся Мишель.

— Поѣдемъ, сказалъ я, и взялъ его подъ руку.

— Нельзя, братецъ, я пригласилъ, пробормоталъ онъ.

— На сколько ты предполагалъ напоить ихъ, спросилъ я, указывая глазами на господъ, сидѣвшихъ въ гостиной.

— Фи!.. На сколько?.. Развѣ это можно... Сколько выпьютъ...

Я позвалъ слугу и попросилъ его вызвать ко мнѣ хозяйку. Прекрасная собой, стройная француженка съ плутовскими черными глазами появилась въ комнатѣ.

— Извините, проговорилъ я по-французски,—я увожу моего брата, у него умираетъ отецъ...

— Ah, pauvre petit jeune homme! жалобно произнесла она.

— Я слышалъ, что мой братъ пригласилъ гостей и потому, вѣроятно, придется заплатить, то я попрошу васъ распорядиться и быть хозяйкой за него...

Я вынулъ изъ кармана Мишеля бумажникъ и подалъ Матильдѣ сто рублей.

— Я думаю, этого довольно? спросилъ я.

— Oh, monsieur! произнесла она, взявъ деньги. — Je suis si affligée.

— Она у меня добрая, пробормоталъ Мишель.

Я откланялся и увезъ его съ собою. Онъ, какъ школьникъ, повиновался мнѣ. Я привезъ его не къ себѣ, а на квартиру Бубнова и уложилъ въ постель, чтобы онъ выспался. Но онъ долго не могъ уснуть. Я между тѣмъ вышелъ въ залу, чтобы сказать старику лакею Бубнова о случившемся.

— Вы, батюшка, Владиміръ Михайловичъ, замкнули бы все въ бариновомъ-то кабинетѣ и ключи-то взяли бы съ собою. Не ровенъ часъ, не случилось бы чего...

— Кто же здѣсь воровать станетъ? замѣтилъ я.—Люди все свои.

— Да вѣдь случился же грѣхъ. Михаилъ Григорьевичъ-то...

— Что такое?

— Нѣшто вы не знаете? Къ бюру папашину ключъ подобрали, да и вытащили оттуда всѣ деньги...

— Когда же это?

— Третьяго дня... Баринъ сперва на насъ клепалъ. Давно

Digitized by Google

у него деньги пропадать стали. А третьяго дня кушъ-то слишкомъ большой пропалъ. Съѣздили они къ Михаилу Григорьевичу, вернулись домой-то, да и говорятъ: «Нашлись деньги... Чужіе воровать не станутъ...» Мы такъ и поняли, что это, значитъ, Михаилъ Григорьевичъ взялъ эти самыя деньги, потому что баринъ только къ нимъ и съѣздилъ... И потомъ вотъ, вплоть до того, какъ къ вамъ они поѣхали, все ходили у себя по комнатѣ... Присядутъ или прилягутъ минутъ на пять, а тамъ опять ходить начнутъ. Пробовали они молиться, да видно молитва на умъ не шла. Станутъ это на колѣнки, да черезъ минуту, глядишь, опять заходятъ по комнатѣ. Какъ это у нихъ силъ хватило, ужь я и не знаю,—не пили, не ѣли и все ходили съ своими мыслями, словно туча черная передъ бурей...

Я невесело слушалъ старика. Мнѣ было какъ-то жутко. Что это, отплата? Да кто же можетъ отплачивать? Гдѣ эта невѣдомая судьба? Нѣтъ, это было новое доказательство, что какъ бы человѣкъ ни былъ уменъ, но, поступая дурно, онъ гдѣ нибудь оборвется и найдетъ гибель въ вырытой имъ самимъ ямѣ. Я сознавалъ, что Бубновъ расплачивается за неравенство отношеній ко мнѣ и къ Мишелю, но если бы въ моихъ рукахъ была возможность устранить это наказаніе—я, не задумываясь, избавилъ бы отъ него отчима: его дурное обращеніе, его притѣсненія не довели меня до гибели, я успѣлъ спастись, и мнѣ казалась еще страшнѣе казнь, такъ какъ она карала за неудавшееся преступленіе, карала не его одного, а и его сына, невиннаго въ дѣлахъ отца. Теперь я понялъ весь смыслъ тѣхъ рѣчей Бубнова, которыя я слышалъ отъ него за минуту до его болѣзни. Теперь я вполнѣ понималъ ту набожность, которая пробудилась въ немъ въ послѣдніе годы. Не имѣя возможности измѣнить прошлое, онъ хотѣлъ замолить его. И—странное дѣло—въ эту минуту мнѣ вспомнился одинъ разсказъ изъ моего далекаго, далекаго прошлаго. Я вспомнилъ разсказъ о шулерѣ, сдѣлавшемся набожнымъ вслѣдствіе проигранныхъ казенныхъ денегъ... Я вспомнилъ, какъ дядя промолвилъ при этомъ: «Крушеніе! это крушеніе на морѣ житейскомъ!»

Черезъ нѣсколько дней Бубнову стало легче, хотя онъ и оставался безъ языка и не владѣлъ одной стороной тѣла. Я сказалъ ему, что къ нему въ комнату собирается зайти капи-

Digitized by Google

танъ. Онъ кивнулъ головою и слабо пожалъ мнѣ руку. На слѣдующій день капитанъ зашелъ къ нему въ комнату и держалъ себя отлично.

— Ахъ вы молодежь, говорилъ онъ, забывая, что Бубнову за шестьдесятъ лѣтъ.—Говорю я, что вы намъ, старикамъ, въ подметки не годитесь!

Бубновъ слабо улыбнулся. Его улыбка походила на гримасу.

— Вотъ и Володька у меня все валяется; то къ зубамъ, то къ росту—а у меня вонъ и всѣ зубы повыпали, и къ землѣ сталъ рости, а ничего—хожу молодцомъ. Не хорошо, не хорошо! Ну выздоравливайте, выздоравливайте! простился онъ съ больнымъ, дружески пожимая его руку.

— Что, Володюшка, ну чего ты трусилъ, говорилъ онъ, выходя въ свою комнату.—Не умѣю я себя держать? Проговорился въ чемъ нибудь? А?

— Ужь что и говорить про тебя, ты у меня молодецъ, улыбнулся я.

— То-то же! Я, братъ, старый матросъ, я лежачаго не бью. Выздоровѣетъ онъ, ту тогда другое дѣло. Я ужь ему отпою правду-матку, чортъ возьми! Чертямъ станетъ тошно!.. Ахъ, Володя, вѣдь ты не знаешь, что было прежде! и дядя сталъ мнѣ сообщать новыя свѣденія о своей жизни съ своей племянницей Марусей и ея сыномъ Володей.

Но дядѣ не удалось высказать Бубнову всю горькую правду. Бубновъ умеръ. Мишеля страшно поразила смерть отца, тѣмъ болѣе, что бѣдняга не смѣлъ увидѣться съ отцемъ и испросить у него прощенія, когда старикъ лежалъ въ моемъ кабинетѣ. Докторъ говорилъ, что больного можетъ убить малѣйшее волненіе. Миша прокрадывался къ отцу только въ тѣ минуты, когда старикъ засыпалъ, и тотчасъ же спѣшилъ удалиться, какъ только отецъ открывалъ глаза. Рыдая надъ трупомъ отца, Миша съ свойственной ему дѣтской откровенностью разсказалъ мнѣ всю правду, признался, какъ онъ сначала понемногу бралъ у отца деньги, а потомъ захватилъ сразу все, что нашлось въ бюро. Онъ съ горечью называлъ себя убійцей старика.

— Прошлаго не воротишь, говорилъ я, — но ты долженъ воспользоваться роковымъ урокомъ.—Братъ, какъ дитя, припалъ ко мнѣ на грудь и, цѣлуя мои руки, давалъ клятвы исправиться.

Digitized by Google

Я приглашалъ его переѣхать ко мнѣ. Я боялся, что Миша по вѣтрености своего гибкаго и мягкаго характера, скоро забудетъ тяжелый урокъ или съ горя бросится въ прежній омутъ, чтобы позабыться. Я сообщилъ эти тревожныя мысли и въ своемъ кружкѣ, какъ вдругъ къ намъ явился Миша въ новой армейской формѣ. Мы изумились.

— Я, голубчикъ, уѣзжаю, проговорилъ онъ, обнимая меня.

— Куда?

— На войну, на Кавказъ, отвѣтилъ онъ.—Позаботься о моихъ крестьянахъ, не высылай мнѣ денегъ... Мнѣ теперь ничего не нужно...

Я пожалъ его руку. Я не отговаривалъ его, мнѣ казалось, что этому взрослому ребенку можетъ принести пользу тяжелый опытъ. Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ, какъ дитя.

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ жить хочется, наивно воскликнулъ онъ, рыдая.—А все-таки я подъ первую пулю брошусь...

Наша жизнь снова пошла по старому. Только дядя тихо угасалъ безъ особенныхъ болѣзней, безъ особенныхъ перемѣнъ, онъ ходилъ почти до послѣдняго дня и еще наканунѣ своей смерти, шутя, говорилъ мнѣ, что ему пора въ отставку, такъ какъ корабль принялъ хорошее направленіе. Кораблемъ онъ по старому называлъ нашъ домъ и былъ увѣренъ, что на кораблѣ все обстоитъ благополучно. Помня малѣйшія подробности изъ нашей старинной жизни, онъ, кажется, совершено забылъ, что я женатъ, что у меня есть сынъ, и иногда въ моемъ отсутствіи выражалъ удивленіе, что Володя, эта «птица», долго не ростетъ, видимо смѣшивая моего сына со мною. Въ моемъ присутствіи онъ нерѣдко говорилъ, что это странно, очень странно, что сперва былъ одинъ Володя, а теперь два, одинъ «вонъ какой верзила, перестарокъ, а другой—совсѣмъ маленькая птица». Я не пробовалъ объяснять эту загадку, не желая произносить имени жены. О ней у насъ никто не вспоминалъ, всѣ старались обходить ея имя. Мнѣ какъ-то попался нумеръ французской газеты, гдѣ описывался одинъ парижскій балъ и упоминалось о моей женѣ, бывшей въ числѣ гостей. Ея имя упоминалось рядомъ съ именемъ Самарина. Я скомкалъ нумеръ и бросилъ его въ огонь, не желая, чтобы кто нибудь другой прочелъ это извѣстіе. Черезъ годъ

Digitized by Google

уснулъ навѣки и дядя. Онъ уснулъ незамѣтно, тихо, спокойно, какъ прожилъ. О немъ, повидимому, только требовавшемъ заботъ и ухода, неприносившемъ никому пользы, плакали всѣ, начиная съ Володи и кончая Марьей Васильевной. Володя очень сердился на могильщиковъ и кричалъ, чтобы въ дядю не смѣли бросать каменьями, когда начали заваливать землею гробъ. Я отчасти сожалѣлъ и досадовалъ, что мы доставили это первое горе ребенку, взявъ его на похороны. Какъ-то пусто было у насъ въ первые дни послѣ похоронъ, дѣти раза два проговорились: «а вотъ ужо капитанъ придетъ!» и боязливо смолкли, вспомнивъ, что капитанъ никогда не придетъ и не станетъ добродушно ворчать или вспоминать былые годы...

Долго, долго чудилось намъ, что вотъ-вотъ отворится дверь и среди нашего кружка появится знакомая фигура добродушнаго старика и снова напомнитъ намъ про старину. Но добрый разсказчикъ умолкъ и слушателямъ оставалось только порой вспоминать его любимыя фразы, его любимыя исторіи, его любимые анекдоты.

Пошли дни за днями, усиленная работа, вознаграждавшая то деньгами, то благодарностью, тихіе семейные вечера, радости по поводу развитія и подростанія Володи, по случаю окончанія курса Гришей въ академіи, все это полно и, повидимому, всецѣло наполняло нашу жизнь. Но кромѣ этихъ семейныхъ радостей приводилъ насъ въ восторгъ поворотъ къ лучшему въ жизни общества. Настала новая, свѣтлая, благословенная пора, полная реформъ и надеждъ на прекрасное будущее. Кто пережилъ эту пору, тотъ долго будетъ помнить эти воскресные дни Россіи, когда смолкли голоса недовольныхъ и общество сплотилось вмѣстѣ для общаго дѣла. Вмѣстѣ съ обществомъ оживилась и литература, новые дѣятели, новые таланты невольно останавливали на себѣ вниманіе и обѣщали многое. Но, среди этого оживленія, среди общихъ надеждъ, бывали лично для меня дни, когда я невольно уходилъ изъ дому на охоту, бродилъ по цѣлымъ днямъ въ окрестностяхъ Петербурга и, усталый, изнурившійся, возвращался домой, чтобы снова предаться труду и покорно выносить свою участь. Я чувствовалъ, что мои отношенія къ Наташѣ день-ото-дня становились неестественнѣе и тяжелѣе. Мы горячо любили другъ друга, но между нами лежала про-

Digitized by Google

пасть. Сама Наташа никогда не обращала вниманія на то, что скажутъ люди. Она была своимъ верховнымъ судьею, строгимъ и безпощаднымъ судьею. Но въ настоящемъ случаѣ, она боялась набросить на себя тѣнь: у нея была тетка, которой строгая нравственность была доказана всею жизнію; вѣдь и тетка, вѣроятно, любила кого нибудь втеченіе долгаго вдовства; вѣдь и она, вѣроятно, страдала, не имѣя возможности по тѣмъ или другимъ причинамъ выйдти замужъ; но она молчала и ей было бы очень тяжело видѣть, если бы ея милая Наташа пала. Кромѣ того вся дѣятельность Наташи была посвящена дѣтямъ— дѣвочкамъ; возможно ли было бы скрыть отъ ихъ родителей нашу связь? Какъ бы посмотрѣли эти родители на дѣвушку-учительницу, живущую съ женатымъ человѣкомъ? Отказаться отъ этой дѣятельности, отказаться для того, чтобы дать «потачку» своей страсти, своему эгоистическому чувству — это было сверхъ силъ Наташи. Она упорно хотѣла доказать себѣ, что человѣкъ можетъ и долженъ побѣждать свои чувства, если отъ этого зависитъ спокойствіе и отчасти благо его ближнихъ. Я былъ менѣе твердъ, я не понималъ этого самоотреченія, я не соглашался съ нею, когда она говорила:

— Какія могутъ быть страданія у насъ, у сытыхъ людей! Неисполненную прихоть считаемъ мы страданьемъ. Посадить бы насъ на мѣсто фабричныхъ, на мѣсто мужиковъ, тогда и узнали бы мы, что значитъ дѣйствительное страданье.

Я удивлялся ей, я благоговѣлъ передъ нею, но я зналъ, что она страдаетъ, что она понимаетъ всю неестественность нашихъ отношеній. И сколько мелочей, сколько случайностей вызывали въ насъ чувство боли. Какъ раненые постоянно зашибаютъ больное мѣсто, такъ мы наталкивались постоянно на мучительные для насъ вопросы.

— Папа, ты женись на Натали, говорилъ мнѣ однажды мой четырехлѣтній Володя, вѣроятно, слышавшій эту фразу отъ прислуги.

— Папа, ты прежде Наташу поцѣлуй, а потомъ меня, говорилъ онъ, встрѣчая меня при моемъ возвращеніи съ охоты.

— Папа, а ты любишь Наташу больше, чѣмъ я? допрашивалъ онъ меня въ другой разъ.

Я чувствовалъ, что этому надо положить конецъ. Я рѣшился

Digitized by Google

уѣхать въ деревню и объявилъ объ этомъ Марьѣ Васильевнѣ. Старушка покачала головой.

— И что же это такъ вдругъ вамъ захотѣлось разстаться съ нами и запропаститься въ деревнѣ?..

— Дѣла тамъ... Я уже давно собирался...

Она посмотрѣла на меня грустнымъ и пристальнымъ взглядомъ.

— Плохо вамъ живется, проговорила она.—И вамъ, и Наташѣ плохо живется.

Я чуть не заплакалъ и опустилъ голову.

— Не ѣздите! проговорила она мягко и ласково.—Въ деревнѣ легче не будетъ. Живите здѣсь... Богъ съ вами!..

Въ эту минуту вошла Наташа.

— Ѣхать хочетъ нашъ Владиміръ... проговорила ей тетка, вставъ съ мѣста и выходя изъ комнаты.—Поговори съ нимъ...

Наташа поблѣднѣла.

— Куда? спросила она меня.

— Въ деревню собираюсь....

Мы смолкли. Наташа стояла спиной ко мнѣ и смотрѣла въ окно.

— Наташа! тихо проговорилъ я.

— Милый мой! зарыдала она, обернувшись ко мнѣ и припадая къ моему плечу головой.—Неужели этому и конца не будетъ! Ты знаешь, я не толковъ боюсь, но мнѣ тяжело, что намъ придется бояться каждаго ребенка, какъ шпіона, который, разболтавъ о нашихъ отношеніяхъ, повредитъ себѣ же... Мнѣ тяжело огорчить тетку...

— И потому нужно губить себя? тихо проговорилъ я.

Она взялась за голову.

— Четыре года, четыре года я боролась съ своими чувствами, прошептала она.—Что-жь, наше счастье все равно пропадетъ... Не уѣзжай!

Я наклонился къ ея рукѣ и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

Богъ знаетъ, замѣтила ли тетка, замѣтила ли прислуга наши новыя отношенія, но повидимому въ домѣ ничего не измѣнилось. Всѣ мы были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, всѣ такъ хорошо знали насъ, что, вѣроятно, никто изъ всей нашей «семьи» не бросилъ бы въ насъ камнемъ осужденія. Мы станови-

Digitized by Google

лись все спокойнѣе и спокойнѣе и почти безъ всякаго страха смотрѣли на наше будущее, Оно было свѣтло, какъ наступившіе дни весны, какъ наступившая эпоха для нашей общественной жизни. Мы стали строить планы переселенія въ деревню. Я твердо рѣшился снова взять на себя дѣла моей деревенской школы. Наташа, я и Гриша могли быть не безполезными дѣятелями въ деревнѣ. Гриша могъ приносить пользу крестьянамъ, какъ докторъ, я и Наташа могли быть полезны, какъ учителя. Мы видѣли, какъ счастливо и мирно устроится нашъ маленькій кружокъ въ глуши, вдали отъ столицы, среди такихъ личностей, какъ мой дѣдъ и Хомутовъ. Сверхъ того въ обществѣ разрѣшился крестьянскій вопросъ и я понялъ, что мнѣ нужно переселиться въ провинцію, чтобы наконецъ дѣятельно приняться за то дѣло, которое было главною мечтою втеченіе всей моей жизни. Я сознавалъ, что и моему Володѣ будетъ лучше учиться и развиваться въ провинціи подъ руководствомъ Наташи и Гриши.

— Молодецъ ты у насъ выростешь, говорилъ Гриша моему сыну, объясняя ему разные вопросы, которые уже начинали занимать мальчугана.

Я видѣлъ, что дѣйствительно Володя можетъ вырости молодцемъ и не неучемъ, имѣя подъ рукою развитыхъ и добрыхъ наставниковъ.

Наташа сильно заботилась о мальчикѣ и при случаѣ давала ему иногда очень оригинальные уроки...

Это было на шестой годъ послѣ моего разрыва съ женою. Въ послѣднее время я не получалъ о ней никакихъ вѣстей. Я начиналъ думать, что она умерла.

XIV.

Послѣднія тревоги.

...Наставала весна. У насъ въ залѣ выставлялись зимнія рамы. Володѣ, рѣзвившемуся около меня въ моемъ кабинетѣ, непремѣнно хотѣлось убѣжать туда, чтобы поскорѣе проскользнуть на балконъ, выглянуть сквозь перила любопытными глазенками на снующій по улицѣ народъ и прислушаться къ давно неслы-

Digitized by Google

шанному стуку колесъ и уличному шуму. Я боялся, что онъ легко можетъ простудиться, и попросилъ Натали принести ему фуражку и что нибудь изъ теплой верхней одежды. Она ушла за его вещами. Мы остались одни. Володя шаловливо старался вырваться изъ моихъ рукъ и я едва могъ справиться съ нимъ. Наконецъ Натали появилась въ дверяхъ, онъ бросился къ ней, торопливо сталъ натягивать на себя пальто, надѣлъ на затылокъ фуражку и убѣжалъ.

— Къ намъ какая-то дама пріѣхала, сказала Натали, страннымъ, смущеннымъ тономъ.

Я только теперь взглянулъ на ея лицо: оно было блѣдно. Неизвѣстно почему, но я тоже смутился. Въ моей головѣ не было никакой опредѣленной, пугающей мысли, но между тѣмъ мнѣ вдругъ стало не по себѣ. Я отвыкъ отъ появленія въ нашемъ домѣ мало знакомыхъ людей и, казалось, что съ ихъ появленіемъ, здѣсь должно было непремѣнно связываться что-то непріятное, нарушающее нашъ обычный покой. Мы еще стояли молча другъ передъ другомъ, когда въ комнату тревожной и быстрой походкой вошла высокая, стройная женщина. Она дрожащими руками откинула вуаль и бросилась ко мнѣ.

— Прости меня, прости, Вольдемаръ! зарыдала она.

Это была моя жена. Она была худа, на ея лицѣ выражалось страданіе, на щекахъ выступали зловѣщія пятна болѣзненнаго румянца. Я тихо отодвинулся отъ нея, чтобы избѣжать объятій, и невольно, инстинктивно взглянулъ на Натали: она, неподвижная и блѣдная, какъ статуя, стояла, прислонившись къ дверямъ.

— Другъ мой, гдѣ мой сынъ? Гдѣ нашъ Володя? говорила Зина.

Я указалъ рукою на залу. Говорить я не могъ. Въ моей головѣ не было ни одной ясной и опредѣленной мысли. Я чувствовалъ, что въ моей жизни происходитъ какое-то страшное несчастіе, готовое разбить въ дребезги весь мирный строй этой жизни, но придумать средства для спасенія себя и ближнихъ отъ этой катастрофы я былъ не въ силахъ; я даже не вполнѣ понималъ, какого рода событія должны начаться съ этой минуты. Моя жена бросилась въ залу на балконъ. Черезъ минуту я услышалъ голосъ Володи.

Digitized by Google

— Не хочу, я не хочу! Пустите меня! кричалъ онъ испуганнымъ голосомъ и, весь раскраснѣвшійся, вбѣжалъ въ кабинетъ и бросился подъ защиту своей милой Натали.

— La dame m'embrasse et je ne le veux pas! Je ne la connais pas! жаловался онъ дѣтски обиженнымъ тономъ, обращаясь къ Натали.

Володя, когда что нибудь въ людяхъ особенно возмущало его, обыкновенно начиналъ объясняться съ нами по-французски, вѣроятно полагая, что, за исключеніемъ меня, Натали, Гриши и его, всѣ остальные люди, подобно нашей прислугѣ, не знаютъ этого языка.

— Боже мой, онъ меня не узнаетъ! Онъ не хочетъ обнять меня! Ты вооружилъ его противъ меня и пріучилъ къ чужой женщинѣ! воскликнула, со слезами ломая руки, моя жена.— Пустите его ко мнѣ! обратилась она къ Натали.—Какое право имѣете вы удерживать моего ребенка? Вы опять становитесь на моей дорогѣ!

Натали безсознательно прижала къ себѣ Володю и молящимъ, испуганнымъ взглядомъ смотрѣла на меня. Я понялъ, что только я могъ кончить эту сцену и избавить ребенка отъ горькаго впечатлѣнія, какое могли произвести на него мои объясненія съ его матерью.

— Уведите Владиміра, обратился я къ Натали.

Она быстро схватила за руку мальчика и почти бѣгомъ скрылась съ нимъ изъ кабинета.

— Ты отнимаешь у меня сына! Ты отнимаешь моего сына, воскликнула Зина и хотѣла идти за Натали и Володей.

Я остановилъ ее. Я чувствовалъ необходимость объясненія.

— Вы сами бросили его, тихо проговорилъ я, стараясь быть по возможности спокойнымъ и сдержаннымъ.

Я говорилъ ей *вы* не потому, что я сердился на нее, но потому, что въ эту минуту она была для меня совсѣмъ чужою женщиною, къ которой я не питалъ никакихъ чувствъ, кромѣ полнѣйшаго равнодушія, полнѣйшей холодности. Всего прошлаго, съ его радостями и горемъ, съ его любовью и ненавистью, въ эту минуту какъ будто не существовало.

— Да, да, я это заслужила! Я сама бросила его, отказалась отъ вашей любви! Но пойми меня, другъ мой, что я несчастна,

Digitized by Google

что я страдаю! Я пришла у вашихъ ногъ вымолить себѣ прощенье. Я не встану до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь, что ты прощаешь меня, рыдала она и упала къ моимъ ногамъ съ глухимъ кашлемъ.

Она была такъ жалка въ эту минуту, что у меня сжалось сердце. Я понималъ, что она и теперь поступаетъ такъ же искренно, какъ поступала тогда, когда бросила меня и своего грудного младенца. Мнѣ нужно было сдѣлать надъ собой страшное усиліе, чтобы въ одно мгновеніе рѣшиться на все, выбрать путь дѣйствія: поддаться пробужденному этими стонами сожалѣнію и погубить не плачущую передо мной, отсутствующую въ этотъ мигъ женщину, погубить будущность ребенка, отдавши его въ руки нравственно искалѣченной матери, погубить наконецъ свое собственное счастье, или хладнокровно и твердо убѣдить свою жену въ томъ, что между нами все кончено, что мы стоимъ на разныхъ берегахъ непроходимой пропасти.

— Я на васъ не сержусь, проговорилъ я, и поднялъ ее.

— Не говори со мной этимъ холоднымъ тономъ. Не говори мнѣ: вы. Ты страшенъ въ такія минуты... Я и прежде боялась этого убійственнаго холода, на какой способенъ только ты...

Она припала къ моему плечу, тяжело дыша и слегка покашливая.

— Веди меня къ моему сыну. Я хочу примириться и съ нимъ. Да, примириться! говорила она шопотомъ.

— Сядьте и поговоримъ хладнокровно, сказалъ я, подвинувъ ей кресло.

Она сѣла. Я былъ радъ возможности присѣсть, потому что мои ноги дрожали. По счастью въ комнатѣ стоялъ графинъ съ водою. Я налилъ воды и выпилъ одинъ за другимъ два стакана. Зина сбросила съ себя шляпку. Я не рѣшался заговорить и сидѣлъ, опустивъ голову на руку. Наконецъ, мнѣ нужно было заговорить. Молчаніе тяготило.

— Вы, вѣроятно, разошлись съ нимъ? спросилъ я, не называя имени Самарина.

— Онъ меня бросилъ!

— Что же вы думаете теперь дѣлать?

— Другъ мой, я пришла къ тебѣ просить прощенья, просить пріюта...

Digitized by Google

— Я вамъ сказалъ, что я не сержусь на васъ и не имѣю на это права. Вы это знали и прежде. Но вы должны были понять и то, что между нами порваны всѣ прежнія отношенія и они не могутъ возникнуть вновь. Въ матеріяльной помощи вы вѣроятно не нуждаетесь. Нравственной помощи, совѣтовъ мнѣ нечего давать вамъ. Если я скажу вамъ: живите честно, работайте на пользу ближнихъ,—то это будетъ не ново и не будетъ имѣть серьезнаго значенія для васъ. Быть вашимъ другомъ, вашимъ защитникомъ я могу только тогда, когда вамъ будетъ нужна моя услуга или защита. Но видѣться съ вами, жить съ вами я не могу.

— Какъ? Ты выгоняешь меня изъ своего дома? воскликнула Зина.

— Я васъ не выгоняю. Вы сами ушли изъ него и отрѣзали себѣ путь къ возвращенію.

— Да вѣдь это безбожно! Я увлеклась, я ошиблась, теперь я вижу свою ошибку, я прошу за нее прощенія и ты отталкиваешь меня. Не ты ли самъ говорилъ, что мы невиноваты въ своихъ увлеченіяхъ.

— Поймите, что я васъ отталкиваю не за ошибку, что я не сержусь на васъ. Но въ эти годы тяжелаго испытанія я самъ понялъ, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, что наши характеры не сходны, что наши убѣжденія враждебны, что мы рано или поздно должны были разойдтись.

— О, ты не знаешь, какъ я перемѣнилась, какъ я выстрадала покорность! воскликнула она съ болѣзненнымъ чувствомъ.— И неужели ты, всегда понимавшій людей, не замѣтилъ сразу, что передъ тобой стоитъ не прежняя надменная Зина? Да, я буду рабой твоей воли, рабой твоихъ желаній!

Я покачалъ головой. Я видѣлъ, что эта женщина не понимаетъ меня и теперь, какъ не понимала прежде. Она не сознавала, что мнѣ равно нестерпимы и властолюбіе прежней Зины и рабская покорность теперешней падшей женщины.

— Не станемте говорить объ этомъ! сказалъ я.—Можетъ быть, вы измѣнились, я вамъ вѣрю. Но... но...

Мнѣ было тяжело высказать правду, но я рѣшился.

— Я васъ болѣе не люблю, проговорилъ я.

— А! Такъ значитъ это правда? Значитъ ты любишь ее.

Digitized by Google

Ты любилъ ее и прежде, поднялась она, гнѣвная и гордая, во весь ростъ передо мною, напомнивъ мнѣ былые годы.

Эта женщина не могла представить себѣ, что можно разлюбить одного человѣка и не полюбить въ тоже время другого.

— Я не обязанъ отдавать вамъ отчета въ своихъ чувствахъ, проговорилъ я.—Было время, когда и вы и я были обязаны сообщать тайные помыслы и желанія другъ другу,—теперь эта пора миновала.

— Такъ ты изгоняешь меня ради развратницы!

— Удержитесь! воскликнулъ я, тоже поднимаясь съ мѣста.

— Боже мой, до чего я дожила! Меня гонятъ изъ-за публичной женщины!

— Удержитесь! повторилъ я, едва владѣя собою.—Вспомните, что этимъ именемъ клеймили люди и васъ... Ни вы, ни я не имѣемъ права называть развратомъ искреннюю, хотя и незаконную любовь...

— Нѣтъ, нѣтъ, я имѣю право! Да, да, это развратъ, это наглый развратъ! заговорила она, дрожа отъ гнѣва, и закашляла удушливымъ кашлемъ.—Я краснѣю за свое прошлое, я своимъ позоромъ, своимъ паденіемъ купила право называть настоящимъ именемъ эти связи. Вы, мужчины, несмотря на свое поведеніе, считаете себя чистыми и святыми, и потому такъ мягко, такъ безразлично относитесь къ пороку. Съ высоты своего величія вы милостиво снимаете съ насъ это клеймо разврата. Но мы-то имѣемъ право называть вещи ихъ именами. Знаете ли вы, что вы дѣлаете своими всепрощеньями? Вы насъ же губите. Если бы ты не такъ снисходительно относился къ женскимъ увлеченіямъ, если бы ты заставилъ меня насильно жить съ тобою, если бы ты употребилъ свое законное право, тогда ты избавилъ бы меня отъ страданій обманутой любви, отъ общественнаго позора, отъ тѣхъ мукъ, которыя я переношу теперь...

Мнѣ была жалка эта женщина, требовавшая насилія мужчины. Я чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ нею, такъ какъ я и прежде долженъ былъ знать, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ нуженъ въ мужѣ повелитель, деспотъ или рабъ. Мнѣ надо было въ пору и во время выгнать изъ своего воображенія свѣтлыя картины будущаго счастья и

Digitized by Google

посмотрѣть холодно и трезво, можетъ ли быть не только счастливо, но просто сносно это будущее. Раскаяваться однако было поздно: передо мной стояла женщина, сдѣлавшая ошибку вслѣдствіе моей опрометчивости, и я долженъ былъ ее наказать, чтобы спасти себя и другихъ. Я терялся окончательно.

— Но, что бы ни было, какъ бы ты ни смотрѣлъ на меня, продолжала она,—а я не оставлю въ рукахъ этой развратницы своего сына.

Я поблѣднѣлъ, я чувствовалъ это. Мое дыханіе прерывалось.

— Но я оставлю въ ея рукахъ своего ребенка, задыхаясь, произнесъ я.—Если бы эта женщина была даже развратна, то я все-таки скорѣй бы оставилъ свое дитя ей, чѣмъ вамъ, уже просто потому, что вы высказываете такія мнѣнія, которыя я не хотѣлъ бы прививать къ своему сыну.

— А, такъ ты рѣшился на это! Но вѣдь я мать, я имѣю право взять своего ребенка! И я возьму его! угрожала она.

— Несчастная женщина, вы сами не знаете, что вы говорите, съ невольнымъ состраданіемъ замѣтилъ я.

— Возьму, возьму! Я нынче же начну хлопотать. Ты увидишь, что у меня нельзя отнять этого послѣдняго утѣшенія въ жизни.

Она хотѣла идти. Я удержалъ ее.

— Не вызывайте меня на борьбу, сказалъ я ей.—Вы ошибаетесь на счетъ своихъ правъ. Какъ мать, вы можете взять сына. Но... О если бы вы знали, если бы могли понять, какъ тяжело мнѣ это объясненіе! невольно воскликнулъ я.—Помните, что если вы рѣшитесь требовать къ себѣ сына, то я рѣшусь заявить, что вы развратная женщина.

Она опять выпрямилась во весь ростъ, ея глаза блеснули гнѣвомъ.

— Да, я была развратной женщиной, но вы и теперь развратный отецъ, отвѣтила она.—Я это тоже заявлю, заявлю публично, съ угрозой говорила она.—Мнѣ нечего бояться стыда и позора. Я уже перенесла ихъ довольно, купивъ этимъ только несчастье. Но теперь я перенесу и стыдъ, и позоръ ради счастія всей моей остальной жизни, ради спасенія своего сына. Я не умѣла быть женою и матерью. Теперь я хотѣла сдѣлаться и тѣмъ, и другимъ, ты отталкиваешь меня, какъ жену, но ты не

Digitized by Google

заставишь меня отказаться отъ роли матери. Да, чѣмъ большимъ позоромъ куплю я свои права, тѣмъ дороже будутъ они для меня.

Она опять удушливо закашляла и вышла изъ кабинета. Я стоялъ у стола, склонивъ на грудь голову. Я не оправдывалъ себя, я не винилъ ее, но я чувствовалъ необходомость отстоять во что бы то ни стало и сына, и себя. Я еще не успѣлъ ничего сообразить, когда меня позвали къ чаю. За столомъ сидѣли Марья Васильевна, Натали и Володя. Натали, блѣдная и молчаливая, смотрѣла въ чашку, не поднимая глазъ. Марья Васильевна изъ-за самовара искоса поглядывала на нее и мелькомъ взглянула на меня, когда я вошелъ, видимо стараясь понять, что случилось. Володя болталъ чисто по-дѣтски о странной посѣтительницѣ.

— Папа, какая эта дама странная, заговорилъ онъ, завидѣвъ меня.—Она взяла меня вдругъ на руки, какъ маленькаго, и стала цѣловать меня, мои руки. Это совсѣмъ не хорошо. Я не люблю, когда у меня цѣлуютъ руки. И какъ странно...

— Эта дама очень несчастна, проговорилъ я, перебивая его.

— Она вѣрно бѣдная? сообразилъ онъ.

Я не отвѣчалъ.

— Ты ей далъ денегъ? допрашивалъ онъ.

Дитя, онъ не зналъ, какой пыткѣ подвергаетъ онъ меня и Натали.

— Я ей не могъ помочь, отвѣтилъ я.—Ей нужны не деньги. Бываютъ и богатые люди, которые несчастны.

Володя задумался.

— А ты, папа, помоги ей! сказалъ онъ черезъ минуту.

Я наклонилъ голову и молча пилъ чай.

— Я думаю, папа, всѣмъ помочь можно, разсуждалъ онъ.— Я, когда буду большой, всѣмъ помогу.

Я не разувѣрялъ его. Я не смотрѣлъ ни на него, ни на остальныхъ собесѣдниковъ. Я чувствовалъ, что и Натали не смотритъ ни на кого, и что только Марья Васильевна глядитъ на насъ все болѣе и болѣе тревожными, почти испуганными глазами. Бѣдная старушка она, можетъ быть, начинала угадывать истину и страдала за насъ.

Наконецъ Володю увели спать. Обыкновенно его укладывала

Digitized by Google

Натали, но на этотъ разъ Марья Васильевна торопливо встала изъ-за стола и обратилась къ племянницѣ;

— Наташа, ты налей Владиміру Михайловичу второй стаканъ, а Володюшку я уложу, сказала она.—Мнѣ тамъ надо прибрать въ его комнаткѣ.

Она вышла. Я сразу понялъ, что Марья Васильевна угадала все и нарочно оставляетъ насъ однихъ. Я наскоро передалъ Натали весь мой разговоръ съ женою.

— Что же ты думаешь дѣлать? спросила она.

— Бороться. Я не могу отдать ей Володю. Она окончательно испортитъ и погубитъ его.

— Но она по закону можетъ его взять.

— Я прибѣгну къ послѣднему средству. Объявлю, что это за женщина. Подобной матери не отдадутъ ребенка.

— Но развѣ ты лучше ея въ глазахъ общества?

Натали, не дожидаясь моего отвѣта, встала и вышла изъ комнаты. Она была какъ-то холодно сосредоточена, какъ-то убійственно спокойна, точно она во что-то вдумывалась и забыла обо всемъ окружающемъ. Я прошелъ въ комнату Володи, мнѣ хотѣлось въ этотъ вечеръ еще разъ поцѣловать его. Входя въ его комнатку, я невольно остановился на порогѣ: въ переднемъ углу, передъ образомъ лежала, не шевелясь, прильнувъ лбомъ къ полу, Марья Васильевна; въ комнатѣ были спущены сторы и царила тьма, и только надъ старушкой разливался кроткій свѣтъ лампады. Сначала мнѣ показалось, что съ нею сдѣлалось дурно, но черезъ минуту я увидѣлъ, что ея голова тихо поднимается съ пола.—Я поспѣшилъ выйдти, я боялся показаться ей на глаза и смутить то спокойствіе, которое вѣроятно она купила молитвой хотя на эту ночь.

Но чѣмъ я могъ купить спокойствіе и отдыхъ?.. Какъ дорого далъ бы я за часъ сна въ эту ночь. Какъ медленно шла она. Какъ сердилъ меня этотъ обманчивый весенній свѣтъ. Мнѣ казалось, что уже наступилъ день, а часовая стрѣлка показывала еще только четвертый часъ утра. И какія черныя думы тревожили меня въ эти часы безсонницы и одиночества. То я проклиналъ свое молодое увлеченіе, создавшее когда-то изъ Зины идеалъ. То я проклиналъ Зину за то, что она надѣла маску и скрыла свою настоящую физіономію при первой встрѣчѣ со

Digitized by Google

мною. Теперь мнѣ становилось ясно, что это была мелочно-самолюбивая, стремящаяся къ господству и внѣшнему блеску натура, а тогда она мнѣ казалась чѣмъ-то въ родѣ Прометея, прикованнаго къ дикой скалѣ. Всѣми силами старался я придумать, какъ бы разъяснить Зинѣ необходимость полнаго прекращенія всѣхъ ея отношеній ко мнѣ и къ сыну. Въ тоже время въ моей головѣ мелькала мысль, что эта несчастная мать, подъ вліяніемъ раскаянія, можетъ быть, вдвое больше, чѣмъ я, полюбила своего сына, что на немъ сосредоточилась вся ея жизнь, и что я, отнимая у нея его, отнимаю у нея жизнь. Но неужели отдать ей Володю, отдать для того, чтобы она привила къ нему свои понятія, свои ошибки, свои пороки? Не согласится ли она только видѣться съ нимъ при мнѣ, не согласится ли она не вмѣшиваться въ его воспитаніе, въ его развитіе? Нѣтъ, это невозможно: она хочетъ взять его вполнѣ, она хочетъ, чтобы отъ него отстранили Натали. И какое право имѣетъ эта женщина на моего сына, какое право имѣетъ она вмѣшиваться въ мои отношенія къ Натали? Она бросила моего сына, бросила меня, она пировала, веселилась, наслаждалась жизнью, была любима, когда мы страдали, когда мы не находили любви, — наконецъ мы нашли сердце, которое откликнулось на нашъ зовъ, которое принесло намъ себя на жертву, и вотъ эта женщина, принесшая намъ только горе, врывается въ нашъ домъ, требуетъ себѣ мѣста, требуетъ, чтобы мы ее любили, требуетъ, чтобы мы вытолкали то существо, которое было нашимъ ангеломъ-утѣшителемъ въ тяжелые годы испытанія. Нѣтъ, никогда, никогда не принесу я въ жертву ей Натали.

Не спавъ всю ночь, я, усталый и нравственно измученный, вышелъ по утру къ чаю. Натали не было въ столовой. Мнѣ хотѣлось ее увидать, и я пошелъ въ ея комнату. Я постучалъ къ ней въ двери.

— Войди, отвѣтила она, и я услыхалъ быстрое шуршанье бумаги.

Когда я отворилъ дверь, Натали стояла у комода, прислонившись къ нему спиной. Въ ея рукѣ была пачка писемъ, которыя она тщетно старалась засунуть въ карманъ. Это были мои письма, писанныя къ ней.

Digitized by Google

— Что ты дѣлала? спросилъ я, замѣчая безпорядокъ въ комнатѣ.

— Я уѣзжаю, отвѣтила она, стараясь говорить твердо.

— Куда?

— Куда нибудь... Я еще не знаю... Но я не могу, не хочу стоять на вашей дорогѣ.

Я окончательно растерялся.

— Неужели ты думаешь, что я пожертвую ей тобою и Володей? пробормоталъ я.

— Ничего я не думаю, отвѣтила она.—Но ты долженъ сойдтись съ ней, чтобы удержать при себѣ Володю. Она имѣетъ право или требовать къ себѣ его или просить тебя жить съ нею. Она имѣетъ право указать на меня, какъ на развратную женщину, съ которой ты живешь, и которой она не можетъ довѣрить ребенка. Я должна сойдти съ дороги. Сходясь съ тобою, я должна была помнить, что у тебя есть жена, что она можетъ вернуться. Я расплачиваюсь теперь за свою ошибку.

— Ты раскаяваешься за свой поступокъ? спросилъ я, не сознавая, что говорю.

— О, для чего говоришь ты то, во что самъ не вѣришь! упрекнула меня Натали.—Я не раскаяваюсь. Я просто покоряюсь необходимости. Передо мной двѣ дороги: или погубить Володю или вынести испытаніе на себѣ. Выборъ простъ. Я беру все на себя.

— Подожди, ради Бога подожди! воскликнулъ я. — Я еще увижусь съ ней, я уговорю ее...

— Если въ ней пробудились чувства матери, то ты ничего не сдѣлаешь, съ полнымъ убѣжденіемъ произнесла Натали.—И зачѣмъ добивать ее, несчастную и безъ того? Я молода, я здорова, я перенесу тяжелое время. А тамъ, когда нибудь увидимъ, какъ сложатся обстоятельства...

Я снова сталъ просить ее подождать результатовъ моего новаго свиданія съ женой. Натали согласилась, но замѣтила мнѣ, что я слишкомъ жестко смотрю на Зинаиду, что я и теперь не вѣрю ея раскаянью, что я не хочу понять чувства кающейся матери.

— Я не говорю, что ты долженъ ее полюбить снова, что ты долженъ сдѣлаться ея мужемъ, окончила она.—Но ты обязанъ дать ей возможность стать честной матерью.

Digitized by Google

— Какъ? отдать ей Володю? горячо возразилъ я

— Нѣтъ этого-то и не нужно дѣлать. Если бы нужно было отдать ей Володю, то я могла бы остаться здѣсь. Но ты долженъ открыть ей двери своего дома, позволить ей быть подлѣ ея сына и слѣдить, чтобы она не испортила его, не привила къ нему своихъ убѣжденій.

— Ужь не считаешь ли ты меня виновнымъ?

— Да, ты виноватъ такъ же, какъ она, какъ я, какъ мы всѣ, отдающіеся своимъ чувствамъ и забывающіе, что выше насъ есть законы, непризнающіе этихъ чувствъ...

Потрясенный пріѣздомъ жены, еще болѣе потрясенный объясненіемъ съ Натали, я теперь былъ, какъ безумный. Мнѣ опять хотѣлось куда нибудь бѣжать, бросить все, захвативъ съ собою только свою семью. Я готовъ былъ отречься отъ всей своей дѣятельности, отъ всѣхъ своихъ плановъ, только бы избѣжать предстоявшей катастрофы. Но куда бѣжать, куда скрыться? Надо было дѣйствовать, надо было собрать всѣ силы и уладить дѣло. Я горѣлъ нетерпѣніемъ, мнѣ хотѣлось скорѣе, скорѣе пережить эти дни и дождаться развязки. Я почти выбѣжалъ изъ дому и направился къ гостиницѣ, гдѣ остановилась моя жена. Съ лихорадочнымъ чувствомъ нетерпѣнія подходилъ я къ этому дому и спросилъ у швейцара, гдѣ остановилась Зинаида Анатоліевна Теплицына. Швейцаръ подумалъ и указалъ мнѣ на номеръ какъ-то небрежно. Я пошелъ по его указанію. Номеръ былъ въ четвертомъ этажѣ, окнами на дворъ. Подойдя къ номеру, я нашелъ его замкнутымъ. Лакей, бывшій въ коридорѣ, сказалъ мнѣ, что барыня ушла рано утромъ.

— Не знаешь ли, куда она поѣхала? спросилъ я.

— Она пѣшкомъ пошла, отвѣтилъ лакей.

Я вышелъ, не зная, куда идти. Домой мнѣ не хотѣлось возвращаться. Горе давило мою грудь. Мнѣ нужно было провѣтриться. Я пошелъ бродить по городу. Я шелъ около часу; куда, зачѣмъ— я не понималъ и самъ. Когда я опомнился, я увидѣлъ, что я зашелъ въ Екатерингофъ. Въ саду бѣгали дѣти, весело наслаждаясь весной. Мнѣ вдругъ вспомнился Володя, вспомнилось, что я обязанъ подумать о его счастьи. Я бросился вонъ изъ сада, нанялъ извозчика и снова пріѣхалъ въ гостиницу. Моей жены еще не было дома.

Digitized by Google

— Впустите меня въ какой нибудь свободный номеръ и скажите, когда пріѣдетъ барыня, сказалъ я.

Мнѣ открыли дверь въ комнату, смежную съ комнатой моей жены. Я вошелъ туда и сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Прошло съ часъ времени. Я выбѣгалъ изъ комнаты при каждомъ звукѣ шаговъ въ коридорѣ. Жена все не возвращалась. Ея все не было. Я позвалъ лакея.

— Барыня вѣрно не будетъ къ обѣду? спросилъ я.

— Она велѣла подать обѣдъ въ четыре часа.

Я походилъ по комнатѣ и рѣшился идти домой, чтобы успокоить своихъ. Заплативъ за номеръ, я вышелъ на улицу и поѣхалъ домой. Каждая встрѣчная женщина обращала на себя мое вниманіе. Нѣкоторыя женщины мнѣ казались очень похожими на мою жену, и я готовъ былъ остановиться, соскочить съ дрожекъ и подойдти къ нимъ. Пріѣхавъ домой, я лаконически объявилъ, что не засталъ жену въ гостиницѣ, и прошелъ въ кабинетъ. Какъ мучительно шло время! Я ходилъ, ходилъ по комнатѣ, прислушиваясь, не подъѣдетъ ли кто нибудь, не зазвенитъ ли колокольчикъ, но все было тихо. Часовъ въ десять я снова одѣлся и пошелъ въ гостиницу. Чѣмъ ближе подходилъ я къ гостиницѣ, тѣмъ сильнѣе возросталъ во мнѣ какой-то страхъ.

— Ну что? спросилъ я у лакея.

— Не приходила-съ.

— Ты это навѣрное знаешь?

— Какъ же не знать—ключи у меня.

Я постоялъ молча въ коридорѣ и вышелъ. Черезъ минуту я вернулся снова.

— Вотъ мой адресъ. Если барыня пріѣдетъ, то дай мнѣ знать тотчасъ же.—Я далъ лакею рубль.

— Если даже ночью пріѣдетъ, дайте знать.

Лакей обѣщалъ. Я снова пошелъ домой. Я не могъ идти прямо, а сдѣлалъ крюкъ. Дома я ходилъ изъ угла въ уголъ. Било одинадцать, двѣнадцать часовъ, а я все ходилъ, поджидая звонка. Но никто не шелъ ко мнѣ. На дворѣ успѣло разсвѣсти, когда я, утомленный, бросился на кресло и уснулъ. Рано утромъ я пошелъ или, лучше сказать, побѣжалъ въ гостиницу. Моя жена не возвращалась, и въ гостиницѣ уже

Digitized by Google

стали безпокоиться объ ея отсутствіи, Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что я ее привезу. Когда я вышелъ изъ гостиницы, я не зналъ въ сущности, гдѣ я отыщу свою жену, и что мнѣ дѣлать. Походивъ по улицѣ, я рѣшился идти къ ея роднымъ. Первый, кто пришелъ мнѣ на память, былъ ея дядя, графъ Сухотинъ. Я отправился къ нему. Тамъ еще всѣ спали въ своихъ богатыхъ палатахъ. Я вызвалъ швейцара. Онъ не сразу узналъ меня и удивился моему приходу. Я такъ давно не появлялся въ этомъ домѣ.

— Не была ли здѣсь Зинаида Анатоліевна? спросилъ я.

— Были-съ вчера.

— Долго ли она пробыла здѣсь?

— Нѣтъ, не долго, нагло усмѣхнулся онъ.

— Не знаешь ли, не обѣщалась ли она быть еще?

— Не знаю-съ. Баринъ, когда онѣ ушли, велѣлъ не принимать ихъ больше.

Я нахмурился.

— Ты не знаешь, куда онѣ отсюда поѣхали?

— Онѣ пѣшкомъ пошли.

Я вышелъ вонъ и пошелъ къ ея брату. Онъ только-что всталъ.

— А! здравствуйте! Сколько лѣтъ не видались, промолвилъ онъ, смотря на меня удивленными глазами?

— Видали ли вы вашу сестру?

— Видѣлъ! Скажите, пожалуйста, я никакъ не думалъ, что у этой женщины хватитъ смѣлости пріѣхать снова въ столицу! Вы, кажется, не приняли ее...

— Да, но не въ томъ дѣло, что вы-то сказали ей?

— Кажется, понятно, что я могъ сказать ей? Я сказалъ, что она замарала наше имя, и что я не намѣренъ принимать ее, если ее даже мужъ оттолкнулъ. Мнѣ тѣмъ болѣе нельзя ее принимать, что у меня у самого молодая жена.

— И такъ вы выгнали свою сестру?

— Какъ вы выгнали свою жену, эти развратницы просто срамятъ честныя имена. Вообразите, она еще хотѣла, чтобы я вступился за нее и хлопоталъ о разводѣ. Мало показалось скандала!

Я поникъ головой, я понималъ, что братъ имѣлъ право бранить ее, если я считалъ невозможнымъ принять ее.

Digitized by Google

— Куда она хотѣла идти отъ васъ?

— Право не знаю, небрежно отвѣтилъ онъ.—Она розыграла роль отчаянья и сказала, что ей видно одинъ путь—въ воду... Къ несчастію, эти люди и въ водѣ не тонутъ?

Я поблѣднѣлъ.

— Боже мой, какъ вы черствы! Ее надо спасти, ее надо отыскать. Вспомните, что эта женщина была намъ когда-то близка, воскликнулъ я, забывая, съ какой ничтожной и надутой своимъ мнимымъ достоинствомъ личностью я говорю.

— Когда-то, но не теперь! Впрочемъ вы мужъ, и это ваше дѣло, сухо замѣтилъ князь Аполлонъ, поднимаясь съ мѣста.

Я ушелъ, какъ сумасшедшій. Я бѣжалъ по улицѣ, не зная, куда я бѣгу. «Одинъ путь—въ воду!» звенѣло въ моихъ ушахъ. Я любилъ когда-то эту женщину; эта женщина — мать моего ребенка. Я оттолкнулъ ее, и слѣдомъ за мною оттолкнули ее всѣ. Этого нужно было ожидать. Это въ порядкѣ вещей. Это не случайность. Я былъ правъ, не правы были только они, развратившіе ее. Но вѣдь тутъ дѣло не въ правотѣ, а въ гибели женщины, въ гибели матери моего ребенка. Что ей оставалось дѣлать? Ее оттолкнули всѣ, она ходила пѣшкомъ, значитъ, у нея не было даже денегъ. «Одинъ путь—въ воду», снова звучало у меня въ ушахъ. Я зачѣмъ-то зашелъ опять въ гостиницу, просидѣлъ почти до вечера, поджидая жену, и потомъ снова выбѣжалъ на улицу. Я бѣжалъ мимо полицейскаго управленія. «Отыскать, отыскать ее хоть на днѣ моря!» мелькало въ моей головѣ. Я вошелъ въ полицію.

— Не привозили ли вчера сюда какой нибудь женщины?

— А что съ ней сдѣлалось? Пьяная? спросилъ меня помощникъ надзирателя.

Я вспыхнулъ, мнѣ казалось, что оскорбляютъ мать моего сына.

— Не пьяную, а, можетъ быть, разбитую лошадьми, упавшую въ обморокъ. Это не простая женщина, а богатая дама...

— Не знаю, въ пріемномъ покоѣ какая-то лежитъ съ вечера. Пройдите туда.

Я пошелъ. Темная, съ изломанными ступенями лѣстница вела въ такіе же темные и смрадные коридоры, за ними начинался пріемный покой - нѣсколько комнатъ съ протухлой атмо

Digitized by Google

сферой. Я вошелъ. Прихожая была грязна и пропитана запахомъ кислой капусты, ржаного хлѣба и махорки съ примѣсью запаха солдатскихъ шинелей и сапогъ. Сквозь незапертую боковую дверь я увидалъ комнату сторожа, гдѣ было грязно. Тамъ стояла кровать, прикрытая разодраннымъ овчиннымъ полушубкомъ. Комната едва освѣщалась лампадой. Въ углу, передъ образами стоялъ босикомъ солдатъ лѣтъ сорока, въ ситцевой розовой рубашкѣ и въ синихъ нижнихъ панталонахъ на ватѣ. На его груди былъ ваточный, сшитый изъ трех-угольныхъ, какъ у арлекина, ситцевыхъ лоскутьевъ нагрудникъ. Я позвалъ его. Онъ продолжалъ молиться вслухъ и, кажется, не слыхалъ моихъ словъ. Я подождалъ. Окончивъ молитву, онъ обернулся.

— Какого чорта тамъ принесло? спросилъ онъ и взглянулъ на меня.

Увидавъ въ полутьмѣ, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ менѣе грубо спросилъ меня:

— Что вамъ надо?

Я объяснилъ. Изъ-подъ полушубка послышался голосъ женщины.

— Ну, проведи ихъ, пусть разсмотрятъ.

— Ишь, улеглась дрыхнуть, такъ и дрыхни, пробормоталъ онъ женщинѣ и засвѣтилъ сальный огарокъ.—Пойдемте!

Мы пошли. Двѣ комнаты пріемнаго покоя, гдѣ лежали привезенные больные, были не чище солдатской каморки. На жесткихъ кроватяхъ, освѣщенныхъ тусклымъ свѣтомъ ночниковъ, лежало трое больныхъ—это были женщины. Одна, беременная, была поднята въ безчувственномъ состояніи, другая была придавлена лошадьми. Третья—когда я подходилъ къ ней, солдатъ сказалъ мнѣ:

— Это дѣвка, ее и смотрѣть нечего. Пьяна была.

Но я не удержался отъ скорбнаго невольнаго любопытства и взглянулъ на нее, какъ мы иногда безсознательно заглядываемъ въ лицо покойника. Это было юное существо, лѣтъ шестнадцати, рѣдкой красоты. Ея пепельнаго цвѣта волосы, завитые въ локоны еще наканунѣ, разсыпались по жесткой, грязной подушкѣ. На ея щекахъ игралъ молодой, лихорадочный румянецъ, темные брови дугою придавали лицу еще болѣе бѣлизны. Она лежала въ роскошномъ, но разорванномъ нарядѣ на этомъ

Digitized by Google

грубомъ ложѣ. Грудь была почти обнажена, это была еще пьяная и дѣвственная грудь.

— Отчего она положена въ платьѣ? невольно спросилъ я.

— Недавно подобрали ее и стащить не могли одежи.

— Ее видѣлъ докторъ?

— Чего ему ее смотрѣть. Пьяная—проспится. Она ужь годъ, какъ съ желтымъ билетомъ ходитъ.

— Да ей не больше шестнадцати лѣтъ!

Солдатъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, какъ на неопытнаго мальчика.

— Нѣшто желтые билеты за выслугу даются! усмѣхнулся онъ.

Я молча стоялъ, не сводя глазъ съ прекраснаго созданья, которое было бы способно затьмить красотой десятки нашихъ барынь.

— Ну, что же вы стали, больше нѣтъ больныхъ.

Я очнулся и, сунувъ солдату денегъ, вышелъ вонъ, пробираясь ощупью по лѣстницѣ. Я шелъ дальше, шелъ быстро, отыскивая слѣдующую часть. Новый осмотръ и новая неудача вывели меня опять на улицу, опять заставили идти въ третью часть, ближайшую отъ гостиницы. Здѣсь я снова осмотрѣлъ больныхъ и уже хотѣлъ выйдти, когда меня остановилъ кто-то.

— Да какъ эта дама была одѣта?

Я разсказалъ.

— Гмъ, промычалъ спросившій меня писецъ.—Высокая она ростомъ?

— Да.

— Тэкъ-съ! А волосы какіе?

— Черные.

Онъ подумалъ.

— Вчера одну такую привезли, лошадьми зашибли ее, свезли въ больницу.

— Куда?

Онъ назвалъ больницу.

Я сунулъ ему въ руку рубль и опрометью бросился вонъ. Я летѣлъ въ больницу. Я кинулся къ дежурному доктору съ распросами.

— Что это вы ночью людей безпокоите? хмуро замѣтилъ онъ съ просонья.

Digitized by Google

— Мнѣ надо ее видѣть!

— Ну и увидите завтра...

— Теперь, теперь...

— Такъ васъ и пустятъ ночью.

— Поймите вы, что это моя жена.

— Мало ли у кого жены здѣсь лежатъ, нельзя же всѣхъ ночью пускать...

— Но ее лошади разбили.

— Мало ли кого разбиваютъ!

— Она можетъ умереть...

— Не умретъ-съ до утра. Вы, я думаю, тоже желаете отдохнуть ночью и потому должны понять, что докторъ тоже желаетъ спать, потому я васъ попрошу оставить меня въ покоѣ.

— Кто у васъ главный докторъ?

— Извольте выйдти вонъ. Главный докторъ ничего не сдѣлаетъ.

У насъ завязался крупный разговоръ, кончившійся тѣмъ, что я долженъ былъ покориться участи и ждать до утра. Всю ночь проходилъ я въ своемъ кабинетѣ. Рано утромъ ко мнѣ постучалась Натали.

— Что? спросила она.

На ней лица не было.

— Она въ больницѣ, разбита лошадьми...

— Что же ты не тамъ? Чего же ты медлишь? Надо ѣхать, привезти ее, заговорила она быстро. — Боже мой, какое несчастье! Торопись-же!

Я пожалъ ей руку.

— Если будетъ можно, началъ я.

— Ее надо будетъ перевезти сюда. За ней нуженъ нѣжный уходъ. Располагай мной и теткой, говорила Натали.

Я вышелъ изъ дому и пошелъ въ больницу. Моя жена лежала безъ памяти. Она еще болѣе осунулась. Я спросилъ, гдѣ живетъ главный докторъ. Мнѣ указали на его квартиру. Я попросилъ его, нельзя ли у нихъ найдти свободнаго покоя для больной. Онъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Вы ей родня?

— Я ея мужъ.

— Какъ же можно отпускать безъ провожатыхъ такую сла-

Digitized by Google

бую женщину? У нея чахотка, она должно быть едва ходила, а вы ее безъ прислуги отпустили.

Я закусилъ губы.

— Она ушла безъ меня, пробормоталъ я.—Люди не досмотрѣли... Но, ради Бога, комнату дайте отдѣльную, даже двѣ, если возможно...

— Хорошо, вы знаете, что это будетъ стоить?

— Докторъ, я не стану торговаться... Я попрошу васъ лечить ее, какъ бы вы лечили ее въ моемъ домѣ...

— Кто ее лечилъ до сихъ поръ?

— Она третьяго дня пріѣхала изъ-за границы.

— Уходили же тамъ ее!

Мы отправились осмотрѣть комнату, начались хлопоты о перенесеніи моей жены въ отдѣльное помѣщеніе. Я суетился, съѣздилъ въ гостиницу, снова въ больницу, наконецъ домой.

— Папа, что съ этой дамой? спросилъ меня Володя.

Я взглянулъ на Натали вопросительно.

— Я ему сказала, что дама, бывшая у насъ, захворала, промолвила Натали.

— Ты свези меня къ ней; Натали сказала, что она намъ родственница, проговорилъ Володя.

— Да, Володя, свезу!

На слѣдующій день я поѣхалъ къ женѣ. Съ этого дня я, Натали, Марья Васильевна, Володя почти не покидали нашу больную. Она лежала въ безпамятствѣ. Докторъ не ручался ни за что.

Была одна минута, когда Зинаида какъ будто пришла въ память и прошептала:

— Сынъ мой!

Володя поцѣловалъ ее. Она какъ будто почувствовала эту ласку и улыбнулась. Я не говорилъ Володѣ, что это его мать. Я не могъ объяснить ребенку, что развело меня съ его матерью, но я просилъ мальчика быть ласковымъ съ больною, если она очнется... Но ей не суждено было очнуться и обнять своего сына...

— Умерла! промолвилъ я, входя въ свою квартиру черезъ нѣсколько дней.

Умерла! Черезъ трупъ человѣка приходилось идти къ полному

Digitized by Google

счастью! Приходилось идти совершенно неожиданно, не вслѣдствіе разумнаго умѣнья устроить свои дѣла и дѣла своихъ ближнихъ, а вслѣдствіе безсмысленной случайности. Меня давила и принижала та мысль, что мы совершенно безсильны въ борьбѣ съ подобными случайностями... Ночью я перечитывалъ дневникъ и письма этой женщины. Какъ она была несчастна! Она ненавидѣла меня за то, что я жилъ лучшею жизнью, чѣмъ она; за то, что я смотрѣлъ на ея проступки съ снисхожденіемъ, какъ на проступки испорченнаго и больного существа; за то, что я готовъ былъ простить ея ошибки, когда она сознавала свою вину, но не просила прощенья. Она проклинала Леева за то, что онъ понравился ей и отказался раздѣлить предложенную ему любовь; за то, что онъ зналъ о ея любви и ея неудачѣ. Она презирала Самарина за то, что онъ обманулъ и бросилъ ее. Она клялась, что она не возвратится къ тому кружку, гдѣ прежде она играла роль царицы и гдѣ теперь могутъ указывать на нее, какъ на падшую женщину. Она бросилась въ объятія Самарина безъ любви, только для того, чтобы забыть все прошлое, опьянѣть въ вихрѣ жизни, и раззорилась окончательно. Какія страшныя минуты нужды пережила она, прежде чѣмъ рѣшилась придти ко мнѣ. Какое горькое раскаянье, какая гнетущая тоска, какія тяжелыя воспоминанія о брошенномъ сынѣ разрывали ея сердце въ эти минуты, когда она рѣшилась просить у меня угла! Въ безпомощной скорби я плакалъ надъ этимъ дневникомъ загубленной всѣми родными и близкими, а въ томъ числѣ и мною, несчастной женщины. Когда я вышелъ изъ своего кабинета поутру—меня было трудно узнать. Казалось, я пережилъ въ эту ночь десятки тяжелыхъ, тяжелыхъ лѣтъ. Такіе удары переносятся не легко и не забываются никогда...

На время я оставилъ всѣхъ своихъ близкихъ въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню, мнѣ хотѣлось пробыть первое время послѣ смерти жены одному. Въ виду этой свѣжей могилы мнѣ было какъ будто совѣстно быть счастливымъ...

Digitized by Google

Здѣсь кончаются отрывки изъ исторіи моей жизни и жизни окружающихъ меня людей, далѣе начиналась жизнь иныхъ людей, иной эпохи. Если бы я вздумалъ описывать послѣдующія событія, то моя личность явилась бы въ этомъ описаніи на второмъ планѣ. Крестьянская реформа и воспитаніе моего сына поглотили всѣ мои силы и я превратился изъ человѣка, безплодно ищущаго исхода и въ сущности ничего недѣлающаго, въ простого, дюжиннаго работника, приносящаго и свою долю пользы среди общей дѣятельности и общаго оживленія. Кто дожилъ, подобно мнѣ, послѣ тяжелыхъ, мучительныхъ лѣтъ бездѣйствія до той оживленной и кипучей поры, которая настала тогда для русскаго общества, тотъ знаетъ, какъ радостно, съ какими надеждами мы смотрѣли впередъ. Мы видѣли не недостатокъ въ дѣлѣ, но недостатокъ въ рукахъ, намъ хотѣлось, чтобы въ суткахъ было не двадцать четыре, а сорокъ восемь часовъ, чтобы у насъ было силы не на одно дѣло, а на сотни дѣлъ. Я былъ вполнѣ счастливъ и спокойно смотрѣлъ въ будущее. Я зналъ, что впереди могутъ быть и несчастія, и невзгоды, и неудачи, но также зналъ я и то, что мнѣ не придется идти «въ разбродъ» съ близкими мнѣ людьми, что мы теперь пойдемъ «вмѣстѣ». Я чувствовалъ, что мнѣ не удастся совершить ничего великаго, выходящаго изъ ряду вонъ, но я и не гнался никогда, а тѣмъ болѣе теперь за великими подвигами. Я заботился болѣе всего о томъ, чтобы честно и добросовѣстно исполнить и то небольшое дѣло, которое мнѣ подъ силу. Сознаніе, что прежде всего намъ нужны честные работники, утвердилось во мнѣ вполнѣ. Да, честные, добросовѣстные работники, нужнѣе всего, и дай Богъ, чтобы ты, мой Володя, былъ такимъ работникомъ. Наше измученное поколѣніе не умѣло работать. Наши стремленія были или слишкомъ неясны или слишкомъ широки, а поле для дѣятельности было слишкомъ узко, а по временамъ его не было и совсѣмъ. Не стыдись, если у тебя не будетъ силъ для широкой дѣятельности и для геніальныхъ трудовъ, не гонись за ними, не имѣя на это силъ, и лучше будь второстепеннымъ, третьестепеннымъ хорошимъ труженикомъ, чѣмъ тою лягушкою, которая хотѣла надуться до толщины вола. Ты знаешь ея судьбу. Правда, найдутся люди, которые станутъ глумиться надъ тобою, станутъ

Digitized by Google

съ пренебреженіемъ относиться къ тебѣ, видя въ тебѣ не генія, но только мелкаго работника и воображая, что они сами геніи. Но ты не смущайся насмѣшками такихъ людей и знай, что они сами ничто иное, какъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ: хвастаютъ своимъ превосходствомъ только мѣщане въ дворянствѣ, выставляютъ на видъ свои заслуги только выскочки и пройдохи, заставляютъ себя уважать только тѣ, кого по доброй волѣ, безъ принужденія не уважаетъ никто. Да не краснѣй, если эти люди станутъ бросать въ тебя грязью за то, что ты не геній, что не ты выдумалъ порохъ. Геніальностью нельзя гордиться, нельзя и краснѣть, если ея нѣтъ въ насъ. Краснѣть нужно только тогда, когда мы не приносимъ той пользы обществу, для которой у насъ есть силы,—велики или малы наши силы—за это насъ могутъ упрекать только глупцы и невѣжды. Я говорю: глупцы и невѣжды, а не злые люди, потому что только глупость и невѣжество лишаютъ человѣка возможности понять, что порохъ втеченіе тысячи лѣтъ удалось изобрѣсти только одному человѣку изъ всѣхъ милліоновъ жившихъ на землѣ людей, и что никто изъ насъ не заслуживаетъ упрека за то, что не онъ былъ этимъ изобрѣтателемъ. Упрекать можно только того, кто не умѣетъ воспользоваться изобрѣтеніемъ геніевъ, кто тратитъ свой порохъ на потѣшные огни, на фейерверки передъ строемъ наступающихъ враговъ и въ минуту битвы, истративъ всѣ свои заряды на праздную потѣху, лишается возможности не только побѣдить враговъ, не только постоять за друзей, но даже не можетъ спасти себя и видитъ для себя одно спасеніе въ бѣгствѣ съ поля битвы. Но ты молодъ, ты горячъ, ты самолюбивъ, и я считаю необходимымъ предостеречь тебя еще противъ одной важной ошибки. Не считай врагами тѣхъ людей, которые будутъ бросать въ тебя грязью за то, что ты только второстепенный работникъ, что ты не великій архитекторъ, а простой каменьщикъ. Эти люди не враги тебѣ; они просто люди, неимѣющіе дѣла или неумѣющіе дѣлать дѣло. Они отъ глупости, отъ невѣжества и отъ праздности, всегда тѣсно связанной съ невѣжествомъ и глупостью, бросаютъ грязью во всѣхъ прохожихъ, какъ бѣдныя дѣти, брошенныя родителями на произволъ судьбы, на уличную гибель. Отбиваться отъ нихъ придется только грязью, то есть марая свои руки,

Digitized by Google

но это было бы еще не важно, если бы тебѣ пришлось, пачкая свои руки, отстоять свое дѣло. Тутъ же борьба можетъ быть не за отстаиванье своего дѣла, а только за отстаиванье своей личности. Именно это-то и должно удержать тебя отъ борьбы съ ними. Человѣкъ долженъ отстаивать только свое дѣло, но не свою личность: если онъ отстоитъ свое дѣло, его личность очистится отъ всѣхъ упрековъ сама собою. Знай, мой сынъ, что врагами можно считать только тѣхъ людей, которые нападаютъ на твое дѣло. Они не станутъ представлять тебя какимъ нибудь пигмеемъ, напротивъ того, истинные враги скорѣе преувеличатъ твои силы, чтобы имѣть больше права гордиться своею побѣдою при разрушеніи твоего дѣла. Ты скоро узнаешь изъ исторіи, что я говорю правду, ты увидишь, что всѣ бойцы, начиная съ Наполеона, всегда преувеличивали численность, способности и силы своихъ враговъ, чтобы показать, какъ трудно было имъ бороться съ этими врагами. И такъ, помни всегда, что врагами нужно считать не тѣхъ, кто нападаетъ на твою личность, кто хочетъ унизить тебя лично, но только тѣхъ, кто будетъ разрушать твое дѣло. Если ты пойдешь на борьбу съ первыми, ты, можетъ быть, успѣешь оправдать себя, успѣешь смыть съ себя незаслуженные упреки, успѣешь показать, какъ чистъ и честенъ ты самъ, но на эту борьбу потратится много времени, она подниметъ твою желчь, она утомитъ тебя, а между тѣмъ что будетъ выиграно? Увеличится ли счастье твоихъ ближнихъ, когда ты имъ докажешь, что ты честенъ, что ты свято исполнялъ свой долгъ? Вѣдь честность не увеличится, если на нее возьмется дипломъ; святое исполненіе долга не нуждается въ одобрительныхъ свидѣтельствахъ. И пойдетъ ли успѣшнѣе твое дѣло, если ты потратишь свои силы на отстаиванье своей личности, будетъ ли доказана его полезность, если будетъ доказана твоя честность? Нѣтъ, другъ мой, такая борьба за свою личность не ведетъ ни къ чему. Разумный эгоизмъ заставляетъ насъ бороться за свое дѣло, и если мы отстоимъ его, то волею или неволею намъ покорятся враги, а вслѣдъ за ними смолкнутъ и тѣ праздные люди, которые во время битвы изъ-за угла бросаютъ грязью и въ тебя, и въ твоихъ враговъ, и которые всегда становятся на сторону побѣдителей въ минуту побѣды...

Digitized by Google

Я дописывалъ эти строки въ своемъ деревенскомъ затишьѣ, когда ко мнѣ вошли дѣдъ, князь Мышкинъ и Андрей Дмитріевичъ.

— Ну что ты усѣлся-то здѣсь, чай, надо гостей поджидать, промолвилъ дѣдъ, хлопая меня по плечу.

Я оставилъ перо.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, наши скоро пріѣдутъ, сказалъ я, пожимая руки моихъ друзей.—Пойдемте на терассу.

Мы усѣлись на терассѣ. День былъ великолѣпный, нашъ садъ былъ весь залитъ солнечнымъ блескомъ. Мы всѣ молча сидѣли подъ тѣнью спущенной маркизы и пристально смотрѣли на дорогу. Насъ волновали различныя чувства. Я нетерпѣливо хотѣлъ увидать Наташу, Володю, Гришу и Марью Васильевну. Дѣдъ и князь Мышкинъ болѣе всего желали поскорѣе взглянуть на моего сына. Хомутовъ увѣрялъ меня, что онъ болѣе всего поджидаетъ Марью Васильевну, чтобы посвятить ее во всѣ тайны деревенскаго хозяйства. Наконецъ мое сердце забилось тревожнѣе,—вдали на большой дорогѣ поднялась пыль и за нею виднѣлись несущіеся по направленію къ намъ два экипажа. Я всталъ и началъ ходить въ волненіи по терассѣ. Дѣдъ тоже поднялся съ мѣста, за нимъ вскочилъ и князь.

— Ну пойдемъ, промолвилъ онъ въ волненіи.

— Эге, прадѣдъ и дѣдъ хотятъ идти на встрѣчу къ молодому поколѣнью, засмѣялся Хомутовъ.

Мы пошли. Мы еще не успѣли пройдти пяти шаговъ отъ нашего сада, какъ съ нами поровнялся первый экипажъ.

— Стой, стой! раздались въ воздухѣ наши крики и крики пріѣзжихъ.

Черезъ минуту Володя уже былъ на рукахъ моего дѣда, князь держалъ и цѣловалъ руки своего внука. Я обнималъ Наташу и Гришу, Хомутовъ предложилъ Марьѣ Васильевнѣ свою руку и шутливо промолвилъ ей, указывая на меня, на дѣда и на князя:

— Эта молодежь даже и приличій не знаетъ, не отрекомендовала насъ другъ другу, но вы вѣроятно слышали обо мнѣ.

Марья Васильевна сказала, что я много говорилъ ей хорошаго о Хомутовѣ. Мы еще стояли на большой дорогѣ, позабывъ,

Digitized by Google

что намъ нужно войдти въ домъ и разгрузить поклажу, когда кто-то подошелъ ко мнѣ сзади и промолвилъ:

— Володя, теперь обними и меня.

Я обернулся и бросился на шею къ этому незамѣченному никѣмъ человѣку. Это былъ высокій, значительно исхудавшій, но все еще прекрасный молодой человѣкъ въ военной формѣ съ подвязанною рукою.

— Миша, дорогой мой, шепталъ я, покрывая поцѣлуями его милое, доброе лицо, напоминавшее мнѣ мою мать, мое горькое прошлое, дорогое мнѣ теперь, какъ бываетъ дорого все пережитое, все напоминающее о нашей побѣдѣ, о нашемъ спасеніи.

Миша еще не освободился отъ моихъ объятій, когда къ нему подошелъ дѣдъ. Онъ просто и радушно обнялъ внука и пристально всматривался въ его лицо, казалось, и въ его душѣ пробудились воспоминанія о дочери, о минувшихъ горькихъ дняхъ. Мы пошли къ дому. Князь шелъ съ Володей, дѣдъ опирался на руку Миши, Марья Васильевна шла съ Хомутовымъ, я велъ съ собою Наташу и Гришу. Черезъ часъ мы всѣ сидѣли на терассѣ за большимъ чайнымъ столомъ и весело болтали. У всѣхъ было такое множество новыхъ впечатлѣній, новыхъ событій, новыхъ плановъ, что, казалось, долго, долго будемъ мы послѣ дневныхъ занятій отдыхать въ оживленныхъ бесѣдахъ по вечерамъ. Я чувствовалъ, что тутъ открывается великая, полная смысла жизненная школа для Володи среди моихъ воспоминаній о тяжеломъ прошломъ, среди разсказовъ Миши о войнѣ и о злоупотребленіяхъ, открытыхъ этою войной, среди воспоминаній дѣда о великой эпохѣ и великихъ людяхъ, видѣнныхъ имъ, среди толковъ и работъ, вызванныхъ совершившейся крестьянской реформой, среди учебныхъ занятій подъ руководствомъ Наташи и Гриши, наконецъ среди животворной природы и здороваго народа. Я понималъ, что здѣсь не было лишнихъ людей, что остроумный весельчакъ Хомутовъ и добродушная хозяйка Марья Васильевна, розовенькій старичокъ князь, готовый играть съ внукомъ въ лошадки и серьезный, величавый старикъ прадѣдъ, изумляющій своею нравственною и физическою силой, однимъ словомъ, всѣ мы были необходимы для полноты нашего счастья и для полноты развитія Володи. Я спокойно смотрѣлъ на будущее и не-

Digitized by Google

вольно вспомнилъ слова дяди, сказанныя имъ мнѣ, когда мы отдѣлились съ нимъ отъ семьи:

— Теперь, Володя, поплывемъ дальше!

Я сказалъ объ этомъ дѣду.

— Да, только теперь поплывемъ не въ разбродъ, а всѣ вмѣстѣ, отвѣтилъ онъ.

А. Михайловъ.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ВЪ ТЕАТРѢ.

ДИРЕКТОРЪ, ПОЭТЪ И КОМИКЪ.

(*Изъ Гете.*)

ДИРЕКТОРЪ.

Совѣтами вы оба иногда
Мнѣ помогать при случаѣ умѣли,
Такъ научите же, что дѣлать, господа,
Чтобъ былъ успѣхъ при нашемъ трудномъ дѣлѣ?
Чѣмъ публику привлечь? Вѣдь не легка
Подобная задача безъ снаровки...
Театръ открытъ. Отъ креселъ до райка
Толпа волнуется и требуетъ обновки,
Блестящаго спектакля каждый ждетъ,
А публика,—нельзя же не сознаться,—
Намъ хлѣбъ даетъ.
Конечно, угодить бы ей не трудно,
Но передѣлывать въ ней вкусъ,
По меньшей мѣрѣ было-бъ безразсудно,
И я за это не берусь.
Хотя толпа въ искуствѣ смыслитъ мало,
За то начитана она ужасно стала.
Ну, какъ же тутъ завоевать успѣхъ,
Чтобъ яркостью и свѣжестью сюжета,
Всѣхъ привлекать, и новымъ быть для всѣхъ?
Я радъ, конечно, если до разсвѣта
У двери кассы, словно, какъ потокъ,
Шумитъ, ревѣтъ толпа; когда изъ-за билета

Digitized by Google

Готовы всѣ сбивать другъ друга съ ногъ,
Какъ нищіе передъ пекарней... Кто же
Такъ шевелитъ сердца народныхъ массъ,
Толпы инстинкты смутные тревожа?
Одинъ поэтъ!.. Мой другъ, на этотъ разъ
Ты выведи меня изъ затрудненья.

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, о толпѣ не говори со мной,
Она мертвитъ въ поэтѣ вдохновенье!
Вихрь жизни несдержимою волной
Приноситъ только къ пропасти сомнѣнья...
Нѣтъ, для меня доступнѣй міръ иной,
Міръ счастія среди уединенья,
Гдѣ не теряютъ дивной красоты
Любви и дружбы вѣчные цвѣты.

За тѣмъ ли наши грезы и мечтанья
Разсказывать мы станемъ иногда,
Чтобъ вызвать грубый смѣхъ иль поруганье?
Проходятъ часто многіе года,
Пока заблещетъ генія созданье,
Непризнанное прежде, какъ звѣзда...
Мишурный блескъ забудутъ всѣ, конечно,
Одно прекрасное живетъ въ потомствѣ вѣчно.

КОМИКЪ.

Въ потомствѣ жить?—Покорный вашъ слуга!..
Жизнь настоящая мнѣ больше дорога.
Когда-бъ я отдался такой химерѣ,
Кто-бъ публику смѣшилъ тогда въ партерѣ?
По крайней мѣрѣ,
Я, какъ живой, жить для живыхъ хочу,
Работаю, смѣшу и хохочу,
Забывши о потомствѣ и о славѣ,
Веселый цѣлый вѣкъ,
И о себѣ самомъ, надѣюсь, думать вправѣ,
Что я не безполезный человѣкъ.

Digitized by Google

И такъ, поэтъ, пускай ты въ дѣло разомъ,
Фантазію, всѣ страсти, чувства, разумъ,
И наконецъ—прошу не забывать—
И глупостью нельзя пренебрегать.

ДИРЕКТОРЪ.

Дѣйствительно, пренебрегать не надо.
Какъ драматургъ, держись такого взгляда:
Пиши, но такъ, чтобъ зритель не дремалъ;
Одна минута скуки—ты пропалъ.
Толпа идетъ въ театръ для развлеченья,
Такъ сильныя давай ей ощущенья;
На массу дѣйствуй массой сценъ, картинъ,
Разнообразныхъ дѣйствій, декорацій,
И въ этомъ скрыта тайна всѣхъ овацій.
Всѣмъ по немножку дай чего нибудь... Одинъ
Въ театрѣ ищетъ страшныхъ приключеній,
Другой въ него идетъ похохотать,
Чтобъ отдохнуть отъ будничныхъ волненій.
О цѣломъ ты не долженъ хлопотать,
Но частности... вотъ въ чемъ твоя задача,
Твой неуспѣхъ или удача.

ПОЭТЪ.

Пойми же, что такое ремесло
Для честнаго художника презрѣнно!..
Иль гаерство вамъ нужно непремѣнно?..
Вотъ до чего растлѣніе дошло!..

ДИРЕКТОРЪ.

Твои слова, мой милый, устарѣли...
Чтобъ дѣло сдѣлать съ толкомъ, господа,
Всѣ средства хороши для достиженья цѣли,
И нужно избирать для каждаго труда
Орудіе особое всегда.
Куй, говорятъ, желѣзо прямо съ пылу,
И прежде чѣмъ на вѣтеръ тратить силу,
Сообрази-ка лучше,—кто сидитъ,
Какъ зритель, въ нашей залѣ театральной...
Обжора, потерявшій аппетитъ,

Digitized by Google

И паразитъ изъ сферы праздной, бальной.
Они бѣгутъ въ театръ, какъ въ маскерадъ,
Спасаются отъ скуки пресыщенья,
И женщинъ занимаетъ ихъ нарядъ
Гораздо болѣе, чѣмъ наши представленья.
Для большинства серьезность не съ руки;
Толпа шумитъ, парадно разодѣта,
Кому какое дѣло до тоски,
До идеаловъ гордаго поэта!..
Припомни же, кто ходитъ слушать васъ:
Тотъ думаетъ, забывши о спектаклѣ,
О карточной игрѣ, и въ тотъ же самый часъ
Другой, зѣвая, шепчетъ: «не дуракъ-ли
Что здѣсь сижу! Давно пора въ танцклассъ!»
Народъ, какъ видишь, безподобный:
Повсюду грубость чувствъ и неразвитый вкусъ...
И для глупцовъ, для публики подобной
Ужели ты тревожить станешь музъ?..
Вѣдь это просто безразсудно...
И если ты не вовсе безтолковъ,
Намъ лучше дай побольше пустяковъ,
А иначе желать успѣха трудно...
Но что съ тобой? За правду не взыщи...

ПОЭТЪ.

Другихъ рабовъ себѣ ищи!..
Поэта высшее призванье
Не для того, чтобъ тѣшить свѣтъ
И унижаться до кривлянья...
Кто такъ всесиленъ, какъ поэтъ
Надъ робкимъ сердцемъ человѣка?
Кто всѣ стихіи покорилъ,
И слезы и страданья вѣка
Въ одной груди своей вмѣстилъ?
Въ круженьи жизни безпокойной,
Неуловимой и нестройной
Чья рѣчь могучая звучитъ,
Людей съ ихъ жизнью примиряя?
Кто больше чувству говоритъ,
Всѣ ваши страсти усмиряя?
Кто сплетъ вешніе цвѣты

Digitized by Google

Ковромъ душистымъ къ изголовью
Прекрасной, любящей четы?
Кто вьетъ съ восторженной любовью
Въ вѣнки зеленые листы
И ими избранныхъ вѣнчаетъ?
Кто на Олимпъ боговъ сзываетъ?
Одинъ поэтъ! Лишь только онъ
Такою властью одаренъ.

КОМИКЪ.

Власть эта скрыта въ силѣ дарованья,
Такъ докажи же творческую власть,
Любовниковъ избравъ для подражанья:
На первое свиданье
Случайно ихъ приводитъ страсть,
Сближаетъ ихъ, волнуетъ постепенно
И, наконецъ,
Союзъ ихъ романическихъ сердецъ
Къ страданію ведетъ обыкновенно.
Передъ тобой отличная канва,
Но эта тема вовсе не нова
Для современнаго поэта.
Ему пора спуститься съ облаковъ
И въ жизни поискать достойнаго сюжета.
Характеръ каждой публики таковъ:
Она живетъ, но знаетъ жизнь такъ мало,
Что съ ней бы ознакомиться желала.
Міръ заблужденій, муки, горе, смѣхъ,
Минутный блескъ во мракѣ вѣчной ночи,
Иль говоря короче,
Все, что людей интересуетъ всѣхъ,
Какъ собственной ихъ жизни отраженье,
Тебѣ даетъ канву для вдохновенья.
Будь въ творчествѣ разнообразенъ такъ,
Чтобъ юноши умѣли въ ходѣ драмы
Смыслъ находить, чтобъ каждый весельчакъ
Смѣялся отъ души отъ меткой эпиграммы,
И плакали чувствительныя дамы
Въ извѣстныхъ патетическихъ мѣстахъ.
Въ тѣхъ возбуждай улыбки, въ этихъ страхъ,

Digitized by Google

И весь партеръ, до зрѣлищъ очень жадный,
Весь театральный залъ,
Сольется въ гулъ восторженныхъ похвалъ,
Довольный только внѣшностью нарядной.

ПОЭТЪ.

Отдай же мнѣ тѣ времена назадъ,
Когда мнѣ жизнь казалась такъ прекрасна
И изъ груди такъ вырывался страстно
Немолчныхъ пѣсенъ дѣвственный каскадъ;
Когда весь міръ загадкою туманной
Въ видѣніяхъ чудесъ являлся предо мной,
И впереди мой путь земной
Дорогою лежалъ благоуханной;
Когда, бѣднякъ, я былъ богатъ вполнѣ
Избыткомъ силъ, природой данныхъ мнѣ!
Отдай же мнѣ и счастье, и страданье,
Верни любви и ненависти дни,
И юности святыя упованья!
Мою былую молодость верни!..

КОМИКЪ.

Да, молодость, поэтъ, необходима
Для битвы съ зломъ и для борьбы съ судьбой,
Для женщины, которая тобой
Всего на свѣтѣ болѣе любима,
Для шумнаго веселья на пирахъ,
Среди забавъ, безъ горя и кручины;
Но если въ вашихъ волосахъ
Заблещутъ преждевременно сѣдины,
Поэтовъ рѣчь тогда намъ дорога,
Когда она правдива и строга...
Тогда вашъ трудъ есть общее наслѣдство,
Тогда почтимъ мы ваши имена...
Нѣтъ, старость насъ не обращаетъ въ дѣтство,
Но вѣчно юными насъ заставать должна.

ДИРЕКТОРЪ.

Всѣ споры въ этомъ случаѣ напрасны,
Мы лучше прямо къ дѣлу перейдемъ.
Во-первыхъ, разберемъ,

Digitized by Google

Въ чемъ межъ собой мы несогласны.
Во взглядѣ на искуство, господа?
Но это разногласье не бѣда:
Пускай поэтъ останется поэтомъ,
А мы—при мнѣньи этомъ,
Что для толпы текущихъ нашихъ дней
Варить напитокъ нужно похмѣльнѣй,
Какъ средство вѣрное отъ скуки.
И ты, поэтъ, что хочешь намъ пиши,—
Тебѣ на то и книги въ руки,—
Лишь были бъ только барыши;
А я спектакль устрою ловко,
Кулисъ наставлю и машинъ:
Готова будетъ въ день одинъ
Какая хочешь обстановка.
Въ изображеніи чудесъ
Свободенъ будь, поэтъ любезный,
Спускайся въ адъ, пари надъ бездной,
Иль возвышайся до небесъ.

Дм. Минаевъ.

Digitized by Google

Послѣднее слово науки.

(*Посвящается Надеждѣ Павловнѣ Ивановой.*)

Законъ наслѣдственности и его явленія. Наибольшую важность въ нашихъ глазахъ гипотеза Дарвина имѣетъ въ силу полнѣйшаго разъясненія столь могущественно распространеннаго закона наслѣдственности и его разнообразныхъ явленій. Законъ наслѣдственности, какъ основной законъ біологіи, былъ до сихъ поръ камнемъ преткновенія для большинства ученыхъ. Читатель конечно догадывается, что здѣсь рѣчь идетъ не о той наслѣдственности, о которой нѣкій поэтъ поспѣшилъ Богу молебствіе принести за то, что у него наслѣдственное есть, но о той наслѣдственности, которая проявляется вопреки всякимъ юридическимъ постановленіямъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что юридическія постановленія о наслѣдственности пользуются всею своею силою, между тѣмъ какъ пренебреженіе естественно-научными законами наслѣдственности въ соціальномъ быту чувствуется чуть ли не на каждомъ шагу. Разрозненность общества прямо ведетъ къ тому, что при стремленіи къ размноженію рода никто никогда не справляется, какими наклонностями и индивидуальными особенностями обладаютъ будущіе производители. А между тѣмъ это такъ важно и подчасъ такъ непоправимо. Сельское хозяйство, огородничество и другія отрасли сельскаго быта положительно страдаютъ отъ отсутствія всякихъ теоретическихъ и практическихъ знаній улучшенія породы въ силу закона наслѣдственности. А меж-

Digitized by Google

ду тѣмъ законъ наслѣдственности можно назвать основнымъ закономъ культуры и въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ границъ.

На основаніи источниковъ, которыми мы въ силахъ были располагать, и на основаніи нѣкоторой собственной опытности, мы полагаемъ возможнымъ оформулировать явленія наслѣдственности въ трехъ господствующихъ видахъ. Думаемъ, что наслѣдственность бываетъ или консервативная, или прогрессивная, или регрессивная. Консервативною мы назовемъ ту форму наслѣдственности, которая, разъ установившись, неизмѣнно повторяется въ безконечномъ ряду поколѣній безъ всякаго измѣненія ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Это, такъ сказать, самая частая, самая обыденная наслѣдственность. Къ ней, повидимому, наиболѣе расположенъ весь органическій міръ, какъ растительный, такъ и животный и въ томъ числѣ и все человѣчество. Ею объясняется однообразіе флоры въ той или другой мѣстности изъ вѣка въ вѣкъ; ею объясняется постоянство и неизмѣняемость видовъ дикихъ животныхъ впродолженіе цѣлыхъ геологическихъ эпохъ; ею, наконецъ, объясняется табунная физіономія и случайное однообразіе дикихъ первобытныхъ народовъ впродолженіе тысячелѣтій. Собственно говоря, не будь внѣшнія окружающія обстоятельства и условія измѣнчивы, наслѣдственность могла бы сдѣлаться исключительно консервативною, такъ какъ изъ всѣхъ формъ наслѣдственности она все-таки пользуется преобладающею силою. И въ самомъ дѣлѣ, такъ или иначе, но родители всегда передаютъ плоду, первородной клѣточкѣ, зачатки всѣхъ частей своего организма, и потому плодъ долженъ бы походить на своихъ родителей, какъ двѣ капли воды. Если какое нибудь органическое существо, состоящее изъ одной одиночной клѣточки, окрашено положимъ въ красный цвѣтъ, то каждый его атомъ, каждая его частица, каждый зачатокъ, отдѣлившись отъ родителя и развиваясь въ организмъ, долженъ вполнѣ сохранить форму, цвѣтъ и строеніе своего первообраза. Но внѣшнія окружающія обстоятельства и условія до того измѣнчивы и разнообразны, и до того сильно дѣйствуютъ на процессъ происхожденія, что каждый организмъ можетъ значительно уклониться отъ первобытной формы, и притомъ или въ хорошую или въ дурную сторону. Мы конечно разумѣемъ хорошее и дурное относительно и условно. Мы понимаемъ подъ хорошимъ какое нибудь полезное улучшеніе породы, большее или меньшее приближеніе къ абсолютному идеалу, къ усовершенствованному типу и, наоборотъ, уклоненіе отъ этого идеала, возвращеніе отъ усовершенствованной

Digitized by Google

формы къ прежней прародительской ничтожности, безцвѣтности, грубости, недостаточности мы называемъ дурнымъ.

Въ первомъ случаѣ, мы будемъ имѣть наслѣдственность прогрессивную, а во второмъ регрессивную. Какъ та, такъ и другая возможна до извѣстнаго предѣла, котораго достигнувъ она становится, въ свою очередь, консервативною. Доказательствами консервативной наслѣдственности, неимѣющей ни прогрессивнаго, ни регрессивнаго значенія, мы приведемъ нѣкоторые примѣры. Такъ докторъ Годжкинъ разсказывалъ Дарвину, что въ одномъ англійскомъ семействѣ, втеченіе многихъ поколѣній, нѣсколько членовъ имѣли одну прядь волосъ, окрашенную отлично отъ всей остальной массы. Дарвинъ зналъ одного ирландца, у котораго на правой сторонѣ головы была небольшая бѣлая прядь среди темныхъ волосъ; этотъ ирландецъ увѣрялъ Дарвина, что его бабушка имѣла такую же прядь, на той же сторонѣ, а его мать на противоположной. Всякому понятно, что почеркъ зависитъ отъ весьма замысловатой комбинаціи тѣлеснаго сложенія, умственныхъ способностей и воспитанія, и несмотря на то, весьма часто можно встрѣтить полнѣйшее сходство въ почеркѣ отца и сына, такъ что нѣтъ возможности отличить одинъ отъ другого. Случается даже такъ, что англійскія дѣти, обучавшіяся писать во Франціи, навсегда сохраняютъ свою англійскую манеру писать. Походка, жесты, голосъ, манера держаться—все это консервативно-наслѣдственно до рутинности, до установленія, упроченія и увѣковѣченія кастическихъ индивидуальныхъ особенностей и своеобразностей. Мы узнаемъ купца, военнаго, семинариста, чиновника, служителя олтаря, извозчика, студента, мастерового по ихъ походкѣ, складу понятій, выраженій, манерѣ выражаться. Переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и распространяясь на большія и большія массы, эти особенности мало-по-малу становятся преобладающими, господствующими, выражаютъ собою національность, ея свойства и отличительный характеръ ея. Только путемъ наслѣдственности француженка дошла до того, что можетъ перейти черезъ грязную улицу, не запачкавъ башмака. Ея кокетство и esprit fort, чопорность и холодная разсчетливость англичанъ, флегматическая сантиментальность нѣмцевъ, широкая русская натура, — все это плоды консервативной наслѣдственности. Особые манеры, говоритъ Дарвинъ, обращаются въ привычку и можно привести много случаевъ наслѣдственности ихъ. Многіе авторы приводятъ случай, что нѣкій отецъ имѣлъ обыкновеніе спать на спинѣ, скрестивъ правую ногу на лѣвую, и что дочь его, будучи еще

Digitized by Google

ребенкомъ въ колыбели, подражала вполнѣ этой привычкѣ, несмотря на попытки отучить ее отъ этого. Красота и всякія безобразія наслѣдственны какъ въ семействахъ, такъ и въ цѣлыхъ націяхъ и притомъ довольно продолжительное время. Нѣтъ сомнѣнія, что среди еврейской націи и теперь встрѣчаются такія же хорошенькія Реввеки и Рахили, какъ во времена нашихъ праотцевъ, и много еще вѣковъ пройдетъ прежде, чѣмъ выведутся изъ русской націи жирныя до безобразія купчихи. Носъ Бурбоновъ, das oesterreichische kaiserblau Маріи Терезіи, наслѣдственное косоглазіе Монморанси вошли въ пословицу. Продолжительность жизни, долговѣчность, физическое здоровье и плодовитость тоже большею частью консервативно-наслѣдственны. «Семейство Тюрго, говоритъ le Bon, не переживало 50-ти-лѣтній срокъ. Когда министръ, составившій славу этой семьи, вспомнилъ, что приближается роковой терминъ, онъ поспѣшилъ привести въ порядокъ всѣ свои дѣла, хотя и пользовался полнѣйшимъ здоровьемъ. И на 53 году постигла его смерть». Предчувствіе случайно сбылось. Самые вѣроятные шансы на болѣе продолжительную жизнь основываются на происхожденіи отъ такого семейства, котораго члены умирали въ глубокой старости. Англійскія страховыя общества въ своихъ расчетахъ всегда очень большое вниманіе обращаютъ на возрастъ родныхъ, предковъ и ближайшихъ родственниковъ. Часто всѣ члены семьи имѣютъ бѣлые волосы или сѣдѣютъ съ ранней молодости, или теряютъ способность къ дѣторожденію въ весьма раннемъ возрастѣ. Во многихъ семействахъ замѣчательна особенная плодовитость. Первые четыре Гиза имѣли 43-хъ дѣтей. Сынъ и внукъ великаго Конде имѣли ихъ 13. Прадѣдъ 10. Ахиллъ де-Гарсей отецъ перваго президента парижскаго парламента имѣлъ 9 дѣтей; отецъ его имѣлъ 10, а дѣдъ 18. Наслѣдственность идіосинкразій, т. е. особенныхъ расположенностей, отвращенія или пристрастія, бываетъ подчасъ довольно любопытна. Есть люди, которые наслѣдуютъ отъ родителей непреодолимое отвращеніе къ какимъ нибудь явствамъ, напиткамъ или снадобьямъ. Просперъ Люкасъ разсказываетъ, что одинъ молодой человѣкъ ни за что не соглашался поставить себѣ промывательное, утверждая, что родители его не могли этого терпѣть. Его заставили повиноваться и онъ умеръ (Le Bon. 312). Во всѣхъ этихъ случаяхъ консервативной наслѣдственности, зародышевая клѣточка содержала въ себѣ повидимому зачатки всѣхъ отдѣльныхъ частей предшествовавшаго организма, и самъ организмъ, а слѣдовательно и его

Digitized by Google

зачатки не подверглись никакимъ внѣшнимъ измѣняющимъ условіямъ. Но такъ какъ существованіе каждаго организма вполнѣ зависитъ отъ окружающихъ условій, легко измѣняющихся, то по этому въ природѣ возможна наслѣдственность прогрессивная. Если садоводъ выбираетъ самый красивый цвѣтокъ или дерево, дающее самые лучшіе плоды и соединяетъ ихъ съ такими же, то онъ достигаетъ улучшенія въ породѣ и можетъ добиться того, что это улучшеніе сдѣлается наслѣдственнымъ. Одинъ заводчикъ хочетъ, чтобъ его скотъ отличался мясистостью и особымъ качествомъ ея, другой хочетъ накопить побольше жиру, третій стремится, чтобъ шерсть его животныхъ была какъ можно тоньше и нѣжнѣе, каждый изъ нихъ легко можетъ достигнуть этого перемѣною пищи и другихъ внѣшнихъ условій и сдѣлать эти качества наслѣдственными въ своемъ стадѣ. Одни любятъ лошадей съ длинной шеей, другіе съ короткой; тѣ цѣнятъ въ птицахъ пѣніе, другіе цвѣтъ перьевъ, и все это легко достижимо въ силу закона наслѣдственности, въ силу пангенезиса. Этимъ путемъ можно просто создавать новыя породы, a priori, сочиненныя по предположенному плану, такъ что каждая часть животной организаціи будетъ представлять какое нибудь полезное улучшеніе для человѣка или для лучшаго существованія самого животнаго. Все это мы называемъ прогрессомъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Тоже самое можно сказать и о человѣкѣ. Какъ наслѣдственны красота, безобразіе, цвѣтъ волосъ, физическое здоровье и особенности тѣлесныхъ формъ, такъ наслѣдственны интеллектуальныя и моральныя качества. Аристократизмъ породы имѣетъ свою значительную долю правды. Если отъ родителей къ дѣтямъ переходятъ такія черты характера, какъ гордость, честолюбіе, легкомысліе, сознаніе достоинства, сознаніе столбового дворянства и другія кастическія понятія, то это служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что психическія отправленія и всѣ душевныя качества физіологически связаны съ мозгомъ и наслѣдуются подобно всякому тѣлесному качеству. Но прогрессивная наслѣдственность отличается тѣмъ, что какое либо качество, проявившись въ отцѣ, развивается въ сынѣ въ усовершенствованной формѣ. Бокль сомнѣвается въ наслѣдственной передачѣ геніальныхъ способностей и талантовъ и объясняетъ это случайнымъ совпаденіемъ, но большинство физіологовъ и множество фактовъ, собранныхъ самыми точными и безпристрастными наблюдателями, совершенно противорѣчатъ ему. Такъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ семействахъ проявляются и

Digitized by Google

потомъ наслѣдуются во многихъ поколѣніяхъ опредѣленныя умственныя способности, какъ, напримѣръ, къ математикѣ, поэзіи, музыкѣ, ваянію, медицинѣ, естествознанію, философіи и проч. Въ семействѣ Баха было 22 человѣка одаренныхъ замѣчательнымъ талантомъ *).

Отецъ Рафаэля былъ хорошимъ живописцемъ. Мать Ванъ-Дика рисовала цвѣты; Іосифъ Верне, сынъ его Карлъ Верне и внукъ Горасъ Верне были извѣстны своимъ наслѣдственнымъ талантомъ. Оба брата Тиціана и его сынъ были живописцами. Въ семействѣ Эсхилла было восемь поэтовъ, писавшихъ трагедіи. Вайтцъ полагаетъ, что складъ понятій и самое строеніе тѣла можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ *произвольно возникающихъ особенностей*, которыя потомъ передаются наслѣдственно въ цѣломъ рядѣ поколѣній и становятся отличительною принадлежностью цѣлой расы, признакомъ способности человѣка къ прогрессивной наслѣдственности. Сюда онъ относитъ развитіе инстинктивныхъ чувствъ у дикарей. Полинезіецъ безбоязненно бросаетъ въ воду свое дитя, еще ни разу не пробовавшее плавать, а горецъ оставляетъ своего ребенка на скалистыхъ обрывахъ высокихъ горъ съ такою же самоувѣренностью, съ какою городской житель покидаетъ свое дитя въ гостиной. Дѣти туземцовъ Питкоирна свободно плаваютъ въ возрастѣ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ. Трехлѣтнія дѣти чоносовъ въ южной Америкѣ сами бросаются въ воду и плаваютъ, четырехлѣтнія дѣти гаучосовъ въ южной Америкѣ отличные наѣздники. Все это доказываетъ, что даже благопріобрѣтенныя особенности, свойства, качества и привычки тоже наслѣдственны изъ рода въ родъ *). Прогрессивная наслѣдственность продолжается лишь извѣстное время и потомъ переходитъ въ ряды обыкновенной повседневной посредственности. Большинство великихъ людей не повторялись въ потомствѣ. Это скорѣе всего можно объяснить теоріей пангенезиса: такъ какъ плодъ есть продуктъ двухъ производителей, то смѣшеніе зачатковъ того и другого можетъ комбинироваться такимъ образомъ, что перевѣсъ будетъ то на одной, то на другой сторонѣ. Положимъ геніальный человѣкъ женится на женщинѣ самаго обыкновеннаго ума, тогда дѣти ихъ, вполнѣ похожія въ физическомъ

*) Геккель. См. «Архивъ судебной медицины и общественной гигіены», іюнь 1869 г., статья Геккеля «Наслѣдственность и ея законы,» стр. 88.

*) Вайтцъ Т. 1. Стр. 90—102.

Digitized by Google

отношенія на отца, умственно и нравственно уподобляются матери. «Это, говоритъ le Bon, случилось съ знаменитымъ авторомъ Фауста. Онъ былъ въ связи съ своей стряпкой и имѣлъ отъ нея сына, похожаго на него физически, но умственно сынъ походилъ на мать. Нѣмцы называли его: «сынъ служанки».

Поэтому, подбирая производителей, можно достигнуть того, что получишь животныхъ совершенно отличныхъ отъ той расы, отъ которой они произошли. «Если бы такую же операцію можно было бы производить и среди людей, говоритъ Le Bon, то есть если бы можно было соединить геніальныхъ индивидовъ, или одаренныхъ одинаковыми способностями личностей, то повторяя эту операцію впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній, легко дойти до усовершенствованной породы людей, обладающихъ исключительными способностями; то есть можно создать расу великихъ живописцевъ, великихъ поэтовъ, великихъ математиковъ. Жанъ-Жакъ Руссо, который былъ скорѣе философомъ, но плохимъ физіологомъ, предполагалъ, что дѣти рождаются безъ наклонностей и что всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія подобаетъ одинаковое воспитаніе. Но это ужасное заблужденіе! Дитя наслѣдуетъ отъ родителей не только характеръ, темпераментъ, но даже добродѣтели и пороки. Правда, воспитаніе и среда могутъ все это видоизмѣнить, но съ величайшимъ трудомъ. Подчасъ же всѣ старанія безсильны побѣдить наслѣдственныя наклонности» *). Мы видѣли, что первоначальныя клѣточки должны въ себѣ содержать зачатки всѣхъ частей организма; мы тоже видѣли, что если какая нибудь часть претерпѣваетъ какое нибудь полезное измѣненіе, то и тогда клѣточки содержатъ въ себѣ зачатки измѣненной части и въ свое время заявляютъ себя въ потомствѣ. Тоже самое можетъ случиться, когда какая нибудь часть организма, въ силу внѣшнихъ условій, претерпѣваетъ какое нибудь вредное измѣненіе, тогда первоначальныя клѣточки содержатъ конечно зачатки и этой измѣненной части и это вредное уклоненіе можетъ повториться въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что въ то время, какъ большая часть организма соблюдаетъ условія консервативной наслѣдственности, одна какая нибудь ничтожная частица портитъ все дѣло и становится наслѣдственнымъ недостаткомъ. Такое явленіе мы называемъ явленіемъ регрессивной наслѣдственности. На

*) Le Bon стр. 317.

Digitized by Google

бѣду всего человѣчества, этотъ видъ наслѣдственности самый упорный. Оттого-то глупость людская такъ вѣковѣчна. По нашему мнѣнію, всѣ недостатки, уклоненія отъ нормальнаго типа, всѣ болѣзни, ведущія къ вырожденію, къ истребленію, къ гибели цѣлаго рода, всѣ пороки и уродства, приносящія вредъ организму — все это явленія регрессивной наслѣдственности, самой причудливой и многосторонней изъ всѣхъ видовъ наслѣдственности. Разнообразіе проявленій этой формы наслѣдственности превосходитъ всякое вѣроятіе. Такъ почти всѣ авторы приводятъ примѣръ цѣлаго семейства, по имени Ламбертъ, которое жило въ прошломъ столѣтіи въ Лондонѣ и носило названіе *людей-дикобразовъ*. Эдуардъ Ламбертъ или «человѣкъ-ежъ», родившійся въ 1717 г., отличался совершенно необычайнымъ и уродливымъ образованіемъ кожи; все тѣло его было покрыто роговидною корой, толщиною въ дюймъ, и изъ этой коры выходило безчисленное множество иглообразныхъ и чешуеобразныхъ отростковъ длиною слишкомъ въ дюймъ. Ламбертъ передалъ это уродливое образованіе кожи своимъ сыновьямъ и внукамъ наслѣдственнымъ путемъ. Лицо и тѣло, покрытыя длинными волосами, вмѣстѣ съ недостаткомъ зубовъ встрѣчались въ трехъ послѣдующихъ поколѣніяхъ одного сіамскаго семейства. Дарвинъ слышалъ объ одномъ семействѣ, въ которомъ какъ родители, такъ и дѣти имѣли до такой степени длинныя вѣки, что не могли ничего видѣть, не откинувши голову назадъ. Близорукость не всегда бываетъ прирожденнымъ недостаткомъ, однако, разъ появившись въ юности вслѣдствіе продолжительныхъ занятій, она передается родителями дѣтямъ. Если, паче чаянія, оба родителя близоруки, то, по замѣчанію авторитета въ этомъ дѣлѣ Баумена, недостатокъ этотъ усиливается въ дѣтяхъ. Тоже нужно сказать и о косоглазіи, о катарактахъ, о темной водѣ. Дневная слѣпота, ночная или куриная слѣпота и неспособность видѣть предметы иначе, какъ при сильномъ свѣтѣ—тоже наслѣдственны. Кюнье разсказываетъ случай, что 85 членовъ одного семейства впродолженіе шести поколѣній страдали этимъ послѣднимъ недостаткомъ. Странная неспособность различать цвѣта, называемая дальтонизмомъ, тоже наслѣдственна; ее прослѣдили черезъ пять поколѣній, при чемъ она ограничивалась только женскимъ поломъ. Лишніе пальцы на рукахъ и ногахъ (полидактилизмъ) строго наслѣдственны. Появленіе лишнихъ пальцевъ представляетъ сильное отступленіе отъ нормы, потому что и въ животномъ мірѣ, въ средѣ млекопитающихъ, птицъ и современныхъ пресмыкающихся рѣдко бываетъ больше пяти пальцевъ. Тѣмъ не менѣе лишніе

Digitized by Google

пальцы строго наслѣдственны и замѣчались случаи передачи ихъ втеченіе пяти поколѣній. Интересно еще то, что часто срѣзываютъ такіе лишніе пальцы вскорѣ послѣ рожденія и, слѣдовательно, они не могутъ усиливаться упражненіемъ и все-таки наслѣдуются. Докторъ Струтерсъ приводитъ слѣдующій примѣръ: въ первомъ поколѣніи добавочный палецъ появился на одной рукѣ, во второмъ — на обоихъ, въ третьемъ—у трехъ братьевъ обѣ руки были шестипалыя, а у одного изъ нихъ одна шестипалая нога; въ четвертомъ—всѣ четыре конечности были шестипалыя. Лишніе пальцы замѣчались какъ у негровъ, такъ и у другихъ племенъ и у многихъ изъ низшихъ животныхъ. Шесть пальцевъ были замѣчены на заднихъ ногахъ саламандры, а также и лягушки. У собакъ шесть пальцевъ на заднихъ ногахъ передавались втеченіе трехъ поколѣній и Дарвинъ слышалъ о существованіи породы шестипалыхъ кошекъ. У нѣкоторыхъ породъ куръ задній палецъ двойной. У животныхъ, имѣющихъ въ нормальномъ состояніи менѣе пяти пальцевъ, число это увеличивается до пяти, въ особенности на переднихъ ногахъ. Такъ, собаки имѣютъ собственно четыре пальца на заднихъ ногахъ, но у большихъ породъ развивается обыкновенно, хотя и не вполнѣ, пятый палецъ. Самый интересный фактъ, касательно лишнихъ пальцевъ, это случайное отрастаніе ихъ послѣ операціи. М-ръ Уайтъ описываетъ ребенка трехъ лѣтъ отъ роду, у котораго большой палецъ былъ двойной. Онъ отрѣзалъ лишній, снабженный ногтемъ, но, къ его удивленію, онъ снова выросъ и покрылся ногтемъ. Ребенку тогда вторично отрѣзали этотъ лишній палецъ, что называется съ корнемъ, но онъ все-таки выросъ снова и снова покрылся ногтемъ. Въ одномъ семействѣ, состоявшемъ изъ трехъ братьевъ и одной сестры, всѣ родились съ лишнимъ пальцемъ на всѣхъ конечностяхъ. Родители этого семейства не имѣли этого уродства, и даже въ семьѣ не было никакого преданія, а въ деревнѣ, гдѣ жило семейство, не помнили никого, кто бы страдалъ подобнымъ недостаткомъ. Одномуизъ нихъ еще ребенкомъ отрѣзали оба добавочные пальца на рукахъ, но одинъ изъ пальцевъ снова отросъ; ему дѣлали вторично операцію на 33-мъ году. Онъ имѣлъ 14 дѣтей, изъ которыхъ трое наслѣдовали добавочные пальцы и у одного изъ нихъ лишній палецъ былъ срѣзанъ извѣстнымъ хирургомъ, когда ребенку было всего 6 недѣль отъ роду. Добавочный палецъ снова отросъ, его снова отрѣзали и онъ теперь снова отростаетъ. Въ одномъ испанскомъ семействѣ лишній палецъ замѣчался у 40 индивидовъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ

Digitized by Google

лишній палецъ изчезаетъ самъ собою черезъ нѣсколько поколѣній, потому что шестипалые люди соединяются съ пятипалыми. Но если бы семейство шестипалыхъ соединялось и размножалось только между собой, еслибъ шестипалые мужчины женились на шестипалыхъ женщинахъ, то, чрезъ постоянную передачу этой уродливости, произошла бы особая порода шестипалыхъ людей. Юристамъ, однакожъ, не мѣшаетъ знать, что такъ какъ шестипалые женятся на пятипалыхъ, то не всѣ дѣти могутъ унаслѣдовать эту уродливость: Въ одномъ испанскомъ семействѣ всѣ дѣти, кромѣ самаго младшаго, имѣли по шести пальцевъ на рукахъ и на ногахъ; только самый младшій имѣлъ нормальное число пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, и на этомъ основаніи шестипалый отецъ не хотѣлъ признать его своимъ (Геккель).

Наслѣдственность аномалій чрезвычайно часто встрѣчается. Заячья губа, хромота, грыжа переходятъ изъ рода въ родъ цѣлыми поколѣніями. Веннетъ разсказываетъ объ одной женщинѣ, которая, послѣ двухъ трудныхъ дѣторожденій, погибла при третьемъ, не будучи въ состояніи разрѣшиться младенцемъ, унаслѣдствовавшимъ отъ отца широкія плечи. Женщина съ узкимъ тазомъ, выходя за мужъ за широкоплечаго мужчину, прямо подвергается опасности лишиться жизни при разрѣшеніи отъ беременности. Въ одной части Уоркшира фермеры долго подбирали скотъ съ большими задними частями, пока не произвели породу съ громадными окороками; но громадные размѣры окороковъ у теленка оказывались часто гибельными для коровы и множество матокъ умирало ежегодно въ родахъ. Случайныя и искуственно производимыя нарушенія цѣлости организма также передаются наслѣдственно. Вайтцъ говоритъ, что Талмудъ напоминаетъ евреямъ о случаяхъ, гдѣ операція обрѣзанія ненужна и невозможна, такъ какъ иногда у нихъ родятся дѣти съ готовой операціей. Дѣти офицера, который нечаянно раздробилъ себѣ мизинецъ правой руки, и залечилъ его искривленнымъ, унаслѣдовали отъ отца этотъ недостатокъ. Извѣстно множество случаевъ, гдѣ у кошекъ и собакъ были отрѣзаны хвосты или повреждены конечности и они производили потомковъ съ такими же недостатками. Просперъ Люкасъ приводитъ такой длинный списокъ наслѣдственныхъ поврежденій, что ему трудно не повѣрить. Такъ корова отъ поврежденія, за которымъ слѣдовало нагноеніе, потеряла рогъ. Три теленка, рожденные ею, не имѣли роговъ на той же сторонѣ головы. Никто больше не сомнѣвается, что костяные наросты на ногахъ у лошадей, появляющіеся вслѣдствіе долгой

Digitized by Google

ѣзды по твердымъ дорогамъ, наслѣдственны. Но самый замѣчательный случай приводитъ Браунъ-Секаръ. Онъ производилъ операцію надъ множествомъ морскихъ свинокъ, которая влекла за собою особую конвульсивную болѣзнь въ родѣ падучей. Всѣ онѣ производили потомство съ наслѣдственною падучей болѣзнью. Но ни въ одной отрасли вредныхъ уклоненій такъ сильно не проявляется регрессивная наслѣдственность, какъ въ болѣзняхъ, поражающихъ, истребляющихъ и вырождающихъ, дегенерирующихъ человѣчество. Общимъ убѣжденіемъ лучшихъ современныхъ врачей, что золотуха прямой и наслѣдственный потомокъ сифилиса. Бичъ, истребляющій человѣчество цѣлыми поколѣніями, такъ по справедливости можно назвать чахотку. Пиду утверждаетъ, что въ четверти случаевъ чахотка наслѣдственна. Чахотка, болѣзнь пожирающая ежегодно въ Парижѣ болѣе 8,000 жертвъ, а въ Лондонѣ до 40,000. Населеніе Франціи приноситъ ей, какъ дань, пятую часть всего числа жителей. Ракъ, ужаснѣйшее страданіе, стоящее еще внѣ предѣловъ медицинскаго искуства, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ также наслѣдственная болѣзнь. Между тѣмъ во Франціи три на сто изъ общей суммы смертности падаютъ на долю рака. По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, зобъ заслуживаетъ названіе наслѣдственнаго уродства по преимуществу. Такъ, въ Чердыни мы видѣли зобатую женщину Прасковью Можаеву, изъ деревни Лобиковой. Мать ея была зобата. Три дочери и два сына ея также были зобаты; но нужно прибавить, что и мужъ ея былъ также съ зобомъ. Нервныя болѣзни, какъ истерика, падучая болѣзнь, параличи, мигрень и другія страданія этого рода, въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственны. Всѣ виды умопомѣшательства, всѣ формы душевныхъ болѣзней переходятъ обыкновенно изъ поколѣнія въ поколѣніе, и нѣкоторые случаи наводятъ ужасъ своимъ постоянствомъ. Такъ, у одного хирурга братъ, отецъ и четыре дяди, съ отцовской стороны, были всѣ помѣшаны и самъ хирургъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. У одного еврея отецъ, мать, шесть братьевъ и сестра—всѣ были помѣшаны. Эскироль изъ 265 больныхъ умопомѣшательствомъ 140 считалъ наслѣдственными.

У 200 душевныхъ больныхъ Якоби полагалъ, что наслѣдственность проявлялась въ пропорціи, какъ 1 къ 5-ти. Морель пятую часть всѣхъ подмѣченныхъ имъ случаевъ считаетъ наслѣдственными. Такъ что всѣ психіатры прямо принимаютъ какъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ душевныхъ болѣзней — наслѣдственность. Отецъ Дарвина разсказывалъ ему объ одномъ случаѣ 4 братьевъ,

Digitized by Google

умершихъ между 60 и 70 годами, въ одномъ и томъ же самомъ чрезвычайно замѣчательномъ летаргическомъ состояніи. Докторъ Деве разсказываетъ, что два брата женились на двухъ родныхъ сестрахъ — своихъ двоюродныхъ сестрахъ. Никто изъ этихъ четырехъ субъектовъ, а также никто изъ ихъ родственниковъ не былъ альбиносомъ; но семь дѣтей, родившихся отъ этого двойного брака, были всѣ совершенно альбиносы; такіе случаи нельзя иначе объяснить, какъ только самымъ отдаленнымъ наслѣдствомъ.

Дурные наклонности, пороки и даже преступность, въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственны. Нѣкоторыя семейства проводятъ всю жизнь свою въ тюрьмахъ, въ каторгѣ, на поселеніи, и вслѣдъ за отцомъ является сынъ на эшафотѣ; и хотя дурной примѣръ родителей, недостатокъ воспитанія извращаютъ эти несчастныя жертвы, но тѣмъ не менѣе въ нихъ можно видѣть развитіе наслѣдственныхъ наклонностей. Съ какою энергіею нѣкоторые инстинкты передаются наслѣдственно, покажетъ намъ интересный случай, цитируемый докторомъ Просперомъ Люкасомъ. Онъ разсказываетъ исторію одной молодой дѣвушки, которой отецъ былъ увлеченъ непреодолимою наклонностью ѣсть человѣческое мясо, такъ что это заставило его убивать людей. Разлученная съ отцомъ, приговореннымъ къ смертной казни, прежде чѣмъ ей исполнился годъ, и воспитанная среди почтенныхъ людей, эта дѣвушка, несмотря на все это, все-таки впала въ этотъ порокъ и поддалась непобѣдимому стремленію пожирать человѣческое мясо *). Столкновеніе дикихъ народовъ съ цивилизованными служитъ также очевиднымъ доказательствомъ наслѣдственной передачи умственныхъ способностей и особенностей. Только пронизавъ цѣлый рядъ поколѣній, европейскія понятія о цивилизаціи могутъ проникнуть въ плоть и кровь дикарей и только послѣ различныхъ комбинацій и помѣсей цивилизація овладѣваетъ ими. Спору нѣтъ, что человѣкъ, рождаясь на свѣтъ, не обладаетъ никакими познаніями; но онъ наслѣдуетъ мозговой складъ и способности своихъ родителей и потому дикарь и наслѣдуетъ умственный складъ дикаря (Le Bon стр. 319). Всѣ эти явленія регрессивной наслѣдственности, по нашему крайнему мнѣнію, совершенно понятны на основаніи теоріи пангенезиса. По теоріи пангенезиса именно ткани тѣла въ силу непосредственнаго дѣйствія измѣненныхъ условій непосредственно измѣняются, а слѣдователь-

*) Le Bon.

Digitized by Google

но и отдѣляютъ измѣненные зачатки, которые передаются со вновь пріобрѣтенными особенностями потомству. Съ этой же точки зрѣнія легко объяснить, какимъ образомъ могутъ наслѣдоваться послѣдствія употребленія или неупотребленія органа или вліяніе физическихъ и умственныхъ привычекъ. Едва ли существуетъ болѣе загадочная, болѣе запутанная задача; но она совершенно разрѣшается, если допустить, что нѣкоторыя клѣточки измѣняются не только въ отправленіяхъ, но и въ стремленіи, и что онѣ отдѣляютъ измѣненные же зачатки. Это можетъ случиться во всякомъ періодѣ развитія и измѣненіе унаслѣдуется въ соотвѣтствующій же періодъ, потому что въ обыкновенномъ случаѣ измѣненные зачатки соединятся съ соотвѣтствующимъ по времени порядкомъ клѣточекъ и слѣдовательно разовьются въ томъ же періодѣ, въ которомъ это измѣненіе возникло. Что касается до умственныхъ привычекъ или инстинктовъ, то мы должны допустить, что если какая либо привычка или умственная способность или сумасшествіе передаются по наслѣдству, то это значитъ, что передается дѣйствительное измѣненіе въ строеніи, и что молодой организмъ дѣйствительно получилъ зачатки измѣненныхъ нервныхъ клѣточекъ (Дарвинъ стр. 427). Послѣ всего этого Дарвинъ имѣетъ полнѣйшее право прійти къ тому заключенію, что «каждое живое существо слѣдуетъ разсматривать, какъ микрокозмъ, какъ маленькій міръ, образованный легіономъ саморазмножающихся организмовъ, безконечно малыхъ и безчисленныхъ, какъ звѣзды небесныя» (Дарвинъ стр. 435).

Совершенно излишнимъ теперь будетъ положить палецъ въ ротъ читателя, для того, чтобъ онъ понялъ важность значенія закона наслѣдственности и теоріи пангенезиса, на которой онъ фундаментально основанъ. Изъ всего, нами здѣсь приведеннаго, ясно видно, что всякое частное явленіе изъ физическаго и нравственнаго міра можетъ быть передано по наслѣдству съ силою, пронизывающею цѣлый рядъ поколѣній. Эти факты имѣютъ глубокое соціальное значеніе, и еслибъ знаніе этихъ фактовъ, этой теоріи было бы больше распространено въ массѣ, люди не искали бы въ людяхъ, съ которыми они разсчитываютъ составить свое семейное счастье ни знатности рода, ни богатства, ни другихъ случайныхъ отличій, а искали бы прежде всего хорошихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Мы выше сказали, что аристократизмъ рода имѣетъ свою долю правды, мы и теперь не намѣрены опровергать относительную справедливость этого взгляда, но, съ другой стороны, мы также должны приба-

Digitized by Google

вить, что одностороннее воспитаніе и искуственное отчужденіе отъ другихъ сословій развиваетъ въ привилегированныхъ сословіяхъ какъ болѣзни, такъ и разныя дурныя свойства, тѣневыя стороны человѣческой, природы, которыя влекутъ за собою отупѣніе, односторонность, тѣлесные недуги. Въ концѣ концовъ, все это, передаваясь наслѣдственно, ведетъ къ вырожденію строго замкнутыхъ кастъ и сословій, вырождаемость ихъ составляетъ непреложный физіологическій законъ. «По образцу многихъ древнихъ законодательствъ, говоритъ Просперъ Люкасъ, многія новѣйшія законодательства должны бы разъяснить всѣ физическія уклоненія, препятствующія бракосочетанію, и объявить недѣйствительными всѣ тѣ браки, гдѣ были скрыты такого рода уклоненія. А между тѣмъ сплошь и рядомъ видимъ самыя ужасныя злоупотребленія этого рода. Постоянно стараются скрыть что юноша или дѣвица, руки которой ищутъ, одержимы падучей болѣзнью, или бугорчаткой, или что въ нихъ проявлялись признаки умопомѣшательства, или что они поражены какими нибудь другими аномаліями. Тщательно скрываютъ болѣзни и порокъ предковъ, покрываютъ густымъ покрываломъ таинственности семейные недостатки; надуваютъ на каждомъ шагу, такъ что не знаешь съ какою личностью имѣешь дѣло.»

Всѣ три вида наслѣдственности какъ консервативной, такъ и прогрессивной и регрессивной проявляются еще въ особенныхъ формахъ, изъ коихъ мы здѣсь упомянемъ о наслѣдственности, ограничиваемой поломъ, и наслѣдованіи тѣхъ или другихъ особенностей въ соотвѣтствующіе періоды жизни. Иногда у того или другого пола появляется какой либо новый признакъ и передается исключительно тому же полу. Такъ, въ семействѣ Ламберта роговидные наросты кожи передавались отъ отца только сыновьямъ и внукамъ; тоже замѣчено и въ появленіи лишнихъ пальцевъ и нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ, напр., наклонности къ смертельнымъ кровотеченіямъ отъ ничтожныхъ пораженій. Случается и наоборотъ: были примѣры, что матери передавали только дочерямъ лишніе пальцы, слѣпоту и другіе недостатки. Бываетъ еще иначе. Такъ, расположеніе къ смертельнымъ кровотеченіямъ (геморафолія) замѣчалось у однихъ мужчинъ втеченіе пяти поколѣній, хотя и передавалось чрезъ женщинъ; но иногда это расположеніе не наслѣдуется прямо отъ отцовъ, а дочери передаютъ эту скрытую склонность, такъ что недостатокъ этотъ проявляется только у мужскихъ потомковъ этихъ дочерей. Такимъ образомъ отецъ, внукъ и правнукъ могутъ представлять эту особенность пе-

Digitized by Google

реданную бабушкою, дочерью и праправнучкою въ скрытомъ состояніи. Такіе и подобные факты, собранные Просперомъ Люкасомъ, Седжвикомъ и другими, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что особенности, появляющіяся у какого либо пола, хотя и не связаны необходимо съ этимъ поломъ, стремятся передаваться по наслѣдству потомкамъ того же пола, хотя часто и передаются въ скрытомъ состояніи противоположнымъ поломъ. Сынъ наслѣдуетъ отъ отца густую или рѣдкую бороду, большую или меньшую сѣдину и преждевременную лысину, между тѣмъ, какъ дочь наслѣдуетъ отъ матери болѣе или менѣе длинную косу. Преобладающее значеніе пола, бываетъ иногда довольно курьезное и можетъ быть интересно. Часто случается, что мужчина производитъ такое сильное вліяніе на женщину, что даже дѣти отъ другого брака бываютъ похожи на перваго мужа. Еслибъ, напримѣръ, дѣвица была бы въ связи съ мужчиной и родила бы отъ него ребенка, который вскорѣ померъ бы, и потомъ вышла замужъ за другого и вдругъ родила бы отъ второго мужа ребенка, вполнѣ похожаго на перваго мужа, связь съ которымъ она тщательно скрывала, мужъ могъ бы ее заподозрить въ постоянной связи съ первымъ мужчиной и былъ бы неправъ. Въ старину это можно было объяснить заглядываньемъ... но теперь это явленіе требуетъ болѣе точныхъ объясненій.

Что касается наслѣдственности въ соотвѣтствующемъ періодѣ, то примѣромъ тому могутъ намъ опять послужить члены семейства Ламбертъ, въ которомъ дикобразные наросты появились у отца и у сыновей въ одномъ возрастѣ, именно около девяти недѣль послѣ рожденія. Весьма важныя болѣзни появляются только въ извѣстномъ возрастѣ; такъ, напр., пляска святого Витта въ юности, чахотка въ ранней молодости, подагра въ зрѣломъ возрастѣ, апоплексія въ старомъ. Какъ у отца, такъ и у сына, внука и правнука болѣзни эти обыкновенно проявляются въ тотъ же періодъ жизни, въ который онѣ появились у родителей. Существуютъ многія другія болѣзни, не связанныя съ какимъ либо особымъ возрастомъ, но которыя очевидно стремятся проявляться у ребенка въ томъ же періодѣ жизни, въ который онѣ появились у родителей. Вотъ почему Піорри совѣтуетъ врачамъ тщательно осматривать дѣтей въ тѣ періоды жизни, въ которые какая либо важная наслѣдственная болѣзнь появилась у родителей. Докторъ Просперъ Люкасъ также утверждаетъ, что разнаго рода болѣзни, хотя и не исключительно свойственны какому либо особому періоду жизни, стремятся про-

Digitized by Google

явиться у потомковъ въ томъ же возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились въ первый разъ у родителей. Эскироль приводитъ нѣсколько поразительныхъ случаевъ помѣшательствъ, появившихся въ томъ же возрастѣ, какъ, напр., одного дѣда, отца и сына, совершившихъ самоубійство на 50 году отъ роду. Интересны еще слѣдующіе примѣры. Всѣ члены одного семейства помѣшались на 40 году. Одна женщина умерла отъ апоплексіи на 63 году отъ роду; одна изъ ея дочерей умерла на 43 году, а другая на 87 году отъ той же болѣзни, у послѣдней было 12 дѣтей, которые всѣ умерли отъ бугорчатаго воспаленія мозговой оболочки. Этотъ случай интересенъ особенно потому, что онъ служитъ примѣромъ, какъ самый характеръ наслѣдственной болѣзни измѣняется, хотя онъ и касается того же органа. Одышка появлялась у разныхъ членовъ одного семейства на 40 году. Самыя разнообразныя болѣзни, какъ, напр., грудная жаба и различныя накожныя сыпи появлялись у послѣдующихъ поколѣній приблизительно въ одномъ и томъ же возрастѣ. У одного человѣка мизинецъ отъ какой-то неизвѣстной причины сталъ рости внутрь, и этотъ же палецъ у его двухъ сыновей началъ въ томъ же возрастѣ точно такимъ образомъ загибаться внутрь. Странныя и необъяснимыя первыя страданія поражали какъ дѣтей, такъ и родителей въ одинаковый періодъ жизни. Дарвинъ приводитъ еще два другихъ случая, весьма интересныхъ въ томъ отношеніи, что они указываютъ на изчезновеніе, также какъ и на появленіе болѣзни въ томъ же возрастѣ. Два брата, ихъ отецъ, дядя, съ отцовской стороны, семь двоюродныхъ братьевъ и дѣдъ по отцу—всѣ страдали одинаковою накожною болѣзнью, извѣстною подъ именемъ печоночныхъ пятенъ; болѣзнь эта ограничивалась мужскимъ поломъ (хотя и передавалась черезъ женщинъ), появлялась обыкновенно въ возмужалости и изчезала между 40 и 45 годами. Второй случай касается 4 братьевъ, страдавшихъ на 12 году отъ роду почти ежедневно сильными головными болями, которыя облегчались только лежаніемъ на спинѣ въ темной комнатѣ. Ихъ отецъ, его братья, дѣдъ, по отцу, и всѣ его братья точно также страдали отъ такихъ головныхъ болей, которыя прекращались на 54 или на 55 году у всѣхъ доживавшихъ до этого возраста; никто изъ женщинъ этого семейства не былъ подверженъ этому (Дарвинъ т. 2 стр. 82 и 83).

Читатель можетъ насъ упрекнуть въ томъ, что мы преимущественно подбирали примѣры изъ области медицины и будетъ совершенно правъ. Но мы, съ одной стороны, готовы оправдываться

Digitized by Google

своею спеціальностью, съ другой стороны, считаемъ примѣры изъ области медицины самыми наглядными и рельефными. И если Льюсъ сердится, что зачѣмъ до сихъ поръ считали лишь врачей способными заниматься біологіей, то онъ только отчасти правъ. Мы сами того убѣжденія, что не то, чтобъ исключительно врачи, а непремѣнно люди знакомые съ медициной болѣе всего приготовлены къ уразумѣнію біологическихъ явленій. Всѣ эти разнообразные случаи наслѣдственности, ограниченные тѣмъ или другимъ поломъ и проявляющіеся въ соотвѣтствующемъ возрастѣ, опять-таки скорѣе всего понятны на основаніи теоріи пангенезиса. Мы должны здѣсь допустить, что въ силу внѣшнихъ условій органы претерпѣли извѣстное измѣненіе и выдѣлили тогда же измѣненные или пораженные зачатки, которые, выждавъ благопріятный моментъ въ развитіи организма, заявили себя такимъ же самымъ образомъ въ потомкѣ, какимъ его видѣлъ предокъ.

Наконецъ намъ необходимо разсмотрѣть еще одно явленіе наслѣдственности, самое интересное и, быть можетъ, самое ужасающее. Мы разумѣемъ реверсію или атавизмъ. Мало того, что сынъ въ большинствѣ случаевъ наслѣдуетъ отъ отца или отъ дѣда тѣ или другія особенности; случается еще такъ, что какой нибудь отдаленный потомокъ вдругъ, ни съ того, ни съ другого проявляетъ свойства, наклонность, привычку, уродство или органическій недостатокъ отъ такого отдаленнаго предка, который предшествовалъ своему потомку сотнями и тысячами поколѣній. Такой возвратъ къ ветхозавѣтной, допотопной, доисторической дѣдовщинѣ называется атавизмомъ. Такъ какъ прогрессъ заключается въ усовершенствованіи и въ улучшеніи породы, то атавизмъ, какъ возвратъ къ дѣдовщинѣ, какая бы она ни была, говоря вообще, не можетъ быть прогрессивнымъ, и мы на этомъ основаніи относимъ его къ регрессивной наслѣдственности. Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами атавизма изъ растительнаго и животнаго міра, чтобъ сосредоточить все свое вниманіе на атавизмѣ въ человѣчествѣ, заявляющемъ себя подчасъ въ ужасающей и жалкой формѣ. Отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ оригинальнымъ сочиненіямъ Дарвина и Карла Фогта. Въ нихъ читатель найдетъ полное удовлетвореніе своей самой ненасытной любознательности. Съ вопросомъ реверсіи тѣсно связанъ вопросъ о скрещиваніи и естественномъ подборѣ. Мы поэтому будемъ имѣть случай подробнѣе говорить о растительной и животной реверсіи въ статьѣ о скрещиваньи. Но для болѣе нагляднаго уразумѣнія атавизма здѣсь будутъ кстати

Digitized by Google

нѣкоторыя курьезныя формы реверсіи. Такъ въ различно окрашенныхъ породахъ голубей иногда проявляются сизые экземпляры со всѣми примѣтами, характеризующими дикаго полевого голубя. Такъ извѣстно, что ноги дикаго прародителя осла были испещрены полосками. Если теперь встрѣчается домашній оселъ съ такими же полосками на ногахъ, то смѣло можемъ это принять за явленіе простой реверсіи. Иногда такой возвратъ бываетъ далеко непрошенымъ гостемъ. Домашній скотъ въ дикомъ первобытномъ состояніи безъ сомнѣнія обладалъ рогами. Но сельскимъ хозяевамъ, разнымъ Бэкуэлямъ, удалось добиться камолой, безрогой породы. Если среди такой камолой породы вдругъ появляется рогатая скотина, то она причиняетъ большую непріятность своимъ хозяевамъ, которые конечно спѣшатъ отдѣлаться отъ нея самымъ безцеремоннымъ образомъ, принося ее въ жертву своимъ предвзятымъ стремленіямъ. Тоже встрѣчается и въ растительномъ мірѣ. Такъ изъ сѣмянъ. собранныхъ изъ самыхъ отборныхъ сортовъ анютиныхъ глазокъ, выростаютъ совершенно дикіе цвѣточки. Наиболѣе извѣстный случай реверсіи именно тотъ, на которомъ повидимому основывается вѣра въ постоянство возвращенія къ дикому состоянію, составляютъ свиньи. Эти животныя одичали въ Вестъ-Индіи, Южной Америкѣ, на Фалкландскихъ островахъ и повсюду пріобрѣли темный цвѣтъ, толстую щетину и большіе клыки дикаго кабана, а поросята стали родиться покрытые продольными полосками. Нѣкоторые случаи реверсіи бываютъ большимъ несчастіемъ для сельскихъ хозяевъ. Такъ извѣстно, что у коровъ въ естественномъ состояніи вымя развивается очень мало, и онѣ даже приблизительно не даютъ столько молока, сколько наши одомашненныя животныя, и вотъ иногда случается, что отъ лучшихъ альдернійскихъ породъ получаются телята никуда негодные въ этомъ отношеніи. За то въ этомъ отношеніи отличаются подчасъ нѣкоторыя женщины, у которыхъ появляются лишніе сосцы, способные отдѣлять молоко, число которыхъ иногда доходитъ до пяти. Если ихъ четыре, то они расположены симметрично по обѣимъ сторонамъ груди, а у одной женщины, которой мать имѣла лишніе сосцы, развился лишній сосецъ, дававшій молоко въ паховой области. Случай этотъ весьма знаменателенъ. Если мы вспомнимъ расположеніе сосцовъ на груди и въ паховой области низшихъ животныхъ, то мы должны смотрѣть на появленіе лишнихъ сосцовъ у женщинъ, какъ на явленіе реверсіи. Случайное развитіе у человѣка хвостовыхъ позвонковъ въ видѣ короткаго и свободнаго хвоста должно также быть

Digitized by Google

разсматриваемо какъ явленіе реверсіи. Такъ какъ дикіе народы все-таки стоятъ ближе къ животному міру, чѣмъ цивилизованные, то очень вѣроятно, что среди дикарей эта форма атавизма, то есть короткій хвостъ, встрѣчается гораздо чаще и очень вѣроятно, что это обстоятельство послужило поводомъ къ утвержденію, будто существуютъ цѣлыя племена съ хвостами, въ чемъ до сихъ поръ путешественники и антропологи не могли убѣдиться. Но лишній сосецъ въ паху или сзади торчащій хвостикъ еще можно скрыть, спрятать, бѣда еще не велика. Бываютъ казусы несравненно хуже.

Ничѣмъ такъ родители не любятъ хвастать, какъ тѣмъ, что у нихъ умный ребенокъ; ничто такъ не огорчаетъ ихъ родительское чувство, какъ глупость и въ особенности дураковатость дитяти. Отъ мужчинъ обыкновенно не требуютъ, чтобъ онъ былъ красавецъ; мужчина, говорятъ, можетъ быть не лучше чорта; отъ него лишь требуютъ, чтобъ онъ не былъ дуракъ. Даже красота женщинъ въ послѣднее время и въ глазахъ развитыхъ людей теряетъ свое прежнее обаяніе; кромѣ смазливости ищутъ, чтобъ женщина имѣла, по крайней мѣрѣ, выразительное лицо. Въ высшей степени оскорбительно для человѣка, когда его обзовутъ скотомъ, осломъ, свиньей; но ничѣмъ онъ такъ не оскорбляется, какъ словомъ дуракъ. И нѣтъ того дурака на свѣтѣ, который не находилъ бы людей глупѣе себя. Изъ всего этого ясно видно, что умъ—лучшій и весьма важный атрибутъ человѣка. «Умная голова» чуть ли не лучшая похвала человѣку; «дѣльная голова» лучшее достояніе, лучшее украшеніе человѣка. «Идіотъ!», казалось бы, что можетъ быть хуже этого? Оказывается, что бываетъ хуже, но очень рѣдко.

Есть порода людей, называемыхъ кретинами и живущихъ въ ущельяхъ и долинахъ Альпійскихъ горъ, въ Пиринеяхъ и другихъ мѣстахъ Европы. Есть кретины и у насъ, въ долинѣ рѣки Лены, о чемъ намъ, конечно, менѣе извѣстно, чѣмъ о кретинахъ европейскихъ. Они отличаются тѣмъ, что черепъ у нихъ малъ, низокъ, плосокъ, какъ бы сжатъ, — этому соотвѣтствуетъ и уменьшенное количество мозга, а слѣдовательно и жалкое умственное отправленіе, уподобляющее ихъ отчасти животнымъ. Но они все-таки обладаютъ даромъ слова и могутъ быть приспособлены къ какому нибудь механическому труду. Весь организмъ этихъ субъектовъ уродливъ. Они небольшого роста, съ искривленными ногами, большею частью зобаты и, несмотря на это, они иногда доживаютъ до 50 лѣтъ. Самая же низшая порода людей, которую только потому и причисляютъ къ человѣчеству, что они родились отъ вполнѣ

Digitized by Google

нормальныхъ и полноправныхъ гражданъ, представляютъ такъ называемые микроцефалы или малоголовые. Изслѣдованіемъ ихъ антропологическаго значенія въ послѣднее время занялся Карлъ Фогтъ, представившій объ нихъ весьма капитальный трактатъ, удостоенный преміи и напечатанный въ «Антропологическомъ архивѣ.» Онъ называетъ ихъ микроцефалами или *обезьяны - моди* «Affen-Menschen». Ихъ всего извѣстно теперь, по словамъ Гекеля, до пятидесяти. Карлъ Фогтъ изслѣдовалъ ихъ всего 40. Отличительнымъ признакомъ человѣческаго черепа отъ черепа животныхъ при первомъ и самомъ поверхностномъ взглядѣ считается преобладаніе черепного свода надъ лицомъ. Чѣмъ выше людская порода, тѣмъ лицевая часть головы меньше, изящнѣе и менѣе объемиста сравнительно съ черепною частью головы. У животныхъ наоборотъ. Разсматривая рисунки, приложенные къ сочиненію Карла Фогта о микроцефалахъ, вамъ невольно бросается въ глаза животный типъ ихъ головъ. Если лицевая часть у нихъ и не преобладаетъ надъ черепной, то нельзя того же сказать, чтобъ черепная часть преобладала надъ лицевой. Черепъ маленькій, сжатый. У какого нибудь Якова Мегле, несмотря на то, что ему отъ роду 10 лѣтъ, объемъ головы несравненно меньше, чѣмъ у новорожденнаго ребенка. Черепъ плоскій, сзади голова посрединѣ вдавлена, лобъ плоскій, лицо же большое, ротъ большой. Такому искаженному черепу конечно соотвѣтствуетъ самое жалкое количество мозга. И дѣйствительно, у господина Якова Мегле количество мозга еще меньше, чѣмъ у молодого шимпанзе. Судите же теперь сами какое существо такой субѣектъ, котораго строеніе черепа и количество мозга ставятъ еще ниже человѣкоподобныхъ обезьянъ, а между тѣмъ все остальное въ порядкѣ; тѣло хорошо развито, располагаетъ отличнымъ здоровьемъ, физической силой и способно къ движеніямъ. Дальнѣйшій анализъ разъяснитъ намъ это явленіе. Извѣстно, что мозги человѣческіе состоятъ изъ большого мозга и маленькаго мозжечка. Въ первомъ полагаютъ сѣдалище души и всѣхъ интеллектуальныхъ отправленій, а второй считаютъ центромъ, служащимъ для регулированія движеній и ощущеній. Потомъ мы знаемъ, что человѣческіе мозги отличаются отъ мозговъ животныхъ, кромѣ вѣса, и формой, красотою и обиліемъ извилинъ и присутствіемъ особенныхъ частей, невстрѣчающихся въ мозгахъ животныхъ. Карлъ Фогтъ своими изслѣдованіями убѣдился, что у всѣхъ микроцефаловъ малый мозгъ или мозжечекъ и вообще задняя часть мозга очень развита, и въ этомъ отношеніи микроцефалы

Digitized by Google

даже превосходятъ шимпанзе. Такимъ образомъ, мозжечекъ, какъ и строеніе всего остального организма, соотвѣтствуетъ человѣческому типу. За то подгулялъ большой мозгъ, который въ отношеніи массы развитія не только не превосходитъ соотвѣтственныя части обезьяны, но подчасъ даже уступаетъ ей. Такъ, мозги низшихъ животныхъ совершенно гладки, не имѣютъ извилинъ; мозги обезьяны имѣютъ самое незначительное развитіе извилинъ; мозги негра отличаются значительнымъ ихъ развитіемъ, такъ кольми паче мозги образованнаго европейца. Мозги же микроцефала сильно приближаются въ этомъ отношеніи къ мозгамъ обезьянъ. Далѣе, мозги обезьяны имѣютъ отростки, придатки, которые не встрѣчаются въ мозгахъ людей, а между тѣмъ судьба надѣлила ими мозги микроцефаловъ. Есть въ мозгу такъ называемая Сильвіева борозда. Физіологи приписываютъ ей особенное значеніе. Положимъ, вотъ эта Сильвіева борозда хотя и проложена въ мозгахъ обезьяны, но она не такъ глубока, не такъ хорошо прорыта, да и вообще не имѣетъ той формы, въ какой она красуется въ человѣческихъ мозгахъ. На бѣду и тутъ микроцефалы оплошали. У нихъ Сильвіева борозда вполнѣ сходна никакъ не съ человѣческою, а съ обезьянною. Какъ тутъ быть? Такія, и еще болѣе подробныя изслѣдованія даютъ полное право Карлу Фогту надѣяться, что его не упрекнутъ въ утрировкѣ и придирчивости. Что тутъ сдѣлаешь? Передъ нимъ на столѣ три пары мозговъ: европейца, микроцефала и обезьяны. Чѣмъ же онъ виноватъ, что мозги микроцефала отличаются отъ мозговъ европейца, какъ небо отъ земли, и во всемъ сходны съ мозгами обезьяны? Въ остальномъ строеніе и отправленіе ихъ организаціи то напоминаетъ обезьяну, то подходитъ къ человѣку. Почти всѣ микроцефалы имѣютъ обыкновенную величину тѣла, которое, въ большинствѣ случаевъ, хорошо физически развито, хотя развитіе ихъ совершается несравненно медленнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей. Микроцефалки, то есть женщины изъ микроцефаловъ, заявили тѣ женскія особенности, которыя указываютъ на способность ихъ къ продолженію рода. Движенія микроцефаловъ быстры, живы и вполнѣ правильны; мускульная сила ихъ громадна; они настолько подвижны, что ихъ часто сравнивали съ птицами. Скакать и прыгать ихъ обыкновенная любимая походка. Они съ особеннымъ удовольствіемъ любятъ карабкаться по мебели и лазить по деревьямъ; въ ихъ обычаѣ безцѣльныя движенія—рвать бумагу и разныя матеріи въ куски. Они постоянно гримасничаютъ и гримасы эти мѣняются на ихъ лицѣ съ быстротою молніи. Походка и

Digitized by Google

осанка какъ у обезьянъ; голова поникнута, спина равномѣрно согнута, руки отвислы, колѣни нѣсколько согнуты. При особенныхъ обстоятельствахъ, напр., когда имъ нужно взобраться на лѣстницу, они ползутъ на четверенкахъ и пособляютъ себѣ руками. Чувствительность кожи въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительно понижена, въ большинствѣ же вообще нормальна. Органы чувствъ правильно развиты, они хорошо видятъ и слышатъ. Нѣтъ также основанія отказать имъ въ чувствѣ обонянія. Вкусъ у нихъ также развитъ, потому что они предпочитаютъ одни блюда другимъ. Всѣ отправленія растительной жизни у нихъ совершенно въ порядкѣ; пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и выдѣленія совершаются правильно, могутъ достигнуть средняго возраста и умираютъ не раньше остальныхъ людей. Что касается ихъ умственнаго развитія, то существенной чертой ихъ характера—непостоянство. Никто не можетъ не признать въ ихъ тѣлодвиженіяхъ, въ формѣ и способѣ выраженія ими своихъ чувствъ и желаній полнѣйшее сходство съ обезьянами. Вниманіе привлекается на мгновеніе и тотчасъ же изчезаетъ; самыя противоположныя чувства смѣняются безпрерывно, безъ остановки, не переводя дыханія. Любовь и ненависть возбуждаются безъ малѣйшаго основанія. Такъ же скоро забываются, какъ и возобновляются, радость и отчаяніе, гнѣвъ и довольство, безпричинная месть и полнѣйшая преданность къ постоянной и смѣшной игрѣ. Интеллигенція ихъ еще ниже, чѣмъ у обезьянъ. Непосредственныя впечатлѣнія и воспріятія безъ сомнѣнія вполнѣ затемнены. Отвлеченныя же понятія и лучшія духовныя качества, которыми обладаетъ человѣкъ, и которыми онъ по справедливости гордится, и которыя наконецъ составляютъ отличительную черту человѣка отъ животныхъ, микроцефаламъ неизвѣстны, незнакомы, просто недоступны. Наконецъ, они всѣ лишены дара слова. Не то что глухо-нѣмые, они мычатъ, какъ животное, произносятъ кой-какіе звуки, какъ до, до, до или ау, ау. У нихъ прямо недостаетъ той части мозга, въ которой, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, локализируется рѣчь. Карлъ Фогтъ утверждаетъ, что интеллигенція микроцефаловъ ниже обезьянъ. Онъ ручается, что если сравнить душевныя проявленія микроцефаловъ съ тѣми душевными свойствами, которыми заявляютъ себя шимпанзе и орангъ-утанги въ европейскихъ звѣринцахъ, то легко можно будетъ убѣдиться, какъ сильно микроцефалы проявленіями чувствъ и страстей напоминаютъ обезьянъ. Въ отношеніи же интеллигенціи они несравненно ниже обезьянъ и въ нихъ не видно ни малѣйшей человѣческой способ-

Digitized by Google

ности, даже въ самой простой обыкновенной формѣ, которая хотя на волосъ приближала бы къ той благородной породѣ, отъ которой они происходятъ.

Таковы результаты изслѣдованій Карла Фогта о микроцефалахъ, бывшихъ въ рукахъ другихъ ученыхъ. Онъ собралъ и сличилъ черепа и сопоставилъ біографіи, сдѣланныя прежними наблюдателями. Но ему удалось встрѣтиться съ живымъ субъектомъ изъ этой породы, и онъ посвятилъ этой особѣ значительную долю своей проницательности, вниманія и наблюдательности. Изъ его разсказа очень ясно видно, что онъ особенно радъ этой дорогой встрѣчѣ. Эта живая микроцефалка окрещена какъ нарочно греческимъ именемъ мудрости. Марія-Софія Виссъ имѣла 16 лѣтъ отъ роду тогда, когда ее изслѣдовалъ Карлъ Фогтъ. Это было 26 октября 1866 года. Она теперь живетъ въ пріютѣ для бѣдныхъ, близъ Берна. Отецъ ея простой работникъ въ Оллонѣ. Въ пріютѣ ее просто называютъ Софьей. Росту одинъ метръ и 410 миллиметровъ. Глаза ея свѣтло-сѣроголубые, невыдающіеся и на подобіе миндалинъ; волосы темнокоричневаго цвѣта, некурчавые; просто расположенные до половины спины; почти прямой носъ, на верхушкѣ нѣсколько смотритъ шишкой; толстыя, нѣсколько вздутыя губы; сильно выдающійся ротъ и подбородокъ; широкія скулы; большія отстающія уши безъ ушныхъ мочекъ; прелестные зубы, изъ коихъ передніе самые косые—вотъ черты лица и паспортные примѣты этого милаго созданія. Директоръ приказалъ позвать ее, и вотъ она является въ сообществѣ съ двумя дѣвочками, которыя ее очень любятъ и никогда ничего дурного ей не дѣлаютъ. Неуклюжая, неповоротливая и крѣпко наступая ногами, она ходитъ согнувшись и съ поникшей головой, съ отвислыми руками, съ нѣсколько согнутыми колѣнами и видимо радуется всякому звонкому отголоску. Всѣ движенія ея крайне быстры, торопливы и прытки, голова и глаза въ постоянномъ движеніи; руки преимущественно внутрь согнуты, какъ у зародыша; голова наклонена нѣсколько влѣво. Спинной хребетъ просто согнутъ кзади, какъ у обезьянъ, но за то недостаетъ поясничнаго сгиба. Движенія рукъ, головы, зубоскальство и мимика вся обезьянья. Старуха, которая наблюдаетъ за нею болѣе 6 мѣсяцевъ, говоритъ, что она не имѣетъ наклонности лазить, но прыгаетъ за то очень высоко съ вытянутыми ногами, особенно когда разгнѣвается; мало спитъ; она въ постоянномъ безпокойствѣ; вѣчно возится съ тряпками и платочками, но вообще проводитъ ночь спокойно. Она большая охотница раздавать звонкія плюхи, толчки и т. д. Карлъ Фогтъ

Digitized by Google

присутствовалъ при томъ, какъ ее кормили; она все же употребляетъ ложку, ѣстъ въ торопяхъ, но чинно себя держитъ; прежде бывало разбросаетъ пищу, но ее отъ этого отучили. Одѣться и раздѣться сама все-таки не можетъ. Тѣло ея хорошо развито, руки недурны, чисто человѣческія и вся верхняя конечность крѣпка, сильна, округла, нормальной длины, грудь нѣсколько плоская. Судя по ея возрасту, груди довольно хорошо развиты, но нѣсколько отвислы. Она обладаетъ необыкновенной физической силой и когда она разозлится, то бьетъ самыхъ крѣпкихъ бабъ. Пульсъ съ трудомъ можно ощупать, бьетъ 72 удара въ минуту, число дыханій доходитъ до 20. Хотя ей было тогда 16 лѣтъ, но она еще не имѣла регулъ. Она постоянно слюнитъ и какъ ужь больно запачкается, то обтирается передникомъ. Болѣе подробныя изслѣдованія нравятся ей; они какъ будто доставляютъ ей даже удовольствіе. Она садится, встаетъ по востребованію, позволяетъ поворачивать голову, но когда хочешь ей раскрыть ротъ, то она сопротивляется, впрочемъ разѣваетъ его широко, какъ только предварительно покажешь ей этотъ пріемъ. Вниманіе ея постоянно чѣмъ нибудь занято; блестящія бездѣлушки привлекаютъ ее. Она старается надѣть кольцо на палецъ, что ей наконецъ удается; часы для нея большая радость, она указываетъ на циферблатъ, прикладываетъ часы къ щекамъ, ко лбу, но не къ ушамъ, указываетъ на цѣпочку и ключикъ, дѣлая видъ, что заводитъ ключикомъ; потомъ она всовываетъ часы въ карманъ жилета и показываетъ, что и у другихъ есть часы. Гораздо меньше ее радуетъ красная мѣрка и циркуль съ шариками, и когда г. Фогтъ окончилъ свои измѣренія и сложилъ циркуль, чтобъ его спрятать, она выдвинула голову впередъ и указала на скулы, куда его прежде прикладывала.

По окончаніи осмотра ее очень безпокоили растрепанные волосы; она гладитъ ихъ, хочетъ ихъ сплести и отбрасываетъ ихъ отъ лица. Принесли яблоко (она охотно ѣстъ плоды и даже дикій каштанъ какъ-то хотѣла съѣсть), она показываетъ, чтобъ Фогтъ его очистилъ. Пока Фогтъ занимался этимъ, она набила полонъ ротъ кожицей, туда же всунула свои волосы, которыхъ никакъ не можетъ отдѣлить, такъ что они раздражаютъ ее до рвоты. О своихъ нѣкоторыхъ нуждахъ она даетъ знать знаками—прежде она очень мало стѣснялась въ этомъ отношеніи—но розга (о, воспитательный элементъ!) отучила ее отъ такихъ непристойностей. Голодъ и обжорство она рѣдко проявляетъ. Она способна проводить цѣлые часы съ улыбающейся физіономіей, съ глазами обращенными

Digitized by Google

къ небу и, какъ медвѣдь въ клѣткѣ, качается во всѣ стороны. Подчасъ она для этого закрываетъ свою голову платкомъ.

Вотъ она занялась нѣсколькими бумажками, развертываетъ ихъ, точно хочетъ читать что-то, издавая при этомъ свои горловые звуки, которые сильно напоминаютъ кудахтанье курицы, го, го, го, го, и съ благочестивымъ выраженіемъ глазъ, обращенныхъ къ небу: Наконецъ громко произноситъ: аммъ! складываетъ бумажку, комкаетъ ее и съ обезьянной яростью впихиваетъ ее въ карманъ г. Фогта. Очевидно, что она подражала молитвѣ, трижды въ день повторяемой, и аммъ означаетъ аминь. Единственное слово, произносимое ея устами. Все, что ей говорятъ, она обсуждаетъ какъ животное, не по содержанію, а по интонаціи; запрещенія и угрозы необходимо сопровождать указательнымъ пальцемъ, въ противномъ случаѣ она на нихъ не обращаетъ вниманія.

Чувства стыдливости нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; шорохъ, раздавшійся при попыткѣ снова надѣть ей башмаки, подалъ ей поводъ къ взрыву неимовѣрной веселости, и чтобы надѣть башмаки, она до того безцеремонно обошлась съ своими прелестями, что ее наконецъ нельзя было заподозрить въ стыдливости.

Оставляя домъ, ей нужно было пройти ступеньку, къ которой она не привыкла. Она указываетъ старухѣ, чтобъ та ей предшествовала, потомъ К. Фогту; приближается къ ступенькѣ, цѣпляется за перила, издаетъ ужаснѣйшій ревъ э, э, э! словомъ ни за что не хочетъ сойти. Дѣвушка хочетъ ее свести, она отталкиваетъ ее, впрыгиваетъ ей на спину, чтобъ та ее снесла.

На дворѣ новые нечаянные курьезы. Старая, отвратительная кретинка хочетъ поправить ея платье, которое пришло въ безпорядокъ при изслѣдованіи. Съ ревомъ и скрежеща зубами, она бросилась на нее; кретинка тоже оскалила единственный свой зубъ. «Софья Виссъ терпѣть не можетъ этой кретинки», сказала старуха. Тогда приблизилась другая старуха, добродушная и съ страдальческимъ выраженіемъ лица. «Эту Софья любитъ», сказала прислужница. «Что ты дѣлаешь, Софья»? сказала ей старуха, и Софья, къ ней приблизилась, посмотрѣла на нее нѣжно, приложила свою щеку къ щекѣ старухи, съ неподражаемымъ выраженіемъ, и стала лизать ей щеку, точь въ точь, какъ собака лижетъ руку.

К. Фогтъ даетъ старухѣ тайно отъ другихъ какую-то бездѣлицу въ руки. Но Софья, которая, по выраженію старухи, вертитъ постоянно головой, какъ птичка въ клѣткѣ, и слышитъ, какъ мышонокъ, замѣтила это. Она старается раскрыть руку старухи, ша-

Digitized by Google

ритъ по карманамъ, куда та спрятала руки, съ полнымъ намѣреніемъ отыскать что нибудь съѣстное, потому что когда ей показали монету, то она, обнюхавъ и осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, преравнодушно отбросила ее въ сторону! Счастливая! Она видимо не знаетъ цѣны деньгамъ.

По всей вѣроятности, Софья вовсе не чувствительна къ погодѣ, напротивъ того боль она ощущаетъ вполнѣ. При одномъ изъ своихъ быстрыхъ поворотовъ, она сильно ушиблась о спинку дивана, скорчила лицо и стала внимательно разсматривать палецъ; К. Фогтъ взялъ палецъ, погладилъ его и подулъ на него, какъ это дѣлаютъ часто съ дѣтьми; тогда она улыбнулась. Кромѣ всего этого интересны слѣдующія подробности. Отецъ Софьи, крѣпкій и здоровый работникъ, послѣ смерти жены и по удаленіи остальныхъ дѣтей, не былъ въ состояніи заботиться о своемъ уродливомъ дѣтищѣ, бывало одѣнетъ дѣвочку поутру, вечеромъ раздѣнетъ ее, а въ остальное время предоставлялъ ее самой себѣ. Въ деревнѣ это дитятко было ужасомъ собакъ, которыхъ Софья преслѣдовала, какъ только бывало замѣтитъ у нихъ во рту что нибудь съѣстное, что бы отнять у нихъ кусокъ. Она бывало вскочитъ собакѣ на спину и бьетъ ее до тѣхъ поръ, пока та не выброситъ кусокъ, который Софья тогда вмигъ проглатывала. Дѣти въ деревнѣ бывало бѣснуются съ нею, какъ съ домашнимъ животнымъ, но изъ-за малѣйшихъ пустяковъ и за малѣйшее нарушеніе ея воли она приходила въ ярость и предавалась сильнѣйшимъ взрывамъ бѣшенства. Наконецъ дѣло дошло до того, что страхъ, который она внушала своею силою и внезапнымъ нападеніемъ, сталъ до того великъ, что отцу дали наконецъ почувствовать, что онъ долженъ удалить ужасное существо отъ сообщества съ другими людьми. Такимъ образомъ оно попало въ пріютъ для бѣдныхъ въ Гиндельбокѣ и попало въ хорошія руки. Самъ директоръ, старая прислужница, въ сосѣдствѣ съ которой Софья спитъ, вся прислуга и остальныя пансіонерки пріюта обходятся съ этимъ жалкимъ и безмозглымъ уродцемъ съ такою добродушною кротостью, съ какою ухаживаютъ въ нѣмецкой Швейцаріи за домашними животными, „за любезною коровушкою“, и въ самомъ дѣлѣ Софья теперь перешла уже изъ состоянія дикаго животнаго въ состояніе прирученнаго. Она играетъ съ младшими дѣтьми, которыя тамъ находятся, и не причиняетъ имъ никакого зла, потому что дѣти ее никогда не дразнятъ и не раздражаютъ. Здѣсь она все-таки привыкла къ кой-какимъ вещамъ и пріемамъ, какъ плетенье и разчесыванье волосъ; сама надѣваетъ

Digitized by Google

чепецъ, башмаки. Все это ей прежде было совершенно чуждо. Слѣдовательно, она все-таки доступна извѣстной дрессировкѣ и была бы еще больше доступна, еслибъ она раньше попала въ заведеніе и вышла бы изъ того небрежнаго положенія, въ которомъ она находилась. К. Фогтъ ни на минуту не сомнѣвается, что ее все же мало-по-малу можно выдрессировать, какъ собачку или обезьяну, и что ее можно даже пріучить къ нѣкоторымъ домашнимъ занятіямъ, но никакъ не больше.

Если теперь поближе обратить вниманіе на остальныя душевныя ея свойства, то легко убѣдиться, что онѣ поразительно подобны свойствамъ другихъ микроцефаловъ, бывшихъ предметомъ наблюденій.

Характеристичны то постоянное безпокойство, та торопливость и внимательность, съ какой она перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, но ни на чемъ долго не остановится; чувства въ ней постоянно смѣняются; все заявляется самою живою игрою гримасъ, чѣмъ она вполнѣ и уподобляется обезьянѣ. «Она не знаетъ покоя,—сказала объ ней старуха,—ей слезы и смѣхъ одинаково ничего не стоятъ». К. Фогтъ хотѣлъ съ нея снять фотографію, чтобы имѣть вѣрное изображеніе такого интереснаго существа, но долженъ былъ отложить свое намѣреніе, зная хорошо, что ее трудно будетъ заставить соблюсти покой, хотя на одно мгновеніе. Малѣйшее движеніе фотографа, машины, окружающихъ, малѣйшій шорохъ превратилъ бы въ ничто это предпріятіе.

Само собою понятно, что при такой особенности память ея не можетъ воспринять никакихъ впечатлѣній. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя впечатлѣнія сохраняются послѣ неоднократныхъ повтореній. Софья узнаетъ тѣ лица, которыя объ ней заботятся; она однихъ любитъ, а другихъ ненавидитъ; она усвоила понятіе и значеніе нѣкоторыхъ тѣлодвиженій, напр., поднятіе указательнаго пальца старухи; «если я не подниму пальца, то она за мной не послѣдуетъ», сказала старуха; она припоминала употребленіе часового ключика, по всей вѣроятности, потому, что она каждый вечеръ видѣла, какъ ея отецъ заводилъ часы. Это запоминаніе проявлялось также въ ея стремленіи къ подражанію, которое у ней развито въ высшей степени. Она слѣдила за всѣми движеніями посѣтителей съ обезьянною внимательностью, пыталась нѣсколько разъ вѣрно скопировать и подражать имъ, но подражанія движеніямъ рукъ и ногъ удавались ей рѣдко. Казалось, что ей необходимо нѣсколько разъ повторить ихъ, чтобы усвоить должную связь мускуловъ и

Digitized by Google

пріобрѣсти умѣнье управлять ими. Что касается способности къ подражанію, то извѣстно, что ни одно животное не обладаетъ этой способностью въ такой мѣрѣ, какъ обезьяна, и Софья въ этомъ отношеніи совершенно находится на степени обезьянъ. Всякое впечатлѣніе, которое наблюдатель обнаруживаетъ на своемъ лицѣ, отражается на ея лицѣ тотчасъ же; всякое движеніе мгновенно, съ быстротою молніи воспринято и, если она въ хорошемъ расположеніи духа, даже повторено; подражаніе молитвѣ вполнѣ объясняетъ въ ней стремленіе подражать рѣчи, ударенію и тону голоса. И въ другихъ отношеніяхъ она также сильно напоминаетъ обезьяну. Ночью, такъ какъ она очень мало и безпокойно спитъ, она проводитъ цѣлые часы въ завязываньи узелковъ изъ лентъ на чепцѣ, въ разрываньи бумаги и лоскутковъ въ мелкіе кусочки, и въ заведеніи стоило большого труда отучить ее отъ этой привычки, при чемъ прибѣгали къ такимъ же пріемамъ, какъ съ животнымъ.

О членосоставной рѣчи, о какомъ нибудь пониманіи ея нечего и толковать. Нѣтъ и слѣда ничего этого. Разговоръ для нея имѣетъ значеніе гула; она не постигаетъ смысла сказаннаго, но догадывается по тону, съ которымъ произнесено сказанное, по мимикѣ, какою сопровождаютъ рѣчь; въ ласкающемъ тонѣ и съ улыбкой произнесенныя угрозы она воспринимаетъ, какъ ласку; въ угрожающемъ тонѣ и съ приподнятымъ указательнымъ пальцемъ высказанную ласку она считаетъ угрозой. Она слѣдитъ за движеньями рта, когда съ ней говорятъ, въ какомъ-то остолбененіи и съ изумительнымъ удивленіемъ, по очень простой причинѣ, потому что она не понимаетъ ни цѣли, ни смысла разговора. «Мы всегда полагали, сказала старуха, что у нея языкъ приросшій, и еслибъ ей и теперь его подрѣзать, то она навѣрно могла бы лучше говорить; по крайней мѣрѣ, произносила бы нѣкоторыя слова, но она не можетъ хорошенько высунуть языкъ». К. Фогтъ показалъ ей, что языкъ Софьи совершенно нормальный, и что она облизывалась имъ, когда ѣла яблоко. Старуха тогда поняла, что дѣло не въ языкѣ; что она нѣма потому, что ничего не понимаетъ.

Аминь—единственное половинчатое слово, которое ее пріучили произносить въ пріютѣ, и то она его произноситъ не вполнѣ; она выговариваетъ его: аммъ.

Софья Виссъ, такимъ образомъ, въ умственномъ отношеніи приближается къ обезьянѣ. Черепъ и спинной хребетъ у нея обезьяньи, лицо

Digitized by Google

косозубое, а тѣломъ—хорошо сформированное, человѣческое дитя *). Таковъ живой образчикъ той породы существъ, которыхъ ни одинъ безпристрастный и добросовѣстный естествоиспытатель не рѣшится причислить къ человѣческому роду, а между тѣмъ, Софья Виссъ считается въ числѣ жителей Швейцаріи, она дочь свободной страны. Откуда же берется такое страшное искаженіе человѣка и какъ оно является на свѣтъ божій? Повидимому, довольно странно. Родители, родственники и даже предки, можетъ быть, самые отдаленные, всѣхъ этихъ микроцефаловъ совершенно здоровые люди, не представляютъ ничего ненормальнаго, ничего болѣзненнаго, ничего выходящаго изъ ряду вонъ, и вдругъ среди группы другихъ дѣтей вполнѣ человѣческихъ является существо, которое назвать человѣкомъ—значитъ оскорблять человѣческое достоинство всякаго, а причислить къ животнымъ нѣтъ никакихъ юридическихъ правъ, потому что оно рождено отъ людей. Должна же быть въ природѣ какая нибудь серьезная причина этому грустному явленію. Нужно же отыскать ему какое нибудь разумное объясненіе. Карлъ Фогтъ видитъ въ этомъ случаѣ проявленіе отдаленнѣйшей наслѣдственности. Въ природѣ впрочемъ встрѣчаются примѣры такой странной и отдаленной наслѣдственности, что съ перваго разу даже повѣрить трудно. Такъ, Шмитбергеръ своими наблюденіями надъ травяными вшами убѣдился, что имъ нужно пройти пятнадцать поколѣній, чтобы возвратиться къ первоначальному производителю и только 16-й членъ вполнѣ похожъ на первый, способный снова начать туже процедуру. А потому К. Фогтъ имѣетъ полнѣйшее право прійти къ тому заключенію, что *микроцефалы частное проявленіе атавизма*, что они представляютъ собой возвратъ къ той первобытной породѣ, слѣды которой надо искать въ отдаленнѣйшихъ эпохахъ, и съ которой можно было бы найдти непосредственную связь человѣка, если бы наука обладала всѣми необходимыми фактами для изученія этой постепенной градаціи развитія... Мы здѣсь видимъ полнѣйшее явленіе реверсіи, мы здѣсь видимъ, что когда-то вѣроятно существовала такая порода существъ, и что отъ нихъ перешли къ потомству нѣкоторые зачатки, которые лежали въ оцѣпененіи и выжидали благопріятнаго случая для проявленія. Что зачатки эти не всегда проявляются—это зависитъ

*) Archiv für Antropologie. 2 Band. 2 Heft. 1867. Ueber die Microcephalen oder Affen-Menschen, von Carl Vogt.

Digitized by Google

отъ того, что передача и развитіе ихъ хотя и параллельныя силы, но совершенно независимыя. Мы можемъ унаслѣдовать всякіе зачатки, но развитіе ихъ можетъ зависѣть отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыя могутъ быть устранены и не дать этимъ зачаткамъ волю. «Придерживаясь ученія о реверсіи, говоритъ Дарвинъ, зародышъ становится самымъ удивительнымъ предметомъ, такъ какъ кромѣ видимыхъ перемѣнъ, которымъ онъ подверженъ, мы должны предположить, что онъ наполненъ невидимыми признаками, свойственными обоимъ поламъ и цѣлому длинному ряду мужскихъ и женскихъ предковъ, раздѣленныхъ сотнями и даже тысячами поколѣній отъ настоящаго времени, и всѣ эти признаки, точно письмена, писанныя на бумагѣ невидимыми чернилами, лежатъ, готовые развиться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ условій.»

Мы прослѣдили великій законъ наслѣдственности во всѣхъ фазахъ его развитія, мы видѣли могущественное распространеніе его въ природѣ; мы пытались убѣдить, что лучшимъ и вѣроятнѣйшимъ разъясненіемъ ему можетъ послужить лишь одна теорія пангенезиса, столь лучезарно освѣщающая всѣ таинственныя складки и всѣ темные изгибы этого запутаннаго вопроса. Предъ нами теперь вопросъ о наслѣдственности ясенъ, какъ божій день, и научно раскрытъ, разработанъ. Но этого мало. На основаніи теоріи пангенезиса и въ силу великаго закона наслѣдственности, мы теперь въ силахъ разъяснить и прослѣдить столь сложное явленіе скрещиванья и принципъ естественнаго подбора—этого вопроса могущественнаго закона біологіи, раскрытаго Дарвиномъ. Такъ плодотворно это капитальное ученіе. Такъ величественно зданіе, воздвигнутое въ наше время первостепеннымъ европейскимъ умомъ Дарвина. Вся палата ученыхъ торжественно преклонилась и сознательно приняла преобразовательный билль, внесенный въ палату лучшимъ ея представителемъ, Дарвиномъ. Только нѣкоторые лорды науки, въ родѣ Агасица, еще отстаиваютъ свое мишурное самолюбіе, но уже раздаются голоса, что «ненужно намъ палаты лордовъ» и билль торжественно пройдетъ вездѣ и всюду. Всѣ отрасли знаній, имѣющія какое либо отношеніе къ біологіи, должны будутъ проникнуться реформою Дарвина. И не только европейскій ученый міръ, но отдаленнѣйшіе пункты обитаемаго міра озарятся свѣтомъ этого ученія. Всѣ изысканія пойдутъ по новымъ, проложеннымъ Дарвиномъ, путямъ. Вездѣ, гдѣ только проявится и куда только проникнетъ

Digitized by Google

пытливый умъ человѣка, тамъ вездѣ оснуется и установится это замѣчательное ученіе, это послѣднее осмысленное слово современной намъ науки. Птица несетъ завалявшееся зерно въ отдаленнѣйшія пустыни и оплодотворяетъ его; тоже дѣлаетъ и наука тамъ, гдѣ не отвергаетъ, не преслѣдуетъ ее человѣческая глупость и упорство.

В. Португаловъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

(*Окончаніе.*)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XI.

Почти каждый день Филиппъ посѣщалъ Мочалова и съ каждымъ визитомъ все меньше и меньше надѣялся спасти угасающую жизнь своего стараго, бѣднаго товарища. Та роковая ночь, въ которую Мочаловъ, какъ выражался онъ, «ограбилъ мать свою», убила его. Силы его быстро падали. Онъ почти ничего не ѣлъ, ночи были для него длиннымъ рядомъ разныхъ призраковъ и мукъ... Что это за мучительныя были ночи! Одолѣваетъ сонъ, смыкаетъ глаза,—вотъ уже какое-то сновидѣніе является, мелькнула какая-то фигура, послышался чей-то разговоръ, чей-то голосъ и вдругъ все изчезаетъ,—точно какая-то веревка начинаетъ подниматься на блокѣ въ его груди и кашель душитъ его, душитъ, безъ конца душитъ. Сонъ изчезъ. Душно, жарко, зловѣщій потъ покрываетъ все тѣло. Свѣча горитъ на столѣ, кругомъ мертвое молчаніе, только часы тикаютъ, быстро, рѣзко, отчетливо и страшно торопливо тикаютъ. Куда они спѣшатъ? Неужели и имъ тяжела эта ночь? День бы скорѣе! А вотъ и опять сонъ, опять что-то похожее на сонъ, опять мелькнуло чье-то лицо и слышится чья-то рѣчь, отрывокъ рѣчи, а затѣмъ опять вертится блокъ и нестерпимо больно

Digitized by Google

рѣжетъ грубая веревка, точно скачками двигаясь по самому сердцу. Да и сонъ ли это? Точно кто-то подъ окномъ прошелъ и говорилъ, точно кто-то въ комнату входилъ и сказалъ что-то, точно будто кто-то за стѣной есть,—а вовсе это не сны.

Филиппъ дѣлалъ, что было можно. Онъ успѣлъ остановить кашель, возвратилъ больному сонъ. Мочаловъ возмечталъ, что онъ спасенъ, что онъ быстро поправляется. Филиппъ не возражалъ на это.

Однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ Матросовымъ.

— Послушай, отчего ты не зайдешь къ Мочалову? спросилъ Филиппъ.

Матросовъ молча и исподлобья осмотрѣлъ его.

— А что? спросилъ онъ наконецъ пасмурно.

— Да отчего—я удивляюсь... Имѣешь ты что нибудь противъ него, что ли? А его, какъ видно, это очень безпокоитъ и смущаетъ... Онъ, можетъ быть, ужь недолго проживетъ...

— Плохъ?...

— И очень плохъ. Презираешь ты его, что ли? Казнишь за его грѣхъ? А?..

— Чтожъ я зайду, видимо холодно сказалъ Матросовъ, не глядя на Филиппа, и, протянувъ ему два пальца, приподнялъ другой рукой свою фуражку.

— Постой; за что ты на него сердишься?...

— Кто? Я-то? Нѣтъ, чтожъ... Однако прощай; некогда...

Такъ онъ и ушелъ, вѣжливый и пасмурный, опять приподнявъ фуражку. Когда онъ былъ золъ на своего собесѣдника, или если этотъ собесѣдникъ выказывалъ желаніе заступиться за человѣка, на котораго Матросовъ былъ золъ, тогда онъ обыкновенно дѣлался очень сдержанъ и вѣжливъ.

На другой день вечеромъ, когда Филиппъ сидѣлъ у Мочалова, явился Матросовъ. Филиппъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянулъ на него. Взглядъ Петра Васильевича, какъ и вчера, былъ нѣсколько холоденъ; въ пріемахъ, можетъ быть, и противъ его воли, проглядывала зловѣщая вѣжливость и нѣкоторая церемонность. Не вздумалъ бы онъ пуститься въ какія нибудь глупыя объясненія,—тревожно думалъ Филиппъ.

Digitized by Google

— Ну, какъ дѣла? Лучше? спросилъ Матросовъ послѣ небольшого молчанія.

Филиппъ вздохнулъ свободнѣе. Каковы бы ни были настоящія чувства Матросова, онъ, какъ кажется, не намѣренъ ихъ высказывать и даже поддѣлывается подъ свой обычный свободный и чистосердечный тонъ.

— То есть сравнительно съ чѣмъ же лучше? не безъ горечи спросилъ Мочаловъ, грустно и съ упрекомъ смотря ему въ лицо, какъ будто прибавляя, что «ты вѣдь совсѣмъ не знаешь, что со мной было, не интересовался этимъ»...

Съ минуту длилось молчаніе.

— Да, лучше, заговорилъ наконецъ Мочаловъ.—Недавно я кровью харкалъ, отъ кашля некуда было дѣваться, сна не было. Ну, а теперь ничего, все мимо прошло. Чаша, какъ видно, миновала меня. Конечно, слабость еще, одышка, воздуха какъ будто мало. Да это ничего. Это, знаешь ли, даже пріятно, — слабость эта. Знаешь вѣдь, и тебѣ я думаю случалось свѣжимъ-то воздухомъ дышать послѣ тяжелой болѣзни? Слабость во всѣхъ членахъ, воздухъ-то этотъ свѣжій точно опьяняетъ, отуманиваетъ, и все-то: небо, облака, зелень, звѣзды—ты какъ будто бы въ первый разъ видишь и все-то дѣлаетъ на тебя впечатлѣніе... Эта новая жизнь имѣетъ какую-то невыразимую прелесть... Грустно и хорошо. Я не въ первый разъ испытываю это пробужденіе отъ долгаго сна. Я ужь знаю, что это пробужденіе прошло, знаю, что скоро опять буду совсѣмъ здоровъ. Начнемъ новую жизнь... Совсѣмъ новую... Грѣхи нужно искупить... Ахъ, этотъ грѣхъ, грѣхъ!..

Матросовъ поторопился замять эти размышленія о грѣхѣ.

— А вчера я Семена Иваныча видѣлъ, обратился онъ къ Филиппу.—Я шелъ, а онъ ѣхалъ куда-то. Только-что завидѣлъ меня, сейчасъ соскочилъ съ линейки и дорогу мнѣ загородилъ. Научите, говоритъ, пожалуйста, когда мнѣ Филиппа Петровича дома поймать. Сто разъ былъ, все нѣтъ.—Да и не застанете, я говорю. Ночью развѣ, часа въ три, въ четыре ступайте, да и лупите къ нему и въ дверь, и въ окна. Да и то врядъ ли поймаете.—Да гдѣ же онъ?—Сами, я говорю, знаете.

Digitized by Google

Во-первыхъ докторъ, больныхъ много, во-вторыхъ влюбленъ; гдѣ же тутъ дома быть? Нельзя... Не знаю, говоритъ, что и дѣлать.—Да вамъ, я говорю, зачѣмъ его? Усовѣстить что ли его хотите? Никакого толку изъ этого не будетъ. Я его ужь и предупреждалъ, и наставленія дѣлалъ, и ругалъ,—все какъ къ стѣнѣ горохъ. Самое лучшее по моему не разговаривать съ нимъ, а поймать гдѣ нибудь на улицѣ, вздуть безъ всякой пощады, да безъ разговоровъ и водворить обратно къ мамашѣ. Въ этомъ я, пожалуй, помогу, а въ разговоры и переговоры не стоитъ входить.

Какъ будто бы это былъ совсѣмъ прежній Матросовъ,—но только какъ будто бы. Онъ вралъ, но во враньѣ его не было увлеченія, онъ, какъ и всегда прежде, былъ серьезенъ во время этого вранья, но теперешняя серьезность была не та, не прежняя, сквозь нее не свѣтился искренній, беззаботный смѣхъ. Мочаловъ все вглядывался въ него, должно быть, чувствуя эту неискренность.

— Я тогда золъ былъ, продолжалъ Матросовъ,—и потому этотъ совѣтъ—вздуть тебя хорошенько,—вышелъ у меня отъ чистаго сердца и, кажется, даже впечатлѣніе произвелъ на Семена Иваныча. Онъ мнѣ что-то ужь крѣпко пожалъ руку на прощанье. Чтожь, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вздуютъ тебя. Очень, очень бы это было хорошо.

— Подѣйствовало бы ты думаешь? спросилъ Филиппъ.

— Да что же съ тобой больше дѣлать? Можетъ быть, и подѣйствовало бы. На базарѣ вчера, вижу я, двѣ старушки стоятъ. Одна рыбку купила, а другая съ кульками подъ мышкой,—обѣ такія маленькія, тихонькія, глубокомысленныя.—Пять копѣекъ, говоритъ, заплатила за эвтакую несчастную рыбку. Совсѣмъ конеча жить стало нельзя. Охъ-хо-хо, хо-хо!—Ужь и не говорите, отвѣчаетъ другая; какая такая жизнь нынче? Скоро, должно полагать, и рѣки-то потекутъ снизу вверхъ. Мѣсяцъ-то, я смотрю, нынче все красный такой всходитъ на небѣ, а прежде былъ бѣлый. Вонъ Анны-то Романовны сынокъ какъ съ матерью своею поступилъ. Она къ нему пришла: ты, говоритъ, если содержать меня не хочешь, такъ хоть милостыньку мнѣ подай, чтобы я хоть съ голоду не умерла.—Ай-ай-ай!

Digitized by Google

А-я-я-яй!—А онъ говоритъ: Богъ подастъ!—Ай-я-яй! Ай-я-яй! Смотрю, тутъ третья подходитъ, отца Игнатія супруга. Мы съ ней хорошіе знакомые. Говорливая такая, краснорѣчивая баба, слухъ у нея хорошій, глаза зоркіе, ходитъ всегда въ темной шляпкѣ, говоритъ какъ горохомъ сыплетъ. Нѣтъ, это, говоритъ, что! Это еще ничего! А вотъ я вамъ скажу, что они сто человѣкъ семинаристовъ подговорили и бунтъ хотятъ сдѣлать. Общество это у нихъ такое и атаманъ есть, и все совсѣмъ разбойничье...

Матросовъ скрестилъ на груди руки и гнѣвно взглянулъ на Филиппа.

— Это что? Какъ тебѣ покажется? А?..

— Да ничего. Что тутъ особеннаго?..

— Ничего? Ничего особеннаго въ томъ, что ты всѣхъ вооружилъ противъ себя, что ты самъ подъ себя подкапываешься? Эхъ, Филь, Филь! А когда-то ты мечталъ разныя благодѣтельныя дѣянія здѣсь творить, всякія предпріятія задумывалъ! Гдѣ все это? Гдѣ, Филь? Скажи. Ты впрочемъ не обращай вниманія на то, что я какъ будто бы горячусь. Это такъ только, съ виду, голосъ у меня такой; а на самомъ дѣлѣ я холоденъ, какъ какое нибудь надгробное изваяніе въ зимнюю ночь. Не изъ чего мнѣ особенно горячиться. Напротивъ, очень холодно. Отлично я вижу, что всѣ твои мечтанія ты однимъ взмахомъ руки убилъ и разметалъ...

Филиппъ полулежалъ въ креслѣ и, полузакрывъ глаза, слушалъ.

— Ты должно быть не совсѣмъ здоровъ? А? спросилъ онъ, вдругъ встрепенувшись.

— Нѣтъ; слава тебѣ Господи... А ты, я говорю, положа руку на сердце, убилъ всѣ твои предпріятія и товарищество наше въ корнѣ подрѣзалъ. Ничего ты теперь не подѣлаешь. Будешь ты теперь биться, какъ рыба объ ледъ, будешь хандрить, скучать, потомъ пить начнешь и носъ у тебя покраснѣетъ, какъ у меня...

Филиппъ усмѣхнулся и опять успокоился.

— Не вѣришь? Помяни же мое слово. Или пить станешь, или уѣдешь отсюда, выгонятъ тебя отсюда. Да, выгонятъ. А

Digitized by Google

ты думалъ, что поговорятъ, поговорятъ, да и замолкнутъ; забудутъ. Нѣтъ, не забудутъ. Другого забыли бы, а тебя не забудутъ.

Филиппъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Отчего же меня не забудутъ?..

— Отчего? А вотъ отчего... Встань и взгляни въ зеркало, а потомъ въ сердце свое загляни. Полюбуйся... Вонъ ты возлежишь на своемъ локтѣ, усталый, худой, блѣдный, глаза какіе-то презрительные, апатичные. Всѣ эти исторіи, что ты заварилъ, перевернули тебя,—вотъ въ чемъ вся штука. Они тебя мучатъ, раздражаютъ, злятъ. Сограждане наши смотрятъ на тебя, какъ на рѣдкаго звѣря, а ты ихъ ненавидишь за это и презираешь... Можетъ быть, и не хотѣлъ бы высказывать этихъ чувствъ, да они все-таки сказываются... Ну, и останешься безъ практики...

— Это ты на чемъ же основываешься? спросилъ Филиппъ и вдругъ сдѣлался внимателенъ.

— Э, всѣ отъ тебя сторонятся! отвѣчалъ Матросовъ и безнадежно махнулъ рукой.—Барышовы теперь за Копфшталемъ посылаютъ. Ты, говорятъ, при старухѣ такую фразу отпустилъ, что я, де, больше ничего, какъ починщикъ старой рухляди. Гдѣ, молъ, ножка какая нибудь расшатается, либо треснетъ или лопнетъ что нибудь, сейчасъ за мной и посылаютъ...

Филиппъ засмѣялся, но не безъ горечи засмѣялся.

— Правда?.. Говорилось о старой рухляди?.. продолжалъ Матросовъ.

— Въ родѣ этого...

— Ну, вотъ... Пивоваровъ твоимъ врагомъ сдѣлался, повѣсить тебя готовъ. Ты, говорятъ, замѣтилъ ему, что его недурно бы было запереть куда нибудь, что ты сегодня сдѣлаешь, то онъ завтра опять испортитъ. Ну, развѣ можно, развѣ можно это? Все можно, но не тебѣ. Не тебѣ, этакому растрепанному, сердитому, раздраженному. Да, братъ, или пить станешь, или выгонятъ тебя отсюда, голодомъ выгонятъ... Вотъ и все ..

— Что же дѣлать? спросилъ Филиппъ, всталъ и прошелся по комнатѣ. У него вдругъ какъ будто руки опустились и

Digitized by Google

земля подъ ногами изчезла. Слова Матросова неожиданно открыли ему глаза на то, что вѣдь дѣла его дѣйствительно худо пошли.

— Почему я знаю, что тутъ нужно дѣлать, брюзгливо отвѣчалъ Матросовъ.—Я только хотѣлъ предупредить тебя. Мнѣ всѣ эти мрачныя исторіи—вотъ гдѣ засѣли. Чортъ знаетъ что! Недавно одинъ почтенный господинъ обратился ко мнѣ: «какія это вы, говоритъ, Петръ Васильевичъ, дѣла затѣваете? Общество, говоритъ, тамъ у васъ какое-то, что-ли?» Вонъ они что толкуютъ, а мнѣ скоро нужно магазинъ открывать... И изъ-за чего вся гроза сія? Изъ-за старушки, изъ-за маленькой, глупенькой старушки! Да Господь съ ней! Я бы ей всякое удовольствіе предоставилъ... Помирись съ ней или уѣзжай, пока не выгнали.

Филиппъ какъ будто съ удивленіемъ взглянулъ на него, но ничего не сказалъ и продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Не лучше ли всего сдерживать себя, не вооружать противъ себя общество, замѣтилъ Мочаловъ.

— Сдерживать! пренебрежительно возразилъ Матросовъ, изкоса взглянувъ на него.—Сможетъ ли онъ себя сдерживать. Уста свои скуетъ, такъ глаза станутъ говорить... Ты не гнѣвайся на меня, Филь, обратился онъ къ Филиппу.—А? Надо вѣдь какъ нибудь бороться, а не шествовать съ закрытыми глазами... Такъ вѣдь?.. Всѣ эти мрачныя исторіи голову мнѣ закружили. Хоть что нибудь нужно спасти...

— Какія исторіи? спросилъ Мочаловъ.

Матросовъ какъ будто нѣсколько удивился этому вопросу, и не нашелся, что отвѣтить, или не нашелъ нужнымъ. А Мочалову, какъ видно, хотѣлось вывести его на какія-то объясненія.

Наступило долгое молчаніе. Филиппъ все ходилъ изъ угла въ уголъ. Матросовъ сидѣлъ, опустивъ голову, и обкусывалъ кончикъ сигары. Вдругъ Мочаловъ сѣлъ подлѣ него и дотронулся до его плеча. Матросовъ вздрогнулъ и машинально отодвинулся.

— Отчего это ты ни разу не зашелъ ко мнѣ? заговорилъ Мочаловъ.

Матросовъ сначала поморщился, потомъ вдругъ заторопился.

— Да все дѣла, все дѣла такія вышли, бѣгло и тихо заговорилъ онъ совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ говорилъ съ Фи-

Digitized by Google

липпомъ.—Тамъ вонъ я жениться намѣревался на богатой купчихѣ, какъ ты уже слышалъ, да она мнѣ измѣнила, все разстроилось... Потомъ вотъ на счетъ магазина началъ хлопотать... А тутъ еще урокъ мнѣ попался. Дѣвочка лѣтъ семи, хорошенькая такая, голубоглазая, длиннокудрая, знаешь, какъ иногда на картинахъ ангелочковъ пишутъ, и глупа, какъ какая нибудь подошва... Бѣда, бѣда съ ней...

— Будто ужь и минуты свободной не было?..

Матросовъ тяжело вздохнулъ и развелъ руками. Мочаловъ задумчиво покусалъ ногти.

— Вовсе это не то, тихо произнесъ онъ.

— Что такое не то?..

— Да не во времени дѣло. Что время! А вотъ чувства твои относительно меня не тѣ, смотришь ты на меня не тѣми глазами. Вотъ что, Петръ Васильевичъ...

Голосъ его замѣтно дрожалъ. Матросовъ не зналъ, куда глаза дѣвать, тревожно и съ мольбой взглянулъ на Филиппа, который ничего не видѣлъ и не слышалъ, погруженный въ свои собственныя думы,—потомъ искоса взглянулъ на Мочалова. И что въ самомъ дѣлѣ за глупость? мелькнуло въ головѣ Петра Васильевича, только что Мочаловъ заговорилъ съ нимъ. За что я смотрю на него звѣремъ? За то только, что онъ моимъ соперникомъ очутился, что его любитъ та дѣвушка, которую я люблю? Онъ злился на себя за эту ревность, а все-таки она въ немъ громко говорила.

— Какія такія тамъ еще глаза и чувства? проворчалъ онъ брюзгливо.

— Чувства какія? А вотъ ты мнѣ руки, не подалъ, когда вошелъ. Вотъ какія это чувства...

Мочаловъ былъ блѣденъ, какъ полотно, задыхался, и руки у него сильно тряслись. Матросовъ самъ невольно поблѣднѣлъ, взглянувъ на это страшное, мертвенное лицо, и вскочилъ, точно его подбросило.

— Голубчикъ! Извини! Вотъ тебѣ обѣ мои руки... Забылъ, разстроенъ былъ...

Мочаловъ не принялъ ни одной.

— Что такое? Что вы? вмѣшался Филиппъ.

Digitized by Google

Мочаловъ вскочилъ и широкими, быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, тяжело и сильно ступая по скрипящимъ половицамъ. Дыханіе его было прерывисто, ротъ полураскрытъ, лицо мертвенно-блѣдно. Какія бы извиненія ему ни приносили, какія бы оправданія ему ни представляли, всѣ они были бы совершенно безплодны, теперь поздно было. Теперь въ немъ говорила и имъ двигала одна только болѣзнь. Больные его болѣзнью вспыхиваютъ изъ-за бездѣлицы, и изъ-за пустяковъ доходятъ до полнѣйшаго изступленія, въ которомъ разсудокъ отказывается имъ служить, а здѣсь дѣло шло не о пустякахъ. Матросовъ только рукой махнулъ на вопросы Филиппа.

— Ты теперь меня жалѣть хочешь?.. Ты теперь мнѣ руку протягиваешь? глухо восклицалъ Мочаловъ. — Не нужно. Что меня жалѣть!.. Ты презираешь меня?.. Я вижу, все вижу: съ той ночи ты не заглядывалъ ко мнѣ, отвернулся отъ меня. Теперь ты пришелъ: вѣрно тебѣ сказали, что я очень плохъ... Вотъ почему ты пришелъ. Да... Но за что ты мнѣ руки не протянулъ; за что тебѣ противно говорить со мной, ты слова мнѣ не сказалъ, избѣгалъ смотрѣть на меня... Я все вижу... Нечего тутъ жалѣть... Укралъ я, ограбилъ?.. Ну, и презирай... Говори это прямо. . Ты честный человѣкъ. Я недостоинъ... Не жалѣй... Уйди... Богъ съ тобой... Но еслибъ ты зналъ, что это была за ночь, когда я проигралъ эти деньги... Я болѣнъ былъ, помѣшанъ, я застрѣлиться хотѣлъ... И лучше бы, въ милліонъ разъ лучше бы...

Онъ вдругъ остановился, оперся обѣими руками на спинку стула и поникнулъ головой. Кровь хлынула у него горломъ.

— Нѣтъ, чортъ меня возьми, громко сказалъ Матросовъ, незамѣтившій этого.—Нечего дѣлать, нужно выкладывать настоящую причину...

Филиппъ махнулъ ему рукой и указалъ на дверь. Матросовъ широко раскрылъ глаза, посмотрѣлъ, совсѣмъ уничтоженный, на Мочалова и совершенно растерялся. Онъ былъ такъ смущенъ, такъ жалокъ и убитъ, какъ, кажется, никогда въ своей жизни. Однако онъ ушелъ. Медленно, шагъ за шагомъ, добрелъ онъ до самой своей квартиры, потомъ вернулся и пошелъ къ Филиппу.

Digitized by Google

Долго пришлось ему ждать и мучиться. Било и двѣнадцать часовъ, и часъ, и два, — а Филиппа все не было. Матросовъ вздыхалъ, десять разъ ложился на диванъ, десять разъ вставалъ и принимался бродить по комнатѣ, немилосердно ероша голову, кусая ногти, ругая Филиппа и ворча, что онъ навѣрное сидитъ теперь у ногъ своей возлюбленной? Наконецъ часа въ четыре Филиппъ явился.

— Гдѣ это ты? брюзгливо и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько робко освѣдомился Матросовъ. — Я ужь десять лѣтъ прожилъ здѣсь.

— У Мочалова все сидѣлъ...

— Гм... Ну...

— Да умеръ... Въ два часа опять кровотеченіе появилось... Затѣмъ умеръ...

Матросовъ совсѣмъ сжался, сгорбился, губы его приняли невыразимо скорбный видъ, глаза неподвижно остановились на одной точкѣ.

— Что это я за бѣдный Макаръ, Филь? тихо и съ глубочайшимъ отчаяніемъ замѣтилъ онъ. — Всѣ-то шишки на меня валятся...

XII.

Мочалова похоронили. Шли за его гробомъ солдаты съ ружьями на плечахъ, офицеры отдали ему честь своими саблями, военная музыка играла погребальный маршъ и собирала густыя массы равнодушнаго народа. Толпа запружала улицы, блестѣли штыки, сабли и аполеты, развѣвались султаны на офицерскихъ шляпахъ, — однимъ словомъ, пышная была церемонія, много было шуму и блеску. Не видно было только друзей, незамѣтно было только печали. Правда, раза два—три послышались замѣчанія женщинъ, сопровождаемыя искреннимъ вздохомъ: «ахъ какой молодой!» и этими двумя—тремя восклицаніями органичивалось все впечатлѣніе, произведенное смертью нашего бѣднаго героя.

Digitized by Google

Ни одного слова не было произнесено надъ его могилой. Даже когда съ кладбища разбрелась вся равнодушная толпа зѣвакъ, и надъ свѣжей могилой остались только свои, близкіе: мать покойнаго, дѣвушка, его любившая, Матросовъ и Рябининъ,— даже и тогда не нарушилось это тяжелое молчаніе. Мать забыла все: и гдѣ она была, и кто былъ подлѣ нея, — и тихо, беззвучно плакала. Катерина Игнатьевна стояла блѣдная, сосредоточенная и озлобленная, точно она думала не столько объ умершемъ, сколько о тѣхъ, кого можно было прямо или косвенно обвинить въ его преждевременной смерти, и собиралась мстить имъ. Матросовъ держался въ отдаленіи. Его все еще мучила совѣсть, что онъ вольно или невольно ускорилъ смерть своего стараго товарища. Тихо было на кладбищѣ, еще недавно такъ оживленномъ, и невеселыя чувства наводила на всѣхъ эта глубокая тишина; эти ряды крестовъ и холмовъ, возвышавшихся надъ костями людей, родившихся, кажется, затѣмъ только, чтобы потомъ безплодно и рано умереть. Много поколѣній, много вѣковъ похоронено здѣсь, и ни одного-то славнаго имени, ни одного-то великаго дѣла не записано на этихъ крестахъ, да и не было. Ты, только-что зарытый, Мочаловъ, ты многое мечталъ сдѣлать, жарко вѣрилъ въ себя, въ тебѣ билось не пошлое сердце, ты жилъ не дюжинными мыслями и чувствами, а умеръ, какъ новорожденный ребенокъ, не оставивъ по себѣ ни слѣда, ни имени и ничего не сдѣлавъ. Не ты первый, не ты и послѣдній ..

Почти весь этотъ день Филиппъ и Матросовъ провели у матери покойнаго. Съ Матросовымъ она была особенно ласкова. Она понимала, какъ должно быть тяжело у него на сердцѣ, какъ должно быть неловко ему передъ нею за свою невольную вину, и всячески старалась успокоить его.

— Вотъ это старушка! Это хорошая, милая старушка! ворчалъ Матросовъ, когда онъ уже въ сумерки вышелъ съ Филиппомъ изъ этого опустѣвшаго дома.—А Катерина-то Игнатьевна такъ и сверкаетъ на меня глазами, такъ и говоритъ ими, что «если бы, молъ, не ты, такъ онъ, можетъ быть, сидѣлъ бы себѣ теперь между нами, я слышала бы его голосъ, взглядъ его ловила бы!» А развѣ я не понимаю этого, Филь? Не чувствую?

Digitized by Google

Онъ отправился развлечься въ бесѣдѣ съ Дарьей Ивановной; а Филиппъ пошелъ домой. Его ждала Евлалія Александровна и неподвижно сидѣла около стола, такъ задумавшись, что не слышала, какъ Филиппъ отворилъ дверь, и вдругъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ, когда услышала его шаги. Она взглянула на него какъ-то странно, почти холодно и съ какимъ-то особеннымъ блескомъ въ глазахъ.

— Къ тебѣ есть письмо, сказала она, протянувъ руку.

На столѣ лежало открытое письмо отъ Семена Ивановича.

«Дружочикъ нашъ, Филиппъ Петровичъ!—писалъ этотъ добродушный человѣкъ.—Несчетное количество разъ навѣдывался я на твою новую квартиру, но такъ и не удалось мнѣ до сего дня увидѣть тебя и откровенно побесѣдовать съ тобой о твоей карьерѣ. Не найдешь ли ты самъ, если дашь себѣ трудъ спокойно обозрѣть свое положеніе, что въ твою дѣятельность вкрались немаловажныя ошибки, которыя грозятъ погубить тебя. Обсуди, дружочикъ, въ такомъ ли блестящемъ порядкѣ находятся твои дѣла, въ какомъ они находились назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ? Не сократилась ли твоя практика? Не утратилъ ли ты нѣкоторой доли прежняго довѣрія и расположенія къ тебѣ нашего общества? Грустно мнѣ, Филиппъ Петровичъ, за будущее твое грустно! На то ли ты потратилъ столько усилій для пріобрѣтенія твоихъ познаній и усовершенствованія твоихъ талантовъ, чтобы теперь однимъ неожиданнымъ шагомъ сдѣлать безплодными всѣ эти усилія и обратить въ ничто всѣ тѣ героическія лишенія, которымъ ты подвергался въ юности для ради науки? Чувствую я, что нелегко тебѣ будетъ превозмочь заманчивую страсть, увлекающую тебя къ гибели, но знаю и то, что твоя адамантовая грудь не устрашится трудностей этого подвига, ибо онъ необходимъ для твоего спасенія. А что онъ необходимъ, это я могу подтвердить тебѣ многочисленными и вѣрными отзывами о тебѣ людей, прежде къ тебѣ благоволившихъ и высоко тебя уважавшихъ».

Уже нѣсколько дней Филиппъ ощущалъ въ себѣ глубокую нравственную усталость. Общество становилось относительно него все враждебнѣе и враждебнѣе, друзья тоже были имъ недовольны, женщина, которую онъ любилъ, измучилась, изстра-

Digitized by Google

далась подъ тяжестью своего положенія. Бываютъ тягостныя положенія, въ которыхъ все-таки остается возможность бороться и хоть малѣйшая надежда на побѣду, на выходъ; а здѣсь—гдѣ эта возможность, гдѣ выходъ?.. Что въ самомъ дѣлѣ было дѣлать? А сегодня были еще эти похороны стараго товарища. Тяжело чувствуется, когда смерть вырываетъ одного изъ нашего кружка, тяжелъ видъ смерти...

Онъ отодвинулъ письмо и склонилъ голову на руку. Посланіе не произвело на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, но по его усталому лицу можно было подумать, что риторика Семена Иваныча разстроила его.

— Мнѣ нечаянно бросилась въ глаза одна фраза этого письма, заговорила Евлалія Александровна, внимательно слѣдившая за нимъ.

— Ты не читала? Прочитай. Новаго ничего нѣтъ...

Она взяла письмо и пока его читала, взглядъ Филиппа покоился на ея лицѣ, такъ дорогомъ, такъ миломъ ему. Разойтись съ нею, не видѣть этого любящаго, болѣзненнаго, невыразимо привлекательнаго взгляда, не слышать этого голоса, то полнаго любви, то дышащаго страданіемъ... Какъ глупъ Семенъ Ивановичъ!

— Все это правда, сказала она.

— Что правда? Что онъ глупъ? Святая правда!..

— Все, что здѣсь написано,—все правда. Знаешь что, Филиппъ, другъ мой! Такъ нельзя жить,—заговорила она съ видимымъ страданіемъ.—Я виновата передъ тобой, я дѣйствительно много, много повредила тебѣ. Но если бы я знала, могла бы предвидѣть будущее, я никогда, никогда не сказала бы тебѣ, что люблю тебя. Что тебѣ дала моя любовь? Одно горе, непріятности, мученія?.. Я стала поперегъ твоей дороги и всегда буду только лишнимъ бременемъ, безсильнымъ, больнымъ, капризнымъ ребенкомъ, съ которымъ нужно няньчиться... Я всю жизнь твою погублю. Тебѣ нужно защищать, спасать меня, нянчиться со мной, а твои цѣли, планы? Ты оставишь ихъ для меня? Бросишь?.. Нѣтъ, Филиппъ, я не хочу этого. Слышишь ли, не хочу. Я уѣду, Филиппъ. Такъ нужно... и ты не возражай мнѣ.

Digitized by Google

Филиппъ пожалъ плечами.

— Я за тобой поѣду, сказалъ онъ.

Она зарыдала и упавши передъ нимъ на колѣни, опустила голову на его руки.

— Милый, дорогой мой! Ты не знаешь, какъ я тебя люблю! Вся моя жизнь въ тебѣ, вся!.. Но что до меня? Не обо мнѣ рѣчь? Кому я нужна? Дѣтямъ развѣ? Да и имъ я не нужна, я ничего не могу для нихъ сдѣлать, ровно ничего... А у тебя впереди много дѣла. Ты добръ, честенъ, дѣятеленъ, много можешь сдѣлать. Моя жизнь потеряна, испорчена. Нельзя тебѣ всю свою жизнь бороться изъ-за меня, нельзя отстаивать меня отъ всѣхъ этихъ мелочей, сплетень, грязи... Разстанемся!.. Будь человѣкомъ, не будь мелоченъ... Да? Кончимъ!..

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, но слезы уже не текли изъ ея черныхъ, прекрасныхъ глазъ. Въ ней появилась какая-то увлекающая сила,—сила, ведущая открытую дорогу дѣятельной жизни. Она, казалось, ободряла Филиппа, ждала и требовала, чтобы онъ преодолѣлъ свою любовь къ ней, принесъ ее въ жертву.

— Кончимъ, Филиппъ! Простимся! Только двѣ жизни и есть: одна въ мелочахъ, пустая, пошлая, безполезная; а другая хорошая жизнь, свѣтлая, высокая, жизнь не для жены, не для своего грязнаго гнѣзда, а для многихъ, для многихъ... Ты нуженъ имъ... А середины нѣтъ; одну жизнь не соединишь съ другой...

Она встала и какъ будто, совсѣмъ спокойная, неподвижная, ждала отвѣта. Она увлекла, очаровала его, до того очаровала, что у него долго не находилось отвѣта, долго въ головѣ его былъ какой-то хаосъ, и мысли, какъ молніи, мелькали въ немъ, смѣняя и перекрещивая одна другую. То имъ овладѣвала ненависть къ этому обществу, которое поставило ихъ въ такое дикое положеніе; то онъ грезилъ, что убьетъ, отравитъ ея мужа; то его ужасали всѣ эти мелочи и дрязги, о которыхъ она говорила, ужасала мысль, что неужели въ самомъ дѣлѣ они будутъ всегда и вездѣ его опутывать? А то ему представлялась она, эта странная, самоотверженная женщина, одна, больная, безсильная, въ нищетѣ, всѣми покинутая, всѣми оскорбляемая...

Digitized by Google

Онъ тихо покачалъ головой и взглянулъ на нее. Увидѣвъ ее, онъ какъ будто бы отъ сна пробудился.

— Нѣтъ, никогда, никогда! сказалъ онъ страстно, но тихо, съ сожалѣніемъ, точно борьба еще не окончилась въ немъ, точно ему жаль было отказаться отъ того пути, который ему указывала эта женщина, жаль того идеала, которому она хотѣла принести себя въ жертву. Онъ не могъ съ ней разстаться, онъ смотрѣлъ на нее почти съ мольбой, какъ будто боялся, что она и противъ его воли разстанется съ нимъ, уйдетъ отъ него.

Она запечалилась.

— Я считала тебя выше, сильнѣе, грустно сказала она.— Такъ все для меня? все въ жертву мнѣ? Цѣли, мечты, всю будущность? Всю жизнь проводить въ мелочахъ, въ тѣсномъ гнѣздѣ?..

— Никогда, никогда! повторялъ онъ.

Она стояла печальная и блѣдная.

— Такъ продолжать жить этой жизнью? Защищаться отъ сплетень, со всѣми враждовать, потомъ бороться съ нуждой, отказаться въ этой борьбѣ отъ всего, отъ всякихъ мыслей, кромѣ мысли о насущномъ хлѣбѣ? Такою-то жизнью ты хочешь жить?..

— Такъ уѣдемъ отсюда! вскричалъ онъ вдругъ. — Уѣдемъ; дальше, въ Сибирь, на югъ... Дальше отсюда...

— Оставить все?.. Друзей, сестру, родной городъ?..

— Дальше отъ родного города, дальше! почти съ ненавистью возразилъ онъ. — А друзья, сестра... Ихъ нельзя оставить?.. Тебя можно, а ихъ нельзя?.. Все оставлю, съ радостью оставлю, только не тебя... Тебя не могу... Или, можетъ быть, ты сама оставишь меня... Ну, тогда...

Она прижалась головой къ его груди и заплакала.

— Я должна бы была это сдѣлать... Уйти, убѣжать, въ воду броситься...

— Ради ихъ? спросилъ онъ съ презрѣніемъ, положивъ руку на письмо Семена Иваныча.

— Нѣтъ, не ихъ... А ради тебя... Я всегда буду бременемъ для тебя, помѣхой... Куда ты уйдешь отъ тѣхъ сплетень, отъ той клеветы, которой всюду будутъ меня преслѣдовать?.. Никуда..

Digitized by Google

Эта грязь и на тебя будетъ падать... Ты думаешь можно скрыть мое прошлое?.. Тамъ гдѣ нибудь въ глуши выдавать меня за свою жену? О, не обольщайся!.. Эти люди нигдѣ не оставятъ васъ въ покоѣ... Напишутъ, сами пріѣдутъ, *его* пришлютъ...

Послышался тихій стукъ въ дверь. Филиппъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился очень блѣдный, задумчивый и съ страннымъ блескомъ въ глазахъ. Губы его были плотно сжаты, рука немного дрожала.

— Хорошо, когда человѣку все заранѣе извѣстно, тихо сказалъ онъ, вынувъ изъ стола деньги, переложилъ ихъ въ свой бумажникъ, потомъ поискалъ глазами гдѣ шляпа.

— *Онъ* пріѣхалъ, сказалъ онъ, мрачно взглянувъ на нее.

Нѣсколько секундъ она сидѣла какъ помертвѣвшая, безъ кровинки въ лицѣ, безъ малѣйшаго блеска въ глазахъ, и только дрожь начинала все болѣе и болѣе частыми отрывистыми волнами пробѣгать по ея тѣлу.

— И какой дуракъ, говорилъ Филиппъ, помогая ей одѣться.—Пьянъ, какъ стелька. Я былъ бы очень радъ, если бы они вылили ему на голову ведеръ пять холодной воды... Смѣлѣе... Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ поторопятся...

XIII.

Немного нужно было времени Евлаліѣ Александровнѣ, чтобы заѣхать домой и взять дѣтей. Въ послѣдніе дни рѣдкій вечеръ проходилъ безъ того, чтобы Филиппъ не устраивалъ катанья по рѣкѣ. Сегодня ночь была великолѣпная: лунная, тихая, теплая, ничего не было удивительнаго, что и нынче онъ предпринялъ такую же прогулку.

Вотъ они и на берегу рѣки. Широко разстилается она передъ ними, тамъ черная, угрюмая, тамъ подернутая серебристымъ блескомъ. Вдали врѣзалась въ темныя воды бѣлая песчаная коса, на ней свѣтится рыбачій огонь и дрожитъ, отражаясь въ волнахъ, его красное пламя. Вдали тихонько идетъ паромъ и слышно, какъ лошадь ударила ногой по его палубѣ, какъ по дну пустой бочки; гдѣ-то кто-то купается, играетъ въ

Digitized by Google

водѣ, фыркаетъ, и звонко плещутся тамъ серебряныя струи; гдѣ-то запѣлъ кто-то пѣсню... Далеко разносится ночью по рѣкѣ каждый звукъ, что коснется ея поверхности.

Вотъ отперта цѣпь, державшая лодку, и звякнула о ея бортъ; сѣли, весла всплеснули воду...

— Теперь пускай поспѣшатъ, сказалъ Филиппъ, вздохнувши свободно.—Если они дураки, продолжалъ онъ, налегая на весла,—то, по крайней мѣрѣ, ночь проспятъ спокойно. Если они немного поумнѣе, то выльютъ ему на голову ушата два воды. Потомъ придутъ къ тебѣ. Нагрянутъ... какъ говорится. Скажутъ имъ, что гулять ушли... Станутъ ждать... Всѣхъ, скажутъ, накроемъ... Да... Подождутъ, подождутъ: видно, скажетъ нянька, на всю ночь уѣхали .. Придетъ и утро... Все нѣтъ... Хватятся только тогда, когда узнаютъ, что я дома и своимъ дѣломъ занимаюсь... А я цѣлый день не скажусь дома, прескверное положеніе. Лучше бы они не торопились, а спали себѣ спокойно...

Она молчала и, склонивъ голову на руку, задумчиво смотрѣла въ темныя волны. Что думала она, бѣдная? Какія муки терзали ея больное сердце? Не мелькала ли въ ней черная, страшная мысль броситься въ эти быстрыя, темныя волны, что журчатъ около бортовъ лодки, крутятся за бѣлыми веслами и какъ будто страстно и съ ропотомъ, и съ жалобой нашептываютъ какія-то печальныя рѣчи?.. Замолчалъ и Филиппъ; и на него начала нападать невыносимая тоска. Какъ тихо и хорошо все кругомъ. Вонъ, съ праваго берега выбѣжала блестя и извиваясь маленькая рѣчка, вся какъ сводомъ покрытая склонившимися надъ нею вершинами деревьевъ. Прощайте высокія, старыя деревья... Не одинъ разъ въ такую же благодатную, тихую ночь скользила подъ вашими зелеными вѣтвями эта лодка; много прожито подъ вашимъ зеленымъ сводомъ незабвенныхъ минутъ и часовъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ даже черезъ много, много лѣтъ сердце замретъ отъ сладкой тоски и боли. Прощайте высокія, старыя деревья! Пришла пора со всѣмъ проститься... Прощай, сестра, дорогая, милая. Какая-то дорога выпадетъ на твою долю?.. Куда приведутъ тебя твои мечты, порывы куда-то въ даль? Не понадобится ли тебѣ моя помощь?

Digitized by Google

Не мудрено; а я далеко буду. Прощай Матросовъ, старый, надежный другъ... Прощайте всѣ вы добрые, честные бѣдняки, которыхъ приходилось мнѣ спасать отъ болѣзни и могилы... Скоро придется со всѣмъ проститься...

И изъ-за чего? Изъ-за чего?.. Можно задохнуться отъ злобы и негодованія при одной мысли объ этомъ...

Вотъ показалась деревня, черные, маленькіе домишки; на берегу чернѣютъ опрокинутыя лодки. Пріѣхали. Филиппъ подошелъ къ одной избѣ и постучалъ въ окно.

— Дома, Матвѣй?..

— Сейчасъ...

— Лошадей скорѣе... Дома ли они?. Не въ полѣ?.

— Здѣся... Сейчасъ...

Филиппъ отвернулся къ Евлаліѣ Александровнѣ.

— Ну, вотъ, сказалъ онъ печально.—Все хорошо. Пускай теперь ищутъ слѣдовъ. Скоро ли найдутъ? И обидно, обидно должно быть имъ. Все устроено, приготовлено, даже не безъ нѣкотораго конфорта поѣдешь... Пойдемъ, пройдемся. Скажите, дѣти, ямщику, что мы туда пошли, по дорогѣ. Пусть туда ѣдетъ, когда все уложитъ...

Вышли за околицу. По обѣимъ сторонамъ дороги колыхалась рожь. Вдали разстилался по землѣ туманъ; изъ-за него выглядывали пирамидальныя вершины ели и пихты. Филиппъ разсказывалъ, гдѣ остановиться, какъ писать, на чье имя. Вдругъ раздался отрывистый звукъ колокольчика. Она остановилась и, заливаясь слезами, бросилась на шею Филиппа. Долго она рыдала, не будучи въ силахъ произнести ни одного слова.

— Вмѣстѣ... вмѣстѣ поѣдемъ, молила она.—Мнѣ шепчетъ что-то, что если ты не поѣдешь со мной, я больше не увижу тебя... Я какъ будто вижу, что ты умеръ, убили они тебя... Это предчувствіе... Я не могу, не хочу ѣхать одна...

Колокольчикъ опять зазвенѣлъ и слышно было, что ѣдутъ, быстро ѣдутъ. Филиппъ умолялъ ее, цѣловалъ ея руки. Она неподвижно, какъ мертвая, лежала щекой на его груди. Подъѣхалъ экипажъ.

— Хорошо, сказала она наконецъ; — я ѣду: но помни же,

Digitized by Google

если ты не пріѣдешь черезъ недѣлю; я ѣду сюда. Что бы тамъ ни было, я буду здѣсь... Ну, прощай, помни...

Десять разъ подходила она къ повозкѣ и опять, рыдая, останавливалась и бросалась на шею Филиппа.

— Помни же... Черезъ недѣлю! повторила она, въ послѣдній разъ взглянувъ на него.

XIV.

Филиппъ не хотѣлъ сказываться дома до слѣдующаго вечера. Онъ сдѣлалъ еще лучше, то есть на самомъ дѣлѣ не былъ въ городѣ до вечера. Часовъ въ семь онъ возвратился домой блѣдный, осунувшійся, съ воспаленными глазами и въ лихорадкѣ. Убійственна была для него эта ночь, проведенная въ деревнѣ. Всю-то ее провелъ онъ съ открытыми глазами, то бродя по горницѣ, то открывая крошечное окошко и освѣжая свѣжимъ ночнымъ вѣтромъ свою пылающую голову. Все невозможное, все страшное, казалось ему, непремѣнно должно было случиться. Что, если Новоторовъ не дома, не въ городѣ, а гдѣ нибудь въ уѣздѣ и встрѣтитъ Евлалію Александровну? Что если она сама, подъ вліяніемъ своихъ предчувствій и тоски, которую навѣетъ на нее дорога, вздумаетъ возвратиться обратно и пріѣдетъ прямо въ городъ? Какія муки она теперь переживаетъ! Какъ это бѣгство разстроитъ ея и безъ того слабое здоровье!.. Онъ ненавидѣлъ, всѣми своими силами ненавидѣлъ того человѣка, который былъ причиной всѣхъ этихъ тревогъ и страданій. Онъ придумывалъ самыя невозможныя комбинаціи, строилъ самые фантастическіе планы — уничтожить, раздавить этого ненавистнаго человѣка. Его наконецъ стало непреодолимо тянуть въ городъ, чтобы поскорѣе увидѣть своего врага, встрѣтиться съ нимъ.

Пришелъ и слѣдующій день. Городъ волновался, шумѣлъ, спорилъ, дѣлалъ невозможныя предположенія, но все-таки не могъ открыть ни малѣйшаго признака, по которому можно бы было напасть на слѣдъ Евлаліи Александровны. Филиппъ началъ успокоиваться и принялся готовиться къ своему отъѣзду.

Digitized by Google

Вдругъ вечеромъ, довольно уже поздно, пришелъ Матросовъ. Онъ былъ немного навеселѣ; галстукъ у него съѣхалъ на бокъ, жилетъ до половины разстегнутъ, лицо больше обыкновеннаго красно.

— А я, братъ, его видѣлъ, сказалъ онъ нѣсколько важно и хвастливо, какъ будто удостоился видѣть весьма достопримѣчательную особу.

Сердце Филиппа забилось сильнѣе.

— Гдѣ ты его видѣлъ?..

— Въ «Пристани» видѣлъ. Онъ тамъ и по сію пору на бильярдѣ сражается. Ну, братъ! въ «Пристани», я тебѣ скажу, бильярдъ превосходный. Это даже замѣчательно, что въ такомъ скверномъ городишкѣ находится такой великолѣпный бильярдъ, что дороже самого города стоитъ. Въ географіяхъ такъ бы и слѣдовало писать, что нашъ городъ замѣчателенъ единственно бильярдомъ. Ну, а все-таки онъ не стоитъ того, чтобы на немъ подобные игроки играли. Не стоитъ!..

Сердце Филиппа готово было, казалось, выскочить изъ его груди, разорвать ее.

— А онъ, я тебѣ скажу, продолжалъ Матросовъ, полузакрывъ глаза, сося свою сигару и покачиваясь,—очень и очень симпатичный человѣкъ. По крайней, мѣрѣ во мнѣ онъ пробудилъ эту симпатію...

Тутъ онъ раскрылъ глаза и внимательно посмотрѣлъ на Филиппа:—какое онъ произвелъ впечатлѣніе своими словами?

— Высокаго роста; держится гордо, прямо. Лицо худощавое, красноватое, какъ будто на немъ пламя отъ костра покоится. Глаза совершенно голубые, очень круглые, чрезвычайно холодные и взглядъ ихъ весьма тягостенъ, точно онъ этимъ взглядомъ къ стѣнѣ тебя пришпиливаетъ. Кости вотъ эти, гдѣ борода ростетъ, высунулись точно подкова. Усы длинные, внизъ опущены. Съ просѣдью... Вообще, я тебѣ скажу, наружность очень приглядная и рѣшительная. Такъ и видно по ней, какъ по книгѣ, что убить ты его хочешь — убей, прибить — прибей, повѣсить—повѣсь: ничего-то онъ не боится, ни передъ чѣмъ не отступитъ, но ничего и не забудетъ, не проститъ, нѣтъ... Вотъ это-то мнѣ и нравится, за это-то я и полюбилъ его съ

Digitized by Google

перваго раза. Сила въ немъ есть, вотъ что!.. добродѣтель, которой въ насъ нѣтъ ни крошечки...

Филиппъ не прерывалъ его, слова не говорилъ и, докуривая папиросу, ходилъ по комнатѣ. Вдругъ онъ сѣлъ, задумался, хотѣлъ какъ будто заговорить о чемъ-то съ Матросовымъ, но сейчасъ же быстро раздумалъ и всталъ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ коротко.

— Пойдемъ? Куда мы пойдемъ?.. А впрочемъ все равно... Вотъ гдѣ только моя шляпа? А? Не видалъ ты? Фуражка такая, клеенчатая...

— На головѣ у тебя...

— А! ну ладно... Пойдемъ, другъ мой... Удивительное это для меня дѣло, что порядочный человѣкъ рѣдко, рѣдко, почти никогда не бываетъ силой въ настоящее время. А вотъ между негодяями, острожниками, каторжниками, что ни человѣкъ—то сила, каменная сила. Ударь по ней желѣзомъ,—искры посыплются... Удивительное это дѣло, вызывающее на размышленія дѣло...

— Ты однако порядочно пьянъ...

— Боже мой! А отчего я пьянъ, если только допустить, что я дѣйствительно пьянъ? Единственно отъ этихъ ужасныхъ соображеній и пьянъ. Сидѣлъ я въ «Пристани», смотрѣлъ на господина Сорогина, мыслилъ по поводу его; а если хоть немного помыслишь въ этомъ направленіи, то будетъ очень скверно... Вотъ и все. Самое понятное дѣло. Да и что тебѣ за дѣло, много ли я выпилъ? Развѣ я не дѣло говорю, развѣ я не самую святую правду высказываю своими, хотя бы и нечистыми устами?..

— Ядовитая, ядовитая правда!..

— А! Жжетъ?.. Ну, и отлично, ну, и отлично!.. Да?.. отлично!..

Онъ потеръ руки.

— Дѣйствительно, иногда и добродѣтель торжествуетъ... Только знаешь ли когда, Филь? Послѣ смерти обыкновенно. Какъ добродѣтельный человѣкъ умретъ, погибнетъ, такъ ему сейчасъ и воздадутъ должное, сейчасъ ему и воскурятъ фиміамъ. Да вотъ, чтобы недалеко ходить, хоть Евлалія Алексан-

Digitized by Google

дровна. Измучили ее въ конецъ, изтерзали, бѣжать отсюда заставили, счастье ея разбили, а теперь, когда ужь свершилось гнусное дѣло, теперь она торжествовать начинаетъ... Да, торжествовать!.. Начинаютъ жалѣть ее, защищать, сочувствовать ей... Такъ-то всегда дѣлается въ семъ мірѣ... Утѣшься, Филь! Когда ты уѣдешь отсюда, то есть, когда они совсѣмъ увидятъ, что выгнали тебя, тогда тебя всѣ оправдаютъ, очистятъ отъ всевозможныхъ сплетень и возвеличатъ... Утѣшься, если можешь...

Въ это время они подошли почти къ самой «Пристани».

— Стой! вскричалъ Матросовъ, внезапно остановившись и какъ будто сообразивъ что-то.—Куда ты?..

— Въ «Пристань...»

— Зачѣмъ?.. Чего тебѣ тамъ понадобилось?..

— Зачѣмъ? Да чаю пойдемъ напьемся, не безъ насмѣшки отвѣчалъ Филиппъ и, отстранивъ его съ дороги, — пошелъ впередъ.

Матросовъ неподвижно, растерянно постоялъ на одномъ мѣстѣ, потомъ поспѣшилъ за Филиппомъ. Туманъ, носившійся въ головѣ почтеннаго Петра Васильевича, быстро началъ рязсѣеваться, но, кажется, единственно съ тѣмъ, чтобы замѣниться туманомъ другого рода, болѣе мрачнымъ.

— Да скажи ты мнѣ ради Бога: ну зачѣмъ тебя сюда потянуло? тихо и угрюмо обратился онъ къ Филиппу, усѣвшись противъ него и торопливо приспособляя для куренья новую сигару, точно ожидалъ, что она успокоитъ, вдохновитъ его, научитъ, какъ удалить неизбѣжную, повидимому, ссору.

— Потянуло, да и все тутъ, разсѣянно отвѣчалъ Филиппъ.

Онъ сѣлъ прямо противъ двери въ ту комнату, гдѣ стоялъ бильярдъ. Тамъ было много народу, вились облака дыма, слышался оживленный говоръ. Одинъ разъ Сорогинъ, съ кіемъ въ рукѣ и безъ сюртука, прошелъ мимо двери. Увидѣвъ, что онъ тутъ, Филиппъ какъ будто бы успокоился. Что онъ хотѣлъ дѣлать,—этого, можетъ быть, не зналъ и самъ онъ.

— А потянуло-таки? приставалъ Матросовъ.—Экъ вѣдь ихъ! Какъ представится имъ какая нибудь возможность сотворить глупость, такъ сейчасъ ихъ и потянетъ. Точно на высокомъ

Digitized by Google

мосту голова закружится и въ воду ихъ начнетъ тянуть. Увидитъ голодный человѣкъ кусокъ протухлой говядины,—сейчасъ этого человѣка и потянетъ кражу учинить. Зачуетъ одинъ человѣкъ своего ближняго, почему нибудь ему непріятнаго, сейчасъ его, раба Божія, и потянетъ ножомъ пырнуть этого своего ближняго или, по крайней мѣрѣ, въ ухо ему дать. Вонъ и его потянуло куда-то, чортъ его знаетъ. Тамъ у него одна бѣдная женщина, которая въ немъ души не слышитъ, всякими муками терзается, а у него тутъ голова кружится...

— Что-то она теперь? произнесъ Филиппъ, глубоко вздохнувши.

— Да что? Всякими муками, я тебѣ говорю, терзается. Больна, можетъ быть...

— Можетъ быть, можетъ быть... Будетъ ли этому конецъ?..

— Да и убирайся ты къ ней, вотъ тебѣ и конецъ будетъ. Поѣзжай, простись съ сестрой, да и отчаливай. Что не кончено, такъ я все улажу, сдѣлаю, отличнѣйшимъ манеромъ устрою...

— Нѣтъ, такъ нельзя...

— Чего нельзя? Можно...

— Да кончить, разъ навсегда кончить нужно все это! нетерпѣливо сказалъ Филиппъ и съ мрачной усмѣшкой взглянулъ на Матросова, какъ будто говоря ему, что «ничего-то ты, братъ, не понимаешь».

Петръ Васильевичъ дѣйствительно очень смутно понималъ его намѣренія; но тѣмъ не менѣе на сердцѣ у него становилось все тревожнѣе и тревожнѣе, все тяжелѣе и тяжелѣе.

— И говорить-то понятно онъ разучился! тревожно ворчалъ онъ.—И что такое ему нужно здѣсь кончить, да еще разъ навсегда кончить?.. Ты тутъ только можешь такое колесо построить, гдѣ и самъ чортъ никакого конца не доищется!.. Ты только представь себѣ, что тебя вотъ сюда тянуло, а вонъ въ той комнатѣ, можетъ быть, есть нѣкто, кого къ тебѣ тянетъ точно такимъ же манеромъ. Ну и стянетъ васъ лицомъ другъ къ другу... Ну и произойдетъ изъ этого чортъ знаетъ что...

— А что ты думаешь можетъ произойти?..

— Что... Убійство, вотъ что... Дуэль, угрюмо отвѣчалъ Матросовъ и, казалось, весь ушелъ въ свои глаза, весь за-

Digitized by Google

меръ, вглядываясь въ Филиппа и вслушиваясь, что онъ на это отвѣтитъ.

— Ты думаешь онъ будетъ драться? живо спросилъ Филиппъ.

Матросовъ упалъ въ кресло. Онъ все понялъ и повѣсилъ голову.

— Онъ-то не откажется, безнадежно пробормоталъ онъ.

— Онъ вѣдь авантюристъ, Филь, снова заговорилъ онъ тоскливо,—закаленный авантюристъ. Всякіе виды онъ видалъ, смерти не страшится, жизнь ему не особенно дорога, потому что вѣдь онъ изъ-за насущнаго хлѣба работаетъ и на бильярдѣ, и на картахъ. Чувствъ особенныхъ, привязанностей тамъ какихъ нибудь нѣжныхъ у него, я полагаю, тоже не имѣется, не въ его натурѣ эти нѣжныя чувства. Это съ одной стороны, а съ другой, ты возлюбленный его законной супруги, ты у него изъ-подъ носа ее унесъ, въ дуракахъ его оставилъ,—такъ его-то, этого травленаго волка, ты думаешь, не разбираетъ смертельная охота голову тебѣ свернуть?... Нѣтъ, онъ не откажется... Да Богъ съ нимъ! Онъ все равно гдѣ нибудь въ дракѣ сложитъ свою голову, на какой нибудь ярмаркѣ его изъ окна выбросятъ или ребра ему переломаютъ. А вотъ ты-то, Филь? Еслибъ тебя не тянуло въ воду, не кружилась у тебя голова, такъ о тебѣ я и говорить бы не сталъ. А вѣдь теперь на тебя затмѣніе нашло. Ты, я вижу, самъ хочешь вызвать его на драку. Скверно, мерзко... Ты бы холодной водицы выпилъ, что ли, или искупался бы... Право .. Планы-то твои, мечты-то, предпріятія-то разныя,—гдѣ они? Гдѣ твои высокіе идеалы-то? Въ дуло пистолета ты ихъ суешь? Ногами топчешь, въ грязь забрасываешь... Это позоръ, Филь... Какой ты примѣръ даешь тѣмъ, кому случилось слышать твои честныя разсужденія о дѣлахъ житейскихъ? Позоръ, позоръ, Филь!.. Давай руку и скорѣе пойдемъ отсюда... Пойдемъ...

Онъ вскочилъ и схватилъ руку Филиппа.

— Оставь, холодно и строго сказалъ Филиппъ.

— Еще однимъ порядочнымъ человѣкомъ меньше въ моемъ счету, почти злобно замѣтилъ Матросовъ.—Ты говоришь: кончить нужно; а я тебѣ говорю, что ты ничего не кончишь, а если и достигнешь конца, такъ самаго гнуснаго. Пока вы тутъ

Digitized by Google

драться будете, какъ два глупые звѣря,—что станется съ Евлаліей Александровной! Бѣдное, бѣдное созданіе! Мало того, что ее враги терзали; тотъ, котораго она другомъ своимъ считала, тотъ самый добиваетъ ее окончательно! Слушай меня. Если ты его ранишь, то изъ-за этого и начинать не стоило, ибо все останется по прежнему. Если ты убьешь, то тебя, раба Божія, запрутъ...

— А она будетъ свободна, горячо прервалъ Филиппъ.

— Если же онъ тебя ранитъ или онъ тебя убьетъ, тогда она сюда пріѣдетъ, непремѣнно пріѣдетъ и прямо къ нимъ въ когти попадется... Что съ ней будетъ? А? Что съ ней будетъ?..

— А, можетъ быть, она и свободна будетъ, упрямо повторилъ Филиппъ.

— Тьфу! плюнулъ Матросовъ и выпилъ залпомъ стаканъ воды.

Онъ началъ терять терпѣніе и выходилъ изъ себя.

— Мало вамъ на свѣтѣ мѣста то? Тѣсно? ворчалъ онъ.

— То-то и есть, что другъ другу мѣшаемъ, холодно замѣтилъ Филиппъ.

Вдругъ въ бильярдной началось движеніе, поднялся говоръ, всѣ перемѣшались въ отдѣльныя группы. Должно быть кончилась игра. Филиппъ всталъ и пошелъ туда. Матросовъ, понуривъ голову, послѣдовалъ за нимъ Около Сорогина была порядочная толпа, все больше юные купеческіе сынки, находившіеся въ замѣтно возбужденномъ состояніи. Дѣло шло о томъ, чтобы соорудить «банчикъ». Призвали хозяина гостиницы, велѣли приготовить нумеръ, столы, карты... Казалось, сама судьба вызвала Филиппа не медлить. Онъ взглянулъ на Матросова и усмѣхнулся странной усмѣшкой.

— Филь! Филь! Уйдемъ, тоскливо звалъ Петръ Васильевичъ.

Филиппъ покачалъ головой.

— Остерегитесь, господа! громко сказалъ онъ.—Этотъ господинъ — извѣстный шулеръ. Я его очень хорошо знаю.

Наступила минута мертвой тишины. Всѣ къ нему обернулись, всѣ разступились. Сорогинъ остолбенѣлъ. Потомъ, вытянувъ впередъ шею, откинувъ назадъ сжатые кулаки, широкими и

Digitized by Google

едва слышными шагами подошелъ къ Филиппу. Вдругъ, шага за три, онъ остановился, какъ будто пораженный.

— Лекарь... Рябининъ! тихо воскликнулъ онъ. Потомъ, какъ бѣшеный, бросился на него.

Но его успѣли схватить прежде, чѣмъ онъ ступилъ одинъ шагъ. Онъ отбивался, грозилъ, ругался, потомъ началъ умолять пустить его .. Дикое и ужасное было зрѣлище!

Часа черезъ два Филиппъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Матросовъ сидѣлъ у стола и съ самымъ жалкимъ видомъ человѣка разстроеннаго, разочарованнаго и глубоко оскорбленнаго смотрѣлъ на своего друга. Полчаса назадъ приходилъ родственникъ Сорогина въ качествѣ секунданта. Было условлено стрѣляться послѣ завтра въ пять часовъ утра, у озерка, что за загороднымъ садомъ.

— Какая однако грязная, дикая сцена! замѣтилъ вполголоса Филиппъ.

— Гдѣ это грязь? угрюмо спросилъ Матросовъ.

— А вотъ когда его схватили и не пускали...

— Нашелъ чѣмъ возмущаться! Вся-то, братъ, эта исторія отъ перваго слова до послѣдняго—сплошное, позорное море грязи. Когда онъ тебя убьетъ (а я знаю, что онъ тебя убьетъ: на свѣтѣ всегда такъ дѣлается), тогда я напишу на твоей надгробной плитѣ: «съ дѣтства имѣлъ благія намѣренія и добрую душу, въ юности мечталъ о великихъ дѣлахъ на пользу общую, а на двадцать седьмомъ году отъ рожденія погибъ въ дракѣ съ шулеромъ». Это, братъ, потому будетъ хорошая эпитафія, что всѣ мы такой дорогой бредемъ. Всѣ мы, сбираясь въ путь, о храмѣ славы мечтаемъ, а пріѣхали, смотришь, въ кабакъ... Ахъ, Филь, Филь! Навѣрное я сопьюсь совсѣмъ и умру гдѣ нибудь подъ заборомъ питейнаго дома. Тогда окончательно хо-

Digitized by Google

рошо закончится исторія нашего товарищества и нашихъ мечтаній. Одинъ со скуки картежничать началъ, другой въ дракѣ погибъ, третій опился... Ахъ, какъ весело жить на бѣломъ свѣтѣ!..

— Оставь эту тэму. Будетъ..

— Неужели наконецъ разумъ къ тебѣ возвращается? Неужели совѣсть въ тебѣ заговорила?..

— Нѣтъ, надоѣло...

— Ну, Богъ съ тобой, я уйду; тошно мнѣ смотрѣть на тебя... Писать будешь?..

— Напишу нѣсколько строкъ... Спать буду...

— И сонъ, ты думаешь, придетъ?..

— Придетъ. Я морфію приму. Не хочешь ли, дамъ и тебѣ?..

— Нѣтъ, мнѣ не нужно. Дѣйствовать, работать, думать нужно. Я вотъ разсчитываю все, не пойти ли мнѣ къ жандармскому полковнику, да не объявить ли о готовящейся дракѣ? Что ты такъ смотришь на меня? Подлецомъ, что ли, ты назовешь меня за это? Хоть оплеуху дай! Мнѣ все равно... А васъ возьмутъ, схватятъ, арестуютъ...

— Ну, а потомъ?..

— Что же потомъ?..

— Потомъ выпустятъ...

— Такъ вы тогда все-таки подеретесь?.. И не успокоитесь?.. Не образумитесь?.. Не придетъ мнѣ на помощь случай какой нибудь счастливый?..

— Все останется по прежнему...

— Значитъ, по твоему, кровь неизбѣжно должна пролиться?.. нельзя безъ нея?..

— Послушай, нетерпѣливо заговорилъ Филиппъ, взявъ его за плечо.—Я не сумасшедшій и не измѣнилъ своихъ взглядовъ на дуэль. Глупость всегда останется глупостью, но когда другого выхода нѣтъ, такъ хочешь или не хочешь, а пойдешь и на глупость. Нѣтъ, кажется, никако годругого случая, изъ-за котораго я сталъ бы драться. Дай мнѣ пощечину, оклевещи меня самымъ гнуснымъ образомъ—я не буду драться. Оскорби даже ту, которая мнѣ дороже моей собственной жизни, я все-таки не выйду на дуэль. А здѣсь, въ этомъ случаѣ, я самъ ее искалъ,

Digitized by Google

самъ вызвалъ. Почему? Когда ты поймешь это?.. Да потому, что здѣсь не какой нибудь непріятный случай, не какая нибудь обида, нѣтъ, здѣсь этотъ человѣкъ ни больше, ни меньше, какъ испортилъ уже до нѣкоторой степени нашу жизнь и грозитъ всегда, всегда насъ преслѣдовать, всегда разрушать наше счастье. Я беззащитенъ передъ нимъ. Мнѣ остается или отступиться отъ Евлаліи Александровны, бросить ее на произволъ этого шулера и холоднаго негодяя, или же взяться за пистолетъ... Первое невозможно; во второмъ случаѣ я, можетъ быть, и выиграю. Какъ бы поступилъ ты на моемъ мѣстѣ? Скажи?..

Матросовъ постоялъ, подумалъ, потомъ глубоко вздохнулъ.

— Ну, прощай, сказалъ онъ вмѣсто отвѣта и ушелъ, тихо ушелъ, какъ будто бы припоминая, все ли онъ сказалъ, что можно было сказать, не упустилъ ли чего нибудь, наконецъ, не разчувствуется ли еще Филиппъ, не выскажетъ ли какого нибудь колебанія?

Нѣтъ; все сказано, Филиппъ непоколебимъ и даже, что всего хуже, спокоенъ. Дверь затворилась за почтеннымъ, разочарованнымъ Петромъ Васильевичемъ.

Когда затихъ глухой, отдаленный стукъ растворявшихся и затворявшихся дверей, стукнула въ послѣдній разъ калитка и, смолкло все какъ на дворѣ, такъ и въ домѣ, Филиппъ сѣлъ къ письменному столу. Долго просидѣлъ онъ неподвижно въ глубокой задумчивости, потомъ придвинулъ и поправилъ лампу, выбралъ перо и принялся за письма.

«Всего только два дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты предлагала мнѣ или, вѣрнѣе говоря, настаивала, требовала, что намъ слѣдуетъ покончить съ нашей любовью, разбить ее и разойтись. Какими бы побужденіями ты ни руководилась тогда, въ виду какихъ бы идеаловъ ты ни рѣшалась принести эту жертву, — это все равно, все равно... теперь... Теперь меня утѣшаетъ только то, что ты имѣла, чувствовала въ себѣ силы перенести эту разлуку. Горько мнѣ думать, что, можетъ быть, и ты ошиблась и я ошибаюсь!.. Что дѣлать!.. Игру, за которую я взялся, не трудно проиграть. Но если бы я отказался отъ нея, я все равно проигралъ бы все; а взявшись за нее, я могъ бы и выиграть. Но не лучше ли разстаться такъ, какъ

Digitized by Google

мы теперь разстаемся, чѣмъ такъ, какъ предлагала ты, моя дорогая?.. Мнѣ какъ-то больше нравится, что я умру, любя тебя, защищая тебя...»

Зачѣмъ говорилъ онъ Матросову, что напишетъ всего только нѣсколько строчекъ и ляжетъ спать? Боялся ли онъ показаться ему сантиментальнымъ? Хотѣлъ ли, какъ всѣ истинно и глубоко любящіе люди, скрыть безраздѣльно-владѣющее имъ чувство любви и прикинуться черствымъ, холоднымъ? Прошелъ часъ, два, а онъ все еще писалъ одно это письмо. Ни малѣйшая мелочь не была имъ забыта.. Онъ писалъ ей куда лучше всего уѣхать, къ кому обратиться, приложилъ письма къ этимъ людямъ. Онъ писалъ о ея дѣтяхъ, объ ихъ характерѣ, склонностяхъ, недостаткахъ, о томъ, какія черты въ ихъ характерѣ слѣдовало бы развивать и какъ развивать. Онъ не забылъ даже о пьяненькой нянькѣ—и о ней писалъ...

XV.

Прошелъ и еще одинъ день. Близокъ уже былъ тотъ часъ, когда выстрѣлами и кровью долженъ былъ разрѣшиться самый повидимому простой вопросъ.

Солнце давно уже закатилось. Быстрыми шагами приближалась темная, беззвѣздная ночь. На небѣ скоплялись тучи; въ воздухѣ душно было,—видно быть грозѣ этой ночью. На заводѣ Барканцевыхъ повсюду мелькали огни. Огонекъ же свѣтился и на томъ берегу чернаго, угрюмаго и гладкаго, какъ стекло, пруда. Этотъ огонекъ свѣтилъ въ трубкѣ Потапа Потапыча, заговорившагося съ Зоей. Подлѣ него на травѣ лежали его прежнія удочки, на деревѣ висѣлъ его старый неизмѣнный спутникъ, чемоданъ-ранецъ, но самъ Потапъ Потапычъ былъ уже далеко не прежній Потапъ Потапычъ. Онъ получилъ, наконецъ, мѣсто, онъ сдѣлался богачъ, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ былъ недѣли двѣ назадъ. Костюмъ его былъ теперь совершенно приличенъ, на ногахъ были высокіе, новые сапоги, уже не собственнаго грубаго издѣлія, подъ жилетомъ виднѣлась бѣлая, новая рубашка, самый видъ его, самый голосъ казались

Digitized by Google

совершенно новыми, пріобрѣтенными вмѣстѣ съ приличнымъ туалетомъ.

— А я еще вамъ скажу: жениться собираюсь, сказалъ Потапъ Потапычъ въ нѣкоторомъ смущеніи и кашлянувъ.

— Вотъ какъ! Кто же это ваша невѣста?..

— Это все Анна Романовна устроила и познакомила меня съ ней. Очень мнѣ она понравилась... Кроткая такая, глаза добрые, задумчивая... Некрасива собой, да мнѣ Богъ съ ней, съ этой красотой. Не люблю я ея, красоты этой. Маленькая такая, черненькая, немного горбатенькая, старая дѣвушка, Краснова, Лизавета Ивановна. За нею домикъ даютъ и деньгами двѣ тысячи...

Грустно какъ-то стало Зоѣ. Отъ Анны Романовны она не разъ слышала намеки на какую-то несчастную, пьяненькую женщину, которая будто бы имѣетъ дурное вліяніе на Потапа Потапыча. Много уже лѣтъ назадъ эта женщина, тогда еще молоденькая, красивая дѣвушка, была завезена сюда однимъ офицеромъ и потомъ имъ брошена. Она стирала бѣлье, нанималась поденщицей, мыла полы, а больше всего пила и пила. Потапъ Потапычъ жилъ у нея. Иногда, когда ему приходилось хоть съ голоду умирать, она выручала его, кормила, переставала на время пить, принималась усердно за работу и снабжала его деньгами. Вообще странныя были между ними отношенія. Что же? Теперь Потапъ Потапычъ уже отвернется отъ этой женщины? Не будетъ ее узнавать, если она попадется ему на улицѣ? А, можетъ быть, она любила, любитъ его? Бѣдная женщина! Кто допытается, разберетъ отчего пила она, какое горе заливала она? Не оттого ли она и пила, что любила его и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видѣла, что она въ его глазахъ уже на вѣки замарана и опозорена своимъ прошлымъ, что онъ стыдится своихъ отношеній къ ней, ото всѣхъ прячетъ ихъ...

Грустно, грустно... Какъ быстро идетъ жизнь и какъ безжалостно разбиваетъ она всѣ сладкія иллюзіи, всѣ мечты и увлеченія, грубо обнажая отъ всякихъ очарованій пошлую, грязноватую дѣйствительность! Вотъ и Потапъ Потапычъ уже не тотъ, чѣмъ онъ казался ей когда-то Будетъ онъ хозяини-

Digitized by Google

чать въ своемъ домикѣ, няньчить дѣтей, толстѣть, будетъ доволенъ жизнью... Всегда въ немъ останется его доброе сердце, не пошатнется, по всей вѣроятности, его честность, но онъ все больше и больше будетъ глухъ къ чужому страданію, къ тому страданію, что молчитъ, терпитъ и молча умираетъ, онъ все больше и больше будетъ молчать въ своихъ помыслахъ

— Не знаете ли вы Парфенова? тихо спросила она.

— Кто же его не знаетъ? Всѣ знаютъ...

— Что онъ за-человѣкъ, по вашему?.. Знаю я, что онъ купецъ, богатъ, гордъ... Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы въ душу, въ душу его заглянуть... Что онъ добръ, честенъ?..

Потапъ Потанычъ сомнительно покачалъ головой.

— Что-то я не слыхалъ, чтобы говорили объ его добротѣ,— не слыхалъ, отвѣчалъ онъ. — А вотъ о честности его много бываетъ разговора... Недавно вотъ еще онъ хлѣбъ чужой перехватилъ въ свои амбары. Ѣдутъ, видите ли, мужики съ хлѣбомъ. А у него вездѣ приказчики разставлены: и около въѣзда въ городъ, и за городомъ, по дорогѣ. Ѣдутъ эти мужики и спрашиваютъ приказчиковъ: гдѣ, говорятъ, намъ, господа честные, домъ купца Прянишникова сыскать?.. Хлѣбъ къ нему веземъ. Приказчики Парфенова и говорятъ имъ, что мы, говорятъ, этого самого купца Прянишникова приказчики. Прямо къ нему въ домъ приведемъ. Привели и ссыпали въ амбары Парфенова и разсчетъ весь сдѣлали...

— Такъ, можетъ быть, онъ и не зналъ ничего, задрожавшимъ голосомъ возразила Зоя.

— Какъ не знать? онъ все знаетъ... А то вотъ недавно ѣздилъ онъ куда-то по дѣламъ и встрѣтился на дорогѣ съ купцомъ Трусовымъ. Куда вы?.. «Да вотъ, говоритъ, Трусовъ, нужно тутъ въ одно село заѣхать. Слышалъ я, говоритъ, что есть тамъ порядочные запасы хлѣба; такъ купить думаю»... Поѣхали вмѣстѣ, потому что по пути было. Только-что въ это село пріѣхали, Трусовъ сейчасъ же призвалъ къ себѣ мужиковъ, условился въ цѣнѣ, однимъ словомъ, все покончили, только-что задатка онъ не далъ, потому, говоритъ, завтра утромъ все получите, а теперь ужь ночь, поздно... Какъ только мужики вышли отъ него, Парфеновъ сейчасъ же ихъ къ себѣ зоветъ.

Digitized by Google

Выложилъ имъ на столъ задатокъ, водки поставилъ, все какъ слѣдуетъ обдѣлалъ. Встаетъ на другое утро Трусовъ, мужики говорятъ: извини, мы хлѣбъ продали. Кому? Парфенову. Говорятъ, что Трусовъ его подлецомъ назвалъ, а тотъ только усмѣхнулся.

Зоя сидѣла какъ окаменѣлая. Что Филиппъ? спрашивала она Потапа Потапыча, какъ только его увидѣла; а онъ разсказалъ ей о бѣгствѣ Евлаліи Александровны, сообщилъ, что и Филиппъ собирается уѣхать.—Что Матросовъ? спрашивала она и получила въ отвѣтъ, что онъ, кажется, опять началъ пить, вчера вечеромъ видѣли его сильно навеселѣ. Но мало, мало этого! Должны, кажется, окончиться всѣ ея надежды и на того человѣка, который такъ недавно говорилъ ей: твоя вѣра будетъ моей вѣрой и твои мечты моими мечтами. Точно отъ сна какого нибудь она просыпалась! Ей казалось, что она потеряла что-то, потеряла нѣчто дорогое для нея, милое ея сердцу. Пусто сдѣлалось вокругъ нея, плакать ей хотѣлось, горько плакать. О чемъ? О поэтическомъ снѣ, изъ котораго ее пробудили къ грубой дѣйствительности. И какой хорошій сонъ былъ это? Видѣлся ей великолѣпный храмъ, освѣщенный какимъ-то чудеснымъ свѣтомъ; видѣла она въ немъ людей-героевъ, людей - титановъ, которые говорили прекрасныя рѣчи и собирались творить великія дѣла. И вдругъ... нѣтъ сна, нѣтъ свѣта, нѣтъ храма. Изчезъ, и на мѣстѣ его осталась кладовая Анны Романовны, заваленная старымъ хламомъ, старыми сапогами, старыми платьями...

— Идетъ кто-то? вопросительно шепнулъ Потапъ Потапычъ, повернувшись въ ту сторону, гдѣ послышались шаги и хрусѣнье сухихъ вѣтвей.

Изъ-за деревьевъ вышелъ Парфеновъ.

— Гроза будетъ, сказалъ онъ.

Какъ будто въ отвѣтъ на его слова послышался отдаленный раскатъ грома.

Потапъ Потапычъ заторопился, связывалъ свои удочки, прилаживалъ за плечи свой чемоданъ, торопливо шарилъ что-то въ травѣ и, казалось, никакъ не могъ найти. Въ рощу вошли они всѣ вмѣстѣ, но Потапъ Потапычъ, видимо стѣснявшійся сообществомъ Парфенова, скоро отдѣлился отъ нихъ, ушелъ

Digitized by Google

впередъ и черезъ минуту совсѣмъ изчезъ изъ виду, только хворостъ еще хрустѣлъ вдали подъ его ногами. Чѣмъ дальше входили они въ рощу, тѣмъ все темнѣе и темнѣе становилось. Громъ гремѣлъ все чаще и ближе.

— Онъ вамъ что-то обо мнѣ разсказывалъ, заговорилъ Парфеновъ.

— Да, говорилъ. Пожалуй, насъ дождь застанетъ, прибавила она какъ-то странно, равнодушно и, не торопясь, шла тихо.

Онъ съ минуту молчалъ, потомъ взглянулъ на нее.

— Скажите, Зоя Петровна: долго мнѣ еще мучиться... Вы какъ будто дразните меня, какъ будто смѣетесь надо мной: то улыбнетесь привѣтливо, взглянете ласково, слово какое нибудь скажете, отъ котораго у меня все сердце замретъ отъ радости, а то не смотрите, не говорите и презрѣніемъ отъ васъ вѣетъ...

— Я, можетъ быть, уѣду скоро...

— Куда? Зачѣмъ? вскричалъ онъ.

— Не все ли равно для васъ... Далеко...

— Это вы отъ меня бѣжите?.. Да?..

Она не отвѣчала.

— Такъ опять пропасть между нами? . Опять пропасть!..

— И не опять... Всегда она была...

— Всегда!.. Да развѣ бѣгутъ отъ того, къ кому холодны?.. Скажите, сознайтесь: вѣдь было одно время, когда вы любили меня, хоть немного, немного... Было вѣдь это время?..

— Нѣтъ, я не васъ любила, грустно отвѣчала она.—Я создала изъ васъ въ своемъ воображеніи какого-то сильнаго, никогда несуществовавшаго человѣка, и къ нему дѣйствительно лежало мое сердце. Я дала этому человѣку гордую душу, сильный характеръ, высокій умъ... Этотъ человѣкъ жилъ не той жизнью, какую я считала хорошею,—жизнь его мелка была, даже грязна на мой взглядъ. Но я мечтала, что онъ силенъ, честолюбивъ, что ему рано или поздно будетъ душно въ этой грязной жизни, что ему захочется свѣта, дѣла, настоящаго дѣла, великаго, святого! Я хотѣла пробудить въ немъ спящія силы!.. Помните вы мои мечты, мои сны, мои планы? Вы ихъ утопіей называли... Да, я вижу теперь, что они для васъ

Digitized by Google

дѣйствительно утопія. Не вамъ о нихъ мечтать!..—Нѣтъ, я не васъ любила, продолжала она, и слезы слышались въ ея голосѣ.—Между нами непроходимая бездна. На что я надѣюсь и о чемъ я мечтаю, то для васъ утопія и даже хуже чѣмъ утопія! Это погибель ваша, это враждебная вамъ сила... Какой жизнью вы живете и наслаждаетесь, той жизнью мнѣ никогда не жить, пока во мнѣ совѣсть жива. Люди, которыхъ я люблю и уважаю, ненавистны вамъ; рѣчи, которыя мнѣ было бы пріятно слушать, вамъ покажутся оскорбленіемъ; онѣ не должны раздаваться въ вашемъ домѣ. А тѣ дѣла, о какихъ говорятъ съ вами ваши друзья, для меня ненавистны... Бездна, бездна непроходимая... Я мечтала уничтожить ее, мечтала разбудить, пересоздать васъ, потому что вы много могли бы сдѣлать великаго, добраго. . Я не вами увлеклась, силой вашей увлеклась...

— И не отъ васъ я бѣгу, нѣтъ; я отъ здѣшней жизни бѣгу, отъ здѣшнихъ людей бѣгу. Видите ли какая я... мечтательница! Все-то мнѣ скучно, вездѣ-то мнѣ душно, тѣсно... Все-то мнѣ нужно чего-то не такого мелкаго, какъ все, что меня здѣсь окружаетъ; дѣла какого-то мнѣ нужно, жизни какой-то нужно...

— Какой? Гдѣ она? спросилъ Парфеновъ.

— Не знаю я... Да развѣ можно на этомъ успокоиться? Искать нужно, дѣйствовать.

— Не ищите. Припомните мое слово: вотъ здѣсь, подъ этими деревьями, предсказываю я вамъ, что ничего кромѣ самаго горькаго разочарованія вы не найдете. Жизнь—вездѣ одна, говорю я вамъ. Вездѣ она въ томъ заключается, чтобы человѣку другого человѣка раздавить и дорогу себѣ прочистить. Вся она въ томъ, что каждый старается стать выше всѣхъ... Возмите какого хотите человѣка, загляните ему поглубже въ душу и вы навѣрное всегда найдете за нимъ либо грязное дѣло, либо нечистый помыселъ...

— Вотъ въ это-то я и не вѣрю...

— А я предсказываю вамъ, что ничего, кромѣ разочарованія вы неотъищете, только силы свои растратите, да молодость свою золотую, прекрасную, цвѣтущую погубите, даромъ погубите... Куда вы поѣдете?..

— Зачѣмъ вамъ?...

— Ну, я все равно узнаю. Зачѣмъ?.. Что будете дѣлать?..

Digitized by Google

— Работать, жизни искать, я вамъ говорю...

— Работать! На чердакѣ жить, въ нищетѣ, въ лишеніяхъ, среди чужихъ людей, которые, какъ звѣри въ лѣсу, будутъ на васъ смотрѣть наглыми глазами!.. Вы!.. Такая прекрасная, гордая! И что же хорошаго, полезнаго для кого либо вы можете сдѣлать, когда васъ самихъ будетъ душить нужда?..

Она не отвѣчала.

— Нѣтъ, не уѣзжайте отсюда. Вамъ жизнь нужна, дѣятельность, хочется сильной, могучей быть. Это въ волѣ вашей, у ногъ вашихъ... Все вамъ будетъ... Богатство мое, вліяніе, жизнь мою,—все возмите. Берите! вскричалъ онъ, крѣпко схвативъ ея руку.

Она покачала головой.

— Вы не вѣрите мнѣ?.. Вы думаете, я откажусь отъ своего слова, какъ только съ насъ вѣнцы снимутъ и мы изъ церкви выйдемъ... Вѣрьте... Сейчасъ же, завтра все ваше будетъ...

— Вы хотите купить меня въ жены? тихо и холодно спросила она.

Онъ скрестилъ на груди руки, опустилъ голову и остановился.

— Такъ уѣзжаете?..

— Да...

Онъ глубоко вздохнулъ и долго смотрѣлъ на нее.

— И отчего это, чѣмъ дальше вы отъ меня уходите, тѣмъ безжалостнѣе вы меня отталкиваете, тѣмъ сильнѣе меня влечетъ къ вамъ... Что въ васъ? Какая сила? Не мечты же ваши? Не стремленія же эти странныя, дѣтскія... Вотъ я бы упалъ теперь къ ногамъ вашимъ... и убейте меня, задушите... За одинъ взглядъ, за одно ваше слово... жизнь мою... все, все...

Онъ какъ безумный схватилъ ея руки и покрывалъ ихъ страстными поцѣлуями.

— Хорошо; ступайте, поѣзжайте, сказалъ онъ наконецъ.— Я всюду, всюду буду слѣдить за вами... Можетъ быть, вы и не будете меня видѣть, а я все-таки буду подлѣ васъ. Я знаю, что придетъ и мой часъ. Посмотримъ, куда приведутъ васъ ваши поиски за иной жизнью. Когда вы разочаруетесь, когда вы взглянете на всѣ ваши мечты съ горькимъ смѣхомъ презрѣнія,— тогда, тогда я явлюсь передъ вами и напомню сегодняшній раз-

Digitized by Google

говоръ... Поѣзжайте, поищите новыхъ людей и новой жизни,— посмотрите на нихъ... Годъ, два и мой часъ настанетъ...

XVI.

Прошелъ и тотъ день, въ который была назначена дуэль. Часу въ десятомъ вечера въ квартирѣ Филиппа было послѣднее собраніе оставшихся въ наличности членовъ товарищества. Филиппъ, здоровый и невредимый, сидѣлъ въ своемъ любимомъ креслѣ около письменнаго стола, Зоя приготовляла чай, а Петръ Васильевичъ бродилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, шаркая ногами, пасмурный и недовольный.

— Ну такъ что же? Завтра и уѣзжаешь? Не раздумалъ? спрашивалъ онъ.

— Завтра и уѣзжаю. Не ждать же мнѣ, пока онъ будетъ въ состояніи стать на ноги...

— То-то. Я къ тому говорю, что у вашего брата на одной недѣлѣ Богъ знаетъ сколько пятницъ. Сегодня одно, а завтра другое. Сегодня возстаешь противъ дуэли, а завтра самъ на нее напрашиваешься. Сегодня о великихъ дѣлахъ толкуешь, а завтра путаешься чортъ знаетъ въ какую исторію. Нѣтъ братъ; я теперь положительно на сторону господина Сорогина перехожу. Тамъ, братъ, по крайней мѣрѣ, сила, никакихъ колебаній и сомнѣній невѣдающая... Ну и какъ же передъ нимъ не преклониться? Завтра онъ долженъ на дуэль выйти, въ дуло пистолета смотрѣть, смерти ждать, а сегодня, наканунѣ этого рокового часа, онъ за карты садится и спокойно, какъ мраморная какая нибудь статуя, мечетъ направо и налѣво. И знаешь что? Всѣ говорятъ, что онъ сплутовалъ, сфальшилъ... Не вѣрю я этому, быть этого не можетъ... Не вѣрится мнѣ, чтобы онъ и наканунѣ того часа, который, можетъ быть, смерть ему принесетъ, шулеромъ остался... Вѣрую я, что и въ его достаточно изгаженномъ проклятою жизнью сердцѣ, были нѣкоторыя искры чести, чувства, своего рода возвышенности...

— Не увлекся ли ты своею любовью къ человѣчеству? спросилъ Филиппъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ! горячо воскликнулъ

Digitized by Google

Петръ Васильевичъ.—Не такъ было дѣло! Онъ обчистилъ всѣхъ этихъ купчиковъ и землевладѣльцевъ, но обчистилъ ихъ по совѣсти, честно, безъ фальши. А имъ жаль стало своихъ капиталовъ, возвратить ихъ какъ нибудь захотѣлось,—вотъ они и сочинили, глядя въ свои пьяные очи, что онъ будто бы передернулъ, вотъ они и набросились на него, виноватаго, можетъ быть, только въ томъ, что о немъ дурная слава идетъ. И какъ безчеловѣчно, варварски они его избили. Нѣтъ, я думаю, что онъ уже совсѣмъ не встанетъ на ноги... Во время этой драки плюнулъ онъ: у него какой-то кровавый кусокъ вылетѣлъ изо рта. Ребра у него переломаны, глазъ не видно, въ лицо его родная мать не узнала бы, потому что никакого лица нѣтъ... И каково вынести это, никакой вины за собой не зная? Такъ-то вотъ, на такомъ-то безобразномъ пути и погибаютъ дѣйствительно сильные характеры. А почему на такомъ безобразномъ пути? Именно потому, что они сильны. Когда-то были они порядочны, честны, было у нихъ чистое сердце. Да, порядочному человѣку нѣтъ дороги въ нашемъ мірѣ. Впередъ идетъ тотъ, кто ни передъ чѣмъ не останавливается; наверхъ выносится тотъ, кто все топчетъ своими ногами, чтобы подъ нихъ ни попалось. Ну, порядочному человѣку и остается на его выборъ: или раздавленнымъ быть или тоже ни передъ чѣмъ не останавливаться. Тогда онъ и силенъ будетъ, и богатъ, и уважаемъ... Сильные люди такъ и дѣлаютъ, что начинаютъ ломить все, что имъ мѣшаетъ, потому что быть раздавленными имъ не приходится.

— Никогда! рѣзко отозвалась Зоя.

— То есть какъ же это никогда? Всегда такъ...

— Гдѣ же эта сила?.. Въ чемъ вы ее видите?.. Въ томъ, что человѣкъ стремится деньги нажить, пожить весело, попраздновать, что онъ общимъ теченіемъ уносится? Нѣтъ, это не сила. Настоящая сила не броситъ своей порядочности, не броситъ своихъ идеаловъ, юношескихъ мечтаній, а до самой смерти отстоитъ ихъ, до самой смерти будетъ стараться ихъ осуществить, будетъ бороться съ общимъ теченіемъ. Настоящій сильный человѣкъ не о себѣ думаетъ, а о другихъ... Слабость, безсиліе—тѣ только о себѣ думаютъ, свое собственное суще-

Digitized by Google

ствованіе стараются обезпечить; а истинно сильному человѣку мало этого, онъ и за другихъ борется...

— Да; вотъ какъ древніе геркулесы чудовищъ разили на общую пользу... Или какъ Илья Муромецъ разчищалъ дорогу прямоѣзжую, согласился Матросовъ.—Да, это точно что высшаго порядка сила. Такъ вотъ такихъ-то людей поѣдете вы искать въ далекихъ краяхъ? Такъ потому-то вы бѣжите отъ насъ, что мы мелки очень? Ахъ, Зоя Петровна! Найдете-ли? Люди родятся нынче маленькіе, деликатные; времена нынче мрачныя, края наши глухіе...

— Въ такія-то времена и являются сильные люди...

— Такъ ли? Остались бы лучше здѣсь... Замужъ бы за меня вышли... То есть такъ, для виду только, чтобы никто васъ пальцемъ не могъ тронуть... Ну, а для меня это было бы очень хорошо, такъ какъ я уже нѣкоторымъ образомъ связанъ былъ бы и не пришла бы мнѣ фантазія обзавестись подругой жизни...

— Очень вамъ благодарна...

— Не хотите? Ну, такъ и Господь съ вами, потому мнѣ вѣдь это рѣшительно все равно...

— Ну, а что же ваша богатая купчиха?..

— Измѣнила она и уѣхала... въ края иные...

Онъ вдругъ какъ-то притихъ, сѣлъ на диванъ и, подперевъ рукою щеку, призадумался. Глаза у него сдѣлались большіе, печальные.

— Эхъ, жизнь, жизнь! заговорилъ онъ тихо. — Какъ ты идешь-то быстро! Ничего не сдѣлано назади, ничего хорошаго не видано, а смотришь—уже волосы сѣдые показываются и усталость нѣкоторая чувствуется; мечтаній этихъ юношескихъ нѣтъ и вѣры въ будущее мало. И что это такое тяготѣетъ надъ нами? Только-что потянешься за чѣмъ нибудь, поймать думаешь,— смотришь, все и разсѣялось, унеслось, изчезло... Только-что вотъ встрепенулась у меня надежда на товарищество, — смотришь—и разсыпалось оно, и разметало насъ по разнымъ концамъ нашего пространнаго отечества... Хоть и говоритъ Филь, что товарищество не должно отъ этого пострадать, что мы все-таки будемъ работать для одной цѣли, да все не то, все не

Digitized by Google

то, что вмѣстѣ... Я вотъ тутъ одинъ останусь, слова не съ кѣмъ сказать,—все точно повымерло...

— Старое повымерло,—новое будетъ... Соберется около тебя новый кружокъ, самъ товарищество составишь, замѣтилъ Филиппъ...

— Да, старое прошло, новое народится, повторилъ Матросовъ.—Прошла весна,—жди новой, цвѣты отцвѣли—подожди, опять разцвѣтутъ; листья опали,—придетъ весна и опять все зазеленѣетъ. Это моя любимая философія!.. Только новая весна—не то, что старая, новые цвѣты не тѣ, что были въ прошломъ году; все жаль прошлогоднихъ. Ну, чтожъ?.. Буду сидѣть въ своемъ магазинѣ, пива ящичекъ суну тамъ гдѣ нибудь въ шкафъ... Буду пить пиво, буду болтать, книжки почитывать... Болтать я люблю... Ну, и отлично...

Онъ пересѣлъ къ чайному столу.

— Ахъ, не выходитъ у меня изъ головы исторія нашего товарищества, заговорилъ онъ, помѣшивая ложечкой въ своемъ стаканѣ.—Снился мнѣ сонъ въ тѣ времена, когда оно только-что возникло. Такой это былъ хорошій сонъ. Грезилась мнѣ долина, такая свѣтлая, веселая, какія только во снѣ видятся. Холмы окружали ее со всѣхъ сторонъ. Къ одной сторонѣ они поднимаются ступенями все выше и выше, а на самомъ верху ихъ, какъ темный вѣнецъ, лѣсъ синѣетъ. Изъ него ручьи бѣгутъ, водопады образуютъ, падая съ холмовъ, и бѣгутъ они въ большую судоходную рѣку. Жизни, жизни сколько на этой рѣкѣ! Суда идутъ, пароходы шумятъ, флаги разноцвѣтные развѣваются, между судами лодки скользятъ. Ну, и въ волшебной долинѣ кипитъ жизнь... Всякій ручей какое нибудь колесо вертитъ, желѣзной машинѣ жизнь даетъ; топоры стучатъ, пѣсни раздаются, работа кипитъ... Тутъ цѣлый городъ возникаетъ, молодой, тоже волшебный городъ... Не видно въ немъ лачужекъ, грязи, нищихъ, праздныхъ зѣвакъ... Роскоши и блеска тоже не видать... Есть впрочемъ большое и изрядно красивое зданіе, да я гляжу: написано на немъ: училище. Есть и другая громадная храмина, да на ней, вижу, торчатъ фабричныя трубы... Чья, спрашиваю фабрика? Нѣтъ, говорятъ на ней хозяина; рабочіе ея хозяева. Работай—и ты будешь въ числѣ хозяевъ. Эта-то фабрика, оказывается, и есть

Digitized by Google

самое зерно возникающаго города, сердце его. Дома строятся—это дома рабочихъ; школа—это школа рабочихъ; больница, вижу, за городомъ стоитъ среди великолѣпнѣйшаго сада—и больница ихняя. Иду я, Петръ Матросовъ, по улицѣ этого города. Вечеръ насталъ. Работа кончена. Вижу я опять какое-то хорошее зданіе. Смотрю, это клубъ рабочихъ, библіотека тоже. Сидятъ это они тамъ джентльменами такими, пиво пьютъ, газеты читаютъ, объ общественныхъ вопросахъ толкуютъ... А тамъ супруги ихъ, дочери и сестры съ молодыми людьми танцуютъ... Дальше, дальше иду я; въ общественный садъ пришелъ. Дѣти тамъ играютъ, славные такіе, краснощекіе, здоровые; а на лугу, смотрю, какой-то чудакъ на бочку взобрался и ораторствуетъ себѣ... Что-то такое онъ очень, очень хорошо говорилъ, меня начала разбирать грусть, великая грусть; съ грустью я и проснулся...

Мертвое молчаніе наступило; никто не шевельнулся, пока онъ разсказывалъ этотъ сонъ, слова не выронилъ.

— Это тогда было, продолжалъ Матросовъ. — А теперь все больше снится, что въ полѣ кабакъ стоитъ, у кабака Матросовъ сидитъ и трубку куритъ. Или же личико чье-то бѣленькое, глазки чорненькіе... Или же...

— Довольно, будетъ! вскричала Зоя.

— Это я въ поученіе говорю...

— Тоску нагналъ, грустно сказалъ Филиппъ.—Есть же у насъ и будущее...

— Развѣ что будущее...

Онъ какъ будто бы расчувствовался.

— Ну, такъ впередъ! Ты пожалуйста не вѣрь, что я тамъ говорилъ о себѣ. Это я такъ, подъ вліяніемъ вещей постороннихъ. Есть же и во мнѣ какой-то огонекъ... Въ будущее и я вѣрю...

А. Важинъ.

Digitized by Google

ИРЛАДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Томаса Мура.)

Миръ вамъ, почившіе братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваномъ былъ вамъ вашъ бранный нарядъ.
Тихо несясь на кровавыя нивы,
Васъ только тучи слезами кропятъ.
Миръ вамъ, почившіе братья!
Смерть приняла васъ въ объятья.

* * *

Дубъ, опаленный грозой, опушится
Новою зеленью съ новой весной;
Васъ же, сердца, переставшія биться,
Кто возвратитъ сторонѣ васъ родной?
Смерть приняла васъ въ объятья.
На побѣдившемъ проклятье!

* * *

Вѣчная месть намъ завѣщана вами.
Прежде чѣмъ робко измѣнимъ мы ей,
Ляжемъ холодными трупами сами
Здѣсь же, средь этихъ кровавыхъ полей.
На побѣдившемъ проклятье!

Мих. Михайловъ.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.

(Посвящается А. А. Антоновой.)

XI.

Бракъ дозволялся римлянамъ только въ формѣ моногаміи; наложничество было запрещено вплоть до императорской эпохи; близкіе родственники не могли брачиться между собою; въ большинствѣ случаевъ бракъ былъ чисто гражданскимъ договоромъ и только у патриціевъ онъ носилъ характеръ религіознаго таинства. Патриціанскій бракъ, или conferreatio, ставилъ жену въ совершенную зависимость отъ мужа; она поступала подъ отеческую власть супруга въ качествѣ его дочери (filiæ loco); ея имущество со всѣми правами на него переходило къ мужу, а если онъ былъ неэманципированнымъ сыномъ, то къ его отцу. Жена не могла ни пріобрѣтать въ свою собственность чего бы то ни было, ни дѣлать завѣщанія, ни принимать подарковъ отъ мужа. Она подлежала юрисдикціи супруга, который вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ судилъ ее и даже приговаривалъ къ смертной казни. Въ одномъ только отношеніи законъ ограничивалъ произволъ мужа, именно, запрещалъ разводъ, кромѣ случаевъ прелюбодѣянія жены, небреженія ея о хозяйствѣ или совершоннаго ею плодоизгнанія. Такой бракъ уничтожался чрезвычайно трудно и первый случай его расторженія совершился только въ 232 г. до Р. Х.

Патриціанскій бракъ былъ основанъ на идеѣ единокровности общества и самостоятельности семейства; въ основѣ патриціата лежалъ аристократически - патріархальный принципъ отцовства (патрицій—отъ pater, отецъ); женщина въ такой семьѣ могла быть только приплодною самкой и рабынею семьи, или, по позднѣйше-

Digitized by Google

му облагороженному выраженію, матерью и хозяйкою. Въ разнохарактерномъ же и неимѣвшемъ никакихъ общихъ традицій обществѣ плебеевъ (*) семейство не могло имѣть такого характера, какъ у патриціевъ, и плебейскій бракъ вполнѣ справедливо называется свободнымъ бракомъ. Для совершенія его не требовалось даже контрактовъ и было совершенно достаточно одного согласія жениха и невѣсты, а для расторженія довольно было одного желанія супруговъ, основаннаго на простомъ несходствѣ характеровъ. Жена въ такомъ бракѣ подчинялась не мужу, а домовладыкѣ воспитавшаго или усыновившаго ее семейства.

Упорная и продолжительная борьба плебеевъ и патриціевъ, измѣнившая основы римскаго общества, не осталась безъ вліянія и на исторію брака. Плебеи стремились къ равноправности съ патриціями, къ возможности заключать съ ними брачные союзы и къ утвержденію въ своихъ семействахъ болѣе прочныхъ порядковъ (послѣднее стремленіе мужского элемента, какъ мы уже говорили, всегда усиливается въ эпоху первоначальнаго развитія государствъ). Патриціи, нежелавшіе утверждать за отцами плебейскихъ семей строгой родительской власти, служащей въ архаическомъ обществѣ основою соціальной силы и гражданскихъ правъ, недолго могли отстаивать свои исключительные принципы, и законодательство XII таблицъ нанесло значительный ударъ интересамъ плебеянокъ, гарантировавъ мужьямъ ихъ почти такія же права, какія давались институтомъ патриціанскаго брака. Жена поступала въ полное подчиненіе мужа, не имѣла отдѣльной собственности, и право на разводъ, какъ одно изъ капитальныхъ правъ прежняго плебейства, предоставлялось одному только мужу. Но этотъ бракъ могъ установиться нетотчасъ по заключеніи его, а черезъ годъ и то лишь въ случаѣ согласія жены, выраженнаго ею тѣмъ, что она впродолженіи года не проводила внѣ мужнинаго дома болѣе двухъ ночей; если же она не ночевала дома три ночи, то оставалась относительно своего супруга лицомъ самостоятельнымъ.

Въ 311 г. отъ основанія города плебеи вынудили патриціевъ

(*) Плебеи состояли главнымъ образомъ изъ переселенныхъ въ Римъ жителей разныхъ покоренныхъ странъ; къ нимъ присоединялось много эмигрантовъ и даже много аристократическихъ фамилій, имѣвшихъ важное значеніе и громкую родословную въ покинутыхъ ими общинахъ. Плебеи были лично свободны, но политически безправны.

Digitized by Google

выйти изъ своей семейной изолированности и согласиться на заключеніе патриціанско-плебейскихъ браковъ. Бракъ этотъ хотя и былъ гражданскимъ, но имѣлъ такой же строгій характеръ и ставилъ жену въ такое же безправное положеніе, какъ и confarreatio. Патриціи вступали въ такой бракъ между собой и съ плебеями, а плебеи держались свободной формы брака, которая, благодаря усиліямъ женщинъ, все болѣе и болѣе стремилась къ полному перевѣсу надъ формами болѣе строгими.

Совмѣстное и единовременное существованіе свободнаго и строгаго браковъ указываетъ на то, что борьба женщины за свою свободу и самостоятельность началась съ древнѣйшихъ временъ, даже раньше борьбы патриціата съ плебеемъ. Древнеримскимъ идеаломъ женщины была покорная жена, хорошая мать, трудолюбивая хозяйка, и вмѣсто всякихъ другихъ похвалъ на гробницѣ добродѣтельной матроны дѣлалась надпись, что она «смотрѣла за домомъ и пряла шерсть». Въ древнѣйшія времена женщина не могла даже выходить на улицу, не закрывъ своего лица по-восточному. Но всѣ подобные обычаи скоро вышли изъ употребленія, и римлянки даже въ строгія времена господства древнихъ нравовъ пользовались общественною свободою въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ гречанки. «Мы» — говоритъ Корнелій Непотъ — «не стыдимся вводить нашихъ женъ на пиршества, на которыхъ сами присутствуемъ; наши матери семействъ видятъ людей и общество; у насъ жена занимаетъ первое послѣ мужа мѣсто въ домѣ». На общественныхъ гуляньяхъ и процессіяхъ, въ театрахъ и храмахъ женщины также являлись вмѣстѣ съ своими отцами, мужьями, братьями, сыновьями. Ликторъ, хотя бы онъ для самого консула очищалъ дорогу отъ людей, не имѣлъ права отстранить идущую по ней матрону. Дѣвушкамъ давали образованіе. Учили ихъ, во-первыхъ, рукодѣльямъ, прясть и ткать; это считалось необходимымъ условіемъ хорошаго воспитанія въ духѣ старины, и въ домахъ, строго державшихся отеческихъ преданій, вся одежда для семейства приготовлялась если не самою хозяйкою, то, во всякомъ разѣ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ. Научное образованіе дѣвочки высшаго круга получали дома, а средняго и низшаго—въ школахъ и даже вмѣстѣ съ мальчиками. Предметами обученія были главнымъ образомъ литературы Греціи и Рима. Съ особеннымъ стараніемъ также обучали дѣвушекъ музыкѣ, танцамъ и пѣнію; иногда даже ихъ подвергали публичному испытанію въ этихъ искусствахъ. Религія не отвергала женщинъ, и въ лицѣ хранительницъ

Digitized by Google

священнаго огня, весталокъ, выставляла ихъ образцами чистоты и цѣломудрія. Въ театрѣ весталки имѣли мѣста на ряду съ высшими сановниками государства; если ведомый на казнь преступникъ встрѣчался имъ, то получалъ свободу. Римскія сивиллы, подобно пифониссамъ Эллады, имѣли вліяніе не только на отдѣльныя лица, но и на дѣла общественныя. Посредствомъ мужчинъ римлянки всегда принимали участіе въ соціальной жизни своего отечества. Женщина возвела на тронъ Анка Марція; женщина спасла Римъ отъ Коріолана; женщина воспитала и подарила отечеству великихъ друзей народа, Гракховъ; женщины не разъ самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовали въ защитѣ Рима отъ чужеземныхъ враговъ; благодаря ихъ заботамъ о воспитаніи дѣтей, великая республика такъ прославилась гражданскими добродѣтелями; женщины не разъ управляли посредствомъ своихъ мужей дѣлами государства. Но такая посредственная дѣятельность женщинъ ограничивалась извѣстными предѣлами и главнымъ назначеніемъ ихъ все-таки считалась семья и хозяйство. Женщина могла воспитывать изъ своихъ дѣтей хорошихъ гражданъ, могла быть совѣтницей и помощницей мужа въ его занятіяхъ, и только; самостоятельной роли въ обществѣ она не играла. И законъ, и общественное мнѣніе употребляли всѣ силы для удержанія ея въ сферѣ семейства, для охраненія послѣдняго отъ ея эманципаціонныхъ покушеній, для поддержанія древнихъ патріархальныхъ нравовъ. Прелюбодѣяніе наказывалось одинаково строго съ самыми крупными государственными преступленіями; несохранившую обѣта цѣломудрія весталку погребали заживо, а ея соблазнителя засѣкали до смерти. Въ древнѣйшую эпоху прелюбодѣйную женщину имѣлъ право казнить ея мужъ, а дѣвушку отецъ; они также могли лишить жизни и пойманнаго ими любовника. Идеѣ патріархальной половой добродѣтели древній римлянинъ не задумываясь приносилъ въ жертву даже вовсе невиноватую, но только насильно обезчещенную женщину, какъ показываетъ примѣръ Лукреціи, убитой своимъ отцомъ. Впослѣдствіи государство ограничило карательную власть отца и мужа, и смягчило самыя наказанія за блудъ, кровосмѣшеніе и сводничество, опредѣливъ подвергать виновныхъ конфискаціи части имущества и ссылкѣ на острова. Но по мѣрѣ возраставшаго въ Римѣ развращенія нравовъ, снова начали вводиться жестокія наказанія за половыя преступленія, и христіанскіе императоры положили: виновную въ прелюбодѣяніи женщину, конфисковавъ ея имущество, заключать навсегда въ монастырь, а ея соблазнителя казнить смертью.

Digitized by Google

Такими кровавыми мѣрами хотѣли задержать неминуемое при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ разложеніе семейства. И еще задолго до христіанства ревнители патріархальной добродѣтели зорко слѣдили за каждымъ шагомъ женщины, и дозволяя мужчинѣ наслажденія проституціей, наказывая его за прелюбодѣяніе только въ томъ случаѣ, если его любовница была замужемъ, они преслѣдовали въ женщинѣ всякое поползновеніе къ свободѣ чувства, всякое проявленіе кокетства. Даже брачному союзу они старались придать какой-то оффиціальный характеръ, стараясь изгнать изъ него всякое обнаруженіе страсти. Катонъ старшій, напр., изгналъ изъ сената сенатора Манилія за то только, что послѣдній въ присутствіи взрослой дочери поцѣловалъ свою жену. Если отецъ семьи дѣлалъ послабленія членамъ ея, если мужъ не поддерживалъ своей власти надъ женой во всей строгости, если, напр., онъ не разводился съ нею послѣ нарушенія ею супружеской вѣрности, то строгій цензоръ нравовъ всегда могъ понудить такихъ нерадивыхъ къ надлежащему управленію ихъ семействами. При этомъ холостая жизнь не только не одобрялась съ нравственной точки зрѣнія, но и преслѣдовалась юридически. Еще въ періодъ республики цензоры постоянно убѣждали молодежь къ вступленію въ бракъ и налагали штрафъ на бездѣтныхъ. Императоры, какъ увидимъ ниже, еще строже преслѣдовали безбрачіе и поощряли чадородіе. Такимъ образомъ, поддерживая архаическое семейство, государство хотя и дѣлало нѣкоторыя уступки стремленіямъ женской личности, хотя и не устраняло женщину отъ общественной жизни, но все-таки ограничивало ея дѣятельность сферою семейства и, «по причинѣ ея легкомысленности», держало ее подъ постоянной опекой мужчинъ-родственниковъ. Какъ существо опекаемое, зависимое, женщина не могла ни имѣть родительской власти надъ своими дѣтьми, ни опекать ихъ, ни совершать въ качествѣ самостоятельнаго лица какого бы то ни было гражданскаго договора, ни вести процесса безъ своего опекуна.

Если бы бракъ и семейство въ Римѣ были устроены болѣе разумно и справедливо, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, то женщинѣ оставалось бы только стремиться къ полной равноправности съ мужчиною. Но путь къ этой цѣли заграждался прежде всего крѣпкими стѣнами патріархальнаго семейства. Достичь какой бы то ни было свободы женщина могла не иначе, какъ сдѣлавъ проломъ въ этихъ стѣнахъ или вовсе разрушивъ ихъ. Прежде всего ей нужно было освободиться отъ семейной неволи и добыть себѣ свободу по-

Digitized by Google

лового чувства, которое въ ней развивали въ ущербъ всѣмъ другимъ психическимъ функціямъ и въ то же время монополизировали и дѣлали его обязательнымъ. Рабство всегда было, есть и будетъ противно природѣ человѣка вообще и женщины въ частности; обязательность чувства—логическая нелѣпость, невозможность; поэтому-то въ исторіи всѣхъ народовъ мы видимъ, что рабство женщины и семейства, обязательность любви даже, при отсутствіи ея, и монополизированіе половой функціи всегда вели за собой паденіе семейства и стремленіе женщины къ полной свободѣ половой страсти. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ этой мысли служитъ исторія Рима. Монотонный, оффиціальный, обязательно-неизмѣнный характеръ брака не удовлетворялъ ни женщинъ, ни мужчинъ; естественное стремленіе къ свободной любви, не находя себѣ надлежащаго выхода, обратилось къ проституціи. Человѣкъ хотѣлъ страсти и наслажденія; его женили и предписывали ему производить дѣтей; но онъ все-таки хотѣлъ страсти и находилъ ее въ объятіяхъ гетеры. Брачныя обязанности дѣлались чѣмъ-то въ родѣ общественной повинности, а внѣбрачная любовная связь замѣняла собою то, чѣмъ собственно долженъ бы быть бракъ. Гетера разрушала семейство и своею свободою прельщала семейную женщину, которая на ея примѣрѣ видѣла, что порокъ освобождаетъ, а оффиціальная добродѣтель порабощаетъ. Римлянка стала подражать гетерѣ во всемъ, и толпы матронъ, являясь въ полицейскую префектуру, требовали помѣщенія своихъ именъ въ проституціонные списки. Гетеризмъ доставлялъ женщинамъ хотя на время экономическую самостоятельность и личную независимость. Тоже освободительное значеніе имѣло и занятіе искуствомъ. Танцорки, музыкантши, пѣвицы не обременяли себя вовсе семейными узами, могли жить своимъ трудомъ и наслаждаться независимостью, неизвѣстною семейной женщинѣ. Экономическая самостоятельность,—это необходимое условіе женской свободы, рано сдѣлалось цѣлью самыхъ настойчивыхъ стремленій семейной римлянки. И она скоро достигла своей цѣли. Въ плебейскомъ бракѣ имущество жены составляло ея полную, независимую отъ мужа собственность, которая давала женѣ возможность не только не дѣлаться рабынею или содержанкою своего супруга, но даже управлять имъ. Мужъ богатой женщины становился обыкновенно ея кабальникомъ и, сдѣлавшіяся экономически независимыми, римлянки начали эксплуатировать супруговъ силою своего капитала съ такимъ же безсердечіемъ, съ какимъ мужья угнетали зависи-

Digitized by Google

мыхъ женъ силою своей власти. Жена обыкновенно давала мужу въ займы на короткіе сроки и подъ большіе проценты; мужъ обыкновенно не могъ расплатиться въ срокъ, входилъ въ новые долги, принималъ на себя новыя обязательства и наконецъ дѣлался полнымъ рабомъ своей дражайшей половины. Она могла и въ конецъ раззорить его и погубить его репутацію, подвергнувъ его столь тяжкой для римскаго гражданина infamia. Всѣ подобныя стремленія римлянки къ самостоятельности стоили ей упорной борьбы и напряженныхъ усилій, направленныхъ къ ниспроверженію власти мужа и половой опеки. Жена часто покорялась мужу и жила съ нимъ только въ силу необходимости, какъ рабыня и плѣнница. Когда началась война между Римомъ и латинами, то жены римлянъ тотчасъ побросали своихъ мужей и бѣжали къ родичамъ-латинамъ. Стремленіе къ независимости доводило римлянокъ не только до мужеубійства и другихъ одиночныхъ преступленій, но даже организовало между ними тайныя общества и заговоры съ цѣлью ниспроверженія патріархально-семейныхъ порядковъ. Такъ въ 326 г. до Р. Х. Римъ былъ пораженъ ужасною вѣстью о заговорѣ женщинъ съ цѣлью отравленія мужей, о томъ, что матроны приготовляютъ для этого ядъ и уже многіе мужчины пали жертвою ихъ умысловъ. Число заговорщицъ историческія извѣстія опредѣляютъ неодинаково, одни считаютъ 170, другіе 360. Уличенныхъ женщинъ судьи заставили выпить ядъ, приготовленный ими для мужей. Иногда римлянки доходили даже до открытыхъ столкновеній съ правительствомъ и силою принуждали его отмѣнять законы, стѣснявшіе ихъ свободу. Во время пунической войны консулъ Оппій провелъ законъ, запрещавшій женщинамъ имѣть въ своихъ украшеніяхъ болѣе $^1/_2$ унціи золота, носить пестрое платье и ѣздить на парѣ. Когда финансовыя дѣла Рима поправились, законъ этотъ, все еще продолжавшій существовать, сдѣлался невыносимъ для женщинъ, и римлянки, подавъ черезъ двухъ трибуновъ петицію объ его уничтоженіи, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить правительство уступить ихъ желаніямъ. Громадныя толпы женщинъ, несмотря на запрещеніе своихъ мужей, стекались впродолженіе нѣсколькихъ дней въ Капитолій, гдѣ обсуждался вопросъ объ оппіевомъ законѣ; къ римлянкамъ присоединялись здѣсь женщины изъ окрестныхъ поселеній и городовъ; консулы и преторы были оглушаемы женскими криками и требованіями объ отмѣнѣ закона. Въ пользу женщинъ держалъ рѣчь трибунъ Люцій Валерій. При настоящемъ развитіи общественнаго благосостоянія—

Digitized by Google

говоритъ онъ—законъ Оппія является неумѣстнымъ и несправедливымъ. «Мужчины и дѣти могутъ теперь носить роскошныя платья, мужчина имѣетъ право покрывать свою лошадь попоной изъ пурпура, но женщинѣ не дѣлается никакого снисхожденія и лошадь одѣвается роскошнѣе, чѣмъ жена! Женщины нашихъ латинскихъ союзниковъ могутъ щеголять золотомъ и пурпуромъ, ѣздить по городу, а римлянкѣ это запрещено, римлянкѣ, которая лишена доступа къ важнымъ должностямъ, къ жреческому сану, не имѣетъ участія въ тріумфахъ, не можетъ получать никакихъ почетныхъ наградъ. Оставьте же ей, по крайней мѣрѣ, наряды и приличную обстановку!» Противъ Валерія поднялся знаменитый Катонъ, рѣчь котораго хорошо выражаетъ и взглядъ строго-патріархальныхъ римлянъ на женщину и ихъ страхъ передъ ея эманципаціонными стремленіями. «Еслибы каждый изъ насъ—говорилъ ораторъ—умѣлъ поддерживать передъ своей женой права и величество мужа, то мы справились бы мигомъ со всѣми бабами. Но мы допустили мужчину подчиниться женскому своеволію въ семействѣ, и вотъ теперь на форумѣ не можемъ устоять въ борьбѣ съ женщинами и боимся ихъ. Опасность сдѣлалась особенно сильною потому, что мы допустили сходки и тайныя совѣщанія женщинъ... Наши предки не дозволяли имъ безъ надзора мужчины заниматься даже частными дѣлами; они хотѣли, чтобы женщины были подъ постоянной опекой своихъ отцовъ, или братьевъ или мужей. Мы же дойдемъ, наконецъ, до того, что охотно допустимъ бабъ въ управленіе государствомъ, въ дѣло форума, въ національныя и избирательныя собранія. Да и теперь развѣ онѣ уже не достигли этого? Развѣ онѣ не толкуютъ на улицахъ и перекресткахъ о принятіи предложенія трибуновъ, развѣ онѣ не поднимаются за отмѣну закона! Предоставьте только свободно дѣйствовать этому роду, этимъ тварямъ необузданнаго характера, и вы увидите, могутъ ли онѣ держаться мѣры, могутъ ли полагать для себя извѣстныя ограниченія, если послѣднихъ не опредѣляетъ для нихъ кто нибудь другой. На все смотрятъ онѣ съ неудовольствіемъ, для нихъ невыносимы правила, предписываемыя закономъ и обычаемъ. Онѣ хотятъ свободы во всемъ или, правильнѣе говоря, необузданности и что будетъ, если онѣ достигнутъ ея? Онѣ, наконецъ, сдѣлаются совершенно равными вамъ, а, сравнявшись съ вами, онѣ немедленно сдѣлаются вашими повелителями!..» Но несмотря даже на противодѣйствіе такихъ людей, какъ Катонъ, женщины взяли верхъ и законъ Оппія былъ отмѣненъ. — Во время второго тріумвирата

Digitized by Google

произошло другое замѣчательное столкновеніе римлянокъ съ правительствомъ. Тріумвиры до того истощили народъ сборами на военныя издержки, что были вынуждены забрать наконецъ даже суммы, хранившіяся у весталокъ; но денегъ все-таки недоставало, и тріумвиры вздумали сдѣлать огромный сборъ съ 1,400 богатыхъ римлянокъ, которыхъ они считали беззащитными, такъ какъ все это были жены, дочери, сестры и другія родственницы гражданъ казненныхъ, изгнанныхъ или преслѣдуемыхъ правительствомъ. Но тріумвиры ошиблись, — женщины сумѣли защитить сами себя. Густая толпа римлянокъ энергично двинулась на форумъ, пролагая себѣ дорогу черезъ массы народа и стражу. Тріумвиры распорядились силою разогнать женщинъ, но народъ не допустилъ этого, и женщинамъ было дано право слова, которымъ превосходно воспользовалась Гортензія, дочь извѣстнаго оратора того же имени. «Несчастныя женщины, которыхъ вы видите передъ собой—между прочимъ говорила она—просятъ справедливости! Власть, достоинства, почести — все это не для насъ, женщинъ; почему же мы должны участвовать въ издержкахъ войны, которая не можетъ принести намъ рѣшительно никакой пользы? Правда, наши матери помогали республикѣ въ годину ея крайней нужды, но для этого ихъ не заставляли продавать домовъ и земель, и ихъ пожертвованія были добровольными. Еслибы теперь галлы или парфы раскинули свой лагерь на берегахъ Тибра, то вы нашли бы насъ не менѣе ревностными къ защитѣ родины, чѣмъ были прежде наши матери; но мы рѣшились не принимать никакого участія въ войнѣ междоусобной. Ни Марій, ни Цезарь, ни Помпей, ни даже самъ Силла, первый водворившій въ Римѣ тираннію, никто изъ нихъ и не думалъ принуждать насъ къ участію въ междоусобныхъ смутахъ. Вы присвоиваете себѣ громкое титло реформаторовъ государства, но это титло обратится вамъ въ вѣчный позоръ, если вы, несмотря на законы справедливости, будете продолжать отнятіе жизни и имущества у тѣхъ, которыя не подали къ тому никакого законнаго повода». Рѣчь Гортензіи привела тріумвировъ въ бѣшенство и только грозный голосъ народа удержалъ ихъ отъ насилій надъ смѣлыми гражданками. Налогъ былъ сложенъ съ 1,000, но 400 женщинъ все-таки были принуждены уплатить его. Въ этихъ двухъ женскихъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью отмѣну законовъ и административныхъ декретовъ, мы видимъ, что эманципаціонныя стремленія римлянокъ не ограничивались реформою семейнаго права. Особенно въ борьбѣ съ тріумвирами женщины являются истыми

Digitized by Google

гражданками, благородными врагами тиранніи, а въ рѣчахъ Валерія и Гортензіи сильно замѣтно недовольство тѣми общественными порядками, при которомъ «власть, достоинства, почести — все это не для женщины». Но такъ какъ о доступѣ къ общественной дѣятельности нечего было и думать при сохраненіи строго-патріархальныхъ порядковъ, которые прежде всего и болѣе всего давили женскую личность, такъ какъ большинство римлянокъ, по своему воспитанію, вовсе не годилось для какого нибудь серьезнаго занятія; такъ какъ все населеніе Рима, пренебрегая трудомъ, жило безсовѣстной эксплуатаціей рабовъ и побѣжденныхъ народовъ; такъ какъ господство плутократіи, чудовищный деспотизмъ цезарей, постоянные организованные разбои за-границей, систематическое разграбленіе міра и другія подобныя условія дѣлали изъ римлянина празднаго барина, живущаго кровью подвластныхъ ему людей, то понятно, что первые и самые сильные удары женской эманципаціи были направлены противъ семейства, понятно, что римлянка, зараженная всѣми недостатками окружавшаго ее общества, прежде всего должна была стремиться къ тому, чтобы, сдѣлавшись независимой отъ мужчины *барыней*, наслаждаться всѣми благами жизни на своей волѣ. Конечно, такой порывъ женской эманципаціи достоинъ всякаго сожалѣнія, но это былъ порывъ естественный, обусловленный всею предыдущею исторіей Рима. Большинство авторовъ, касающихся послѣдней эпохи Рима и толкующихъ о крайней развращенности тогдашнихъ женщинъ, не видятъ или не хотятъ видѣть истинной причины такого положенія дѣлъ. Римъ жилъ не производительнымъ трудомъ своихъ гражданъ, а грабежомъ міра и рабствомъ. Поколѣнія же людей, преемственно и неустанно занимающіяся этими позорными дѣлами, всегда естественно вырождаются въ отвратительную породу физическихъ и нравственныхъ чудовищъ; изъ героевъ они дѣлаются разбойниками; изъ людей прямыхъ и независимыхъ раболѣпными угодниками и двоедушными мерзавцами, изъ ревнителей строгой жизни отчаянными развратниками; изъ сильныхъ и здоровыхъ физически искаженными и разслабленными. По этому закону шла и исторія Рима. Утвержденіе свободнаго брака, уничтоженіе половой опеки, облегченіе развода, пріобрѣтеніе женщиною правъ личной собственности, реформирующее вліяніе государственной власти, ограничивавшей произволъ домовладыки и гарантировавшей личность домочадцевъ, войны, колонизація покоренныхъ земель, торговля и другія международныя сношенія—все это неизбѣжно расшатывало основы стариннаго

Digitized by Google

семейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ развившихся съ цивилизаціей половыхъ противоположностей и подъ растлѣвающимъ дѣйствіемъ рабства и богатствъ, хищнически-отнимаемыхъ Римомъ у покоренной имъ земли, половая страсть чувствовала себя неудовлетворенной даже въ свободной формѣ брака. Сытый и думавшій только о наслажденіяхъ римлянинъ хотѣлъ превратить свою жизнь въ непрерывное наслажденіе страсти съ перемѣнными любовницами. Заботясь о половой нравственности женъ, государство покровительствовало разврату съ невольницами и отпущенницами, спеціально воспитанными для утонченнаго гетеризма. Большая часть несмѣтныхъ богатствъ, награбленныхъ римлянами, пошла на проститутокъ и сладострастныя оргіи. Женщину бракъ удовлетворялъ еще менѣе, чѣмъ мужчину. Мужья пренебрегали своими скучными, старомодными женами для прекрасныхъ, остроумныхъ и блестящихъ камелій; жены подражали мужьямъ, пріискивали себѣ любовниковъ по сердцу и старались поровняться въ свѣтскости, манерахъ и роскоши съ гетерами, такъ увлекавшими и раззорявшими мужчинъ. Главною заботою воспитанія женщины сдѣлалось то, чтобы развить изъ нея свѣтскую львицу и обольстительную кокетку. Долго боролась женщина за право роскошничать наравнѣ съ мужемъ и его любовницами, долго завоевывала она себѣ экономическую самостоятельность. Ревнители старины употребляли всѣ усилія, чтобы удержать ее отъ роскоши и съ большимъ еще рвеніемъ старались объ ограниченіи ея имущественныхъ правъ, такъ часто дававшихъ ей полный перевѣсъ надъ мужчиною, что Катонъ говорилъ: «всѣмъ людямъ повинуются жены ихъ, намъ повинуются всѣ люди, а мы повинуемся женамъ». Хорошо понимая эту эманципирующую силу женскаго имущества, консервативное правительство старалось по возможности давить его своими репрессивными мѣрами, въ родѣ вышеупомянутаго закона Оппія и декрета тріумвировъ. Таковъ же былъ и законъ Воконія, запрещавшій назначать женщинъ наслѣдницами или завѣщать имъ болѣе, чѣмъ доставалось наслѣднику или наслѣдникамъ. Цѣлью закона было отчасти предупрежденіе раздробки семейныхъ имуществъ, а главнымъ образомъ обузданіе «незаконно» присвоенной женщинами независимости, возроставшей все болѣе и болѣе. Въ своей рѣчи въ защиту этого закона, Катонъ указываетъ главнымъ образомъ на то, какъ женщины употребляютъ независимое состояніе и богатство для униженія своихъ мужей, и напоминаетъ, что у древнихъ римлянъ мужъ былъ господиномъ и судьей жены,

Digitized by Google

могъ подвергать ее наказаніямъ и казни. «Обличивъ ее въ невѣрности, ты можешь убить ее, а она, обличивъ тебя въ томъ же, и пальцемъ не смѣетъ тронуть; такъ оно и должно быть!» Законъ Воконія хотя былъ принятъ, но онъ мало стѣснялъ римлянокъ: въ завѣщаніяхъ назначали подставныхъ наслѣдниковъ, а отъ нихъ имущество переходило все-таки къ женщинамъ. Утвердивъ свою имущественную самостоятельность, женщина начала пользоваться ею для преобладанія надъ мужчиною и путемъ экономическимъ и путемъ роскошнаго кокетства. Рабство и другіе соціальные порядки не дозволяли ей пока сдѣлаться эманципированнымъ человѣкомъ, и она, сдѣлавшись эманципированной барыней-рабовладѣлицей, не отставала въ роскоши отъ мужчины. Даже самыя скромныя и добродѣтельныя римлянки, по словамъ Плинія, начали считать неприличнымъ выходить изъ дома не въ модномъ платьѣ и безъ алмазовъ. Знатныя матроны даже для простыхъ визитовъ нанизывали на себя алмазовъ иногда на 200,000,000 сестерцій и держали стада ослицъ спеціально для того, чтобы ежедневно купаться въ молокѣ ихъ. Туалетное искуство было очень развито, туалетная прислуга дамы многочисленна, туалетныя занятія богатой римлянки отнимали у нея все утро. Власть цензора сдѣлалась безсильною для того, чтобы удерживать женщину въ предѣлахъ семьи и старинныхъ нравовъ. Не патріархальная традиція, а мода стала управлять внѣшнею жизнію гражданокъ, законодательницами же моды и новыхъ общественныхъ обычаевъ были женщины. Въ царствованіе Геліогабала, по настоянію его матери, матроны составляютъ изъ себя «малый сенатъ», который держитъ свои засѣданія на квиринальской горѣ, постановляя законы моды и свѣтскихъ приличій, рѣшая разные вопросы о жизни женщинъ. Это былъ предшественникъ средневѣковыхъ «судовъ любви». Роскошь, наряды, кокетничанье были только простыми средствами къ удовлетворенію половой страсти, привлекавшими къ нарядной кокеткѣ толпы поклонниковъ. Поэтому вмѣстѣ съ борьбой женщины за право роскошничать и кокетничать идетъ борьба ея за свободу половой страсти. Выведенная изъ терпѣнія рабыня сначала мститъ мужу секретною измѣною, а потомъ - разбиваетъ свои семейныя цѣпи и съ одурѣніемъ пускается въ оргіи публичнаго разврата. Черезъ десять лѣтъ послѣ отмѣны Оппіева закона учреждаются вакханаліи, на которыя сначала сходятся однѣ женщины, а потомъ онѣ привлекаютъ и мужчинъ, убивая для сохраненія тайны тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались любиться съ ними. Преслѣдованіе и запрещеніе

Digitized by Google

этихъ сладострастныхъ сборищъ нисколько не задерживаетъ быстро усиливающагося разврата и своеволія женщинъ. Сами цезари, эти вѣнчанные артисты порока, предаваясь ему до отвалу, нерѣдко пытались въ видахъ государственной пользы ограничить его между своими подданными, преслѣдуя безбрачіе и бездѣтность. Lex Julia запрещаетъ безбрачную жизнь мужчинамъ отъ 20 до 60, а женщинамъ до 50 лѣтъ. Для того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами, мужчины съ 25, а женщины съ 20 лѣтъ обязывались имѣть дѣтей. Имѣніе нѣсколькихъ дѣтей доставляло мужчинамъ земельные надѣлы и освобождало ихъ отъ извѣстныхъ повинностей, а женщинъ отъ половой опеки. Безбрачіе и бездѣтность наказывались штрафомъ; безбрачный не имѣлъ права ни получать наслѣдства, ни дѣлать завѣщанія; бездѣтный получалъ только половину слѣдующаго ему наслѣдства. Подобныя мѣры еще болѣе разрушали бракъ, дѣлая его ненавистною оффиціальностью, необходимою только для пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ. «Люди женились не для рожденія наслѣдниковъ, а для полученія наслѣдства», говоритъ Плутархъ. Мужья мѣняли женъ, а жены мужей иногда ежегодно; случалось, что женщина имѣла преемственно до двадцати мужей и больше. Нарушеніе супружеской вѣрности сдѣлалось всеобщимъ, и Діонъ Кассій, при своемъ вступленіи въ должность консула, нашелъ въ Римѣ 3,000 жалобъ на прелюбодѣяніе. Скоро настало еще худшее время, когда на невѣрность жены или мужа не только не жаловались, но даже не обращали вниманія. Бракъ замѣнился конкубинатомъ. Мужчина обзаводится содержанками; матрона, при неимѣніи добровольнаго любовника, держитъ для этой роли гистріона или раба и нерѣдко, бросая мужа и дѣтей, убѣгаетъ на чужбину съ своимъ фаворитомъ. Отъ строгихъ мужей, отъ дѣтей, отъ соискателей наслѣдства женщина отдѣлывается часто посредствомъ кинжала или яда. А гдѣ можно защитить себя или удовлетворить свои желанія посредствомъ закона, тамъ римлянки начинаютъ процессъ и ведутъ его съ такой настойчивостью, что даютъ основаніе тогдашней сатирѣ нападать на нихъ, какъ на самыхъ отчаянныхъ сутягъ. Главною обязанностью древней римлянки была материнская, но, скажемъ словами Россбаха, «матери древнихъ временъ лежали въ могилахъ, а матери новаго времени не имѣли болѣе любви къ своимъ дѣтямъ, предоставляя воспитаніе ихъ рабамъ. Рабъ же зналъ, что питомецъ будетъ современемъ его господиномъ, и чтобы пріобрѣсть его благосклонность въ будущемъ, поблажалъ его страстямъ и открывалъ источники еще не-

Digitized by Google

извѣстныхъ ему наслажденій. Плодъ, сѣмена котораго были насажены рабомъ, окончательно созрѣвалъ подъ вліяніемъ театра и цирка». Воспитаніе дочери, если и велось матерью, то, во всякомъ разѣ, стремилось къ тому, чтобы приготовить изъ дѣвушки не семейную женщину, а свободную кокетку. Воспитаніе такимъ образомъ значительно содѣйствовало разложенію семьи и паденію древнихъ нравовъ; то же самое дѣлали и религія, и искуства, и литература, и торговыя сношенія, и войны, и одурѣвшіе отъ деспотизма правители, и обезсмысленныя тиранніей народныя массы. Это былъ радикальный переворотъ, который долго совершался незамѣтно для глазъ наблюдателей и только въ эпоху императоровъ созрѣлъ до окончательнаго взрыва. Основанное на рабствѣ и силѣ, аристократическое военное общество губило само себя; порабощенная государству, человѣческая личность стремилась къ освобожденію; рабы съ яростью Самсона потрясали основы общественнаго зданія, дѣти отбивались отъ родительскаго деспотизма и гарантировали отъ него свою личность съ помощью закона, женщины разбивали стѣны своей семейной темницы. Взгляните на эту эпоху анархіи и всеобщаго разврата не съ моральной, а съ соціально-физіологической точки зрѣнія, и вы увидите, что это только кризисъ долговременной болѣзни, порожденной рабствомъ народовъ Риму, рабствомъ гражданъ государству, рабствомъ невольниковъ господамъ, рабствомъ женщины мужчинѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ человѣческая личность стремилась къ свободѣ, и съ каждымъ ея шагомъ впередъ по этому пути разрушались и погружались въ анархію семья, государство и другія юридическія институціи, всецѣло поглощавшія до тѣхъ поръ индивидуумовъ, входившихъ въ составъ ихъ и бывшихъ не активными личностями, а пассивными частями юридическихъ лицъ. Это былъ не только закатъ античной цивилизаціи, но и заря новой. Стоики учатъ жить согласно съ природой, умирать за истину и твердо переносить несчастія. На мѣсто разоблаченнаго суевѣрія, философія ставитъ разумъ, на мѣсто прежнихъ юридическихъ понятій являются идеи справедливости, равенства, верховной власти народа; справедливость и любовь къ ближнему ставятся идеальными основами общества; литература вооружается противъ войны и проситъ мира; римляне уравниваются съ иностранцами; императоры дѣлаютъ въ одной изъ варварскихъ областей попытку ввести представительное правленіе; Луканъ поетъ о святой любви къ вселенной; Сенека проповѣдуетъ космополитизмъ, вооружается противъ гладіаторскихъ побоищъ, отрицаетъ рабство.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ этими новыми общественными принципами рождаются и проникаютъ сначала въ римскую жизнь, а потомъ, съ дарованіемъ правъ римскаго гражданства, и ко всѣмъ жителямъ имперіи, новыя семейныя начала. Борьба женской личности за свою самостоятельность въ семействѣ кончилась въ пользу женщины. Бракъ окончательно принялъ форму моногаміи. Выходя замужъ, женщина оставалась подъ опекой отца или другого родственника, но когда эта форма брака вполнѣ утвердилась, то половая опека была уже уничтожена, власть отца значительно ослабла, а относительно замужней дочери сдѣлалась чисто номинальною и дѣйствительною лишь въ одномъ томъ, что она устраняла собою власть мужа надъ женой и дѣлала послѣднюю лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ. Жена имѣла свою отдѣльную собственность, которою она управляла и пользовалась независимо отъ мужа. Наслѣдственныя права женщины, расширенныя и окончательно утвержденныя, сдѣлались сильною опорою ея экономической независимости. Приданое жены составляло общее достояніе супруговъ; но безъ согласія жены мужъ не могъ сдѣлать изъ него никакого употребленія, ни продать, ни заложить его; по закону Юстиніана, онъ не имѣлъ на это права даже и при согласіи жены. Законъ требовалъ, чтобы супругъ гарантировалъ женѣ ея приданое равною ему суммою своего приданаго (dos propter nuptias). Имущество жены послѣ ея смерти переходило къ ея наслѣдникамъ. Между мужемъ и женой, какъ между лицами совершенно самостоятельными, совершались договоры, денежные займы и т. п. Вмѣстѣ съ развитіемъ свободнаго брака падала и половая опека надъ женщиной. Подъ вліяніемъ эманципаціонныхъ стремленій женщины и идей естественнаго права позднѣйшая римская юриспруденція отступается отъ своей прежней теоріи, по которой женщина подлежала пожизненной опекѣ «по причинѣ ея легкомысленности». Юрисконсульты признали наконецъ равенство половъ принципомъ своего кодекса справедливости. Гай опровергаетъ защитниковъ половой опеки, доводы которыхъ основаны на предполагаемой низкости женской природы, и сообщаетъ много средствъ и уловокъ, употреблявшихся юристами для того, чтобы дать женщинамъ возможность обходить стѣснительныя для нихъ постановленія стариннаго права. Императоры вовсе уничтожили институтъ половой опеки, и такимъ образомъ въ предсмертную эпоху Рима личность женщины явилась совершенно свободною отъ юридическихъ оковъ патріархальнаго семейства. Римлянка позднѣйшихъ временъ равноправна мужу, она уже не стоитъ подъ опекой, а сама пріобрѣ-

Digitized by Google

таетъ права опеки надъ своими дѣтьми и внуками. Она можетъ имѣть самостоятельное хозяйство, заключать контракты, вести процессы и т. д.

Добившись семейной свободы и экономической самостоятельности, римлянка начала проникать во всѣ сферы общественной дѣятельности. Еще во времена полнаго господства древнихъ нравовъ, римлянки, какъ мы уже говорили, принимали участіе въ дѣлахъ отечества, посредствомъ мужчинъ вліяли на ходъ событій, воспитывали цѣлыя поколѣнія доблестныхъ республиканцевъ. Съ усиленіемъ женскихъ стремленій къ свободѣ, съ постепеннымъ расширеніемъ правъ, женское вліяніе на общество дѣлалось все значительнѣе и значительнѣе, такъ что, по замѣчанію Катона, обладавшіе цѣлымъ міромъ римляне очутились, наконецъ, подъ властью своихъ женъ. Повелители государства въ послѣднюю эпоху его существованія не только находились подъ сильнымъ вліяніемъ женщинъ, но и нерѣдко были вынуждаемы отстаивать свою власть отъ окончательнаго захвата ея честолюбивыми и ловкими матронами. Таковы были, напр., Фульвія, жена Антонія, Ливія, жена Августа, которой сенатъ предложилъ титутъ «матери отечества;» Агриппина, являвшаяся вездѣ на ряду съ цезаремъ, принимавшая дѣятельное участіе въ управленіи и сдѣлавшаяся наконецъ соправительницею своего сына Нерона. Мать Геліогабала, Семіамира, засѣдала въ сенатѣ на ряду съ консулами. Во дворцѣ цезарей идетъ ожесточенная борьба за власть. Женщины отравляютъ и убиваютъ своихъ бывшихъ повелителей, ведутъ противъ нихъ коварныя интриги, составляютъ заговоры, но въ то же время и сами ежеминутно подвергаются опасности насильственной смерти или ссылки на острова. Въ развратѣ и жестокости онѣ не уступаютъ мужчинамъ, а умомъ, хитростью, энергіей далеко превосходятъ ихъ и не имѣютъ между собою ни такихъ идіотовъ, ни такихъ сумасшедшихъ, какъ многіе изъ цезарей. Въ то же время женщины дѣлаютъ замѣтные успѣхи въ образованіи. Не говоря уже о сильномъ распространеніи между ними знанія греческой литературы, римлянки знакомились также съ науками и правомъ. Однакожъ ни одного женскаго имени не стоитъ въ ряду извѣстныхъ римскихъ юристовъ и ни одна римлянка не дѣйствовала самостоятельно въ области науки. Но все-таки женщины послѣдней эпохи язычества нерѣдко получали высшее образованіе, кое-что писали и по умственному своему развитію достигали одного уровня съ образованными мужчинами того времени. Таковы были, напр., Юлія, жена Септимія

Digitized by Google

Севера, Юлія-Маммея, мать Александра Севера, Семпронія, жена Брута, Теренція, жена Цицерона, и Туллія, дочь его, Кальпурнія, жена Плинія младшаго, Кремуція, дочь историка Кремуція Корда и др. Многія изъ этихъ женщинъ участвовали въ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ близкихъ имъ мужчинъ, имѣя на нихъ немаловажное вліяніе. Болѣе дѣятельную и самостоятельную роль играли римлянки въ медицинѣ. Лекарки (medicae) были довольно многочисленны. Въ Римѣ и, вѣроятно, въ главныхъ городахъ имперіи были «присяжныя лекарки», medicae juratae, о которыхъ Анніанъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ кодексу Феодосія говоритъ: «каждый разъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе о беременности женщины, пять присяжныхъ, занимающихся медициною женщинъ, получаютъ приказаніе освидѣтельствовать эту беременную.» Эти лекарки были свѣдущи и въ медицинѣ вообще, а не въ одномъ только родовспомогательномъ искуствѣ, которое было спеціальностью акушерокъ, obsestrices, и ихъ помощницъ, adsestrices. Акушерки же приготовляли разные косметики, любовные напитки и конфертативы, совершали плодоизгнаніе, кастрировали мужчинъ, инфибулировали женщинъ и другими способами служили тому разврату и тому разложенію семьи, которыми ознаменована послѣдняя эпоха Рима.

XII.

Такъ разваливалось древнеримское семейство, такъ римлянка изъ рабыни дѣлалась свободною личностью. Но радикальныя реформы, сѣмена которыхъ уже были въ римскомъ обществѣ, не успѣли совершиться вполнѣ; расшатавшееся зданіе государства пало подъ напоромъ варваровъ. На встрѣчу варварамъ съ береговъ Іордана шло христіанство, благодаря которому семья и женщина приняли направленіе, совершенно противное архаическимъ началамъ рабства.

Христіанство сняло съ женщины древнее иго проклятія и рабства, сдѣлавъ ее подругою мужа и участницею вмѣстѣ съ нимъ загробнаго блаженства, составляющаго конечную цѣль христіанской жизни. Бракъ получилъ характеръ таинства. Образцомъ для него поставленъ союзъ Христа съ церковью; этотъ союзъ вѣченъ, и бракъ нерасторжимъ; Христосъ глава церкви, и мужъ глава жены; какъ «Христосъ возлюбилъ церковь и пожертвовалъ собою за нее», такъ и мужъ долженъ любить жену, какъ себя самого, а жена

Digitized by Google

должна во всемъ повиноваться ему, какъ Христу церковь; «жена да боится своего мужа», говоритъ апостолъ. Супруги должны составлять одно лицо—«да будутъ два одною плотью», т. е. принимая во вниманіе главенство мужа, личность жены должна во всемъ сливаться съ его личностью, а женщина вообще должна подчиняться мужчинѣ. Апостолъ запрещаетъ ей учить мужчинъ, «потому что Адамъ сотворенъ прежде Евы». Четвертый карфагенскій соборъ запрещаетъ женщинѣ наставлять мужчинъ, если бы она была даже *ученою и святою*. Цѣль брака—христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей; половой инстинктъ признается нечистымъ, удовлетвореніе его ради одного удовольствія — смертный грѣхъ; поэтому-то цѣлью брака религія ставитъ рожденіе и воспитаніе добрыхъ христіанъ, освящая плотскій и самъ по себѣ грѣховный союзъ благодатью таинства. Считая своихъ послѣдователей странниками и пришельцами на землѣ, людьми не отъ міра сего, гражданами небеснаго царства, христіанство хотя и защищало бракъ отъ крайнихъ аскетическихъ доктринъ, но все-таки не ставило его идеальною нормою христіанской жизни. Апостолъ ясно говоритъ, что кто можетъ прожить дѣвственно, тотъ не долженъ вступать въ бракъ, а кто не надѣется провести свою жизнь ангелоподобно, тотъ долженъ прибѣгнуть къ «честному и нескверному ложу брака». Высшимъ идеаломъ жизни служитъ дѣвственность, божественные примѣры которой даны Христомъ и его матерью. Плоть, міръ и дьяволъ—вотъ три главныхъ врага христіанина, преграждающихъ ему путь въ небесное царство. Въ борьбѣ съ ними должна проходить земная жизнь, изъ которой нужно изгнать все, что поблажаетъ чувствамъ и плоти. «Только тотъ совершенъ, — говоритъ Августинъ,—кто и духомъ, и плотью отрѣшился отъ міра». Дѣвственность и отреченіе отъ удовольствій брака даютъ мужчинамъ и женщинамъ доступъ въ райскія обители; дѣвственницы называются христовыми невѣстами, дѣвственники — земными ангелами. И съ первыхъ же вѣковъ христіанства идея безбрачія осуществляется въ монашествѣ и отчасти въ мірскомъ духовенствѣ, а въ рядахъ святыхъ появляется особый классъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ. При такомъ настроеніи умовъ, нѣкоторые церковные писатели, особенно причастные гностицизму, вовсе отвергали бракъ, какъ безнравственную институцію. Іустинъ мученикъ считаетъ его несправедливымъ учрежденіемъ и сознается, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ грѣховная чувственность можетъ сдѣлаться въ бракѣ чѣмъ-то нравственнымъ. Тертулліанъ учитъ пренебрегать

Digitized by Google

бракомъ, хотя бы изъ-за этого пренебреженія суждено было вымереть всему роду человѣческому. Григорій нисскій пишетъ, что если бы Адамъ въ раю не отступилъ отъ Бога, то брака никогда бы не было, и размноженіе людей совершалось бы другимъ, болѣе достойнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, даже у учителей, признающихъ святость его, бракъ считается милосердою уступкою религіи слабости человѣческой, а безбрачіе—жизнію ангеловъ, по выраженію Дамаскина. Допуская бракъ, учители и законодатели церкви старались по возможности ослабить его чувственный характеръ, составляли скрупулезныя правила о физическихъ сношеніяхъ между супругами, увѣщевали послѣднихъ предаваться половымъ наслажденіямъ съ возможною умѣренностью и т. п. Санкціонировавъ моногамію и желая утвердить самую строгую форму ея, церковь не одобрила вторичнаго и третичнаго брака, дозволяя ихъ только ради избѣжанія грѣха и положительно запрещая жениться и выходить замужъ болѣе трехъ разъ. Преслѣдуя конкубинатъ и всякую внѣбрачную связь, христіанское законодательство установило рѣзкое, неизвѣстное древнему міру различіе между законными и незаконными дѣтьми. Считая бракъ союзомъ нерасторжимымъ, христіанскіе законодатели, въ особенности же Константинъ и Юстиніанъ, начали строго преслѣдовать самовольные разводы супруговъ, налагая за нихъ не только денежные штрафы, но и тяжкія уголовныя наказанія. Словомъ, подъ вліяніемъ реакціи римское семейное право, хотя и освободившееся отъ многихъ архаическихъ постановленій и обычаевъ, получило новую силу для поддержанія своихъ прежнихъ принциповъ. Хотя свобода женщины отъ половой опеки и самостоятельность ея личности, признанныя позднѣйшей римской юриспруденціей, и были утверждены церковью, но, съ другой стороны, главенство мужа и нерасторжимость брака показывали, до какой степени вѣра, пришедшая съ береговъ Іордана, радикально противоположна послѣднимъ стремленіямъ язычества. Къ тому же самая главная основа архаическаго семейства,—отеческая власть, послѣ всѣхъ ограниченій, наложенныхъ на нее общественнымъ прогрессомъ, оставалась de jure болѣе строгою, чѣмъ даже отеческая власть многихъ полудикихъ европейскихъ варваровъ. Принципы христіанства не реформировали по своему римскаго семейства, и Римъ умеръ язычникомъ.

Но при всемъ этомъ, женщины были такъ подняты новой религіей, что играли въ ней важную роль съ самаго начала. Онѣ были средствіями распространенія и поддержанія христіанства; онѣ постоян-

Digitized by Google

но окружали Христа, занимали видное мѣсто въ первенствующей церкви, осуществляли повидимому невозможные идеалы аскетизма, служили страждущему человѣчеству, геройски шли за свою вѣру и на костеръ и подъ топоръ палача; женщины же, какъ увидимъ ниже, были первыми насадительницами христіанства почти у всѣхъ европейскихъ варваровъ. Но все-таки новая религія, которой суждено было утвердить въ Европѣ строгую систему патріархальнаго семейства и въ тоже время нѣсколько улучшить положеніе европеянки, мало вліяла на измѣненіе восточной семьи. Большая часть Востока приняла не христіанство, а измѣненный и смѣшанный съ другими вѣрованіями особый видъ—магометанство. Да и у настоящихъ восточныхъ христіанъ, напр., у армянъ и грузиновъ, семейство представляется чистѣйшей деспотіей, а женщина находится въ рабствѣ.

Впрочемъ, въ первое время христіанства, оно подъ вліяніемъ разныхъ греческихъ и восточныхъ идей, принимало въ своихъ сектахъ часто самое крайнее направленіе, стремившееся возродить гетеризмъ и материнство первобытнаго міра. Николаиты, фибіониты, стратіотики и многіе другіе сектанты проповѣдуютъ общность женъ и законность всѣхъ плотскихъ инстинктовъ, хотя мерзости, въ которыхъ они обличаются своими противниками и были, по всей вѣроятности, выдуманы или сильно преувеличены послѣдними. Всѣ подобныя секты были реакціей аскетическимъ и патріархальнымъ идеаламъ христіанства, и въ дѣлѣ этой реакціи женщина играла весьма важную роль. Развитію и распространенію карпократіанизма, напр., много содѣйствовали Марцеллина, Стимула и Агапа. И вообще въ исторіи гностицизма женщины стоятъ на переднемъ планѣ. Елена имѣла безграничное вліяніе на Симона волхва; жена Николая произвела расколъ николаитовъ; Филомена сообщила Апеллесу откровенія, приходившіяся по вкусу женщинамъ высшаго класса; Флора пропагандируетъ свое ученіе передъ Птоломеемъ; женщины монтанистовъ, особенно пророчицы Присцила и Максимилла, предсказывали будущее и проповѣдывали и т. д. По объясненіямъ Баховена, сущность ученія упомянутыхъ сектъ состоитъ въ реставраціи гинейкократическаго материнства, и въ этомъ религіозномъ движеніи принимали главное участіе тѣ племена, которыя прежде особенно славились своей гинейкократіей, какъ, напр., ликіяне. Снова пѣлись гимны богинѣ гетеризма, снова женскіе принципы въ религіи брали верхъ надъ мужскими, снова въ таинствахъ мистерій прославлялось материнство, снова отдавались сво-

Digitized by Google

бодной любви,—но Галилеянинъ побѣдилъ, и новые народы приняли новую вѣру, говорившую больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ, и заставлявшую забыть о той разнузданности страстей, которая такъ истощила древній міръ.

XIII.

Когда послѣ неудачныхъ попытокъ построить изъ варваровъ новую римскую имперію, наступилъ періодъ феодализма или кулачнаго права, то вся Европа распалась на множество мелкихъ землицъ, сдѣлавшихся достояніемъ сильныхъ тогдашняго міра. Въ неприступныхъ и безопасныхъ мѣстахъ порабощенный народъ выстроилъ крѣпкіе замки для своихъ тирановъ, а передъ воротами ихъ поставилъ висѣлицы на тѣ случаи, когда господамъ благоугодно будетъ казнить его. Зависимыя народныя массы окончательно низведены на степень вьючныхъ скотовъ, обязанныхъ работать на своихъ благородныхъ владыкъ. Гордый своею силою и безнаказанностію, господинъ не чувствовалъ ничего общаго между собою и жителями убогихъ хижинъ, стоявшихъ около его грознаго замка. «Народонаселеніе, окружавшее средневѣковаго собственника, и по роду своихъ занятій, и по степени богатства, и по происхожденію не имѣло съ нимъ ни одной изъ тѣхъ связей, которыя соединяютъ, напр., патріархальнаго родоначальника съ его родомъ, или предводителя клана съ другими членами послѣдняго. Феодальное семейство живетъ совершеннымъ особнякомъ отъ остального народонаселенія, въ совершенно особенномъ положеніи» (Гизо). Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы феодальное право приняло чисто семейный характеръ. Сила и значеніе владѣльца зависѣли отъ количества его земель и рабовъ, отъ прочной и единой власти, заправляющей абсолютно и членами феодальной семьи, и вассалами, и крестьянами. Нераздробляемость семейнаго имущества и строгая отеческая власть сдѣлались необходимостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошла въ полную силу и кастальная теорія о благородствѣ аристократической крови. Феодальное общество считало себя избранною расою и каждая фамилія строго должна была остерегаться порчи вслѣдствіе смѣшенія своей породы съ породами низшими по происхожденію. Эта теорія находила себѣ поддержку даже въ католической религіи. Подобно браминамъ, наложившимъ

Digitized by Google

религіозно-мифологическую санкцію на существованіе кастъ, католическіе сочинители, попирая евангельскія заповѣди братства и равенства и угождая баронамъ, оправдывали именемъ Бога кастальные порядки феодализма.

Каждый феодалъ былъ или стремился быть независимымъ деспотомъ въ своихъ владѣніяхъ и абсолютнымъ повелителемъ своего семейства. Отеческая власть, какъ всѣ тогдашнія права и привилегіи, не составляла одного стройнаго, систематически-развитаго института, общаго всей странѣ, а безконечно разнообразилась, смотря по различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. У германцевъ до-феодальнаго періода семейныя узы и власть родителя не успѣли еще достаточно окрѣпнуть и обратиться въ непреложные юридическіе обычаи, такъ какъ для утвержденія ихъ они не имѣли ни содѣйствія сильной государственной власти, ни вліянія жреческой касты, которая путемъ религіозной проповѣди и школьнаго воспитанія всюду помогала государству и отцамъ семей пропагандировать и строго поддерживать патріархальные порядки. Однакожъ, нельзя соглашаться съ мнѣніемъ германофиловъ, что семейныя отношенія европейскихъ варваровъ отличались особенною мягкостію, бывшею будто бы характерною чертою германской расы. Въ первыхъ главахъ нашихъ этюдовъ мы уже говорили, что слабость семейныхъ узъ и отеческой власти, замѣчаемая у германцевъ, какъ и у другихъ полудикихъ народовъ, были результатомъ не народнаго характера, а борьбы домочадцевъ съ произволомъ домовладыки, борьбы, некончившейся еще рѣшительной побѣдой послѣдняго. Эта относительная мягкость семейныхъ отношеній, благодаря энергической борьбѣ индивидуума противъ поработительныхъ стремленій домовладыки, упрочилась въ жизни и отразилась на средневѣковомъ семейномъ правѣ тѣхъ странъ, которыя не были вполнѣ подчинены римской юриспруденціи. Въ особенности франки представляются народомъ, рѣзко отличающимся отъ римлянъ своими родительскими правами, и старинные французскіе законовѣды энергично противились признанію строгаго института римской patria potestas, упорно удерживая свое правило, что «отеческой власти нѣтъ мѣста во Франціи». По германскимъ обычаямъ, отецъ, а по смерти его мать имѣли право опеки (mundium) надъ личностью и имуществомъ своихъ дѣтей. Бракъ эманципировалъ сына, а опеку надъ дочерью передавалъ ея мужу. Даже холостой сынъ освобождался отъ родительской власти, коль скоро онъ становился способнымъ носить оружіе или достигалъ совершеннолѣтія.

Digitized by Google

Напротивъ, въ странахъ, подчиненныхъ римскому праву, отцамъ предоставлено было пользоваться такою же неограниченною властью надъ дѣтьми, а послѣдніе ставились въ такую же рабскую зависимость, какъ это было и въ Римѣ. Впрочемъ нужно замѣтить, что историки юриспруденціи придаютъ слишкомъ ужь много значенія упомянутому различію родительской власти въ странахъ обычно-германскаго и писаннаго римскаго права. Средніе вѣка были эпохой произвола и ходъ жизни зависѣлъ не отъ уложеній или юридическихъ обычаевъ, а отъ произвола и кулачнаго права. Отеческая германская власть была гораздо слабѣе и легче римской, но при всемъ томъ феодалъ такъ могъ деспотствовать въ своемъ семействѣ, какъ не деспотствовали даже самые жестокіе домовладыки Рима. Феодалъ старался держать свое семейство въ такихъ же ежевыхъ рукавицахъ, какъ и подвластныхъ ему крестьянъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднихъ онъ презиралъ, какъ скотовъ, и высасывалъ изъ нихъ всѣ жизненные соки въ пользу своей фамиліи. Исторія среднихъ вѣковъ представляетъ не мало примѣровъ того, какъ феодальные самодуры звѣрски мучатъ своихъ домочадцевъ, рѣжутъ, топятъ ихъ, морятъ ихъ голодною смертью, выкалываютъ имъ глаза и т. п. Во Франціи, даже въ XIV вѣкѣ отецъ могъ безнаказанно убить сына, поклявшись только, что онъ совершилъ это въ припадкѣ гнѣва и безъ предварительнаго размышленія. Продажа дѣтей въ этой странѣ продолжалась почти до эпохи Возрожденія, равно какъ и отдача ихъ въ залогъ или на удовлетвореніе обязательствъ, сдѣланныхъ родителями. Въ Германіи было не лучше, и даже въ XV вѣкѣ церковь, въ лицѣ знаменитаго проповѣдника того времени, Гейлера, учила, что «въ случаѣ голода, отецъ можетъ продать своего сына; мать же не имѣетъ права продавать сына, терпитъ ли она голодъ, или нѣтъ». Семейный совѣтъ изъ родственниковъ, созывавшійся отцомъ въ важныхъ случаяхъ въ средневѣковой Европѣ, какъ и въ Римѣ, имѣлъ только совѣщательное значеніе; не ограничивая самодурства домовладыки, онъ поддерживалъ его авторитетъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся чести и интересовъ фамиліи. И если, не обращая вниманія на многочисленныя проявленія самаго дикаго и безсмысленнаго произвола средневѣковыхъ домовладыкъ, разсмотрѣть сущность ихъ власти и притязаній, то окажется, что она, подобно другимъ семейнымъ институціямъ тѣхъ временъ, была необходима для поддержанія феодальнаго строя, основаннаго исключительно на семейныхъ принципахъ. Среди всеобщей анархіи и насилія, феодальное семейство, съ своими васса-

Digitized by Google

лами, слугами и рабами, нуждалось въ прочной власти, чтобы отстаивать свои богатства, свою жизнь и свою свободу, основанную на тяжкой неволѣ народныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересы фамиліи требовали, чтобы она, несмотря на перемѣны въ личномъ составѣ ея членовъ вслѣдствіе смерти, продолжала нераздѣльное свое существованіе какъ можно дольше и сохраняла бы какъ можно строже чистоту своей благородной крови, богатство и величіе, завѣщанныя ей предками. Для достиженія этой цѣли необходимы были реформы въ германскомъ наслѣдственномъ правѣ, по которому имущество умершаго безъ завѣщанія переходило къ его законнымъ наслѣдникамъ, въ томъ числѣ и къ женщинамъ, и дѣлилось ими по-ровну. Когда при помощи церкви введено было римское право завѣщанія, то этотъ порядокъ значительно нарушился, и родители имѣли полную возможность и лишать своихъ дѣтей наслѣдства, и предпочитать одного или нѣкоторыхъ изъ нихъ прочимъ. Но здѣсь отцовскому произволу скоро были положены границы въ интересахъ фамиліи; онъ могъ распоряжаться только благопріобрѣтеннымъ и движимымъ имуществомъ, а отнюдь не фамильнымъ, недвижимымъ. Далѣе, тѣже фамильные интересы старались удалить отъ наслѣдства женщинъ и создали институцію первородства. Дочери лишались наслѣдства чаще всего посредствомъ завѣщаній; были правда и положительные законы, исключавшіе ихъ изъ числа наслѣдниковъ, но это были законы мѣстные и притомъ нерѣдко нарушаемые. Если же дочь имѣла наслѣдовать, то ее старались выдать замужъ. Полученное ею приданое, несмотря на его сумму, считалось замѣною ея наслѣдственной доли. Въ брачныхъ контрактахъ невѣстъ обыкновенно заставляли отрекаться отъ наслѣдства; потомъ, когда такія отреченія сдѣлались юридически недѣйствительными, при распространеніи римскаго права, то ихъ стали замѣнять присягою. Стремленіе къ обезнаслѣдованію женщинъ касалось даже наслѣдственныхъ правъ матери. Такъ, во Франціи Карлъ IX, «въ интересахъ дворянства и короны», запретилъ матерямъ быть наслѣдницами собственныхъ своихъ дѣтей; но большинство парламентовъ юга отказалось принять такой эдиктъ. Введеніе института первородства нанесло еще болѣе сильный ударъ наслѣдственнымъ правамъ женщины. Посредствомъ этого института, введеннаго въ юридическую жизнь семейными законами и договорами (Hausgesetze и pactes de famille), старшій сынъ дѣлался отцомъ семейства и главнымъ наслѣдникомъ, пользуясь этими привилегіями не только при наслѣдованіи отъ отца, но и отъ ма-

Digitized by Google

тери. Младшіе братья и особенно сестры были осуждены на полную подчиненность первенцу, уважать и бояться котораго ихъ училъ еще при своей жизни отецъ, указывавшій всѣмъ на него, какъ на своего будущаго представителя. Авторитетъ первенца былъ такъ великъ, что нерѣдко ему подчинялись не только братья и сестры, но даже родители. Старшіе сыновья не только обирали и грабили своихъ братьевъ и сестеръ, но и торговали послѣдними; авторитетъ первенца былъ такъ великъ, что иногда ни отецъ, ни мать не могли избавить своихъ дочерей отъ этой гнусной продажи ихъ братьями. Установивъ первородство, феодальное право должно было позаботиться о томъ, чтобы фамильное имущество не могло распадаться не только при настоящихъ, но и при будущихъ поколѣніяхъ. Римская юриспруденція оказала ему въ этомъ случаѣ большую услугу своими субституціями. Фамильные интересы и забота о будущемъ процвѣтаніи рода доходили до того, какъ разсказываетъ Озанамъ въ «Les Germaines avant le Christianisme», что «въ нѣкоторыхъ кантонахъ Германіи въ средніе вѣка сохранялся еще древній обычай, въ силу котораго мужъ, состарѣвшійся бездѣтнымъ, приглашалъ къ своей женѣ сосѣда, съ тѣмъ, чтобы онъ родилъ ему сына».

При такомъ произволѣ, среди такихъ семейныхъ порядковъ положеніе средневѣковой женщины не могло быть очень завиднымъ. Всѣхъ авторовъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ, можно раздѣлить на три класса. Одни просто сводятъ въ кучу разныя историческія данныя, и, сообщая имъ только внѣшнее литературное единство, не дѣлаютъ никакихъ выводовъ о томъ, хорошо или худо жилось тогда женщинамъ сравнительно съ другими историческими эпохами, въ чемъ состояли и отчего зависѣли выгоды или невыгоды ихъ положенія и т. д. Другіе восторгаются средними вѣками, какъ періодомъ женской свободы и рыцарскаго поклоненія прекрасному полу. Третьи не хотятъ видѣть въ среднихъ вѣкахъ ничего, кромѣ возмутительнаго разврата, безсовѣстной эксплуатаціи женщинъ и звѣрской тиранніи надъ ними. Оба послѣдніе сорта авторовъ, увлекаясь духомъ партій, грѣшатъ односторонностью и болѣе или менѣе сильнымъ преувеличеніемъ характера изображаемыхъ ими соціальныхъ отношеній. Но тѣ и другіе изъ нихъ имѣютъ на своей сторонѣ извѣстную долю правды. При безпристрастномъ взглядѣ на средневѣковую жизнь оказывается, что, съ одной стороны, женщина сильно страдала тогда отъ семейнаго деспотизма, отъ аристократическо-фамильныхъ порядковъ, отъ общественной безурядицы, отъ

Digitized by Google

постановленій и козней католицизма; но въ то же время, съ другой стороны, мы видимъ множество фактовъ и замѣчательной свободы женщинъ, и сильнаго ихъ вліянія, и безграничнаго уваженія къ нимъ, даже слѣды ихъ политической, военной и научной дѣятельности. Эти двѣ серіи противоположныхъ явленій связываются между собою тѣмъ важнымъ фактомъ, что средніе вѣка были періодомъ упорной борьбы женщины за свою свободу. Постараемся теперь очертить главные элементы этой борьбы и ходъ ея.

Частыя войны и разбойничества феодаловъ нерѣдко сопровождались умыканіемъ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ похитители и женились. Церковь и законодательство сильно противодѣйствовали этому первобытному способу заключенія брака. Вестготскій законъ, напр., грозилъ смертною казнью не только похитителю, но и похищенной, если она соглашалась выйти за него замужъ. По фризскому праву, умыкателя и увезенную имъ дѣвушку не охраняло даже церковное убѣжище; судья долженъ былъ сжечь всѣ жилища, въ которыхъ останавливались они по дорогѣ въ церковь, разрушить церковь и, захвативъ ихъ, вести на жестокое наказаніе. Но умыканія долго не прекращались, тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ они совершались съ вѣдома и согласія невѣстъ, которыя были рады случаю избавиться отъ своего домашняго ада. А рисковать такимъ образомъ дѣвушкѣ было изъ-за чего. Не говоря уже о томъ, что часто она терпѣла невыносимое угнетеніе со стороны домовладыки, что отецъ или его намѣстникъ—первенецъ нерѣдко продавали ее не только для брака, но даже просто для наложничества, самое феодальное брачное право было для нея источникомъ жестокихъ страданій. Феодализмъ уничтожилъ свободный бракъ полудикихъ германцевъ, превративъ его въ такое же орудіе политики и фамильныхъ интересовъ, какимъ прежде были браки царственныхъ домовъ. Въ феодальной кастѣ бракъ былъ договоромъ, упрочивавшимъ миръ, дружбу или союзъ, между двумя сеньорами. Невѣста тутъ была не причемъ, ей оставалось только стать на колѣни предъ отцомъ и принять назначеннаго имъ жениха. Цѣною дочери баронъ и его потомство увеличивали свое фамильное имущество и покупали себѣ союзъ сильнаго и вліятельнаго зятя. Надъ дочерью вассала, кромѣ произвола родительскаго, висѣлъ еще произволъ сюзерена, безъ согласія котораго наслѣдница лена не могла выходить замужъ, а наслѣдникъ жениться. Сюзеренъ назначалъ дѣвушкѣ супруга, устроялъ браки съ цѣлію соединенія двухъ леновъ въ одинъ, словомъ, дѣлалъ все, что обыкновенно дѣлается при такихъ

Digitized by Google

союзахъ въ домахъ князей и въ семействахъ крестьянъ. Въ огромномъ большинствѣ такихъ браковъ не могло быть и помина о любви, и если женихъ и невѣста нерѣдко были довольны союзомъ, устроеннымъ для ихъ родителями или сюзереномъ, то смотрѣли на него только глазами практическаго разсчета. Свободнаго выбора, взаимной склонности здѣсь не могло быть по одному уже тому, что женихъ и невѣста сплошь и рядомъ были не только малолѣтними, но обручались даже въ колыбели, а иногда родители сговаривали ихъ еще до рожденія. Повѣнчавъ физически неспособныхъ еще къ сожитію дѣтей, родители преждевременно будили ихъ половые инстинкты, развращали и истощали ихъ.

Фамильные интересы устраняли свободу жениха и особенно невѣсты не однимъ тѣмъ, что дѣлали изъ брака договоръ не жениха и невѣсты, а ихъ семей, но еще и тѣмъ, что для дѣйствительности такого союза считалось необходимымъ равенствос остояній или равнофамильность вступающихъ въ него лицъ. Бракъ не съ дворяниномъ, а тѣмъ болѣе съ человѣкомъ зависимымъ, былъ не только позоренъ для семейства, но и тяжкимъ преступленіемъ. Такіе неравные браки (Misheirath, mésalliance) строго преслѣдовались еще во времена дофеодальныя, когда повидимому не должны были имѣть мѣста подобные аристократическіе предразсудки. Въ особенности былъ преступенъ бракъ между членомъ высшаго сословія и рабомъ; по вестготскому, напр., закону, первый обращался въ рабство, а послѣдній казнился смертію. Другіе законодательства хотя и не угрожали смертью, однакожъ очень строго относились къ такимъ союзамъ свободныхъ съ несвободными. Но несмотря на всѣ строгости, любовь часто устрояла такіе браки, и Бонмеръ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что «женщины, которыя часто равняются съ мужчинами по уму, всегда превосходятъ ихъ по сердцу». Въ «Polyptique d'Irminon, изъ 248 такихъ смѣшанныхъ браковъ въ 190 жены были высшаго и только въ 58 низшаго званія, чѣмъ ихъ мужья. Впослѣдствіи при развитіи многочисленныхъ и рѣзкихъ подраздѣленій, въ рядахъ самой феодальной аристократіи бракъ между членами высшихъ и нисшихъ классовъ ея считался также неравнымъ и позорнымъ для могущественной фамиліи, хотя онъ не велъ за собою такихъ варварскихъ послѣдствій, какъ бракъ съ людьми не дворянскаго происхожденія. Въ такихъ союзахъ, если званіе жены было выше мужниного, то она теряла свои права и нисходила въ званіе супруга; если же наоборотъ, то жена оставалась въ своемъ состояніи и сословныя права мужа не переходили

Digitized by Google

на нее. Дѣти, по тогдашнему выраженію, «слѣдовали худшей рукѣ», т. е. принимали званіе низшаго изъ своихъ родителей. Католико-каноническое право, угождая сильнымъ тогдашняго міра, санкціонировало эти постановленія и не признавало дѣтей неравнаго брака законными наслѣдниками. По статутамъ императора Генриха I, виновные и ихъ потомки до третьяго поколѣнія подъ страхомъ наказанія кнутомъ лишались права участвовать на турнирахъ. Во Франціи такіе господа не могли получать высокихъ званій, исключались изъ разряда des gentilshommes de nom et d'armes, удалялись изъ всѣхъ рыцарскихъ собраній. Независимо отъ юридическихъ послѣдствій неравнаго брака, вступившія въ него лица терпѣли со стороны гордаго семейства не только всевозможныя оскорбленія, лишенія наслѣдства и т. п., но даже нерѣдко надменный феодалъ, сынъ котораго самовольно женился на недворянкѣ, расторгалъ такой союзъ, даже смывалъ позоръ, нанесенный его гербу, кровью своей презрѣнной невѣстки. Въ такихъ случаяхъ не щадили и дочерей, бывшихъ виновницами упомянутаго позора. Считая дѣломъ позорнымъ и вреднымъ брачиться съ обыкновенными смертными, феодалы часто женились на родственницахъ и, продолжая такое смѣшеніе одной и той же крови втеченіе долгаго времени, производили тѣмъ вырожденіе своей породы. Случалось даже, что брачились члены одной семьи; такъ, напр., въ 1454 г. одинъ арманьякскій графъ открыто женился на своей родной сестрѣ.

Не понимая другой любви, кромѣ физической, феодальный женихъ и не требовалъ отъ невѣсты большею частію ничего, кромѣ дѣвственности. У нашихъ крестьянъ гнусный обрядъ свидѣтельствованія невѣсты совершается, по крайней мѣрѣ, послѣ свадьбы, когда увлеченіе женщины уже прикрыто бракомъ; у феодаловъ это дѣлалось до свадьбы: женихъ не хотѣлъ быть обманутымъ. Дамы раздѣвали невѣсту до нага, изслѣдовали ея невинность и способность къ чадородію; только въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ такого осмотра, ее начинали одѣвать къ вѣнцу. Извѣстный обычай свидѣтельствованія рубашки былъ также въ ходу и у феодаловъ и у королей. Кромѣ того, въ средѣ высшихъ классовъ нерѣдко подражали простонародью, у котораго по всей сѣверной Европѣ держался обычай *пробныхъ ночей*. По словамъ одного нѣмецкаго писателя XVIII вѣка, по всей Германіи крестьяне, желавшіе жениться, посѣщали по ночамъ своихъ невѣстъ, любились съ ними и сватались за нихъ, если находили ихъ по своему вкусу. Репутація дѣвушки отъ того страдала только въ томъ случаѣ, если

Digitized by Google

ее бросали нѣсколько жениховъ-любовниковъ одинъ вслѣдъ за другимъ, что свидѣтельствовало объ ея негодности къ браку. Такія же пробныя ночи были въ употребленіи и у высшихъ классовъ; они предшествовали, напр., свадьбамъ императора Фридриха III, Альберта IV баварскаго, баварскаго герцога Лудвига I и другихъ. Свадебный пиръ сопровождался обыкновенно самыми грязными остротами и пѣснями, самымъ циническимъ разгуломъ. Это было повальное развратничанье, пьянство и обжорство. Десятки, сотни тысячъ крестьянъ положительно раззорялись по случаю брака между какими нибудь двумя сильными фамиліями.

Вступивъ въ домъ мужа, жена принимала на себя множество обязанностей, несуществовавшихъ вовсе для ея супруга. Вся жизнь феодала была непрерывнымъ распутствомъ и многіе бароны не только часто мѣняли своихъ женъ, но имѣли ихъ по нѣскольку разомъ, содержа въ тоже время формальные гаремы и пользуясь невинностью каждой выходящей замужъ крестьянской дѣвушки. Отъ женщины же требовали, чтобы она, поступивъ къ мужу невинною, оставалась ему вѣрною всю жизнь. Такое требованіе основывалось не столько на ревности, которая въ тѣ времена была очень слаба, сколько на самолюбіи мужа и репутаціи его фамиліи. Любовная связь дѣвушки или женщины считалась позоромъ для ея семейства, особенно если любовникъ былъ низкаго происхожденія. Женщину карали даже за то, что она была изнасилована. Такъ во время крестовыхъ походовъ дочь графа Жана де-Понтьё; бывшая замужемъ за однимъ дворяниномъ, была изнасилована неизвѣстными лицами. Отецъ утѣшалъ ее въ несчастіи, но однажды, гуляя съ ней на берегу моря, сказалъ: «смерть должна смыть позоръ, нанесенный твоимъ несчастіемъ всей нашей фамиліи». Приготовлена была пустая бочка, графъ закупорилъ въ нее свою дочь и бросилъ въ море. Сильные феодалы чаще всего старались не предавать гласности своихъ семейныхъ скандалезныхъ исторій, и такія дѣла порѣшались однимъ домовладыкой или вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ. Тѣни подозрѣнія, клеветы, ложнаго доноса отвергнутаго поклонника было достаточно, чтобы семейный совѣтъ, собравшійся съ такою же таинственностію, съ какою испанская инквизиція собиралась на допросы, произнесъ надъ обвиненною тотъ приговоръ, который одинъ, по тогдашнему мнѣнію, могъ возвратить прежній блескъ обезславленному гербу. Замужнюю женщину душили или закалывали кинжаломъ въ собственной ея постели дѣвушку осуждали на гражданскую смерть въ монастырѣ, или ли-

Digitized by Google

шали жизни посредствомъ яда. Вооруженная предательскимъ стилетомъ рука наемнаго убійцы настигала всюду того, на кого падали подозрѣнія домашней инквизиціи. И этотъ предразсудокъ былъ до того силенъ, особенно въ Италіи, что не одинъ кардиналъ самъ вооружалъ кинжаломъ руку убійцѣ, не одинъ папа помогалъ въ мести своимъ родственникамъ. Самое мягкое наказаніе, какого только могъ ожидать виновный отъ родственниковъ своей любовницы, состояло въ томъ, что его или безсрочно запирали въ тюрьму замка, или оскопивъ, заставляли произнесть монашескій обѣтъ въ какой нибудь обители. Горожане среднихъ вѣковъ преслѣдовали любовниковъ съ такою же строгостію. По городскимъ законамъ, соблазнителю бюргерской дочери отрѣзывали языкъ, а изнасилователю вбивали колъ въ сердце. Не легче доставалось и провинившейся женщинѣ. Католическая церковь не только не смягчала, но еще поддерживала и усиливала строгость наказаній. Сикстъ V объявилъ смертную казнь мужу, который не жалуется на невѣрность жены. Церковь поддерживала обычай суда Божія; впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ судебный поединокъ и испытаніе огнемъ и водою были главными способами для окончательнаго оправданія или обвиненія женщины, подозрѣваемой въ невѣрности. Впрочемъ даже въ средніе вѣка уже многіе не вѣрили въ дѣйствительность такого суда, и завѣдывавшее имъ духовенство, подкупленное подсудимыми, устроивало такъ, что женщину не обваривалъ кипятокъ, въ который она погружала свою руку, и нисколько невредило ей раскаленное желѣзо.

Несмотря на сильную распущенность нравовъ, семейные принципы въ средніе вѣка служили основою всего соціальнаго строя и всѣ тогдашніе ревнители общественнаго блага, законодатели, моралисты, поэты, церковные учители,—одни отъ чистаго сердца, а другіе ex officio и лицемѣрно,—старались пропагандировать, развивать и поддерживать эти принципы. Разработкѣ изображенію идеала жены и семейной жизни въ тогдашней Европѣ посвящались даже отдѣльныя сочиненія, какъ это нѣсколько позднѣе было и въ Россіи, получившей такое руководство въ «Домостроѣ» попа Сильверста. На западѣ такимъ «домостроемъ» была книга «Ménagier de Paris», кромѣ множества другихъ сочиненій, прозаическихъ и стихотворныхъ, посвященныхъ регулированью женскаго поведенія, которое, какъ мы увидимъ дальше, было далеко не безупречнымъ. Женщина должна быть распорядительною хозяйкою. Тканье, пряденье, шитье, изготовленіе платья для всего семейства, заготовка

Digitized by Google

и сохраненіе провизіи, приготовленіе пищи, надзоръ за поведеніемъ и работами прислуги—вотъ были обязанности жены, какъ короля или графа, такъ и послѣдняго крестьянина. И въ средніе вѣка этотъ отдѣлъ домостройныхъ предписаній исполнялся женщинами весьма рачительно. Далѣе, отъ женщины требовалось рожденіе возможно большаго количества дѣтей. Чадородная мать чрезвычайно цѣнилась въ старинной Европѣ и тогда бывали до того поразительные примѣры замѣчательнаго чадородія, что даже подавали поводъ къ чудовищнымъ мифамъ. Такъ, напр., по словамъ хроникъ, въ 1276 году супруга графа Германа фонъ-Геннебергъ родила разомъ 364 ребенка; епископъ утрехтскій Гвидо, окрестилъ ихъ, назвавъ всѣхъ мальчиковъ Іоганнами, а дѣвочекъ Елизаветами; всѣ они скоро умерли вмѣстѣ съ матерью. Родивъ дѣтей, женщина должна была воспитывать ихъ физически и нравственно, и своею покорностію домовладыкѣ подавать имъ примѣръ повиновенія родителямъ и благоговѣйнаго уваженія къ ихъ волѣ. Въ особенности на ея рукахъ лежало образованіе дочери, обученіе ея рукодѣльямъ, хозяйству, свѣтскимъ приличіямъ, чтенію, письму. Впрочемъ обязанность воспитанія мало стѣсняла тогдашнихъ женщинъ. Дѣвочекъ отдавали учиться въ монастыри или, вмѣстѣ съ ихъ братьями, отдавали на воспитаніе въ знатные дома. Послѣдній обычай выродился изъ средневѣковой анархіи, среди которой покровительство сильнаго человѣка или дружба съ нимъ были необходимы для благоденствія каждаго. Поэтому отецъ, заботившійся о будущей судьбѣ дѣтей, отдавалъ мальчиковъ въ почетное служеніе и обученіе сильному сеньору, а дочерей къ знатной госпожѣ. Этотъ обычай, существовавшій еще у норманновъ въ феодальное время, въ средніе вѣка былъ въ большомъ ходу по всей Европѣ. Наконецъ, женщинѣ предписывалось быть достойною женою своего мужа, любить, безпрекословно повиноваться ему и не ронять своимъ поведеніемъ его чести. Средневѣковые моралисты постоянно убѣждаютъ женщинъ не лѣниться, не пьянствовать, не быть жестокими, грязными и неряшливыми. Все это были дѣйствительные пороки тогдашняго прекраснаго пола. Въ безчеловѣчной тиранніи, напр., многія изъ средневѣковыхъ европеянокъ не уступали мужчинамъ. Госпожи нерѣдко запарывали и замучивали до смерти и своихъ крестьянъ, и своихъ служанокъ. Извѣстная германская монахиня, многоученая Гедвига, за пустое и невольное оскорбленіе, сдѣланное ея учителю слугою, выщипала у послѣдняго всѣ волоса съ головы и спустила съ несчастнаго кожу посредствомъ розогъ. Въ

Digitized by Google

другой разъ, разгнѣвавшись за что-то на своего учителя-монаха, она вздула его плетьми. Проповѣдь моралистовъ о чистоплотности имѣла также основаніе Женщины были крайне неряшливы и даже знатныя дамы до того изобиловали вшами и блохами, что не одинъ рыцарь объяснялъ свою холостую жизнь желаніемъ сохранить чистыми своихъ собакъ, которыя неминуемо заразились бы отъ жены разными насѣкомыми. Женщины плохо мылись, даже не считали нужнымъ очищаться послѣ менструацій и другихъ физіологическихъ отправленій. По словамъ одного тогдашняго писателя, ихъ «caleçons etaient ordinairement remplis de souillure et sentaient plus fort qu'un retrait!» Только съ XVI в. тѣлесная чистота начинаетъ считаться необходимымъ условіемъ женской красоты. Но рекомендуя чистоплотность, заботу о нарядахъ, привѣтливость и любезность съ гостями, средневѣковые моралисты не поощряли кокетства, требовали цѣломудренности, скромности и въ платьѣ, и въ рѣчахъ и во всемъ. Такъ, напр., въ популярномъ тогда въ Англіи и Франціи стихотворномъ кодексѣ женскихъ приличій, «Chastisment des Dames», женщинѣ «не позволяется много говорить и смѣяться, допускать мужчинъ цѣловать себя, или класть руки къ ней за пазуху; по улицѣ она должна ходить не быстро, со взоромъ, устремленнымъ впередъ, а не оглядываясь и не смотря по сторонамъ; одѣваться ей слѣдуетъ скромно, не оставляя голыми ни рукъ, ни ногъ, ни грудей» и т. д. Жизнь дѣвушки была обставлена еще большими стѣсненіями. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Гоффмансвалдау говоритъ, что ей запрещено «свободно смотрѣть на мужчину; уши ея должны быть глухи и она обязана краснѣть при каждой шуткѣ...» Мы увидимъ дальше, что въ большинствѣ случаевъ всѣ эти требованія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Впрочемъ, нарушая правила семейной морали на каждомъ шагу, средневѣковая женщина сплошь и рядомъ носила маску лицемѣрія, казалась добродѣтельною женою и вѣрною подданною своего мужа. Домостройныя начала здѣсь, какъ и вездѣ, почти вовсе не достигали своей цѣли и порождали въ семействѣ только массу хитростей, наружнаго раболѣпства и вражды, скрытой подъ личиною покорности и уваженія. Чтобы убѣждать и обуздывать своего тирана, хозяйка замка должна была льстить ему и повиноваться его капризамъ безропотно, съ видомъ самаго глубокаго уваженія. Нѣкоторыя средневѣковыя легенды изображаютъ женъ, являющихся предъ своими супругами, не иначе, какъ на колѣняхъ. Такая рабская униженность жены вполнѣ равнялась громадной власти мужа. Произволъ

Digitized by Google

его часто не зналъ границъ. Случалось, что мужъ убивалъ, проигрывалъ, продавалъ свою дражайшую половину; въ Исландіи женъ отдавали даже въ кортомъ. Многіе мѣняли женъ безпрестанно; прогоняли старыхъ и вмѣсто ихъ брали новыхъ. Въ Англіи законъ дозволялъ выводить ихъ на веревкѣ на базаръ и продавать тамъ. Въ галантной Франціи законъ давалъ мужу волю бить и истязать жену сколько угодно, только ненереламывать ей членовъ и не наносить смертельныхъ ранъ. Мужья имѣли право наказывать жену тѣлесно, и средневѣковые моралисты, подобно нашему «Домострою», увѣщевали ихъ пользоваться этимъ правомъ почаще. «Возьми— говоритъ миннезингеръ Реймаръ фонъ-Цветеръ—дубинку и вытягивай жену по спинѣ, да получше, изо всей силы, чтобы она знала въ тебѣ господина и забыла бы свою злобу». Случалось, что мужъ колотилъ жену по нѣскольку разъ въ недѣлю, даже каждый день, и она не выходила изъ шрамовъ и синяковъ. Вильгельмъ Завоеватель билъ свою жену даже въ то время, когда она была еще невѣстою. Образцомъ такихъ семейныхъ тирановъ можетъ служить шрофшайрскій графъ Робертъ Белезмъ. Онъ предпочиталъ избіеніе плѣнниковъ полученію выкупа за нихъ; онъ выкололъ глаза своимъ дѣтямъ и превратилъ жизнь жены въ одно непрерывное мученіе. Заключенную въ оковы и запертую въ тюрьму графиню онъ истязалъ днемъ, вымогая отъ нея деньги, а ночью заставлялъ спать съ собой. Каждое утро слуги вели ее въ тюрьму, и каждый вечеръ силою волокли ее, избитую и покрытую ранами, на постель графа.

Всѣ эти жестокости и самодурства, какими бы произвольными и случайными ни казались они, сводятся къ одному преобладающему стремленію тѣхъ вѣковъ, стремленію водворить прочную отеческую власть въ семействѣ и тѣмъ укрѣпить семейное начало. Семейный принципъ долженъ былъ восторжествовать и женщина, несмотря на свою постоянную подверженность произволу домовладыки, должна была возвыситься при этомъ, какъ мать и хозяйка. «Феодальное семейство — говоритъ Гизо — живетъ совершенно особнякомъ отъ остального народонаселенія. Внутренняя жизнь, домашнее общество должны были взять перевѣсъ. Правда, что грубость и звѣрскія страсти домовладыки, его обыкновеніе проводить свое время въ войнѣ и охотѣ, должны были мѣшать образованію семейныхъ привычекъ; но это препятствіе изчезнетъ. Глава долженъ естественно возвращаться въ свой домъ; здѣсь онъ всегда находитъ свою жену, своихъ дѣтей и только ихъ однихъ или почти однихъ; они

Digitized by Google

и никто другой составляютъ его постоянное общество; они одни всегда участвуютъ въ его интересахъ и намѣреніяхъ. Невозможно, чтобы семейная жизнь не развилась при такихъ условіяхъ». Главною основою и связью такого семейства служили чувство фамильной гордости и желаніе передать поколѣніямъ потомковъ и свою власть, и свое богатство, и свою славу. Все это сообщало семейству энергію и силу. Мать и хозяйка такой семьи также должна была получить извѣстное значеніе. Въ отсутствіе мужа, она одна оставалась его представительницею и госпожею лена, обязанною защищать его и поддерживать честь своего герба. Такимъ образомъ, семейное начало феодализма, принижая личность женщины, въ тоже время давало ей нѣкоторое значеніе, какъ члену знатной фамиліи, хотя, какъ увидимъ ниже, и невозможно согласиться съ мнѣніемъ Гизо, что «женщины пріобрѣли въ Европѣ высокое положеніе, благодаря развитію семейныхъ началъ феодализма». Замѣтимъ однакожъ, что это мнѣніе было въ свое время огромнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ имъ замѣнялась нелѣпая выдумка германофиловъ объ уваженіи къ женщинѣ и нравственной чистотѣ половыхъ отношеній у германцевъ, какъ объ отличительныхъ чертахъ германской расы.

Въ средѣ большей части народныхъ массъ, на трудѣ и несчастіяхъ которыхъ развивался феодализмъ, семейства, подъ властью бароновъ, можно сказать не существовало. Владѣлецъ для расположенія своихъ рабовъ, случалъ по произволу мужчинъ и женщинъ и по малѣйшему капризу расторгалъ такіе союзы. Отецъ не могъ выдать замужъ своей дочери или женить сына, вдова не имѣла права вступить добровольно во второй бракъ или отказаться отъ мужа, навязаннаго ей сеньоромъ. Все зависѣло отъ воли послѣдняго. Слѣды этого владыческаго права сохранялись вплоть до XVI в. Подобно тому, какъ въ древней Россіи, браки заключались

По божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору,

въ западной Европѣ сильный баронъ или король устроялъ браки своихъ придворныхъ и слугъ. Если какому нибудь изъ окружавшихъ его мужчинъ понравилась дѣвушка или дѣвушкѣ юноша, владѣлецъ посылалъ къ дому предмета такой страсти своего маршала, и послѣдній кричалъ: «слушайте, что повелѣваетъ вамъ государь вашъ; что повелѣваетъ онъ, то должно исполниться; я сва-

Digitized by Google

таю NN за NN...» Такое сватовство не допускало ни возраженій, ни отказовъ.

Сеньоръ не только безусловно завѣдывалъ браками своихъ подданныхъ, но и имѣлъ право первой ночи. Дѣвственность каждой зависимой невѣсты нарушалъ онъ, а не мужъ. Это гнусное право существовало во всей Европѣ, въ Шотландіи, Франціи, Германіи, Италіи, Нидерландахъ, Испаніи; въ Россіи оно продолжало дѣйствовать, хотя и въ видѣ злоупотребленія, вплоть до отмѣны крѣпостничества, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ фактовъ, сообщенныхъ въ «Русскихъ уголовныхъ процессахъ» Любавскаго. Наравнѣ съ свѣтскими этимъ правомъ пользовались и духовные феодалы, епископы, аббаты, даже приходскіе монахи. И они дѣлали это не только гласно, но даже защищали свои притязанія въ судахъ. Такъ въ началѣ XVI в. въ Буржѣ одинъ приходскій священникъ отстаивалъ свое «право пользоваться, по обычаю, первой ночью каждой обвѣнчанной новобрачной женщины!» Право первой ночи было такъ невыносимо, что причиняло нерѣдкіе бунты крестьянъ противъ развратныхъ сеньоровъ. Оно начало падать еще въ средніе вѣка и въ нѣкоторыхъ странахъ его уничтоженіе приписывается вліянію женщинъ. Такъ, въ Шотландіи, гдѣ оно въ особенности свирѣпствовало, его отмѣнилъ Малькольмъ III, по просьбѣ и настоянію своей жены. Городскія общины и освобожденные крестьяне откупались отъ обязанности приводить сеньорамъ своихъ женъ на поруганіе. Наконецъ въ большинствѣ европейскихъ странъ эта натуральная дань была замѣнена денежною, носившею разныя названія. Зависимый отъ сеньора женихъ покупалъ у послѣдняго позволеніе вступить на свое брачное ложе; безъ этого позволенія и платы за него онъ подвергался большому штрафу за каждую ночь, проведенную имъ съ женою. Но и послѣ взноса этой платы, крестьянинъ не вовсе избавлялся отъ притязаній сеньора на его семейство и жену.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ всѣ сильные и значительные люди старинной Европы, потентаты, солдаты, духовные, развращали массы народа, овладѣвая женщинами силою, или увлекая ихъ соблазномъ, плодя нищихъ и отверженныхъ дѣтей, умножая контингентъ проституціи. Мы не будемъ говорить, какъ феодалы отнимали женъ у мужей, дочерей у отцовъ, какъ они портили и развращали поголовно все женское населеніе, продавали женщинъ, дарили ихъ, проигрывали, ставили въ призъ побѣдителямъ на турнирахъ и т. п. Они положительно не допускали развитія крестьян-

Digitized by Google

ской семьи и смотрѣли на бракъ простонародья, какъ на случку лошадей или собакъ, полезную для нихъ, феодаловъ, произведеніемъ на свѣтъ потомства. Какъ только семья образовалась, сеньоръ сплошь и рядомъ разбивалъ ее, распродавая въ разныя руки или женя отца на другой женщинѣ, а мать отдавая замужъ за другого мужчину и т. п. Особенно возмутительно было положеніе семейства, принадлежавшаго нѣсколькимъ господамъ, какъ это зачастую бывало тогда. «Мужчины, женщины, дѣти — говоритъ Бонмеръ въ своей Histoire des Paysans — все это дѣлилось и передѣлялось владѣльцами и совладѣльцами, которые спорили между собой о половинѣ женщины, о трети или четверти ребенка; и часто, для скорѣйшаго окончанія спора, буквально приводился въ исполненіе судебный приговоръ Соломона». Въ Испаніи, напримѣръ, въ случаѣ раздѣла между сеньорами феодальной земли, прикрѣпленнаго къ ней раба, законъ дозволялъ раздѣлить на нѣсколько кусковъ, по числу владѣльцевъ. Словомъ, крестьянская семья подъ владычествомъ феодаловъ была крайне непрочна, власть отца и мужа, взаимная вѣрность супруговъ, семейное единство и имущество— все это фактически отрицалось безграничною властью сеньора. Безпрестанныя войны, грабежи бароновъ, разбойниковъ, солдатъ и патеровъ, голодовки и опустошительныя эпидеміи, громадныя массы кочевого пролетаріата—все это содѣйствовало развитію той же безсемейности въ средѣ простонародья. Только по мѣрѣ паденія феодализма, освобожденія городскихъ общинъ и крестьянъ, уменьшенія войнъ и грабежей—древнепатріархальные принципы воскресаютъ ко времени реформаціи и въ крестьянствѣ. Но объ этомъ ниже.

XIV.

Горацій Вальполь замѣтилъ, что ни одна религія не была основана женщиною, но въ тоже время ни одна религія не распространялась иначе, какъ посредствомъ женщинъ. Относительно христіанства это вполнѣ справедливо; почти во всѣ европейскія страны оно введено впервые женщинами, преимущественно женами, дочерьми и матерями тогдашнихъ владѣтелей. Христіанство, при всемъ своемъ искаженіи въ формѣ средневѣковаго католицизма и при всѣхъ злоупотребленіяхъ служителей послѣдняго, содѣйство-

Digitized by Google

вало смягченію нравовъ и законовъ, водворенію общественнаго мира, оно учило людей любви и равенству, соединяло всю Европу духовными узами и среди анархіи феодализма вводило солидарность людей и народовъ. «Въ этомъ переворотѣ громадной важности женщины принимали значительное участіе»—говоритъ Шерръ. «Онѣ обвивали крестъ розами, смягчали строгость догмата, подъ ихъ заботливыми руками развивались лежавшія въ христіанствѣ сѣмена гуманности». Неговоря уже объ ихъ услугахъ, оказанныхъ дѣлу христіанской филантропіи, онѣ много содѣйствовали развитію семейства, побѣдѣ моногаміи надъ многоженствомъ, уничтоженію права первой ночи, водворенію женскаго образованія. Но допустивъ женщинъ до такой важной роли въ дѣлѣ своего распространенія, католицизмъ долженъ былъ во многомъ ограничить ихъ. Не только во времена глубокаго варварства, но и во все продолженіе среднихъ вѣковъ европейцы считали бракъ чисто-гражданскимъ договоромъ и высшіе классы наравнѣ съ простонародьемъ вплоть до половины XVI ст. избѣгали церковнаго вѣнчанья, или, по необходимости, заключая его по совершеніи брака, не придавали ему никакого значенія. Много пришлось бороться духовенству противъ такого нечестія; оно проклинало гражданскій бракъ, какъ прелюбодѣяніе, анафематствовало виновныхъ, клало на рожденныхъ въ немъ дѣтей печать отверженности, но несмотря на всѣ эти старанія, только въ XIV, XV и XVI в. разныя страны Европы постепенно признаютъ церковное вѣнчанье необходимымъ условіемъ дѣйствительности брака. Далѣе, церкви приходилось бороться противъ многоженства и постоянныхъ разводовъ между супругами, постоянной перемѣны женъ, чѣмъ особенно отличались короли и другіе аристократы. Провозгласивъ единство и нерасторжимость брака, духовенство старинной Европы твердо стояло за ихъ осуществленіе въ жизни, дѣйствуя противъ нарушителей этихъ правилъ и увѣщаніями, и проклятіями, и постановленіями соборовъ, и отлученіемъ отъ церкви. Это была борьба ожесточенная и не одинъ духовный палъ жертвою своей католической ревности. Претекстатъ, епископъ руанскій, былъ убитъ агентомъ Фредегонды, Дидье, епископъ вьеннскій, побитъ каменьями по распоряженію Брунегильды, св. Ламбертъ зарѣзанъ за отторженіе Пепина отъ его наложницы и т. д. Долго эти старанія духовенства были безуспѣшны, потому что церковь имѣла мало власти, да и сами учителя большею частію вели крайне распутную жизнь, и авторитетъ церкви освящалъ развратъ вельможъ. Только по мѣрѣ развитія

Digitized by Google

церковнаго могущества и проникновенія свѣтскихъ законодательствъ каноническими принципами, бракъ и положеніе женщины начали постепенно принимать тотъ характеръ, какого отъ нихъ требовало католичество. Страхомъ денежнаго штрафа и даже тѣлеснаго наказанія, оно заставляло брачущихся прибѣгать къ церковному благословенію. Съ XII в. церковь начала ревностно проводить ученіе о сакраментальномъ свойствѣ брака и его нерасторжимости даже въ случаѣ прелюбодѣянія. Каноническо-брачное право получило свое окончательное утвержденіе на тридентскомъ соборѣ, изрѣкшемъ проклятіе на всѣхъ отрицающихъ, что «бракъ есть одно изъ семи евангельскихъ таинствъ, установленныхъ Христомъ». Расторженіе брака, столь частое въ средневѣковой Европѣ, встрѣтило самое сильное противодѣйствіе церкви, утверждавшей начало абсолютной его нерасторжимости. Принципъ нерасторжимой моногаміи такъ ревниво поддерживался католицизмомъ, что онъ запрещалъ или, по крайней мѣрѣ, явно не одобрялъ вступленіе во второй бракъ овдовѣвшихъ или разведшихся супруговъ. Его воззрѣніе на бракъ вдовъ вполнѣ гармонировало съ коренившимся въ патріархальныхъ обычаяхъ древности общественнымъ мнѣніемъ европейцевъ. Во Франціи, напримѣръ, вступившей въ бракъ вдовѣ въ день ея свадьбы обыватели давали кошачій концертъ. Съ XII в. церковь поставила необходимымъ условіемъ брачнаго союза согласіе на него родителей жениха и невѣсты. Кровное родство до седьмого колѣна и свойство сдѣланы препятствіемъ ко вступленію въ бракъ; со временъ латеранскаго собора это постановленіе обращено въ общій законъ для всей Европы. Духовное родство по крещенію также не допускало брака между воспріемникомъ и воспріемницей, между крестными и крестниками и т. д. Всѣ эти ограниченія въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, почти всѣ жители которыхъ обыкновенно состоятъ между собою въ родствѣ или въ свойствѣ, или въ кумовствѣ, развивали только развратъ и поддерживали гражданскіе браки. Иннокентій III смягчилъ эти ограниченія, запретивъ бракъ для родственниковъ до 4, а для свойственниковъ до 3 колѣна. Кромѣ общихъ, такъ называемыхъ, естественныхъ препятствій къ вступленію въ бракъ, напр. идіотизма, несовершеннолѣтія, временнаго умственнаго разстройства, католицизмъ съ своею обычною нетерпимостью запретилъ браки съ язычниками, евреями, магометанами и еретиками, хотя, съ другой стороны, проводя начало сакраментальности, онъ признавалъ браки еретиковъ дѣйствительными. Однакожъ послѣднее запрещеніе никогда не входило въ

Digitized by Google

свою полную силу, и въ старинной Европѣ мы встрѣчаемъ браки между аріанами и католиками, между христіанами, язычниками, іудеями и магометанами, позднѣе между католиками и протестантами. Церковь должна была отступить отъ своего первоначальнаго намѣренія и, не одобряя «смѣшанныхъ браковъ», она все-таки признавала ихъ дѣйствительность, только обязывала родителей воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Развивая съ послѣдовательностью семейные принципы христіанства, католицизмъ относился съ особенною строгостью къ внѣбрачнымъ связямъ и къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, хотя крайне распутная жизнь самого духовенства и заставляла его сплошь и рядомъ уклоняться отъ приложенія къ дѣлу своихъ строгихъ постановленій. По смыслу каноническаго права, прелюбодѣяніе должно подлежать только церковнымъ наказаніямъ, отлученію на извѣстное время отъ причастія, публичному покаянію и т. п., но церковь скоро соединилась въ этомъ дѣлѣ съ гражданскою властью и ея эпитеміи были поглощены уголовными законами. Швабское и саксонское Зерцала полагаютъ за прелюбодѣяніе отсѣченіе головы. Часто и простую смертную казнь считали недостаточною; прелюбодѣевъ клали одного на другого въ яму, дно которой было устлано терновникомъ, и затѣмъ прогнавъ чрезъ нихъ обоихъ колъ, засыпали ихъ землею. Незаконные дѣти были лишены правъ отцовскаго состоянія и отвержены церковью, какъ плодъ грѣха, и хотя въ средніе вѣка батарды королей и феодаловъ нерѣдко пріобрѣтали разными способами всѣ права законныхъ дѣтей, но ихъ побѣды никогда не были побѣдами принципа.

Юридическое положеніе средневѣковыхъ женщинъ развивалось подъ вліяніемъ борьбы римско-германскаго и каноническаго права. Втеченіе смутнаго времени, которымъ начинается исторія новой Европы, женщины, по патріархальнымъ обычаямъ варваровъ, подлежали разнымъ формамъ половой опеки, право на которую женихъ покупалъ у отца невѣсты. Въ средневѣковыхъ кодексахъ положеніе женщины опредѣляется смѣсью принциповъ римскихъ и варварскихъ; незамужнія женщины, за извѣстными мѣстными исключеніями, пользовались, подъ вліяніемъ идей римской юриспруденціи, значительной свободой, а замужнія женщины, по обычаю варваровъ, состояли подъ властью мужа и были почти безправны. Каноническое законодательство увеличивало эту безправность и поддерживало ее до такой степени, что положеніе женщинъ было хуже всего въ тѣхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ брачное

Digitized by Google

законодательство наиболѣе развивалось подъ вліяніемъ каноническаго права, напр. въ Англіи. Каноническое законодательство всѣми силами помогало осуществленію тиранническихъ притязаній феодальнаго мужа, о которыхъ мы говорили выше, приводило ихъ въ систему и облекало авторитетомъ священности. По воззрѣніямъ католицизма, жены должны не только подчиняться мужьямъ, но и быть ихъ *служанками*. «Католическая женщина» — говоритъ Лоранъ— «существо безличное и безправное. На ней тяготѣетъ проклятіе, наложенное на Еву. Подъ вліяніемъ-то этого вѣрованія христіанскіе средніе вѣка и были менѣе благопріятны для женщины, чѣмъ законодательства варварской эпохи». По законамъ варваровъ, напримѣръ, вира за женщину была больше виры за мужчину; а по средневѣковому христіанскому праву, женская вира равнялась только половинѣ мужской. Католицизмъ благопріятствовалъ только вдовамъ и сиротамъ, забота о которыхъ была первою обязанностью христіанской филантропіи въ тѣ смутныя времена. Цѣлыхъ три или четыре столѣтія церковь заботилась объ участи женъ, переживавшихъ своихъ мужей, и наконецъ ей удалось водворить принципъ вдовьей пенсіи въ обычномъ правѣ всей западной Европы. Но заботы патеровъ о сиротахъ и вдовицахъ объясняются столько же требованіями евангельской филантропіи, сколько и тѣмъ рядомъ фактовъ, что имущества вдовицъ и сиротъ путемъ завѣщаній и пожертвованій, несравненно чаще переходили въ руки духовенства, чѣмъ имущества семейныхъ женщинъ, связанныхъ интересами фамиліи. Вдовы были полезны католицизму, и онъ стоялъ за нихъ, какъ всегда онъ стоялъ за тѣхъ женщинъ, которыя ревностно служили его дѣлу. Исторія католицизма есть исторія религіозныхъ аферъ и спекуляцій. Духовное воинство папы пользовалось всѣми средствами для собиранія въ свои карманы народныхъ богатствъ. «И духовные» — говоритъ Лоранъ — «имѣя плохой успѣхъ у мужчинъ, обращались къ женщинамъ. Множество дарственныхъ записей, данныхъ церкви, начинаются такимъ предисловіемъ: «наша возлюбленная супруга умоляла насъ сдѣлать даръ такому-то монастырю, и мы, признавъ ея просьбу справедливою» и т. д. Необразованныя, неразвитыя женщины были совершенно въ рукахъ духовенства. Ужасъ, внушаемый имъ распущенною жизнью ихъ супруговъ и сыновей, заставлялъ ихъ, ради душевнаго спасенія любимыхъ ими лицъ, жертвовать своими земными интересами. Такія женщины превозносились, конечно, духовенствомъ и оно радо было

Digitized by Google

сдѣлать для нихъ все, что угодно, смотрѣло сквозь пальцы на ихъ поведеніе, и величало ихъ благочестивѣйшими ревнительницами святой вѣры. Но католицизмъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ защиты вдовъ, руководился только тенденціями, противными семейному началу, нарушалъ цѣлость фамильнаго имущества и, проповѣдуя нищенство, отрицалъ накопленіе богатствъ, бывшее одною изъ главныхъ задачъ феодальнаго семейнаго права. И за всѣ услуги, оказанныя ему женщинами, католицизмъ нисколько не улучшалъ ихъ семейнаго положенія. Онъ старался освободить женщину отъ семейства, но только для того, чтобы обратить ее на служеніе церкви. Проповѣдуя крайній дуализмъ и презирая плоть, онъ естественно нападалъ и на соблазнительнѣйшую представительницу плоти, женщину. Въ его исторіи первое совращеніе въ грѣхъ совершено дьяволомъ, второе Евою, и съ тѣхъ поръ женщина неизмѣнно шла по стопамъ своей прародительницы. Сочиненія отцовъ и учителей католицизма наполнены точно такими же нападками на слабую половину рода человѣческаго, какими изобилуетъ наша древне-русская письменность, заимствовавшая ихъ изъ Византіи. По словамъ св. Антонина, женщина — «глава преступленія, рука дьявола. Когда ты видишь женщину, то знай, что передъ тобою не человѣкъ, не дикій звѣрь, а дьяволъ самолично. Голосъ ея — шипѣніе змѣи».—«Женщина»—говоритъ св. Іеронимъ — «это врата дьявола, путь нечестія, укушеніе скорпіоновъ». По словамъ Гюго де-С.-Викторъ, она—„виновница зла, причина паденія, гнѣздилище грѣха, она соблазнила мужчину въ раю, она соблазняетъ его на землѣ, она увлечетъ его въ бездну ада". И такъ думали не одни только мистики; по мнѣнію схоластиковъ, «женщина есть пріятный ядъ, причиняющій вѣчную смерть, факелъ сатаны, дверь, черезъ которую входитъ дьяволъ». По авторитетнымъ словамъ средневѣковаго спеціалиста въ демонологіи, Вильгельма д'Овернскаго, черти всегда являются подъ видомъ женщины, между тѣмъ какъ добрые ангелы принимаютъ образъ мужчины. Къ этимъ оріентальнымъ понятіямъ католическіе писатели присоединили еще разныя измышленія, основанныя большею частію на Аристотелѣ, по которому женская натура ниже мужской. Св. Томасъ, напримѣръ, учитъ, что мужчина есть типъ совершенства, а женщина типъ несовершенства. Это неравенство половъ существовало съ самаго начала, ибо Ева сотворена изъ ребра Адамова. «Даже безъ грѣхопаденія»—говоритъ Св. Томасъ — «женщина была бы подчинена мужчинѣ, потому что у послѣдняго больше разума». Августинъ, комментируя

Digitized by Google

выраженіе книги бытія, что жена должна быть помощницей мужа, учитъ, что она необходима мужчинѣ только какъ орудіе дѣторожденія, «подобно тому, какъ необходима ему земля, чтобы брошенное въ нее сѣмя произвело растеніе». «Женщина»—говоритъ онъ—«не можетъ ни учить, ни свидѣтельствовать, ни судить, тѣмъ менѣе—повелѣвать». Католическія филиппики противъ женщинъ находили себѣ поддержку въ народной *мудрости*, или правильнѣе глупости, которая никогда не переставала обливать ихъ помоями своего остроумія. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько нѣмецкихъ пословицъ. «У бабы платье длинно, а умъ коротокъ»; «гдѣ женщина управляетъ домомъ, тамъ прислуживаетъ чортъ»; «женщины и деньги—виновники всѣхъ золъ въ мірѣ»; «нельзя вѣрить женщинѣ даже мертвой» и т. д. Впрочемъ развитіе такихъ воззрѣній въ народѣ нужно приписать главнымъ образомъ тому же католицизму; хотя и до него и безъ него грубые патріархалы всегда свысока смотрѣли на бабу, но католицизмъ значительно увеличилъ ихъ презрѣніе и далъ ему догматическую санкцію. Эта отверженность женщины выражалась не въ однихъ только словахъ, но также въ церковныхъ обрядахъ и постановленіяхъ. При такихъ воззрѣніяхъ бракъ, понимаемый католицизмомъ исключительно съ точки зрѣнія плотского союза и считаемый дѣйствительнымъ и состоявшимся не иначе, какъ по совершеніи полового акта,—бракъ, даже самыми благосклонными къ нему католическими мыслителями среднихъ вѣковъ, считался только «предохранительнымъ средствомъ отъ большаго еще зла». Но самые строгіе и самые логическіе послѣдователи католицизма думали вмѣстѣ съ Св. Томасомъ, что «бракъ есть зло». «Любовь женщины есть пропасть смерти; бракъ не узаконяетъ ея, онъ едва только извиняетъ ее». Презирая плоть, католицизмъ не могъ даже помирить святость Богоматери съ ея обыкновеннымъ происхожденіемъ отъ родителей и составилъ догматъ о безпорочномъ зачатіи ея. Конечно, и самые рьяные поборники средневѣковаго аскетизма видѣли, что ихъ идеалы осуществимы только для немногихъ избранныхъ, но никогда не могутъ быть приняты большинствомъ общества. Поэтому католицизмъ ограничился только введеніемъ въ семейную жизнь извѣстныхъ правилъ аскетизма и, вопреки основному своему закону о дѣйствительности брака только послѣ coitus, устроилъ и старался распространить аскетическій бракъ безъ половыхъ сношеній между супругами. Въ старинной Европѣ такіе браки заключались нерѣдко и въ нихъ обѣтъ брачной дѣвственности хранился большею частію только женами, пропитанными

Digitized by Google

католическимъ духомъ и выданными замужъ изъ-за династическихъ или фамильныхъ разсчетовъ, между тѣмъ какъ мужья ихъ вели распутную жизнь. Даже тѣмъ людямъ, которые наслаждались всѣми брачными удовольствіями, католицизмъ успѣлъ внушать мысль объ извѣстной грѣховности и скверне супружескаго плотского союза. Часто удавалось духовенству превращать семейный домъ въ какое-то странное жилище, въ которомъ, несмотря на безпорядочную и буйную жизнь хозяина, его жена устроивала у себя покаянную келью, превращалась изъ жены и хозяйки въ монахиню, замаливающую грѣхи мужа и свои, состоящіе между прочимъ въ вольныхъ и невольныхъ супружескихъ излишествахъ и нарушеніяхъ правилъ, которыми церковь старалась регулировать жизнь брачнаго ложа. Но все это, вмѣстѣ съ аскетическими браками, были исключенія, хотя и нерѣдкія. Свой идеалъ католическая церковь думала осуществить вполнѣ только въ монашествѣ, въ этой институціи, водворявшей на землѣ «небесный рай и равно-ангельскую жизнь». Потомъ начали стремиться къ безбрачію бѣлаго духовенства и при этомъ обнаружилось, до какой степени масса народа, настаивавшая на безбрачіи, успѣла проникнуться аскетическими идеями объ извѣстной долѣ грѣховности даже въ освященномъ церковью бракѣ. Хотя въ первоначальной церкви были женатые епископы, но были и безбрачные, и вѣрующіе отдавали послѣднимъ предпочтеніе предъ женатыми. Церковные обряды Запада и Востока, равно какъ и нѣкоторые изъ папъ, рекомендовали духовенству безбрачіе, хотя и не дѣлали его закономъ. Агитація въ пользу безбрачія усилилась особенно послѣ того, какъ въ пустыняхъ Фиваиды и въ лѣсахъ Европы возникло монашество и сразу понизила значеніе бѣлаго духовенства своимъ подвижничествомъ и своей дѣвственностью, которой тогда еще вѣрили. Во многихъ мѣстахъ народъ началъ просто презирать женатое духовенство, и гангрензскій соборъ принужденъ былъ анафематствовать тѣхъ, которые отвергали обѣдню, совершаемую женатымъ священникомъ. Требовали—выражаясь грубымъ тогдашнимъ языкомъ — чтобы «попъ, ежедневно творящій Бога»,—der täglich Gott schaffe,—т. е. совершающій евхаристію, былъ совершенно чистъ и дѣвственъ. Наконецъ, когда жалобы на развращенность духовенства загремѣли по всей Европѣ, когда церковь была въ опасности отъ своихъ враговъ, когда она нуждалась въ хорошо дисциплинированномъ, совершенно преданномъ ей и отрѣшенномъ отъ мірскихъ интересовъ войскѣ, — безбрачіе было сдѣлано закономъ и для бѣлаго духовенства. Папа

Digitized by Google

Григорій VII ввелъ его въ концѣ XII вѣка, поступивъ въ этомъ случаѣ совершенно послѣдовательно, какъ истинный католикъ и разсчетливый политикъ. Женатые духовные должны были расторгнуть бракъ, а холостые не вступать въ него. Отлученіе отъ церкви угрожало не только каждому духовному, осмѣлившемуся послѣ этого держать жену или наложницу, но и всѣмъ мірянамъ, слушающимъ совершаемую имъ обѣдню или принимающимъ отъ него причастіе. Безбрачіе духовенства, водворенное несмотря на противодѣйствіе послѣдняго, хотя и вело за собою сильное развращеніе нравовъ, но въ то же время воспрепятствовало духовенству обратиться въ наслѣдственную касту, оно спасло Европу отъ ужаснѣйшаго вида тиранніи, отъ тиранніи всемогущей, наслѣдственной левитской аристократіи. Безбрачіе принесло и другую важную пользу, доказавъ неосуществимость идеала, съ такою ревностью поддерживаемаго католицизмомъ.

Своимъ аскетическимъ міросозерцаніемъ католицизмъ, какъ мы уже говорили, увлекалъ множество женщинъ и вносилъ черезъ нихъ монастырскіе обычаи даже въ среду семействъ. Вотъ, напримѣръ, какую жизнь вела въ своемъ семействѣ мать Эдуарда IV. Вставъ въ семь часовъ, она тотчасъ слушала въ своей комнатѣ малую обѣдню, затѣмъ, позавтракавъ, шла въ капеллу и оставалась тамъ вплоть до обѣда, послѣ обѣда она посвящала одинъ часъ на семейныя дѣла, спала четверть часа, и потомъ вплоть до вечера проводила время въ молитвѣ, посѣтивъ снова капеллу, она возвращалась къ ужину, послѣ котораго проводила часъ въ бесѣдѣ съ домашними, часъ въ молитвѣ и ложилась спать. Такіе примѣры женскаго благочестія были далеко не рѣдкостью, и женщины въ средніе вѣка были несравненно больше преданы католицизму, чѣмъ мужчины. Онѣ первыя обогащали духовенство пожертвованіями, первыя увлекались его проповѣдью, первыя стекались къ вновь открытымъ мощамъ, первыя принимали составленныя патерами легенды и изобрѣтенныя ими чудеса, онѣ далеко превосходили мужчинъ своею ревностью въ дѣлахъ христіанской филантропіи, въ помощи бѣднымъ, несчастнымъ, больнымъ, въ смягченіи участи осужденныхъ преступниковъ, въ выкупѣ плѣнныхъ; благодаря имъ-то главнымъ образомъ зажиточные дома старинной Европы и грозные замки феодаловъ всегда давали пріютъ и пищу странникамъ и неимущимъ. Такова была, напр., тюрингенская ландграфиня Елизавета, въ XIII вѣкѣ, которая, терпя въ своей семейной жизни притѣсненія и оскорбленія, всецѣло посвятила себя служенію несчаст-

Digitized by Google

нымъ; она не только основывала и содержала больницы, но и собственноручно лечила брошенныхъ всѣми зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями. Католицизмъ, недовольствуясь одиночною благотворительностью, соединилъ ее съ женскимъ монашествомъ и нѣкоторые ордена обратилъ на исключительное служеніе бѣднымъ, уходъ за больными, выкупъ плѣнниковъ и т. д. Такъ, орденъ Маріи въ Сіеннѣ еще въ IX вѣкѣ былъ основанъ для ухода за больными; два такихъ же ордена въ XIII столѣтіи были посвящены выкупу плѣнниковъ; орденъ, основанный въ XIII же вѣкѣ тюрингенскою ландграфинею Елизаветою, имѣлъ своими цѣлями уходъ за больными, воспитаніе юношества, покровительство раскаявшимся грѣшницамъ, воспитаніе найденышей, нравственное направленіе преступниковъ. Орденъ бегинокъ имѣлъ еще болѣе разнообразныя цѣли. Эти и множество другихъ подобныхъ имъ женскихъ союзовъ имѣли для средневѣковой женщины извѣстное освободительное значеніе. Сама религія учила, что и отказываясь отъ семейныхъ обязанностей, женщина не только не роняетъ, но даже увеличиваетъ свое достоинство, что семейная дѣятельность не есть единственное предназначеніе женщины, которая можетъ и должна посвящать себя еще и другой, болѣе широкой и болѣе почетной дѣятельности, служенію обществу, человѣчеству. Другое важное значеніе женскихъ орденовъ въ средніе вѣка состояло въ томъ, что отдѣльная безпомощная личность, бывъ предоставлена тогда силѣ и произволу каждаго разбойника, имѣлъ ли онъ на головѣ графскую корону или же былъ пролетаріемъ-висѣльникомъ, естественно должна была искать опоры въ другихъ. Отсюда весь феодальный строй, основанный на договорѣ, въ которомъ одна сторона покупала у другой сильнѣйшей защиту себѣ цѣною своей свободы. Городскія общины пошли дальше и, купивъ себѣ свободу, организовали изъ себя крѣпкія оборонительныя братства. Женскіе ордена имѣли кое-что подобное этимъ общинамъ. Женщины, дѣвушки, вдовы не могли не чувствовать потребности общаго союза для пріобрѣтенія себѣ жилья и пищи, пріюта во время болѣзни, для избѣжанія всевозможныхъ насилій, для поддержки своей нравственной самостоятельности, для выполненія своихъ обѣтовъ и религіозныхъ идеаловъ жизни. Женское монашество выродилось изъ потребностей женскаго міра, но такъ какъ католицизмъ много содѣйствовалъ его возникновенію и съ перваго же раза ввелъ его въ общій строй своей церкви, то оно и потеряло всякое самостоятельное значеніе, всецѣло подчинившись общему влеченію католической жизни. Въ короткій пе-

Digitized by Google

ріодъ первоначальной чистоты монашества, когда оно могло славиться еще своею филантропическою дѣятельностью, надъ послѣднею все-таки брали перевѣсъ себялюбивыя и мрачныя тенденціи аскетизма. Не мало силъ и дарованій гибло въ изобрѣтеніи разныхъ самоистязаній и въ разрушеніи ими своего организма. Аскетическія идеи католицизма увлекали женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и распространялись по Европѣ преимущественно посредствомъ женской пропаганды. Тысячи, десятки тысячъ женщинъ и дѣвушекъ стремились удостоиться величайшей чести быть названными невѣстами Христа, вели суровую жизнь, терзали свое тѣло бичами и плетьми, морили себя голодомъ и холодомъ, нарочно распложали на себѣ вшей и вдобавокъ ко всему этому нерѣдко подвергались еще болѣе суровымъ истязаніямъ отъ своихъ строгихъ аббатиссъ. Сначала въ большинствѣ монастырей обѣты, произнесенные набожными женщинами, были только временные и возобновлялись ежегодно, предоставляя монахинямъ возможность снова перейти въ міръ. Но скоро церковь уничтожила эту льготу. Слагать съ себя обѣта монахинѣ не дозволяли, а въ случаѣ самовольнаго сложенія, подвергали ее наказанію. Капитуляціи Карла В., запретившіе монахинямъ даже переписываться съ мірянами и подвергшія ихъ многимъ другимъ подобнымъ ограниченіямъ, положили отлучать отъ церкви, какъ монахиню, вступившую въ бракъ, такъ и ея мужа. Въ Англіи нарушившая свой обѣтъ монахиня наказывалась голодною смертью. Изъ свободныхъ религіозныхъ общинъ, соединявшихъ, подобно каноникатамъ Германіи, пріятности общественной жизни съ преимуществами жизни благочестивой и назидательной, женскіе монастыри сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ церковныхъ каторжныхъ работъ, на которыхъ женщины искупали не только свои грѣхи, но часто и свои поступки, считавшіеся тогда преступными или наносившіе позоръ ихъ фамиліи. Извѣстно, какъ часто семейные тираны старинной Европы пользовались угодливостью духовенства для того, чтобы упекать въ монастырь своихъ женъ, дочерей и другихъ родственницъ, удаленіе которыхъ изъ семейства они считали почему нибудь необходимымъ. Принудительная система благочестія держалась недолго; какъ всегда бываетъ съ противуестественными стремленіями людей, такъ и въ настоящемъ случаѣ, католическій аскетизмъ неминуемо велъ за собой вторженіе въ монастыри совершенно противоположныхъ ему нравовъ. Женскіе монастыри скоро сдѣлались гаремами епископовъ, аббатовъ и другихъ церковниковъ, и пристанищами разгула для дво-

Digitized by Google

рянъ и солдатъ, которые при своихъ походахъ дѣлали остановки между прочимъ и въ женскихъ монастыряхъ, и по уходѣ которыхъ значительная часть населенія монастыря часто оказывалась въ интересномъ положеніи. Дѣтоубійство и плодоизгнаніе были развиты въ женскихъ обителяхъ въ сильной степени *). Такимъ образомъ, аскетизмъ не только приходилъ къ самоотрицанію, не только отвлекалъ женщинъ отъ практической дѣятельности на пользу людямъ, не только вырождался въ разнузданность страстей, но, при своемъ противорѣчіи идеала съ дѣйствительностію, неминуемо велъ за собою и нравственную развращенность, пріучая женщинъ къ тому отвратительному лицемѣрію, которое каждый читатель можетъ видѣть на нашихъ страннницахъ и другихъ подобныхъ женщинахъ. Несмотря на то, что аскетическіе идеалы никѣмъ не восполнялись, несмотря на то, что природа, которую хотѣли подчинить имъ, возмущалась и увлекала людей по совершенно противоположному направленію, аскетическая проповѣдь не прекращалась и не переставала увлекать наивныя женскія души, ненаходившія никакой отрады среди окружавшей ихъ безобразной жизни. Аскетическая пропаганда духовенства была съ особенною силою направлена на женщинъ аристократіи; увлекая ихъ въ монастырь, духовенство пріобрѣтало щедрыхъ дателей, сильныхъ защитниковъ и вѣрныхъ слугъ въ нихъ и ихъ родственникахъ. Часто цѣлыя фамильныя имѣнія переходили при помощи подобныхъ средствъ въ руки монаховъ. Женскіе монастыри, въ свою очередь, были также въ рукахъ духовенства важными орудіями для покоренія его власти умовъ и сердецъ. Монастыри были центрами женскаго образованія, которое, будучи проникнуто монашескимъ духомъ, разносилось изъ нихъ по лицу всей Европы. Выше мы уже видѣли, до какой степени тогдашняя семейная жизнь принимала часто совершенно монастырскій характеръ, и женщины, забывая все земное, жили только для духовенства, и употребляя всѣ свои силы на подвиги аскетическаго благочестія.

Такимъ образомъ, и своимъ аскетизмомъ и порожденною послѣднимъ реакціей, католицизмъ отрывалъ женщину отъ семейства и дѣлалъ ее орудіемъ своихъ выгодъ, власти, пропаганды. Рабыня мужа или семейства превращалась въ рабыню корпораціи, а по-

---

*) Подробности о развращеніи монастырскихъ и мірскихъ нравовъ см. въ нашихъ статьяхъ: *Дѣтоубійство* въ «Дѣлѣ» 1868, *Проституція* «Дѣло» 1869, а также въ статьѣ *Уваженіе къ женщинамъ*, «Современникъ» 1866 г.

Digitized by Google

слѣдняя не переставала внушать людямъ презрѣніе къ этому исчадію Евы. Независимо отъ того, что такія воззрѣнія на женщину много ухуждали ея семейное и общественное положеніе, они были еще источникомъ ужаснѣйшихъ преслѣдованій ея, обливавшихъ Европу женской кровью впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Мы говоримъ о вѣдовскихъ процессахъ. По дуалистическому ученію католицизма, вселенная раздѣляется на двѣ половины, — на одной сторонѣ Богъ, ангелы, святые и вѣрные сыны католической церкви; на другой, сатана, черти, еретики, язычники и нераскаянные грѣшники; первая половина образуетъ церковь божію, а вторая — сатанинскую; обѣ церкви постоянно борются между собой, стараясь какъ можно больше истребить или привлечь въ свое лоно своихъ враговъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ орудій дьявола и самою ревностною пропагандисткою сатанинскаго культа служитъ женщина, *вѣдьма*. Вѣрованіе въ вѣдовство, распространенное у всѣхъ грубыхъ народовъ, въ Европѣ, подъ вліяніемъ католическаго дуализма, получило особенно сильное развитіе. Женщины гораздо упорнѣе мужчинъ сохранили вѣрованія и обряды язычества, соединяя съ ними леченіе больныхъ травами и заклинаніями. Но такъ какъ католичество превратило языческихъ боговъ въ духовъ ада, то остававшіяся вѣрными имъ женщины естественно дѣлались въ глазахъ католика служительницами сатаны. Жрицы Фреи, совершавшія службу этой богинѣ на горахъ ночнымъ временемъ, сдѣлались волшебницами, имѣющими связь съ сатаною, а ихъ ночныя религіозныя собранія превратились въ шабаши вѣдьмъ на Брокенѣ и другихъ горахъ. Языческая вѣра женщинъ въ дѣйствительность заклинаній и знахарскихъ обрядовъ еще болѣе утверждала за ними эту печальную славу. Но до XIII в. вѣдьмы не подвергались особенно жестокимъ наказаніямъ, да и самая вѣра въ нихъ не была еще формулирована церковью и не возведена ею на степень догмата. Въ упомянутомъ же вѣкѣ невѣрованіе въ вѣдьмъ было провозглашено еретичествомъ, а самое понятіе вѣдовства значительно расширилось въ сравненіи съ предыдущимъ временемъ. Вредъ, наносимый людямъ, животнымъ и растеніямъ, любовное приворажиданье, летанье по воздуху, таинственныя исцѣленія, возбужденіе бурь перестаютъ считаться отдѣльными искуствами и сводятся къ одному главному пункту, къ культу въ честь сатаны. Явный или тайный союзъ съ дьяволомъ, скверное поклоненіе и присяга ему, плотское совокупленіе съ нимъ и съ его демонами, поруганіе надъ крестомъ и таинствами, отрѣченіе отъ Бога, формальное отрицаніе

Digitized by Google

христіанской вѣры, истребленіе людей, животныхъ и растеній, лишеніе женщинъ чадородія, причиненіе мужчинамъ полового безсилія и множество другихъ преступленій,—все это сдѣлано существенными атрибутами вѣдовства. Папа Иннокентій VIII, Юлій II, Адріанъ VI формулировали эти вѣрованія въ своихъ буллахъ и побуждали всѣхъ католиковъ къ истребленію вѣдьмъ. Германскій инквизиторъ Шпренгеръ составилъ «*Молотъ вѣдьмъ*», который сдѣлался и систематическимъ изложеніемъ догмата вѣры, и руководствомъ для судей. Когда же начались вѣдовскіе процессы, то вынужденныя пыткою ложныя показанія обвиняемыхъ и разныя галлюцинаціи несчастныхъ суевѣровъ присоединялись къ изобрѣтеннымъ церковью свѣденіямъ о вѣдовствѣ, а терроръ и отчаяніе, нагоняемые упомянутыми процессами на массы народа, вели за собой усиленіе суевѣрія и все болѣе и болѣе развивали вѣру въ вѣдьмъ и страхъ, внушаемый ихъ мнимыми кознями. По ученію церкви, женщина, желающая обладать волшебною силою, вступаетъ въ словесный или письменный договоръ съ сатаной, отрѣкается отъ Бога и блудодѣйствуетъ съ дьяволомъ. Возможность и существованіе совокупленія женщинъ съ сатаною подтверждалось часто самими мнимыми любовницами чорта и доказывались теологами и юристами. Это вѣрованіе поддерживалось въ средѣ народа главнымъ образомъ суевѣрными галлюцинаціями, въ соединенныхъ съ которыми сновидѣніяхъ чортъ игралъ важную роль, какъ idèe fixe того времени. Отъ такого совокупленія, по мнѣнію однихъ, между прочимъ и Лютера, рождаются даже дѣти, а по мнѣнію другихъ только всякаго рода гнусъ,—жабы, змѣи, черви и т. д. Послѣ отреченія отъ Бога и совокупленія съ сатаной новая вѣдьма въ ночь ближайшаго шабаша летитъ на метлѣ или козлѣ въ собраніе сатанинской церкви, бывающее еженедѣльно, кромѣ главнаго собранія ночью, 1 мая. Сатана является здѣсь подъ разными видами, чаще же въ образѣ получеловѣка—полукозла, возсѣдающаго на эбеновомъ позолоченомъ тронѣ. На его головѣ расположены въ формѣ короны маленькіе рожки; изъ длиннаго рога, сидящаго во лбу его, льется свѣтъ сильнѣе луннаго, его глаза сіяютъ страшнымъ блескомъ. Шабашъ, служащій пародіей католической мессы, начинается поклоненіемъ сатанѣ демоновъ, волшебниковъ и вѣдьмъ, которые при этомъ отрѣкаются отъ Христа и Маріи, цѣлуя у дьявола лѣвую руку, лѣвую ногу, лѣвый бокъ и пр. Затѣмъ слѣдуетъ исповѣдь,—демоны, волшебники и вѣдьмы каются сатанѣ въ разныхъ упущеніяхъ при исполненіи своей обязанности чинить какъ можно больше зла.

Digitized by Google

Сатана разрѣшаетъ, налагаетъ эпитеміи и начинаетъ дьявольскую обѣдню, при чемъ говоритъ проповѣдь и причащаетъ всѣхъ своихъ поклонниковъ подъ обоими видами раздавая имъ черную и гнилую гостію и какой-то отвратительный напитокъ. На банкетѣ, слѣдующемъ за мессою, всѣ кушанья и напитки состоятъ изъ всего, что только могла выдумать гнуснаго средневѣковая фантазія. Послѣ обѣда и танцевъ начинается повальный блудъ. Насладившись такимъ образомъ, сатана увѣщеваетъ присутствующихъ дѣлать по возможности больше зла, сожигаетъ свой чувственный образъ, въ которомъ присутствовалъ на собраніи, вѣдьмы собираютъ оставшуюся отъ этого козла золу, имѣющую чудотворную силу, и разлетаются по домамъ.

Задача вѣдьмъ, какъ слугъ сатаны, состоитъ въ томъ, чтобы вредить людямъ, губить и соблазнять ихъ. Кромѣ упомянутыхъ выше злодѣяній, вѣдьмамъ приписывались всевозможныя преступленія, какія только могла изобрѣсти безумная средневѣковая фантазія. Шпренгеръ говоритъ, напр., что самыя опасныя изъ вѣдьмъ— это повивальныя бабки; онѣ производятъ плодоизгнаніе и приносятъ дѣтей въ жертву демонамъ. Нѣкоторыя вѣдьмы ѣдятъ даже собственныхъ своихъ дѣтей. Въ 1484 г. сожгли 41 вѣдьму за то, что онѣ ѣли новорожденныхъ малютокъ. «Я зналъ — говоритъ Шпренгеръ—одну старуху, которая околдовала трехъ аббатовъ и довела ихъ до смерти; она попалась въ руки правосудія въ то время, когда хотѣла сдѣлать тоже самое съ четвертымъ аббатомъ». Каждое подозрѣніе, какъ бы оно нелѣпо ни было, каждый доносъ, каждое обвиненіе съ радостью принимались инквизиторами и подсудимые сожигались на кострахъ или погибали подъ топорами палачей. И не одинъ суевѣрный фанатизмъ руководилъ судьями и слѣдователями,—главную роль въ этомъ дѣлѣ играла жажда обогащенія имуществомъ казненныхъ, которое конфисковалось, и Корнеліусъ Лоосъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что вѣдовская инквизиція была «вновь изобрѣтеннымъ алхимическимъ средствомъ превращать въ золото человѣческую кровь». Для поповъ, графовъ, герцоговъ вѣдовскіе процессы были просто источникомъ дохода, особенно во время раззорительныхъ погромовъ тридцатилѣтней войны. Въ Англіи и Шотландіи во время смутъ революціи отличался по части этой гнусной промышленности Гопкинсъ, получившій титулъ «*генералъ-открывателя вѣдьмъ*». О подобной же охотѣ за вѣдьмами разсказываетъ Зольданъ. Одинъ шотландецъ передъ смертною казнію признался, что онъ своими ложными обвиненіями

Digitized by Google

въ вѣдовствѣ погубилъ болѣе 220 женщинъ, получая отъ судей въ награду по 20 шиллинговъ за каждую голову. Независимо отъ этого, преданіе суду и почти неизбѣжно слѣдовавшей за нимъ смертной казни было великолѣпнымъ средствомъ отдѣлаться отъ какого нибудь либерала, отъ опаснаго соперника, отъ личнаго врага, обвинивъ ихъ въ колдовствѣ. Инквизиція и усиленное ею суевѣріе страшно развили шпіонство; мужъ доносилъ на жену, дѣти на родителей, родители на дѣтей, попы на мірянъ, міряне на поповъ. Ни полъ, ни возрастъ, ни званіе, —ничто не гарантировало отъ желѣзныхъ лапъ инквизиціи. Она проникала даже во дворцы государей и тамъ находила себѣ жертвы. До чего дошелъ этотъ терроръ въ Баваріи, напр., можно судить потому, что здѣсь обвинялись, какъ волшебники и вѣдьмы, лица княжескаго и герцогскаго званія. Въ 1572 г. судилась принцесса Сидонія Брауншвейгская, обвиненная въ связи съ дьяволомъ и въ намѣреніи умертвить своего супруга. Не мало погибло въ этомъ погромѣ и людей науки,—этихъ опасныхъ враговъ католическаго поповства,—случалось, напр., что ученыхъ казнили за физическіе опыты, а лекарей за изцѣленіе больныхъ, болѣзни которыхъ считались тогда неизлечимыми и инквизиторы выставляли поэтому такихъ медиковъ волшебниками. Такъ, въ 1521 г. въ Гамбургѣ былъ сожженъ на кострѣ докторъ Фейтесъ за то, что при его искусной помощи совершенно благополучно родила очень трудно беременная женщина. Добыча жертвъ инквизиторами была незатруднительна: если ужасныя пытки не заставляли подсудимаго сознаться во взводимомъ на него преступленіи, то инквизиторы пускали въ дѣло улики (indicia), дѣлавшія собственное сознаніе арестантки излишнимъ для того, чтобы отправить ее на костеръ. А эти улики были безчисленны: «серьезное и смѣшное»,—говоритъ Шерръ—«возвышенное и комическое, преимущества и преступленія, добродѣтели и пороки, красота и безобразіе, богатство и бѣдность, благочестіе и индиферентизмъ, здоровье и болѣзнь, умъ и глупость, хорошая и дурная репутація, слова и тѣлодвиженія—все, рѣшительно все, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло возбудить подозрѣніе въ вѣдовствѣ. А обвиненіе въ девяносто-девяти случаяхъ изъ ста было и приговоромъ». Прежде всего подсудимую старались поймать на какомъ нибудь отвѣтѣ, который бы можно было сдѣлать фундаментомъ для дальнѣйшаго слѣдствія,—обыкновенная уловка инквизиціоннаго процесса въ тѣхъ случаяхъ, когда судьи и слѣдователи даже не имѣютъ сколько нибудь опредѣленнаго подозрѣнія насчетъ рода и степени

Digitized by Google

вины подсудимаго. Арестантку спрашивали, напр., вѣритъ ли она въ вѣдьмъ? Если она говорила: нѣтъ, то оказывалась еретичкой, достойной смерти, если говорила: да, то это было уликой, что она знаетъ кое-что о вѣдовствѣ и вѣдьмахъ, а знаніе и недонесеніе, тѣмъ болѣе знакомство съ вѣдьмами, было уже преступленіемъ. Если подсудимая не признавалась, то ее заключали въ тюрьму на извѣстное время и она подвергалась мученію голодомъ, жаждой, лишеніемъ сна, тѣлесными истязаніями; тюремные сторожа и сами судьи часто насиловали заключенныхъ, а оставшіеся отъ этого насилія признаки на тѣлѣ дѣвушки были выставляемы потомъ, какъ явныя улики ея связи съ сатаной: она вѣдьма! Сжечь ее! Немудрено, что множество подозрѣваемыхъ признавалось во взводимой на нихъ небывальщинѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы костеръ избавилъ ихъ отъ ужасовъ тюремнаго мученія. Если же темница не вынуждала признанія, то подсудимую подвергали суду Божію; бросали ее въ воду, и если она, побуждаемая инстинктомъ самосохраненія, начинала плавать и не шла ко дну, то признавалась виновной, если же начинала тонуть, то невинной; но въ послѣднемъ случаѣ ее освобождали только тогда, когда противъ нея не было никакихъ свидѣтельскихъ показаній, при имѣніи которыхъ ее снова вели въ тюрьму и мучили до тѣхъ поръ, пока она не признавалась или не умирала отъ ужасныхъ пытокъ. Послѣднее случалось нерѣдко, и судьи объясняли такую смерть тѣмъ, что сатана, желая спасти вѣдьму отъ позора и костра, заблаговременно отнялъ у нея жизнь. Пыткамъ предшествовало такъ называемое «испытаніе иглой». Обвиняемую раздѣвали до-нага, обрывали всѣ волосы съ ея тѣла и начинали искать на ней *вѣдовской знакъ;* если находили желчное пятно, родинку, бородавку, то вонзали въ нихъ иголку; если кровь не шла,—ясная улика, что обвиняемая вѣдьма, если кровь показывалась, то это признавалось дѣломъ дьявола, желавшимъ спасти свою подругу; если упомянутаго знака вовсе не было, то заключали изъ этого, что его уничтожилъ сатана. Пытка начиналась оффиціальной формулой: «ты будешь пытана до тѣхъ поръ, пока сквозь тебя не будетъ просвѣчивать солнце!» И это не было пустой угрозой. По законамъ пытка не могла продолжаться дольше четверти часа и непризнавшійся на первой пыткѣ не могъ быть подвергаемъ второй, — но этотъ законъ оставался мертвой буквой, и судьи продолжали пытку до тѣхъ поръ, пока не достигали желаемой цѣли. Несчастныхъ били кнутами, жгли раскаленнымъ желѣзомъ; кости рукъ и ногъ раздроблялись и изъ

Digitized by Google

нихъ текъ наружу мозгъ; ихъ терзали раскаленными клещами, вырѣзывали кусками мясо съ такимъ же равнодушіемъ, какъ у мертвой скотины и т. д. Немногія имѣли силу, несмотря на всѣ эти ужасы, не признаваться, да и эти немногія большею частію умирали отъ пытокъ. Признаніе вело за собой смертную казнь чрезъ сожженіе, вошедшую во всѣ европейскіе кодексы, благодаря католицизму, который, установивъ этотъ, по истинѣ адскій, родъ казни, со всегдашнею своею изворотливостью, старался отклонить отъ себя заслуженный упрекъ въ жестокости тѣмъ соображеніемъ, что служители Бога мира не имѣютъ права проливать человѣческой крови! Только для раскаявшихся вѣдьмъ казнь облегчалась тѣмъ, что ихъ сначала топили или обезглавливали, а сожигали на кострѣ только ихъ трупы. Постановленія же кодексовъ о наказаніи за вѣдовство были такъ сбивчивы и неопредѣленны, что на основаніи ихъ судья могъ приговорить къ смерти кого угодно. Вотъ что говоритъ, напр., объ этомъ Каролина: «Если кто причиняетъ людямъ вредъ посредствомъ волшебства, то его должно лишить жизни чрезъ сожженіе. Если же кто занимается волшебствомъ, но вреда никому не причиняетъ, то должно наказывать его, смотря по обстоятельствамъ дѣла». «Если кто нибудь предлагаетъ научить другихъ людей волшебству, или грозится околдовать кого нибудь, или имѣетъ общеніе съ волшебниками или волшебницами, или имѣетъ такія подозрительныя вещи, тѣлодвиженія, слова, которыя носятъ въ себѣ волшебство, — то это служитъ ясною уликою въ колдовствѣ и достаточнымъ поводомъ къ уголовному слѣдствію». Виртембергскій законъ полагалъ сожженіе всѣмъ «волшебникамъ, сатанинскимъ заклинателямъ, предсказателямъ и тѣмъ, кто обращается къ нимъ за совѣтомъ или помощью». По австрійскому закону «адское преступленіе волшебства наказывается огненною смертью, которой подлежатъ и всѣ участвующіе по ночамъ въ дьявольскихъ пиршествахъ и танцахъ, устрояемыхъ подъ висѣлицей, равно какъ и люди, производящіе грозы, громъ, градъ, червей и др. чудовищъ».

Нѣсколько вѣковъ дымились въ Европѣ вѣдовскіе костры, зажженные церковью, и старинные хроники полны разсказовъ объ этихъ ужасныхъ зрѣлищахъ. Нѣкоторыя казни замѣчательны по количеству жертвъ, другія по нелѣпости самихъ обвиненій. Въ Швейцаріи однажды обвинялась въ вѣдовствѣ сумасшедшая семнадцатилѣтняя дѣвушка. На основаніи ея показаній были привлечены къ дѣлу и подвергнуты всѣмъ степенямъ пытки восемь женщинъ и

Digitized by Google

одинъ мужчина; доносчицу обезглавили, шесть обвиненныхъ ею женщинъ сожгли, а остальныхъ освободили. Въ Севильѣ была сожжена одна дѣвушка, обвиненная въ томъ, что будто бы несла яйца какъ птица! Въ Наваррѣ въ 1527 г. обвинено 150 женщинъ за участіе въ сатанинской обѣднѣ или вѣдовскомъ шабашѣ. Многіе казнились вслѣдствіе своего, вынужденнаго пыткою, сознанія, что они *не люди, а волки и оборотни!* Одинъ духовный, Урбанъ Грандье, былъ обвиненъ въ томъ, что околдовывалъ и отдавалъ чорту урсулинскихъ монахинь въ Лаудунѣ. Онъ не выдержалъ пытокъ и признался во всемъ, что взводила на него инквизиція. Количество казненныхъ жертвъ въ Европѣ было громадно. Сплошь и рядомъ сожигали разомъ цѣлыя толпы несчастныхъ, такъ что, по словамъ одного лѣтописца, столбы, къ которымъ привязывали сожигаемыхъ, имѣли видъ густого лѣса. Въ Брауншвейгѣ въ концѣ XVI в. въ одинъ день было сожжено 133 вѣдьмы. Въ первые года XVII в. въ крошечномъ графствѣ Геннебергъ сожжено 144; въ епископствѣ Вюрцсбургѣ втеченіе трехъ лѣтъ — 200 человѣкъ, между которыми были даже дѣти 8—12 лѣтъ; въ Фульдѣ нѣкто Фоссъ хвалился, что онъ сжегъ 700 вѣдьмъ и надѣялся довести это число до 1000, въ небольшомъ городкѣ Бюдингенѣ въ 1633 году предано смерти за волшебство 64 человѣка, а въ слѣдующемъ году—50; въ 1627 г. въ городкѣ Дибургѣ казнено 36; въ городкѣ Нейсое въ 1651 г. сожжено 42 женщины; въ Зальцбургѣ въ 1678 г.—97 человѣкъ; въ маленькомъ швейцарскомъ кантонѣ Цугъ въ два мѣсяца 1660 года сожжено 27 женщинъ; въ Италіи, въ округѣ Комо сожигалось ежегодно около 100 вѣдьмъ; въ Каркасонѣ, во Франціи, въ 1520—1550 г. казнено болѣе 200, а въ 1557 г.—31 и т. д. По вычисленію Шерра, въ одной только Германіи казнено за вѣдовство никакъ не менѣе 100,000 человѣкъ. Трудно описать въ немногихъ словахъ ужасъ этого дьявольскаго терроризма и принесенный имъ вредъ Европѣ. Папы и государи, попы и юристы, монахи и палачи какъ будто превратились въ это время въ тѣхъ самыхъ злыхъ духовъ, за мнимое поклоненіе которымъ они сожигали людей и грабили ихъ имущества. Подобно полчищамъ какого нибудь Тамерлана, духовное воинство католической церкви разносило по міру смерть и самыя варварскія истязанія, плодя шпіоновъ, подкупая ложныхъ доносчиковъ, внося раздоры и подозрительность въ семейства, сочиняя возмутительныя сказки о чертяхъ и вѣдьмахъ, насилуя арестованныхъ за волшебство женщинъ, и наживаясь имуществомъ своихъ жертвъ. Съ водвореніемъ во многихъ евро-

Digitized by Google

пейскихъ странахъ реформаціи, вѣра въ вѣдовство не изчезла и лютеране продолжали истреблять вѣдьмъ, почти съ такимъ же рвеніемъ, какъ и католики. Вѣдовскіе костры потухли только въ концѣ XVIII в., а въ Испаніи послѣдняя вѣдьма была осуждена въ 1807 году.

Такъ душилъ, отвергалъ и порабощалъ женщину католицизмъ. Но она все-таки нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы не только не пасть подъ его всеподавляющимъ деспотизмомъ, но и чтобы по возможности внести въ его систему нѣкоторые облагороживающіе элементы. Мы говоримъ о культѣ Св. Маріи, развитіе котораго принадлежало главнымъ образомъ женщинѣ. Культъ Дѣвы былъ культомъ самой безграничной любви и красоты, прекраснымъ выраженіемъ свѣтлыхъ сторонъ женской души, окончательно помрачить которую не могли всѣ ужасы средневѣковаго католицизма. Хотя этимъ культомъ многія старались прикрыть свою распущенность и испорченность, но божественное сіяніе любвеобильной Маріи такъ животворно дѣйствовало на людей среди потемокъ католичества, что упомянутые печальные результаты теряли значительную долю своей силы. Этотъ культъ не мало поддерживалъ и возвышавшуюся изъ феодальнаго униженія женщину. Ее не такъ легко было уже преслѣдовать за вину Евы, когда за нее стояла непорочная Дѣва. Дѣва—царица на небѣ, а женщина, какъ увидимъ ниже, воцарилась на землѣ.

С. Шашковъ.

Digitized by Google

ПѢШІЙ КОННОМУ—НЕ ТОВАРИЩЪ.

РОМАНЪ

въ пяти частяхъ.

ГЕРМАНА ШМИДТА.

(*Окончаніе*).

IV.

Обратно.

Чудный лѣтній вечеръ склонялся къ ночи. Голубое небо, окрашенное пурпуромъ, было прозрачно и безоблачно, такъ что блескъ его ослѣплялъ, и весь западъ казался пламеннымъ воздушнымъ моремъ. Въ узенькомъ переулкѣ, въ концѣ города, конечно, не видно было этой великолѣпной картины; тамъ было совершенно темно, и только верхушки домовъ озарялись красноватымъ отливомъ.

Въ тихомъ домѣ несмотря на позднюю пору ворота не были еще заперты, а въ калиткѣ стояла совѣтница, безпокойно и нетерпѣливо поджидавшая кого-то. Никто не безпокоился о старухѣ; переулокъ былъ пустъ, какъ вымершій, а если кто и проходилъ, то такъ торопливо, чуть не бѣгомъ пробѣгалъ мимо дома, точно торопясь не пропустить какого нибудь важнаго дѣла.

— Не лучше ли будетъ, наконецъ тихо прошептала она,—запереть домъ, и идти въ комнаты. Уединеніе и молитвенникъ помогутъ мнѣ лучше преодолѣть нетерпѣніе. Если мнѣ суждено услышать что нибудь хорошее, то я услышу его въ свое время, если же что нибудь дурное, то дурныя вѣсти сами никогда не запоздаютъ.

Digitized by Google

Она уже хотѣла притворить калитку, какъ въ потьмахъ снова увидѣла фигуру, которая показалась ей знакомой.

— Мастеръ Вилль? крикнула она.—Это ты, или нѣтъ?

— Это я, госпожа совѣтница, отвѣчалъ мастеръ, останавливаясь и тяжело вздыхая отъ скорой ходьбы. — Что это вы такъ поздно остаетесь на улицѣ? Ахъ ты Господи! чего только не приходится видѣть! Васъ-то это конечно близко касается, вѣдь онъ сынъ вамъ.

— Говори, мастеръ! сказала совѣтница, стараясь всѣми силами скрыть свое безпокойство.—Что ты говоришь о моемъ сынѣ? Онъ уѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ по важнымъ дѣламъ къ герцогу въ Сентъ-Венделинъ, и до сихъ поръ не возвращался!

— Вы ничего не знаете, госпожа совѣтница, отвѣчалъ ткачъ,— но вѣдь изъ-за этого весь шумъ въ городѣ, хотя всѣмъ этимъ росказнямъ придаютъ мало вѣры. Вамъ должно быть уже извѣстно, что прошлую ночь герцогъ неожиданно пріѣхалъ въ городъ, но одинъ, и очень не въ духѣ, и говорятъ, что между нимъ и господиномъ министромъ, вашимъ сыномъ, произошли ужасныя вещи; говорятъ, герцогъ бросился на него со шпагой.

Совѣтница задрожала всѣми членами, но преодолѣла себя и принужденно засмѣялась.

— Глупые толки! сказала она.—Такой умный и серьезный человѣкъ, какъ ты, мастеръ, не долженъ бы вѣрить такимъ пустякамъ.

— Да этимъ слухамъ вполнѣ никто и не вѣритъ, сказалъ Вилль,—однакожъ, вѣрно, что нибудь случилось, если всѣ болтаютъ. Министръ не пріѣхалъ съ нимъ, никто не знаетъ гдѣ онъ и вѣрно не вернется скоро, потому что говорятъ будто герцогъ приказалъ, чтобы всѣ дѣла докладывались не министру, какъ прежде, а прямо ему, герцогу.

— Прямо ему, шептала совѣтница, не сознавая вполнѣ, что она говоритъ.

— Такъ говорятъ, продолжалъ ткачъ.—Народъ такъ тѣснится по улицамъ, такъ тѣснится, что можно почти по головамъ ходить, почти также какъ тогда, когда старый герцогъ наложилъ налогъ, и когда изъ-за этого была свалка. Что если опять случится что нибудь подобное.

Digitized by Google

— Ужасно! прошептала совѣтница.

— Да, вскричалъ ткачъ,—но, кажется, дѣла и теперь уже очень плохи. Я вышелъ только, чтобы поискать Ричарда. Мальчикъ сидитъ у меня на шеѣ, просто наказанье! Я былъ такъ счастливъ, что отдалъ его въ ученье къ одному купцу, притомъ же безплатно. Но съ первой же недѣли онъ ушелъ, потому что прибилъ приказчика, который требовалъ отъ него, чтобы онъ вкатилъ въ погребъ бочку. Сегодня же онъ убѣжалъ отъ меня изъ комнаты, куда я его заперъ, и теперь мнѣ приходится отыскивать его. Этотъ несчастный способенъ на все. А гдѣ его найдешь, пострѣла?

— Я послала нашего слугу Зебанда за вѣстями въ городъ, сказала совѣтница, — кухарка же сама убѣжала и теперь никто изъ нихъ не идетъ домой.

— Они вѣрно пройти не могутъ, сказалъ Вилль,—на главныхъ улицахъ все полно народомъ, а на дворцовой площади стоятъ войска и ихъ надо обходить.

— Господи, Господи! вскричала старуха.—Что приходится мнѣ видѣть на старости лѣтъ! Неужели же дѣло зашло такъ далеко, что намъ опять грозитъ несчастіе? Кромѣ того эта страшная неизвѣстность насчетъ моего сына.

— Да, это дѣйствительно ужасно, если вы ничего не знаете, сказалъ ткачъ.—Если онъ родную мать не извѣщаетъ о себѣ, то вѣрно справедливо то, о чемъ говорятъ въ народѣ.

— А что говорятъ въ народѣ? проговорила совѣтница, сжавъ пылавшіе виски руками.

— Тамъ говорятъ, что г. министръ заключилъ съ герцогомъ союзъ, что называется трактатомъ, что онъ введетъ всѣ новые законы и будетъ управлять такъ, какъ желаетъ министръ. Герцогъ обѣщалъ это, но теперь не хочетъ сдержать своего обѣщанія, за что министръ его и упрекнулъ. Герцогъ въ гнѣвѣ посадилъ министра въ тюрьму. А другіе разсказываютъ даже, что онъ вынулъ шпагу и пронзилъ ему грудь.

Совѣтница едва слышала эти слова, въ ушахъ у ней зазвенѣло, въ глазахъ потемнѣло, и она зашаталась; болтливый ткачъ въ пылу своихъ разсказовъ ничего не замѣтилъ, и она навѣрно упала

Digitized by Google

бы, еслибъ сильная рука какого-то человѣка, незамѣтно къ нимъ подошедшаго, не схватила и не удержала бы ее.

— Отправляйтесь своей дорогой, пріятель, вскричалъ онъ ткачу нѣсколько грубымъ голосомъ. — Болтайте ваши сказки гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ; вы видите, что онѣ не очень-то пріятны г-жѣ совѣтницѣ.

Ткачъ замолчалъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ то на пришедшаго, то на совѣтницу, какой-то вопросъ вертѣлся у него на языкѣ.

— Вы, вскричала наконецъ совѣтница. — Это вы, господинъ Ридль!

— Это я, отвѣчалъ онъ. — Успокойтесь и позвольте мнѣ проводить васъ въ комнаты. Ночной воздухъ можетъ повредить вамъ. Я принесъ извѣстіе отъ Фридриха.

— Отъ Фридриха! вскричала совѣтница, совершенно опомнившись. — Скорѣе, скорѣе, не теряйте ни минуты и разсказывайте! Идемте, я вовсе не слаба. Гдѣ онъ? Какъ поживаетъ? Здоровъ онъ?

— Позвольте подробности сообщить вамъ въ комнатѣ, сказалъ Ридль. — Здѣсь же довольно будетъ сказать, что сынъ вашъ здоровъ, невредимъ и находится въ полнѣйшей безопасности. Отправляйтесь, дружокъ, и разскажите это всѣмъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Виллю. — Если мои новости не такъ интересны, какъ ваши, и имъ не будутъ такъ легко вѣрить, то онѣ имѣютъ то важное преимущество, что вполнѣ вѣрны.

Съ этими словами онъ слегка оттолкнулъ ткача, вошелъ съ совѣтницей въ калитку и заперъ ее передъ самымъ носомъ мастера.

— Ну, въ вѣжливости обвинить г. Ридля нельзя, проворчалъ ткачъ, смотря на запертую калитку. — Это другъ народа! Надо сказать, что дружба эта странная. Вѣдь и я же принадлежу къ народу. Но пора домой, одумался онъ, — посмотрю, не воротился ли пѣренекъ, а если воротился, такъ я опять его запру, ужь вѣрно онъ не уйдетъ отъ меня во второй разъ. А потомъ пойду въ городъ, да разскажу, что слышалъ.

Пока ткачъ добирался до своей жалкой квартиры и стучался въ заклеенное бумагой окошечко нижняго этажа, Ридль привелъ совѣтницу въ комнаты и уложилъ на диванъ старуху, гораздо бо-

Digitized by Google

лѣе ослабѣвшую, чѣмъ она сама предполагала. Она опустилась на диванъ чуть не въ безпамятствѣ и закрыла глаза. Ридль, знакомый съ мѣстностію и обычаями дома, пошелъ къ окну и досталъ изъ рабочей корзинки совѣтницы бутылочку со спиртомъ, который она считала универсальнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Ридль налилъ нѣсколько капель себѣ на руку, вытеръ ими виски старухи, а бутылочку поднесъ ей къ носу. Вскорѣ она открыла глаза и остановила ихъ на человѣкѣ, который съ заботливостію сына возился около нее. Взоръ ея выражалъ и благодарность, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленіе.

— Благодарю васъ, сказала она, привставъ. — Извѣстіе ваше уже подкрѣпило меня. Я скоро совсѣмъ оправлюсь. Скажите мнѣ еще что нибудь? Скажите мнѣ все, что вы знаете. Могу ли я надѣяться, что Фридрихъ свободенъ, здоровъ и внѣ опасности.

— Все такъ, какъ я вамъ сказалъ, вы можете не безпокоиться, все это я знаю отъ него самого—онъ мнѣ писалъ.

— Онъ вамъ писалъ, съ грустію вскричала она,—вамъ, а не мнѣ, его матери? О, въ такомъ случаѣ у него есть что нибудь, что надо скрывать, а иначе онъ написалъ бы своей матери, а не...

— А не чужому, хотите вы сказать, отвѣчалъ Ридль, видя, что она замолчала. — Не стѣсняйтесь, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забудьте, что я для сына вашего не чужой. Можетъ быть, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь онъ убѣдился, что я его другъ и именно потому написалъ мнѣ. Кромѣ того, тутъ есть и другія причины. Онъ долженъ желать, чтобы на первое время мѣсто его пребыванія было неизвѣстно. Письма къ вамъ непремѣнно навели бы на слѣдъ, а ко мнѣ они идутъ тайными путями.

— Но какъ это все согласить, снова заговорила совѣтница, всплеснувъ руками. — Неужели и для меня это должно остаться тайною.

— Нѣтъ, сказалъ Ридль, подумавъ немного. —Вы понимаете въ чемъ тутъ дѣло, вѣдь тутъ ставится на карту судьба вашего сына, слѣдовательно вы будете молчать. Такъ знайте, что онъ за-границей и теперь вѣроятно уже въ Швейцаріи. Тамъ онъ подъ чужимъ именемъ будетъ жить до тѣхъ поръ, пока разъяснятся

Digitized by Google

обстоятельства, или пока самъ онъ рѣшится на что нибудь положительное.

— За-границей, подъ чужимъ именемъ? жалобно проговорила старуха.—Какъ бѣглецъ, какъ преступникъ, котораго ищутъ! Такъ дѣло зашло такъ далеко. О Господи, зачѣмъ онъ рѣшился вступить на это опасное поприще. И вотъ каковъ конецъ!

— Ну этого еще сказать нельзя, отвѣчалъ Ридль. — Я радъ, что слышу отъ васъ, что теперь вы думаете одинаково со мной. Кто, какъ не я, отсовѣтывалъ ему это, кто упорно разъяснялъ и доказывалъ ему, что отношенія его къ герцогу не приведутъ ни къ чему хорошему.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала совѣтница,—какъ я ни несчастна, но все-таки такъ легко не перемѣню своего мнѣнія о герцогѣ. Я жалуюсь только на честолюбіе Фридриха, что онъ для него оставилъ тихое, скромное поприще ученаго. Какъ онъ былъ бы счастливъ, какъ много могъ бы сдѣлать хорошаго! А для этихъ дѣлъ, я убѣждена, сынъ мой не годится.

— Вы совершенно правы, сказалъ Ридль,—я тоже самое говорилъ ему. Для такого мѣста Фридрихъ слишкомъ добръ, слишкомъ мягокъ. Надо имѣть не только желѣзныя руки, но и желѣзное сердце. Фридрихъ же мечтатель, конечно въ самомъ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе мечтатель. Онъ живетъ идеалами. Теперь завѣса упала и онъ вмѣсто идеала увидѣлъ человѣка со всѣми его недостатками.

— Нѣтъ, и все-таки нѣтъ, сказала совѣтница совершенно уже оправившаяся и принявшая вѣжливый и холодный тонъ, какимъ она имѣла обыкновеніе говорить съ Ридлемъ.—Благодарю васъ за ваше посѣщеніе и за принесенное вами извѣстіе, милостивый государь, но разъ навсегда я не желаю, чтобы со мной говорили объ этихъ вещахъ такимъ тономъ. Мнѣ было бы пріятно, еслибъ вы позволили мнѣ прочесть письмо Фридриха. Вѣдь вѣрно оно предназначалось и для матери! Въ остальномъ же вы, вѣроятно, снова убѣдились какъ сильно мы расходимся съ вами.

— Письмо, сказалъ онъ нерѣшительно.—Этого нельзя. Письмо предназначено мнѣ, а не вамъ, въ немъ есть порученіе успокоить васъ и вмѣстѣ съ извѣстіемъ принести вамъ искреннее привѣт-

Digitized by Google

ствіе и передать, что лишь только Фридрихъ найдетъ себѣ настоящее убѣжище, то тотчасъ же напишетъ прямо къ вамъ.

— Только-что найдетъ себѣ убѣжище, вскричала совѣтница, снова разогорченная. — О сынъ мой, какъ хорошо, что почтенный отецъ твой лежитъ въ могилѣ. Еслибъ онъ дожилъ до этого печальнаго извѣстія, оно вѣрно убило бы его. Сынъ мой, дитя мое, бѣглецъ и не можетъ найти мѣста куда преклонить голову! Но это ничего, продолжала она рѣшительно, — все перемѣнится и я сама все измѣню. И хоть вы мнѣ и не показываете письма, но все-таки я знаю достаточно. Сынъ мой не могъ сдѣлать ничего такого дурного, вслѣдствіе чего онъ долженъ бы былъ бѣжать, какъ Каинъ братоубійца. Тутъ должно быть какая нибудь ошибка или позорная клевета. Герцогъ здѣсь, я пойду къ нему, я поговорю съ нимъ. Онъ долженъ выслушать мать, которая будетъ говорить за сына и защищать его. Я знаю, что онъ всегда любилъ его и потому онъ такъ скоро и такъ рѣшительно не осудитъ его. Онъ долженъ быть справедливымъ, это я скажу ему, для того Господь Богъ и далъ ему корону и сдѣлалъ его герцогомъ.

— Погодите, сказалъ Ридль.—Будьте увѣрены, что я отдаю полную справедливость вашему материнскому сердцу, но все-таки долженъ вамъ сказать, что вы напрасно трудитесь. Во всякомъ случаѣ, не ходите сегодня къ герцогу! Уже слишкомъ поздно!

— Поздно! вскричала совѣтница.—Слишкомъ поздно для матери, ищущей справедливости къ ея сыну? Никогда!

Ридль пожалъ плечами.

— Во дворцѣ объ этомъ думаютъ иначе, сказалъ онъ.—Къ герцогу никто не входитъ. Съ самаго своего возвращенія онъ строго заперся и никого не пускаетъ къ себѣ на глаза, такъ что ваши старанія будутъ напрасны. Кромѣ того, продолжалъ онъ съ удареніемъ и послѣ нѣкотораго молчанія,—навѣрное ли вы знаете, что герцогъ обвиняетъ вашего сына несправедливо, и что Фридрихъ уѣхалъ и прячется поэтому? Развѣ вы не можете себѣ представить случая, что вина на другой сторонѣ? Развѣ не можетъ быть и того, что, ища правосудія, вамъ придется жаловаться герцогу на самого же герцога?

Digitized by Google

Совѣтница уронила шаль, взятую ею, и смотрѣла во всѣ глаза на Ридля.

— Что вы хотите этимъ сказать? Я не понимаю! сказала она.

— Теперь вы приготовлены достаточно, началъ Ридль,—и я не считаю нужнымъ болѣе скрывать отъ васъ все, что знаю.

— Господи! что услышу я? вскричала старуха, и испуганная опустилась на кресло передъ письменнымъ столомъ Фридриха.

Ридль прошелся по комнатѣ и остановился передъ совѣтницей.

— Я долженъ начать вопросомъ, сказалъ онъ,—который покажется вамъ страннымъ. Изъ разсказовъ вашего сына вы, безъ сомнѣнія, знаете прошедшее и юность той женщины, что онъ назвалъ своей женой.

— Той женщины? блѣднѣя вскричала совѣтница.—Какимъ тономъ говорите вы о женѣ моего сына? Что съ нею случилось? Фридрихъ развѣ не все разсказывалъ мнѣ объ ней?

— Хорошо, сказалъ Ридль, ставя стулъ подлѣ совѣтницы. — Въ такомъ случаѣ вы знаете, какъ Фридрихъ познакомился съ нею въ Гамбургѣ и спасъ ее отъ преслѣдованій какого-то важнаго и богатаго соблазнителя.

— Далѣе, далѣе!

— И вы не подозрѣваете, кто былъ соблазнитель? продолжалъ онъ.—Это былъ тогдашній наслѣдный принцъ, нынѣшній герцогъ, а посредникомъ былъ его подлый камердинеръ, нынче сдѣланный кастеляномъ въ Сентъ-Венделинѣ.

— Герцогъ, пробормотала совѣтница, точно будто языкъ отказывался служить ей.

— Никто другой. Они увидались снова, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ владѣтельнымъ герцогомъ, а она женою его друга, его перваго министра. Бракъ же, какъ вы сами знаете, вовсе не былъ такъ счастливъ, какъ мы оба того желали. Фридрихъ и тутъ дѣйствовалъ, какъ мечтатель. Однимъ словомъ, молодая женщина считала себя заброшенной и, можетъ быть, по ея понятіямъ это было и такъ. Вѣтреныя наклонности ея матери пробудились въ ней, она пошла по ея слѣдамъ и вступила въ тайную связь съ герцогомъ.

Digitized by Google

— Не можетъ этого быть! вскричала совѣтница, совершенно ошеломленная отъ удивленія и волненія.

— Болѣе чѣмъ можетъ быть, это горькая истина. Когда разладъ въ бракѣ дошелъ до того, что Фридрихъ отъ временного удаленія жены ждалъ благодѣтельныхъ результатовъ въ ея образѣ жизни, онъ не подозрѣвалъ того, что уже случилось. Жена Фридриха воспользовалась своей поѣздкой къ родственницѣ, чтобы сойтись съ герцогомъ въ Сентъ-Венделинѣ. Фридрихъ пріѣхалъ туда по крайне спѣшнымъ дѣламъ и засталъ ее въ объятіяхъ герцога.

Ридль всталъ, желая дать совѣтницѣ время опомниться. Сначала въ сердцѣ старухи боролись сожалѣніе и скорбь, потомъ она залилась слезами и вскричала:

— О сынъ мой! о Фридрихъ! Такъ вотъ надежды, которыми ты жилъ, такъ вотъ благодарность за твою доброту, плата за твою любовь? Да, я знаю, я чувствую, что онъ выстрадалъ, что онъ терпитъ теперь, потому что знаю, я одна знаю, какъ сильно онъ любилъ ее.

— Онъ совладаетъ съ собою, отвѣчалъ Ридль.—Онъ мужчина, хотя и съ нѣжной душой; но настолько онъ силенъ, чтобы побѣдить себя. Я думаю, вы теперь не отправитесь къ герцогу требовать правосудія. Вы поймете, что Фюреръ поступилъ, какъ долженъ былъ поступить.

— Сынъ мой сдѣлалъ хорошо, вскричала совѣтница, подавивъ вздохъ.—Напишите ему это! Теперь, такъ какъ я знаю все, то я буду покойна. Напишите ему и это! Онъ, можетъ быть, будетъ безпокоиться обо мнѣ; такъ пусть не безпокоится. Пусть онъ увѣдомитъ меня о себѣ, лишь только это будетъ возможно, и не представитъ ему затрудненій. И напишите ему также, продолжала она, тихо вставая и снимая портретъ Ульрики со стѣны;—напишите, что я сдѣлала при васъ! Прелестное созданье, продолжала она, обращаясь къ портрету.—Награжденное природой всѣмъ, что только небо можетъ дать, и чѣмъ могла она осчастливить и себя и другихъ, и погибшее отъ легкомыслія и суетной страсти къ увеселеньямъ! Ты опозорила нашъ домъ; и въ этомъ домѣ нѣтъ для тебя мѣста.

Она заперла портретъ въ ящикъ письменнаго стола и велице-

Digitized by Google

ственно пошла къ себѣ въ комнату, но на порогѣ зашаталась и ухватилась за руку Ридля.

— Кажется, я не такъ сильна, какъ полагала, сказала она, едва дойдя до кресла.

— Вовсе не мудрено, что вы ослабѣли, съ участіемъ сказалъ Ридль. — И покрѣпче васъ это свалило бы съ ногъ. Положите госпожу совѣтницу въ постель, сказалъ онъ горничной, вошедшей въ комнату.—Ей не здоровится, и надо ее успокоить. Завтра я опять зайду справиться о ея здоровьѣ. Можетъ быть, мнѣ удастся принести какія нибудь извѣстія.

Онъ пожалъ старушкѣ руку и пошелъ вслѣдъ за горничной, освѣщавшей ему путь. Дойдя до порога, онъ услышалъ, что совѣтница зоветъ его.

— Господинъ Ридль, сказала она, протягивая ему руку,—всю жизнь я держалась того правила, что если я сознаю, что поступила несправедливо, то не должна молчать объ этомъ. Теперь я хочу признаться вамъ, что неправа передъ вами; я считала васъ безсердечнымъ говоруномъ, и часто желала, чтобы вы разошлись съ моимъ Фридрихомъ. Теперь же, въ это трудное время, когда вы такъ дружески отнеслись къ старой всѣми покинутой женщинѣ, какъ только могъ отнестись любящій сынъ, теперь вижу я, что вы точно другъ моего сына, и что у васъ должно быть доброе сердце. Простите меня, господинъ Ридль, и будьте отнынѣ и моимъ другомъ! А теперь покойной ночи.

Въ это самое время въ герцогскомъ замкѣ господствовали не меньшія движеніе и безпокойство. Залъ передъ комнатами герцога, несмотря на позднее время дня, былъ очень оживленъ, во всѣхъ углахъ и оконныхъ нишахъ стояли группы людей, вездѣ шелъ болѣе или менѣе оживленный разговоръ.

— Однимъ словомъ, это совершенно непонятное дѣло, вскричалъ Шроффенштейнъ-сынъ,—и до сихъ поръ напрасно стараются найти какое нибудь объясненіе.

— Ну, я думаю, отвѣчалъ Адельговенъ, — что для опытнаго глаза охотника тутъ не представляется никакихъ затрудненій. Помнишь, Шроффенштейнъ, что я говорилъ тебѣ два года тому назадъ, когда мы встрѣтились съ тобою на балѣ въ ратушѣ! При-

Digitized by Google

помни, какъ мнѣ бросился въ глаза уборъ, подаренный герцогомъ на свадьбу этой дамы! Мнѣ это тогда же пришло въ голову. Теперь всѣмъ извѣстно, почему онъ подарилъ такую дорогую вещь! Я былъ правъ: выскочка былъ умнѣе, чѣмъ мы предполагали.

— Ну за то теперь царство его кончилось, сказалъ Шроффенштейнъ, поправляя шарфъ на мундирѣ.

— Почемъ знать, отвѣчалъ Адельговенъ.—Я не поручусь за это. Въ настоящемъ непріятномъ положеніи невозможно поручиться ни за что. Вѣтеръ сразу можетъ вдругъ перемѣниться. Мои извѣстія достовѣрны и точны, потому что они изъ вѣрнаго источника, отъ кастеляна венделинскаго замка, который пріѣхалъ сюда съ герцогомъ, и который очень коротокъ съ моимъ егеремъ. Это старая исторія; она началась еще въ то время, когда герцогъ вышелъ изъ университета и заключилъ сантиментальную дружбу съ бывшимъ министромъ. На возвратномъ пути изъ Гамбурга наслѣдный принцъ познакомился съ этой женщиной. Профессоръ тогда женился на ней и предложилъ ее герцогу, за что получилъ портфель, чтобы спрятать въ немъ свои рога.

— Злые языки и только, вскричалъ Шроффенштейнъ.—Я ненавижу этого человѣка, какъ только можно ненавидѣть, на это у меня есть основательныя причины. Но не вѣрю тому, что ты говоришь. Онъ не похожъ на это. Онъ, можетъ быть, гордецъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ честный человѣкъ.

— Это тебѣ дѣлаетъ честь, что ты защищаешь его, смѣясь сказалъ Адельговенъ.—Ты думаешь, что это не мѣшаетъ на всякій случай. Но если онъ вынырнетъ, такъ тѣмъ хуже для него. Обманутый женой, да еще, въ добавокъ къ своей честности, осмѣянный всѣми. Но что дѣлается тамъ? продолжалъ онъ, взглядомъ указывая на комнату герцога.—Правда ли, что его высочество обѣдалъ одинъ и никого не принимаетъ?

— Никого? Оберъ-камердинеръ говоритъ, что герцогъ нездоровъ и хочетъ быть одинъ. Кажется, собирается гроза.

— Но гдѣ она разразится, можно, я полагаю, сказать напередъ, отвѣчалъ Адельговенъ.—Вонъ идетъ твой отецъ, отъ него мы узнаемъ нѣсколько побольше.—Что, ваше сіятельство, вскричалъ

Digitized by Google

Адельговенъ подошедшему графу,—идете ли вы за новостями или несете намъ ихъ?

— Это смотря по тому, какъ вы, сами заблагоразсудите, отвѣчалъ Шроффенштейнъ-отецъ, одѣтый въ парадную форму своей прежней должности.—Я хочу быть готовымъ на всякій случай. Страна и престолъ никогда не находились еще въ такомъ опасномъ положеніи, какъ теперь, когда буквально все виситъ на волоскѣ. Хотя я знаю, что герцогъ уже давно не принималъ моихъ ничтожныхъ услугъ, но тѣмъ не менѣе для своего собственнаго успокоенія я хочу имѣть право сказать, что онѣ были предложены, и что въ рѣшительную минуту я находился на томъ мѣстѣ, гдѣ обязанъ быть по своему прежнему положенію и по правамъ своего рожденія.

— И гдѣ, смѣясь прошепталъ ему на ухо Адельговенъ, дѣлая видъ, будто снимаетъ у него пылинку съ платья,—гдѣ, если повезетъ счастіе, можно выудить освободившійся министерскій портфель.

Шроффенштейнъ-отецъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на это. Какъ будто не слыхавъ замѣчанія веселаго охотника, обратился онъ къ лакею, стоявшему у дверей, съ вопросомъ о здоровьи его высочества, но въ ту же минуту дверь отворилась и оберъ-камердинеръ, Борнеманъ, высунулъ голову и проговорилъ:

— Его высочество хочетъ ѣхать, прикажите осѣдлать Мирру и привести ее черезъ полчаса къ дворцовымъ садовымъ воротамъ.

— А кто будетъ сопровождать его высочество? раболѣпно проговорилъ адъютантъ, поспѣшно подскочившій къ двери.

Оберъ-камердинеръ осмотрѣлъ залъ съ полнымъ сознаніемъ своего временного значенія и остановился, какъ бы желая дать почувствовать, что назначеніе зависитъ исключительно отъ него.—Его высочество не желаютъ ни кого въ провожатые. Только дежурный жокей долженъ быть на готовѣ.

— А какъ здоровье его высочества? снова спросилъ Шроффенштейнъ-отецъ, взявъ оберъ-камердинера фамильярно за лацканъ и притягивая его къ себѣ.—Я снова здѣсь, продолжалъ онъ, когда оберъ-камердинеръ, вмѣсто всякаго отвѣта, многозначительно пожалъ плечами. — Положеніе города становится все серьезнѣе и

Digitized by Google

опаснѣе; если здоровье его высочества позволяетъ, то доложите обо мнѣ.

— Невозможно, ваше сіятельство, отвѣчалъ, отстраняясь, Борнеманъ.—Хотя его высочество совершенно поправились, но я получилъ строжайшее приказаніе ни о комъ не докладывать, кто бы это ни былъ. Ваше сіятельство понимаете...

— Вамъ Борнеманъ надо понимать, что для меня вамъ надо сдѣлать исключеніе. Я въ состояніи просить у его высочества какъ снисхожденія къ вамъ, такъ и вашего устраненія.

Оберъ-камердинеръ бросилъ на него взглядъ и высокомѣрный, и насмѣшливый.

— Мнѣ отданъ приказъ ни о комъ не докладывать подъ страхомъ потери мѣста. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть никакого снисхожденія; что же касается до устраненія меня, то для этого я все-таки не хочу рисковать своимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что памятно еще то время, когда ваше сіятельство понесли такую же потерю.

— Безстыдникъ, проворчалъ Шроффенштейнъ въ то время, какъ оберъ-камердинеръ изчезъ за дверью.—Только бы мнѣ хоть на одинъ день вернуть старую власть, чтобы отомстить этой сволочи и разсчитаться съ нею. Но терпѣнье! У меня есть какое-то предчувствіе, что минута эта ужь не далека.

Главная дверь, съ необыкновенной поспѣшностію, распахнулась, и генералъ Бауэръ влетѣлъ въ залу стуча шпорами и гремя саблей.

— Доложите обо мнѣ тотчасъ же его высочеству, крикнулъ онъ еще на порогѣ.—Дѣло идетъ объ опасности.

— Милости просимъ почтеннѣйшій, сказалъ графъ Шроффенштейнъ, подходя къ нему и фамильярно взявъ его подъ руку.—Утѣшьтесь вмѣстѣ со мной и поучитесь терпѣнію. Отданъ строгій приказъ никого не впускать къ его высочеству.

— Мнѣ надо говорить съ герцогомъ. Каждое замедленіе увеличиваетъ опасность. Безпокойство въ городѣ достигло порядочныхъ размѣровъ. Надо принять какія нибудь мѣры предосторожности, отдать приказы, а кто же ихъ отдастъ?

— Я тоже самое говорилъ, сказалъ Шроффенштейнъ.—Но

Digitized by Google

оберъ-камердинеръ прячется за приказаніе герцога и не хочетъ рисковать своимъ мѣстомъ.

— Но чортъ возьми, вскричалъ генералъ, стукнувъ саблей объ полъ,—что же это такое будетъ. Вѣдь надо же наконецъ все разъяснить. Кто же министръ? Что вѣрно изъ того, что разсказываютъ и что нѣтъ? Развѣ человѣкъ, такъ долго мучавшій насъ своимъ вольнодумствомъ, еще министръ? Такъ гдѣ же онъ, зачѣмъ онъ не показывается? Или его профессорству пришелъ конецъ, кто же теперь кормчій?

— Всѣ мы здѣсь знаемъ не больше, чѣмъ вы, и точно также, какъ вы, генералъ, ждемъ развязки, вскричалъ Адельговенъ.— Вѣрно только то, что между герцогомъ и министромъ произошло столкновеніе, вслѣдствіе котораго министръ просилъ объ отставкѣ. Исполнена ли его просьба и кто будетъ его преемникомъ—мы знаемъ не болѣе черни, разгуливающей по улицамъ и, кажется, очень желающей снова возмутиться.

— Не надо, чтобы они воображали, вскричалъ генералъ,—что теперь это имъ удастся также, какъ и въ первый разъ. Мнѣ кажется, что воздухъ теперь такой же, какъ былъ тогда. Но во второй разъ мы покажемъ, что мы выучились чему нибудь. И хоть бы мнѣ пришлось умереть, а я пойду къ герцогу.

Онъ рѣшительнымъ шагомъ направился къ покоямъ герцога, какъ лакей почтительно распахнулъ противуположную дверь, и въ полголоса объявилъ всѣмъ, что идетъ герцогиня-бабка. Наступила мертвая тишина. Въ ту же минуту по залѣ прошла величественная старуха, одѣтая по обыкновенію вся въ черное и съ чернымъ вуалемъ на головѣ, прикрывавшемъ и сѣдые волосы, и ослѣпшіе глаза. Она опиралась на руку Примитивы и шла къ двери герцогской комнаты, передъ которой въ страхѣ и страшномъ смущеніи стоялъ лакей, не смѣя помѣшать герцогинѣ войти, и тѣмъ не менѣе жестомъ показывая, что намѣренъ это сдѣлать.

— Что тутъ такое? строго спросила герцогиня, замѣтивъ какое-то замедленіе.

— Простите, ваше высочество! сказалъ подходя генералъ.— Прислуга получила приказаніе никого не впускать.

— Прочь отъ двери! гнѣвно вскричала герцогиня.—Я еще

Digitized by Google

жива, и пока я жива, въ этомъ домѣ нѣтъ мѣста, для меня запрещеннаго.

— Слава тебѣ Господи! вскричалъ Шроффенштейнъ, кивнувъ генералу въ то время, какъ за герцогиней запиралась дверь.— Какъ разъ во время. Теперь, по крайней мѣрѣ, мы скоро узнаемъ, въ чьихъ рукахъ управленіе.

Герцогъ Феликсъ между тѣмъ провелъ много безпокойныхъ часовъ въ самомъ непріятномъ состояніи души. Занятый самимъ собою и всѣмъ случившимся, онъ не могъ ни на что рѣшиться. Въ волненіи ходилъ онъ по комнатѣ взадъ и впередъ, потомъ бросался на диванъ, и клалъ пылавшую голову на шелковыя подушки, какъ будто ища прохлады, а потомъ снова вскакивалъ и начиналъ ходить. На письменномъ столѣ лежало распечатанное письмо. Всякій разъ, проходя мимо, онъ протягивалъ руку, чтобы взять его, но постоянно отходилъ въ какомъ-то страхѣ, какъ будто боялся, что оно ранитъ его, а тѣмъ не менѣе, не переставалъ смотрѣть на него. Наконецъ досталъ онъ изъ кармана носовой шелковый платокъ и бросилъ его на столъ, чтобы прикрыть письмо.

— Проклятое письмо! прошепталъ онъ.—Не хочу вѣчно смотрѣть на тебя, чтобы эти буквы кололи мнѣ глаза! Спокойствіе! спокойствіе! восклицалъ онъ, ударяя себя по пылавшему лбу.— Кто придастъ твердости? Кто избавитъ меня отъ этого состоянія, гораздо болѣе мучительнаго, чѣмъ пытки ада? Я погибаю, я чувствую, что во мнѣ недостаетъ силъ укротить бурю, и тѣмъ не менѣе, я не могу преодолѣть себя, взять кого нибудь себѣ въ помощники, сознаться въ своемъ безсиліи и просить помощи!—А какъ онъ стоялъ передо мною! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.—Съ какимъ гордымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ онъ на меня. Да, и не правъ ли онъ такъ глядя на меня? Я виновенъ противъ самаго священнаго, противъ единственнаго союза, соединяющаго общество людей, и вслѣдствіе чего они не разрываютъ другъ друга, какъ хищные звѣри. Я оскорбилъ его преданную дружбу, я злоупотребилъ его довѣренностью, обманулъ его открытую душу! Онъ отдалъ мнѣ жизнь свою, а я отблагодарилъ его тѣмъ, что отнялъ у него жену, въ которой онъ надѣялся найти счастье своей жизни. Я покрылъ по-

Digitized by Google

зоромъ домъ его. Это позорно! неслыханно! Лучше бы земля разступилась подо мною и скрыла бы меня! Къ чему я опять встрѣтилъ ее! она съ перваго взгляда перевернула во мнѣ всю душу? Зачѣмъ встрѣтилъ я ее, при такихъ обстоятельствахъ? Къ чему этотъ несчастный привелъ къ себѣ въ домъ именно эту женщину, вѣтреную и вовсе несоотвѣтствующую его прямому, честному характеру, эту женщину, образъ которой уже теперь, спустя нѣсколько дней, совершенно изгладился изъ моей памяти. Но какже, вдругъ пришло ему въ голову — если она недостойна его, вѣдь это уменьшаетъ мою вину, и придаетъ другой характеръ моимъ дѣйствіямъ. Нѣтъ, тѣмъ позорнѣе. Да, онъ правъ былъ, посмотрѣвъ на меня такъ, какъ будто бы желалъ раздавить меня своимъ презрѣніемъ! Онъ былъ правъ, бросивъ къ ногамъ моимъ свое мѣсто. Весь міръ узнаетъ, что онъ это сдѣлалъ, и весь міръ будетъ указывать на меня пальцами, и одобрять то, что онъ сдѣлалъ, говоря: человѣкъ этотъ правъ, у него есть честь, а герцогъ... Господи! Господи! Гдѣ же исходъ изъ этого лабиринта, исходъ безъ позора, который бы заставилъ меня забыть это происшествіе, этотъ образъ?

Онъ невольно сдернулъ платокъ, взялъ письмо и шопотомъ прочелъ:

„Съ глубокой скорбью приступаю я къ настоящему шагу, потому что трудно отрекаться отъ идеала, осуществленіе котораго казалось такъ близко, и тѣмъ болѣе трудно, что вмѣстѣ съ этимъ приходится отказываться отъ всѣхъ надеждъ; такъ какъ счастье народовъ и людей не можетъ процвѣтать подъ рукою, оскверненною вѣроломствомъ“.

— Какимъ тономъ говоритъ онъ со мною! вскричалъ Феликсъ.— Развѣ онъ смѣетъ говорить со мною такимъ тономъ? Развѣ я все-таки не повелитель его, которому онъ обязанъ своимъ мѣстомъ, и которому онъ обязанъ повиноваться? Я не потерплю такого высокомѣрія, я переломлю его, унижу его. О еслибъ я нашелъ руководителя, который указалъ бы мнѣ путь, и будь это хоть самъ чортъ, я приму его.

Волнуясь, онъ не замѣтилъ, что дверь давно отворилась и въ комнату вошла старая герцогиня. Она остановилась у двери и, казалось, ждала руки, которая провела бы ее далѣе.

Digitized by Google

— Тебѣ не для чего призывать чертей, торжественно проговорила она.—Есть и добрые духи около тебя, только бы ты захотѣлъ слушать ихъ. Ты ищешь исхода изъ лабиринта, гдѣ ты заблудился? Хорошо! Хотя странно, что слѣпая будетъ путеводителемъ зрячаго, но дай мнѣ свою руку, и я выведу тебя.

Герцогъ точно замеръ на своемъ мѣстѣ. Онъ нѣсколько секундъ не могъ опомниться; потомъ онъ подбѣжалъ къ герцогинѣ, подалъ ей руку, и довелъ ее до кресла, куда она осторожно опустилась.

— Вы? съ удивленіемъ вскричалъ герцогъ.—Вы пришли ко мнѣ, моя дорогая бабушка?

— По тону твоего голоса я слышу, отвѣчала она,—что ты смущенъ моимъ приходомъ, и на то у тебя, конечно, есть причины. Да, это я,—я, которую ты унизилъ до заключенія, я сама освободила себя и пришла къ тебѣ. Хотя я внутренно рѣшила и дала себѣ клятву, что этого не будетъ, что ты никогда больше не увидишь лица, передъ которымъ ты такъ виновенъ, но вѣсть о внезапной перемѣнѣ обстоятельствъ сняла съ меня эту клятву. Я пріѣхала, если не для тебя, то ради заботъ о нашемъ родѣ, о престолѣ этой страны и нашихъ правъ на него. Можетъ быть, гроза, поразившая тебя, разсѣяла мракъ, окружавшій тебя, и показала, что ты стоишь у пропасти. Поэтому я попытаюсь еще разъ удержать тебя. Ты молчишь? прибавила она, послѣ нѣкотораго ожиданія отвѣта.—Тебѣ нечего сказать мнѣ?

— Я слишкомъ удивленъ, герцогиня, вскричалъ Феликсъ, садясь тоже въ кресло.—Мнѣ хотѣлось бы быть одному, хотѣлось бы одному обдумать прошедшее. Если бы вы могли видѣть меня, вы согласились бы, какъ мало я способенъ принять кого нибудь, даже васъ.

— Вѣрю тебѣ, сынъ мой, отвѣчала герцогиня.—Трудно сознаться въ ошибкѣ, сдѣланной съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ. Должно быть горько признаваться, что блуждалъ по дорогѣ порока и грѣха. Но я прощу это тебѣ, я даже благословлю это заблужденіе, если оно приведетъ тебя къ сознанію и исправленію! Я избавлю тебя отъ унизительнаго сознанія, чувство замѣняетъ мнѣ зрѣніе, и мнѣ кажется, я знаю все, что произошло между

Digitized by Google

тобою и упомянутымъ министромъ. Отвѣть мнѣ одно: правда ли, что онъ просилъ отставки?

— Правда.

— Ну, ты конечно не колеблясь ни минуты, далъ ему ее?

— Я принужденъ дать. Связь между нами болѣе не возможна. Я не могу не дать ее.

— Ну такъ не откладывай этого ни на секунду, вскричала герцогиня,—и благодари Бога, что онъ по милости своей даетъ тебѣ еще разъ возможность разорвать сѣть, которою опуталъ тебя этотъ искатель приключеній!

— Вы употребляете слишкомъ сильныя выраженія, бабушка, отвѣчалъ герцогъ, помолчавъ немного.—Такого названія Фюреръ не заслуживаетъ.

— Нѣтъ? А кто поручится тебѣ за это? возразила ему герцогиня.—Отчего вѣришь ты его сладкимъ фразамъ болѣе, чѣмъ моему житейскому опыту? Кто говоритъ тебѣ, что все устроенное имъ и его шайкой не было давно обдуманной игрой, просто западней, чтобы заманить тебя этой женщиной, и совершенно предать въ его руки? Кто поручится тебѣ, что отставку онъ проситъ серьезно, а не намѣренъ дать тебѣ почувствовать, что онъ тебѣ необходимъ?

— Нѣтъ, сказалъ герцогъ, спокойно вставая,—этого Фюреръ не думаетъ. Такими подозрѣніями вы несправедливо оскорбляете его. Къ стыду своему, я долженъ признаться, что не нашелъ въ немъ ничего дурного, что онъ дѣйствительно благородный человѣкъ...

— Или ловко умѣетъ казаться имъ, вскричала герцогиня.— Я тоже знаю его; ты самъ способствовалъ тому, что я узнала его. Слѣпыми очами я увидѣла его душу. Да, онъ человѣкъ необыкновенныхъ, удивительныхъ способностей, но онъ испортилъ ихъ, злоупотребляя ими для дурныхъ цѣлей; добрыя начала превратились теперь въ испорченное сѣмя, и изъ него можетъ выйдти только новое ядовитое растеніе.

— Этого быть не можетъ, сказалъ герцогъ, начавъ ходить взадъ и впередъ.—А если бы это было и такъ, то я лишенъ средствъ отстранить опасность. Господи! какъ ужасно запутался я

Digitized by Google

со всѣхъ сторонъ! Какъ безъ позора выпутаться мнѣ изъ этого положенія? Невозможно.

— Неправда, сказала герцогиня.—Попробуй спокойно выслушать меня! Говорю тебѣ: это можно, если ты только захочешь. Я сдѣлаю это возможнымъ, я укажу тебѣ путь, единственный путь, которымъ ты выйдешь изъ лабиринта и избавишь себя отъ позора, а славное имя наше отъ пятна.

— Говорите! спасите меня, и я все сдѣлаю, чего вы потребуете. Укажите этотъ путь!

— Это путь обратный, серьезно сказала герцогиня.—Этотъ наглый новаторъ увлекъ тебя на такую дорогу, гдѣ шагъ впередъ несомнѣнно повергъ бы тебя въ пропасть. Ну такъ вернись отъ несчастнаго, неестественнаго союза съ тѣми, кто подъ видомъ дружбы были всегда нашими врожденными, заклятыми врагами. Отъ безумныхъ идей преступныхъ нововведеній вернись къ твоимъ истиннымъ, испытаннымъ друзьямъ, къ старымъ неопровержимымъ истинамъ! Свѣтъ, продолжала она,—свѣтъ никогда не долженъ знать о причинѣ твоего разрыва съ этимъ человѣкомъ, или, по крайней мѣрѣ, никогда не узнаетъ ихъ положительно. Для этого тебѣ нужно скрыть всякое подозрѣніе личныхъ причинъ, ты долженъ доказать, что поводомъ къ разрыву послужили только политическіе принципы и политическія дѣла. Ты долженъ показать, что ты убѣдился въ несостоятельности идей бывшаго министра, что отказываешься примѣнять ихъ на дѣлѣ.

— Вы правы, герцогиня, отвѣчалъ подумавъ герцогъ.—Мысль эта хороша и достойна васъ. Путь этотъ вѣрно приведетъ къ цѣли, но мнѣ невозможно идти по этому пути. Я слишкомъ далеко зашелъ для того, чтобы идти обратно; а если я пойду обратно, то никто не одобритъ меня.

Герцогъ прошелся по комнатѣ и остановился передъ герцогиней.

— Мы одни, сказалъ онъ.—Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ совѣсти. Я знаю, что принципы, которые мы проповѣдывали съ Фюреромъ, вы не считаете вѣрными, но вѣдь здѣсь, на единѣ и передъ Богомъ, мы, положа руку на сердце, должны сознаться все-таки, что они истинны. Неужели вы не

Digitized by Google

думаете, что придетъ время, когда, несмотря на наше противодѣйствіе, они осуществятся.

— Я этого не думаю, твердо сказала герцогиня.—Но если бы это было и такъ, то предоставь времени придти, когда задержать его уже будетъ невозможно. Намъ, во всякомъ случаѣ, не надо ускорять его.

— Но тѣмъ не менѣе, я такъ дѣйствовать не могу, сказалъ подумавъ Феликсъ.—Если бы и хотѣлъ, то все-таки не могъ бы. Законы даны по всей формѣ и обнародованы торжественно. Я не могу ихъ уничтожить, слово мое служило имъ порукой.

— Развѣ я требую, съ жаромъ вскричала герцогиня,—чтобы ты не сдержалъ свое слово? Развѣ я требую, чтобы законы, данные тобой обдуманно, ты снова уничтожилъ? Это было бы также безумно, какъ твой первый поступокъ, это значило бы кинуться въ другую крайность. Осмотрись кругомъ. Въ городѣ броженіе, страна безпокоится,—всѣ волнуются отъ паденія народнаго министра, можетъ быть, думаютъ не допустить этого паденія? При такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ нужны необыкновенныя мѣры. Ну такъ законы, данные тобою, должны остаться неприкосновенны. Но что мѣшаетъ пріостановить на время ихъ дѣйствіе, только до тѣхъ поръ, пока будутъ снова возстановлены спокойствіе и послушаніе. Или ты хочешь, чтобы тебя переломили, чтобы тебя принудили удержать министра, котораго ты, какъ человѣка, не можешь выносить около себя.

— Принудили, гнѣвно вскричалъ Феликсъ.—Да кто же это осмѣлится?

— Да они разъ уже осмѣлились и удачно, что же ихъ удержитъ попытать еще разъ счастія. Подумай, Феликсъ, тебѣ нѣтъ другого выбора. Ты знаешь, продолжала она, подвигаясь къ нему, какъ будто бы боясь, что кто нибудь услышитъ то, что она хотѣла ему сказать,—ты знаешь, какія извѣстія заставили твоего министра немедля ѣхать въ Венделинъ. Великая держава, наша ближайшая сосѣдка, давно смотрѣла недовольнымъ окомъ на твои нововведенія, она предупреждала тебя и высказывалась противъ нихъ. Тамъ вовсе не намѣрены ограничиваться только протестами да предостереженіями, и если ты упорно пойдешь своимъ путемъ,

Digitized by Google

то ты убѣдишься, что сосѣди рѣшились дѣйствовать. Попробуй еще разъ и бросься въ объятія такъ называемаго народа. Посмотримъ, съумѣетъ ли онъ вынести и защитить тебя, когда вслѣдствіе этого вспыхнетъ война, когда непріятельское войско, въ десять разъ многочисленнѣе твоего, двинется черезъ границу въ твою столицу! Такъ послѣдуй же моему совѣту и иди обратно! Прими руку могущественнаго сосѣда, которую онъ тебѣ предлагаетъ. Деньги, войско, все, что тебѣ нужно и чего ты пожелаешь, предлагается къ твоимъ услугамъ; сосѣди даже предлагаютъ вступить съ тобою въ болѣе тѣсный союзъ и закрѣпить его бракомъ съ ихъ единственною дочерью. Тебѣ предстоятъ могущество, блескъ, богатство. Не можетъ быть, чтобъ ты еще колебался.

— Вы путаете, вы ослѣпляете меня, вскричалъ герцогъ, — но не убѣждаете. Я не могу оспаривать ваши принципы, но я не могу дѣйствовать согласно съ ними. Мнѣ противно брать что нибудь назадъ изъ того, что я далъ, разрушать то зданіе, къ которому я самъ заложилъ фундаментъ.

— Хорошо—но и отъ этого я могу избавить тебя, настойчиво вскричала герцогиня.—Ты знаешь, какъ при дворѣ сосѣдней державы давно желаютъ и ждутъ твоего посѣщенія. Ты постоянно откладывалъ его. Теперь представляется для этого благопріятный случай. Поѣзжай туда, заключи новые договоры, мнѣ же дай полномочіе дѣйствовать здѣсь! Я избавлю тебя отъ непріятности противорѣчить самому себѣ, я очищу почву до твоего возвращенія, а потомъ въ твоей власти будетъ возвести новое зданіе, гораздо болѣе красивое, чѣмъ первое.

Герцогъ остановился въ раздумьи, но тутъ съ улицы послышались дикіе крики, шумъ, трескъ разбивавшихся стеколъ и грохотъ отъ падавшихъ камней.

— Слышишь, сказала герцогиня.—Долго ли ты будешь еще колебаться? Дай мнѣ полномочіе. Я на всякій случай давно приготовила его и мнѣ нужна только твоя подпись. Я пойду и пришлю тебѣ его. Ты вѣдь подпишешь сынъ мой, неправда ли. По дрожанію твоей руки я чувствую, что ты подпишешь. Ну такъ позови мою даму, я отправлюсь и начну дѣйствовать.

Герцогъ позвонилъ. На порогѣ показалась Примитива. Молча

Digitized by Google

и низко кланяясь удалилась герцогиня отъ внука и пошла за проводницей.

— Угодно ли вашему высочеству одѣваться. Мирра осѣдлана, сказалъ оберъ-камердинеръ тихо и издали.

— А, хорошо, воскликнулъ герцогъ.—Я совсѣмъ забылъ. Да, это хорошо. Я прокачусь, это меня разсѣетъ. Пусть приведутъ лошадь къ заднимъ воротамъ. Я пройду черезъ паркъ. Тамъ вѣрно нѣтъ народа.

Камердинеръ подошелъ, чтобъ помочь герцогу одѣться.

— Что приказанія мои всѣ исполнены? спросилъ герцогъ. — Никого нѣтъ въ прихожей?

— Никого, ваше высочество, отвѣчалъ Борнеманъ, подавая ему шляпу и хлыстикъ и отворяя двери. Но лишь только герцогъ переступилъ порогъ, какъ въ прихожей послышался разговоръ, весьма похожій на ссору. Находившійся тамъ лакей старался вытолкать въ дверь одну очень бѣдно одѣтую женщину.

— Я говорилъ уже вамъ, кричалъ онъ, — что съ герцогомъ говорить нельзя. Какъ осмѣлились вы опять придти? Не понимаю также, чего смотрѣлъ привратникъ и впустилъ васъ.

— Праведный Боже! кричала женщина, ломая руки.—Но мнѣ надо къ его высочеству, надо сегодня же. Онъ долженъ возвратить мнѣ моего мужа. Мнѣ надо все сказать ему! Пусть онъ обратитъ на насъ вниманіе и поможетъ намъ.

— Такъ приходите опять завтра! сказалъ лакей.—Сегодня же не время. Надо подождать.

— Ждать я не могу, кричала женщина.—Мы погибаемъ. Мужъ мой заболѣетъ въ страшной тюрьмѣ, куда они его посадили. Онъ не выдержитъ этого; онъ умретъ прежде, чѣмъ я принесу ему какую нибудь вѣсть.

— Что тутъ такое? сказалъ Феликсъ, подходя. — Что вамъ надо? Я герцогъ.

Въ ту же минуту женщина съ громкимъ крикомъ бросилась къ его ногамъ и обняла ихъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отступить.

— Господи! вскричала она. — Ваше высочество, такъ это вы? Вѣдь вы тотъ господинъ, что дали намъ деньги и принесли намъ такое несчастіе. Слава тебѣ, Господи, что я нашла васъ! Ну,

Digitized by Google

теперь вы вѣдь скажете, что дали деньги вы; вы скажете, что Ремпельманъ не воръ и возвратите ему его честное имя.

— Я не вполнѣ понимаю васъ, добрая женщина, сказалъ герцогъ.—Успокойтесь и разскажите спокойнѣе! Я очень хорошо помню о своемъ подаркѣ.

И смѣясь отъ радости и плача, бѣдная женщина отрывочными фразами передала обо всемъ, что случилось. Этого достаточно было, чтобы понять дѣло.

— Очень жалѣю, сказалъ герцогъ,—что мой подарокъ принесъ такое несчастіе. Но возможно ли, чтобы былъ произнесенъ такой приговоръ?

Графъ Шроффенштейнъ-отецъ вошелъ между тѣмъ съ пакетомъ, запечатаннымъ большими печатями, и слышалъ этотъ разговоръ.

— Это удобства новаго судопроизводства, ваше высочество, прошепталъ онъ, злостно улыбаясь.—Это новое доказательство преимуществъ народнаго суда.

— Дѣйствительно, сказалъ Феликсъ,—кажется не все то золото, что блеститъ. Что вы принесли?

— Ея высочество герцогиня-бабка такъ были милостивы, что поручили мнѣ передать эту бумагу.

— Хорошо, сказалъ Феликсъ. — Положите бумагу ко мнѣ на столъ, Борнеманъ! Вамъ же, графъ, я поручаю помочь этой бѣдной женщинѣ сегодня же. Если возможно, мужъ долженъ быть возвращенъ ей сегодня же. Если можно воспрепятствовать, то невинному не слѣдуетъ ни минуты лишней томиться въ тюрьмѣ. Отправляйтесь, добрая женщина! Извините, что, желая помочь, я принесъ вамъ несчастье. Я подумаю, какъ поправить это.

Въ то время, какъ Шроффенштейнъ удалялся съ госпожею Ремпельманъ, онѣмѣвшею отъ восторга, герцогъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Полномочіе лежало на столѣ рядомъ съ письмомъ Фюрера.

— Да, сказалъ онъ шопотомъ, взглянувъ на письмо и взявъ перо; — я подпишу. Теперь я нашелъ средство переломить эту гордость, эту кичливость, поднимающуюся выше престола. Гордость? Нѣтъ, это не гордость; это презрѣніе. Игрушкой его я не буду!

Digitized by Google

ЧАСТЬ V.

I.

У смертнаго одра.

— Еще немного повыше, больше на середину. Очень хорошо, это будетъ красиво, а теперь, другъ, потрудись украсить гирляндой вывѣску, такъ чтобы сапогъ былъ на самой серединѣ, Вѣдь тутъ все дѣло въ сапогѣ, такъ какъ сапогъ есть знакъ честнаго ремесла, а сегодня празднуется торжество ремесла.

Такъ говорилъ токарь Гербель одному подмастерью, стоявшему на лѣстницѣ и украшавшему каланчу мастера Ремпельмана.

Въ самомъ жилищѣ Ремпельмана жена его бѣгала и хлопотала, не помня себя отъ радости. Гербель приходомъ своимъ прервалъ эти хлопоты.

— Ну, госпожа Ремпельманъ, вскричалъ онъ, потирая отъ удовольствія руки;—вспоминаете ли вы теперь прошлую иллюминацію? Тогда я проходилъ мимо вашего дома, и видѣлъ, какъ мужъ вашъ украшалъ свой сапогъ. Тогда мнѣ и въ голову не приходило, что намъ тоже придется украшать его вывѣску.

— Конечно, отвѣчала молодая женщина;—кому пришло бы въ голову, что все пойдетъ такъ? Кто могъ думать тогда, что съ нами случится такое большое несчастіе, такой позоръ... Но какъ я подумаю, что оно дѣйствительно кончилось, что возвратится мой добрый славный мужъ, то мнѣ кажется, будто я брежу, и я постоянно боюсь, что проснусь и все это счастье кончится.

— Я всегда считалъ Ремпельмана хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, и тотчасъ же сказалъ, что не вѣрю, чтобы такой человѣкъ въ одну ночь сдѣлался воромъ и дурнымъ человѣкомъ; и я отъ души радуюсь, что не ошибся. Я всегда говорилъ, что это штуки Шпарбергера, у котораго дѣлается въ домѣ что нибудь нехорошее, и потому ему неудобно имѣть честнаго сосѣда,

Digitized by Google

отъ котораго къ нему все видно. Теперь я убѣжденъ, что и въ этомъ былъ правъ. Ему, видите-ли, понадобилось ѣхать куда-то по дѣламъ; онъ не хотѣлъ даже подождать до тѣхъ поръ, пока мужъ вашъ, пострадавшій по его винѣ, торжественно не пріѣдетъ къ женѣ и дѣтямъ и не будетъ встрѣченъ сосѣдями съ пѣніемъ и торжествомъ.

— Неужели дѣйствительно хотятъ такъ почетно его встрѣтить? вскричала она, вытирая слезы на глазахъ.—Неужели ремесленники придутъ сюда? А я еще боялась...

— Знаю, знаю, чего вы боялись, отвѣчалъ Гербель.—Но иначе быть не можетъ. Въ вашемъ мужѣ оскорблены всѣ ремесленники, и такъ какъ наконецъ невинность его доказана, то всѣ ремесленники и должны радоваться. Это говорили и я и друзья мои въ собраніи, и мы настояли на своемъ, хотя не всѣ были нашего мнѣнія.

— Такъ нѣкоторые были и противъ? со страхомъ проговорила молодая женщина.—Почему же?

— Ну что такое? вскричалъ Гербель.—Пусть ихъ болтаютъ. Всѣхъ вѣдь не передѣлаешь. Конечно лучше было бы разъяснить дѣло—ну да я вижу, что лучше разсказать вамъ все. Нѣкоторые думаютъ, что хотя и открылось кто вамъ далъ деньги, но все-таки слѣды въ саду были и сапоги найдены у васъ. Если бы можно было доказать несправедливость этого обвиненія! Вы ничего не придумаете?

Госпожа Ремпельманъ строго и печально посмотрѣла на Гербеля.

— Такъ люди намъ все-таки не вѣрятъ! Хотя они убѣдились, что мы относительно денегъ правы и, тѣмъ не менѣе, они считаютъ насъ дурными людьми!

Въ это самое время она услышала на лѣстницѣ голосъ ненавистнаго ей садовника Шибеле и, точно будто по какому-то предчувствію, попросила токаря Гербеля войти въ сосѣднюю комнату, чтобы оставить ее одну съ садовникомъ.

Садовникъ вошелъ съ огромнымъ вѣнкомъ въ рукахъ, и былъ нѣсколько подъ хмѣлькомъ.

— Какъ? сказала молодая женщина, преодолѣвъ свою ненависть;—и вы сосѣдъ Шибеле хотите оказать намъ честь?

Digitized by Google

При видѣ такого дружескаго пріема, пьяный садовникъ совсѣмъ растаялъ и проговорилъ:

— Еще бы, сосѣдка! Въ такой день, какъ сегодня, ближайшему сосѣду нельзя же не прійти. Вотъ я принесъ вамъ вѣнокъ, примите его.

— Такого вѣнка, вскричала госпожа Ремпельманъ, — я въ жизнь не видывала! Онъ слишкомъ хорошъ для улицы, я оставлю его въ комнатахъ. Я повѣшу его на память объ васъ надъ зеркаломъ!

— Какъ я радъ, милая сосѣдка, сказалъ садовникъ,—что вы, кажется, перестали ненавидѣть меня! Право, ненависти я не заслужилъ, я всегда желалъ вамъ добра, и даже въ этотъ разъ—вы знаете о чемъ я говорю — вы не такъ поняли меня. Я увлекся только своимъ добрымъ сердцемъ, я думалъ, что утѣшу васъ, сказавъ, чтобы вы не думали больше о своемъ мужѣ, что онъ на вѣки погибъ для васъ. Вѣдь я не могъ знать, что все окажется невѣрнымъ.

— Да, сказала сосѣдка, нѣжно глядя на садовника,—все оказалось невѣрнымъ. Но что объ этомъ говорить! Какъ благодарить мнѣ васъ за прелестный вѣнокъ?

— Ахъ ты, Боже мой! зачѣмъ говорить о благодарности! Такая хорошенькая женщина всегда можетъ отблагодарить, если только захочетъ. Если бы вы не всегда огрызались на меня, а иногда были бы такъ ласковы, какъ теперь, то многое было бы не такъ, многаго не случилось бы.

Сосѣдка вздрогнула, потому что садовникъ дѣлался смѣлѣе, и, подойдя къ ней, взялъ ее за талію. Но она преодолѣла себя и не оттолкнула его.

— Какъ понять мнѣ это? сказала она.—Чего не случилось бы? А развѣ не можетъ быть того, чего не было прежде?

— Конечно можетъ, радостно пролепеталъ садовникъ. — Но вѣдь теперь будетъ труднѣе, теперь, когда мужъ опять будетъ тутъ.

— Такъ изъ-за этого-то! вскричала госпожа Ремпельманъ.— Ну, на мужа-то я не очень смотрю. Что захочу, то и сдѣлаю.

— Ахъ, если бы это было такъ! продолжалъ садовникъ, при-

Digitized by Google

жимая ее къ себѣ.—Что это за счастье, что вы стали такъ добры? Отчего прежде вы были такой злой?

— Отчего? спросила она.—Вѣроятно оттого, что только теперь я вижу, какъ думаетъ обо мнѣ господинъ садовникъ, и что онъ другъ намъ. Я не могу только понять, какъ это могли вы свидѣтельствовать противъ насъ? Вѣдь не можете же вы серьезно увѣрять меня, что относительно кражи нѣтъ какого нибудь крючка.

— Конечно, конечно, смѣясь отъ глупости сказалъ садовникъ.— Есть тутъ даже большой крючокъ. Вы женщина умная и проницательная. Мнѣ не легко было тогда, и я никогда не сдѣлалъ бы этого противъ васъ, если бы не долженъ былъ сдѣлать. Потому что иначе я лишился бы своего хорошаго мѣста. А теперь не такъ-то легко найти такое мѣсто, гдѣ бы много перепадало. Старикъ непремѣнно этого требовалъ.

— Старикъ? Кто же это такой?

— Да кто же какъ не мой хозяинъ? агентъ Шпарбергеръ, говорилъ садовникъ, съ жаромъ цѣлуя руки сосѣдки.—Онъ видѣть не могъ вашего мужа, и непремѣнно хотѣлъ выжить его изъ башни. А меня онъ опуталъ. Я никогда не думалъ, что дѣло кончится такъ скверно. И не будь такого конца, то право можно было бы посмѣяться надъ исторіей съ сапогами.

— Съ сапогами? спросила молодая женщина, едва дыша отъ волненія.—Ахъ да, съ сапогами, что у насъ украли?

— Что вы! проговорилъ садовникъ, — я ихъ не воровалъ. — Они упали въ садъ, я поднялъ ихъ и унесъ къ себѣ. Я думалъ, что они еще на что нибудь пригодятся. Когда же старикъ отказалъ мнѣ и требовалъ, чтобы я выжилъ сосѣда, то я въ тотъ же вечеръ надѣлъ ихъ и прошелся по саду, а потомъ поставилъ на старое мѣсто. Вотъ почему, продолжалъ онъ, громко хохоча,—сапоги-то и пришлись такъ по слѣдамъ.

— Правда ли это? въ волненіи сказала госпожа Ремпельманъ.— Конечно можно было бы надъ этимъ посмѣяться, если бы это не кончилось такъ печально. Ну, а какъ же совершился взломъ-то?

— Да никакого взлома не было, сказалъ садовникъ;—а просто такъ сдѣлалось для виду. Самъ старикъ изломалъ замокъ. И не было у него украдено ни единаго крейцера. Онъ самъ такъ

Digitized by Google

желалъ и я исполнилъ только его волю. Но я все поправлю, милая моя, вы теперь вѣдь не такая сердитая, и знаете, что надо дѣлать.

— Да, знаю! вскричала госпожа Римпельманъ, отворяя двери въ комнату.—Выходите-ка, господинъ Гербель! Теперь все ясно!

— Да, отвѣчалъ токарь, выходя изъ дверей съ радостью на глазахъ; — и всѣ узнаютъ какъ это было! Вся эта скверная исторія выйдетъ наружу, такъ что никто болѣе не будетъ сомнѣваться въ честности добраго Ремпельмана.

Садовникъ былъ совершенно пораженъ появленіемъ токаря и ничего съ перваго взгляда сообразить не могъ. Потомъ бросился къ двери, но Гербель схватилъ его за шиворотъ и отбросилъ такъ, что пьяный упалъ около стола.

— Лежи тутъ, вскричалъ онъ,—пока мы соберемъ свидѣтелей, чтобы уличить васъ въ лжесвидѣтельствѣ.

Но тутъ послышался шумъ на улицѣ и крики, что ѣдетъ Ремпельманъ. Садовникъ былъ запертъ на ключъ, но когда черезъ часъ Гербель со свидѣтелями пришли за нимъ, его уже не было, онъ вылѣзъ изъ окна въ садъ. Скоро происшествіе это было забыто, потому что въ народѣ пронесся слухъ, что по угламъ улицъ прибиты прокламаціи.

Народъ бѣжалъ по улицѣ въ безпорядкѣ и собирался кучами.

— Идемте, господинъ Гербель, сказалъ проходившій мимо него какой-то купецъ.—Тамъ что-то дѣлается, говорятъ, вездѣ прибиты плакаты, и въ нихъ объявлено, что всѣ законы, данные въ послѣдній годъ, отмѣняются на неопредѣленное время.

— Можетъ ли это быть! вскричалъ Гербель.

— Я читалъ самъ. Это прокламація отъ старой герцогини. Въ ней говорится, что герцогъ уѣхалъ по какимъ-то важнымъ дѣламъ, и передалъ ей полномочіе на управленіе. А для возстановленія спокойствія и порядка, она находитъ нужнымъ всѣ законы, обнародованные по смерти стараго герцога, на нѣкоторое время взять назадъ, и возстановить старые.

— Старые законы? сказалъ Гербель.—Что такое тутъ подразумѣвается?

— Это значитъ, что всѣ новые законы уничтожены. Спокойствіе

Digitized by Google

и послушаніе повелѣвается подъ страхомъ строжайшаго наказанія. Противъ ослушниковъ, говорится тамъ, приняты всѣ мѣры, и кто осмѣлится нарушить покой, тотъ будетъ судиться какъ въ военное время, и не медля будетъ приговоренъ.

Не прошло и часу, какъ по всѣмъ улицамъ были устроены баррикады.

Въ это самое время у собора на площади стояло нѣсколько аристократическихъ каретъ. Изъ боковыхъ рѣзныхъ дубовыхъ дверей ризницы стали появляться лакеи и выкликать кучеровъ. Изъ тѣхъ же дверей вышелъ графъ Шроффенштейнъ-отецъ въ полной парадной формѣ съ двумя звѣздами на груди, и рядомъ съ нимъ показался фонъ-Овербергенъ въ безукоризненномъ черномъ фракѣ и съ маленькой красной ленточкой въ петлицѣ.

— Ну, обратился онъ къ Шроффенштейну съ торжествующей улыбкой;—довольны ли вы теперь мной? Сдержалъ ли я свое слово?

Графъ не успѣлъ отвѣтить, потому что въ эту минуту на порогѣ показались молодые, графъ Клеменцъ фонъ-Шроффенштейнъ, въ полной формѣ и сіяя отъ удовольствія и счастія, и Примитива, въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ и съ длинной бѣлой вуалью, падавшей подобно облаку на землю, чтобы унести ангела. Щеки молодой были также блѣдны, какъ ея платье и вуаль. Но она казалась твердою, глаза ея были сухи и холодны и лицо такъ покойно, какъ можетъ быть только покойно у усопшей. Она не обращала вниманія на любезности, расточаемыя ей Клеменцомъ. Безчувственно подала она ему руку и сѣла въ карету, гдѣ онъ, въ качествѣ мужа, сѣлъ рядомъ съ нею.

Карета покатилась по площади, но при въѣздѣ ея въ одну изъ ближайшихъ улицъ, она была остановлена крикомъ: „назадъ, тутъ нѣтъ проѣзда!“

Мостовая была взрыта, здѣсь сооружалась баррикада.

— Что тутъ такое, сказалъ Шроффенштейнъ, посмотрѣвъ въ окно въ то время, какъ лакей, соскочивъ съ козелъ, подошелъ къ дверцѣ и доложилъ ему, что проѣхать нельзя.

— Они должны очистить улицу сейчасъ же. Ждать у меня нѣтъ ни времени, ни охоты.

— Ого! вскричалъ одинъ изъ строителей баррикады, рослый

Digitized by Google

каменьщикъ.—Кто это говоритъ съ нами такъ повелительно. Дайка я разсмотрю его хорошенько. А вотъ какъ! Очень жаль, сударь, но помочь вамъ я никакъ не могу, тутъ ни для кого нѣтъ проѣзда.

— Но мнѣ надо проѣхать, я живу въ этой улицѣ.

— Все равно, отвѣчалъ каменьщикъ.—Выйдите изъ кареты, да идите пѣшкомъ.

— Бездѣльникъ! вскричалъ Шроффенштейнъ.

Примитива схватила его за руку и проговорила.

— Не раздражайте ужь и безъ того раздраженныхъ людей. Велите кучеру поворотить назадъ и объѣхать вокругъ.

— Поворотить назадъ! Объѣхать вокругъ,—никогда! Вотъ я посмотрю, будутъ ли они такъ же наглы, когда встрѣтятся со мной лицомъ къ лицу.

И не успѣла Примитива удержать его, какъ онъ выскочилъ изъ кареты и направился прямо на баррикаду, приказавъ предварительно своему лакею и прислугѣ другихъ каретъ, ѣхавшихъ сзади, ломать баррикаду и очистить улицу. Но прислуга не исполняла этого приказанія и со страхомъ стала отходить, что привело Шроффенштейна еще въ большую ярость и онъ закричалъ:

— Если у васъ не достаетъ храбрости, трусы, то я самъ заставлю эту сволочъ очистить намъ дорогу.

— Что! сволочъ! закричали нѣсколько работниковъ.

Шроффенштейнъ съ обнаженной саблей подбѣжалъ къ толпѣ и ударилъ ею ближайшаго рабочаго, но въ ту же минуту упалъ, потому что изъ толпы посыпались на него камни и одинъ изъ нихъ попалъ ему прямо въ голову.

Примитива, бросившаяся вслѣдъ за нимъ, подбѣжала уже въ то время, какъ онъ лежалъ на землѣ, облитый кровью и окруженный толпой.

— Прочь! крикнула она. — Что вы надѣлали? Онъ раненъ, пустите же его унести. Неужели вы будете добивать обезоруженнаго раненаго?

Каменьщикъ твердо взглянулъ ей въ лицо.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ онъ, — что мы испортили вамъ день вашей свадьбы, но тутъ не наша вина. Берите вашего же-

Digitized by Google

ниха и везите его по другой дорогѣ, здѣсь же проѣзда нѣтъ. Оставьте его, товарищи. Съ него довольно, а барышня пусть видитъ, что имѣетъ дѣло не съ сволочью.

Шроффенштейнъ былъ перенесенъ въ карету, тихо повернувшую въ другую улицу.

Все вниманіе народа было обращено на устройство баррикады подлѣ заставы около моста; она была уже готова и такъ укрѣплена, что защитники смотрѣли на нее, какъ на игрушку и считали взятіе ея невозможною. Защита этой баррикады была поручена отчаяннѣйшимъ храбрецамъ. Въ числѣ ихъ былъ и Виндрейтеръ. Рядомъ съ нимъ стоялъ въ голубой блузѣ мясникъ Ганъ, а недалеко отъ нихъ, опершись на ружье, сидѣлъ черный Губеръ.

— Какъ думаешь ты, старая служба, вскричалъ Ганъ;—пойдетъ дѣло наше сегодня. Мнѣ кажется, на этой постройкѣ многіе поломаютъ себѣ головы.

— Я тоже думаю, сказалъ Виндрейтеръ.—Но я, Богъ знаетъ, что бы далъ, чтобъ былъ тутъ господинъ Ридль.

Онъ заслонилъ глаза отъ солнца и посмотрѣлъ на мостъ.

— Онъ все еще не показывается. Только вонъ тамъ вдали пыль. Въ сущности же я радъ, что придется имѣть дѣло съ иностранцами, а не съ своими, хоть они тоже солдаты и люди, но все же они чужіе.

— Вѣдь ты думаешь, что мы побѣдимъ, сказалъ Ганъ,—зачѣмъ же ты такъ хмуришься? Ты теперь совсѣмъ не такъ твердъ, какъ былъ въ первый разъ, ты повѣсилъ голову точно черный Губеръ. Но у того есть, по крайней мѣрѣ, о чемъ горевать. Со смерти Маріи онъ на человѣка не сталъ походить.

— Что ты болтаешь-то, сказалъ Виндрейтеръ. — Почемъ ты знаешь, что со мной было въ это время. Ахъ, если бы тутъ былъ господинъ Ридль! снова повторилъ онъ.

Черный Губеръ всталъ съ своего мѣста, спустился съ баррикады и пошелъ посмотрѣть, что дѣлается на мосту. Онъ перевѣсился черезъ перила, но тотчасъ же отскочилъ и крикнулъ что было мочи: „вернитесь, они идутъ“.

Но въ ту же минуту снизу раздался первый выстрѣлъ и мѣткая пуля на повалъ убила чернаго Губера. Вслѣдъ за этимъ выс-

Digitized by Google

трѣломъ, по обѣимъ сторонамъ моста, изъ-за перилъ стали показываться солдаты, приближавшіеся къ баррикадѣ.

Скоро, очень скоро улицы были почти-что пусты, т. е. на нихъ лежали только трупы и раненые, которые также скоро всѣ были подобраны. Къ вечеру городъ былъ уже совершенно чистъ и по улицамъ его раздавались только равномѣрные шаги патруля.

Въ одинокомъ домѣ въ концѣ города было также тихо; тамъ тоже у дверей стояла смерть, хотя не такая шумная, но тѣмъ не менѣе неумолимая.

Маленькая комната была освѣщена только лампою, прикрытою абажуромъ и распространяла слабый свѣтъ на окружающіе предметы. На постели лежала совѣтница и казалась спящей. Дыханіе ея было такъ слабо, что его едва можно было замѣтить. Иногда губы ея сжимались и шевелились, какъ будто желали спросить что-то, потомъ она лежала спокойно въ какомъ-то забытьи или полуснѣ, или агоніи. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣла горничная, а противъ нея, положивъ локти на столъ и закрывъ лицо руками, Беппо, старый нашъ знакомецъ. Горничная полушопотомъ разсказывала ему обо всемъ случившемся, очень довольная, что нашла человѣка, которому безъ утайки могла сообщить все.

— Такъ вотъ какъ, заключила она наконецъ свой разсказъ.— Весь домъ пошелъ вверхъ дномъ. Все измѣнилось. Когда умретъ совѣтница, то намъ останется только связать свои вещи, да идти куда глаза глядятъ. Кто бы подумалъ это годъ тому назадъ. Вотъ и вы не нашли вѣрно своей родины такою, какой желали.

— Да, да, проговорилъ Беппо.

Въ это время въ комнатѣ совѣтницы послышался легкій шумъ. Оба они бросились туда и къ немалому удивленію своему нашли совѣтницу не лежащей въ постели, а приготовляющейся встать на ноги.

— Не удерживайте меня! проговорила старуха, очевидно въ безпамятствѣ, обращаясь къ дѣвушкѣ, спросившей, что ей нужно;— мужъ мой звалъ меня; онъ внизу въ саду. Нельзя заставлять его ждать дольше, и безъ того я такъ давно не видала его.

— Успокойтесь, госпожа совѣтница! сказалъ Беппо. — Теперь поздно, уже совсѣмъ ночь. Господинъ совѣтникъ не придетъ больше сегодня. Подождите до завтра!

Digitized by Google

Вдругъ совѣтница взглянула совершенно осмысленно, и сказала твердымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Сойди внизъ, Беппо, и отвори калитку! Сынъ мой внизу.

— Она опять бредитъ, прошепталъ Беппо и повернулся къ ней.—Господина профессора нѣтъ тамъ! Вамъ это только такъ кажется. Вамъ не надо волноваться, это вамъ вредно. Онъ придетъ, навѣрно придетъ, но его еще нѣтъ.

— Онъ тамъ, отвѣчала старуха, еще увѣреннѣе.—Иди, говорю я тебѣ. Онъ стоитъ у воротъ. Ни ему, ни мнѣ нельзя терять времени.

— Надо идти, чтобы успокоить ее, прошепталъ Беппо и вышелъ въ корридоръ, какъ вдругъ, къ немалому удивленію своему, услышалъ въ сѣняхъ торопливые шаги. Вскорѣ дверь отворилась и на порогѣ показался Фридрихъ въ сопровожденіи Ридля.

— Что матушка? проговорилъ едва дыша Фридрихъ. — Жива еще она? Можно мнѣ ее видѣть?

Беппо ничего не отвѣчалъ. Онъ указалъ на комнату, изъ которой слышался громкій и ясный голосъ совѣтницы.

— Иди, Фридрихъ! говорила она. — Я еще жива и настолько сильна, что могу тебя видѣть. Господь послалъ мнѣ великую милость, позволивъ дожить до этой минуты.

Фридрихъ бросился къ постели, обнялъ мать, и рыдая покрылъ блѣдное лицо ея горячими поцѣлуями. Потомъ онъ опустился передъ нею на колѣни, а она положила обѣ руки свои ему на голову и долго молча смотрѣла на верхъ. По глазамъ ея было видно, что она молилась отъ всей души, какъ любящая мать. Потомъ она опустилась на подушки и проговорила:

— Благодарю тебя, сынъ мой, что ты пришелъ ко мнѣ. Во всю свою жизнь ты только радовалъ меня. А теперь, увидавъ тебя, я счастлива. За это благословеніе мое останется всегда при тебѣ. Оставайся честнымъ, такимъ, какимъ ты былъ, сынъ мой, помни мать и прощай!

Послѣднія слова она едва уже проговорила; жизнь ея окончилась вмѣстѣ съ ними. Громко рыдая бросился Фридрихъ къ матери и потомъ дрожащей рукой закрылъ глаза, всю жизнь съ такой глубокой любовью слѣдившіе за нимъ.

Digitized by Google

Тутъ подошелъ къ нему Ридль, и увелъ его въ другую комнату.

— Будь твердъ, другъ! сказалъ онъ.—Простись съ покойницей и помни, что время твое сочтено! Я счастливо довелъ тебя сюда, и мнѣ хотѣлось бы счастливо увести тебя.

— Я иду, отвѣчалъ Фюреръ.—Дай только мнѣ время опомниться. При сегодняшней сумятицѣ, вѣрно, никто обо мнѣ и не думаетъ.

— Дай Богъ, отвѣчалъ Ридль;—но я не могу быть вполнѣ въ этомъ увѣренъ. Мы имѣемъ дѣло со врагомъ, главная сила котораго заключается въ шпіонствѣ, поэтому торопись. Сдѣлай тутъ распоряженія, возьми изъ твоей комнаты, что тебѣ надо, простись съ покойницей и тогда пойдемъ!

Фюреръ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, взялъ въ карманъ нѣсколько важныхъ бумагъ и только-что хотѣлъ еще разъ сходить къ покойницѣ, какъ внизу раздался сильный звонокъ и въ то же время въ комнату со страхомъ вбѣжала горничная.

— Боже мой! кричала она.—Внизу полиція спрашиваетъ васъ. А вся улица полна солдатами.

— Видишь, какъ я былъ правъ! сказалъ Ридль. — Что тутъ дѣлать?

— Можетъ быть, ищутъ не меня, сказалъ Фридрихъ. — Это, можетъ быть, идетъ по улицѣ патруль.

— Нѣтъ, сударь, вскричала дѣвушка.—Я смотрѣла въ щель; это солдаты, съ ними чиновникъ, и они спрашиваютъ васъ. Беппо удерживаетъ ихъ, и дѣлаетъ видъ, будто не можетъ найти ключей.

— Долго удерживать нельзя, сказалъ Ридль.—Тебѣ не слѣдуетъ попадать имъ въ руки, другъ мой! Но что же дѣлать? Нѣтъ ли изъ дому другого выхода кромѣ этихъ воротъ?

— Нѣтъ! спокойно сказалъ Фюреръ.—Да и къ чему? намъ никогда не надо было другого выхода.

— Опять заговорилъ идеалистъ, вскричалъ Ридль;—мечтатель! Онъ живетъ въ домѣ, какъ въ ловушкѣ, съ однимъ входомъ и съ днимъ выходомъ! Нельзя ли перелѣзть черезъ стѣну?

— Можетъ быть, и можно, отвѣчалъ Фюреръ;—но если бы даже это было и возможно, я не воспользуюсь этимъ путемъ. Я

Digitized by Google

хочу слышать, точно ли меня спрашиваютъ, а если это такъ, то я не побѣгу; я не отстранюсь отъ отвѣтственности, если ее хотятъ на меня наложить.

— Неизлечимый глупецъ! гнѣвно вскричалъ Ридль.—Это вѣнецъ всѣмъ твоимъ глупостямъ. Что же ты хочешь, чтобы тебя арестовали, допрашивали, приговорили?

— Приговорили? Меня? За что?

— Экая наивность! Но теперь измѣнить ничего нельзя. Они уже на лѣстницѣ. Хорошо! Но я-то, по крайней мѣрѣ, улизну черезъ библіотеку въ башенную комнату. Тамъ я посижу до тѣхъ поръ, пока воздухъ не очистится, а потомъ не побрезгаю, какъ ты, перелѣзть черезъ стѣну. Прощай! проговорилъ онъ стремительно обнявъ его и поцѣловавъ.—Прощай, глупый, неизлѣчимый, милый человѣкъ! Я спасу себя для тебя. Если же они застанутъ меня здѣсь, то сдѣлаютъ тоже безвреднымъ. Прощай. Когда нужно, ты услышишь обо мнѣ.

Онъ только-что успѣлъ шмыгнуть въ сосѣднюю комнату, какъ дверь отворилась и на порогѣ показался судья Веберъ, въ сопровожденіи полиціи и солдатъ.

— Такъ точно, вскричалъ Веберъ, увидавъ Фюрера;—мы поймали змѣю въ ея норѣ? Именемъ герцогини-регентши, сударь, арестую я васъ за государственное преступленіе. Послѣдуйте за мною добровольно. Вы видите, что о бѣгствѣ вамъ нечего и думать.

— Кто вамъ говоритъ, что я хочу бѣжать? спокойно отвѣчалъ Фюреръ.—Я готовъ слѣдовать за вами. Позвольте только проститься мнѣ съ покойницей, которая, къ счастію, не дожила до вашего прихода!

Твердо и рѣшительно подошелъ онъ къ постели, взялъ уже остывшую руку матери и поцѣловалъ ее въ губы. Потомъ съ достоинствомъ подошелъ къ Веберу и сказалъ ему:

— Ведите меня, куда вамъ приказано, сударь! Я въ вашей власти.

Digitized by Google

II.

Месть.

Въ одной изъ сильно выдающихся башень Вильденштейнской крѣпости сидѣла жена смотрителя, и въ узкое, глубокое окно смотрѣла на окрестность, видную на далекое разстояніе, такъ какъ зданіе было построено на скалѣ, высоко возвышавшейся надъ окружной мѣстностью. Крѣпость съ трехъ сторонъ была окружена высокой каменной стѣной, такой гладкой, что взобраться на нее не было никакой возможности. А съ четвертой стороны шелъ валъ, а за валомъ непроходимое страшное болото. Подъ башней, гдѣ сидѣла жена смотрителя, находилась ихъ квартира. Уже начало смеркаться, а она все не спускала взоровъ съ окрестности, и такъ сильно задумалась, что испуганно вскочила, услыхавъ, что кто-то отворилъ дверь, и мужъ ея громкимъ голосомъ вскричалъ:

— Это что такое, старуха? У тебя еще и огня нѣтъ? Кажется, ты изволишь бесѣдовать съ летучими мышами. Всѣ корридоры неосвѣщены.

— А я и не замѣтила, что уже темно, отвѣчала жена;—но я сейчасъ пойду и зажгу.

— Ну сиди! отвѣчалъ мужъ.—Я ужь зажегъ. Цѣлыхъ четверть часа просрочено, а я вовсе не желаю получать выговора отъ генерала. Да что съ тобой, продолжалъ онъ, когда жена сошла съ башни и стала зажигать у себя въ комнатѣ висѣвшую лампочку.—О чемъ это ты такъ задумываешься, что забываешь весь міръ.

— О чемъ задумываюсь, отвѣчала она тяжело вздыхая.—Вѣдь ты знаешь о чемъ, я не могу избавиться отъ своихъ прежнихъ мыслей, и ты увидишь, что я сдѣлаюсь совсѣмъ мрачной, если мы еще дольше останемся въ несчастной крѣпости.

— Ты просто дура! отвѣчалъ смотритель, набивая трубку и закуривая ее.

Digitized by Google

— Это легко говорить, отвѣчала она.—Но я позволила бы отрубить себѣ палецъ за то, чтобы быть опять въ нашемъ старомъ охотничьемъ замкѣ.

— Не понимаю тебя. Вѣдь тамъ было еще глуше, чѣмъ здѣсь, тамъ дѣйствительно можно было впасть въ меланхолію.

— А тутъ развѣ не глухо, сказала жена,—на этой скалѣ посреди болота; конечно общества тутъ больше, но къ сожалѣнію отъ этого общества сердце надрывается.

— Это еще что такое? сказалъ мужъ, снимая со стѣны связку ключей.—Тутъ сидятъ только государственные преступники. Могутъ ли они надрывать сердце?

— Не говори этого, сказала жена.—А то я разсорюсь съ тобой на старости лѣтъ. Несчастные люди, вотъ что они.

— Ну все равно, уклончиво отвѣчалъ мужъ.—Мнѣ за нихъ не отвѣчать. Я дѣлаю только свое дѣло, вотъ и все.

— Это-то и есть несчастіе, проговорила жена,—что тебѣ приходится дѣлать такое дѣло. Баронъ Адельговенъ оказалъ намъ дурную услугу, отрекомендовавъ тебя сюда. Лучше было бы—повторяю это еще разъ—если бы ты былъ на старомъ мѣстѣ въ охотничьемъ замкѣ, хотя то мѣсто было менѣе выгодно.

— Ты просто глупости говоришь; тамъ я былъ слугой важнаго барина и все долженъ былъ сносить и бояться, что онъ меня протуритъ. Здѣсь же мы ѣдимъ герцогскій хлѣбъ и я служу казнѣ. И если не буду въ состояніи служить болѣе, то получу пенсію, а когда закрою глаза, такъ и ты будешь получать ее.

— Ну, мнѣ ея не надо. Господь не оставитъ меня и не допуститъ, чтобъ я тебя похоронила. Ты еще въ полной силѣ и я вѣрно раньше тебя умру. А если бы я и осталась, то отправилась бы къ своей милой барышнѣ, она не броситъ своей старой Гертруды. Да вѣдь она больше не барышня, а замужняя женщина, да впрочемъ и не замужняя, а вдова. Говорятъ, и отецъ-то ея умираетъ.

— Что ты такъ обо всѣхъ жалѣешь, видишь,—и богатые не всегда бываютъ счастливы. Какой морозъ! къ утру, я думаю, все замерзнетъ; надо будетъ сходить внизъ да осмотрѣть печки. Тамъ

Digitized by Google

въ подвальныхъ этажахъ, въ казематахъ, должно быть очень холодно, пойду прикажу принести дровъ.

— Хорошо, старикъ, сказала жена, протягивая ему руку.— Хорошо, что ты думаешь о нашихъ бѣдныхъ заключенныхъ, ты все-таки мой добрый мужъ, я пойду съ тобой и помогу тебѣ.

— Ну ужь оставайся, отвѣчалъ онъ.—Все это можетъ сдѣлать мальчикъ. Да гдѣ же онъ? Я вездѣ искалъ его. Вотъ видишь какъ платятъ за добро, что ты дѣлаешь. Теперь у насъ лѣнтяй остался на шеѣ. А когда двѣ недѣли тому назадъ онъ голодный и озябшій стоялъ у воротъ, такъ ты непремѣнно требовала, чтобъ мы взяли его.

— Да не ворчи, смѣясь сказала жена,—вѣдь ты только притворяешься такимъ сердитымъ! Вѣдь ты бы тоже не бросилъ его, если бы я даже и не просила тебя. Вѣдь въ ту ночь добрый хозяинъ собаки бы не выпустилъ, а мальчишка былъ такъ жалокъ, да кромѣ того вѣдь онъ нѣмой. А то, что онъ лѣнивъ, въ этомъ ты неправъ, онъ только странный и поэтому его трудно понять. Да къ тому жъ онъ скрытный и упрямый.

— Ну всѣ нѣмые таковы. Мнѣ бы только хотѣлось узнать, откуда онъ бѣжалъ. Генералъ написалъ о немъ въ городъ, тамъ вѣрно что нибудь узнаютъ. Но что это такое? воскликнулъ онъ, взглянувъ въ окно.—Къ крѣпости подъѣзжаетъ карета! Что это значитъ! И четверкой. Что нибудь совершенно особенное, или что нибудь очень спѣшное.

— Ахъ, хорошаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть, вѣрно везутъ новыхъ арестованныхъ.

— Нѣтъ, сказалъ мужъ пристально смотря въ окно.—Въ такомъ случаѣ карета сопровождалась бы конвоемъ. Я сойду внизъ, чтобъ приказать отворить ворота.

— А я пойду, сказала жена,—и поищу мальчика. Можетъ быть, онъ уже забился къ себѣ въ комнату.

Смотритель снялъ со стѣны большой фонарь и тщательно засвѣтилъ его; потомъ онъ вышелъ за дверь и свиснулъ; на свистъ его прибѣжали двѣ громадныя черныя собаки и пошли вслѣдъ за нимъ по слабо освѣщеннымъ коридорамъ.

Гертруда между тѣмъ закрыла ставень и стала зажигать свѣч-

Digitized by Google

ку, какъ вдругъ сильный звонъ ключей заставилъ ее обернуться. Звонъ слышался за печкой, гдѣ на стѣнѣ на гвоздочкахъ висѣли ключи. Громадная печь выступала такъ много въ комнату, что за ней былъ большой темный уголъ, куда не проникалъ свѣтъ лампы, тамъ висѣла доска съ ключами, какъ въ самомъ безопасномъ мѣстѣ. Чтобъ украсть ключи, надо было предварительно пройти черезъ всю комнату.

— Что тамъ такое? съ удивленіемъ спросила Гертруда, подходя къ печкѣ со свѣчею въ рукѣ.—Кто трогалъ ключи?

Она съ удивленіемъ отступила. Въ углу на корточкахъ спалъ мальчикъ, завернутый въ какія-то жалкія отрепья.

Это былъ Ричардъ, сынъ несчастной Цилли, необузданный воспитанникъ мастера Вилля.

— Вонъ онъ! вскричала Гертруда;—мы ищемъ его вездѣ, а онъ лежитъ тутъ и спитъ, какъ праведникъ. Или, прибавила она поднявъ свѣчу и пристально взглянувъ на него,—онъ это такъ притворяется. Вѣдь я ясно слышала, что ключи брянчали. Эй ты, вставай, сказала она толкая его.—Вставай же. Хозяинъ внизу въ подвалахъ, надо наносить дровъ въ корридоры. Да очнись-же!

Мальчикъ посмотрѣлъ на нее, какъ будто не совсѣмъ понялъ, что она ему говорила, потомъ со страхомъ посмотрѣлъ на дверь, кивнулъ раза два головой и выскочилъ изъ комнаты.

— Прости ты меня, Господи, если я грѣшу и несправедливо обвиняю его, сказала Гертруда, идя за нимъ.—Но все, что онъ дѣлаетъ, кажется мнѣ такимъ страннымъ и таинственнымъ, какъ будто онъ боится, что его въ чемъ-то поймаютъ, вотъ и теперь онъ выскочилъ, точно кошка.

Въ крѣпостныхъ воротахъ послышался звонокъ, послѣ чего смотритель отворилъ въ воротахъ родъ форточки и спросилъ, кто такой пріѣхалъ. Въ это самое время генералъ Бауеръ, исправлявшій должность крѣпостного коменданта, вышелъ поспѣшно, чтобы узнать причину такого поздняго звонка. Онъ былъ очень не въ духѣ и его безъ того красное лицо было еще краснѣе отъ выпитаго вина и отъ недовольства, что ему помѣшали окончить ужинъ.

— Отворяйте скорѣй, крикнулъ онъ, услыхавъ имена пріѣхав-

Digitized by Google

шихъ,—это комиссары ея высочества. Позаботься смотритель, чтобы были готовы пріемныя комнаты.

Между тѣмъ страшныя ворота отворились, и карета въѣхала во дворъ, а къ ней подошелъ конюхъ, вѣроятно, для того, чтобы помочь распрягать. У конюха была надѣта мѣховая шапка и такъ сильно нахлобучена на лобъ, что изъ-подъ нея едва видны были глаза. Кромѣ того на немъ былъ надѣтъ огромный армякъ, и онъ такъ сильно хромалъ, что не могъ вести лошадей въ стойло. Но за то только-что пріѣхавшій кучеръ, несмотря на громадную шубу, былъ чрезвычайно проворенъ, и ловко спрыгнулъ съ козелъ. Онъ подмигнулъ конюху, а тотъ сказалъ ему:

— Ты скачешь, какъ будто тебѣ лѣтъ восемнадцать! Не скакалъ бы такъ, если бы у тебя была моя сломанная нога!

— Ну да вѣдь и ты не всегда былъ такимъ, вскричалъ кучеръ;—а теперь, сватъ, осмотрика-ка лошадей! Передняя-то что-то хромаетъ, что тутъ дѣлать?

— А вотъ, сказалъ странно улыбаясь конюхъ, — мы посмотримъ, отдеремъ сначала подкову.

И кучеръ и конюхъ ушли съ лошадьми въ конюшню и тщательно заперли за собою дверь.

Между тѣмъ смотритель, почтительно кланяясь, отворилъ каретныя дверцы, и судья Веберъ осторожно спустилъ свое тѣло на землю. За нимъ показалась голова фонъ-Овербергена, а за тѣмъ вышла блѣдная фигура судейскаго секретаря или писца; онъ вынулъ и осторожно понесъ множество бумагъ, какъ будто боясь, что онѣ куда нибудь улетятъ.

— Ну вотъ и мы, почтеннѣйшій генералъ, вскричалъ Веберъ.—Вы вѣрно давно ужь ждете насъ?

— Ну ужь это одинъ Богъ знаетъ, какъ жду! отвѣчалъ генералъ.—Я не ждалъ первыхъ эполетъ съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ ждалъ вашего пріѣзда. Вѣдь вашъ пріѣздъ избавитъ меня, наконецъ, отъ этой должности, гдѣ я живу точно самъ заключенный. Вѣдь вы привезли все, что нужно, чтобы очистить это гнѣздо.

— Да, мы очистимъ, сказалъ судья, слѣдуя за генераломъ къ среднему зданію. На широкой лѣстницѣ стояли лакеи со свѣчами

Digitized by Google

и ждали гостей. Овербергенъ возился что-то у кареты и осматривалъ дворъ, какъ будто любуясь постройками,—въ сущности же для того, чтобы ознакомиться скорѣе съ мѣстностью.

— Работа была крайне трудна, почтеннѣйшій, сказалъ судья, продолжая разговоръ съ генераломъ; — и столько матеріяла, что невозможно было одолѣть его; но теперь мы пришли уже къ концу.

— Ну, если дѣйствительно все кончено, то все и забыть надо. Вы знаете, что я взялъ это мѣсто только потому, что слишкомъ было важно, въ чьихъ рукахъ находились бы заключенные. Мы могли поручить ихъ только кому нибудь изъ нашихъ. Къ счастію, я теперь свободенъ, и надѣюсь, что дѣло долго не протянется; хотя, по моему взгляду, такія приготовленія были вовсе не нужны. Я бы распорядился съ ними коротко.

— Это не годилось. Надо соблюдать извѣстныя формы, чтобы заткнуть ротъ болтунамъ.

— Ну сегодня довольно о дѣлахъ, сказалъ генералъ.—Слышите, ни слова. Вы у меня въ гостяхъ. Я только-что сѣлъ за ужинъ. Если вамъ надо отдать какія нибудь приказанія и сдѣлать распоряженія, то дѣлайте все это сейчасъ. Я не люблю, если мѣшаютъ, когда бутылки уже откупорены.

— Велите только протопить комнату, гдѣ мы будемъ допрашивать, потому что завтра рано поутру мы примемся за дѣло.

— Слышишь ты! крикнулъ генералъ смотрителю, который, несмотря на холодный вѣтеръ, все стоялъ съ непокрытой головой, потому что генералъ не сказалъ ему, чтобы онъ надѣлъ шапку.— Чтобы все было провѣтрено и въ порядкѣ! Вели протопить! Я терпѣть не могу холодныхъ комнатъ.

— Слушаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ смотритель, и хотѣлъ уже уйти, какъ генералъ, обернувшись еще разъ, крикнулъ его.

— Вотъ что! Какъ я сюда шелъ, я встрѣтилъ твоего мальчика, онъ несъ дрова въ казематы. Что это значитъ?

— Сегодня ночью будетъ большой морозъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ смотритель.—Вода и теперь уже замерзла; въ казематахъ очень холодно, и я полагалъ...

Digitized by Google

— Надѣюсь, что ты не хотѣлъ топить у заключенныхъ? крикнулъ генералъ.—Успѣешь еще, когда я прикажу тебѣ. Славно тратишь ты герцогскіе дрова!

Онъ грубо засмѣялся, и по цвѣту лица его было замѣтно, что онъ давно уже откупоривалъ бутылки. Послѣ этого всѣ они вошли въ комнаты.

Служители заперли двери и на дворѣ стало пусто и тихо. Въ сводѣ воротъ мерцалъ фонарь и караульный ходилъ взадъ и впередъ. У дверей въ крѣпостное зданіе сидѣлъ на корточкахъ Ричардъ и смотрѣлъ на смотрителя, шедшаго съ высокоподнятымъ фонаремъ, и глазами показывалъ на дрова, на узкой лѣстницѣ, что вела внизъ въ казематы.

— Ты тутъ, негодный? вскричалъ смотритель.—Гдѣ ты былъ? Теперь ты мнѣ ненуженъ. Господинъ генералъ не велѣлъ топить. Грѣхъ не на моей душѣ. Но, кажется, скоро я буду говорить тоже самое, что и жена: чортъ бы побралъ генерала. Какъ глупо! сказалъ онъ, оглядываясь;—можно ли такъ увлекаться гнѣвомъ! Задастъ онъ мнѣ трезвону, если узнаетъ! Иди спать, мальчишка! прибавилъ онъ, запирая тяжелымъ засовомъ дверь и изчезая въ корридорѣ.

Мальчикъ шелъ за нимъ до небольшой дверцы, ведущей въ темный чуланчикъ, гдѣ около дровъ лежалъ мѣшокъ съ соломой и одѣяло. Онъ отворилъ дверь нарочно съ нѣкоторымъ шумомъ, для того, вѣроятно, чтобы смотритель слышалъ, что онъ входитъ къ себѣ въ комнату; но тотчасъ же высунулъ голову изъ дверей, прислушиваясь, какъ смотритель вошелъ къ себѣ. Онъ съ удовольствіемъ услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ, подождалъ еще минуту и потомъ шмыгнулъ въ коридоръ, и сталъ чуть не ползкомъ пробираться къ выходу. Онъ осмотрѣлъ, все ли у него въ карманахъ, что ему нужно, и спустился съ лѣстницы въ казематы. Тамъ было совершенно темно; и только въ одномъ мѣстѣ черезъ глубокое узенькое окно падалъ лунный свѣтъ.

Ричардъ пробирался осторожно, держась за стѣны, мокрыя отъ сырости. Вдругъ зазвучало чѣмъ-то желѣзнымъ, и онъ въ страхѣ замеръ на мѣстѣ, и сталъ прислушиваться: „Это ничего“, прошепталъ онъ;—„я думалъ, что отворяютъ дверь, а это вѣрно

Digitized by Google

какой нибудь преступникъ тряхнулъ цѣпями". Онъ прошелъ мимо многихъ желѣзныхъ дверей и поднялся къ больничному казематy. Тутъ коридоръ былъ немного посвѣтлѣе, и въ окна проникало болѣе луннаго свѣта. Онъ подошелъ къ одной изъ дверей и, отворивъ дверь ключомъ, бывшемъ у него въ карманѣ, прошепталъ въ щелку: „Не шуми, матушка, и не пугайся! Это я, Ричардъ!" Послѣ этого онъ проскользнулъ въ казематъ и закрылъ за собою дверь. Цилли сидѣла на жалкой постели и съ удивленіемъ смотрѣла на мальчика. Она была такъ поражена, что, и безъ предупрежденія сына, не могла произнести ни слова. Только когда Ричардъ, рыдая, бросился ей на шею, она точно пришла въ себя и, обнявъ мальчика, тоже заплакала.

— Ты пришелъ ко мнѣ? вскричала она, гладя его по головѣ и отбрасывая ему назадъ волосы.—Ричардъ мой! Милый мой мальчикъ! Такъ я опять тебя вижу! Какъ ты попалъ ко мнѣ?

— Я ужь больше недѣли въ крѣпости, отвѣчалъ онъ, прижимаясь къ ней.—Когда они тебя взяли и я ушелъ. Но я взялъ денегъ изъ сундука дяди. Вѣдь я не хотѣлъ воровать. А деньги мнѣ были нужны. Я купилъ себѣ это платье, и притворился нѣмымъ нищимъ и меня взяли въ крѣпость. Жена смотрителя такая добрая.

— Ахъ ты, добрый мальчикъ!

— Теперь нечего мѣшкать. Ключъ у меня есть, дорогу я знаю, сегодня ночью надо уйти. Судьи пріѣхали изъ города. Кто знаетъ, что они сдѣлаютъ завтра съ тобою. Надо идти и сейчасъ! Идемъ матушка?

— Да, да, отвѣчала Цилли такимъ тономъ, какъ будто бы не понимала, о чемъ шла рѣчь.—Иду, слышу, я поторопюсь.

Она хотѣла одѣваться и вмѣсто того раздѣвалась.

— Иду, повторяла она;—но куда же идти?

— Я еще самъ не знаю, отвѣчалъ Ричардъ.—Тамъ посмотримъ. Ты мнѣ покажешь, куда идти. Теперь мы не разстанемся и найдемъ себѣ гдѣ нибудь уголокъ. Я буду для тебя работать! Ну идемъ. Надѣнь платокъ, очень холодно.

— Сейчасъ, сейчасъ, говорила Цилли, точно стараясь опомниться.—Я знаю, что онъ ждетъ меня, онъ кричалъ меня вчера въ окно.

Digitized by Google

— Кто? съ удивленіемъ спросилъ Ричардъ.—Опомнись, матушка, ты заспалась и не помнишь, что говоришь. Ну идемъ! Смотри не упади на лѣстницѣ — тутъ три ступеньки — и не шуми! Намъ надо пройти подъ крѣпостью, черезъ канаву. Тише, надъ нами теперь караульный.

Мальчикъ осторожно велъ Цилли за руку по коридору, и довелъ до выхода, гдѣ не стояло караула, такъ какъ тутъ начиналась уже канава. Вода въ канавѣ замерзла, и надо было проходить подъ сводомъ, который потомъ такъ склонялся внизъ, что подъ нимъ можно было только проползти.

— Иначе нельзя, прошепталъ мальчикъ матери; —надо немного замочиться, ну да вѣдь тутъ не глубоко и опасности нѣтъ. Мы только вымочимся и озябнемъ, а потомъ за то хорошенько побѣжимъ, такъ что согрѣемся и просохнемъ. Это не повредитъ тебѣ, матушка!

Цилли слушалась и словъ и знаковъ своего путеводителя; какъ будто они помѣнялись ролями, онъ былъ благоразумнымъ взрослымъ, а она неопытнымъ ребенкомъ. Скоро они проползли канаву и выбрались къ болоту, мѣстами замерзшему.

— Слава Богу! прошепталъ Ричардъ.—Все тихо. Я слышу шаги караульнаго; онъ проходитъ теперь по другой сторонѣ. Мы воспользуемся этимъ. Когда доберемся до той ивы, тогда мы спасены. Тамъ ужь идти будетъ легче. Идемъ, матушка, надо торопиться, чтобы снѣгъ занесъ слѣды наши.

Мальчикъ шелъ по болоту такъ быстро, что ледъ только трещалъ у него подъ ногами. Цилли шла за нимъ молча. Ива виднѣлась все яснѣе и яснѣе. Дорога пошла по камнямъ, скользкимъ и обледѣнѣлымъ.

— Осторожнѣе, матушка! остерегалъ ее мальчикъ.—Тутъ скользко. Шаговъ сто и мы безопасны!

Цилли вдругъ вырвала руку, и пристально стала смотрѣть на иву:

— Смотри-ка вотъ тамъ, какъ эта фигура грозитъ мнѣ руками. Онъ стоялъ точно также и грозилъ мнѣ.

— Матушка! со страхомъ вскричалъ Ричардъ.—Что съ тобою? Смотри хорошенько. Вѣдь это дерево!

Digitized by Google

— Нѣтъ, вскричала она, отстраняя его руки,—это онъ, онъ велитъ мнѣ вернуться, онъ не хочетъ, чтобъ я бѣжала. Я не пойду дальше, пусти меня! Развѣ не видишь, какъ его руки ко мнѣ тянутся. Онъ хочетъ схватить меня!

Силъ мальчика не достало на то, чтобы вести противъ воли безумную. Она съ дикимъ крикомъ вырвалась у него и хотѣла бѣжать назадъ, но поскользнулась и со всего размаха скатилась съ камня въ болото. Мальчикъ быстро соскочилъ къ ней и, цѣпляясь за камень, старался приподнять ее. Падая, она повредила себѣ ногу и кровь, обагрившая снѣгъ, слишкомъ ясно доказывала, что поврежденіе было нешуточное.

— Матушка, вскричалъ съ отчаяніемъ мальчикъ, то хватая ее за руки, то цѣлуя ее въ губы,—опомнись, вѣдь ужь не далеко. Послушай же меня.

Но все было напрасно. Хотя она, опомнившись, и старалась приподняться, но боль была такъ сильна, что она снова закрывала глаза, и походила на умирающую.

Съ плачемъ бросился мальчикъ на нее. Онъ ясно увидѣлъ, что спасти мать невозможно, что, вырвавшись изъ тюрьмы, она должна была умереть отъ холода, страха и боли. Кромѣ того, съ наступленіемъ дня о побѣгѣ узнаютъ. Что тогда дѣлать? Не бѣжать же ему одному и не бросить же несчастную? Вѣдь она могла еще придти въ себя и куда пошла бы она безъ него. Долго раздумывалъ онъ такимъ образомъ, но наконецъ утомленіе преодолѣло его и онъ легъ отдохнуть на холодѣющую грудь матери.

На слѣдующій день солнце долго не выглядывало изъ-за сѣрыхъ, густыхъ тучъ, одѣвшихъ небо послѣ ясной морозной ночи. Въ крѣпости кипѣла необыкновенная дѣятельность. Караулъ былъ удвоенъ, въ коридорахъ, гдѣ вообще по цѣлымъ днямъ бывало тихо, ходило много народу. Въ одной большой комнатѣ было много солдатъ, кузнецовъ, служителей, ожидавшихъ прихода судей.

— Ужь скоро девять часовъ, сказалъ смотрителю капралъ, — а судъ все не начинается. Вчера вѣдь говорили, что допросъ начнется съ ранняго утра.

— Не все ли равно, пробормоталъ смотритель.—Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я все приготовилъ.

Digitized by Google

— Это такъ, вскричалъ капралъ, — но все лучше бы знать заранѣе, что они не соберутся рано. Они долго сидѣли вчера у генерала, мы видѣли это вчера въ окно. А вотъ, кажется, идетъ кто-то.

И дѣйствительно въ комнату вошелъ генералъ. Онъ былъ въ полной формѣ, съ орденами на груди, въ шляпѣ съ перьями на головѣ и съ саблей въ рукахъ. За нимъ шелъ судья Веберъ. Онъ не отвѣтилъ ни на чьи поклоны и крикнулъ смотрителю:

— Чортъ бы тебя побралъ, съума ты сошелъ, этакъ нажарилъ. Ты вѣрно топишь ужь съ ночи; не думалъ ли ты, что мы какъ поденщики съ ранняго утра засядемъ за работу.

Смотритель вспыхнулъ отъ досады.

— Ваше превосходительство вчера сами приказали, чтобы съ ранняго утра...

— Чорта приказалъ я, крикнулъ генералъ.—Молчать и не разсуждать, я этого терпѣть не могу. Еще одно слово и я на полдня запру тебя.

Онъ вышелъ съ Вебером въ сосѣднюю комнату. Тамъ стоялъ небольшой столъ, обтянутый зеленымъ сукномъ, за которымъ сидѣлъ заваленный бумагами писецъ, почтительно поклонившійся вошедшимъ.

— Идите и велите приводить заключенныхъ по очереди! сказалъ ему судья, бросивъ на столъ пачку бумагъ.

— А это вѣроятно приговоры, сказалъ генералъ.—Надѣюсь, что все это не долго протянется. Мнѣ ужасно жарко, мнѣ не выдержать долго въ такой комнатѣ.

— Это приговоры, отвѣчалъ Веберъ.—И объявленіе ихъ отниметъ немного времени. Но жаръ, генералъ, я думаю, у васъ не отъ излишней теплоты комнатъ, а отъ вчерашняго вечера. Бургонское вино тяжелое и дѣйствуетъ на нервы, а вы вѣдь порядочно его выпили.

— Ха, ха, ха, засмѣялся генералъ, — вы тоже, кажется, не отставали.

— Да я это и чувствую, отвѣчалъ судья, приглаживая свои жидкіе бѣлокурые волосы.—Я не привыкъ къ такимъ вещамъ. Но они дѣйствуютъ на меня совсѣмъ не такъ, какъ на васъ, вамъ жарко, а мнѣ все холодно, какъ будто я въ лихорадкѣ.

Digitized by Google

— Это потому, вскричалъ генералъ, громко смѣясь,—что вы не солдатъ, а вѣчно сидѣли въ комнатѣ и корпѣли надъ бумагами. Правду сказать, милый судья, я терпѣть не могу вашу братью, но вы совсѣмъ другое дѣло, вы составляете изъ нихъ исключеніе. Мнѣ противны эти замкнутые, молчаливые, и вездѣ подсматривающіе люди, какъ этотъ Овербергенъ, котораго вы привезли съ собой. Хорошо, что онъ ушелъ такъ скоро спать. А то бы у меня капля не пошла въ горло. Что тутъ понадобилось этому тихонѣ.

Судья осмотрѣлся, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, потомъ пожалъ плечами и прошепталъ генералу:

— Ея высочество герцогиня-регентша дала ему тайное порученіе къ бывшему министру, отъ котораго зависитъ его судьба.

— Судьба, съ удивленіемъ спросилъ генералъ.—Что это значитъ, развѣ она еще не рѣшена?

— Приговоръ его единственный, неполучившій утвержденія. Господинъ фонъ-Овербергенъ долженъ попытать счастія, а я долженъ сдѣлать ему еще допросъ.

— Къ чему всѣ эти церемоніи, вскричалъ генералъ. — Вѣдь разъ ужь все рѣшено, то къ чему же тутъ послабленіе. Развѣ наши принципы не блистательно оправдались, развѣ въ городѣ не такъ спокойно, какъ будто никогда ничего не бывало? Развѣ въ цѣлой странѣ волнуется хоть кто нибудь?

— Никто, подтвердилъ судья.—Страхъ благодѣтельно подѣйствовалъ на всѣхъ, всякій только и думаетъ о себѣ. Множество арестовъ доказали, что правительство не шутитъ. Почти въ каждомъ семействѣ есть кто нибудь, за кого приходится бояться и потому никто не рѣшается высказывать что нибудь, кромѣ увѣреній въ вѣрноподданничествѣ и просьбъ о милости.

— Вотъ видите ли, съ гордостью проговорилъ генералъ, — какъ я былъ правъ. Предводители и поджигатели теперь устранены, и я готовъ держать пари, что не пройдетъ еще года, и народъ будетъ совершенно спокоенъ.

— Вы знаете, какъ я вообще съ вами согласенъ, отвѣчалъ Веберъ, — но нельзя отрицать, что за этой тишиной скрывается еще много тайной злобы и недовольства. Я не поручусь за то,

Digitized by Google

что огонь не вспыхнетъ опять, если начать раздувать пепелъ, въ особенности если...

— Ну такъ разложите огонь, съ хохотомъ вскричалъ генералъ.—Но что это было за если, котораго вы боитесь?

— Если исполнится то, о чемъ говорятъ, сказалъ Веберъ.— Говорятъ, что герцогъ Феликсъ возвращается на этихъ дняхъ, что въ сосѣдней столицѣ онъ снова встрѣтилъ того архитектора...

— Архитектора?

— Ну да, француза или бельгійца, кто его знаетъ, который представлялъ герцогу, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ, такъ плѣнившіе его планы для новаго загороднаго дворца.

— Ахъ да, ахъ да, помню, сказалъ генералъ;—нѣмецкій французъ изъ Эльзаса, не такъ ли? Риголетъ, если я не ошибаюсь. Ну, что же съ нимъ?

— Герцогъ снова увидалъ его тамъ, вспомнилъ старые планы и теперь мечтаетъ о постройкахъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Но денегъ нѣтъ, придется снова ввести налогъ на припасы, бросившій при покойномъ герцогѣ первую искру въ порохъ.

— Чортъ побери! вскричалъ генералъ, кладя саблю на столъ.— Это сильное средство. Если герцогъ позволитъ мнѣ дѣйствовать, народъ заплатитъ налогъ, хотя бы на спинѣ его пришлось выспаться.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ много берете на себя, генералъ,—съ сомнѣніемъ сказалъ Веберъ.

— Ха, ха! я вовсе не такъ простъ, какъ вы думаете, отвѣчалъ генералъ.—Когда будетъ введена пошлина, то есть одно средство, но только одно. Надо сразу потребовать двойную пошлину. Заплатить такой налогъ будетъ имъ совершенно невозможно, они станутъ просить и молить, и если герцогъ будетъ настолько милостивъ, что на половину сбавитъ налогъ, то они заплатятъ.

Генералъ снова разразился громкимъ хохотомъ. Судья невольно тоже захохоталъ.

— Надо сознаться, сказалъ онъ;—что вы совсѣмъ не на мѣстѣ, вамъ слѣдовало быть не генераломъ, а министромъ финансовъ.

Писарь нерѣшительно постучался въ дверь; потомъ высунулъ голову и доложилъ, что первый подсудимый приведенъ. Генералъ, какъ предсѣдательствующій, занялъ свое мѣсто посреди стола,

Digitized by Google

судья, какъ слѣдователь, помѣстился подлѣ него, а писарь занялъ мѣсто въ концѣ стола.

Дѣла кончались очень быстро, такъ какъ они заключались въ томъ, что объявлялись приговоры подсудимымъ, одинъ вслѣдъ за другимъ. Большая часть подсудимыхъ была взята съ оружіемъ въ рукахъ, а многіе были узнаны по ранамъ и осуждены. Всѣ они не отпирались.

Почти всѣ приговоры гласили о пожизненномъ или очень продолжительномъ заключеніи. Нѣкоторые подсудимые были приговорены къ смерти, но, милостью герцогини, смертная казнь была замѣнена заключеніемъ.

Объявленіе приговоровъ было прервано бѣготней и крикомъ по коридорамъ. Въ прихожей слышался очень громкій разговоръ.

— Посмотрите, что тамъ такое? обратился судья къ писарю.

Но въ ту же минуту дверь отворилась и на порогѣ показался капралъ, доложившій, что подсудимую, которую слѣдовало привести теперь, нигдѣ не находятъ.

Блѣдный, какъ полотно, стоялъ за нимъ смотритель, и дрожа глядѣлъ на вспыхнувшаго отъ гнѣва генерала.

— Совершенно непонятно, говорилъ смотритель;—подсудимая была довольно сильно больна, и переведена, по приказанію доктора, въ больничное отдѣленіе, гдѣ большое окно. Рѣшотки на окнахъ не тронуты, но дверь отворена, и въ замкѣ торчитъ ключъ. Совершенно непонятно, кто могъ украсть у меня ключъ, и еще менѣе понятно, какъ вышла она изъ крѣпости.

— Могло ли бы это случиться, кричалъ генералъ,—если бы ты исполнялъ свой долгъ? Долгъ твой хранить ключи.

— Я стараюсь, ваше превосходительство, говорилъ смотритель; и ключи всѣ у меня въ комнатѣ, въ такомъ мѣстѣ, куда трудно пробраться. Но кажется, что нѣмой мальчикъ, котораго я принялъ къ себѣ съ вашего позволенія, приложилъ руки къ этому дѣлу. Онъ одинъ могъ пробраться въ комнату, а теперь его нигдѣ нельзя найти, онъ вѣроятно бѣжалъ вмѣстѣ съ подсудимой.

— Берегись! крикнулъ генералъ.—Я сдѣлаю строжайшее изслѣдованіе, и если подозрѣніе падетъ на тебя, тебѣ не уйти отъ наказанія. Если ты не найдешь слѣдовъ, какъ подсудимая вышла

Digitized by Google

изъ крѣпости, то я пойду самъ и поучу тебя. Со мной пойдутъ нѣсколько солдатъ и служителей! Не останавливайтесь, продолжалъ онъ, обращаясь къ судьѣ;—я сейчасъ буду назадъ, я хочу только показать, что крѣпость, въ которой я комендантомъ, не голубятня, а мышеловка, и что въ нее можно войти, но выйти нельзя. Кто это бѣжалъ?

— Сецилія Вилль, сказалъ судья, подходя къ нему ближе,— обвиненная въ убійствѣ лейтенанта Бергдорфа; во время перваго возстанія, она пулей ранила его и вслѣдствіе этой раны онъ умеръ. Она страдаетъ помѣшательствомъ, и сама себя выдала. Бѣгство ея не важно, но все-таки вамъ слѣдуетъ пойти поискать ее! А я между тѣмъ займусь съ бывшимъ министромъ.

— Хорошо! отвѣтилъ генералъ.—Я скоро вернусь. Досадно, что не существуютъ болѣе пытки. Я съ удовольствіемъ примѣнилъ бы ее къ такому человѣку.

Шаги уходившихъ уже затихли, въ передней молча стояли оставшіеся караульные солдаты. Вскорѣ отворилась дверь и въ комнату ввели Фюрера; на немъ было свѣтлое желтое широкое пальто, нѣсколько прохладное для настоящаго времени года.

— Подсудимый Фюреръ! началъ судья, рукою приглашая Фюрера сѣсть на простой деревянный стулъ подсудимыхъ.—Я велѣлъ привести васъ, чтобы еще разъ объявить вамъ, что слѣдствіе, произведенное надъ вами, окончено, и все готово для составленія приговора. Тѣмъ не менѣе, высшія власти желали бы дать вамъ возможность откровенно сознаться въ вашемъ заблужденіи, назвать вашихъ сообщниковъ, открыть планъ, мѣсто и всѣ мельчайшія подробности заговора, и тѣмъ дать правосудію возможность просить для васъ милости, которую съ такимъ удовольствіемъ вамъ окажутъ.

— Если вы безпокоились ради этого, отвѣчалъ Фюреръ, и веселая нѣсколько ироническая улыбка озарила его поблѣднѣвшее отъ тюремнаго воздуха лицо;—то мнѣ очень жаль, и очень непріятно, что я не могу оправдать того мнѣнія, которое составили обо мнѣ, какъ вы выражаетесь, высшія власти. Сколько мнѣ извѣстно, я нахожусь передъ судомъ, и отъ суда жду я своего оправданія, такъ какъ не могу сознаться ни въ какой винѣ. Слѣдовательно никакой милости мнѣ не надо, да я и не разсчитываю на нее.

Digitized by Google

— Софизмы, хитрости, презрительно проговорилъ судья,—которые, можетъ быть, могутъ дѣйствовать съ кафедры на ослѣпленныхъ юношей; но они неумѣстны, когда вы стоите передъ судьей, печальная задача котораго заключается въ томъ, что ему приходится выводить наружу факты, утаиваемые каждымъ преступникомъ, и уличать, несмотря на отрицаніе.

— Въ такомъ случаѣ исполняйте вашу задачу, и уличите меня, сказалъ Фридрихъ и улыбка на лицѣ его сдѣлалась еще ироничнѣе.

— И уличу. Итакъ, подсудимый, вы не желаете ничего открывать суду.

— Не желаю; и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу объяснить мнѣ, какимъ образомъ намѣрены вы облечь въ законную форму мой арестъ и заключеніе.

— Ну оставьте эти закорючки! гнѣвно проговорилъ судья. — Вы слишкомъ хорошо знаете, что вы обвинены въ произведеніи безпорядковъ по случаю недовольства нѣкоторыми мѣрами, принятыми по необходимости. Вы не можете отрицать, что въ извѣстный день были въ городѣ, и не можете представить достаточно уважительныхъ причинъ пребыванія вашего въ этотъ день въ столицѣ.

— Какъ? съ удивленіемъ спросилъ Фюреръ.—Развѣ мѣсто, гдѣ меня нашли, не достаточно объясняетъ причину моего пріѣзда? Вы сами арестовали меня у смертнаго одра моей матери, умершей за нѣсколько минутъ до вашего прихода.

— Но говорятъ, сказалъ судья,—что вы были въ городѣ ранѣе этого, и были совершенно въ другомъ мѣстѣ, и только, когда возстаніе было подавлено, вы, спасаясь, бѣжали въ свой домъ.

— Оба эти обвиненія—ложь, спокойно отвѣчалъ Фюреръ.—Я говорилъ уже вамъ, что, получивъ извѣстіе объ опасномъ положеніи матери, я на время покинулъ свое мѣстопребываніе въ Швейцаріи. Я указалъ вамъ даже маршрутъ, которымъ я ѣхалъ; я говорилъ вамъ, что вечеромъ долго ждалъ лошадей на почтовой станціи въ Лауфендорфѣ, и потому пріѣхалъ въ городъ уже поздно ночью. Безъ сомнѣнія, эти обстоятельства изслѣдованы послѣ моего показанія, и оказались совершенно вѣрными.

— Правосудіе не можетъ основываться на нарочно запутанныхъ

Digitized by Google

показаніяхъ подсудимаго, тѣмъ болѣе, что свидѣтели доказываютъ совершенно противное тому, что показываетъ онъ.

— Свидѣтели? съ удивленіемъ вскричалъ Фридрихъ. — Но я не помню, чтобы до сихъ поръ въ моемъ дѣлѣ когда нибудь упоминалось о свидѣтеляхъ.

— Очень просто, рѣзко проговорилъ Веберъ.—Это происходитъ отъ того, что свидѣтели явились только теперь.

— А, теперь! я понимаю, насмѣшливо возразилъ Фридрихъ;— вѣдь не легко было найти такихъ свидѣтелей! Хотя я не знаю формъ этого особеннаго суда, передъ которымъ я нахожусь, но, можетъ быть, мнѣ не будетъ воспрещено потребовать очной ставки съ этими свидѣтелями.

— Это можно, отвѣчалъ судья, вставая церемонно и особенно развязно. — Позвоните, сказалъ онъ писарю;—пусть войдетъ свидѣтель!

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ свидѣтель; это былъ писарь Биллингеръ, одѣтый гораздо лучше прежняго, но съ тѣмъ же противнымъ, истасканнымъ лицомъ. Сложивъ руки и опустивъ глаза стоялъ онъ, ожидая вопросовъ.

— Знаете ли вы этого человѣка? спросилъ судья. — Тотъ ли это самый, котораго вы подразумѣвали, когда дѣлали ваши показанія суду? Я спрашиваю васъ объ этомъ потому, что теперь вамъ надо показать все подъ присягою; сперва обдумайте хорошенько, и говорите правду, отбросивъ въ сторону пристрастіе и ненависть; повторите показанія ваши въ лицо обвиняемому, гдѣ вы видѣли его въ столицѣ во время послѣдняго возстанія.

— Говорите безъ боязни, сказалъ Фридрихъ, видя, что свидѣтель сталъ заминаться.—Мнѣ самому любопытно послушать ваши показанія.

— Это было около трехъ часовъ пополудни, нетвердо проговорилъ Биллингеръ.

— Такъ въ три часа! перебилъ его судья. — Слышите, подсудимый? Слѣдовательно гораздо ранѣе того срока, когда по вашимъ словамъ вы были на почтовой станціи въ Лауфендорфѣ. Продолжайте, свидѣтель.

— Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ, началъ снова Биллингеръ,—

Digitized by Google

и писалъ, какъ вдругъ услышалъ шумъ на улицѣ, и изъ любопытства побѣжалъ посмотрѣть, что тамъ такое. Всего шумнѣе было на площади и около заставы. Тамъ были баррикады противъ иностранныхъ войскъ, и такъ какъ я ничего подобнаго не видалъ, то и побѣжалъ посмотрѣть, какъ они сдѣланы. Тогда я увидѣлъ этого господина внизу съ бунтовщиками, видѣлъ, какъ онъ распоряжался, и слышалъ, какъ онъ говорилъ, что когда придетъ непріятель, надо держать ружья ниже, чтобы выстрѣлы попадали въ грудь.

— Странно! проговорилъ Фюреръ.—Все это вы видѣли и слышали, и вы не полагаете, что вы ошиблись, что вы перемѣшали лица?

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Биллингеръ, злобно искоса посмотрѣвъ на Фридриха.—Я знаю васъ, господинъ профессоръ, и видѣлъ именно васъ.

— Тѣмъ не менѣе это странно, снова началъ Фюреръ.— Если я не ошибаюсь, то я встрѣтилъ васъ при первомъ возстаніи, и мнѣ удалось тогда освободить васъ изъ рукъ разъяреннаго народа, который, кажется, открылъ въ васъ шпіона. Но такъ какъ вы такъ точно дѣлаете показанія, то, вѣроятно, вы стояли очень близко около баррикады.

— Конечно, конечно, вскричалъ сконфузившійся свидѣтель. — Такъ близко, что чуть не доставалъ васъ руками. Если бы вы обернулись, то навѣрное бы замѣтили меня.

— Право я удивляюсь, что не замѣтилъ васъ, сказалъ Фридрихъ, пристально смотря на свидѣтеля, который совершенно смѣшался, замѣтивъ, что Фюреръ соглашался съ его разсказомъ. — И все-таки мнѣ кажется, что могла быть ошибка. Почему же вы узнали меня?

— Почему? со смѣхомъ спросилъ Биллингеръ.—По всему! Вѣдь я часто видѣлъ васъ! Но больше всего по вашему свѣтлому пальто, такъ и выдававшемуся въ толпѣ.

— Такъ? сказалъ Фюреръ, гордо поднявшись и подойдя къ столу.—Этимъ, милостивый государь, можно опровергнуть свидѣтеля и его показаніе.

— Какъ такъ? спросилъ Веберъ съ удивленіемъ, не понимая въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

— Свидѣтель, продолжалъ Фюреръ съ торжественнымъ спокойствіемъ, — узналъ меня по этому свѣтлому пальто. Вы сами арестовали меня, милостивый государь, и должны знать, что я былъ съ головы до ногъ въ черномъ, вы сами привезли меня въ моемъ черномъ платьѣ сюда. Здѣсь всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ невозможно; свѣтлое же пальто, въ которомъ я, говорятъ, былъ на баррикадахъ, выдано мнѣ изъ стараго платья господина коменданта на время, для того, чтобы я не являлся къ вамъ въ острожномъ платьѣ.

Судья не могъ ничего отвѣтить; онъ измѣнился въ лицѣ, а свидѣтель началъ дрожать такъ, что ему пришлось держаться за столъ.

— Могу я идти? сказалъ онъ, въ то время, какъ перо писаря снова заскрипѣло. Судья молча кивнулъ ему.

— Меня, вѣроятно, тоже болѣе не надо, вскричалъ Фюреръ, выпрямляясь во весь ростъ. — Послѣ такихъ показаній, вѣроятно, вамъ не о чемъ болѣе меня спрашивать; я же скажу вамъ: къ чему прикрывать насиліе, совершаемое надо мною, законной формой? Вы совершаете насиліе, вопіющую несправедливость. Если у васъ достаетъ на это совѣсти, то будьте, по крайней мѣрѣ, на столько честны, чтобы сознаться въ этомъ.

Судья зашевелилъ губами, но не произнесъ ни слова; появленіе фонъ-Овербергена, просунувшаго голову, не постучавъ предварительно, показалось ему появленіемъ ангела.

— Я слышу, началъ онъ, кланяясь изысканно любезно,—что вы бесѣдуете съ господиномъ министромъ. Вы знаете, что мнѣ надо тоже поговорить съ нимъ. Можетъ быть, вамъ будетъ возможно оставить меня съ нимъ съ глазу на глазъ?

Судья, обрадованный, что можетъ отдѣлаться, вскочилъ со стула и крикнулъ писарю:

— Узнайте, Клеманъ, что слышно о бѣжавшей Селиціи Вилль. Я тоже посмотрю, что сдѣлалъ господинъ комендантъ. Подсудимый Фюреръ—въ вашемъ распоряженіи, сказалъ онъ, обращаясь къ Овербергену.—Я желаю только, чтобы ваши слова лучше подѣйствовали на его закоренѣлую душу, чѣмъ мои.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, сказалъ Овербергенъ, подходя развязно къ Фридриху и протягивая ему руку.—Во всякомъ слу-

Digitized by Google

чаѣ, я намѣренъ говорить такимъ тономъ, который убѣдилъ бы этого человѣка, что съ нимъ говоритъ другъ.

— Другъ, сударь? отвѣчалъ Фюреръ, отступая назадъ и не дотрогиваясь до протянутой руки. — Признаюсь, это открытіе удивляетъ меня еще болѣе, чѣмъ открытіе только-что сдѣланное господиномъ судьей. Должно быть, вы очень дурного мнѣнія о моихъ умственныхъ способностяхъ и моей дѣятельности, какъ государственнаго человѣка, если желаете увѣрить меня въ дружбѣ человѣка, котораго я знаю какъ своего заклятаго и опаснѣйшаго врага.

— Тѣмъ не менѣе я считаю возможнымъ убѣдить васъ въ этомъ, снова началъ Овербергенъ.—Я врагъ принциповъ, которые вы защищаете и осуществляете, но развѣ вслѣдствіе этого я не могу быть другомъ человѣка, защищающаго эти принципы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фридрихъ. — По крайней мѣрѣ по моимъ понятіямъ человѣкъ и принципы его составляютъ одно цѣлое, и отдѣлить ихъ нельзя, какъ зерно и оболочку.

Овербергенъ посмотрѣлъ на него, покачавъ головою и съ улыбкою, въ которой смѣшивались и состраданіе, и удивленіе.

— Молодой человѣкъ, вскричалъ онъ;—кому вы это говорите? Неужели вы дѣйствительно живете въ мірѣ фантазій? Я знаю, что люди, которые могутъ жить въ этомъ мірѣ, не всегда несчастливы; но если міръ фантазій и хорошъ, то онъ все-таки не болѣе, какъ міръ фантазій, а то, о чемъ вы сейчасъ говорили, судя по ежедневному опыту, только прекрасный обманъ! Человѣкъ смертенъ и потому перемѣнчивъ. Наука доказываетъ вамъ, что физическое состояніе ваше можетъ измѣняться каждую минуту, слѣдовательно вы хотите признать неизмѣняемыми только духовныя способности? Я, съ своей стороны, давно уже не вѣрю въ вѣрность убѣжденіямъ, потому что не вѣрю болѣе въ самое убѣжденіе. Я слишкомъ часто испыталъ въ жизни, что всѣ, такъ называемыя, святыя убѣжденія весьма недолговѣчны, люди мѣняютъ ихъ безпрестанно, старое бросаютъ, какъ негодную ветошь, а новое возводятъ опять въ святое убѣжденіе, которое снова бросаютъ и такъ далѣе.

— Я вовсе не намѣренъ, отвѣчалъ Фюреръ,—вступать съ вами въ споръ, сударь. Тутъ не мѣсто высказывать общія убѣжденія. Я остаюсь при своихъ; если вы желаете говорить со мною въ этомъ

Digitized by Google

духѣ, то прошу васъ, избавить себя отъ лишняго труда, такъ какъ онъ совершенно безполезенъ.

— Къ чему эта рѣзкость? вскричалъ Овербергенъ, съ притворнымъ жаромъ.—Я тоже не намѣренъ вступать съ вами въ споръ о принципахъ; намъ обоимъ не достало бы на это времени. Но мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, какъ съ государственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумнымъ человѣкомъ, который, вѣроятно, не задаетъ себѣ задачи, втайнѣ причисляемой имъ къ вещамъ невозможнымъ.

— Развѣ вы считаете, спросилъ Фюреръ,—выполненіе моей задачи невозможнымъ.

— Да, твердо отвѣчалъ Овербергенъ.—Я не хочу, какъ сказалъ, спорить съ вами, я даже соглашусь, что принципы ваши, въ нѣкоторомъ отношеніи, благородны, намѣренія ваши честны, что вы хотѣли дѣлать добро, но почему же мнѣ не говорить съ вами откровенно? Вы дѣйствуете противъ невидимой силы, которая не желаетъ, чтобы принципы ваши были господствующими, чтобы добро, которое вы дѣлаете, было сдѣлано по вашему и вами! Сила эта сама хочетъ создать его, хочетъ создать въ своемъ духѣ, въ великомъ всеобъемлющемъ духѣ мірового господства, и эта сила теперь почти-что непреодолима, она скоро, открыто и тайно, приберетъ все къ рукамъ, а если ей это не удастся, то все-таки она имѣетъ возможность ваше дѣло, и дѣло вашихъ сообщниковъ во всякое время уничтожить, или отодвинуть на десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, вы боретесь напрасно и должны сознаться въ этомъ. Поэтому не противорѣчьте себѣ и бросьте ненужную борьбу.

— Не медля, лишь только вы докажете мнѣ, что она—дѣйствительно ненужная, и что побѣда, во всякомъ случаѣ, будетъ на вашей сторонѣ.

— Я докажу это безъ всякаго затрудненія. Вы и люди, мыслящіе одинаково съ вами, имѣли всегда примѣры передъ глазами. Всегда бывали люди, опережавшіе свое время, боровшіеся за своихъ современниковъ, но всегда они погибали, и то, что они создавали, распадалось вмѣстѣ съ ними или вскорѣ послѣ нихъ. Это потому, что люди эти единичны, потому, что каждый изъ нихъ борется и страдаетъ въ данное время только за себя, и потому, что каждый

Digitized by Google

долженъ начинать старое дѣло почти съ начала. Мы уже много столѣтій стоимъ тѣсно связаннымъ обществомъ противъ этихъ стремленій, обществомъ, въ которомъ одно лицо ничего не значитъ, а значитъ дѣло. Каждый вершокъ, что открыто мы принуждены уступить, втайнѣ мы пріобрѣтаемъ втройнѣ. Разсчетъ ясенъ, а побѣда составляетъ только вопросъ времени, времени же у насъ довольно, такъ какъ мы создаемъ въ вѣчности. Вы молчите? Вамъ нечего отвѣчать на это?

— Нечего, серьезно возразилъ Фридрихъ; — кромѣ того, что было бы весьма грустно, если бы вы были правы; весьма грустно, потому что тогда не стоило бы жить, даже не стоило бы начинать жить.

— Это отчего? съ жаромъ вскричалъ Овербергенъ. — Преодолѣйте себя хоть на одну минуту, хоть ради опыта, станьте на нашу точку зрѣнія, и жизнь немедленно представится вамъ въ совершенно другомъ, въ единственно истинномъ свѣтѣ! Вы увидите предъ собою необъятное поле неограниченной дѣятельности, вы усмотрите возможность осуществить всѣ свои прекрасныя мечты и идеалы, конечно въ иномъ духѣ и по другимъ планамъ, но въ сущности это будутъ тѣ же идеалы! Не думайте, что отъ васъ потребуется внезапный поворотъ, что вамъ посовѣтуютъ внезапно измѣнить своимъ убѣжденіямъ, отказаться отъ своего кружка. Для насъ совершенно достаточно, если вы не будете противъ насъ. Удержитесь отъ борьбы, если вы не можете быть нашимъ! Придетъ время, когда замѣчательныя силы, дарованныя вамъ небомъ, принесутъ свои плоды.

— Вы теряете и время, и слова, сказалъ Фюреръ вставая.— Я во всю свою жизнь старался быть тѣмъ, чѣмъ выказывалъ себя. По вашему мнѣнію, мнѣ надо было выучиться казаться другимъ, чѣмъ я есть на самомъ дѣлѣ; это избавляетъ меня отъ отвѣта. Я не служу лжи, ни открытой, ни тайной. Если же справедливо то, что вы утверждаете, продолжалъ онъ все съ большимъ и большимъ жаромъ,—если ваша партія увѣрена въ окончательной побѣдѣ, то мы должны стараться какъ можно болѣе затруднить для васъ эту побѣду, и мнѣ кажется, что каждая минута задержки не дорого оплачивается жизнью и силою тысячи людей, подобныхъ мнѣ.

Digitized by Google

Овербергенъ посмотрѣлъ на него спокойно и пристально.

— Вы упрямѣе, чѣмъ я думалъ, сказалъ онъ, пожимая плечами. — При такихъ обстоятельствахъ у меня пропадаетъ надежда склонить васъ на другое предложеніе, зачѣмъ собственно я и пріѣхалъ сюда. Все, что я говорилъ вамъ до сихъ поръ, говорилъ вслѣдствіе личнаго моего участія къ вамъ...

— Послушаемъ!

— Вы конечно поймете, продолжалъ онъ, подходя ближе,—что я, говоря съ вами съ глазу на глазъ, не стану увѣрять васъ, что эта слѣдственная комедія съ вами можетъ назваться правосудіемъ— тутъ не можетъ быть рѣчи о законности и правѣ. Все, что совершилось и должно было совершиться, можетъ, къ сожалѣнію, быть оправдано только неизбѣжными мѣрами необходимости. Я посланъ къ вамъ, чтобы уговорить васъ дать объясненіе.

— Объясненіе?

— Или обѣщаніе, если вамъ угодно. Нѣкоторымъ личностямъ очень не нравятся причины разрыва вашихъ отношеній съ его высочествомъ герцогомъ. Личности эти желали бы прикрыть полнѣйшей тайной это прошедшее.

— Врядъ ли это возможно, отвѣчалъ Фюреръ.—Сколько мнѣ извѣстно, тайна эта уже достаточно распространена, и конечно не мною, такъ какъ я, по обстоятельствамъ, близко меня касающимся, самъ не желалъ бы распространенія ея.

— Все, что до сихъ поръ говорилось объ этомъ дѣлѣ, продолжалъ Овербергенъ,—было просто болтовней, которая тотчасъ же прекратится, когда будутъ приняты надлежащія мѣры, и когда будетъ пущено въ ходъ положительное разъясненіе, которое должно гласить, что причиною разрыва были однѣ только политическія причины. Дайте намъ обѣщаніе, что вы объясните отставку свою своему кружку именно такъ, и никогда не скажете ничего другого.

Фридрихъ стоялъ съ минуту въ раздумьѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ;—я хотя охотно готовъ молчать обо всемъ этомъ дѣлѣ, но я не знаю, какія могутъ встрѣтиться обстоятельства, когда честь моя потребуетъ, чтобы я не скрывалъ истины. Поэтому, я не могу связать себя никакимъ объясненіемъ

Digitized by Google

и требуемымъ обѣщаніемъ; я не служу ни открытой, ни тайной лжи.

— Подумайте хорошенько! настаивалъ Овербергенъ. — Чтобы рѣшиться на это, надо бы вамъ предварительно спросить какой цѣной....

— Никакой! съ жаромъ вскричалъ Фридрихъ.

— Никакой? Это смѣлое слово, сударь. Противъ васъ дѣйствуютъ рѣшительно, такъ рѣшительно, что для васъ остается только одинъ выходъ: исполнить наше требованіе. Если же вы не захотите говорить такъ, какъ того требуютъ отъ васъ, если вы не захотите молчать о томъ, чего желаютъ скрыть, тогда извѣстныя личности будутъ принуждены подумать о средствахъ лишить васъ возможности говорить.

— Понимаю, серьезно сказалъ Фюреръ.—Меня хотятъ похоронить въ вѣчное заключеніе. Я ждалъ того, и старался сдружиться съ этой мыслью, такъ что исполненіе ея не поразитъ меня.

— Вы можете ошибаться, заговорилъ Овербергенъ. — Запоры и замки ненадежные союзники. Есть другое средство, дѣйствующее вѣрнѣе и неизмѣннѣе.

— Можетъ ли это быть? въ волненіи вскричалъ Фюреръ.—Неужели думаютъ о моей смерти? Неужели дѣйствительно рѣшаются идти такъ далеко? Этого я никакъ не ожидалъ; я не думалъ, что жизнь моя кончится такъ скоро и такимъ образомъ! Но чего мнѣ ждать еще отъ жизни? То, что слѣдовало сдѣлать, я сдѣлалъ, я никого не оставляю за собою, кого бы поразила моя смерть. Дѣлайте, что считаете нужнымъ. Я остаюсь при своемъ рѣшеніи; исполняйте свое!

— Мы исполнимъ, вскричалъ Овербергенъ серьезно и торжественно. — Не обманывайте себя относительно этого! Мы возмемъ свое.

Онъ изчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ тюремщикъ, чтобы увести Фюрера въ казематъ.

Между тѣмъ комендантъ и сопровождавшіе его солдаты осмотрѣли нижнія комнаты крѣпости и казематы, гдѣ содержалась Сецилія Вилль, и скоро нашли, что бѣгство только и могло быть совершено черезъ канаву. Генералъ разразился бранью на непо-

Digitized by Google

нятное нерадѣніе, что двери зданія не запирались; онъ отдалъ приказъ тотчасъ же запереть все, и не ушелъ съ мѣста до тѣхъ поръ, пока въ его присутствіи слесарь не сдѣлалъ пробоя и не повѣсилъ тяжелаго висячаго замка. Ключъ онъ передалъ смотрителю.

— Смотри хорошенько за ключомъ! сказалъ онъ. — Тебѣ онъ порученъ, ты и долженъ заботиться и беречь его. На этотъ разъ я не стану ужь разбирать, виноватъ ли ты въ бѣгствѣ, но говорю тебѣ, если когда нибудь нѣчто подобное случится, то конецъ тебѣ, хотя бы мнѣ самому пришлось проткнуть тебя шпагой.

Гнѣвъ генерала нѣсколько смягчился при извѣстіи, что бѣглецы найдены. Караулъ замѣтилъ сразу двѣ человѣческія фигуры въ болотѣ и далъ объ этомъ знать; нѣсколько солдатъ отправились на то мѣсто, и привезли на саночкахъ бѣглецовъ, полумертвыхъ отъ голода. Генералъ входилъ во дворъ именно въ ту минуту, когда ихъ привезли.

— Такъ дѣйствительно, все это устроилъ мальчикъ, сказалъ онъ. — Ну за это я влѣплю ему такую память, что онъ никогда не забудетъ ее. Что съ ними? обратился онъ къ пришедшему гарнизонному врачу.—Употребите всѣ средства привести ихъ въ чувство, для того, чтобы они получше почувствовали ожидающее ихъ наказаніе!

Врачъ, пожилой человѣкъ, съ серьезнымъ, почтеннымъ лицомъ и почти совершенно лысой головой, спокойно взялъ руку Цилли, и приложилъ ухо къ ея груди, чтобы послушать біеніе сердца. Ричарда онъ осматривалъ еще менѣе. Онъ развязалъ ему галстукъ и натеръ ему своимъ сюртукомъ виски и грудь.

— Съ женщиной мнѣ больше нечего дѣлать, сказалъ онъ; — она умерла. Я попробую сдѣлать, что могу, но знаю напередъ, что это напрасно. Мальчика же спасла его молодость. Сердце еще бьется; надо успокоить и согрѣть его, и онъ поправится.

Дѣйствительно Ричардъ, когда его стали оттирать, пришелъ скоро въ себя, онъ осмотрѣлся и увидавъ мать, бросился къ ней, и закричалъ:

— Матушка! матушка! Вотъ мы опять въ твоей тюрьмѣ, все было напрасно!

— Ахъ онъ негодяй! крикнулъ генералъ. — Да онъ говоритъ

Digitized by Google

совершенно хорошо, и представился нѣмымъ, только для того, чтобы пробраться сюда и помочь ей бѣжать. Но теперь я дамъ ему почувствовать, что онъ сдѣлалъ. Палки покажутъ ему, что значитъ шутить съ нами!

Солдаты стояли и не смѣли пошевелиться при видѣ покойницы.

— Ну! крикнулъ генералъ, сверкая глазами,—что же вы осовѣли или нужно приказывать вамъ еще разъ?

Солдаты хотѣли взять Ричарда, уцѣпившагося за трупъ матери, когда подошла жена смотрителя и проговорила:

— Ваше превосходительство, вѣроятно, не слыхали, что онъ сказалъ. Вѣдь это его мать, онъ сдѣлалъ все для нея.

Генералъ гнѣвно обернулся къ ней, но потомъ подумалъ и сказалъ:

— Мать! Ну если мать, такъ оставьте его. Снесите тѣло въ часовню, или въ лазаретъ, если господинъ докторъ хочетъ попробовать привести ее въ чувство! Мальчика стерегите. Онъ хитеръ и смѣлъ. Изъ него выйдетъ славный солдатъ, пусть будетъ барабанщикомъ. Ну, теперь не возражать, чтобы я не отступился отъ своихъ словъ.

Молча и скоро были исполнены эти приказанія. Присутствующіе разошлись и дворъ вскорѣ опустѣлъ.

Остались только въ дверяхъ конюшни хромоногій конюхъ въ мѣховой шапкѣ и кучеръ, который привезъ въ крѣпость судью, и вели между собой оживленный разговоръ.

— Удивительно, сказалъ конюхъ смотря на кучера и выколачивая попону,—едва можно повѣрить, что это вы, господинъ докторъ, какъ вы перемѣнились. Если бы я не зналъ, что это именно вы, то я принялъ бы васъ за настоящаго кучера.

— Хорошо, смѣясь отвѣчалъ кучеръ,—когда въ жизни учишься всякому дѣлу; вѣдь впередъ не знаешь гдѣ придется примѣнять знаніе. Когда я узналъ, что сюда посылается комиссія, я тотчасъ же бросился къ извозчику, у котораго должны были нанять лошадей, онъ меня принялъ въ кучера, ничего не подозрѣвая, и послалъ сюда.

— Слава Богу, и я тоже, сказалъ конюхъ. — Въ то время, какъ они посылаютъ объявленія о старомъ Виндрейтерѣ во всѣ

Digitized by Google

концы свѣта, и такъ подробно описываютъ его, что его узнать можетъ даже ребенокъ, я живу тутъ у нихъ подъ носомъ; они не обращаютъ на меня вниманія, а я-то между тѣмъ обдѣлалъ все, что мнѣ нужно. Я знаю, гдѣ комната господина профессора, мы проходили мимо нея. Она въ нижнемъ коридорѣ, третья съ лѣвой стороны, а какъ въ нее войти, путь показалъ намъ мальчикъ; но только теперь вотъ виситъ у дверей проклятый замокъ.

— Надо добыть къ нему ключъ, сказалъ Ридль. — Ужь объ этомъ я позабочусь! Судья хочетъ сегодня же вернуться въ столицу; слѣдовательно мнѣ надо ѣхать съ нимъ. Но дня черезъ два, я опять вернусь, или дамъ вамъ знать о себѣ. А до тѣхъ поръ держите ухо востро и не забудьте нашъ пароль! Онъ прежній: пора сдернуть подкову у лошади!

— Помню, сказалъ старикъ, оборачиваясь, и продолжалъ тихо:— вотъ идетъ негодяй, котораго они привезли съ собой, чтобы онъ былъ ложнымъ свидѣтелемъ. Если бы я могъ излить на него свою злобу, какъ вотъ на эту попону!

Кучеръ вошелъ развязно въ конюшню. Конюхъ же такъ усердно сталъ вытряхать попону, что Биллингеръ отпрыгнулъ въ сторону, чтобы его не задѣли.

— Господинъ судья желаетъ ѣхать сейчасъ же, крикнулъ онъ издали.—Скажи кучеру, чтобы онъ запрягалъ лошадей!

Старикъ Виндрейтеръ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ выбивать попону. Биллингеръ, думая, что онъ не слышалъ, подошелъ поближе, и тотчасъ же получилъ два порядочные удара.

— Чортъ бы тебя побралъ, крикнулъ онъ, отскочивъ; — будь осторожнѣе! Вѣдь ты попалъ не по попонѣ, а по мнѣ.

— Ну что за важность! проворчалъ старикъ. — Вѣдь я слышалъ, что вы сказали, и велю закладывать. А если не хотите, чтобы я попадалъ въ васъ, такъ отходите дальше!

Digitized by Google

III.

Бѣгство.

Въ покояхъ герцогини-бабки господствовалъ полумракъ. Она велѣла еще плотнѣе завѣсить и безъ того уже завѣшанныя окна, такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ состояніе ея зрѣнія очень ухудшилось. Она сидѣла на креслѣ и откинула назадъ утомленную и пылавшую голову. Примитива клала компрессы на глаза и лобъ больной. Лейбъ-медикъ стоялъ почтительно около старухи и держалъ ее за руку, внимательно считая пульсъ.

— Я могу только посовѣтовать вашему высочеству полнѣйшій покой, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Покой и единственно только покой въ состояніи устранить волненіе и раздраженіе вашихъ головныхъ нервовъ.

— Нѣтъ, съ неудовольствіемъ проговорила герцогиня. —Сколько разъ повторять мнѣ вамъ, что у меня страдаетъ не голова, а глаза! И вы должны помочь мнѣ отъ глазной боли!

— Повѣрьте мнѣ, ваше высочество, хладнокровно сказалъ докторъ.—Если же вы сомнѣваетесь во мнѣ, то позвольте осмотрѣть ваши глаза, и снять хоть на минуту повязку! Это необходимо, если...

— Снять повязку? вскричала она, привставъ и отстранивъ руку доктора. — Для того, чтобы свѣтъ еще ужаснѣе проникъ во мнѣ въ глаза? Они гораздо болѣе болятъ, и стали гораздо чувствительнѣе, чѣмъ были прежде. Каждый лучъ свѣта проникаетъ какъ уколъ мнѣ въ глаза и въ мозгъ! Иногда мнѣ даже кажется, что я вижу лучше. Темная ночь, окружавшая меня столько лѣтъ, точно будто бы стала свѣтлѣть; мнѣ кажется, я вижу море крови или какое-то красное зарево...

Она не договорила и, задрожавъ отъ страха, опять откинулась на спинку кресла.

— Тѣмъ не менѣе я остаюсь при своемъ, снова началъ докторъ. — Мѣстное раздраженіе глазъ, на которое ваше высочество

Digitized by Google

жалуетесь, весьма скоро пройдетъ отъ компресовъ, но совершенно оно уничтожится только тогда, когда ваше высочество сами будете покойны. Волненіе и напряженіе послѣднихъ дней слишкомъ разстроили васъ. Голова ваша страдаетъ, и вслѣдствіе этого страдаютъ уже и безъ того больные глаза.

— Спокойствіе? со вздохомъ проговорила герцогиня, помолчавъ немного.—Можетъ быть, вы правы, докторъ. Въ это время мнѣ пришлось много думать и много работать. Требуется сильное напряженіе, когда ничего нельзя высказывать, а все надо затаивать въ душѣ. Я исполню ваше желаніе и буду покойна. Герцогъ Феликсъ вернется сегодня; можетъ быть, въ настоящую минуту онъ уже и вернулся! Я послушаюсь васъ, докторъ, и съ сегодняшняго дня успокоюсь. Проводите доктора, фрейленъ фонъ Фалькенгофъ—ахъ, нѣтъ госпожа фонъ-Шроффенштейнъ! продолжала она, обращаясь къ Примитивѣ;—и посмотрите въ тоже время, кто тамъ въ пріемной, и скажите, что я не принимаю никого, кромѣ его высочества герцога.

Примитива молча отправилась. Герцогиня, точно мертвая, опрокинулась въ креслѣ, только губы ея шевелились, и рука ухватилась подъ мантильей за снурокъ, на которомъ висѣлъ крестъ; она вытащила его и поспѣшно приложила къ губамъ.

— Графъ Шроффенштейнъ дожидается тамъ, доложила, возвратясь, Примитива; — онъ пришелъ по дѣламъ, извѣстнымъ вашему высочеству и требующимъ немедленнаго исполненія. Онъ проситъ бумаги, принесенныя для подписи вашего высочества.

— Новый министръ слишкомъ ревностенъ, прошептала герцогиня; — но онъ совершенно правъ; онъ, вѣроятно, думаетъ, что только сдѣланнаго не воротишь. Онъ проситъ приговоры надъ нѣкоторыми изъ бунтовщиковъ, продолжала она, обращаясь къ Примитивѣ; — ихъ надо еще подписать. Я почти забыла объ нихъ. Нѣтъ, впрочемъ, не забыла; я сознаюсь и себѣ и вамъ въ своей слабости, я откладывала ихъ, все надѣясь на пріѣздъ внука. Этого не удалось! Нечего дѣлать я подпишу. Пусть онъ не говоритъ, что я на половину исполняла взятую на себя обязанность. Пойдемте, милая Шроффенштейнъ, исполните еще разъ должность секретаря!

Digitized by Google

Подложите мнѣ бумаги, и проведите мою руку въ томъ мѣстѣ, гдѣ надо подписать!

Примитива подошла къ столу, гдѣ лежала кипа бумагъ.

— Вы дрожите, сказала герцогиня, когда Примитива взяла ея руку, чтобы водить ее, для подписи.—Отчего? Вѣроятно изъ участія къ преступникамъ, судьбу которыхъ я рѣшаю? Успокойтесь, моя милая, я выслушала подробную выписку изъ слѣдственнаго дѣла и все взвѣсила. Въ числѣ ихъ нѣтъ никого, кто бы не заслуживалъ ожидающей его участи, или даже гораздо худшаго. Тутъ дѣло идетъ не о рѣшеніи, а только о послѣдней формѣ, объ исполненіи давно рѣшеннаго и взвѣшеннаго.

— Тѣмъ не менѣе, ваше высочество сами считаете дѣло это печальнымъ...

— Да, отвѣчала герцогиня; — но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ. Я понимаю, что это волнуетъ васъ, продолжала она, твердо подписывая имя свое подъ бумагами. — Вы еще слишкомъ молоды для такихъ впечатлѣній; у васъ слишкомъ нѣжное сердце.

— Можетъ быть, серьезно отвѣчала Примитива; -- и я благодарю небо, что не моя рука пишетъ рѣшенія на этихъ несчастныхъ бумагахъ. Я не вынесла бы мысли, что между виновными можетъ оказаться хоть одинъ увлеченный, и что наказаніе коснется не однихъ ихъ, но и многихъ другихъ невинныхъ людей.

— Сами они навлекли на себя несчастіе! вскричала герцогиня, вспыхнувъ отъ гнѣва. — Въ душѣ всѣ они преступники, мысленно всѣ они измѣнники, всѣ заражены безбожными нововведеніями, но вы опять дрожите и сильнѣе прежняго. Право я велю и для васъ позвать доктора.

Герцогиня была права, замѣтивъ, что Примитива дрожитъ. Примитива, взявъ одну изъ бумагъ и пробѣжавъ ее глазами, поблѣднѣла и зашаталась, такъ что волненіе ея не укрылось даже отъ слѣпой.

— Простите меня, ваше высочество, сказала она, глухимъ голосомъ;—бумага, которая слѣдуетъ теперь къ подписи, заключаетъ въ себѣ смертный приговоръ.

— Я знаю, сказала герцогиня; — это единственный, котораго еще не достаетъ, единственный, который необходимо исполнить. Дайте

Digitized by Google

сюда! Судъ многихъ приговорилъ къ смерти, но я всѣхъ помиловала. Но гордый человѣкъ, который осмѣлился сдѣлать герцога игрушкой своихъ плановъ, который осмѣлился поднять руку свою противъ меня, долженъ изчезнуть изъ ряда живущихъ, и рука моя не дрогнетъ, подписывая его приговоръ.

Она подняла руку, чтобы быстро подписать, но остановилась, закрывъ лѣвой рукой лицо и больные глаза.

— Точно будто я слышу его голосъ, проговорила она. — Это умный человѣкъ, изъ него могло выйти нѣчто замѣчательное, если бы онъ правильно примѣнилъ свои способности. Если голова у него и испорчена, то въ сердцѣ есть здоровыя струны: онъ уважаетъ свою мать и любитъ ее.

— Матери его уже нѣтъ въ живыхъ, сказала Примитива. — Справедливая судьба избавила ее отъ несчастія пережить паденіе сына. Ваше высочество, можетъ быть, помните, что онъ былъ арестованъ у смертнаго одра матери.

— Да, да, я помню, вскричала герцогиня.—Онъ простеръ такъ далеко свою наглость; — даже тѣло его матери не было для него священно, и онъ употребилъ его, какъ ширмы для своихъ преступныхъ замысловъ.

— Ваше высочество, въ волненіи вскричала Примитива. — Это неправда; кто бы ни былъ сообщившій вамъ объ этомъ, онъ солгалъ. Фюреръ неспособенъ на такое нечестное дѣло!

— Почему вы это знаете? спросила герцогиня, повернувшись къ Примитивѣ, какъ будто желая разсмотрѣть выраженіе ея лица.— Впрочемъ, я вспоминаю, вы знали профессора; по какому случаю вы были съ нимъ знакомы?

— Это было давно, ваше высочество, отвѣчала Примитива. — Онъ былъ товарищемъ моего покойнаго брата, и отчасти моимъ, такъ какъ я воспитывалась вмѣстѣ съ братомъ.

— Такъ? начала герцогиня.—Теперь я вполнѣ понимаю, какъ должно быть вамъ тяжело, что именно вы руководите рукою, подписывающей его смертный приговоръ. Несмотря на свою молодость, вы узнаете теперь, что нельзя довѣрять людямъ. То, что я говорила вамъ, вполнѣ доказано неоспоримыми фактами — мнѣ жаль, что я разрушаю вѣру вашу въ друга дѣтства! Онъ и васъ обма-

Digitized by Google

нулъ ложнымъ блескомъ—говорю вамъ, всѣ люди коварны. Грѣхъ поглощаетъ благороднѣйшіе зачатки, и одно только можетъ уберечь растеніе—это опора вѣры. Несчастный, о которомъ мы говоримъ, сдѣлался тоже жертвою новой философіи. Я подписываю приговоръ его съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, потому что знаю, что мать его избавлена отъ несчастія узнать, какъ далеко зашелъ ея сынъ. Какой былъ бы для нея ударъ, если бы она была жива, узнавъ, что сынъ ея долженъ умереть смертью преступника! Дайте сюда приговоръ!

— Ваше высочество, сказала Примитива дрожащимъ голосомъ;— всѣ другіе приговоры поправимы, слово герцога можетъ снова открыть тюрьмы, можетъ возвратить потерянную честь—только этотъ непоправимъ, этотъ, однимъ взмахомъ пера, отнимаетъ то, чего никакая власть на землѣ возвратить не можетъ! Всюду вы оказывали милость; окажите ее и здѣсь, предоставьте, по крайней мѣрѣ, какой нибудь выходъ!

— Я хотѣла сдѣлать это, строго проговорила герцогиня. — Я предоставила судьбу его на его собственное рѣшеніе, онъ все отвергъ. Дайте приговоръ! Кровь его падетъ на него самого!

Примитива не знала, на что рѣшиться. Глаза ея твердо смотрѣли въ лицо слѣпой, какъ будто желая убѣдиться, что она не сочувствуетъ тому, что только-что высказала. Потомъ она подняла руку, чтобы подложить для подписи смертный приговоръ, но вмѣсто этого, сама не помня, что дѣлаетъ, отложила его въ сторону, и вмѣсто него подложила листъ чистой бумаги.

Герцогиня твердо подписала на немъ свое имя.

— Что кончили мы? спросила она помолчавъ немного. — Такъ возмите бумаги и отдайте ихъ Шроффенштейну. Теперь его дѣло приступить къ скорѣйшему ихъ исполненію. Да позвоните, чтобы пришла Сибилла, и оставьте меня одну!

Примитива взяла герцогиню за руку и наклонилась къ ней.

— А мою-то просьбу ваше высочество? сказала она.

— Какъ? спросила герцогиня, поспѣшно оборачиваясь.—Послѣ всего, что я сказала вамъ, я думала, что вы не будете болѣе безпокоить меня вашей просьбой.

— Мнѣ надо, ваше высочество, спокойно отвѣчала Примитива,—

Digitized by Google

мнѣ надо болѣе чѣмъ прежде. Вамъ, герцогиня, извѣстно, что недавно скончался отецъ мой. Смерть точно также похитила моего мужа. Дѣла требуютъ моего личнаго присутствія въ моихъ помѣстьяхъ.

— Все это можете вы обдѣлать черезъ управляющаго и черезъ вашихъ людей. Мнѣ не хотѣлось бы отпускать васъ, я слишкомъ привыкла къ вамъ.

— Я очень счастлива, отвѣчала Примитива,—слыша отъ васъ, что вы довольны моей службой, но не могу болѣе пользоваться вашими милостями. Я столько пережила въ послѣднее время, что по состоянію здоровья не могу болѣе оставаться при дворѣ.

— Вы говорили, что хотите уѣхать въ южную Францію, гдѣ у васъ есть родственники—такъ это? Вы хотѣли поступить въ монастырь? Я далека, чтобы порицать такое богоугодное дѣло, но вѣдь, вамъ спѣшить нечего. У васъ еще довольно жизни впереди, мнѣ же жить осталось не долго, и вы могли бы подождать до моего конца.

— Къ сожалѣнію, это невозможно, твердо сказала Примитива.— Я уже всѣмъ распорядилась. Я не могу болѣе оставаться, хотя бы и хотѣла того, да и никогда болѣе не вернусь сюда. Позвольте, ваше высочество, поблагодарить васъ за всѣ ваши милости и откланяться вамъ.

— Какъ понять мнѣ васъ? сказала герцогиня, подумавъ немного.—Вы говорите загадками, и слова ваши прикрываютъ тайну. Вы хотите обмануть меня! Не пережитое вами заставляетъ васъ уйти отъ меня, но есть болѣе близкая, личная причина, вы...

— Я всегда была откровенна, сказала Примитива;—и теперь не измѣню себѣ, и скажу вашему высочеству, что я задала себѣ великую, опасную задачу. Мнѣ надо исполнить ее, а для этого я готова пожертвовать всѣмъ и собою. Въ моемъ будущемъ уединеніи я буду жить воспоминаніемъ этой задачи, если она удастся, или скорбью, если она не удастся.

— И я не могу узнать, что вы затѣваете? снова спросила герцогиня. — Я думаю, что если вы утаиваете ее отъ меня, то это только потому, что ваша задача заключаетъ въ себѣ что нибудь неправое и нечестное. Посовѣтовались ли вы съ своею совѣстью? Не говоритъ ли что нибудь въ васъ, что удерживало бы васъ на этомъ пути?

Digitized by Google

— Нѣтъ, ваше высочество, совѣсть моя велитъ мнѣ дѣйствовать такъ, и я рѣшилась.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сказала герцогиня,—я не буду болѣе удерживать васъ, идите съ Богомъ. Втеченіе столькихъ лѣтъ заботъ вашихъ обо мнѣ, я привыкла къ вамъ; вы болѣе всѣхъ другихъ моихъ дамъ нравились мнѣ, потому что у васъ теплое, мягкое сердце; хотя я иногда ворчала на васъ, все-таки я любила васъ. Отправляйтесь съ Богомъ! продолжала она, колеблясь между гордостью и привязанностью.—Мнѣ будетъ васъ недоставать. Но, можетъ быть, вы одумаетесь и вернетесь къ намъ. Вотъ, поцѣлуйте мою руку. Вѣдь я ваша герцогиня и повелительница.

Примитива взяла ея руку и наклонилась.

— Ну? вскричала герцогиня. — Вѣдь вы часто цѣловали мнѣ руку! На прощаньи вы колеблетесь.

Примитива наклонилась къ рукѣ очень низко; и, казалось хотѣла уже поцѣловать ее, но пораженная какой-то непріятной мыслью она оставила руку, и выпрямилась.

— Ну? сказала герцогиня, голосомъ, выражавшимъ все, чего не могли выразить ея потухшіе глаза.

— На вашей рукѣ кровь, ваше высочество, сказала Примитива.—Я не могу ее поцѣловать.

Съ низкимъ поклономъ вышла она изъ комнаты, куда въ то же время въ другую дверь вошла каммерфрау.

— Если такъ? прошептала герцогиня, повернувъ лицо въ ту сторону, куда удалилась Примитива.—Такъ отправляйся! Я и тебя причислю къ пропавшимъ, и не буду сожалѣть! Вѣдь я и прежде знала, что на людей нельзя положиться! Всѣ они шатки, всѣ слабы. — Ты тутъ, Сибилла? Проведи меня къ дивану! Я нравственно утомилась и хочу отдохнуть. Поденьщикъ, окончившій работу свою, можетъ отдохнуть, не такъ ли? Посмотрю, усну ли я? тогда это безпокойство въ сердцѣ и въ головѣ, по крайней мѣрѣ, прекратится, и я не буду его чувствовать. — Ахъ Сибилла, проговорила она со вздохомъ, тяжело опускаясь на диванъ,—часто тяжело бываетъ быть герцогиней.

Она легла и точно уснула въ то время, какъ каммерфрау по-

Digitized by Google

мѣстилась около нея; только руки старухи искали подъ мантильей крестика и сжимали его.

Министръ между тѣмъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по прихожей. Судья Веберъ нѣсколько разъ дѣлалъ попытку прервать его мысли и вступить съ нимъ въ разговоръ, но Шроффенштейнъ такъ былъ занятъ своими думами, что Веберу никакъ не удавалось заговорить съ нимъ.

— Опять цѣлые четверть часа, вскричалъ Шроффенштейнъ, услыхавъ въ залѣ бой часовъ.—Его высочество можетъ пріѣхать каждую минуту, а тутъ колеблются! Все будетъ на картѣ, когда пріѣдетъ герцогъ, если до его пріѣзда не рѣшится и не совершится все! Вы болѣе всего виновны, сказалъ онъ мимоходомъ судьѣ.—Вамъ надо было торопиться, а не замедлять ходъ дѣла разными побочными обстоятельствами! Прежде всего надо было произнести приговоръ экс-министру, всѣ другіе могли подождать.

— Увѣряю васъ, ваше сіятельство, сказалъ судья,—что я по возможности торопился. Я невиноватъ, что герцогиня присылала мнѣ приказанія черезъ важныхъ лицъ.

— Вы должны были бы слушать моихъ приказаній, вскричалъ Шроффенштейнъ,—и ни чьихъ болѣе! Вы должны были бы знать...

Онъ вдругъ замолчалъ, потому что дверь въ комнаты герцогини отворилась и изъ нея вышла Примитива.

— Наконецъ-то! вскричалъ Шроффенштейнъ.—Вы отъ ея высочества, милая дочка, какъ здоровье герцогини? Я вижу въ рукахъ вашихъ важныя бумаги, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта;—онѣ вѣроятно для меня.

— Да, едва внятно отвѣчала Примитива.

— Ну такъ давайте? Давайте скорѣе! Это послѣдніе приговоры надъ бунтовщиками недавняго возстанія; они вѣроятно подписаны. Слава тебѣ Господи! Наконецъ-то эта шайка будетъ уничтожена!

Примитива безсознательно позволила ему взять изъ рукъ ея бумаги.

— Позвольте, проговорилъ онъ—отдать мнѣ нѣкоторые приказанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ попросить васъ подождать минуту! Мнѣ надо поговорить съ вами. Вотъ, господинъ Веберъ, продолжалъ

Digitized by Google

онъ, обращаясь къ нему;—послѣдняя часть вашего порученія! Отправляйтесь сейчасъ же! Вотъ подписанные приговоры. Теперь постарайтесь, чтобы исполненіе ихъ не замедлилось ни на волосъ.

— Я поспѣшу, ваше сіятельство, тихо отвѣчалъ онъ; — надѣюсь, ваше сіятельство, что заслужу...

— Конечно, конечно, можете разсчитывать!

— Мѣсто предсѣдателя верховнаго суда теперь вакантно...

— Вы получите его, вскричалъ Шроффенштейнъ, похлопавъ его по плечу. — Летите! И возвращайтесь съ извѣстіемъ, что совершилось то, что должно было совершиться, и вы предсѣдатель!

Судья вышелъ сіяя отъ радости.

— Ну, ваше сіятельство, сказала Примитива;—вы желали...

— Да, да, дорогая дочка, вскричалъ министръ, быстро переходя къ нѣжному тону. — Я очень счастливъ, что вы съ такой готовностью исполняете мое желаніе, тѣмъ не менѣе мнѣ приходится жаловаться на вашу жестокость, такъ какъ вы не допускаете меня выпить чашу удовольствія, не подливъ туда нѣсколькихъ горькихъ капель.

— Гораздо лучше, отвѣчала Примитива, — вкушать немного горечи, сладкое портитъ желудокъ. Но, право, я не знаю, на чемъ основываете вы вашъ упрекъ?

— Вы еще можете спрашивать? вскричалъ Шроффенштейнъ.— Вы знаете, какія узы связываютъ насъ! Самыя тѣсныя! Вѣдь вы жена моего милаго, къ несчастію, такъ рано погибшаго сына, вы моя дорогая дочка, и у васъ для отца вашего не находится другого названія, кромѣ холоднаго „ваше сіятельство“.

— Я нахожу, холодно отвѣчала Примитива,—что названіе это вполнѣ согласуется съ нашими отношеніями. Но къ дѣлу. Что вамъ угодно?

— Ну, гнѣвно проговорилъ Шроффенштейнъ,—если вы непремѣнно хотите говорить со мною въ этомъ тонѣ, то и я могу отвѣчать вамъ въ такомъ же. Я желаю знать отъ васъ, подумали ли вы о предложеніи, что я сдѣлалъ вамъ, относительно вашего будущаго.

— Напрасный трудъ, сударь,—вы знаете мой отвѣтъ.

— Я не могу считать отвѣтъ этотъ рѣшительнымъ, потому что

Digitized by Google

вы недостаточно знаете обстоятельства дѣла, и недостаточно взвѣсили ихъ. Поэтому я еще разъ хотѣлъ напомнить вамъ, что я вамъ свекоръ, что я глава семейства, къ которому вы имѣете честь теперь принадлежать, и какъ глава имѣю право распоряжаться вашимъ будущимъ и вашимъ образомъ жизни.

— Прекратимте этотъ разговоръ! вскричала Примитива. — Я рѣшилась принадлежать вашему сыну. Причину этого знаю я, да Богъ. Небу неугодно было принять эту жертву, и оно разорвало мои цѣпи. Я опять свободна, и принадлежу только себѣ самой. Я одна могу распоряжаться своимъ будущимъ, а какъ я хочу имъ распоряжаться, я вамъ сказала.

— Вы, сударыня, забыли при этомъ только одно, злобно улыбаясь сказалъ Шроффенштейнъ.—Справьтесь съ законами страны, и вы узнаете, что въ интересахъ сословія, женщины дворянскаго рода зависятъ отъ мужчины. Я вашъ ближайшій родственникъ и покровитель, и долженъ наблюдать, какъ за вашими дѣлами, такъ и за вашей особой.

— Очень жалѣю, что не знала такого благодѣтельнаго закона, отвѣчала Примитива;—но рѣшеніе мое тѣмъ не менѣе твердо. Сдѣлать васъ распорядителемъ своихъ помѣстій, я, къ сожалѣнію, не могу, потому что воспользовалась представившимся мнѣ случаемъ сбыть все наслѣдство моего отца, и теперь у меня болѣе ничего нѣтъ. Нашъ родовой замокъ, гдѣ жилъ и умеръ мой отецъ, я оставила ради воспоминанія о немъ, но и тотъ я отдала въ распоряженіе своего племянника. Все мое состояніе заключается теперь въ бумагахъ, и я покидаю страну, гдѣ все напоминаетъ мнѣ о разныхъ грустныхъ событіяхъ, и переселяюсь въ болѣе отрадную мѣстность.

Министръ измѣнился въ лицѣ и съ трудомъ владѣлъ собою.

— Какъ? проговорилъ онъ.—Продали ваши помѣстья? Этого вы не можете, этого вы не смѣете! Такая продажа не имѣетъ силы безъ моего согласія. Я обращусь къ правосудію, и уничтожу ее.

— Какъ угодно, спокойно отвѣчала Примитива. — Я, между тѣмъ, тоже не перестану дѣйствовать, и за-границею буду ждать извѣстій отъ васъ.

— За-границей? злобно смѣясь проговорилъ Шроффенштейнъ.—

Digitized by Google

Вы ошибаетесь, графиня; очень можетъ случиться, что вамъ придется ждать рѣшенія гдѣ нибудь очень близко. Слава Богу, есть еще средство укрощать упрямыхъ женщинъ.

— Употребляйте эти средства, я не мѣшаю вамъ, отвѣчала Примитива.—Сколько я знаю, законы нашей страны не могутъ быть примѣнены къ моему положенію. Бракъ мой съ вашимъ сыномъ расторгнутъ вслѣдъ за вѣнчаніемъ, и имущество мое снова переходитъ ко мнѣ. Я не подписывала относительно васъ никакихъ условій, и врядъ ли правосудіе передастъ вамъ мое состояніе. Я не преступница. По какому же праву хотите вы удержать меня?

— По праву опекунства, въ ярости вскричалъ Шроффенштейнъ. — Неужели вы думаете, что не найдется врача, который призналъ бы всѣ бредни ваши за помѣшательство? Одумайтесь, сударыня. Въ тюрьмѣ удержать васъ я конечно не могу, но есть другія заведенія, которыя называются иначе, но могутъ служить для той же цѣли.

Лакей, стоявшій у входной двери, тихо отворилъ ее и проговорилъ входя въ комнату:

— Извините, если я помѣшалъ. Вотъ письмо къ графинѣ!

— Наконецъ-то! вскричала Примитива, взявъ у него изъ рукъ письмо, и пробѣжавъ его. — Дѣлайте все, что вамъ угодно! продолжала она, обращаясь къ Шроффенштейну.—Я на все готова. Я остаюсь при своемъ рѣшеніи. Бросьте ваши угрозы, они напрасны. Я уѣзжаю сегодня же, потому что получила отпускъ отъ ея высочества.

— Никогда! вскричалъ Шроффенштейнъ.—Хоть бы мнѣ пришлось силою удержать васъ.

Въ это время за дверями послышался шумъ; лакей, полуотворивъ ихъ, говорилъ какой-то дамѣ:

— Невозможно, сударыня, ея высочество нездоровы и никого не принимаютъ.

— Это такъ, сказалъ Шроффенштейнъ, подходя къ дамѣ, одѣтой въ черное и со спущенной вуалью на лицѣ.

— Да мнѣ надо къ герцогу, поспѣшно проговорила дама.

— Вы ошибаетесь, герцога нѣтъ въ городѣ.

Digitized by Google

— Онъ полчаса тому назадъ пріѣхалъ. Я сама видѣла, какъ онъ выходилъ изъ экипажа.

Графъ Шроффенштейнъ, услыхавъ о пріѣздѣ герцога, немедля вышелъ, но въ то же самое время другая дверь отворилась и въ комнату торопливыми шагами прошелъ герцогъ Феликсъ.

Ульрика крикнула, и бросилась къ ногамъ герцога, восклицая:

— Пощадите!

Герцогъ, пораженный этой встрѣчей, отступилъ нѣсколько шаговъ, и вскричалъ:

— Что это такое? Кто вы такая? Пропустите меня! Тутъ не мѣсто говорить о дѣлахъ.

— Нѣтъ, я не пущу васъ, кричала Ульрика, ползая у него въ ногахъ.—Вы выслушаете меня. Вездѣ я буду преслѣдовать васъ, пока не добьюсь помилованья. Я имѣю право требовать этого отъ васъ; я купила его своимъ позоромъ, и требую его отъ васъ, какъ плату за свое преступленіе.

— Я позабочусь, холодно отвѣчалъ герцогъ,—чтобы дворецъ мой охранялся лучше. Прочь! Я не знаю васъ, и не зналъ никогда. Позаботьтесь выпроводить эту помѣшанную, крикнулъ онъ каммердинеру,—и никогда болѣе не допускать ее ко мнѣ!

Ульрика, пораженная горемъ и стыдомъ, упала какъ мертвая на полъ, и только вздрагиваніе ея тѣла доказывало, что она жива.

Когда лакей подошелъ, чтобы увести несчастную, Примитива опередила его, и увела съ собою Ульрику.

Черезъ часъ послѣ этого происшествія по городу поднялась такая мятель, и сѣверный вѣтеръ носилъ такія клочья снѣгу, что всѣ бѣжали по домамъ, и улицы совершенно опустѣли. Только передъ однимъ красивымъ домомъ въ одной изъ главныхъ улицъ стояли два человѣка, закутанныхъ въ шинели и съ капюшонами на головахъ. Они одни, казалось, не обращали вниманія на погоду.

— Славное порученіе, пробормоталъ одинъ изъ нихъ, отряхая снѣгъ.—Ея-то сіятельству хорошо; она сидитъ тамъ въ теплой комнатѣ, да подсмѣивается надъ нами.

— Къ счастію, не долго ужь намъ ждать, отвѣчалъ другой.— Я только-что былъ во дворѣ и видѣлъ, что дорожная карета уже вывезена и нагружена для дальней поѣздки. Слушай-ка! вонъ сту-

Digitized by Google

чать лошади. Это кучеръ выводитъ ихъ. Теперь скоро поѣдутъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ изъ дому вышелъ слуга и отворилъ ворота, въ которыя выѣхала великолѣпная дорожная карета.

— Отлично, проговорилъ одинъ изъ подстерегавшихъ;—я вскочу на запятки, и меня никто не замѣтитъ, а ты позаботился ли, чтобы экипажъ, что поѣдетъ сзади, былъ готовъ.

— Еще бы, онъ стоитъ тамъ на углу.

— Ну такъ держи ухо востро, и не отставай отъ насъ

Страшный вѣтеръ, завертывавшій кучеру на голову воротникъ, помѣшалъ ему замѣтить то, что происходило сзади экипажа. Слуга заперъ ворота и поспѣшно побѣжалъ домой спрятаться отъ непогоды. Никто не обратилъ вниманія, какъ послѣ этого изъ дому вышла старуха, одѣтая очень просто, и съ нею молоденькая дѣвушка, тоже просто одѣтая, и пошли вдоль улицы.

Не говоря ни слова, дошли онѣ до одной изъ небольшихъ боковыхъ заставъ. Тамъ у небольшой харчевни стояла легкая деревенская телѣга, и деревенскій парень торопливо впрягалъ лошадей.

— Ну вотъ и мы, Гансъ, сказала старуха.—Торопись, чтобы намъ скорѣе выѣхать!

— Хорошо бы переждать непогоду, сказалъ парень.—Она такъ сильна, что вѣрно не долго протянется. Мнѣ вѣдь жаль своихъ гнѣдыхъ. Въ такую погоду они разогрѣются, да потомъ и озябнутъ.

— Никакъ нельзя, сказала старуха.—Надо ѣхать. Старикъ мой ждетъ, а ѣхать-то вѣдь надо добрыхъ три часа. И безъ того ужь смеркается, и если, какъ ты говоришь, непогода скоро кончится, то и гнѣдымъ твоимъ ничего не сдѣлается. А ты покамѣсть, племянница, садись, обратилась она къ дѣвушкѣ, въ то время, какъ парень съ неудовольствіемъ, но молча, кончалъ свое дѣло.—Ты немножко озябнешь. И не привыкла, но въ деревнѣ нѣтъ другихъ экипажей.

Дѣвушка молча повиновалась, и потомъ закуталась вся въ толстое большое одѣяло, такъ что вполнѣ походила на крестьянку, возвращавшуюся съ рынка. Черезъ нѣсколько минутъ телѣжка быстро покатилась. Вскорѣ показалась прекрасная дорожная каре-

Digitized by Google

та съ опущенными окнами, и тяжело нагруженная. Вслѣдъ за нею катилъ легкій экипажъ. На перекресткѣ дорожная карета повернула въ одну изъ небольшихъ улицъ, куда за нею повернулъ и легкій экипажъ. Деревенская же телѣжка съ двумя женщинами беззаботно катилась по главной улицѣ.

Было уже почти темно, когда издали показались стѣны и башни вильденштейнской тюрьмы. Парень былъ правъ; непогода скоро прекратилась, но небо все-таки было пасмурно, и на горизонтѣ виднѣлась темная полоса густыхъ тучъ, нѣсколько окрашенныхъ зашедшимъ солнцемъ. Равнина одѣлась снѣжнымъ саваномъ, а деревья и кусты около дороги начали украшаться инеемъ. И тюрьма мрачно и непріятно обрисовалась вся. Когда телѣжка въѣхала въ крѣпостной дворъ, было уже совершенно темно.

— Ну вотъ мы и дома, проговорила Гертруда, вылѣзая изъ телѣжки и подавая руку спутницѣ своей.—Здорово, старикъ! вотъ и племянница! Поздоровайся съ нею. Трудно было добиться позволенія, чтобы мать отпустила ее погостить къ намъ.

— Ну здравствуй, племянница Катерина! сказалъ смотритель, подойдя къ нимъ и протягивая руку дѣвушкѣ, по которой она сильно хлопнула, не говоря ни слова и не раскрывая одѣяла.—Я очень радъ, что ты наконецъ пріѣхала погостить къ намъ, жаль, что на короткое время. Пріятнѣе было бы, если бы ты совсѣмъ у насъ осталась. Старухѣ моей нужна помощница. Идемъ же въ комнату. Ты порядочно, вѣрно, прозябла въ такую чертовскую погоду. Въ комнатѣ у насъ тепло, сядемъ передъ печкой и поболтаемъ. Кланяйся барину, сказалъ онъ, обращаясь къ парню, собиравшемуся уѣхать съ телѣжкой, и кладя ему монету въ руку.—Я буду на этихъ дняхъ у васъ въ деревнѣ и поблагодарю и извинюсь передъ нимъ.

— Слава тебѣ Господи! добрались-таки наконецъ, вскричала Гертруда, когда за нею затворилась дверь комнаты и она въ изнеможеніи опустилась на первый стулъ.—Во второй разъ мнѣ не перенести бы этого. Какъ мы стали въѣзжать въ ворота, такъ, кажется, кровь во мнѣ застыла, а сердце точно выскочить хотѣло.

— Тс! тс! не такъ громко! перебилъ ее смотритель.—Нельзя

Digitized by Google

знать навѣрное, что у стѣнъ нѣтъ ушей. Раздѣвайтесь, сударыня, и садитесь-ка къ печкѣ.

— Не надо, сказала Примитива, снимая платокъ.—Я не озябла, и вовсе не чувствовала холода. Мнѣ скорѣе жарко, какъ будто я въ лихорадкѣ.

— Да, да, отвѣчалъ смотритель,— вы раскраснѣлись точно румяное яблочко, но все-таки лучше, если вы присядете къ печкѣ. Нельзя поручиться, чтобы кто нибудь изъ любопытства не заглянулъ сюда. А въ углу темно, и васъ нельзя будетъ разсмотрѣть, кромѣ того, есть хорошая отговорка, что вы прозябли.

Гертруда между тѣмъ поставила стулъ въ указанный уголъ и свела туда Примитиву.

— Сюда, душа моя! сказала она.—Садитесь! Господи какое это счастье, что вы опять у меня! Ну хоть разъ пришлось мнѣ доказать вамъ, какъ я люблю васъ.

— Это я давно знала, моя милая Гертруда, отвѣчала Примитива,—и именно потому, что знала твою вѣрность и преданность ко мнѣ, я и обратилась къ тебѣ въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ вся судьба моя. Я знала навѣрное, что ты исполнишь мою просьбу, и считала секунды, пока наконецъ не получила письма твоего; оно пришло какъ разъ кстати. Сегодня должно совершиться то, что мы затѣяли. Завтра, можетъ быть, будетъ ужь слишкомъ поздно.

— Сегодня еще? сказалъ смотритель, и сталъ что-то обдумывать.—Впрочемъ, пожалуй, у меня все готово.

— Добрый человѣкъ! вскричала Примитива, взявъ его за руку.—Какъ благодарить мнѣ васъ за то, что вы помогаете мнѣ— да что я говорю!—за то, что вы взяли на себя все дѣло; а безъ васъ, что могла бы я предпринять?

— Благодарить? смѣясь сказалъ смотритель.—Это еще что! Такое дѣло само за себя благодаритъ. Но мнѣ пріятно за мою старуху, такъ какъ она всегда была недовольна, что я принялъ это мѣсто. А теперь ей придется сознаться, что вышло хорошо, что я принялъ его. Какъ бы иначе могъ я выпутать изъ бѣды хорошаго и честнаго человѣка? Какъ могъ бы я услужить вамъ, и какъ могъ бы я насолить коменданту, что мнѣ въ особенности

Digitized by Google

пріятно? Онъ вполнѣ заслужилъ это. Онъ съ людьми обращался не какъ съ людьми, а какъ съ собаками.

— Отлично, другъ мой, сказала Примитива.—Вы отъ этого не пострадаете. Я по-царски награжу васъ, и позабочусь о вашей будущности. Я уѣзжаю изъ этой страны; отъ васъ и отъ жены вашей зависитъ ѣхать со мною, и навсегда остаться при мнѣ.

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ смотритель, подумавъ немного.— Этого нельзя, это возбудитъ подозрѣніе и наведетъ на слѣды. Надо, чтобы никто не думалъ, что я принималъ тутъ участіе и даже зналъ объ этомъ. Приготовь-ка, старуха, поѣсть! крикнулъ онъ женѣ.—А я между тѣмъ разскажу, какъ намѣренъ все устроить.

— Ну, если вы не хотите ѣхать со мною, сказала Примитива, сѣвшему подлѣ нее смотрителю, въ то время, какъ Гертруда вышла въ кухню,—то я иначе позабочусь о вашей будущности. Я устроила, что моя добрая Гертруда, какъ кормилица и няня моя, получитъ изъ наслѣдства отца хорошенькое имѣньице, въ нашей родной деревнѣ.

— Это я принимаю, радостно сказалъ смотритель.—За это я берусь обѣими руками. Всю свою жизнь желалъ я беззаботно провести старость и не служить никому. Если все кончится благополучно, я еще мѣсяца два останусь на своемъ мѣстѣ, а потомъ заболѣю и все буду хворать, пока начальство не увидитъ, что я не могу болѣе служить, и честью дастъ мнѣ отставку; потомъ я уѣду въ имѣньице, и счастливо заживу на старости лѣтъ! Ну такъ слушайте! Эта крѣпость, которую я узналъ теперь и вдоль и поперегъ, настоящее чортово гнѣздо; самъ чортъ не могъ бы хитрѣе ее выстроить, чтобы ужь изъ нея не вышла ни одна душа, которую онъ сюда затащилъ. И все-таки я провѣдалъ кое-что такое, что, можетъ быть, никто, кромѣ меня не зналъ. Въ ней есть колодезь, глубоко пробитый въ утесѣ, устроенный на случай осады крѣпости, когда нельзя добыть воды извнѣ. Я тщательно осмотрѣлъ колодезь, и нашелъ подлѣ него плиту, которая показалась мнѣ очень подозрительной. Поэтому я спустился разъ туда ночью и нашелъ, что недалеко отъ колодца пробита въ камнѣ лѣстница и она спускается къ болоту, а подъ болотомъ идетъ ходъ къ лѣсу, около большой дороги. Въ лѣсу, въ чащѣ,

Digitized by Google

ходъ этотъ поднимается и выходитъ около скалы. Туда проведу заключеннаго. Оттуда онъ легко дойдетъ до деревни, найметъ лошадь и доберется до первой станціи. Я же поправлю за нимъ все точно такъ же, какъ было прежде, и запру двери и колодезь. Тогда никто не будетъ подозрѣвать меня, и у нихъ не останется слѣдовъ, по которымъ они могли бы начать поиски. Вы, конечно, должны прогостить у насъ еще дня два, чтобы это никому не бросилось въ глаза, а потомъ старуха моя снова проводитъ васъ. Это что такое? вдругъ проговорилъ онъ шепотомъ.—Кто-то идетъ.

По коридору послышались ровные тяжелые, шаги вооруженныхъ солдатъ.

— Что это такое? со страхомъ прошептала Примитива, въ то время, какъ Гертруда боязливо выглянула изъ кухни, откуда виднѣлся пылавшій очагъ. Звонъ оружія раздался у самаго порога, дверь отворилась и послышался громкій голосъ унтеръ-офицера:

— По приказанію его превосходительства господина коменданта, мнѣ должны быть переданы всѣ ключи, которые завтра, при утренней перекличкѣ, вы снова получите отъ коменданта!

— Такъ! равнодушно проговорилъ смотритель, снимая со стѣны ключи черезъ Примитиву, и тѣмъ прикрывая ее.—Это хорошо, что господинъ комендантъ избавляетъ меня отъ заботы, хоть усну покойно ночь.

Унтеръ-офицеръ ушелъ.

— Господи! какое несчастіе! тихо проговорила Примитива.— Кажется, комендантъ заподозрилъ. Теперь намъ невозможно будетъ дѣйствовать! Какъ же попадемъ мы въ казематъ?

— Не безпойкотесь! отвѣчалъ смотритель, лукаво смѣясь. — Послѣдняя попытка къ бѣгству напугала коменданта, онъ сталъ подозрителенъ и часто неожиданно отбираетъ всѣ ключи. Но важнаго ничего нѣтъ, и это не можетъ намъ помѣшать. Я имѣлъ это въ виду, и потому взялъ снимки со всѣхъ ключей, которые намъ нужны. Въ юности я работалъ у наковальни, ну и теперь у кухоннаго очага сдѣлалъ нѣчто, конечно, не похожее на ключи, но все-таки я добился своего.

Сквозь толстыя крѣпостныя стѣны послышался барабанный бой.

— Они бьютъ вечернюю зорю, сказалъ смотритель. — Теперь

Digitized by Google

всѣ отправятся на покой. Подождемъ еще четверть часа, и тогда примемся за дѣло. А я приготовлю все, что нужно.

Молча досталъ онъ потайной фонарь и какіе-то желѣзные инструменты, молча сидѣла Примитива и смотрѣла на его приготовленія, молча стояла Гертруда у очага. Она забыла про всѣ кушанья и тихо ждала рѣшительной минуты.

— Теперь пора, сказалъ наконецъ смотритель.—Господи благослови! Запри дверь, старуха, и молись, чтобы все кончилось благополучно!

Молча, какъ привидѣнія, шли они по коридору и изчезли на лѣстницѣ. Они спустились уже почти до самаго низа, какъ вдругъ смотритель схватилъ за руку Примитиву и, остановясь, сталъ прислушиваться. Въ тишинѣ ясно раздавался визгъ пилы, перепиливавшей желѣзо.

— Чортъ возьми! прошепталъ смотритель. — Что тутъ такое? Вѣдь это пила. Неужели кто нибудь изъ заключенныхъ самъ себя освобождаетъ? Останьтесь тутъ! А я осторожно проберусь туда. У меня зрѣніе, какъ у кошки, я вижу въ потьмахъ. Да они не стѣсняются, у нихъ даже огонь! прибавилъ онъ, спустясь еще немного.— Это что такое? Да они обработываютъ тотъ же казематъ, который и намъ нуженъ. Стой, парень! крикнулъ онъ, вдругъ подскочивъ, и поднявъ фонарь и молотокъ въ видѣ защиты. — Что ты тутъ дѣлаешь? Да это новый конюхъ съ нашей конюшни.

При первомъ словѣ огонь у работника погасъ, но фонарь смотрителя освѣщалъ его. Это былъ старикъ Виндрейтеръ, въ свою очередь, поднявшій въ видѣ обороны желѣзный прутъ.

— Убирайся, смотритель! крикнулъ онъ. — Или я разможжу тебѣ голову!

— Ого! отвѣчалъ смотритель; — еще мы посмотримъ кто кого одолѣетъ. Что тебѣ тутъ надо?

— Самъ видишь! отвѣчалъ тотъ. — Я хочу открыть клѣтку и выпустить птицу, что сидитъ тутъ?

— Ради Бога! стойте! крикнула Примитива, бросившаяся между обоими освободителями, готовыми броситься другъ на друга.— Мы пришли сюда для той же цѣли. Кто вы такой?

— Кто я такой? отвѣчалъ Виндрейтеръ.—Не въ этомъ дѣло,

Digitized by Google

Я другъ профессора. Если вы тоже хотите освободить его, то тѣмъ лучше, будемъ работать вмѣстѣ.

— Пожалуй, сказалъ смотритель. — Это придастъ еще болѣе правдоподобности, что покушеніе было сдѣлано силою и вами. Подозрѣніе не падетъ ни на меня, ни на дорогу, по которой онъ выйдетъ. Это намъ съ руки. Какъ я вижу, вы ужь скоро кончите.

Дѣйствительно скоро желѣзные запоры у дверей были перепилены, дверь отворена, и посреди комнаты показался Фридрихъ, въ страхѣ ожидавшій, когда разъяснится долетавшій до него шумъ. Свѣтъ упалъ ему на лицо.

— Ура! кончили, крикнулъ Виндрейтеръ. — Идемте, господинъ профессоръ! Идемте за нами! Терять времени нельзя!

— Куда идти? отвѣчалъ Фюреръ.—Кто вы?

— Разговаривать некогда! вскричалъ смотритель. — Идемте. А что все это значитъ, то вы сами видите, и конечно согласитесь, что зла мы вамъ не желаемъ.

— А если вы сомнѣваетесь, то вотъ вамъ записочка, сказалъ Виндрейтеръ.

Фюреръ открылъ ее.

— Отъ Ридля! воскликнулъ онъ. — Благородная душа! Такъ онъ не позабылъ меня.

— Нѣтъ, сказалъ Виндрейтеръ. — Ужь разъ кого онъ полюбитъ, того никогда не разлюбитъ. Но спѣшите! Право нельзя терять ни минуты. Тамъ за болотомъ, у каменныхъ ломокъ, васъ ждетъ экипажъ. А потомъ вы переѣдете границу, и доѣдете по желѣзной дорогѣ до моря. Я ѣду съ вами, до самой Америки.

„Слушайся подателя этой записки!“ читалъ Фюреръ.— „Я жду тебя. Impavidum ferient ruinae“.—Онъ совершенно правъ, но слова его производятъ на меня совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого онъ ожидалъ. Я не хочу бѣжать передъ тѣмъ, чѣмъ они грозятъ мнѣ. Я останусь и безбоязненно встрѣчу все.

— Возможно ли это, сударь? вскричалъ смотритель. — Вы вѣроятно уже слышали, что вы приговорены. Можетъ быть, сегодня ночью придетъ приказъ и завтра утромъ выведутъ васъ за валъ и пустятъ въ васъ двѣнадцать пуль.

— Этого не будетъ, сказалъ Фридрихъ.—Этими ужасами меня

Digitized by Google

не обманутъ. Я все обдумалъ. Вѣдь это было бы открытымъ убійствомъ, а совершить его побоятся. Я не хочу и виду показать, что боюсь призраковъ. Примите мою благодарность за ваше доброе желаніе, передайте такую же благодарность моему другу, но скажите ему, что я остаюсь.

— Да, чортъ возьми, сударь, нетерпѣливо вскричалъ Виндрейтеръ, — вы думаете, что тутъ дѣло идетъ только о васъ однихъ. Если для васъ ни почемъ разстрѣляніе, то что же будетъ съ нами-то? Что же мы должны изъ-за васъ пропасть? Я для васъ нанялся сюда въ крѣпость конюхомъ—и мнѣ надо бѣжать съ вами, а то меня откроютъ и зададутъ жару. Такъ это благодарность за всѣ наши старанія и за нашу преданность?

— Фридрихъ! вскричала тутъ Примитива, стоявшая на порогѣ въ тѣни и вошедшая въ дверь;—неужели вы будете отказываться, если я буду просить васъ бѣжать?

— Примитива! внѣ себя вскричалъ Фридрихъ, прижавъ руки къ груди, и потомъ протянувъ ихъ къ ней, какъ будто желая заключить ее въ объятія. Но послѣ перваго порыва онъ опомнился, опустилъ руки и пробормоталъ: — Вы здѣсь? Такъ это точно вы?

— Да, отвѣчала Примитива.—И я здѣсь, чтобы спасти васъ. Опасность, о которой вы слышите, вовсе не призрачна, смертный приговоръ дѣйствительно произнесенъ надъ вами. Вѣрьте мнѣ, я читала его сама, и только случайно удалось мнѣ не допустить подписать его, въ настоящую минуту хитрость моя вѣроятно открыта, и потерянное навѣрное постараются вознаградить. Только настоящее время принадлежитъ намъ, а потомъ спасеніе будетъ уже невозможно! Идемте со мною. Не жертвуйте изъ каприза жизнію, которой вы, можетъ быть, долго будете пользоваться на новомъ полѣ дѣятельности! Идемте! Умоляю васъ всѣмъ, что соединяетъ насъ, идеалами и мечтами нашей юности. Докажите, что вы не забыли прошедшаго, что оно было когда-то вамъ дорого, идемте съ нами, и пусть моя рука выведетъ васъ изъ тюрьмы!

Она взяла его за руку—онъ не сопротивлялся.

— Скорѣе! проговорилъ смотритель.—Теперь надо сбить замокъ у дверей въ канаву, чтобы сдѣлать видъ, что бѣгство совершено

Digitized by Google

въ томъ мѣстѣ! У канавы надо обломать камня два, чтобы придать болѣе вѣроятія. А потомъ идемте дальше!

Это было сдѣлано въ нѣсколько минутъ. Молча, задерживая дыханіе, поднялись всѣ на верхъ, до тяжелой желѣзной двери.

— Теперь ради Бога тише! прошепталъ смотритель. — Теперь мы у угла стѣны, гдѣ часовня, въ которой стоятъ покойники, умершіе внѣ крѣпости. Противъ часовни дверь въ зданіе, гдѣ колодезь. Я пойду впередъ и отворю ее. Потомъ вы должны проскользнуть туда по очереди, и дай Богъ чтобы часовые не были слишкомъ на сторожѣ, а то мы всѣ погибли.

Всѣ остановились съ сильно бьющимися сердцами, тихо отворялась желѣзная дверь, холодный зимній воздухъ пахнулъ въ нее, и полусвѣтъ ясной зимней ночи освѣтилъ бѣглецовъ. Смотритель пробрался по стѣнѣ къ дверямъ, и снялъ съ нихъ запоры. Молча пробрались по его слѣдамъ и бѣглецы, и почти были уже въ дверяхъ, какъ вдругъ въ углу около стѣны поднялась маленькая фигура, и дѣтскій голосъ громко крикнулъ:

— Стой! Что это такое? Кто-то хочетъ бѣжать!

Это былъ Ричардъ, одѣтый барабанщикомъ.

— Проклятый мальчишка! вскричалъ смотритель;—какъ попалъ ты сюда? Прочь съ дороги! Молчи и не выдавай насъ!

— Отчего не выдавать! вскричалъ Ричардъ.—Я выдамъ васъ. Никто не долженъ выходить изъ крѣпости! Бѣдная мать моя тоже не вышла. Эй! Сюда! Караулъ!

— Мальчикъ, я задушу тебя, если ты не замолчишь, вскричалъ Виндрейтеръ, схвативъ мальчика за горло.

— Несчастный, вѣдь ты губишь насъ всѣхъ, сказалъ Фюреръ подходя, такъ что свѣтъ отъ фонаря смотрителя освѣтилъ его.

— Какъ? Это вы, господинъ профессоръ? вскричалъ Ричардъ.— Вы хотите уйти? Идите, васъ я не задержу, вы хорошій человѣкъ, васъ я никогда не выдамъ. Госпожа совѣтница часто помогала моей бѣдной матери, да и вы дали мнѣ денегъ, когда я разъ, помните, былъ у васъ. Этого я не забуду, господинъ профессоръ! Идите! Я не видѣлъ васъ.

— Я узнаю тебя, сказалъ Фюреръ.—Идемъ со мною! Я пристрою тебя.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сказалъ мальчикъ,—я долженъ тутъ остаться. Тамъ въ углу похоронили они мать мою. Я убѣжалъ сюда ночью, чтобы помолиться за нее, такъ какъ днемъ они не пропускаютъ меня и все смѣются. Но я на зло всѣмъ хочу сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ и хорошимъ солдатомъ; я сдѣлаю честь матери моей въ могилѣ, такъ что она будетъ радоваться мною, а пока будетъ можно, я не уйду отъ ея могилы.

— Отправляйтесь! снова заторопилъ смотритель.—Время не терпитъ. Къ счастію, кажется, никто не слыхалъ криковъ.

— Торопитесь! сказалъ Ричардъ. — А я останусь тутъ и размету снѣгъ, чтобы не было видно вашихъ слѣдовъ.

Они вошли въ зданіе. Поспѣшно поднята была плита подлѣ колодца; нѣсколько ступеней вели внизъ въ мрачный ходъ.

— Вотъ сюда, господинъ профессоръ, сказалъ смотритель. — Вотъ вамъ факелы! Идите покойно! Заблудиться нельзя. Черезъ четверть часа вы выйдете на волю.

— Прощайте, Примитива! сказалъ Фридрихъ, держа ее за руку и смотря ей въ глаза.—Благодарю васъ за свое будущее; неужели благодарность эта ограничится настоящей минутой?

— Нѣтъ, поспѣшно отвѣчала она. — Я еще съ вами не прощаюсь. Только что мнѣ удастся выбраться изъ крѣпости, я поѣду за вами, и на берегу мы встрѣтимся снова. Я хочу навѣрное знать, что вы спасены, и хочу торжественно и хорошенько проститься съ вами.

Фюреръ и Виндрейтеръ изчезли въ подземельи, мрачно закрывшемся за ними. Смотритель и Примитива заперли запоромъ зданіе, и черезъ стѣну возвратились въ крѣпость. Желѣзная дверь опять осталась безъ замка. Нигдѣ не было слышно ни малѣйшаго шума; въ углу стѣны, на неправильно наложенномъ холмикѣ, стоялъ на колѣняхъ барабанщикъ и молился.

Digitized by Google

IV.

Другъ и врагъ.

Черезъ нѣсколько дней въ гавани одного приморскаго сѣверогерманскаго города шла живая, шумная жизнь. Большой морской корабль передъ наступавшею зимою дѣлалъ послѣдній рейсъ въ Новый свѣтъ. Экипажъ и пассажиры давно уже доставили багажъ свой на корабль, и спѣшили со всѣхъ сторонъ гавани по каменнымъ лѣстницамъ къ лодкамъ, въ которыхъ подъѣзжали къ кораблю, слегка покачивавшемуся въ нѣкоторомъ отдаленіи на зеленыхъ съ бѣлыми гребнями волнахъ, пробивавшихся иногда въ гавань, и ударяя о корабль, разбивавшихся потомъ о громадныя каменныя глыбы дамбы. За гаванью море какъ-то торжественно волновалось; оно не представляло еще ничего ужаснаго, но валы мрачно катились другъ за другомъ, а вдали, на разстояніи нѣсколькихъ выстрѣловъ, спускалась сѣрая туча, какъ будто небесныя воды хотѣли соединиться съ земными. На темныхъ тучахъ блестѣли то тамъ, то сямъ бѣлыя крылья быстро спускавшихся чаекъ, которыя радовались морской непогодѣ гораздо болѣе, чѣмъ путешественники, непривычные къ морю, и предвидѣвшіе такое непріятное начало своего плаванія.

На дамбѣ около каменныхъ ступеней сидѣла на двухъ простыхъ деревянныхъ сундукахъ какая-то семья. Она пріѣхала позже другихъ, а внизу качалась лодка, управляемая четырьмя матросами, которая должна была перевезти ее на корабль.

Это былъ мастеръ Ремпельманъ съ своимъ семействомъ.

Мастеръ осмотрѣлъ замки у сундуковъ и задумчиво смотрѣлъ на лодку; рядомъ съ нимъ, уцѣпившись за его платье, стоялъ мальчикъ и смотрѣлъ на море съ боязливымъ любопытствомъ. Жена его сидѣла на сундукѣ, держа на рукахъ маленькую дѣвочку, которая, чтобы не смотрѣть на море, уткнулась къ груди матери и такъ и заснула. Вѣтеръ развѣвалъ волосы молодой женщины, выбившіеся на вискахъ. Она не замѣчала этого и неподвижно смо-

Digitized by Google

трѣла на безконечное, сѣрое море. Глаза ея были мутны и влажны, какъ будто бы море отражалось въ нихъ.

— Видишь, сказалъ мастеръ мальчику; —вонъ тамъ большой корабль, съ бѣлымъ и краснымъ флагомъ и съ звѣздами на немъ? Это корабль, на которомъ мы поѣдемъ въ Новый свѣтъ.

— Да гдѣ же Новый свѣтъ, отецъ? спросилъ мальчикъ. — Я не вижу его.

— Тамъ, за этой водой, отвѣчалъ Ремпельманъ.—Мы будемъ ѣхать три недѣли день и ночь и тогда только пріѣдемъ.

— Отецъ, я боюсь этой воды, сказалъ мальчикъ, сжимая руку отца и прижимаясь къ нему.—Лучше останемся тутъ! И зачѣмъ ѣдемъ мы въ Новый свѣтъ?

Мастеръ хотѣлъ улыбнуться на слова мальчика, но это ему не удалось, потому что взоръ его упалъ на жену, въ влажныхъ глазахъ которой виднѣлся тотъ же вопросъ.

— Зачѣмъ ѣдемъ мы въ Новый свѣтъ? сказалъ онъ, подумавъ немного и какъ будто отвѣчая обоимъ. — Я скажу это тебѣ поподробнѣе, когда ты будешь побольше, и сошьешь первую пару сапоговъ. Только тогда ты поймешь это. Мы ѣдемъ въ Новый свѣтъ, потому что я твой отецъ, и потому что я не хочу, чтобы кто нибудь могъ пожимать плечами, когда ты будешь говорить обо мнѣ. И ѣдемъ потому, что мнѣ опостылѣлъ Старый свѣтъ. Я думалъ, что когда буду опять на свободѣ, то забуду все, что случилось; но забыть я не могу. Какъ ни весело садился я за работу, мнѣ все казалось, что кто-то стоялъ у меня за плечами и шепталъ: Напрасно ты трудишься: тебѣ не смыть позорнаго пятна. И работа перестала меня радовать, и, кажется, если бы я остался, то сдѣлался бы никуда негодной тряпицей. Тамъ же работа закипитъ по старому. Для насъ тотъ свѣтъ не будетъ новымъ, потому что старый мы беремъ съ собой! Вѣдь мы не разстаемся, не такъ ли, Грете?

Онъ взялъ ее за подбородокъ и вытеръ ей слезы, крупными каплями катившіяся по щекамъ.

— Не такъ ли, старуха? продолжалъ онъ;—или ты тоже боишься этой воды?

— Не смѣйся надо мною! вздыхая отвѣчала жена. — Да, я боюсь. Меня страшно пугаетъ, что три недѣли придется мнѣ быть

Digitized by Google

между небомъ и землею и что между нами и пропастью нѣсколько тоненькихъ досокъ. Я и думать объ этомъ боюсь! Но ты этого желаешь, ты мужъ. Тамъ гдѣ будешь ты и дѣти, тамъ мой свѣтъ и старый и новый.

— Такъ Грете! отъ души сказалъ Ремпельманъ.—Раскаяваться ты не будешь! Тамъ я скоро устрою свои дѣла. Говорятъ, что хорошій работникъ можетъ жить въ Америкѣ припѣваючи. Ну а у мастера Ремпельмана нѣтъ недостатка въ прилежаніи, значитъ нуждаться мы не будемъ. А когда не все будетъ удаваться, то надо вспоминать такое правило, что если хочешь быть доволенъ своей судьбой, то подумай и о такихъ людяхъ, которымъ живется еще хуже, и тогда тотчасъ же примиришься съ своей участью! Мы ѣдемъ туда по своей волѣ, и никто не можетъ остановить насъ. Не всѣмъ приходится ѣхать такъ, многіе прячутся, какъ воры по ночамъ, и при этомъ еще не знаютъ никакого ремесла, на которое могли бы надѣяться въ новомъ свѣтѣ, какъ я на свое сапожное. Вонъ посмотри-ка въ улицу, вонъ къ городу между дачами и садами! Видишь барина, что идетъ сюда? И онъ, и слуга его кажутся мнѣ знакомыми, какъ будто бы я часто видалъ ихъ, а гдѣ, не знаю. Кажется дѣла-то одного изъ нихъ не совсѣмъ-то ловки. Онъ ѣдетъ съ нами на одномъ кораблѣ, мы будемъ имѣть время познакомиться съ нимъ. А теперь пойдемъ, чтобы не попадаться ему на дорогѣ, не надо надоѣдать несчастливымъ людямъ.

— Эй! долго ли будете копаться? крикнулъ снизу грубый голосъ, и громадный багоръ такъ сильно ударилъ по камнямъ, что только искры посыпались, и мальчикъ отскочилъ въ сторону. — Если вы пассажиры и хотите ѣхать въ Нью-Іоркъ, такъ спѣшите! „Красавица Елена“ уже готова и не будетъ ждать васъ,

Поспѣшно сошли съ лѣстницы Ремпельманъ и его семейство, въ то время какъ матросы выносили багажъ.

— Такъ, вскричалъ мастеръ, — я сяду въ середину, ты Грете съ дѣвочкой садись съ лѣвой стороны, а ты, малый, съ правой! Не бойтесь и держитесь за меня покрѣпче! Тогда ничего, что васъ немного укачаетъ.

Не одинъ сапожникъ замѣтилъ на улицѣ приближавшихся пас-

Digitized by Google

сажировъ. Съ нѣкотораго времени по гаваньской дамбѣ ходило два человѣка, которымъ, казалось, морской вѣтеръ не мѣшалъ прогуливаться. Они вели жаркую между собою бесѣду. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени они осматривали дорогу къ гавани, такъ что никому не удавалось пройти мимо нихъ незамѣченнымъ. Если бы всѣ, спѣшившіе къ гавани, не были заняты своими дѣлами, то отъ вниманія кого нибудь вѣроятно не укрылось бы, что на углу, вдоль берега, у забора въ садъ, откуда выглядывали голыя деревья, иногда полуотворялась калитка, и въ нее выглядывали нѣсколько человѣкъ, очевидно одной компаніи съ двумя прогуливавшимися мужчинами, которые ожидали только знака, чтобы броситься на помощь имъ обоимъ. Теперь они точно случайно подошли къ лѣстницѣ. Матросъ, уже приготовившійся отчаливать, замѣтилъ ихъ.

— Эй! кликнулъ онъ. — На корабль, кто хочетъ ѣхать на „Красавицѣ Еленѣ?“ Черезъ полчаса она уходитъ.

— Мы ѣдемъ на корабль, сказалъ одинъ изъ мужчинъ; — но вамъ надо подождать, мы еще не кончили своихъ дѣлъ.

— Ждать нечего, смѣясь сказалъ матросъ. — Капитанъ Вульстеръ не захочетъ терять время! Тутъ не помогутъ никакія дѣла, когда поднимутъ якорь. Ну такъ садитесь или я отчаливаю!

— Подожди немного, Класъ! отвѣчалъ съ берега мужчина. — Дѣла мои важны, и если ты меня не знаешь, то слушай же: я посланъ полиціей! Мнѣ надо кое-что обдѣлать на кораблѣ, и пока я не дамъ позволенія, „Красавица Елена“ не выйдетъ изъ гавани.

— Чтобъ тебя черти побрали! проворчалъ матросъ. — Капитанъ не очень-то будетъ радъ, какъ вдругъ подуетъ противный вѣтеръ.

Мастеръ Ремпельманъ кивнулъ своей женѣ, какъ будто говоря: видишь еще какъ намъ хорошо? Объ насъ никто не думаетъ.

— Вы видите, ваше сіятельство, сказалъ одинъ изъ мужчинъ, поднимая выше воротникъ своего плаща; — мы дѣлаемъ все, что можемъ; но право сдѣлать болѣе мы не въ состояніи.

— Я непремѣнно сообщу куда слѣдуетъ, отвѣчалъ другой въ дорогой хорошей шубѣ, — о готовности сената. Но вы сдѣлали только половину того, что обѣщали. Желаніе моего правительства не будетъ исполнено, если бѣжавшій преступникъ не будетъ взятъ.

Digitized by Google

— Очень жаль, отвѣчалъ чиновникъ; — но вы знаете взглядъ сената. Мы свободный городъ, дающій въ большинствѣ случаевъ убѣжище бѣглецамъ всякаго рода; преступить этотъ принципъ—значитъ возбудить страшную бурю недовольства и, можетъ быть, даже безпокойства. Поэтому необходимо, чтобы вы вручили намъ положительное и прямое требованіе вашего герцога или вашего суда.

— Но къ чему это? вскричалъ его спутникъ. —Я привезъ документы, доказывающіе, что я министръ его высочества моего всемилостивѣйшаго государя. Сомнѣваетесь вы во мнѣ, или не вѣрите моему полномочію?

— Это до меня не касается, отвѣчалъ чиновникъ очень почтительно, но твердо.—Мнѣ разсуждать нечего, а слѣдуетъ только исполнить данные мнѣ приказы. Приводимые вашимъ сіятельствомъ доводы недостаточны для полицейскаго управленія, которое можетъ задержать и выдать бѣглеца, указаннаго вами, только вслѣдствіе точнаго и положительнаго требованія вашего герцога. Все, что я могъ сдѣлать и даже, можетъ быть, больше, чѣмъ я долженъ былъ сдѣлать, заключается въ томъ, что я обѣщалъ вамъ, а именно задержать на нѣкоторое время корабль, на которомъ находится бѣглецъ.

— Нечего дѣлать, надо довольствоваться, сказалъ Шроффенштейнъ.—Я уже телеграфировалъ герцогу, увѣдомляя его о своемъ открытіи и прося приказа съ его стороны.

— Хорошо, отвѣчалъ чиновникъ, вынимая часы. — Теперь девять часовъ. Ужь много, что часа черезъ три долженъ быть отвѣтъ; если до тѣхъ поръ отвѣта не будетъ, то мнѣ придется отпустить и корабль, и пассажира. Можетъ, мы будемъ имѣть счастіе лучше услужить вамъ въ другомъ дѣлѣ, и найти вамъ слѣдъ дамы, которую вы тоже ищете.

— Этимъ вы пріобрѣтете мою еще большую благодарность, вскричалъ Шроффенштейнъ. — Я откровенно признаюсь вамъ, что это дѣло мнѣ гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ другое, такъ какъ эта дама, давно уже отличающаяся страннымъ, эксцентричнымъ образомъ жизни, къ сожалѣнію принадлежитъ къ моему семейству. Вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, а именно смерти ея мужа, убитаго бунтующей толпой у нея на глазахъ, состояніе ея такъ ухуд-

Digitized by Google

шилось, что переходитъ иногда въ полнѣйшее умственное разстройство, и тогда она, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, тратитъ не ей принадлежащее состояніе и ведетъ самый безумный образъ жизни. Въ интересахъ нашей фамиліи мнѣ необходимо найти ее, и я не скрываю, что пріѣхалъ сюда собственно для нея, и здѣсь къ счастію случайно открылъ слѣды бѣжавшаго государственнаго преступника. Если бы мнѣ удалось найти свою несчастную родственницу, я былъ бы чрезвычайно доволенъ, не столько ради сохраненія фамильной чести, сколько ради возможности заботиться о судьбѣ несчастной! Поэтому я очень благодаренъ вамъ, что вы указали мнѣ на такую отличную помощь въ этомъ случаѣ.

— Да, да, сказалъ чиновникъ, взглянувъ на садовую калитку,— заведеніе для сумасшедшихъ доктора Вернгольда считается въ этомъ отношеніи образцовымъ, бѣдная дама будетъ въ отличныхъ рукахъ, и прислуга доктора вѣрно будетъ щадить эту особу. Но, не скрою отъ васъ, что не питаю большихъ надеждъ. Вашему сіятельству извѣстно, что со вчерашняго дня мы подняли на ноги всѣхъ сыщиковъ, но что до сихъ поръ всѣ старанія напрасны, и я серьезно боюсь, что вы сбились съ настоящаго слѣда.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Шроффенштейнъ.—Я напалъ на ея слѣдъ, хотя меня намѣренно желали обмануть, и не терялъ его; слѣдъ велъ сюда. Да и присутствіе этого человѣка подтверждаетъ мое подозрѣніе: между нимъ и извѣстной особой существовали отношенія, вполнѣ подтверждающія предположеніе, что ему извѣстно ея мѣстопребываніе. Поэтому, мнѣ прежде всего необходимо переговорить съ нимъ. Да, вотъ онъ идетъ! Мнѣ не хотѣлось бы теперь встрѣчаться съ нимъ, и я думаю, что на кораблѣ это будетъ удобнѣе.

— Ну такъ сядемте въ лодку и поѣдемте! А я въ это время сообщу капитану свои приказанія.

Они спустились по лѣстницѣ и сѣли въ лодку.

— Отчаливай къ „Красавицѣ Еленѣ“! сказалъ чиновникъ.

— Вонъ идутъ еще пассажиры, отвѣчалъ матросъ.—Мы ихъ тоже захватимъ съ собою.

— Отчаливай! гнѣвно крикнулъ чиновникъ.—Я беру это на себя. Они могутъ пріѣхать въ другой лодкѣ!

Digitized by Google

Ворча исполнилъ матросъ приказаніе, и скоро лодка отъѣхала настолько, что только очень зоркій глазъ могъ разсмотрѣть сидѣвшихъ въ ней. Къ гаваньской дамбѣ подошли ожидаемые пассажиры. Фюреръ въ шубѣ и шапкѣ, въ которыхъ онъ совершенно походилъ на какого нибудь купца или дѣльца; онъ шелъ задумчиво, размышляя о торжественности настоящей минуты, разлучающей его на вѣки съ родиной, со всѣмъ, что ему было мило. Ридль шелъ съ нимъ подъ руку; онъ былъ напротивъ того веселъ, и не могъ скрыть своей радости, что дѣйствительно наступила минута, когда онъ могъ считать, что спасъ друга своего отъ власти его преслѣдователей. За ними шелъ Виндрейтеръ съ дорожнымъ мѣшкомъ на плечѣ.

— Дальше нельзя! вскричалъ Ридль, подойдя съ Фюреромъ къ лѣстницѣ.—Лодка отчалила. Мы нѣсколько опоздали, и надо взять другую лодку. Пока она не подъѣдетъ, мы успѣемъ еще поговорить на прощаньи. Я благодарю небо, что наконецъ могу передать тебя вѣтру и водѣ и оторвать отъ властей коварной земли.

— Ахъ ты вѣрная, честная душа! нѣжно сказалъ Фюреръ, взявъ его за обѣ руки, искренно посмотрѣвъ ему въ глаза и отъ души поцѣловавъ его.—Какъ благодарить мнѣ тебя за твое терпѣніе, за твою ловкость и стараніе? Право, въ настоящую минуту сердце мое полно различныхъ ощущеній, но самое горькое изъ нихъ—это необходимость разлуки съ тобою. Что если бы ты отправился со мною? Оставь вмѣстѣ со мною эту страну, гдѣ ты не можешь примѣнить ни твоихъ взглядовъ, ни твоихъ принциповъ.

— Ну, чего нѣтъ, то еще можетъ быть, смѣясь вскричалъ Ридль.—Мнѣ иногда кажется, что и мой чередъ не далекъ. Можетъ быть, я прибуду вскорѣ вслѣдъ за тобою, но сначала я хочу подождать, пока до меня не дойдетъ очередь быть министромъ.

— Какъ ты можешь шутить такъ! сказалъ Фридрихъ.—И еще въ такую минуту.

— Гораздо лучше шутить, чѣмъ печалиться о томъ, чего измѣнить нельзя. Поѣзжай съ Богомъ, другъ, и съ радостнымъ сердцемъ! Въ тебѣ есть все, что нужно для счастья человѣка, и если правда то, что я когда-то слышалъ, будто къ нѣмецкому счастью

Digitized by Google

необходима маленькая примѣсь страданія, то въ ней у тебя нѣтъ недостатка. Я увѣренъ, что ты возмешь съ собою порядочную долю тоски по родинѣ, по ея лѣсамъ, по...

— Ты совершенно правъ, перебилъ его Фюреръ.—Я никогда не буду въ состояніи забыть родины. И ты меня не забывай! Не забудь о томъ, о чемъ я просилъ тебя. Я уѣзжаю, не удовлетворивъ своего желанія. При торопливомъ прощаньѣ, Примитива такъ положительно обѣщала мнѣ, что передъ отъѣздомъ мы еще разъ встрѣтимся, и я такъ радовался, что опять увижу ее. Ея отсутствіе мнѣ непостижимо. Когда ты воротишься, первымъ дѣломъ справься объ ней! Я боюсь, не случилось ли съ нею какой нибудь бѣды, а то она навѣрное бы пріѣхала сюда.

— Ты очень увѣренъ, смѣясь сказалъ Ридль;—но и я тоже думаю, что ты правъ. Положись на меня! Я найду ее, хоть бы она отъ меня пряталась, и передамъ ей твое прощальное привѣтствіе.

— Разставаясь съ ней, я прощаюсь съ жизнью, серьезно сказалъ Фридрихъ.—И то я все оставляю покойниковъ, покойниковъ и на землѣ и подъ землею. Не забудь позаботиться за меня о покойникахъ на землѣ.

— Не забуду, другъ, сказалъ Ридль, пожимая ему руку.—Но на землѣ тебѣ некого болѣе искать.

— Некого? Что ты хочешь этимъ сказать?

— Вотъ что: я нарочно не говорилъ до послѣдней минуты, думая, что это извѣстіе облегчитъ намъ съ тобою разставанье, и ждалъ такъ долго, что теперь едва успѣю тебѣ сообщить. Вонъ ужь ѣдетъ лодка. Но все равно, я поѣду съ тобою, провожу тебя на корабль и потомъ вернусь.

Они сошли съ лѣстницы. Виндрейтеръ сидѣлъ на каменныхъ перилахъ, положивъ голову на обѣ руки, и такъ задумался, что не слыхалъ, какъ они сошли, такъ что Ридлю пришлось крикнуть его.

— Что съ тобой, старикъ? сказалъ онъ.—Неужели тебѣ тяжело такъ разставаться?

— Не знаю, господинъ докторъ, сказалъ Виндрейтеръ, поправляя свои сѣдые волосы и помогая ему сѣсть въ лодку.—Мнѣ что-то такъ странно, какъ во всю жизнь не бывало; вѣрно это

Digitized by Google

отъ разставанья. Двѣ ночи сряду я все думаю о морѣ, да объ утопленникахъ.

— Вздоръ старикъ, смѣясь сказалъ Ридль.—Морской воздухъ вылечитъ тебя.

— Какую же вѣсть ты сообщишь мнѣ? спросилъ Фюреръ, когда Ридль помѣстился подлѣ него.

— Можешь угадать ее, отвѣчалъ Ридль.—Ульрика умерла. Согласно твоему желанію я былъ у нея, чтобы поговорить съ нею о ея будущемъ, такъ какъ ты вообразилъ, что несмотря ни на что, ты обязанъ не бросать ее. Я нашелъ ее умирающей. Ты знаешь, что она не была счастлива при своихъ похожденіяхъ съ герцогомъ; послѣ роковой встрѣчи, съ ней было то, что бываетъ съ лунатиками, пробуждающимися вдругъ отъ сна. Хотя она еще жила, но мечта изчезла, а сердце и духъ ея были разбиты. Немудрено, что она захворала горячкою, и пролежала недѣли между жизнью и смертью. Когда она оправилась, какое-то новое, ужасное приключеніе произвело страшный возвратъ болѣзни, отъ котораго она черезъ нѣсколько дней умерла. Она умерла, какъ слѣдовало умереть твоей женѣ. Въ этомъ письмѣ она прощается съ тобою, и проситъ простить ее.

Слезы блеснули на глазахъ Фридриха, когда онъ взялъ письмо и тотчасъ же хотѣлъ распечатать его.

— Не теперь, сказалъ Ридль, удерживая его,—во время долгаго пути, тебѣ довольно будетъ времени заняться этимъ завѣщаніемъ легкомыслія.

Лодка пристала у „Красавицы Елены“ и разговоръ прекратился. Друзья вышли, и Виндрейтеръ за ними. На верху, на послѣдней ступени веревочной лѣстницы, онъ вдругъ поблѣднѣлъ и зашатался, и не будь подлѣ него матроса, схватившаго его за руку, онъ навѣрное упалъ бы въ море.

— Старикъ, вѣдь надъ тобой смѣяться будутъ, сказалъ ему Ридль, въ то время какъ Фюреръ уже шелъ по палубѣ.—Неужели ты такая земляная крыса, что съ перваго шага на корабль у тебя голова кружится?

— Не знаю, что со мною дѣлается, господинъ докторъ, сказалъ Виндрейтеръ.—Но въ головѣ у меня не все въ порядкѣ. Я

Digitized by Google

не новичокъ на водѣ, и бывалъ въ такихъ положеніяхъ, что не всякій бы рѣшился на нихъ, и голова у меня не кружилась; а тутъ только-что хотѣлъ выйти на палубу, какъ мнѣ представился утопленникъ. Что это значитъ, господинъ докторъ?

— Это значитъ, сказалъ Ридль,—что я сейчасъ поговорю съ корабельнымъ докторомъ, чтобы онъ выпустилъ тебѣ побольше крови.

Онъ оберпулся, отыскивая глазами Фюрера, и увидѣлъ, что онъ разговаривалъ съ Шроффенштейномъ и чиновникомъ, въ то время, какъ капитанъ стоялъ подлѣ нихъ съ мрачнымъ и недовольнымъ лицомъ.

— Это что такое? съ удивленіемъ проговорилъ Ридль.—Неужели мы еще не добрались до конца? Пойду поближе, да послушаю.

— Вы, сударь, здѣсь? воскликнулъ Фюреръ, когда Шроффенштейнъ неожиданно всталъ передъ нимъ на палубѣ и попросилъ нѣсколько минутъ разговора.—Такъ вамъ дѣйствительно удалось еще набросить мнѣ петлю, при первомъ моемъ шагѣ къ свободѣ?

— Удивленіе ваше доказываетъ, сказалъ Шроффенштейнъ,—какъ мало знаете вы учрежденія государства, которое вы такъ тяжко оскорбили, и которое такъ смѣло желали преобразовать. Но вы видите, что порицаемое вами управленіе умѣетъ защищаться! Вы въ моей власти, сударь, и управленіе этого города дало мнѣ вотъ этого чиновника; но прежде, чѣмъ я воспользуюсь этою властью, мнѣ хотѣлось бы доказать вамъ, что я никогда не былъ вашимъ врагомъ, мнѣ хотѣлось бы даже доставить вамъ возможность безпрепятственно продолжать вашъ путь.

— Это любопытно знать, сказалъ Фридрихъ,—хотя я и не вѣрю, чтобы управленіе этого города, который зоветъ себя свободнымъ, изъявило свою готовность помогать вамъ въ вашихъ козняхъ.

— Объ этомъ послѣ. Прежде, чѣмъ съ вами будетъ говорить министръ, сударь, вы должны видѣть во мнѣ отца, ожидающаго отъ васъ объясненія.

— Отца?

— Вамъ конечно извѣстно, продолжалъ Шроффенштейнъ, отходя немного въ сторону; — что фрейленъ фонъ-Фалькенгофъ была же-

Digitized by Google

ною моего сына, и что она овдовѣла, когда они ѣхали отъ вѣнца. По существующимъ у насъ законамъ, по семейнымъ и родовымъ правамъ, молодая вдова лично вмѣстѣ съ своимъ состояніемъ находится подъ покровительствомъ главы семейства, которымъ я имѣю честь быть. Въ припадкѣ помѣшательства, особа эта нашла лучшимъ избавиться отъ моего надзора. Мнѣ извѣстно, что вы знаете эту особу, и что впродолженіе вашей кратковременной государственной карьеры между вами и ею существовали различныя сношенія. Я даже сильно подозрѣваю, что при вашемъ освобожденіи она играла немаловажную роль. Поэтому я считаю болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что вы знаете ея мѣстопребываніе.

— Вы ничуть не ошибаетесь, приписывая освобожденіе мое преимущественно чувствамъ дружбы, издавна существовавшей между мною и фрелейнъ Фалькенгофъ, отвѣчалъ Фюреръ; — но тѣмъ не менѣе послѣднее предположеніе ваше неосновательно. Мы простились другъ съ другомъ, и съ тѣхъ поръ я не видалъ ее, хотя очень желалъ этого, и ничего не слыхалъ о ней.

— Подумайте, сударь, сказалъ Шроффенштейнъ, принявъ угрожающій тонъ.— Обдумайте ваши слова! Ваша будущность, можетъ быть, даже жизнь ваша зависитъ отъ нихъ. Скажите мнѣ мѣстопребываніе Примитивы, и вы безпрепятственно уѣдете! Но спѣшите! Намъ нельзя терять ни минуты.

— Ну такъ сами не тратьте драгоцѣннаго времени, холодно отвѣчалъ Фридрихъ. — Вы слышали уже, что я знаю; кромѣ того примите мое увѣреніе, что если бы я и зналъ мѣстопребываніе фрейленъ фонъ-Фалькенгофъ, то послѣднему бы вамъ сообщилъ его. Такой поступокъ можетъ быть совершенъ развѣ только вами, развѣ только вы могли бы выдать жертву, счастливо ускользнувшую отъ васъ, какъ плату за свое собственное спасеніе!

— Такъ вы не хотите? Хорошо, въ такомъ случаѣ я еще разъ вернусь въ городъ и возобновлю свои поиски, вы же пѣняйте сами на себя, что лишили себя послѣдняго открывавшагося вамъ исхода. Идемте! сказалъ онъ, обращаясь къ чиновнику.—Узнаемъ, не счастливѣе ли кончились поиски въ городѣ, и нѣтъ ли увѣдомленія отъ моего правительства!

— Damn! вскричалъ капитанъ, стоявшій тутъ же и изъявляв-

Digitized by Google

шій крайнее неудовольствіе.—Долго ли это еще протянется? Долго ли мнѣ еще ждать?

— Вѣдь я передалъ вамъ приказаніе высшей полиціи, съ достоинствомъ сказалъ чиновникъ. — Сенатъ отдалъ приказъ, чтобы корабль вашъ задержать до двѣнадцати часовъ; до тѣхъ поръ все рѣшится. Какъ пробьетъ двѣнадцать часовъ можете поднять паруса, но ни секунды ранѣе, если не хотите познакомиться съ пушками нашей гаваньской батареи.

— Damn! проворчалъ капитанъ, сердито щипнувъ себя за бороду.—Выѣзжай я четвертью часомъ ранѣе, и они могли бы послать приказъ свой только мнѣ вслѣдъ, и ничего бы не взяли съ меня! Все безполезныя задержки у этихъ нѣмцевъ! Надо замѣтить это себѣ на всякій случай!

— Проклятый шпіонъ! гнѣвно вскричалъ Ридль, поднявъ кулакъ вслѣдъ за удалявшейся лодкой. — Но это не пройдетъ тебѣ даромъ. Идемъ, Фридрихъ! вернемся тоже въ городъ. Возьми деньги и бумаги, а вещи и плата за проѣздъ пусть пропадаютъ! Что за важность! Когда они вернутся, они не найдутъ тебя. Въ городѣ довольно тайныхъ убѣжищъ.

— Я ѣду съ тобою, другъ мой, сказалъ Фридрихъ, — не для того, чтобы спасти себя, потому что никакъ не могу серьезно предположить, чтобы благородный свободный городъ могъ безнаказанно нарушать свои принципы и попирать свободу, но для Примитивы! Очевидно, она гдѣ нибудь недалеко. Шроффенштейнъ преслѣдуетъ ее, какъ я понялъ изъ его словъ, какъ помѣшанную, какъ бѣжавшую отъ родныхъ, искательницу приключеній? Могу ли я уѣхать, не повидавшись съ нею? Развѣ не слѣдуетъ мнѣ спасти ее? И хоть бы мнѣ пришлось погибнуть самому, я все-таки не могу оставить ее въ рукахъ этого человѣка!

— Ну такъ и есть! вскричалъ Ридль, всплеснувъ руками.—У самого еще на шеѣ петля, а ужь онъ думаетъ спасать другихъ. Это чисто нѣмецкое благородство! но это-то само по себѣ великое качество и составляетъ наше несчастіе. Мы нѣмцы ни на минуту не можемъ избавиться отъ этихъ понятій, и если случится когда нибудь серьезно быть—я не могу сказать дурнымъ, но немного благоразумнымъ и нѣсколько эгоистичнымъ, то этимъ мы не кончаемъ,

Digitized by Google

а погибаемъ отъ своего благородства, какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлымъ народомъ!

Они пошли къ лодкѣ, въ которую хотѣли спуститься.

— Идемъ съ нами, старикъ! сказалъ Ридль Виндрейтеру.—Ты будешь намъ нуженъ.

Виндрейтеръ наклонился къ веревочной лѣстницѣ и спустилъ уже ногу, какъ вдругъ голова у него закружилась и онъ, потерявъ равновѣсіе, зашатался, и крикнувъ: „Опять утопленники!“ упалъ въ море.

Крича и призывая на помощь, бросились матросы въ приготовленную лодку, съ баграми и веревками, но все было напрасно, только валы съ плескомъ разбивались о корабль, а тѣло нигдѣ не показывалось. Пассажиры и экипажъ пораженные стояли на палубѣ, а корабельный священникъ сложилъ руки и далъ знакъ, чтобы присутствующіе помолились за душу погибшаго

— Странно! обратился Ридль къ Фюреру.—Что это—случай, или предчувствіе? Но ты самъ слышалъ, что послѣдніе дни онъ все бредилъ утопленниками?

Во время этой суматохи никто не замѣтилъ, что отъ дамбы отчалила лодка и подъѣхала къ кораблю.

— Эй! крикнулъ матросъ.—Спустите сходню! Дураки! развѣ не видите, что въ лодкѣ дамы, не пойдутъ же онѣ по веревочной лѣстницѣ.

Пріѣхавшія вошли на палубу; Примитива, а за нею горничная бросились къ Фюреру.

— Слава тебѣ, Господи! вскричала Примитива.—Вы тутъ! Ну теперь все въ порядкѣ! Провидѣніе наградило меня, и я вижу васъ передъ отъѣздомъ. Я вижу васъ, вижу, что предпріятіе наше удалось вижу васъ въ безопасности и могу проститься съ вами хорошенько, чего нельзя было сдѣлать при вашемъ бѣгствѣ.

— Примитива! вскричалъ Фюреръ, дрожа отъ радости.—Такъ и точно вижу васъ? Такъ мнѣ не пришлось разстаться, не увидавъ васъ, еще разъ не поблагодаривъ васъ и не сказавъ вамъ...

Онъ остановился. Примитива опустила взоръ, она не въ силахъ была просить его окончить прерванную рѣчь.

— Мнѣ тоже очень отрадно видѣть васъ, сказала она, помол-

Digitized by Google

чавъ немного.—Я не скрою, что теперь исполнилось мое единственное, лучшее желаніе. Отправляйтесь же съ Богомъ, желаю вамъ... Она остановилась, тяжело вздохнувъ.—А я, продолжала она,—отправлюсь къ своимъ родственникамъ которыхъ вы знаете, въ южную Францію, и тамъ въ тихомъ уединеніи посвящу остатокъ дней своихъ горю и воспоминанію Обѣщайте мнѣ, Фридрихъ, увѣдомлять иногда о себѣ! Это будетъ лучомъ, звѣздой въ моей мрачной жизни!

— О Господи! вскричалъ Фюреръ.—Что говорите вы мнѣ! Отъ радости свиданія я забылъ, какъ грозитъ вамъ опасность. Графъ Шроффенштейнъ здѣсь: онъ ищетъ васъ и хочетъ принудить васъ возвратиться съ нимъ.

— Такъ онъ нашелъ-таки мой слѣдъ? отвѣчала Примитива. — Такъ мои объѣзды, чтобы обмануть его и сбить съ пути, вслѣдствіе которыхъ я такъ поздно пріѣхала сюда, были напрасны. Все-таки я не боюсь его.

— Не слишкомъ ли вы легко, сказалъ Ридль, подходя, — смотрите на это дѣло; я слышалъ изъ его разговоровъ, что онъ, основываясь на законѣ, требуетъ вашего возвращенія.

— Но вѣдь это невозможно! вскричала Примитива.—Скажите мнѣ! Хотя онъ грозилъ мнѣ запереть меня, какъ помѣшанную, но какъ исполнитъ онъ эту угрозу? Какое правосудіе поможетъ ему въ этомъ случаѣ?

— Не слишкомъ ли вы надѣетесь! сказалъ Ридль.—Нѣтъ такой несправедливости, которая бы не пряталась за законностью; нѣтъ такого насилія, котораго бы когда нибудь какое нибудь правосудіе не совершало подъ буквою закона. Я боюсь, что онъ запасся полномочіемъ нашего правительства. Здѣшнее управленіе можетъ не отказать ему.

— Къ чести этого города, этому нельзя повѣрить, вскричала Примитива.—Я объясню суду, что онъ добивается опеки надо мною, только для того, чтобы распоряжаться моимъ состояніемъ. Пусть они выслушаютъ и посмотрятъ, сумасшедшая ли я.

— Все-таки это нехорошо, сказалъ Ридль,—вѣдь у насъ существуетъ законъ, предоставляющій главѣ благородной фамиліи право попечительства надъ женщиною. Закону этому уже лѣтъ

Digitized by Google

двѣсти, онъ устарѣлъ и не исполняется, но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и можетъ въ случаѣ надобности быть примѣненъ.

— Ну такъ вмѣсто того, чтобы разсуждать, посовѣтуй что нибудь! сказалъ Фюреръ.—Вѣрно только то, что фрейленъ не слѣдуетъ попадать въ ловушку этого человѣка. Поѣдемте на берегъ! Мы еще успѣемъ. И бѣжимъ вмѣстѣ!

— Чтобы какъ разъ попасть къ нему въ лапы! отвѣчалъ Ридль.— На кораблѣ вы еще въ большей безопасности! Почемъ знать, не нашелъ ли уже онъ слѣдовъ графини, и не увѣдомленъ ли о ея пребываніи здѣсь? Въ крайнемъ случаѣ вамъ поневолѣ надо рѣшиться прокатиться въ Америку.

— А если все ему извѣстно! съ жаромъ вскричалъ Фюреръ,— пусть-ка онъ пріѣдетъ и попробуетъ отнять ее у меня! Только вмѣстѣ съ жизнью уступлю я ее.

— Это очень хорошо! и очень по-рыцарски, сказалъ Ридль,— и по лицу графини вижу я, что это ей не непріятно, но, обсудивъ хладнокровно, ты согласишься самъ, что силою тутъ ничего не сдѣлаешь. Есть гораздо болѣе простое средство, которое сразу можетъ отстранить и уничтожить всѣ препятствія.

— Какое? быстро спросила Примитива.

— Средство! Укажи же средство! настаивалъ Фюреръ.

Ридль улыбаясь посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Ну, сказалъ онъ,—для профессора юриспруденціи и бывшаго министра вопросъ такой нѣсколько наивенъ! Онъ извиняется только твоимъ настоящимъ волненіемъ и разсѣянностью. Этотъ старый законъ, ставящій женщину въ такую зависимость, относится только до незамужнихъ женщинъ. Замужнія же зависятъ отъ своихъ мужей. Женись на фрейленъ! И тогда пусть Шроффенштейнъ является съ своимъ закономъ. Вѣнчайся! Если я не ошибаюсь, тебѣ не трудно рѣшиться на это!

— Примитива, вспыхнувъ, сказалъ Фюреръ покраснѣвшей Примитивѣ,—слышали ли вы эти слова, звучащія для меня благословеніемъ моей родины! Да, это такъ, это волшебство, отъ котораго распадается все! Говорите, Примитива, можете ли вы рѣшиться привести въ исполненіе лучшую мечту нашей юности?

Digitized by Google

Онъ взялъ ее за руку и тихо привлекъ къ себѣ. Она не сопротивлялась и съ чувствомъ посмотрѣла на него.

— Да, прошептала она;—позвольте мнѣ въ отвѣтъ вамъ высказать признаніе того, что съ самаго дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ я стала чувствовать и думать, я любила васъ. Я принимаю вашу руку, другъ мой, и пойду съ вами на конецъ свѣта, и буду вашей.

— Браво! вскричалъ Ридль, взявъ за руки молодую чету. — Ну теперь сейчасъ васъ надо поймать на словѣ! Вы оба свободны и не связаны; въ этомъ я могу свидѣтельствовать, бумаги всѣ съ вами, въ свидѣтеляхъ недостатка не будетъ; капитана и меня достаточно, да и священника я, кажется, тутъ видѣлъ! Это все въ моемъ духѣ. Четверть часа тому назадъ смерть, а теперь полная жизнь; тамъ неожиданная могила, а тутъ свадьба на палубѣ! Приготовьте кольца. До пріѣзда шпіона васъ надо соединить, такъ чтобы никакая консисторія не могла развести!

Чета, пораженная своимъ счастіемъ, едва понимала слова благороднаго друга, она едва замѣтила, что онъ ушелъ, и очнулась только, когда капитанъ и пасторъ подошли удивленные неожиданностью и узнавъ обо всемъ случившемся, высказали искреннія пожеланія счастья. Не было причины препятствовать соединенію влюбленныхъ и потому вскорѣ матросы, пассажиры, въ свою очередь крайне удивленные, съ любопытствомъ образовали кружокъ около главной мачты. Около самой мачты стоялъ пасторъ и соединялъ руки колѣнопреклоненной четы.

Кажется, никогда не произносилось съ такой искренностью *Да* передъ священнымъ алтаремъ.

„Пути Господа,—заключилъ проповѣдникъ свою краткую рѣчь,— неисповѣдимы, но всѣ они ведутъ къ одной цѣли! Чета эта соединяется не въ священномъ домѣ, ее не сопровождаютъ на важномъ пути ни музыка, ни пѣніе. Она вступаетъ въ жизнь не въ праздничномъ нарядѣ, но тѣмъ не менѣе духъ Всевышняго вѣетъ на насъ сильнымъ морскимъ дыханіемъ. Какъ торжественные звуки органа, шумятъ гребни волнъ и жемчужные брызги ихъ служатъ намъ украшеніемъ. Небо покрываетъ насъ, какъ мощный соборный куполъ; мы чувствуемъ всѣ, что Господь Богъ въ настоящую ми-

Digitized by Google

минуту съ нами; да пребудетъ же Онъ съ нами и съ этой четой вмѣстѣ съ своимъ благословеніемъ до скончанія дней! Аминь".

Всѣ стояли тронутые и молчали.

— Высокопочтенный пасторъ! сказалъ Ридль, пожавъ руку проповѣдника;—жаль, что намъ приходится разстаться. Вы сказали все что нужно. А вы, прелестная женщина! обратился онъ къ Примитивѣ, стоявшей подъ руку съ мужемъ у борта и влажными отъ слезъ глазами смотрѣвшей въ даль; — не раскаявайтесь, что вѣнчались безъ вѣнка! Настоящая минута возложила на васъ невидимый и неувядаемый вѣнокъ! Такъ будьте же счастливы! Будьте такъ счастливы, друзья мои, какъ вы того заслуживаете, и пусть счастье ваше длится столько же, сколько воспоминаніе обо мнѣ! Вотъ мое „Аминь".

Въ то же самое время, герцогъ Феликсъ, сидѣлъ въ своихъ комнатахъ у письменнаго стола надъ грудами бумагъ, и казался очень разстроеннымъ.

Поѣздка герцога въ сосѣднюю столицу не произвела ожидаемаго дѣйствія, вмѣсто того, чтобы разсѣять его, онъ вернулся еще въ болѣе безпокойномъ и раздраженномъ состояніи, чѣмъ былъ передъ отъѣздомъ. Извѣстія о судьбѣ Фюрера, о приговорѣ надъ нимъ, о его бѣгствѣ, о бѣдствіи всего города и страны потрясли его нѣжное сердце, слухъ же о смерти Ульрики глубоко поразилъ его. Что надѣлалъ онъ! Какія чудныя возбудилъ надежды, и какъ осуществились онѣ? Онъ посѣялъ благословеніе и пожалъ теперь проклятіе. Въ часы уединенія, молодого герцога преслѣдовали образъ изгнаннаго изъ родины друга его, и блѣдное мертвенное лицо несчастной Ульрики.

Онъ сидѣлъ за столомъ съ какимъ-то отчаяніемъ, положивъ голову на руки, какъ вдругъ дверь тихо отворилась и камердинеръ, осторожно просунувъ голову, приговорилъ:

Digitized by Google

— Ваше высочество, сюда идутъ герцогиня и господинъ фонъ-Овербергенъ и другіе господа; они торопятся, вѣроятно что нибудь важное.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ вошли герцогиня, фонъ-Овербергенъ и судья Веберъ.

— Извини меня, сынъ мой, вскричала герцогиня,—что я прихожу къ тебѣ такъ рано, и не одна! Но получены важныя извѣстія. Господа, говорите!

— Да, торжественно проговорилъ Овербергенъ;—важныя извѣстія, великое происшествіе, которое подобно чуду доказываетъ, что нить всемірной исторіи находится въ рукѣ вѣчнаго и всемогущаго провидѣнія. Преступникъ, бѣгствомъ избавившійся наказанія, найденъ въ ту самую минуту, какъ онъ садился на корабль, чтобы уѣхать въ Америку, и задержанъ. Министръ Шроффенштейнъ, уѣхавшій за нимъ, выхлопоталъ, чтобы мѣстныя власти задержали его до полученія приказаній вашего высочества.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ взволнованный герцогъ Феликсъ.—Фюреръ задержанъ. Такъ онъ опять у меня въ рукахъ?

— И теперь ты не выпустишь его? проговорила герцогиня.

— Вы конечно посовѣтуете мнѣ арестовать его, привезти сюда и наказать? спросилъ Фюреръ, пристально смотря на всѣхъ поочередно.—И вы, конечно, благочестивый господинъ фонъ-Овербергенъ. И вы, какъ судья и какъ юристъ? Ну а я вамъ скажу, что думаю объ этомъ совершенно не такъ. Я втайнѣ радовался, что Фюреръ ушелъ изъ моихъ рукъ, въ этомъ я видѣлъ указаніе Провиденія, желавшаго избавить меня отъ труда рѣшенія этой задачи, я считалъ это предостереженіемъ свыше, что я не долженъ быть судьей того, что произошло между мною и этимъ человѣкомъ.

— Подумайте „ваше высочество, вскричалъ Овербергенъ,—какъ необходимо дать строгій примѣръ на такой смѣлой личности! Я настаиваю не на его смерти. Ваше высочество всегда можете оказать въ этомъ случаѣ милость, но нельзя выпускать его, нельзя оставлять безнаказаннымъ, чтобы онъ насмѣхался надъ вами на чужбинѣ.

— Насмѣхался! мрачно и тихо проговорилъ герцогъ Феликсъ.—Дай Богъ, чтобы я могъ ожидать отъ него только насмѣшки и ничего болѣе!

Digitized by Google

— И ты еще колеблешься въ рѣшеніи? вскричала герцогиня, подходя къ нему.—Неужели ты опять сомнѣваешься?

— Нѣтъ, помолчавъ сказалъ герцогъ;—я все думаю о слѣдствіи, все размышляю, какимъ образомъ человѣкъ, который былъ прежде моимъ ближайшимъ другомъ, могъ стать предводителемъ возстанія, могъ такъ обмануть меня.

— Да, вскричала герцогиня;—и обманулъ уже не въ первый разъ, а еще и раньше, уже въ то время, когда ты считалъ его своимъ лучшимъ другомъ, когда ты избралъ его министромъ! Никогда не было у него иной мысли, кромѣ желанія привести въ исполненіе свои тайные планы, тайно работать подъ прикрытіемъ своего государя, вполнѣ довѣрившагося ему, пока не представится возможности устроить республику на обломкахъ трона. Вотъ какія были его намѣренія, когда онъ вступалъ къ тебѣ на службу; вотъ какая была его дѣятельность еще во время перваго возстанія.

— Это неправда! вскричалъ Феликсъ.—Это не можетъ быть правдой. У меня есть доказательства.

— А у меня есть доказательства противнаго, вскричала герцогиня.—Судья Веберъ, говорите! Отъ васъ я слышала, что вы были сами свидѣтелемъ, какъ онъ говорилъ возмутительную, республиканскую рѣчь.

— Право? спросилъ Феликсъ.—Что знаете вы объ этомъ? Когда и гдѣ это было?

— Въ ночь возстанія, сказалъ Веберъ,—за нѣсколько минутъ до смерти его высочества покойнаго герцога. Это было на углу площади. Профессоръ уговаривалъ народъ, взявъ въ руки власть, не останавливаться на этомъ, и совершенно уничтожить престолъ.

— Слышишь, сынъ мой? съ торжествомъ вскричала герцогиня.—Что скажешь теперь?

— Что скажу? вскричалъ Феликсъ, выпрямляясь во весь ростъ.—Что этотъ господинъ, называющій себя судьей и юристомъ, производящій слѣдствія и осмѣливающійся произносить приговоры надъ другими—лжецъ! Онъ солгалъ, вопіющимъ образомъ солгалъ! Узнайте же, что я самъ былъ въ тотъ вечеръ тайно въ городѣ! Переодѣтый стоялъ я въ то время въ этомъ мѣстѣ, въ толпѣ,

Digitized by Google

сзади самого Фюрера, и слышалъ всякое произносимое имъ слово! Прочь съ глазъ моихъ, несчастный! продолжалъ онъ, обращаясь къ Веберу.—И вы осмѣлились претендовать на высшее судебное мѣсто въ странѣ?—и я чуть не былъ ослѣпленъ до того, что согласился было на ваше назначеніе. Уходите, или гнѣвъ мой укажетъ приличное вамъ мѣсто. Колебаніе мое кончено, строго проговорилъ онъ, обращаясь къ остальнымъ;—послѣднее сомнѣніе уничтожено, и, вмѣстѣ съ нимъ, послѣдняя вѣра во все, что я слышалъ изъ устъ вашихъ; отъ нынѣ не принимаю никакихъ совѣтовъ вашихъ! Кто когда нибудь подлилъ мнѣ хоть каплю яду въ чашу, тотъ никогда не будетъ болѣе пользоваться моимъ довѣріемъ. Вы, господинъ Овербергенъ, послѣ того, что я узналъ въ сосѣднемъ государствѣ о вашей дѣятельности, сдѣлаете гораздо лучше, если отправитесь туда, гдѣ поле для этой дѣятельности будетъ обширнѣе, чѣмъ у меня въ моихъ владѣніяхъ. Я лишенъ Фюрера по своей собственной винѣ и по чужому преступленію, но я постараюсь видѣть самъ, дѣйствовать самъ, и надѣюсь найти для этого силы въ томъ, что я пережилъ!

Онъ взялъ кольцо Фюрера и надѣлъ его себѣ на палецъ.

— Не смѣйте никто, снова вскричалъ онъ,—подъ страхомъ моего гнѣва вмѣшиваться въ судьбу человѣка, бывшаго моимъ министромъ! Я самъ дамъ отвѣтъ! Ждите моего рѣшенія!

Гнѣвно и гордо вышелъ онъ изъ комнаты, и оставилъ герцогиню почти въ безпамятствѣ опустившуюся на руки Овербергена.

— Господи! прошептала она.—Все погибло!

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, грустно улыбаясь,—только неудался планъ, который удастся въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ.

У устья Эльбы „Красавица Елена“ ждала между тѣмъ своего выхода изъ гавани. Нетерпѣливо ходилъ капитанъ взадъ и впередъ по палубѣ и безпрестанно смотрѣлъ на часы.

Digitized by Google

— Damn! вскричалъ онъ,—уже половина двѣнадцатаго! Готовьтесь, ребята! Только что пробьетъ двѣнадцать, мы поднимемъ якорь, хоть бы пришлось намъ головы сломать!

— Вотъ ѣдутъ, господа, крикнулъ лоцманъ.—Кажется, они очень спѣшатъ; а за ними по улицѣ бѣжитъ человѣкъ съ бумагой или письмомъ. Вѣрно это почтальонъ, но они не обращаютъ на него вниманія и уже отчалили.

Черезъ нѣсколько минутъ Шроффенштейнъ съ чиновникомъ былъ на кораблѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ Фюреръ подъ руку съ Примитивой.

— Ну вотъ, вѣдь я былъ правъ! вскричалъ министръ.—Предположенія мои были основательны, и теперь я знаю, какъ можно полагаться, сударь, на ваши увѣренія.

— Я отвергаю такое обвиненіе, сударь, отвѣчалъ Фюреръ.—Когда я говорилъ вамъ, что не знаю мѣста пребыванія этой особы, я говорилъ вамъ правду. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда пріѣхала она сюда на корабль.

— У меня нѣтъ ни времени, ни охоты разбирать это, сказалъ Шроффенштейнъ, презрительно отвертываясь и обращаясь къ чиновнику. — Вотъ та дама, о которой я говорилъ вамъ. У васъ есть предписаніе герцогскаго суда задержать эту сумасшедшую искательницу приключеній, и передать ее мнѣ какъ ближайшему родственнику. Прошу васъ исполнить предписаніе.

— Дѣйствительно такъ, сказалъ чиновникъ, нѣсколько смущенный спокойствіемъ и достоинствомъ, съ какимъ Примитива слушала все;—если я имѣю честь говорить съ фрейленъ фонъ-Фалькенгофъ или со вдовою графа Шроффенштейна, то я долженъ просить васъ слѣдовать за этимъ господиномъ.

— Слѣдовать она не будетъ, отвѣчалъ Фюреръ. — Позвольте мнѣ отвѣчать за нее! Она не та, которую вы назвали. Эта дама носитъ имя Примитивы Фюреръ, она жена моя; нѣсколько минутъ тому назадъ мы обвѣнчались въ виду многихъ свидѣтелей.

Чиновникъ остановился пораженный, Шроффенштейнъ же вспыхнулъ и внѣ себя воскликнулъ:

— Обвѣнчались? Этого не можетъ быть! Пустыя отговорки! Безъ согласія попечителя такой бракъ недѣйствителенъ

Digitized by Google

— Ну въ этомъ случаѣ вы ошибаетесь, ваше сіятельство, подойдя сказалъ Ридль.—Ваши законныя права не простираются настолько, чтобы вы могли воспрепятствовать браку. Вы можете замазать чернымъ одну досчечку въ вашемъ родословномъ деревѣ, но жена моего друга съумѣетъ перенести это несчастіе.

— Вы видите, сударь, сказала Примитива,—что старанія ваши напрасны; добыча, на которую вы уже совершенно разсчитали, ускользнула отъ васъ. Перестаньте же преслѣдовать меня! Я забуду все, и обѣщаю вамъ сохранить объ васъ невраждебное воспоминаніе. И вы постарайтесь не сердиться при имени женщины, совершенно счастливой, что она можетъ вполнѣ принадлежать человѣку своего сердца и слѣдовать за нимъ всюду, куда броситъ его судьба.

Шроффенштейнъ стоялъ кусая себѣ губу отъ безсильной злобы, когда къ кораблю подъѣхалъ посланный, замѣченный еще прежде лоцманомъ.

— А! радостно переведя духъ вскричалъ Шроффенштейнъ;—телеграмма его высочества! Ну такъ слѣдуйте за своимъ супругомъ! Вотъ мы сейчасъ узнаемъ, куда броситъ его судьба.

Онъ распечаталъ конвертъ, прочиталъ и уронилъ депешу на полъ. Потомъ молча пошелъ къ лодкѣ, вслѣдъ за нимъ пошелъ и чиновникъ.

Ридль поднялъ телеграмму, въ то время какъ она упала изъ рукъ графа.

— Кажется, не совсѣмъ-то пришлось по вкусу! смѣясь воскликнулъ онъ.—Слушайте-ка, эта телеграмма отъ самого герцога. „Я повелѣваю“ читалъ онъ,—„ничѣмъ не препятствовать отъѣзду бывшаго моего министра, профессора Фюрера. Пусть это послужитъ ему доказательствомъ, что другъ его не сдѣлался врагомъ! Онъ услышитъ еще обо мнѣ, и то, что онъ услышитъ, вѣрно примиритъ его со мною. Герцогъ Феликсъ“.

На городскихъ башняхъ часы пробили двѣнадцать; матросы привѣтствовали первый ударъ громкимъ крикомъ, и бросились по своимъ мѣстамъ. Цѣпь якоря зазвучала, колесо застучало, и весь этотъ шумъ заглушался голосомъ капитана.

Ридль молча поцѣловалъ Фридриха, пожалъ руку Примитивѣ, и сошелъ въ лодку. Съ борта онъ махалъ платкомъ, когда „Кра-

Digitized by Google

савица Елена" величественно закачалась и, поднявъ паруса, съ увѣренностью освободившейся птицы, полетѣла въ открытое море.

Примитива и Фридрихъ стояли около мачты, обнявъ другъ друга, и въ отвѣтъ тоже махали платками.

— Ну, вотъ скрывается старый свѣтъ изъ глазъ нашихъ, вскричалъ Фридрихъ, крѣпче прижимая къ себѣ жену.—Мы какъ блаженные духи уносимся отъ него, отъ тяжелаго, болѣзненнаго тѣла, въ новую отчизну, въ отчизну свободы и счастія! Прощай же, со всѣмъ, что было дорого намъ, съ горемъ и радостями, съ заботами и надеждами, прощай, любимая, съ болью любимая страна! Мы не принадлежимъ тебѣ болѣе, но сердца наши никогда не перестанутъ быть съ тобой! Будь счастлива, милая нѣмецкая родина, такъ счастлива, какою мы представляемъ тебя въ мечтахъ нашихъ! Я знаю, ты будешь такъ счастлива! Я чувствую, ты будешь счастлива и свободна, наступитъ время, когда всѣ силы твои сольются въ стройное цѣлое, и нельзя будетъ болѣе сказать, что пѣшій конному не товарищъ.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

КЪ ИТАЛІИ.

(Изъ Леопарди.)

О родина! передо мной стоитъ,
Какъ нѣкогда стояли башни, своды,
Твоихъ дворцовъ осиротѣлый рядъ,—
Нѣтъ только славы прежней и свободы.
Заржавѣлъ мечъ и лавръ увялъ давно,
Стыдливое чело обнажено,
Изъ тайныхъ ранъ струится кровь ручьями:
Какъ ты слаба,—прекрасная моя!
О небеса! и ты, о мать-земля!—
Окована позорными цѣпями,
Разсыпавъ волны пышныя кудрей,
Скрывая ликъ, блѣдна, безъ покрывала,
Она поникла головой усталой
И слезы льетъ изъ гаснущихъ очей.
Напрасный плачъ, безсильныя рыданья!
Италія, о край родимый мой,
Ты рождена и въ счастьи, и въ страданьи
Плѣнять сердца всесильной красотой.
Прекрасная, когда-бъ глаза твои
Вдругъ превратились въ два живыхъ потока,
Они-бъ оплакать не могли
Твою печаль и твой позоръ глубокій.
Страшна твоя позорная судьба—
Была царицей— нынче ты раба!
О кто, твой блескъ минувшій вспоминая,
Не скажетъ: гдѣ величье прежнихъ дней,
Твои орлы и сила боевая,
Кто отнялъ мечъ изъ рукъ твоихъ дѣтей,
Предавъ тебя? Кто хитростью коварной
Иль силою съ державнаго чела,
Глумясь, сорвалъ вѣнецъ твой лучезарный?

Digitized by Google

Какъ съ высоты ты въ бездну пасть могла?
Ужель никто могучею рукою
Не защититъ, красавица, тебя?
Оружье здѣсь: на бой съ врагами я
Стремлюсь одинъ съ безтрепетной душою;
Но пусть моя не даромъ льется кровь:
Услышь, о небо, жаркое моленье,
Что-бъ въ гражданахъ твоихъ и пламень мщенья
Зажгла она, и къ родинѣ любовь.
Оружья звукъ и клики слышу я,
И стукъ колесъ, и трубы раздаются,—
Отчизна-мать, страдалица моя,
Твои сыны въ чужбинѣ дальней бьются,
Я слышу топотъ тысячей коней,
Вотъ пѣшихъ войскъ виднѣются громады,
И дымъ, и смрадъ, сверкаетъ сталь мечей,
Какъ сквозь туманъ горящія лампады.
О подними свой утомленный взоръ!
Ты чувствуешь отраду, утѣшенье?
Блеснулъ огонь, раздался громъ сраженья—
Не за тебя-ль? О горе, о позоръ!
За чуждый край струится кровь святая
Твоихъ дѣтей. Несчастливъ—кто угасъ,
Среди борьбы не милыхъ защищая,
Не родину, и кто въ послѣдній часъ
Не могъ сказать съ отрадой: умираю
Я за тебя, о край родимый мой,
И жизнь мою, мнѣ данную тобой,
Тебѣ же я съ любовью возвращаю.
Благословенье древности святой,
Когда сердца огнемъ любви горѣли,
На смерть съ веселой, бодрою душей
Толпы гражданъ за родину летѣли...
Безсмертны вы, ущелья Термопилъ,
Гдѣ Персія и рокъ враждебный былъ
Слабѣй бойцовъ безтрепетныхъ свободы!
И путнику немолчно съ этихъ поръ
Лѣса, поля, долины, камни, воды
И цѣпи гордыхъ Фессалійскихъ горъ
О славѣ тѣхъ звучатъ, неумолкая,

Digitized by Google

Кто въ битвѣ палъ на этихъ берегахъ,
Эллады честь и вольность защищая,
Въ тѣ дни, когда тирана обнялъ страхъ
И онъ бѣжалъ въ отчаяньи глубокомъ
За Геллеспонтъ, безславіемъ покрытъ.
Умолкла брань, и на холмѣ высокомъ
Антелы всталъ печальный Симонидъ
И бросилъ взоръ на море, на вершины,
Гдѣ умерли безсмертныя дружины.
Въ слезахъ пѣвецъ кругомъ себя глядѣлъ
И, наконецъ, дрожащею рукою
Онъ лиру взялъ и гимнъ бойцамъ запѣлъ:
«Блаженны смѣлые душою,—
На встрѣчу копьямъ и мечамъ,
Вы шли,—весь міръ дивится вамъ
И чтитъ васъ родина святая.
Преодолѣть любви не могъ
Ни громъ оружія, ни рокъ,
Ни ужасъ смерти безпощадной.
Кончины грозный, мрачный часъ,
Для всѣхъ живущихъ безотрадный,
Былъ полонъ радости для васъ.
Казалось, будто вы бѣжали
На праздникъ въ шумный хороводъ—
Увы! героевъ ожидали
Нѣмыя волны мертвыхъ водъ.
Къ вамъ жгучей боли и страданій
Утѣшить жены не пришли:
Во мракъ могилы вы легли
Безъ поцѣлуевъ и рыданій—
Но не безъ ужаса враговъ:
Какъ въ стадо тѣсное быковъ
Стремится левъ исполненъ гнѣвомъ,
Когтями мощными ихъ рвётъ
И страшной гривою трясетъ,
И наполняетъ воздухъ ревомъ,—
Вы ворвались въ толпы враговъ.
Я вижу, вижу ихъ смятенье,
Рядъ опрокинутыхъ шатровъ,
Коней и всадниковъ паденье,—

Digitized by Google

Они мѣшаютъ бѣгству ихъ,
И впереди дружинъ своихъ
Бѣжитъ ихъ вождь, стыдомъ покрытый.
Вы кровью вражеской облиты,—
Но раны васъ превозмогли:
Склонясь побѣдной головою,
Вы другъ за другомъ чередою
На трупы варваровъ легли.
Хвала! покуда слово будетъ
На языкѣ людей звучать,
Васъ голосъ міра не забудетъ
И станетъ славою вѣнчать.
Скорѣй дыханьемъ урагана;
Съ небесныхъ сорванный высотъ,
Созвѣздій яркій хороводъ
Угаснетъ въ безднѣ океана,
Чѣмъ память вашихъ дѣлъ умретъ.
Вашъ гробъ—алтарь. Придутъ съ любовью
Гречанки поклониться вамъ,
И дернъ, облитый вашей кровью,
Своимъ укажутъ сыновьямъ.
И вотъ, колѣнопреклоненный,
Склоняясь трепетнымъ челомъ,
Я въ умиленіи нѣмомъ
Цѣлую трижды прахъ священный
Земли безсмертныхъ Термопилъ.
О если рокъ мнѣ не судилъ
Среди мечей, на полѣ битвы,
Въ ущельяхъ Фессалійскихъ горъ
Смежить мой утомленный взоръ,—
Къ богамъ я нынѣ шлю молитвы,
Что-бъ слава вашего пѣвца,
Героевъ праведныя тѣни,
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній
Жила, какъ ваша, безъ конца.»

Л. Граве.

Digitized by Google

МОЖЕТЪ БЫТЬ ПОСЛѢДНЯЯ МОЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Беранже).

Я не могу быть равнодушенъ
Ко славѣ родины моей.
Теперь покой ея нарушенъ,
Враги хозяйничаютъ въ ней.
Я ихъ кляну; но предаваться
Унынью—не поможетъ намъ.
Еще мы можемъ пѣть, смѣяться...
Хоть этимъ взять—на зло врагамъ!

* * *

Пускай иной храбрецъ трепещетъ,—
Я не дрожу, хотя и трусъ.
Вино предъ нами въ чашахъ блещетъ;
Я богу гроздій отдаюсь.
Друзья! нашъ пиръ одушевляя,
Онъ силу робкимъ дастъ сердцамъ.
Давайте жь пить, не унывая!
Хоть этимъ взять—на зло врагамъ.

* * *

Заимодавцы! безпокоить
Меня старались вы всегда;
Ужь я хотѣлъ дѣла устроить,—
Случилась новая бѣда.
Вы за казну свою дрожите;
Вполнѣ сочувствую я вамъ.

Digitized by Google

Скорѣй мнѣ въ долгъ еще ссудите!
Хоть этимъ взять—на зло врагамъ!

* * *

Не безопасна и Лизета;
Бѣды бы не случилось съ ней.
Но чуть ли вѣтреница эта
Не встрѣтитъ съ радостью гостей.
Въ ней вѣрно страха не найдется,
Хоть грубость ихъ извѣстна намъ.
Но эта ночь мнѣ остается...
Хоть этимъ взять—на зло врагамъ!

* * *

Коль неизбѣжна гибель злая,
Друзья, сомкнемтесь—клятву дать,
Что для враговъ родного края
Не будетъ наша пѣснь звучать.
Послѣдней пѣснью лебединой
Пусть будетъ эта пѣсня намъ.
Друзья, составимъ хоръ единый!
Хоть этимъ взять—на зло врагамъ!

Мих. Михайловъ

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ И ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Окончаніе.)

(Люди сороковыхъ годовъ. Романъ А. Писемскаго. «Заря» 1869 г.)

XIV.

Идеальный образъ человѣка сороковыхъ годовъ представить себѣ не трудно. Писатели предыдущаго періода нарисовали цѣлую массу характеровъ своего времени. Конечно изображенія эти не отличаются полнотой и законченностью и не даютъ человѣка *цѣльнаго*, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединялись бы всѣ черты, характеризующія стремленія эпохи. Героя-титана нѣтъ. Но тѣмъ не менѣе изъ отдѣльныхъ характеровъ и изъ практическихъ результатовъ, которыми закончился предыдущій періодъ нашей исторіи, мы можемъ составить себѣ весьма точное представленіе объ основныхъ чертахъ человѣка сороковыхъ годовъ.

Съ человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ задача труднѣе. Въ законченномъ видѣ онъ еще не сформировался и не проявилъ всѣхъ своихъ спеціальныхъ особенностей настолько, чтобы ихъ можно было подвести подъ общій итогъ. Оттого и всѣ попытки изобразить человѣка шестидесятыхъ годовъ были до сихъ поръ неудачны. Человѣкъ сороковыхъ годовъ лѣтъ 25 думалъ свою думу, поправлялъ свое сужденіе, формировалъ свое міровоззрѣніе, прежде чѣмъ его

Digitized by Google

идея стала дѣломъ. Человѣкъ же шестидесятыхъ годовъ вступаетъ только во второй моментъ своего развитія и еще продолжаетъ вырабатывать свою идею.

Этого простого закона коллективнаго мышленія цѣлыми поколѣніями писатели сороковыхъ годовъ, кажется, вовсе и не подозрѣвали; иначе они не поспѣшили бы выпустить цѣлую массу романовъ, которыхъ имъ было бы лучше не писать. Но дѣло сдѣлано; старички опростоволосились и ошибки своей имъ не поправить: будущій безпристрастный историкъ, котораго г. Писемскій проситъ читать „Взбаломученное море“ *со вниманіемъ и довѣріемъ*, усмотритъ въ этомъ произведеніи лишь печальное подтвержденіе справедливости басни о лягушкѣ и волѣ, и самолюбивая увѣренность г. Писемскаго останется неудовлетворенной. Мы этому радуемся.

Но если поспѣшность писателей сороковыхъ годовъ не стяжала имъ права на историческую проницательность, за то она послужила несомнѣннымъ признакомъ того, что прогрессивное литературное поприще этихъ людей уже кончилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогло самоопредѣленію людей шестидесятыхъ годовъ. Конечно это случилось бы и помимо вмѣшательства гг. Писемскаго, Тургенева и запоздалаго предостереженія г. Гончарова; но за то теперь рѣзче и съ большимъ шумомъ „отцы“ отдѣлились отъ „дѣтей“ и гораздо ярче обнаружили весь комизмъ своей обидчивости, которую они напрасно усиливались выдавать за опытную мудрость. „Отцы“ сами подали въ отставку, а „дѣти“ только ее подписываютъ.

Г. Писемскій, тщательно собравшій въ „Взбаломученномъ морѣ“ „всю русскую современную ложь“, главными героями русскаго тупоумія дѣлаетъ Бакланова и Софью.

Баклановъ, еще юношей, обнаруживалъ великую наклонность быть истиннымъ сыномъ своего времени. Разъ къ Бакланову приходитъ его пріятель Венявинъ. Оба они были еще студентами перваго курса. „Ну скажи, давно ли сюда прибыть изволилъ?“ спросилъ Венявинъ Бакланова.—Дня три, отвѣчалъ Баклановъ.—„Съ *нею*, значитъ, ужь видѣлся?“—Разумѣется, отвѣчалъ Баклановъ и закинулъ, какъ бы въ утомленіи, голову назадъ.—„Въ такомъ случаѣ, извольте разсказывать, какъ и что было“, продолжалъ Венявинъ.—А было, отвѣчалъ Баклановъ,—что я сталъ къ

Digitized by Google

ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя!—Венявинъ даже поблѣднѣлъ.—„Какъ такъ?“ спросилъ онъ.—Такъ! И Баклановъ еще дальше закинулъ голову назадъ.—Она была, продолжалъ онъ, закрывая глаза,—грустна, какъ падшій ангелъ... Только и молила: „что вы со мною дѣлаете?..“ Но я былъ бѣшенный! прибавилъ онъ, сжимая кулаки.“ И все это Баклановъ налгалъ, хотя г. Писемскій и увѣряетъ, что это была не ложь, а скорѣе черезчуръ разыгравшаяся мечта. Отношенія, при которыхъ *невозможно уже пятиться,* заключались просто въ томъ, что Баклановъ поцѣловалъ у Сони воровски, подъ столомъ, руку; а Соня сказала: „перестаньте“.

Баклановъ баричъ и баловень. Благодаря порядочнымъ денежнымъ средствамъ, онъ ведетъ въ Москвѣ трактирную жизнь, играетъ между своими товарищами нѣкоторую роль, ломается, корчитъ либерала, дѣлаетъ въ театрѣ скандалы, а разъ даже устроилъ цѣлый заговоръ противъ танцовщицы Андріяновой, и ей бросили на сцену кошку. Самъ Баклановъ говоритъ про себя, что въ гимназіи онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и не зналъ. Что дома французскому языку только выучили, и то было забылъ. Въ университетѣ тоже... все больше какимъ-то туманомъ осталось въ головѣ. На первомъ курсѣ былъ занятъ глупою любовью къ кокеткѣ-дѣвушкѣ (Соня). Потомъ съ горя, отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и третьемъ курсахъ, пьянствовалъ и, наконецъ, на четвертый годъ—глупѣй ничего и вообразить нельзя, говоритъ Баклановъ,—клакеромъ былъ! „У меня бывало матушка только и говоритъ: Сашенька, батюшка, не учись, болѣнъ будешь!.. Сашенька, батюшка, покушай. Сашенька, поколоти двороваго мальчишку, какъ это онъ тебѣ грубіянитъ“.

Окончивъ такъ блистательно свое образованіе, Баклановъ отправился къ себѣ въ деревню. и тамъ принялся охотиться на красивыхъ дѣвокъ и посѣщать посидѣлки. Средства для любовныхъ побѣдъ не отличались особенной разборчивостію. Баклянову понравилась дѣвушка Маша. Но переговоры не удавались. Наконецъ Петръ, ходившій за Баклановымъ, рѣшилъ, что „попугать ее хорошенько надо“, и должно быть дѣйствительно попугалъ хорошо, потому что Маша явилась на свиданье. Вторымъ наставникомъ

Digitized by Google

Бакланова по этой части былъ Іона Мокеичъ. Подвиги Іоны Мокеича, прозваннаго циникомъ, отличались на поприщѣ деревенскаго волокитства такой виртуозностью, что оказывалось необходимымъ брать на подмогу кучера Гаврилу, владѣвшаго геркулесовской силой. Къ чести Бакланова нужно однако замѣтить, что для совмѣстныхъ подвиговъ съ Іоной Мокеичемъ онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточнаго присутствія духа въ трезвомъ видѣ и напивался пьянъ. Въ похвалу Бакланова можно привести и другой фактъ. Послѣ одного ночного похожденія, въ которомъ Іону Мокеича чуть не убили деревенскіе парни, является къ Бакланову Петръ и докладываетъ, что его желаетъ видѣть Маша. „Гдѣ же она?“ спрашиваетъ Баклановъ.—Въ овинѣ, на гумнѣ дожидается, отвѣчаетъ Петръ.—„Пожалуй еще чувствительность выражать будетъ! На что глупа, а это ужь понимать начинаетъ“, подумалъ Баклановъ, отправляясь въ овинъ. Въ овинѣ, совсѣмъ почти темномъ, Маша сидѣла на кучкѣ дровъ и плакала. „Что это такое? Объ чемъ?“ спросилъ ее Баклановъ.—Маменька ваша-съ, отвѣчала Маша, призывала меня вчера къ себѣ-съ.—„Н-ну?“—По щекамъ прибила-съ... „Мерзкая, говоритъ, ты...“ Замужъ приказываетъ идти-съ за Антипова сына.—„Но, вѣдь, ты не хочешь?“—Нѣтъ-съ, что хотѣть-то-съ!—„Ну и не ходи, если не хочешь!“—Выхлестать хочетъ, коли, говоритъ, не пойдешь; а я, помилуйте, чѣмъ виновата? Не своей охотой тоже шла-съ (т. е. на первое свиданье съ Баклановымъ).“ За тѣмъ послѣдовала у сына съ матерью сцена. Сынъ грозилъ отъѣздомъ, но мать не сдалась. Приглашенъ былъ, въ качествѣ посредника, Іона Мокеичъ, который и объяснилъ Бакланову, что Маша хвасталась, что Александръ, т. е. Баклановъ, на ней женится. „Да, я точно говорилъ ей, отвѣчалъ Александръ. Вообразите: дѣвушку къ вамъ приводятъ почти силой... надобно же было чѣмъ нибудь утѣшить ее, ну я и говорю: „я женюсь на тебѣ!“—Въ тотъ же день Машу было назначено обвѣнчать.—„Какъ, сегодня! воскликнулъ Александръ, узнавъ объ этомъ—вѣдь это уже прямо значитъ надругаться, о-то скотство какое!..“—Не сокрушайся, другъ сердечный, утѣшалъ Іона.—„Да, вѣдь, пойми же всю мерзость моего положенія! говорилъ Александръ, колотя себя въ грудь:—во-первыхъ, я ее люблю немножко, во-вторыхъ,

Digitized by Google

мнѣ ее жаль, совѣстно, стыдно противъ нея и въ то же время я ничего не могу сдѣлать... Ну, что я сдѣлаю? Словами матери не внушишь; она не пойметъ ихъ. Не бить же мнѣ ее... Скоты мы, подлецы, мерзавцы!" закончилъ Александръ свою бесѣду съ Іоной Мокеичемъ. Что же во всемъ этомъ заслуживаетъ похвалы, думаетъ читатель? Конечно Баклановъ не проявилъ особеннаго величія души и силы характера, но Іона Мокеичъ былъ неспособенъ даже и на подобные порывы.

Баклановъ уѣхалъ въ Петербургъ; тамъ попытался поступить на службу; не понравилось, перешелъ на службу въ провинцію; обнаружилъ много благороднаго негодованія противъ чиновныхъ злоупотребленій до того, что даже наговорилъ дерзостей губернатору; вышелъ въ отставку, женился и заскучалъ. Наступило время реформъ. „На героя моего, говоритъ г. Писемскій, ужасно вліяла литература; съ каждымъ смѣлымъ и откровеннымъ словомъ ея, міросозерцаніе его мѣнялось: сначала опротивѣла ему служба, а теперь стала казаться ненавистна и семейная жизнь. Поэтическій и высокохудожественный протестъ противъ брака Жоржъ-Занда казался ему послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости—только жертвой въ этомъ случаѣ онъ находилъ не женщину, а мужчину, т. е. себя". „Вѣдь камень, и тотъ не живетъ, какъ мы живемъ! говоритъ Баклановъ, желая доказать своей женѣ ея непригодность для семейнаго счастія, и тотъ что нибудь, хоть пыль, да даетъ въ воздухѣ, и самъ, наконецъ, притягиваетъ песчинки, а мы—ничего! Что, если бы у насъ состоянія не было? Куда бы и на что бы мы годились?—ѣсть, спать, родить дѣтей, кормить ихъ на убой! По моему, человѣкъ безъ темперамента, безъ этого прометеевскаго огонька, который одинъ только и заставляетъ насъ безпокоиться и волноваться, хуже тряпки, хуже всякаго животнаго". И въ воображеніи Баклано ва рисовалась Софи: она одна могла бы доставить ему море блаженства, и всего этого онъ лишилъ себя тѣмъ, что былъ женатъ! Баклановъ бросилъ жену и уѣхалъ къ Софи. Наконецъ наступило 19 февраля 1861 г. и прежній помѣщикъ сказался въ модномъ либералѣ. Баклановъ пригласилъ къ себѣ г. Писемскаго — какъ г. Писемскаго!? спрашиваетъ читатель; да г. Писемскаго; авторъ былъ знакомъ лично не только съ Баклановымъ,

Digitized by Google

но и съ Софи и даже читалъ у нея по вечерамъ свои сочиненія. Г. Писемскому Баклановъ высказалъ свое неудовольствіе на освобожденіе крестьянъ. „За два года предъ симъ, говоритъ Баклановъ, у меня состояніе было: двѣсти пятьдесятъ душъ моихъ, двѣсти пятьдесятъ жениныхъ, семдесять пять тысячъ чистыми деньгами... Деньги всѣ ухнули на акціяхъ... Кредитныя мѣста были закрыты; чтобы жить, я занималъ въ частныхъ рукахъ, чортъ знаетъ подъ какіе проценты... Теперь даютъ сто двадцать рублей за душу; а за вычетомъ частныхъ и казенныхъ долговъ — рублей по пятидесяти, да бумаги эти вѣроятно еще упадутъ на биржѣ, итакъ двухсотъ-тысячное состояніе превращается въ десяти-тысячное... Обработывать землю! Да я не умѣю, не пріученъ—ни моимъ воспитаніемъ, ни тѣмъ правомъ, съ которымъ я владѣлъ моимъ состояніемъ; и такъ раззоренъ не я одинъ, а и Сидоръ, и Кузьма, и Петръ, цѣлое сословіе!..“ Конечно, г. Писемскій могъ бы сказать многое въ опроверженіе этого сѣтованія Бакланова, но г. Писемскій не сказалъ ничего; значитъ онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Бакланова на реформы. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, г. Писемскій изображаетъ Бакланова полнымъ ничтожествомъ и говоритъ о немъ съ холоднымъ безучастіемъ? Г. Писемскій характеризуетъ Бакланова такъ: „онъ праздно выросъ, не дурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время. Онъ—представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго познанія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку „Колоколъ“. Внутри, въ душѣ у этихъ господъ нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія (?); но за то натираться, чѣмъ вамъ угодно, снаружи—величайшая способность!“

Близорукость г. Писемскаго можно сравнить только съ его непослѣдовательностію. Баклановъ человѣкъ отъ природы не сильный, искалѣченный крѣпостнымъ правомъ, испорченный воспитаніемъ; но человѣкъ, которому хочется быть счастливымъ, человѣкъ недовольный окружающей его жизнію, человѣкъ стремящійся къ

Digitized by Google

перемѣнамъ. Кажется, это такія данныя, съ которыми всякій талантливый авторъ съумѣлъ бы создать что нибудь порядочное. Но г. Писемскій, рисуя болото и его обитателей, ихъ же и обвиняетъ, что они въ грязи и хотятъ счистить ее съ себя. Г. Писемскій говоритъ, что его герой вовсе не пустой и не дрянной человѣкъ, „а обыкновенный смертный изъ нашей, такъ называемой, образованной среды". Тѣмъ лучше, тѣмъ сочувственнѣе значитъ нужно отнестись къ этому сорту людей среднихъ силъ, когда въ нихъ проснулось пониманье собственнаго положенія и явилось желаніе изъ него освободиться. Но г. Писемскій разсуждаетъ не такъ. Онъ вывелъ цѣлый рядъ личностей нисколько неповинныхъ въ томъ, что онѣ никуда не годятся, и ихъ же клеймитъ позорнымъ клеймомъ за то, что они дѣлаютъ глупости, точно они обязаны были изобрѣсти порохъ и книгопечатаніе или уподобиться въ философскомъ мышленіи Огюсту Конту. Баклановъ, Софья, Евпраксія, Иродіада, Іона Мокеичъ, и рѣшительно всѣ, кого выводитъ г. Писемскій въ „Взбаломученномъ морѣ", развѣ это не тотъ сортъ людей, о которыхъ самъ же г. Писемскій говоритъ, „что они живутъ по какому-то точно навсегда установленному для русскаго царства механизму?" Ну вотъ механизмъ мѣняется, несчастнымъ людямъ объясняютъ, что они несчастны, они это понимаютъ, хотятъ устроиться лучше; тогда г. Писемскій опять накидывается на нихъ съ неукротимой злобой, обвиняя ихъ во лжи и пишетъ свою лѣтопись, которую приказываетъ будущему историку Россіи читать со вниманіемъ и довѣріемъ. Странный этотъ г. Писемскій! Все ему не такъ, всѣ глупы! А между тѣмъ самъ же пишетъ такой романъ, изъ котораго видно, что всѣмъ душно, всѣ несчастны, всѣ ищутъ выхода. Вмѣсто того, чтобы явиться руководящимъ свѣточемъ, г. Писемскій взбирается на свою безпощадную объективность, загребаетъ грязь лопатами и швыряетъ ее щедрою рукою въ правыхъ и виноватыхъ, въ угнетающихъ и въ угнетенныхъ, въ бѣдныхъ и въ богатыхъ, на всѣхъ, куда только хватаетъ у него силъ.

Но ложь г. Писемскаго заключается не въ этомъ одномъ. Капитальное его преступленіе въ томъ недовольствѣ всѣми реформами, которое проглядываетъ въ каждомъ словѣ „Взбаломученнаго моря". Въ „Тюфякѣ", первомъ произведеніи г. Писемскаго, удушающая

Digitized by Google

атмосфера семьи и провинціи ставитъ, какъ вопросъ, требованіе выхода; а въ „Взбаломученномъ морѣ“ г. Писемскій нападаетъ именно на попытку къ выходу! Г. Писемскій точно хочетъ сказать—вотъ затѣяли вы свои реформы—раззорили цѣлое сословіе, пошли всякія мальчишества, вся Россія расколыхалась, повсюду чепуха и глупости. Но позвольте, г. Писемскій, какимъ образомъ Баклановъ или Софья, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они находились, могли бы поступить иначе? Оттого-то ваша обязанность, какъ романиста, заключалась не въ томъ, чтобы бранить все на повалъ, а въ томъ, чтобы дать безпристрастное и глубокое по психическому анализу изображеніе тѣхъ частныхъ и общественныхъ положеній, которыя вели неизбѣжно къ данному результату. Вы въ своей личной непослѣдовательности ищете оружія противъ исторической послѣдовательности. Но это оружіе только деспотовъ, самодуровъ и дѣтей.

Въ „Взбаломученномъ морѣ“ люди предыдущаго періода усмотрѣли лишь стрѣлу, направленную на молодыхъ; да и молодымъ показалось, что г. Писемскій цѣлитъ только въ нихъ. Это не больше, какъ недоразумѣніе, которое необходимо наконецъ разъяснить. Г. Писемскій меньше всего попадаетъ въ молодыхъ, а бьетъ почти исключительно людей своего времени. Г. Писемскій рисуетъ ту глухую эпоху, когда помѣщицы сѣкли своихъ дѣвокъ, когда студенты московскаго университета занимались кутежами и театральными демонстраціями, когда къ молодымъ помѣщикамъ водили по наряду красивыхъ деревенскихъ дѣвокъ, и когда для той же цѣли молодые барчата посѣщали посидѣлки; когда винные откупа находились въ полномъ цвѣту и когда откупщики производили тѣ уголовные ужасы, о которыхъ г. Писемскій такъ хорошо разсказываетъ въ „Взбаломученномъ морѣ“. Объ этой эпохѣ сохранилось лишь темное преданіе. Герои г. Писемскаго—люди этой отжившей эпохи. Баклановъ, о развитіи котораго я говорилъ подробно, чистый типъ той эпохи. Онъ человѣкъ младшаго поколѣнія людей сороковыхъ годовъ, т. е. того самаго, къ которому принадлежитъ и г. Писемскій. Они пожалуй въ одномъ году и кончили курсъ въ университетѣ. Іона циникъ — антикъ даже для Бакланова. Евпракія, Софія — одного періода съ Баклановымъ и цвѣтки, выросшіе на одной съ нимъ

Digitized by Google

почвѣ. Генералъ Ливановъ, или, какъ называетъ его г. Писемскій, изъ крѣпкаго лѣсу вырубленная кочерга, человѣкъ чуть не Екатерининскаго вѣка. Компанія жидовъ-откупщиковъ съ ихъ либеральными чадами и ужасными домочадцами тоже отжившіе люди. Въ чемъ же тенденціонная соль г. Писемскаго, если нѣтъ никого изъ новыхъ? Всѣ, у кого случилось головокруженіе, всѣ кто дѣлаетъ глупости—все это сверстники г. Писемскаго, получившіе воспитаніе въ его время, сформировавшіеся на старыхъ порядкахъ. Мнѣ могутъ возразить, что г. Писемскій говоритъ о прокламаціяхъ, о пожарахъ, объ арестахъ молодыхъ людей. Но вѣдь все это онъ говоритъ какъ-то вскользь, на послѣднихъ страницахъ романа, а шесть частей цѣликомъ посвящаетъ подвигамъ своихъ знакомыхъ Бакланова и Софи. Г. Писемскій и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, оправдалъ справедливость поговорки, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. „Взбаломученное море“ слѣдовало назвать „Людьми пятидесятыхъ годовъ“ и написать послѣ романа „Люди сороковыхъ годовъ“. Тогда бы вышла историческая связь и послѣдовательность, и явились бы двѣ картины, изображающія періодъ 40-хъ годовъ въ двухъ главныхъ его моментахъ. Теперь же г. Писемскій вмѣсто романа-лѣтописи написалъ такую вещь, которой на приличномъ литературномъ языкѣ нѣтъ названія. Въ порывѣ личнаго неудовольствія на реформы онъ не подсмотрѣлъ у своихъ сверстниковъ никакихъ хорошихъ стремленій, не показалъ того прогрессивнаго дѣла, которое дѣлали люди пятидесятыхъ годовъ; а вмѣсто того выхватилъ людей изъ самыхъ поддонковъ жизни, точно русская земля сошлась клиномъ и замерла для всего хорошаго. Предъ молодыми г. Писемскій виноватъ меньше всего, но онъ виноватъ предъ людьми своего времени и предъ Россіей пятидесятыхъ годовъ, составляющей эпоху практическаго жорзандизма на русской почвѣ. Скажу больше, г. Писемскій является даже,—хотя и не вполнѣ,—панегиристомъ людей шестидесятыхъ годовъ; онъ опредѣляетъ нѣкоторые ихъ признаки, онъ сопоставляетъ новую силу съ безсиліемъ людей баклановскаго пошиба. Этого мало; г. Писемскій заставляетъ Бакланова даже сознаться въ своей дрянности, сравнительно съ Проскриптскимъ.

Писатели сороковыхъ годовъ, изображая героевъ своего времени,

Digitized by Google

непремѣнно давали имъ одну общую черту—красивую говорливость и болѣзненное стремленіе къ дѣлу безъ дѣла. Но герои—лучшіе люди; они тотъ сортъ русскаго человѣчества, который является представителемъ прогрессивной идеи; ужь поэтому они имѣютъ полное историческое право не быть активными исполнителями того, на что указываютъ какъ на цѣль стремленій. Тутъ система раздѣленія труда, перенесенная въ область исторіи. Исполнительною властію представителей идеи является другой сортъ людей. Думаютъ одни; дѣлаютъ другіе. Маццини не могъ быть Гарибальди, Гарибальди не могъ быть Маццини. Отъ незнанія этого простого закона случались иногда довольно печальныя недоразумѣнія и Фома Мюнцеръ поплатился головою. Но какъ бываютъ разные сорты людей идеи или слова, т. е. болѣе или менѣе умные, болѣе или менѣе вѣрно понимающіе смыслъ извѣстныхъ общественныхъ комбинацій и ихъ послѣдствій, такъ бываютъ разные сорты людей дѣла. Русская исторія представляетъ геніальный образчикъ людей дѣла въ лицѣ Петра I-го. Это была сила протеста и разрушенія, — сила созданная цѣлыми вѣками нашей косности и раболѣпія и разрушавшая для того, чтобы создать новую жизнь, новыя поколѣнія людей. Такихъ людей, какъ Петръ I, исторія формируетъ долго, куетъ ихъ изъ стали и гранита, потому что готовитъ ихъ для великаго дѣла, для упорной борьбы. Но прежде, чѣмъ явиться Петру I, проходитъ цѣлый рядъ другихъ людей дѣла, не менѣе энергическихъ и геніальныхъ, но менѣе счастливыхъ въ исполненіи своихъ цѣлей, и потому оканчивающихъ свою карьеру гдѣ нибудь въ тюремномъ застѣнкѣ или въ сибирской тайгѣ. И тутъ есть сила протеста, но безсознательная и темная, только предчувствующая появленіе новой жизни и новыхъ идей. Вотъ почему Гейне и говоритъ, что неизвѣстно, какой акушеръ потребуется для рожденія извѣстной идеи. Чтобы быть безошибочнымъ человѣкомъ дѣла, требуется такая же геніальность, какъ и для того, чтобы быть безошибочнымъ человѣкомъ идеи. Но масса людей дѣла вовсе не обладаетъ подобной геніальностію; оттого-то ее и называютъ образованною чернью. Въ ней смѣшивается теорія съ практикою, слово съ дѣломъ въ гармоническомъ несовершенствѣ, и образованная чернь составляетъ именно тотъ основной жизненный слой, съ которымъ приходится бороться

Digitized by Google

и представителямъ народной идеи, и представителямъ народнаго дѣла. Она мѣшаетъ тѣмъ и другимъ. Противъ этой массы возставали и люди сороковыхъ годовъ, противъ нея же пошли и люди шестидесятыхъ годовъ.

Но люди сороковыхъ годовъ имѣли дѣло какъ бы сами съ собой. Выдѣлившись изъ утонченнаго дворянскаго слоя, они шли протестомъ противъ этого самого слоя. Напримѣръ, г. Писемскій постоянно укоряетъ дворянскую почву въ томъ, что она производитъ пустоцвѣтъ, создаетъ образованную чернь, непригодную ни для какого дѣла.

Рѣзкій поворотъ въ мышленіи, созданный оглашеніемъ правительствомъ намѣренія дать свободу крестьянамъ, создалъ немедленно цѣлый рядъ новыхъ общественныхъ комбинацій, соотвѣтствовавшихъ этому повороту. Если дворянская почва создавала только Баклановыхъ, а они для новаго дѣла негодятся, то ясно, что должны были явиться другіе люди, съ болѣе соотвѣтственными способностями для новыхъ порядковъ. Такого новаго человѣка намѣчаетъ г. Писемскій въ Проскриптскомъ.

Г. Писемскій, кажется, увлекся скабрезнымъ намѣреніемъ намекнуть на живого человѣка; но этотъ намекъ, если только мы не ошибаемся, падетъ позоромъ лишь на г. Писемскаго. Отъ будущаго историка Россіи, для котораго г. Писемскій и писалъ свое „Взбаломученное море“, мы скроемъ этотъ грѣхъ автора. Пусть г. Писемскій покажется ему лучше, чѣмъ былъ.

Г. Писемскій знакомитъ читателя съ Проскриптскимъ въ „Британіи“,—кухмистерской, которую посѣщали студенты московскаго университета начала 50-хъ годовъ и ранѣе. Въ этой „Британіи“ Баклановъ составлялъ театральные заговоры, ломался передъ тѣми, кто ѣлъ и пилъ на его счетъ, а въ настоящемъ случаѣ былъ занятъ организаціей заговора противъ Андріяновой. Конецъ сцены описанъ г. Писемскимъ такъ: “Финкель, портной, приходилъ—вмѣшался въ разговоръ половой,—онъ говоритъ, если, говоритъ, господамъ угодно, я пришлю въ театръ своихъ подмастерьевъ. Одинъ, говоритъ, такъ у меня свиститъ, что лошади на колѣни падаютъ, и теперь, если ему—стараго, говоритъ, платья у меня много—дать фракъ и взять только, значитъ, ему надо билетъ въ кресла. — Это можно, но главное вотъ что, отвѣтилъ Баклановъ,

Digitized by Google

одушевляясь: — этой нашей госпожѣ надобно у нихъ, канальевъ, подъ носомъ подарить вѣнокъ или кольйе какое нибудь бриллiантовое... У меня моихъ сто цѣлковыхъ готовы—нарочно выпустилъ мужика на волю... Вы, Бирхманъ, сколько дадите?—Я дамъ столько, сколько у меня въ то время въ карманѣ будетъ, отвѣчалъ Бирхманъ". — Я дамъ тоже сколько у меня будетъ, подхватилъ Ковальскiй.—„Превосходно! воскликнулъ Баклановъ. Венявина я послалъ съ подписнымъ листомъ... Тамъ, на первомъ курсѣ, пропасть аристократишковъ поступило... посмотримъ, сколько отвалятъ и поддержатъ ли университетъ!" На эти слова его, въ комнату, какъ бы походкой гiены, вошелъ сутуловатый студентъ, съ нѣсколько старческимъ лицомъ и въ очкахъ. Кивнувъ слегка нашимъ прiятелямъ головой, онъ прошелъ и сѣлъ у другого столика. „Дай мнѣ *Отечественныя Записки!*, проговорилъ онъ писклывымъ голосомъ". Половой молча подалъ ему. Между тѣмъ *у Бакланова, съ приходомъ этого лица какъ бы языкъ прилипъ къ гортани...* Пришелъ Венявинъ. „Какъ нельзя лучше все устроилъ, говорилъ онъ, подходя прямо къ Бакланову".—Ну умница, паинька, сказалъ Баклановъ;—дай ему за это чаю! обратился онъ къ половому.— „Нѣтъ, лучше водочки дайте! говорилъ Венявинъ и сѣлъ рядомъ съ Проскриптскимъ. Тотъ ядовито на него посмотрѣлъ.—Что это вы такъ хлопочете? проговорилъ онъ своимъ обычнымъ дискантомъ. — Венявинъ сейчасъ же сконфузился.—Что дѣлать, нельзя, отвѣчалъ онъ.—„Вы бы ужь лучше въ гусары шли, сказалъ Проскриптскiй Венявину."—А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство одушевляетъ? перебилъ его Баклановъ.—„У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, возразилъ Проскриптскiй". —Искуствомъ актера, значитъ, наслаждаться нельзя? сказалъ Баклановъ. — „Хи, хи, хи! засмѣялся Проскриптскiй. Что же такое искуство актера?.. искуснѣе сдѣлать то, что другiе дѣлаютъ... искуство не быть самимъ собою—хи, хи, хи!" —Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! возразилъ Баклановъ. — „Балетъ я еще люблю; въ немъ, по крайней мѣрѣ, насчетъ клубнички кое-что есть, продолжалъ насмѣхаться Проскриптскiй".—Въ балетѣ есть грацiя, которая живетъ въ Рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской, говорилъ Баклановъ, и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.—„Хи, хи, хи!

Digitized by Google

продолжалъ Проскриптскій, въ реторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное". —Ну, пошелъ, проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія... Вошелъ студентъ Варегинъ. „Въ грацію ужь не вѣримъ! сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго". — Во вздоръ вѣримъ, а въ то, что передъ глазами—нѣтъ! отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ—„Что такое вѣрить? Я не знаю, что такое значитъ вѣрить; или, и въ самомъ дѣлѣ, вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! Хи, хи, хи!" – Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! подхватилъ Баклановъ.—„А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостію!" - Стало быть и Коперникъ вретъ? спросилъ Варегинъ.—„Вѣроятно!..."

Въ этой сценѣ нужно отличать памфлетическій задоръ автора, вызванный дикимъ чувствомъ, отъ истинной стороны факта, имѣющаго историческій смыслъ. Злое чувство заставило г. Писемскаго уснастить рѣчь Проскриптскаго многочисленными хи, хи, хи!, къ сущности дѣла не идущими, но какъ бы рисующими Проскриптскаго въ невыгодномъ свѣтѣ. Тоже злое чувство заставило автора навязать Проскриптскому отрицаніе Коперника и точности астрономическихъ исчисленій, чѣмъ предполагалось довести отрицаніе до абсурда и тѣмъ окончательно сдѣлать Проскриптскаго смѣшнымъ въ глазахъ образованной черни, въ назиданіе которой писалось „Взбаломученное море". Но для насъ важно не это и не тотъ тонъ пренебреженія, которымъ Баклановъ усиливается удержаться въ своей слабой позиціи. Мы все-таки знаемъ, что при появленіи Проскриптскаго у Бакланова прилипъ языкъ къ гортани, и что изъ всего хора студентовъ, бывшихъ въ „Британіи" и тратившихъ свое время на театральные заговоры, одинъ Проскриптскій и два его послѣдователя не принимали участія въ этомъ заговорѣ; что одинъ Проскриптскій спросилъ „Отечественныя Записки", лучшій журналъ того времени. Откинувъ все несущественное и назначенное исключительно для приниженія Проскриптскаго, мы находимъ въ немъ слѣдующія двѣ новыя и свѣжія черты, которыхъ нѣтъ въ его товарищахъ. Онъ живетъ мыслію, посвящаетъ свое время чтенію

Digitized by Google

и относится критически къ окружающимъ его явленіямъ. Баклановъ и его сообщники не въ состояніи понять иронію Проскриптскаго, который только изъ деликатности, щадя ихъ барскую щекотливость, говоритъ съ ними намеками и притчами. Но истинный смыслъ насмѣшекъ Проскриптскаго ясенъ. „Вы не гусары, чтобы тратить свое время и силы на такой вздоръ, какъ поощреніе театральныхъ талантовъ и приподнесеніе танцовщицамъ бриллiантовыхъ ожерелій; вы студенты, т. е. люди, готовящіеся на служеніе мысли; если вы для этого неспособны, не тратьте даромъ время въ университетѣ—идите въ кавалеристы". Вотъ, что хочетъ сказать Проскриптскій. На другую черту указываетъ самъ Баклановъ, уже ясно сознававшій превосходство людей новаго направленія. На сѣтованія Бакланова о томъ, что онъ даромъ убилъ время въ университетѣ, Казиміра ему отвѣтила: „Впрочемъ что же? вѣдь не вы одни: всѣ такъ!"—Нѣтъ, не всѣ! воскликнулъ Баклановъ. Вотъ Проскриптскаго видѣли вы у меня?—Казиміра, *съ гримасой* (отчего это г. Писемскій вы не можете говорить о Проскриптскомъ безъ гримасъ?) покачала головой. — Нечего гримаски-то дѣлать, продолжалъ Баклановъ. Онъ идетъ куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ; пропасть научныхъ свѣдѣній имѣетъ, и отчего? Оттого, что семинаристъ: его и дома, можетъ быть, и въ ихней тамъ семинаріи въ дугу гнули, характеръ, по крайней мѣрѣ, въ человѣкѣ выработали и трудиться пріучили. Или Варегинъ вонъ у насъ,—совсѣмъ настоящій человѣкъ: уменъ, трудолюбивъ, добръ, куда хочешь поверни, а тоже ничего? уличнымъ мальчишкой выросъ, семьи не имѣлъ".

Итакъ, г. Писемскій констатируетъ тотъ фактъ, что сама старая жизнь разступилась и дала дорогу новымъ, небывалымъ до того времени людямъ. Баклановы—эта золотая середина русской теоріи и практики эпохи сороковыхъ годовъ—не могутъ уже удержаться на своей почвѣ. Крѣпостное право готовится рухнуть, эксплуатація чужого труда становится въ прежнемъ размѣрѣ невозможной, двухсотъ-тысячныя состоянія Баклановыхъ превращаются, благодаря мотовству и неумѣлости ихъ, въ десятитысячныя, трудиться они не могутъ ни на какомъ поприщѣ. Вообразите какую нибудь идеальную страну, въ которой все Баклановы, а между тѣмъ жизнь требуетъ ра-

Digitized by Google

ботниковъ. Какой же выходъ, кто станетъ дѣлать дѣло? И вотъ г. Писемскій объясняетъ, что въ то время, когда Баклановы, не заглядывая впередъ, убивали легкомысленно свое время и послѣднія средства, выступали другіе люди, болѣе дальновидные, созданные и воспитанные суровой практической средой, которыхъ уже не удовлетворяла трактирная жизнь, которые критически посматривали вокругъ себя, да читали и учились. „Мы отъ жизни немногаго требуемъ, сказалъ разъ Проскриптскій Бакланову, отчего намъ не служить!“ —Что-жъ это все такъ и пойдетъ? замѣтилъ Баклановъ.— „Нѣтъ-съ, когда можно будетъ, такъ мы потребуемъ, только не того, что вы?“ — Это уже разные полюсы людей, готовящихся для жизни—одни развиваютъ въ себѣ разнообразныя утонченныя потребности и затѣмъ превращаютъ жизнь въ наслажденіе; другіе учатся и готовятся для дѣла. Они еще не знаютъ, какого дѣла потребуетъ отъ нихъ жизнь, но чего бы она ни потребовала, это, во всякомъ случаѣ, будетъ уже не то, на что способны Баклановы. Баклановыхъ жизнь выживаетъ, Проскриптскимъ она открываетъ дорогу; одни люди прошлаго, другіе люди будущаго.

XV.

Люди шестидесятыхъ годовъ вышли прямо изъ того умственнаго движенія, которое явилось послѣ паденія Севастополя и изъ той практики, въ которой воплотилась идея людей сороковыхъ годовъ.

Какъ въ эпоху людей сороковыхъ годовъ перелетѣли черезъ русскую стѣну жорзандизмъ и нѣмецкая гуманная философія, давшіе цвѣтъ русскому прогрессивному направленію того времени, такъ въ началѣ эпохи шестидесятыхъ годовъ западная Европа перепустила черезъ русскую стѣну свои новыя соціально-экономическія знанія и естествовѣденіе. Русскіе люди посмотрѣли, подумали и нашли, что это знанія хорошія и полезныя; что они-то именно и помогутъ разрѣшенію тѣхъ соціально-экономическихъ вопросовъ, которые поставила Россія послѣ крымской войны. И вотъ люди, явившіеся смѣнять Баклановыхъ, отдаются всѣми силами изученію положитель-

Digitized by Google

ныхъ, реальныхъ знаній, составляющихъ крайнюю противуположность съ идеализмомъ людей сороковыхъ годовъ.

Новый реализмъ есть, такимъ образомъ, прямой продуктъ идеализма предыдущей эпохи. Мечтательный идеализмъ болѣлъ гуманнымъ стремленіемъ къ освобожденію крестьянъ и къ другимъ улучшеніямъ общественнаго быта. Явилась наконецъ практика этого стремленія — дѣло послѣдовало за словомъ. Могло ли идеальное краснобайство Рудина или пустомели Райскаго годиться къ чему нибудь, когда нужна была практическая работа, когда вопросъ объ освобожденіи крестьянъ требовалъ разнообразныхъ спеціальныхъ экономическихъ познаній и изслѣдованія условій народнаго экономическаго быта. Чтобы мечтать и стремиться къ счастію *вообще*, Рудину было за-глаза довольно нѣмецкой гуманной философіи и классическаго образованія; но чтобы возвести идею въ практику, требовалось соціально-экономическое знаніе и реальное образованіе. Вотъ гдѣ начало современнаго реализма и борьба трезвыхъ практическихъ „дѣтей“ съ расплывающимися идеалистами „отцами“. Кстати замѣчу, что г. Тургеневъ совершенно не правъ, когда онъ укоряетъ Ворошилова или кого-то другого изъ молодыхъ въ томъ, что онъ писалъ о пролетаріатѣ французскихъ городовъ. Ну конечно намъ приходилось знакомиться съ этими вопросами по чужимъ изслѣдованіямъ. Рудинъ, разсуждая вообще, не потрудился заняться изученіемъ русскаго экономическаго быта; давъ идею, онъ не подготовилъ ничего для практическаго ея осуществленія и если Россія шестидесятыхъ годовъ знала что нибудь о русскомъ народномъ экономическомъ бытѣ, то благодаря только нѣмцу Гакстгаузену. Было бы справедливѣе кинуть упрекомъ въ своихъ.

Борьбу реалистовъ „дѣтей“ съ идеалистами „отцами“ раньше всѣхъ подмѣтилъ г. Тургеневъ.

Г. Тургеневу очень досталось за Базарова. Но время страстныхъ отношеній къ этому типу для насъ уже миновало и мы можемъ смотрѣть на него съ тѣмъ объективнымъ спокойствіемъ, съ какимъ каждый человѣкъ смотритъ на свое минувшее.

Для насъ въ Базаровѣ дороги многія черты, ибо они черты живого человѣка, черты не измышленныя, а созданныя логикой жизни и только нѣсколько каррикатурно изображенныя г. Тургене-

Digitized by Google

вымъ. Каррикатурность въ этомъ случаѣ, можетъ быть, даже не больше какъ техническій пріемъ: авторъ прибѣгаетъ къ рѣзкимъ чертамъ, чтобы образъ героя вышелъ рельефнѣе; вѣдь и съ Инсаровымъ онъ прибѣгалъ къ тому же пріему. А Рудинъ? Развѣ рефлексія не доведена въ немъ до каррикатурности? Но въ Рудинѣ авторъ имѣлъ дѣло съ идеалистомъ и потому даже самое крайнее преувеличеніе являлось въ мягкихъ закругленныхъ очертаніяхъ; съ реализмомъ этого сдѣлать нельзя; онъ грубъ по самому своему существу, грубъ какъ дѣйствительная жизнь, и потому малѣйшее неосторожное преувеличеніе ведетъ къ угловатости и рѣзкости контуръ; а если авторъ слабъ сознаніемъ, какъ г. Гончаровъ, и не владѣетъ чувствомъ мѣры, то преувеличеніе переходитъ въ отталкивающее уродство. Что и случилось съ Маркомъ.

Какъ полный типъ Базаровъ не законченъ. Да ему и нельзя быть законченнымъ. Базаровъ молодая, формирующаяся сила, какъ бы только готовящаяся отвѣчать на вопросы дня. Но въ этой молодой силѣ вы уже видите зачатки цѣлаго новаго міровоззрѣнія и направленія; зачатки совсѣмъ иной теоріи и совсѣмъ иной практики, рѣзко раздѣляющихъ отцовъ отъ дѣтей.

Г. Тургеневъ, какъ и г. Писемскій, не признаетъ за дворянской почвой способности создавать людей для новой эпохи. Вмѣсто прежнихъ героевъ изъ обезпеченнаго дворянскаго быта г. Тургеневъ даетъ героя бѣдняка, дѣдъ котораго былъ дьячкомъ, а отецъ полковымъ лекаремъ.

Такое происхожденіе героя весьма важный признакъ въ исторіи русской цивилизаціи. При Екатеринѣ II литература была придворнымъ занятіемъ, образованіе жило лишь между графами и князьями; все, что ниже, были Дубинины, Скотинины да Простаковы. Люди сороковыхъ годовъ уже не графы и князья, а помѣщики, правда болѣе или менѣе богатые, но все-таки помѣщики. Въ людяхъ же шестидесятыхъ годовъ выдвигается, какъ бы внезапно, всякая голь; мѣсто героевъ дворянъ, изучавшихъ цивилизацію практически, путешествіями за границу, занимаютъ семинаристы, да разночинцы, народъ бѣдный, знакомящійся съ передовыми идеями теоретически, изъ иностранной литературы. Вотъ откуда тотъ укоръ, который дѣлаютъ гг. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій людямъ

Digitized by Google

шестидесятыхъ годовъ *за французскія книжки*. Но научите, господа, какъ бы это могло быть иначе? Скажите, какія книжки написали „отцы"? Не сталъ бы Проскриптскій изучать пять языковъ, еслибы литература „отцовъ" давала отвѣты на всѣ вопросы дѣтей.

Новый слой, внезапно вызванный на дѣло новой практикой жизни, обнаружилъ такіе размѣры и такую замѣчательную силу, что отцы пришли въ недоумѣніе, задумались, а потомъ и испугались. Но новый типъ, созданный г. Тургеневымъ въ Базаровѣ, развѣ не олицетвореніе реализма, того именно реализма, который заключился въ самомъ существѣ внезапно возникшаго крестьянскаго вопроса? Люди сороковыхъ годовъ, мечтая, какъ представители прогрессивной идеи, о разныхъ общественныхъ перемѣнахъ, никогда не задавались вопросомъ, какую форму и физіономію получитъ практическое ея осуществленіе. И когда жизнь, для которой и мечтали люди сороковыхъ годовъ, выставила и людей жизни, они огорчились, что у ихъ идеализма явился такой некрасивый помощникъ и исполнитель.

Для насъ Базаровъ есть олицетвореніе практическихъ послѣдствій освобожденія крѣстьянъ. Крестьянская свобода есть отрицаніе прежняго крѣпостного быта со всѣми его послѣдствіями, ясно, что и Базаровъ долженъ былъ явиться силой совершенно противуположной Баклановымъ, Райскимъ, Лаврецкимъ и всему тому, что выросло на старой почвѣ и самимъ Тургеневымъ не признавалось годнымъ для новой практики. Оставалось только говорить обратное тому, что говорилось при жизнеописаніи Баклановыхъ, Райскихъ и Лаврецкихъ, чтобы получился Базаровъ. Вотъ происхожденіе типа шестидесятыхъ годовъ, непосредственно вышедшаго изъ типа предыдущаго. Конечно, если бы русская жизнь текла по старому, безъ всякихъ перемѣнъ и перестроекъ, то отцы видѣли бы въ своихъ дѣтяхъ болѣе блѣдную копію самихъ себя и ихъ родительское сердце билось бы чувствомъ умиленія при созерцаніи такой благонамѣренной и деликатной порядочности. Многіе вѣка это родительское умиленіе переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но что же дѣлать, если вѣчнаго нѣтъ ничего на землѣ! Современнымъ „отцамъ" позволяется задаваться только однимъ вопросомъ, да и

Digitized by Google

то совершенно безплоднымъ—почему оборвалось именно на нихъ, а не прежде или послѣ? Г. Писемскій, насколько онъ высказался въ „Взбаломученномъ морѣ“, желалъ бы, чтобы это случилось послѣ.

Отъ Базарова такъ и брызжетъ силой, къ которой насъ не пріучили Баклановы и Райскіе. „Съ вами говорить весело, говоритъ Одинцова Базарову, точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возмется“. И Одинцова права. Дѣйствительно здоровая, трезвая сила, изобличающая непригодность идеализма для настоящаго практически-полезнаго дѣла, сначала пугаетъ. Но когда всмотришься въ нее, то находишь въ ней столько истинной житейской теплоты, столько дѣйствительной любви, активной, а не фразерской, что опирайся смѣло на руку такого человѣка на самомъ краю пропасти и тебѣ стоять весело рядомъ даже съ самой очевидной опасностію. Опасность тутъ подлѣ тебя, но подлѣ же тебя и надежная рука, которая переведетъ тебя черезъ всякую опасность. Этой совершенно новой чертой заявили себя только идеальные люди шестидесятыхъ годовъ. Типъ сороковыхъ годовъ ея не имѣлъ. Рудинъ убѣжалъ отъ опасности, только заслышавъ о ней; Лаврецкій засадилъ Лизу въ монастырь; Баклановъ струсилъ немедленно, когда столкнулся съ практической жизнію; Райскій былъ храбръ только на словахъ. И сила людей новаго типа побиваетъ васъ на всякомъ шагу. Базаровъ послалъ Аркадію такую сигару, что Николай Петровичъ, никогда некурившій, по неволѣ, хотя незамѣтно, чтобы не обидѣть сына, отворотилъ носъ. За ужиномъ, по пріѣздѣ въ деревню къ Аркадію, Базаровъ почти ничего не говорилъ, но ѣлъ много. Это ужь не утонченные нервы, создающіе обмороки и истерики отъ ничтожнаго движенія противъ шерсти, а мѣдная проволока, изобличающая громадную силу сопротивленія. „Мой дѣдъ землю пахалъ, говорилъ Базаровъ съ надменною гордостію англоману Павлу Петровичу. Спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ,—онъ скорѣе признаетъ соотечественника“. И эта гордость Базарова понятна. Онъ знаетъ, что его создала практическая почва того самаго крестьянскаго міра, для котораго, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, откры-

Digitized by Google

лось поприще гражданской дѣятельности. Ужь конечно мужикъ протянетъ руку Базарову, а не Павлу Петровичу, отдѣлившемуся отъ русской почвы и среди русской природы и въ русской деревнѣ ухитрившемуся вообразить себя въ Англіи! Люди новаго типа не мечтатели; они знаютъ, что жизнь дѣло грубое, и что на работу нельзя выходить въ бархатномъ пиджакѣ и въ лайковыхъ перчаткахъ, и вотъ Базаровъ, прощаясь съ Аркадіемъ, такимъ же нѣжнымъ и выродившимся пустоцвѣтомъ, какъ Баклановъ, говоритъ ему: „А теперь повторяю тебѣ на прощаньи, потому что обманываться нечего—мы прощаемся навсегда, и ты самъ это чувствуешь... ты поступаешь умно (Аркадій задумалъ жениться и поселиться у себя въ деревнѣ); для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости; а есть молодая смѣлость, да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія дойдти не можетъ, а это пустяки. Вы, напримѣръ, не деретесь—и уже воображаете себя молодцами; — а мы драться хотимъ. Да что! Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любуешься собой, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно—намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый, но все-таки мякенькій, либеральный баричъ...“

Въ Базаровѣ сидитъ бѣсъ гордыни, но не той гордыни, которая сосала Павла Петровича или Рудина. Та гордыня была какая-то нервная раздражительность, вскипяченное самолюбіе, при случаѣ неотказывавшаяся отъ подачки и милостыни; но въ новомъ типѣ не то. „Настоящій человѣкъ тотъ, о которомъ думать нечего, а котораго надобно или слушаться или ненавидѣть, говоритъ Базаровъ. Когда я встрѣчу человѣка, который не спасовалъ бы передо мною, тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ“. Прощаясь съ Одинцовой, Базаровъ сказалъ ей: „Я нахожу, что ужь слишкомъ долго вращался въ чужой для меня сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ подержаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду; позвольте же и мнѣ плюхнуть въ мою стихію.“—„Этотъ меня любилъ!“ подумала Одинцова, и жалко ей стало его, и съ участіемъ протянула она ему руку. Но и онъ ее

Digitized by Google

понялъ.—Нѣтъ! сказалъ онъ и отступилъ на шагъ назадъ.—Человѣкъ я бѣдный, но милостыни еще до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ, и будьте здоровы.“ Это протестъ рѣзкій, крайній, но естественный. Крѣпостное право слишкомъ испортило насъ; подачка въ разныхъ видахъ и формахъ явилась существенной, составной частью нашихъ общественныхъ и частныхъ отношеній. Милость должна была возмущать свѣжаго человѣка, созданнаго свѣжей житейской струей. Въ былые годы можно было пригласить знакомаго въ трактиръ и накормить его обѣдомъ на свой счетъ и отказъ пошелъ бы за обиду; но нынче—обидять человѣка, заплативъ за его обѣдъ. Доведенная крѣпостнымъ правомъ до послѣдняго предѣла, зависимость проявилась при новыхъ порядкахъ реакціей независимости. Каждый захотѣлъ стоять на своихъ ногахъ, не желая чувствовать надъ собою барина въ какой бы формѣ, въ какомъ бы видѣ онъ ни проявлялся. Базаровъ довелъ свою независимость до того, что даже въ воспитаніи не хотѣлъ зависѣть отъ средствъ своего отца. „Другой бы на его мѣстѣ, говоритъ Василій Ивановичъ Аркадію, тянулъ бы, да тянулъ съ своихъ родителей; а у насъ,—повѣрите ли? онъ отроду лишней копѣйки не взялъ, ей Богу!“ Какая неизмѣримая разница съ Баклановымъ, которому мало того, что учился и жилъ на счетъ своихъ родителей, но даже отпускалъ на волю мужиковъ, чтобы приподносить бриллiантовые браслеты танцовщицамъ! Вы скажете, что родители Бакланова были богаты, а отецъ Базарова бѣднякъ; но сущность вопроса вовсе не въ этомъ, а въ новомъ общественномъ принципѣ. Крѣпостное право было основано на началѣ эксплуатаціи, выразившейся въ чрезвычайно разнообразныхъ, а нерѣдко замаскированныхъ и неуловимыхъ формахъ. Эксплуатація сложилась въ утонченную, запутанную, законченную систему, въ которой только вполнѣ независимый и свѣжій человѣкъ могъ распознать недостойныя роли, которыя розыгрывали другъ передъ другомъ люди. До какой уродливости и нравственнаго паденія доводили они людей дрянныхъ, указываетъ лучше всего Басардинъ въ „Взбаломученномъ морѣ“. Людей этого сорта можно было бить за двугривенный, но если не предвидѣлось полученія, они вызывали васъ на дуэль за косой взглядъ.

Крѣпостная эксплуатація совершенно спутала нравственныя гра-

Digitized by Google

ницы между людьми. Каждый запускалъ лапу въ чужой міръ насколько было можно. Базаровъ дѣлаетъ попытку размежеванія и отхлопываетъ всякую непрошенную руку, покушающуюся залѣзть въ его душу. Изъ этого стремленія сохранить независимость своего особняка является цѣлый рядъ разнообразныхъ послѣдствій, которыя могли казаться чѣмъ-то уродливымъ только потому, что они явились внезапно и выражались слишкомъ рѣзко и безуступочно. Но въ сущности они были вполнѣ здоровымъ явленіемъ, ибо въ основѣ ихъ лежало истинное чувство достоинства въ сознаніи своей независимости, въ ощущеніи почвы подъ ногами. Это тоже чувство, которое заставляетъ американца смотрѣть прямо въ глаза не только всякой земной, но пожалуй даже и неземной силѣ. Базаровъ не хочетъ быть одолженъ никому, кромѣ самого себя, потому что Баклановы довели уже до безобразія систему обратныхъ отношеній. Базаровъ не хочетъ даже зависѣть отъ кого нибудь въ воспитаніи: „всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ“, говоритъ онъ Аркадію, и конечно это одинъ изъ наиболѣе здравыхъ принциповъ, если только человѣкъ достаточно силенъ, чтобы осуществить его на практикѣ. На независимость воспитанія конечно способны только сильные люди. И мы видимъ, что въ то время, когда Баклановъ, воспитываясь подъ вліяніемъ семейной традиціи и отсталыхъ вліяній, формируется въ безполезнаго человѣка, Проскриптскій, въ той же средѣ, изучаетъ пять языковъ, читаетъ книги, пріобрѣтаетъ бездну научныхъ знаній и готовится для дѣла, которое наконецъ должно для него наступить и которое уже конечно не будетъ похоже на то дѣло, которое ожидаетъ Баклановa. По этому же чувству независимости, Базаровъ не ладитъ и не допускаетъ никакихъ сердечныхъ изліяній. Онъ скорѣе сгрубитъ, чѣмъ скажетъ нѣжность. Когда прощаясь навсегда съ Аркадіемъ онъ наговорилъ ему вещей, которыя уже никакъ нельзя назвать комплиментами, Аркадій печально молвилъ: „и у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня?“—Есть, Аркадій, есть у меня другія слова, отвѣтилъ Базаровъ, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ,—это значитъ разсыропиться.“ Василій Ивановичъ говоритъ про Базарова: „Онъ врагъ всякихъ изліяній; многіе даже осуждаютъ его за таковую твердость его нрава и ви-

Digitized by Google

дятъ въ ней признакъ гордости или безчувствія; но подобныхъ ему людей не приходится мѣрять обыкновеннымъ аршиномъ.“ Можетъ быть, Василій Ивановичъ въ порывѣ родительскаго чувства слишкомъ высоко цѣнилъ своего сына, хотя и Аркадій находилъ тоже, что Базаровъ будетъ непремѣнно знаменитъ; но отецъ былъ правъ, что Базарова не понимали. Гордыня точно гнѣздилась въ немъ; но вѣдь мы ужь знаемъ, что эта гордость была прошлой реакціей противъ всякаго отсутствія чувства достоинства, которымъ отличались Баклановы, Басардины и т. д. Что же касается воображаемаго безчувствія, то его не было. Напротивъ, люди такой организаціи, какъ Базаровъ, способны къ болѣе тонкому и прочному чувству, чѣмъ сантименталисты предыдущаго періода.

Сантименталисты, о которыхъ мы говоримъ, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, непозволявшихъ имъ поступать иначе, помогали страдающимъ людямъ больше сочувствіемъ, чѣмъ дѣломъ; оттого они и сантименталисты; но когда сантиментализмъ разрѣшился такимъ актомъ, какъ освобожденіе крестьянъ, любовь-слово должно было превратиться въ любовь-дѣло: сердечныя изліянія безъ дѣла смѣнились дѣломъ безъ сердечныхъ изліяній. Оттого-то Базаровъ и говоритъ Павлу Петровичу: „вы, вотъ, уважаете себя и сидите сложа руки; какая же отъ этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя и тоже бы дѣлали... Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципъ—подумаешь, сколько иностранныхъ и безполезныхъ словъ! Русскому человѣку они даромъ ненужны“. На вопросъ Павла Петровича: „что же *вы*-то дѣлаете?“ Базаровъ отвѣчаетъ: „А вотъ, что мы дѣлаемъ. Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильнаго суда. А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ называемые передовые люди и обличители, покуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искуствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя

Digitized by Google

общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда сама свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самъ себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ...“—Но за что же вы другихъ-то, хоть бы тѣхъ же обличителей, честите? Не такъ же ли вы болтаете, какъ и всѣ?—„Чѣмъ другимъ, а этимъ грѣхомъ не грѣшны, произнесъ сквозь зубы Базаровъ“. И дѣйствительно, меньше всего можно было укорить Базаровыхъ и Проскриптскихъ праздными разговорами. Конечно, люди эти еще ничего не дѣлали, потому что учились, но за то учились они такъ хорошо, что у Бакланова прилипалъ языкъ къ гортани, когда онъ встрѣчалъ Проскриптскаго, а Аркадій былъ глубоко убѣжденъ, что изъ Базарова выйдетъ знаменитость. „Природа не храмъ, а мастерская, говорилъ Базаровъ и человѣкъ въ ней работаетъ“. Въ эти-то работники онъ и готовился, не зная еще, какое именно дѣло придется ему дѣлать. Но и Базаровъ, и Проскриптскій уже не смотрятъ на жизнь, какъ на наслажденіе; поэтому, всѣ принадлежности эстетическаго воспитанія, безъ которыхъ немыслима жизнь для Павла Петровича, Бакланова, Имплева и т. д., они считаютъ пустяками и вздоромъ. Оттого-то Базаровъ и разразился такимъ хохотомъ, когда узналъ, что Николай Петровичъ, имѣвшій отъ роду 44 года, учится на віолончели. Человѣку, готовящемуся для дѣла и видѣвшему, какого грубаго и элементарнаго дѣла требуетъ практическая почва, человѣку, считавшему природу мастерской, а не храмомъ, віолончельныя упражненія для самоуслажденія не могли казаться дѣломъ, достойнымъ здравомыслящаго гражданина. Поэтому, совершенно понятно, что Базаровъ могъ сказать: „и Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ; да и наши художники не лучше его“.

Становясь на почву практической помощи своему ближнему, Базарову было не къ чему драпироваться въ деликатность отношеній къ меньшимъ братіямъ и въ безрезультатный сантиментализмъ. Какъ Павелъ Петровичъ ни деликатенъ въ обращеніи съ мужиками и бабами, а тѣ все-таки его боятся и сторонятся его. Базаровъ ведетъ себя обратно, и совершенно справедливо коритъ Павла Петровича, что онъ съ мужиками даже и говоритъ не

Digitized by Google

умѣетъ. Базаровъ не миндальничаетъ съ мужиками и не говоритъ имъ *вы*, а подступаетъ къ нимъ прямо и искренно и тѣ понимаютъ эту искренность, эту истинную гуманность, эту истинную человѣческую равноправность. Павелъ Петровичъ, Баклановъ и кто хотите изъ нихъ, всегда снисходятъ къ мужику, они всегда помѣщики и господа; Базаровъ же держитъ себя какъ человѣкъ, для котораго не существуетъ крѣпостныхъ, которому вовсе и неизвѣстно барское чувство. Посмотрите, на какой тонкой деликатности держитъ себя съ Феничкой Павелъ Петровичъ, который уже знаетъ ее давно, и какъ просто и прямо ведетъ себя Базаровъ, увидѣвшій туже самую Феню въ первый разъ. Про Базарова г. Тургеневъ говоритъ, „что онъ владѣлъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обходился съ ними небрежно". Это искуство не больше какъ гуманная равноправность, которой и не могло быть у людей предыдущаго періода и которая сдѣлалась признакомъ людей свободной Россіи, отрѣшившейся отъ крѣпостного права. „Слуги Кирсановыхъ привязались скоро къ Базарову, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ; они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Дуняша охотно съ нимъ хихикала и, искоса, значительно посматривала на него, пробѣгая мимо „перепелочкой"; Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глупый, вѣчно съ напряженными морщинами на лбу... и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманіе; дворовые мальчишки бѣгали за „дохтуромъ", какъ собаченки". И когда этотъ „дохтуръ", прогостившій у Кирсановыхъ какой нибудь мѣсяцъ, уѣзжалъ, вся прислуга въ домѣ пріуныла: Дуняша даже убѣжала въ рощу, чтобы скрыть свое волненіе, и Петръ расчувствовался до того, что плакалъ у Базарова на плечѣ. Вотъ это-то и есть *сліяніе*, о которомъ такъ мечтали московскіе славянофилы и которое имъ никакъ не давалось, да и не могло даться, потому что они были тѣ же благонамѣренные помѣщики, какъ и Павелъ Петровичъ. Для *сліянія* требовалось прежде всего уничтоженіе крѣпостного права. Въ Базаровѣ это прямое органическое дѣло; онъ даже и не подозрѣваетъ, что *сливается*, тогда какъ славянофилы

Digitized by Google

розыгрывали сантиментальныя сцены и мужикъ очень хорошо понималъ, что это ложь и фразы.

Когда писателю прежняго времени требовалось олицетворить здравый и реальный взглядъ на жизнь, то выводился на сцену докторъ, и г. Тургеневъ заставляетъ Базарова быть студентомъ медицины. Едва ли, впрочемъ, для г. Тургенева была непремѣнная необходимость поступить такимъ образомъ. Въ эпоху идеализма, когда всѣ развивались на метафизикѣ и уже много-много на какой нибудь натуръ-философіи, конечно наиболѣе компетентнымъ судьей въ вопросахъ, для разрѣшенія которыхъ требовалось стоять на реальной почвѣ, могъ быть докторъ. Но когда русская жизнь дала крутой экономическій поворотъ, естествовѣденіе должно было явиться признакомъ всякаго человѣка новаго времени. Общее сознаніе уже высказало, что у насъ нѣтъ ни порядочныхъ медиковъ, ни техниковъ, ни другихъ спеціалистовъ, что у насъ нѣтъ общественной гигіены, что мы не умѣемъ ростить здоровыхъ дѣтей, что мы и свое собственное здоровье только разрушаемъ отъ невѣжества. Куда ни повернись, повсюду оказывалось полнѣйшее отсутствіе свѣдѣній о природѣ вообще и о природѣ человѣка въ особенности. Понятно, что новый человѣкъ долженъ былъ отнестись презрительно къ метафизикѣ и классицизму, принесшимъ такіе печальные плоды, и обратился къ естествовѣденію. Но естествовѣденіе, къ которому онъ обратился, естествовѣденіе, въ томъ видѣ, какъ его выработала западная Европа, могло сообщить лишь то міровоззрѣніе, какое являлось неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ новаго научнаго метода и вновь открытыхъ фактовъ. Конечно, опытные выводы научныхъ изслѣдованій послѣдняго времени должны были расходиться во многомъ съ апріористическими умозаключеніями, на которыхъ выросли *отцы*. Поэтому, полнаго согласія между отцами и дѣтьми ожидать было невозможно. Если оно иногда и являлось, то въ видѣ исключенія. Такъ отецъ Базарова расходился съ своимъ сыномъ въ мелочахъ настолько, насколько новая медицина опередила старую; но въ существѣ воззрѣній у нихъ непримиримой разницы быть не могло, ибо отецъ Базарова былъ тоже медикъ. Совсѣмъ иное—дядя и отецъ Аркадія, особенно Павелъ Петровичъ, считавшій себя человѣкомъ очень образованнымъ. Павлу

Digitized by Google

Петровичу не нравились нѣмцы потому, что прежде у нихъ были — „ну, тамъ Шиллеръ, что-ли, Гете, а теперь все пошли какіе-то химики и матеріялисты“. На это естественникъ Базаровъ счелъ необходимымъ отвѣтить, что порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта. И конечно Базаровъ съ точки зрѣнія тѣхъ насущныхъ нуждъ Россіи, которымъ требовалось удовлетворить немедленно, былъ далеко справедливѣе Павла Петровича. Если вы собираетесь строить желѣзную дорогу и къ вамъ приведутъ поэтовъ, то будь эти поэты выше самого Шекспира, вы все-таки предпочтете имъ инженеровъ и землекоповъ. Павелъ Петровичъ никакъ не могъ понять этой простой вещи. Но дѣло приняло болѣе печальный оборотъ, когда вопросъ коснулся нервовъ и ощущеній. Базаровъ рѣшительно не былъ виноватъ въ томъ, что изслѣдованія европейскихъ натуралистовъ не сходились съ умозаключеніями Павла Петровича. Базаровъ читалъ то, что писалось въ лучшихъ сочиненіяхъ послѣдняго времени и слушалъ то, что говорили ему съ кафедры профессора. Поэтому, весьма натурально, что на разсужденіе Аркадія о таинственныхъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной онъ отвѣчалъ въ томъ же родѣ, какъ отвѣтилъ Адуеву его дядя. „Мы, физіологи, знаемъ какія это отношенія. Ты проштудируй-ка анатомію глаза: откуда тутъ взяться, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все чепуха, романтизмъ“. Но подобныя вещи можно было высказывать безнаказанно только Аркадію, а не Павлу Петровичу. И потому, когда Базаровъ въ качествѣ естественника и противника всякой метафизики, спросилъ Павла Петровича: „Да на что намъ эта логика: вы, я думаю, не нуждаетесь въ логикѣ для того, чтобы положить себѣ кусокъ хлѣба въ ротъ, когда вы голодны“, то Павелъ Петровичъ только взмахнулъ руками. Идеалистъ Павелъ Петровичъ наконецъ совсѣмъ разошелся съ реалистомъ Базаровымъ и даже разъ сказалъ ему съ холодной вѣжливостью: „впрочемъ, мы другъ друга понять не можемъ; я, по крайней мѣрѣ, не имѣю чести васъ понимать“. На что Базаровъ ему отвѣтилъ: „Еще бы! человѣкъ все въ состояніи понять — и какъ трепещетъ эфиръ, и что на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться,

Digitized by Google

чѣмъ онъ самъ сморкается, этого они понять не въ состояніи".— Умнѣе и справедливѣе нельзя было отвѣтить.

Тотъ Базаровъ, черты котораго мы указали, есть прямой, непосредственный продуктъ новаго русскаго мышленія въ направленіи послѣднихъ реформъ. Онъ такое неизбѣжное дитя исторіи, какъ сами реформы, и безъ крестьянскаго вопроса невозможенъ. Базаровъ отлично понималъ, что онъ историческій продуктъ и потому сказалъ Павлу Петровичу: „Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во мнѣ случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?" Конечно Базаровъ г. Тургенева не совсѣмъ тотъ, о которомъ мы говорили; въ Тургеневскомъ Базаровѣ намѣшано много несущественныхъ, внѣшнихъ особенностей, заслоняющихъ его простую здравую сущность, и потому-то болѣе рѣзко бросающихся въ глаза людей менѣе проницательныхъ. Намѣренно или ненамѣренно пошутилъ такимъ образомъ г. Тургеневъ—вопроса этого касаться теперь мы не станемъ.

Несущественныя черты Базарова повредили новому типу больше всего въ глазахъ благонамѣренныхъ и деликатныхъ отцевъ. Павла Петровича возмущала не столько сущность міровоззрѣнія Базарова, сколько его рѣзкость и непочтительность. „Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова, говоритъ г. Тургеневъ; онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеемъ; *онъ подозрѣвалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва ли не презираетъ его—его, Павла Кирсанова!*" Очевидно, что будь Базаровъ менѣе честный, прямой и послѣдовательный человѣкъ, Павелъ Петровичъ протянулъ бы ему дружески руку. Павла Петровича, видавшаго виды, конечно не могъ смутить никакой матеріялизмъ, нигилизмъ и цинизмъ, если бы онъ проявлялся въ мягкой великосвѣтской формѣ, и еслибы онъ не чувствовалъ, что его познанія, умъ и развитіе подвергнуты сомнѣнію и еще кѣмъ? мальчишкой и плебеемъ. Какъ вы хотите — обидно! Мы знаемъ, что матеріялизмъ и нигилизмъ, проявлявшійся самымъ циническимъ и безнравственнымъ образомъ въ концѣ XVIII столѣтія, не возмущалъ никого, потому что представителями его были графы, князья и маркизы. Блонды, кружева и бархатъ прикрывали вся-

Digitized by Google

кую грязь, всякую гадость, какъ флагъ Англіи, напримѣръ, покрывалъ торговлю человѣческимъ мясомъ.

Базарову, для привлеченія къ себѣ расположенія стариковъ Кирсановыхъ, стоило только говорить мягче и не обнаруживать, что онъ считаетъ ихъ людьми отжившими и для новаго дѣла непригодными. Въ этой ненужной искренности ошибка новаго типа. Базаровъ долженъ былъ знать Бентама; а если онъ зналъ его, то долженъ былъ знать и то, что утилитаризмъ считаетъ безнравственными дѣйствія, ведущія къ вредному результату. Своимъ неосторожнымъ высокомѣріемъ Базаровъ не выигрывалъ своего дѣла; если бы онъ даже сказалъ Павлу Петровичу прямо, на отрѣзъ, что онъ глупъ и безполезенъ, развѣ Павелъ Петровичъ сталъ бы отъ этого умнѣе и полезнѣе? Но новый типъ всякую сдѣлку считаетъ безчестностію; изъ исторіи предыдущаго поколѣнія онъ вынесъ убѣжденіе, что ложь, уступка, непослѣдовательность точно гангрена разъѣла нашъ общественный организмъ, и не захотѣлъ идти путемъ отцовъ. Порывъ, хотя и честный, оказался не разсчетливымъ. Но не дѣтей обвиняемъ мы въ этомъ. Честность и искренность Базарова стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, только не Кирсановымъ было понять ихъ. А Базарову приходилось имѣть дѣло именно съ Кирсановыми. Противъ такой стихіи ничего не подѣлаешь:—тутъ исторія.

Къ сожалѣнію для новаго типа на сторону стихійной силы Кирсановыхъ встали гг. Тургеневы, Писемскіе, Гончаровы, Стебницкіе, Клюшниковы, Авенаріусы, воспользовавшіеся глупо своимъ правомъ говорить. Отнесись г. Тургеневъ менѣе отрицательно къ Базарову, пойми онъ, что Базаровъ сила молодая, формирующаяся сила, которой не суждено пропасть въ ничтожествѣ, какъ какому нибудь Павлу Петровичу, Бакланову или Басардину и часть печальныхъ послѣдствій, вызванныхъ г. Тургеневымъ, невѣрящимъ ни въ какую силу, конечно миновала бы насъ. Г. Тургеневъ смѣется надъ „отцами“ и изображаетъ ихъ въ жалкомъ видѣ. Но въ тоже время, увидѣвъ молодую силу, вызванную на арену исторіи самою жизнію, онъ, съ рефлексіею человѣка сороковыхъ годовъ, заколебался и испугался ей ввѣриться. Худо старое, говоритъ онъ, да и Богъ вѣдаетъ, хорошо ли новое? И вотъ, подъ

Digitized by Google

вліяніемъ этой жалкой рефлексіи, онъ навязываетъ Базарову разныя несущественныя черты, которыя замазываютъ грязью его чистую, честную фигуру, и типъ едва возникающаго человѣка шестидесятыхъ годовъ является въ уродливомъ изображеніи. Мы приписываемъ это исключительно неспособности г. Тургенева понять правду жизни и отсутствію въ немъ критической проницательности. Если онъ отрицаетъ крѣпостное право со всѣми его уродливыми послѣдствіями, онъ долженъ былъ признать благотворность освобожденія крестьянъ тоже со всѣми его послѣдствіями. Онъ долженъ былъ увидѣть въ новомъ явленіи реакцію старому и, въ качествѣ лѣтописца, не имѣлъ права примѣшивать своихъ личныхъ интересовъ, личныхъ симпатій и антипатій. Посмотрите, какъ тепло относится Тургеневъ къ своимъ женскимъ типамъ. Или вы думаете, что онъ не знаетъ недостатковъ Одинцовой, Елены и т. д.? Знаетъ онъ ихъ очень хорошо, но онъ считаетъ ихъ мелочами, только мѣшающими ясности и идеальной чистотѣ образа. Но съ типомъ мужчины онъ поступаетъ всегда иначе, точно боится, чтобы человѣкъ уже не вышелъ слишкомъ плѣнительнымъ. Владѣя сильными задатками, чтобы быть литературнымъ вождемъ, г. Тургеневъ стушевывается добровольно, онъ отдѣляется отъ мужчинъ, примыкаетъ къ женскому лагерю и желаетъ стоять лишь во главѣ амазонокъ. Конечно это пріятнѣе, но зачѣмъ же портить мужчинъ! А г. Тургеневъ своимъ Базаровымъ попортилъ не мало. Съ одной стороны, онъ возбудилъ противъ возникающаго типа негодованіе всѣхъ Кирсановыхъ, которымъ такъ настойчиво старался втолковать, что дѣти ни въ грошъ не ставятъ „отцовъ". Это корень антагонизма. Съ другой—несущественными чертами Базарова онъ создалъ базаровщину. Базаровъ, даже и въ томъ видѣ, какъ у г. Тургенева—сила, большая и исключительная. Такихъ сильныхъ натуръ считаютъ не сотнями, а единицами. У г. Писемскаго, въ „Взбаломученномъ морѣ", цѣлый полкъ дѣйствующихъ лицъ, а Проскриптскій одинъ, въ „Отцахъ и дѣтяхъ" на десятокъ только одинъ Базаровъ. Въ дѣйствительной жизни отношеніе это еще неблагопріятнѣе. Поэтому понятно, что все несильное, несамостоятельное, способное болѣе понимать форму, чѣмъ сущность, должно была облачиться въ маскарадный костюмъ, полагая, что

Digitized by Google

достаточно быть рѣзкимъ и угловатымъ, чтобы сдѣлаться представителемъ типа шестидесятыхъ годовъ. Это именно и случилось. Не Базаровъ, а базаровщина явилась зломъ и шутовская копія заслонила въ общественномъ мнѣніи всѣ хорошія стороны новаго типа. Теперь базаровщины вы уже не встрѣтите, за очень рѣдкими исключеніями, попадающимися въ провинціи; но правда, намѣченная въ Базаровѣ, жива и не умретъ. Эта правда заключается въ сущности тѣхъ новыхъ историческихъ требованій, которыя создались освобожденіемъ крестьянъ, въ томъ реализмѣ, безъ котораго немыслимъ соціально-экономическій прогрессъ въ Россіи.

XVI.

Спеціальная особенность таланта отжившихъ писателей въ томъ, что они никогда не обнаруживали особенно широкаго размаха мысли. Отъ этого ихъ герои очень типичны, скопированы вѣрно съ натуры, являлись какъ бы монографами въ беллетристической формѣ. Тоже самое случилось и съ Базаровымъ. Онъ личность сильная, но односторонняя, далеко неотвѣчающая на вопросы времени и недающая идеальнаго образа человѣка шестидесятыхъ годовъ. Г. Тургеневъ заставилъ Базарова умереть какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Базарову слѣдовало жить. „Отцы и дѣти“ точно первая часть недоконченнаго романа. Конечно, Базарову въ 1859 году и не въ чемъ было проявить свою дѣятельность; но пожалуй намъ этой дѣятельности и ненужно; намъ важнѣе было бы прослѣдить дальнѣйшее развитіе Базарова, узнать, въ чемъ и какъ онъ исправлялъ свое еще не вполнѣ установившееся міровоззрѣніе и какъ онъ примирилъ свои противорѣчія, которыхъ въ немъ было не мало, наконецъ, какой стороной и въ какомъ размѣрѣ вошли въ него и другіе вопросы русской жизни. Изъ Базарова мы узнаемъ только двѣ вещи: что люди шестидесятыхъ годовъ отнеслись отрицательно къ дѣятельности своихъ отцовъ и усвоили себѣ реальное міровоззрѣніе. И что у Базарова способъ обращенія съ людьми и манеры не отличались свѣтской деликатностью. Что

Digitized by Google

же касается души Базарова, то читателю показали только одинъ ея уголокъ. Такую скупость автора мы объясняемъ просто трудностію предмета, за обработку котораго онъ взялся.

Въ односторонности и незаконченности типа заключается, между прочимъ, болѣе вредное вліяніе базаровщины, которая, при вполнѣ выработавшемся типѣ конечно изчезла бы, а вмѣстѣ съ ней изчезъ бы и благовидный поводъ къ ожесточенію „отцовъ". Такимъ образомъ, если бы талантъ г. Тургенева былъ выше и онъ не ограничился бы только первою частію недоконченнаго романа, то, можетъ быть, русская литература избавилась бы отъ необходимости принять въ свои нѣдра произведенія гг. Стебницкаго, Клюшникова, Авенаріуса, ибо этимъ господамъ, послѣ г. Тургенева, сказать было бы уже нечего. Теперь же для пополненія того, что не договорилъ г. Тургеневъ, приходится обращаться къ этимъ подъячимъ русской беллетристики и въ ихъ произведеніяхъ отыскивать типическія черты формирующагося человѣка шестидесятыхъ годовъ. Это печально, но нѣтъ другого выхода. Впрочемъ, для успокоенія читателя, я напомню ему о томъ прусскомъ кузнецѣ, который предсказывалъ перемѣну погоды лучше придворнаго астронома. Когда Фридрихъ Великій потребовалъ къ себѣ этого кузнеца, спросивъ его, какъ онъ узнаетъ погоду, кузнецъ отвѣчалъ: „При дворѣ вашего величества состоитъ астрономомъ мой родной братъ: я говорю всегда противное тому, что говоритъ онъ, и выходитъ правда". Совершенно тотъ же пріемъ нужно употреблять и съ произведеніями отсталыхъ писателей. Съ помощію этого метода, спасшаго насъ въ „Взбаломученномъ морѣ", мы надѣемся найти выходъ и изъ „Некуда".

Г. Стебницкому достался матеріялъ далеко высшаго качества, чѣмъ г. Тургеневу. Г. Тургеневъ имѣлъ дѣло съ едва обозначившимися чертами, тогда какъ передъ авторомъ „Некуда" ходило взбаломученное море. Даже не опускаясь на дно этого моря, а прогуливаясь лишь по берегу, можно было усмотрѣть множество сокровищъ, множество предметовъ, прежде невиданныхъ и невѣдомыхъ; но на крючокъ г. Стебницкаго попадали лишь водоросли, да и въ нихъ онъ разсмотрѣлъ не то, что увидѣлъ бы ботаникъ; на просвѣщенный глазъ г. Стебницкаго все это была тина.

Digitized by Google

Г. Тургеневъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ изобразилъ родителей красками самыми привлекательными. Благодушіе отца и матери Базарова можно сравнить развѣ только съ благодушіемъ Ивана Никифоровича и Пульхеріи Ивановны. Павелъ Петровичъ и Николай Петровичъ истинные джентльмены, держащіе себя съ Аркадіемъ какъ равные. Но подобное обобщеніе было бы неосторожно, и г. Стебницкій показываетъ обратную сторону медали. Лизѣ, напримѣръ, не было житья дома, хоть въ петлю полѣзай: и сестры, и тетки, и няньки, и мать слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ, точно инквизиторы — чуть позволяютъ ей дышать свѣжимъ воздухомъ. Выплываетъ, напримѣръ, изъ-за меревскаго сада луна: „Ахъ, луна! восклицаетъ Лиза“.—Что это, Лиза! точно вы не видали луны, замѣчаетъ ей Зинаида Егоровна.—„И этого нельзя? сухо спрашиваетъ Лиза“.—Не нельзя, а смѣшно. Тебя прозовутъ мечтательницей. Зачѣмъ же быть смѣшною?—Женни Главицкая садится въ экипажъ, чтобы ѣхать домой: „Какая ты счастливица, говоритъ ей Лиза,—ѣхать ночью одной по лѣсу. Ахъ, какъ это хорошо!“ — Боже мой, что это въ самомъ дѣлѣ у тебя Лиза, то ночь, то луна, дружба... тебя просто никуда взять нельзя, съ тобою засмѣютъ, произноситъ по-французски Зинаида Егоровна.—Лиза вздумала уѣхать на часъ въ гости къ своей подругѣ Женни и это нашли до такой степени неприличнымъ, что перевернули весь домъ: мать въ этомъ простомъ поступкѣ усмотрѣла неуваженіе къ себѣ и чуть не развратъ, другіе еще хуже. Бахаревъ, отецъ Лизы, оказался единственнымъ разсудительнымъ человѣкомъ: „Пойдутъ дуть, да раздувать и надуютъ и себѣ всякія болѣсти, и другимъ безпокойство. Охъ ты Господи! Господи! ты ищешь только покоя, а онѣ знай исторіи разводятъ. И изъ-за чего, за что дѣвочку разогорчили! добавилъ онъ, входя въ кабинетъ и такъ хлопнулъ дверью, что въ залѣ задрожали стѣны“. Лизу наконецъ такъ измучилъ семейный надзоръ и шпильки, которыя ей вставляли на каждомъ шагу, что она рыдая обратилась къ Женни съ просьбой взять ее изъ дому: „Возьми... возьми къ себѣ, другъ мой! ангелъ мой хранитель... сохрани меня!“ — Что ты болтаешь, смѣшная! отвѣчала Женни,—какъ я тебя возьму? Здѣсь у тебя семья: отецъ, мать, сестры.—„Я ихъ буду любить, я ихъ еще... больше буду любить.

Digitized by Google

Тутъ я ихъ скорѣй перестану любить. Они, можетъ быть, и добрые, но всѣ они такъ странно со мною обращаются. Они не хотятъ понять, что мнѣ такъ нельзя жить. Они ничего не хотятъ понять".— Ты только успокойся, перестань плакать-то. Они узнаютъ какая ты добрая и поймутъ, какъ съ тобою нужно обращаться.—„Нѣтъ, они не поймутъ; они никогда, никогда не поймутъ. Тетка Агнія правду говорила. Есть вѣрно въ самомъ дѣлѣ семьи, гдѣ еще меньше понимаютъ, чѣмъ въ институтѣ". Лиза, разстроенная до послѣдней степени, неожиданно бросилась на колѣни передъ Женни и въ какомъ-то изступленіи проговорила: „ангелъ мой, возьми! Я здѣсь ихъ возненавижу, я стану злая, я стану демономъ, чудовищемъ, звѣремъ... или я... чортъ-знаетъ чего надѣлаю". Но, можетъ быть, Лиза дѣйствительно дѣлаетъ такія вещи, что за ней необходимъ чрезвычайный надзоръ. Ничего не бывало. Она только-что взята изъ института, дома всего одинъ мѣсяцъ и дѣвушка, какъ всѣ дѣвушки. Отъ обыкновенныхъ дѣвушекъ она отличается только тѣмъ, что лучше ихъ—умнѣе, самостоятельнѣе, своеобразнѣе и энергичнѣе. Будь она такая же дрянь, какъ ея сестры, ей жилось бы дома хорошо. На Лизу ужь пахнуло свѣжимъ воздухомъ: вопросъ о свободѣ она перенесла изъ крестьянской области на себя: тутъ не больше какъ послѣдовательность. Самъ даже г. Стебницкій говоритъ, что „первымъ шагомъ въ этомъ періодѣ былъ сепаратизмъ со всѣмъ, что симпатизировало завѣтамъ прошедшаго. На сторонѣ старыхъ интересовъ оставалась масса людей, которыхъ по ихъ способностямъ Эдуардъ Уитти справедливо называетъ разрядомъ плутовъ или дураковъ. Это было большинство. Мать и сестры Лизы оставались въ большинствѣ и жили его жизнію. Женни и Лиза вовсе не принадлежали къ прошлому и не имѣли съ нимъ никакой связи... Подобные кружки сепаратистовъ встрѣчались довольно нерѣдко и составляли совершенно новое явленіе въ уѣздной жизни. Людей, входившихъ въ составъ этихъ кружковъ, связывала не солидарность матеріяльныхъ интересовъ, а единственно сочувствіе совершающемуся пробужденію, общая радость каждому шагу общественнаго преуспѣянія и искреннее желаніе всѣхъ золъ прошедшему". Если послѣднія слова г. Стебницкаго перенести изъ области чувствъ въ область сознанія, то обнаружится, что логика жизни заставила людей ду-

Digitized by Google

мать о томъ, о чемъ они прежде не думали, и замѣчать то, чего прежде не замѣчалось. „Докторъ пойдетъ въ городъ и куда бы онъ ни шелъ, все ему смотрительскій домъ по дорогѣ выйдетъ. Забѣжитъ на минуту, все, говоритъ, нѣкогда, все торопится, да и просидитъ битый часъ противъ работающей Женни, разсказывая ей какъ многимъ худо живется на бѣломъ свѣтѣ и какъ имъ могло бы житься совсѣмъ иначе, гораздо лучше, гораздо свободнѣй". Да, моментъ улучшенія быта крестьянъ былъ именно моментомъ стремленія всѣхъ болѣе умныхъ и добрыхъ людей къ улучшенію положенія истинныхъ несчастныхъ и страдающихъ, И почему же улучшеніе положенія однихъ должно было исключить улучшеніе положенія другихъ? Думать, такъ думать! Вотъ почему, когда Лиза узнала, въ какой омутъ погрузила доктора его семейная жизнь, она обратилась къ нему съ вопросомъ, отчего онъ не вырвется изъ своего положенія? „Уѣзжайте отсюда въ столицу, ищите кафедры".— А семья? отвѣтилъ докторъ.—Да, бракъ ужасное дѣло, проговорила тихо Лиза. По личному опыту она знала, что значитъ поѣдомъ-ѣдущая семья.

Отцамъ, твердо стоявшимъ на почвѣ несокрушимой традиціи, семья и не могла казаться тѣмъ, чѣмъ она показалась дѣтямъ. Когда послѣ одного спора съ Базаровымъ Павелъ Петровичъ воскликнулъ: „вотъ вамъ нынѣшняя молодежь! вотъ они наши наслѣдники!" Николай Петровичъ ему на это отвѣтилъ: „Знаешь что я вспомнилъ, братъ? Однажды я съ покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотѣла меня слушать... Я наконецъ сказалъ ей, что вы, молъ, меня понять не можете, мы, молъ, принадлежимъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ. Она ужасно обидѣлась, а я подумалъ: что дѣлать? Пилюля горька, а проглотить ее нужно. Вотъ теперь настала наша очередь, и наши наслѣдники могутъ сказать намъ: вы, молъ, не нашего поколѣнія, глотайте пилюли". Но вѣдь новая пилюля была не той крѣпости, какую приподнесъ Николай Петровичъ своей покойной матушкѣ. Мы не знаемъ, изъ-за чего поспорилъ Николай Петровичъ; но думаемъ, что это былъ какой нибудь вздоръ, на который Базаровъ не обратилъ бы вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ существенномъ могли расходиться тогда отцы и дѣти! Семья во всѣхъ своихъ преда-

Digitized by Google

ніяхъ стояла несокрушимой твердыней; традиціонная связь была крѣпка, какъ желѣзная цѣпь. Большаго мучителя, какъ жена Розанова, кажется, ужь и придумать нельзя, а живи вмѣстѣ:—стерпится—слюбится, гласила опытная мудрость уѣзднаго города, въ которомъ обиталъ мученикъ-докторъ, хотя Вязмитиновъ совершенно справедливо замѣтилъ, что русскій человѣкъ зачастую сапоги покупаетъ осмотрительнѣе, чѣмъ женится. У Розанова оказался уже очень тѣсный сапогъ: силъ нѣтъ—нѣтъ, говорятъ, носи. Бахаревъ, когда истерическіе фокусы Ольги Сергѣевны ужь очень ему докучали, когда визгъ и стоны Ольги Сергѣевны и суетливая бѣготня прислуги выводили его изъ терпѣнія, громко хлопнувъ дверью, уходилъ въ свою комнату и порывисто бѣгалъ по ней изъ угла въ уголъ. Если же еще съ полчаса исторія въ домѣ не прекращалась, Егоръ Николаевичъ выбѣгалъ оттуда дрожащій и съ растрепанными волосами. Онъ стремительно достигалъ комнаты, гдѣ истеричничала Ольга Сергѣевна, громовымъ голосомъ и многознаменательнымъ движеніемъ чубука выгонялъ изъ этой комнаты всякую живую душу и затѣмъ держалъ корчившей ноги больной такую рѣчь: „вамъ мѣшаютъ успокоиться и я васъ запру на ключъ, пока вы не перестанете". Затѣмъ эксъ-гусаръ выходилъ за дверь, оставляя больную одну одинешеньку. Больная конечно выздоравливала. Но превратить свою семейную жизнь въ рядъ подобныхъ сценъ ужь очень глупо. А между тѣмъ подобную жизнь вело почти большинство; милыя семейныя сцены на ту же тему, но съ другими подробностями составляли не исключеніе, а правило; на нихъ смотрѣли даже какъ на нѣчто неизбѣжное, какъ на выпавшую житейскую линію, точно такая жизнь указана русскому человѣку въ самой книгѣ судебъ. Вольнодумничать о какихъ либо перемѣнахъ Николаямъ Петровичамъ и въ голову не приходило, а Бахаревы, въ энергическомъ хлопаньи дверьми, видѣли единственный спасительный исходъ. Скромность умственныхъ и нравственныхъ требованій была доведена до такой кроткой благонамѣренности, что Василій Ивановичъ даже въ 1859 году боялся произнести слово „декабристы". „Я, тотъ самый я, говорилъ онъ Аркадію, котораго вы изволите видѣть теперь передъ собою, я у князя Витгенштейна и у Жуковскаго пульсъ щупалъ. Тѣхъ-то въ южной

Digitized by Google

арміи, по четырнадцатому, вы понимаете—и тутъ Василій Ивановичъ значительно сжалъ губы—всѣхъ зналъ наперечетъ. Ну да вѣдь мое дѣло сторона, знай свой ланцетъ и баста". Петръ Лукичъ, отецъ Женни, еще яснѣе обрисовалъ умственный героизмъ людей своего времени. „Нѣтъ господа, ужь какъ тамъ не храбрись, а пора сознаваться, что отстаю, отстаю отъ вашихъ-то понятій, говорилъ онъ, собравшимся у него сепаратистамъ.—Бывало, что ни читаешь, все это находишь такъ въ порядкѣ вещей и самъ понимаешь и съ другими станешь говорить и другой одинаково понимаетъ; а теперь иной разъ читаешь этакую тамъ статейку или практическую замѣтку какую и чувствуешь и сознаешь, что давно бы должна быть такая замѣтка, а какъ-то, Богъ его знаетъ... Просто иной разъ глазамъ не вѣришь. Чувствуешь, что правда это все, а рука-то своя ни за что не написала бы этого... Точно,—я самъ знаю, что въ Европѣ существуетъ гласность, и понимаю, что она должна существовать, даже... между нами говоря... (смотритель оглянулся на обѣ стороны и добавилъ, понизивъ голосъ), я самъ нѣсколько разъ „Колоколъ" читалъ и не безъ удовольствія, скажу вамъ, читалъ; но у насъ-то, на родной-то землѣ, какъ же это, думаю? Что-жъ это о всемъ, стало быть, люди смѣютъ говорить? А мы не смѣли объ этомъ подумать. Подумать, а не то что говорить!.. Я другой школы, насъ учили классически; мы литературу не принимали гражданскимъ орудіемъ; мы не пріучены дѣйствовать и не по силамъ намъ дѣйствовать".

И подобныхъ-то людей видѣла Лиза повсюду и всякій день. Ей ли, при ея натурѣ, можно было успокоиться на подобныхъ требованіяхъ, на такой жизни. Да еще хорошо если на такой; но ея мать и сестры были вовсе не похожи на Петра Лукича. Въ душѣ Лизы не было мира, говоритъ г. Стебницкій. „Рвалась она на волю, томилась предчувствіями, изнывала въ темныхъ шарадахъ, своего и чужого разума. Мертва казалась ей книга природы; на ея вопросы не давали отвѣта темные люди темнаго царства. Она страдала и искала повсюду разгадки для живыхъ, ноющихъ вопросовъ, неумолчно взывающихъ о скорѣйшемъ рѣшеніи. Ей тоже хотѣлось правды. Но этой правды она искала не такъ,

Digitized by Google

какъ искала ее Женни. Она искала мира, когда мира не было въ ея костяхъ. Семья не поняла чистыхъ порывовъ; люди ихъ перетолковывали; друзья старались ихъ усыпить; мать кошекъ чесала; отецъ младенчествовалъ. Все обрывалось; некуда было дѣться. Женни не взяла ее къ себѣ, „нельзя". Мать Агнія тоже говорила „опомнись", а опомниться нужно было тамъ же, въ томъ же вертепѣ, гдѣ кошекъ чешутъ и злятъ регулярными пріемами черезъ часъ по ложкѣ. Нельзя въ такихъ мѣстахъ опомниться. Лиза, отъ природы нѣжная, пытливая и впечатлительная, не нашла дома ничего. Таки ровно ничего. Кромѣ странной, почти дѣтской ласки отца, аристократическаго вниманія тетки и мягкаго бичеванія отъ всѣхъ прочихъ членовъ своей семьи. Врожденныя симпатіи еще влекли въ семью Главацкихъ, но куда же годились эти мечтанія? Ей хотѣлось много понимать, учиться. Ее повезли на балы. Все это шло напротивъ ея желаній. Она искала сочувствія и нашла это сочувствіе въ книгахъ, гдѣ личность отвергалась во имя общества и во имя общества освобождалась личность. И стали смѣшны ей и прежнія плачевныя сцены и сантиментально-глупа показалась собственная просьба къ Женни увезти ее изъ дому". Привязанности смѣнились стремленіями и всѣ живыя связи съ неудовлетворявшимъ мелкимъ окружавшимъ мельчали и порывались. Удовлетворить такой порывъ могъ только параллельный подобный же порывъ. Но Лиза не находила въ окружавшихъ ее людяхъ ничего, а Базарова подлѣ нея не было. Это два сильные человѣка, искавшіе истины, искавшіе дѣла, были назначены самой логикой жизни пополнять другъ друга и исправлять взаимное сужденіе. Поставленные во взаимодѣйствіе они дали бы превосходный полный типъ человѣка шестидесятыхъ годовъ. Но г. Тургеневъ обжегъ Базарова на Одинцовой, а г. Стебницкій не нашелъ для Лизы Базарова и выбросилъ ее одинокую на распутіе жизни, не указавъ ей никакого выхода, заставивъ умереть.

«Но отвѣтъ ли это полно?»

„Съ ними (т. е. съ общиной) у меня общаго... хоть ненависть... хоть неумѣнье мириться съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ вы миритесь. А съ вами... ничего", были послѣднія слова Лизы. Вотъ гдѣ сила; Базаровъ умеръ тоже, не измѣнивъ себѣ.

Digitized by Google

Обидно, что романисты присвоили себѣ почти божескую власть надъ жизнію и смертію своихъ героевъ и ниспосылаютъ по своему усмотрѣнію смерть на тѣхъ, кого имъ нужно. Этимъ искуснымъ маневромъ они маскируютъ отъ неопытнаго читателя свое творческое безсиліе. Г. Писемскій заставилъ Ивана застрѣлить Грушу. Г. Тургеневъ уложилъ Базарова въ тифозную горячку и уморилъ его, хотя, по всѣмъ признакамъ сложенія, Базарову слѣдовало выздоровѣть. Г. Стебницкій воспользовался своимъ авторскимъ правомъ съ подобнымъ же великодушнымъ либерализмомъ.

Базаровъ не считалъ любовь главнымъ дѣломъ жизни. Любовь, въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выражался, въ романическомъ, онъ называлъ белибердой, непростительною дурью, рыцарскія чувства онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Тоггенбурга со всѣми миннезингерами и трубадурами. Подобному взгляду на любовь Одинцова отвѣтить не могла. Она была женщина предыдущаго періода, воспитавшаяся въ жорзандизмѣ сороковыхъ годовъ. „По моему, сказала она Базарову, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою, отдай свою и тогда ужь безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то, лучше и не надо“. Слѣдовательно ея взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ не шелъ дальше эгоизма вдвоемъ.

Въ Лизѣ мы находимъ совсѣмъ другія черты. Она точно и не нуждается въ этой любви. Ея умъ занимаютъ другіе вопросы. Она заглядываетъ глубже въ жизнь и не можетъ уложиться въ узкія границы семейнаго эгоизма. Ея пытливый умъ, направившійся уже на наблюденіе окружающей ее общественной жизни, не можетъ съузиться до размѣра мышленія Одинцовой. Жорзандизмъ, ставши вопросомъ русской женщины, могъ въ своемъ практическомъ приложеніи обнимать лишь сферу вопросовъ женщины. А сфера этихъ вопросовъ была далеко мизернѣе сферы вопросовъ дѣвушки. „Отдай мнѣ жизнь за жизнь, люби меня равноправно“, вотъ все, чего требовала Одинцова. И ей другихъ требованій нельзя было имѣть, потому что она женщина русская. Жизнь женщины строго опредѣлялась ея семейнымъ положеніемъ. Никакой дѣятельности внѣ этого круга, все въ немъ—хозяйство, дѣти, мужъ. Ясно, что эгоизмъ

Digitized by Google

вдвоемъ сжимался въ весьма тѣсный кругъ и счастіе заключалось въ полномъ удовлетворенія потребностей и стремленій личнаго чувства. Положеніе дѣвушки много выгоднѣе. Ея уму лежитъ впереди широкая дорога. Она еще не мать и не жена; вопросовъ семьи для нея еще нѣтъ и разрѣшать въ этомъ направленіи ей ничего не приходится. Отъ г. Стебницкаго мы узнаемъ, что Лиза читала много. Что именно читала она, до свѣденія читателя не доводятъ; но изъ нѣкоторыхъ указаній мы можемъ догадываться, что ее занимали вопросы соціально-экономическіе. Такъ, разъ приходитъ къ Лизѣ Помада и говоритъ ей, что онъ читалъ Милля. „Вотъ мѣсто замѣчательное, сказалъ Помада, положивъ передъ Лизой книжку и указывая костянымъ ножомъ на открытую страницу: „въ каждой цивилизованной странѣ число людей, занятыхъ убыточными производствами или ничѣмъ не занятыхъ, составляетъ, конечно, пропорцію болѣе, чѣмъ въ двадцать процентовъ сравнительно съ числомъ хлѣбопашцевъ“. А тутъ вотъ, сказалъ Помада, указывая на „Русскій Вѣстникъ“, драгоцѣнный выводъ въ одной статьѣ“. Выводъ былъ уголовно-статистическій. Лиза, выслушавъ Помаду, сказала: отложите эти книги, я буду читать.

Въ книгахъ Лиза искала отвѣтовъ на свои вопросы, искала руководящаго указанія для своего частнаго и общественнаго поведенія. Если ее не удовлетворяло то, что она находила въ книгахъ, она обращалась къ тѣмъ, кто, по ея мнѣнію, могъ разрѣшить ея сомнѣнія. Такимъ человѣкомъ былъ для нея сначала докторъ Розановъ. Молодость требуетъ готовыхъ выводовъ и рѣшенныхъ вопросовъ; ей давай отвѣты прямые, потому что она хочетъ дѣла и чувствуетъ въ себѣ силу на все. Поэтому же и Лиза искала готовыхъ выводовъ и спрашивала ихъ отъ Розанова. „Да, какіе же дамъ я вамъ выводы, Лизавета Егоровна, отвѣчалъ докторъ.— Если бы я зналъ, какъ людямъ выйти изъ ужасныхъ положеній безкровной драмы, мое имя поставили бы на челѣ человѣчества“.

— Да, но у васъ же есть какая нибудь теорія жизни.

— Нѣту, Лизавета Егоровна, и не хочу ее имѣть. Теоріи-то эти, по моему мнѣнію, и погубили и губятъ людей.

— Какъ же, вѣдь, есть же теоріи правильныя, вѣрныя?

Digitized by Google

— Не знаю такихъ и смѣю дерзостно думать, что до сихъ поръ нѣтъ ихъ.

Лиза задумалась.

— Нынѣшняя теорія не гарантируетъ счастія?

— Не гарантируетъ, Лизавета Егоровна.

— А есть другія?

— И тѣ не гарантируютъ.

— Значитъ теоріи не вѣрны?

— Выходитъ такъ.

— А, можетъ быть, только люди слишкомъ неспособны жить умнѣе?

— Вотъ это всего вѣрнѣе. Кто умѣетъ жить, тотъ уставится во всякой рамкѣ, а еслибъ побольше было умѣлыхъ, такъ и неумѣлые бы поняли, что имъ дѣлать".

Въ Розановѣ авторъ олицетворяетъ житейскую мудрость. И мудрость эта гласитъ—живи безъ теорій, или, что тоже самое, живи безъ правилъ, безъ основаній, безъ руководящихъ принциповъ. Вѣдь и дикій камень, лежащій въ полѣ, подчиняется окружающимъ обстоятельствамъ и у него есть *правила*, по которымъ онъ существуетъ такъ, а не иначе. А г. Стебницкій хочетъ, чтобы человѣкъ, царь природы, жилъ внѣ закона, которому подчиняется всякій дождевой червякъ, всякій комаръ, всякая песчинка. Ну а зачѣмъ у человѣка голова на плечахъ, г. Стебницкій? Конечно, вы хотите сказать не то, что говоритъ Розановъ. Тѣмъ оно и хуже. Вы хотите доказать всѣмъ тѣмъ, кто думаетъ и стремится къ перемѣнамъ, что они хлопочатъ напрасно, напрасно ищутъ невѣдомаго новаго, когда есть готовое старое. Конечно, въ XVIII столѣтіи жилось лучше, чѣмъ въ XIX; въ XVII лучше, чѣмъ въ XVIII, а въ XVI еще лучше, чѣмъ въ XVII; во времена Чингисъ-хана лучше, чѣмъ во времена Екатерины II; а при Навуходоносорѣ лучше, чѣмъ при Чингисъ-ханѣ. Далѣе Розановъ доказываетъ, что вся штука въ умѣньи жить; пріобрѣтать же это умѣнье онъ запрещаетъ, точно человѣкъ прямо изъ утробы матери долженъ выходить Сократомъ. И умѣй жить— и не держись никакихъ правилъ, никакихъ теорій! Послушаешь Розанова—говоритъ гладко, сердечно, даже красиво; а какъ по-

Digitized by Google

думаешь—и видишь, что онъ несетъ самую безсовѣстную чушь. Такой совѣтникъ былъ конечно не по плечу Лизы. Лиза, впрочемъ, убѣдилась скоро и сама, что, несмотря на разницу лѣтъ и житейскаго опыта, а, можетъ быть, именно поэтому, она цѣлой головой выше своего совѣтника. „Такъ жить нельзя, какъ вы живете, сказала она разъ Розанову. Вамъ нужно уѣхать, работать. Другой міръ, другіе люди, другая обстановка, все это васъ оживитъ. Стыдитесь, Дмитрій Петровичъ, вы хуже Помады, котораго вы распекаете. Вмѣсто того, чтобы выбиваться—вы грязнете, тонете, пьете водку — фуй!“ Въ товарищи Лизѣ былъ нуженъ не надломленный и слабый человѣкъ, какъ Розановъ, а свѣжій, сильный, какъ она сама, какъ Базаровъ. Двѣ такія силы вмѣстѣ перенесли бы шаръ земной на другое мѣсто, если бы были убѣждены, что отъ этого людямъ и имъ самимъ будетъ житься лучше.

Но и г. Тургеневъ и г. Стебницкій, задавшіеся предвзятою мыслію доказать, что все дымъ и паръ, поставили своихъ героевъ въ такія обстоятельства, что сила героевъ должна была неизбѣжно разбиться. Почему же съ Лизой не столкнулся Базаровъ? Почему вмѣсто резонера Розанова судьба не могла послать Лизѣ Базарова? Конечно могла. Романисты просто воспользовались правомъ жизни и смерти своихъ героевъ и комбинировали то, что подтверждаетъ ихъ личный закулисный взглядъ, а не думали вовсе рисовать правду жизни, какой она была, есть и должна быть въ идеальномъ изображеніи. Слѣдовательно все обвиненіе падаетъ не на героевъ, выставленныхъ на позоръ, а на авторовъ, ставшихъ далеко ниже своей задачи.

Лиза, по своей силѣ и средствамъ, много выше Елены, до которой г. Тургеневъ довелъ идеальный типъ женщины своего періода. Въ Еленѣ много расплывающейся мечтательности, отсутствіе ясной тенденціи, мало сконцентрированной силы, тогда какъ Лиза точно комокъ стали бьетъ-себѣ въ одну точку да и только. Елена безъ Инсарова немыслима. Безъ его активной помощи она или зачахнетъ, или уйдетъ въ монастырь. Лиза же рветъ всѣ путы и имѣетъ такой громадный запасъ активной силы, что будетъ пробиваться одна черезъ всѣ препятствія жизни, если не окажется охотниковъ идти съ нею вмѣстѣ. Это истинный типъ дѣвушки шестидесятыхъ

Digitized by Google

годовъ, рядомъ съ которымъ богатыри предыдущаго періода — Елены не больше какъ невинныя институтки.

Въ этомъ естественномъ и логически необходимомъ типѣ дѣвушки, отыскивающей выхода къ независимой и трудовой жизни, г. Стебницкій не понялъ ни одной человѣческой черты. Стремленіе Лизы устроиться самостоятельно въ экономическомъ отношеніи показалось г. Стебницкому простою прихотью утопистки и желаніемъ прикрыть развратъ благовидными теоріями модиаго либерализма. Поэтому онъ не скупится на всякую грязь, чтобы покрыть ею свѣтлыя черты русской дѣвушки, выбивающейся изъ-подъ старой опеки временъ Домостроя. Это понятно.

Въ г. Стебницкомъ и во всѣхъ людяхъ его склада мыслей мы видимъ рѣшительное неумѣнье понимать разницу между идеей и дѣломъ. Ставъ на невѣрную точку, г. Стебницкій запутался совершенно въ своемъ собственномъ непониманьи. Онъ смѣшалъ два разныя понятія, которыхъ не позволяется смѣшивать не только современному романисту, но и современному гимназисту. Въ порядкѣ историческихъ судебъ человѣчества идея стоитъ раньше дѣла. Люди шестидесятыхъ годовъ такіе же представители идеи, какими были люди сороковыхъ годовъ. Современная практика, т. е. дѣло предыдущей идеи дала новый толчокъ современному мышленію, но сама стоитъ ниже его. Лиза и Базаровъ изображаютъ собою порывъ послѣдовательнаго мышленія къ тому, что еще невозможно въ осуществленіи для большинства. Они въ зародышѣ люди будущаго, а гг. Тургеневъ и Стебницкій вообразили, что это увлекающіеся глупцы, которыхъ нужно обмазать дегтемъ, обсыпать пухомъ и въ такомъ видѣ выставить на позорище, чтобы и другимъ неповадно было. Нѣкоторыя изъ идей этихъ людей конечно осуществимы и теперь, какъ оказался осуществимымъ жоржандизмъ пятидесятыхъ годовъ; но другія стремленія, захватывающія дальше, ждутъ своего будущаго, какъ ждало его освобожденіе крестьянъ.

Г. Стебницкій подмѣтилъ фактъ, но только его не понялъ. Послѣ кисейныхъ барышень и жоржандизма прошедшаго періода, Лиза — вовсе не мечтательница и не безумная, порывистая сила. Она истинный типъ современной, живой дѣвушки. О русской дѣвушкѣ (говорю вообще), своимъ настойчивымъ трудомъ добившейся званія

Digitized by Google

доктора медицины, знаетъ даже западная Европа. Но сколько кромѣ подобныхъ рѣзкоогласившихся примѣровъ есть другихъ безгласныхъ, требовавшихъ не меньше силы и неуклонной энергіи? Сколько въ одномъ Петербургѣ есть бѣдныхъ труженицъ, ведущихъ каторжную жизнь, чтобы встать самостоятельно на ноги?

Ужь одно то, что ни г. Тургеневъ, ни г. Писемскій, ни г. Гончаровъ, ни г. Стебницкій не съумѣли подойти даже близко къ женщинѣ шестидесятыхъ годовъ, показываетъ, какъ неизмѣримо выше стоитъ она женщины сороковыхъ годовъ. Жорзандизмъ сороковыхъ годовъ стоялъ на той почвѣ, которую Базаровъ называетъ сахарнымъ сыропомъ. Дѣвушка шестидесятыхъ годовъ точно отрубила. Не женщина, а дѣвушка типъ новаго времени и даетъ ему цвѣтъ. Но вовсе не любовь составляетъ для современной дѣвушки вопросъ жизни, а та полная экономическая независимость, которая вовсе не стояла идеаломъ стремленій женщины предыдущаго періода и составляетъ новое слово новой русской жизни. Тутъ цѣлая пропасть отдѣляетъ два періода—нынѣшній отъ предыдущаго. Тутъ такое же несходство, какъ между бытомъ умершей крѣпостной Россіи и бытомъ теперешней, свободной. Тогда жорзандизмъ—теперь женскій вопросъ.

XVII.

Въ Базаровѣ выдается съ особенною настойчивостію одна черта новаго типа — чувство личной независимости, порывъ къ личной свободѣ. Въ лицѣ Базарова г. Тургеневъ заставляетъ новое поколѣніе выразить свой протестъ противъ всякаго крѣпостничества въ какой бы формѣ, въ какой бы сферѣ, въ какомъ бы притязаніи оно ни выражалось. „Да вотъ, напримѣръ, говоритъ Базаровъ Аркадію, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы вашего старосты Филиппа—она такая славная, бѣлая—вотъ, сказалъ ты,—Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа

Digitized by Google

или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасиба не скажетъ... Да и на что мнѣ его спасибо?— Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ рости будетъ; —ну а дальше?" Но Базаровъ, когда отпускалъ этотъ монологъ, хандрилъ и потому частію былъ злѣе, чѣмъ онъ есть, а частію и рисовался. Базаровъ вообще не прочь порисоваться, хотя, какъ умный человѣкъ, онъ дѣлаетъ это искуснѣе самолюбивыхъ дураковъ. Правильность своего разсужденія Базаровъ доказываетъ Аркадію теоріей ощущеній. „Напримѣръ я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія — въ силу ощущеній, говоритъ Базаровъ. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки?—тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу." Аркадію было не подъ силу бороться съ Базаровымъ, иначе онъ уличилъ бы его въ противорѣчіи. Базаровъ уменъ и хочетъ быть первымъ, слѣдовательно и его ощущенія должны быть перваго сорта, а слѣдовательно онъ не можетъ и возненавидѣть послѣдняго мужика, который не скажетъ ему даже и спасибо. Да за что и благодарить? Въ силу тѣхъ же ощущеній Базаровъ не можетъ поступать во вредъ ни Сидора, ни Филиппа; онъ будетъ поступать хорошо, потому что не можетъ поступать дурно. Ясно, что благодарить не за что, и поступать дурно невозможно. Но какъ мы уже говорили, Базаровъ—типъ едва возникающій, типъ въ зародышѣ, форма недоведенная до своего полнаго развитія въ силу того, что г. Тургеневъ и не владѣлъ достаточными матеріялами для сооруженія болѣес овершеннаго, а пророчествовать было бы не разсчетливо для его авторской репутаціи. И потому продолженіе Базарова нужно искать въ слѣдующихъ литературныхъ типахъ, т. е. такихъ, для которыхъ миновалъ моментъ самоопредѣленія и теоретической выработки и которые являются уже не говорунами, какъ юный Базаровъ, а активными дѣятелями дѣйствительной жизни. Мы укажемъ на типъ Райнера, пережившій уже моментъ базаровской незаконченности.

Въ этомъ типѣ вы уже не находите индивидуальной изолированности, которая такъ непріятно поражаетъ въ Базаровѣ. Базаровъ не-

Digitized by Google

оспоримо добрый человѣкъ: за нимъ не стали бы деревенскіе мальчишки бѣгать какъ собаченки, да и мрачный Петръ не разревѣлся бы какъ баба, если бы Базаровъ былъ безчувственный эгоистъ подобно англоману Павлу Петровичу. Но Базаровъ еще не доросъ до болѣе широкаго круговора и, готовясь для дѣятельности, онъ какъ будто и не подозрѣваетъ, что ему придется работать для пользы другихъ, хотя онъ повидимому будетъ дѣлать все для себя. Въ типахъ, служащихъ продолженіемъ Базарову, эта черта обнаруживается гораздо шире; для нихъ личнаго *я* точно и не существуетъ. И этотъ второй моментъ въ развитіи типа не больше, какъ логическая послѣдовательность.

Какъ только мысль, какъ у Базарова, оперлась на критику окружающихъ явленій, соціально-экономическое положеніе русскаго человѣка должно было явиться немедленно однимъ изъ главныхъ вопросовъ жизни, вопросомъ самаго грандіознаго разтѣра. Г. Стебницкій росписываетъ подробно, какъ слагался интеллектуально Райнеръ и почему онъ сталъ мыслить въ соціальномъ направленіи. Вотъ одинъ случай: „Райнеръ встрѣчаетъ въ горахъ швейцарку.— Дай мнѣ напиться, говоритъ онъ крестьянкѣ, сгибающейся подъ тяжелыми кувшинами и тянущей за собою четырехлѣтнее дитя.

— Странное дѣло! думаетъ онъ, глотая свѣжую воду.—Этотъ ребенокъ такъ тощъ и блѣденъ, какъ мучной червякъ, посаженный на пробку. И его мать... Эта яркая юбка ветха и покрыта прорѣхами; этотъ сиензеръ виситъ на ея тощей груди, какъ на палкѣ, ноги ея босы и исцарапаны,—*а издали это было такъ хорошо и живописно.*

— Отчего такъ худъ твой ребенокъ?—спрашиваетъ Райнеръ.

— Плохая пища. У меня нѣтъ дома. Я вдова, я работою людямъ изъ хлѣба. Мнѣ некуда идти съ моимъ дитятей, я кормлю его тѣмъ, чего не съѣдятъ хозяйскія дѣти.

— Плохая пища! думаетъ Райнеръ. Этотъ мучной червякъ скоро умретъ, сидя на пробкѣ. Зачѣмъ люди не умѣютъ жить иначе? Какъ же иначе?... Пусть хоть не такъ тѣсно межуютъ землю. Зачѣмъ они тѣснятся? Затѣмъ, чтобы расходиться на поискъ хлѣба. Твои свободные сыны, Швейцарія, служили наемными солдатами у деспотовъ; твои дочери ѣдутъ въ Петербургъ, Парижъ, Вѣну за

Digitized by Google

такимъ хлѣбомъ, который становится поперегъ горла, пока его не смочатъ горячія слезы. Тѣсно людямъ! Мало имъ мѣста на широкомъ свѣтѣ... И вотъ Райнеру рисуется просторъ, необъятный просторъ, незагроможденный скалами, неугрожаемый лавинами. По этому широкому раздолью тянутся широкія голубыя ленты рѣкъ, стоятъ мѣстами дремучіе лѣса, колышатся буйныя нивы и въ воздухѣ носится сильный, немножко удушливый запахъ, гиловастой конопли. Изрѣдка только по этому простору сидятъ убогія деревеньки, въ которыхъ живутъ люди, незнакомые почти ни съ какими удобствами жизни, еще рѣже видимъ бѣдныя церкви, куда народъ вноситъ свое горе, свою радость. Все здѣсь дѣлается не спѣшно, тихо, опустя голову. Протяжно и уныло звучитъ изъ-за горки караульный колоколъ ближайшей церкви и еще протяжнѣе, еще унылѣе замираетъ въ воздухѣ пѣсня, весь смыслъ которой меньше заключается въ словахъ, чѣмъ въ надрывающихъ душу аханьяхъ и оханьяхъ, которыми эти слова пересыпаны." И не даромъ въ воображеніи Райнера нарисовалась Россія. На Западъ онъ не надѣялся, о Россіи же, о русской общинѣ онъ слышалъ много; на Россію онъ привыкъ смотрѣть какъ на страну, въ которой легче всего порѣшить соціально-экономическіе вопросы, создать спасительный опытъ и этимъ опытомъ спасти міръ отъ голода. Для человѣка, несмотрѣвшаго на людей тощихъ и блѣдныхъ, какъ мучные червяки, для человѣка, узнавшаго, отчего эти люди блѣдны и тощи, наконецъ для человѣка, чувствующаго въ себѣ силу и отвагу сдѣлать все, лишь бы не было голодныхъ и недовольныхъ людей, Россія, въ моментъ освобожденія крестьянъ, должна была казаться единственной страной, въ которой еще можно жить для дѣла и для практической пользы ближнему—и Райнеръ поѣхалъ въ Петербургъ.

Такимъ образомъ Райнеръ не останавливается на одной мысли, но ищетъ практической дѣятельности. Отъ теоріи онъ переходитъ къ самой жизни, отъ убѣжденія къ его осуществленію. И это совершенно понятное явленіе въ развитіи современнаго соціальнаго типа. За моментомъ критическаго отношенія къ окружающей насъ жизни наступаетъ моментъ практическаго примѣненія идей къ дѣйствительному міру. Послѣ слова начинается дѣло, и та пропасть,

Digitized by Google

которая раздѣляетъ міръ утопіи и мечты отъ міра фактовъ и живыхъ явленій, уничтожается именно тѣми людьми, которые не двоятся, не качаются между убѣжденіемъ и практикой жизни. Это люди принципа.

Базаровъ говоритъ, что принциповъ нѣтъ и его поведеніе подчиняется лишь ощущеніямъ. Но Базаровъ еще недоучившійся юнецъ и неосновательныя разсужденія ему прощаются. Ощущенія не больше, какъ двигающая сила, качество же поведенія зависитъ не отъ нихъ. И самодуръ, и гуманный человѣкъ дѣйствуютъ по ощущеніямъ, однако между самодуромъ или какимъ нибудь Овеномъ великая разница. Базаровъ стоитъ пока на чисто-физіологической почвѣ и теоріей рефлексовъ онъ пользуется какъ орудіемъ для отрицанія того, что онъ зоветъ идеализмомъ и романтизмомъ. Но ужь въ спорѣ его съ Павломъ Петровичемъ мы усматриваемъ тѣ строгія черты, которыя должны выработаться въ стоическіе принципы. Базаровъ готовитъ себя серьезно для дѣла, считая природу и жизнь не храмами, а мастерской; Рафаэль, по его мнѣнію, и гроша мѣднаго не стоитъ. „Какъ посмотришь эдакъ сбоку, да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь „отцы", кажется, чего лучше? говоритъ Базаровъ Аркадію,—ѣшь, пей и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ; тоска одолѣетъ. Хочешь съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними". Этимъ Базаровъ выясняетъ ту точку отправленія, на которой онъ, если еще и не утвердился, то готовится стоять. Онъ хочетъ возиться съ людьми, конечно не для того, чтобы заставлять ихъ страдать болѣе; онъ не можетъ сидѣть съ сложенными руками, ему нужно дѣло, а дѣломъ, какъ онъ объяснилъ Павлу Петровичу онъ признаетъ то, что *полезно*. Но что же полезно? „Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе — и мы отрицаемъ", отвѣчаетъ Базаровъ. Но Базаровъ уже по личному опыту знаетъ, что нельзя стоять неподвижно на одной точкѣ и заниматься одними разговорами, „когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ". Если къ этимъ намекамъ, уже опредѣляющимъ будущее направленіе мыслей Базарова, мы присоединимъ еще его плебейскую гордость тѣмъ, что дѣдъ его землю пахалъ и его плебейскій, простой образъ жизни,

Digitized by Google

то у насъ имѣются всѣ данныя, необходимыя для развитія изъ базаровскаго типа, типа стоика. Для появленія такой новой типической формы требуется способность такихъ ощущеній, которою Базаровъ вполнѣ владѣетъ, и способность послѣ изученія физіологіи перейти къ изученію законовъ окружающихъ его экономическихъ явленій. Увидѣвъ мучного червяка на пробкѣ, Базаровъ не обойдетъ его мимо и какъ медикъ пойметъ, конечно лучше другихъ, отчего онъ такъ тощъ и блѣденъ. Тогда наступитъ въ Базаровѣ новый моментъ развитія, который и дастъ его теоріи ощущеній такой цвѣтъ и характеръ, что въ голову Базарова не залѣзетъ уже ни одна противусоціальная мысль. Соціально-экономическое міровоззрѣніе и явится кодексомъ той умственной дисциплины, которая будетъ регулировать его ощущенія и его частное и общественное поведеніе. Вотъ это-то и будетъ принципами.

Типъ *человѣка принципа* выше типа *человѣка ощущеній*. Онъ выше и по своей законченности и по вліянію на соціальную нравственность. Можетъ быть, когда нибудь и наступитъ пора такого торжества Дарвиновой теоріи, что однимъ наслѣдственнымъ накопленіемъ кроткихъ и гуманныхъ ощущеній вытѣснится возможность ощущеній дурныхъ и злые люди изчезнутъ съ лица земли. Но пока подобное благополучіе еще не наступило, теорія принципа, а не ощущеній, должна служить руководящимъ началомъ большинства. Теорія ощущеній страдаетъ отсутствіемъ точной опредѣлительности, и потому неразвитымъ людямъ она служитъ лишь оправданіемъ ихъ узкаго, тупого своекорыстія и ведетъ непосредственно къ самодурству. Базаровъ по теоріи ощущеній не сдѣлаетъ никакой гадости, но дайте ее какъ руководящее начало Басардину или Іонѣ Мокеичу, тотъ же самый Базаровъ убѣжитъ съ омерзѣніемъ отъ непрошенныхъ подражателей. Людямъ слабымъ и легкомысленнымъ нельзя давать въ руки такой опасной игрушки: они оправдаютъ въ себѣ все и внесутъ въ общественный организмъ такую отраву, отъ которой не скоро его вылечишь. Вотъ почему въ строгомъ, даже суровомъ типѣ гуманнаго принципа мы видимъ послѣднее слово чоловѣка шестидесятыхъ годовъ. Теорія ощущенія ведетъ къ эпикуреизму, теорія принципа къ стоицизму. Одна создаетъ легкіе

Digitized by Google

нравы Франціи временъ регенства, другая — строгія добродѣтели древняго Рима. Что лучше и что намъ нужнѣе?

Типъ *человѣка принципа* кромѣ того современнѣе и по своей исторической послѣдовательности. Мы переживаемъ теперь время новыхъ экономическихъ комбинацій. Слѣдовательно строгій экономическій принципъ долженъ служить руководящимъ началомъ не только частнаго образа жизни, но и опредѣлять характеръ экономической дѣятельности каждаго. Базаровъ правъ, когда говоритъ, что Рафаэль не стоитъ мѣднаго гроша; на что Рафаэль или Канова тому, кто, какъ самъ Базаровъ или Лиза, бьются изъ-за куска насущнаго хлѣба?

Но положительнаго результата дѣятельности людей шестидесятыхъ годовъ намъ романисты также не показали, какъ не показалъ намъ Бѣлинскій положительной дѣятельности людей сороковыхъ годовъ. Въ чемъ искать причину этого? Въ аналогіи читатель найдетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ есть теоретическій человѣкъ, какимъ въ свое время былъ и человѣкъ сороковыхъ годовъ. Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ даже еще и не опредѣлился вполнѣ. Онъ только подводитъ итогъ своему предъидущему мышленію и въ настоящее время находится въ моментѣ собственной провѣрки. Отчего г. Гончаровъ, которому очень хотѣлось нарисовать новый типъ, не усмотрѣлъ ничего, кромѣ туманнаго образа базаровщины, искалѣченной имъ въ изуродованномъ Маркѣ Волоховѣ? Отчего новые беллетристы не даютъ тоже свѣжаго типа? А только потому, что этотъ типъ еще не обнаружился въ формѣ заслуживающей идеальнаго изображенія. Ужь не рисовать ли человѣка, сложившаго руки за спину и въ раздумьи ходящаго взадъ и впередъ по своей комнатѣ! Писатель ничего не выдумываетъ, онъ только рисуетъ то, что дается самой жизнію. Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ теперь ни Проскриптскій, ни Базаровъ, ни Рахметовъ, ни Райнеръ, ни Лиза. Этими героями олицетворился первый моментъ мышленія человѣка шестидесятыхъ годовъ; но этимъ мышленіемъ и формой своего внѣшняго поведенія онъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Въ подобномъ же положеніи находились люди сороковыхъ годовъ въ моментъ пятидесятыхъ годовъ. Ихъ активность была мелочною и одностороннею.

Digitized by Google

Типъ какъ бы утратилъ всѣ свои характеристическія черты. Настоящее дѣло лежало впереди. Но людямъ пятидесятыхъ годовъ не было необходимости провѣрять себя, какъ это приходится сдѣлать людямъ шестидесятыхъ годовъ. Тогда не было такой путаницы, какая теперь и такой неясности пониманья своего настоящаго и своей исторической задачи. Теперь старые писатели спутались съ новыми, г. Гончаровъ и г. Писемскій пишутъ, когда имъ ужь давно пора умолкнуть, а молодые ихъ читаютъ, когда имъ читать ихъ не слѣдуетъ. Теперь люди шестидесятыхъ годовъ не умѣютъ найти своей границы съ людьми сороковыхъ годовъ и не въ состояніи отличать людей своего лагеря отъ людей лагеря Стебницкаго. Теперь тѣ, кто еще недавно вѣрилъ въ свою силу и въ свое прогрессивное значеніе, впали въ рефлексію и уподобились Вѣрѣ, въ „Обрывѣ". Теперь и на писателей своего времени люди рефлексіи смотрятъ чуть не съ мучительнымъ раскаяніемъ, видя въ нихъ легкомысленныхъ энтузіастовъ, въ мечты которыхъ имѣли неосторожность повѣрить. Что же это такое? А больше ничего какъ моментъ самоопредѣленія и провѣрки. Изъ всѣхъ этихъ признаковъ слѣдуетъ именно то, что намъ необходимо провѣрить недавнее былое съ настоящимъ и точнѣе установить и опредѣлить то міровоззрѣніе, которое должно указать историческую разницу между людьми сороковыхъ и людьми шестидесятыхъ годовъ.

Н. Шелгуновъ.

Digitized by Google

ПОЛЕМИЧЕСКІЕ ПРІЕМЫ

„Московскихъ Вѣдомостей".

Du choc des opinions jaillit la verité—говоритъ французская пословица. Справедливость этой пословицы имѣетъ за собой опыты всѣхъ вѣковъ, исторію всякаго человѣческаго прогресса, гдѣ бы и когда бы онъ ни совершался. Борьба мнѣній, особенно въ моменты важныхъ общественныхъ реформъ,—всегда сопровождалась если не торжествомъ истины, то, по крайней мѣрѣ, разъясненіемъ тѣхъ недозрѣвшихъ идей и тѣхъ сомнѣній, которыя волновали человѣчество. Мы не можемъ указать ни на одно великое завоеваніе человѣческаго ума, ни на одну благотворную реформу, теперь ясную для насъ по своему добру, какъ солнечный свѣтъ, а прежде темную и опасную,—которая бы ни была куплена цѣною борьбы и тяжелыхъ жертвъ. Это вѣчный и непреложный законъ нашего развитія. Поэтому столкновенія различныхъ интересовъ, стремленій и вѣрованій въ общественной жизни и полемика въ самомъ чувствительномъ ея органѣ—въ журналистикѣ—вполнѣ понятное и естественное явленіе. Полемика оказываетъ самыя существенныя услуги дѣлу прогресса. Она разъясняетъ недоразумѣнія, открываетъ новые источники мысли и сокращаетъ тотъ тяжелый путь, которымъ идетъ человѣчество такъ медленно къ свѣту и свободѣ.

Но эта полемика, достойная своей великой задачи, не имѣетъ ничего общаго съ мелкими и чисто-личными спорами и перебранками, въ которыхъ сталкиваются надутыя самолюбія, самоувѣренная глупость или разсчетливое своекорыстіе. Полемика изъ-за идей

Digitized by Google

и убѣжденій всегда великодушна, поучительна и добросовѣстна до послѣднихъ мелочей своего отношенія къ противнику. Она гнушается инсинуаціей, она не прибѣгаетъ къ искаженію чужихъ идей, къ поддѣлкѣ фактовъ, къ извращенію ихъ настоящаго смысла, она не разсчитываетъ на *личный* вредъ своему антагонисту изъ *личныхъ* интересовъ, она не прикрывается различными псевдопатріотическими одушевленіями, чтобы извлечь изъ нихъ ту силу, которой не достаетъ внутренней пустотѣ самой мысли, она не смѣшиваетъ политическаго доноса съ литературнымъ споромъ, она не пользуется внѣшними благопріятными обстоятельствами, какъ подспорьемъ для своего торжества, она не соглядаетъ, не подслушиваетъ, не вторгается въ чужую совѣсть, а дѣйствуетъ откровенно, искренно, опираясь только на силу своей логики, аргументаціи и имѣя въ виду только ту идею, которой она служитъ.

Но таковъ ли характеръ нашей журнальной полемики вообще и „Московскихъ Вѣдомостей“ въ особенности? На этотъ вопросъ мы намѣрены отвѣтить обстоятельнымъ разборомъ передовой статьи, направленной противъ нашего журнала въ 270 № газеты г. Каткова.

Полемическіе пріемы московскаго публициста давно извѣстны всѣмъ, и мы могли бы также спокойно пройдти ихъ молчаніемъ и теперь, какъ это дѣлали прежде, еслибъ онъ на этотъ разъ не вышелъ изъ границъ своей обыкновенной тактики. Теперь онъ употребилъ „Дѣло“ не ради „Дѣла“, а орудіемъ какихъ-то темныхъ постороннихъ цѣлей, какъ это видно изъ самой статьи. Поэтому мы рѣшились объясниться съ „Московскими Вѣдомостями“ и напомнить имъ ту роль, которую они такъ развязно разыгрываютъ уже не первый годъ. И надо отдать имъ справедливость въ томъ, что эта роль исполняется ими съ такимъ успѣхомъ, о которомъ и во снѣ не снилось ихъ благороднымъ предшественникамъ, въ родѣ „Сѣверной Пчелы“ Булгарина. Благодаря своей діалектической способности, которая помогла г. Каткову однимъ прыжкомъ перескочить отъ неудавшагося англомана къ напускному патріоту-онъ пользуется своей ролью недурно. Исключительное положеніе „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ справедливо замѣчаетъ „Вѣсть“, дало имъ то вліяніе, которое многіе приняли за личныя достоинства московскаго публициста, и возвели его на пьедесталъ, съ

Digitized by Google

котораго онъ сталъ безконтрольно судить и рядить все и всѣхъ. Но сообразны ли съ этимъ положеніемъ тѣ пріемы, которые постоянно употреблялись московскимъ публицистомъ относительно его дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ? Мы думаемъ, что чѣмъ лучше поставленъ человѣкъ, чѣмъ независимѣе его дѣятельность, тѣмъ добросовѣстнѣе онъ можетъ и долженъ дѣйствовать на общественномъ поприщѣ. Мы можемъ простить умышленную ложь угнетенному, но не тому, кто добровольно изъ нея дѣлаетъ средство для достиженія своихъ мелкихъ цѣлей. Объяснимся примѣромъ: Недавно „Биржевыя Вѣдомости" позволили себѣ самую неблаговидную выходку въ отношеніи „Петер. Вѣдомостей", разразившись противъ нихъ цѣлымъ потокомъ инсинуацій и объявивъ печатно, что „Петерб. Вѣдомости" не будутъ выходить съ будущаго года. Эта лавочная спекуляція, пущенная въ ходъ передъ подпиской, всякому понятна, и едва ли кого можетъ обмануть. Вслѣдъ за тѣмъ г. Коршъ опровергъ заявленіе „Биржевыхъ Вѣдомостей" и указалъ на источникъ его: одинъ изъ сотрудниковъ г. Трубникова предлагалъ свои услуги г. Коршу и не былъ имъ принятъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ отказа появилась статья въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" противъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" съ умышленно-ложнымъ заявленіемъ о прекращеніи этой газеты. Ни одинъ органъ не перепечаталъ неблаговидной рекламы „Бирж. Вѣд.", — такъ она была очевидна по своему рыночному характеру, и только газета г-на Каткова приняла ее на свои столбцы. Но развѣ г-нъ Катковъ такъ наивенъ, что не зналъ значенія подобной рекламы? Для чего онъ повторилъ ее? Неужели изъ того рыцарскаго безкорыстія, которымъ онъ такъ любитъ кокетничать передъ своими читателями? Думаемъ, что это недостойно не только публициста, которому разсылаютъ комплименты разныя депутаціи, но это было бы недостойно самаго посредственнаго и убогаго издателя. Мы привели этотъ случай не безъ намѣренія; какъ онъ ни мелокъ по своимъ послѣдствіямъ, но онъ даетъ понятіе вообще о значеніи дѣятельности московскихъ редакторовъ, онъ объясняетъ, насколько можно питать довѣрія къ этому безсребренному патріотизму, который построилъ на томъ же основаніи цѣлую систему интригъ, смутъ и заговоровъ. Изъ пожаровъ—обыкновеннаго явленія въ Россіи—

Digitized by Google

„Московскія Вѣдомости“ сдѣлали измѣну отечеству и, эксплуатируя легкомысліе общества, запугивая его воображаемыми опасностями, пользовались этимъ смутнымъ настроеніемъ, чтобы отмѣчать свои жертвы и преслѣдовать ихъ. Если гдѣ нибудь въ Западномъ краѣ какой нибудь медикъ основывалъ ученое медицинское общество съ цѣлію помочь бѣдному краю, г. Катковъ немедленно заподозрѣвалъ его въ политическихъ тенденціяхъ и обращалъ на него вниманіе кого слѣдуетъ. Если ему нужно было насолить какому нибудь отдѣльному лицу, непріѣхавшему къ нему съ визитомъ, онъ провозглашалъ, что въ Вильнѣ скоро не останется ни одного русскаго и опять все перейдетъ въ руки польской партіи. Московскій публицистъ очень хорошо зналъ, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ, но онъ зналъ и то, что всего легче повредить своему противнику, набросивъ на него тѣнь подозрѣнія. И съ какимъ утонченнымъ хладнокровіемъ подготовлялись эти сплетенія и выжидалось время, удобное для пораженія противника.

„Вѣсть“—газета консервативная, близкая по своимъ взглядамъ и стремленіямъ къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, и мы до сихъ поръ не можемъ понять, изъ чего спорятъ, что дѣлятъ между собой эти Орестъ и Пиладъ. Но неугодно ли посмотрѣть на полемическіе пріемы г. Каткова даже по отношенію къ этому органу. Онъ и тутъ не останавливается ни на чемъ: передергивая фразы, искажая факты, заглядывая въ карманы г. Скарятина, обличая его въ *польщизнѣ*, онъ наконецъ и въ немъ усматриваетъ государственнаго измѣнника („Вѣсть“ 1869 г. № 320); такъ что мы серьезно начинаемъ думать, что для г. Каткова между измѣной отечеству и сосѣдней лавочкой съ его рынкомъ нѣтъ никакой разницы. Вотъ почему „Вѣсть“ не безъ основанія ему замѣчаетъ: „Московскія Вѣдомости“, отстаивая интересы отечества, не забывали и своихъ собственныхъ: они не брезгали ни казенными объявленіями, ни доходами съ увеличившейся подписки на ихъ газету. Это увеличеніе дохода и сборъ съ казенныхъ объявленій онѣ не жертвовали на отечественныя нужды, но преспокойно клали въ свой карманъ.“ („Вѣсть“. № 320). Опровергая обвиненіе „Вѣсти“ въ какомъ-то угрожающемъ замыслѣ противъ „Московскихъ Вѣдомостей“, газета г. Скарятина диву дается, откуда это у московскаго

Digitized by Google

редактора являются такія отважныя соображенія. „Тутъ опять, говоритъ г. Скарятинъ, вопіющая ложь и клевета. Никакой угрозы „Московскимъ Вѣдомостямъ“ мы не дѣлали, и мы приглашаемъ ихъ доказать свои слова цитатами изъ нашей газеты. Только при этомъ условіи заявленіе редакціи московской газеты о своей честности не будетъ новою ложью“. („Вѣсть“. № 320).

Приглашеніе г. Скарятина, разумѣется, осталось втунѣ, но ложь все-таки напечатана, многими прочитана и, конечно, оставила свою долю вліянія на читателяхъ. А вѣдь только это и нужно было московскому публицисту. Эта тактика не новая, но очень практичная, когда для публициста всѣ средства одинаково хороши, лишь бы насолить своему противнику. Въ ней-то, въ этой тактикѣ и весь секретъ полемическаго превосходства „Московскихъ Вѣдомостей“. Не стѣсняясь ничѣмъ, не останавливаясь ни передъ какими преградами, они всегда могутъ разсчитывать на послѣднее слово за собой. Только намъ кажется, что въ ихъ положеніи и въ качествѣ безапеляціоннаго судьи можно было бы дѣйствовать нѣсколько иначе.

Эти похвальные полемическіе пріемы примѣнены московскимъ публицистомъ и къ нашему журналу, съ тѣмъ, конечно, благонамѣреннымъ разсчетомъ, что подцензурному органу гораздо труднѣе будетъ защищать себя отъ инсинуацій, чѣмъ безцензурному инсинуировать. При этотъ г. Катковъ, какъ опытный журналистъ, очень вѣрно разсчиталъ, что прежде чѣмъ распутается сотканная имъ паутина, въ которую онъ ловитъ „Дѣло“, цензурныя стѣсненія еще больше должны усилиться и неблагопріятно отозваться на нашемъ журналѣ. Такимъ образомъ онъ достигаетъ разомъ двухъ цѣлей. Несмотря однакожъ на всю трудность нашего положенія, попробуемъ отвѣтить.

„*Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ*,—пишутъ „Московскія Вѣдомости“,—*каковы теперешніе цензурные порядки, но изъ показаній «Дѣла» усматриваемъ, что подцензурный журналъ, издаваемый въ Петербургѣ, находится въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ разными надзирающими за печатью инстанціями*“. Если бы эта сплетня основывалась на какомъ нибудь слухѣ, какъ это часто дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“, если бы это было плодомъ личныхъ соображеній редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, то возра-

Digitized by Google

жать противъ этого было бы трудно. Но московскій публицистъ подтверждаетъ эту сплетню случайно выхваченной и намѣренно-оборванной цитатой изъ самого же „Дѣла". Мы выпишемъ эту цитату такъ, какъ она подтасована въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и въ pendant воспроизведемъ ее такъ, какъ она напечатана въ „Дѣлѣ".

„Московскія Вѣдомости".	„Дѣло".
Если вы недовольны цензоромъ, если находите, что онъ слишкомъ стѣсняетъ предоставленное вамъ закономъ право — можете подать на него жалобу въ цензурный комитетъ, который у васъ тутъ же подъ руками; недовольны комитетомъ—жалуйтесь Главному Управленію по дѣламъ печати, которое также подъ руками. Такимъ образомъ если съ одной стороны васъ раздражитъ какое нибудь неправильное дѣйствіе лица, съ которымъ вамъ необходимо быть въ тѣхъ или другихъ обязательныхъ отношеніяхъ, то съ другой стороны васъ успокоитъ дѣйствіе противоположнаго характера, оказываемое лицомъ высшимъ. («Дѣло» 1868 г. 3 кн. стр. 100. Внутр. Обозр.).	Если вы недовольны цензоромъ, если находите, что онъ слишкомъ стѣсняетъ предоставленное вамъ закономъ право — можете подать на него жалобу въ цензурный комитетъ, который у васъ тутъ же подъ руками; недовольны комитетомъ—жалуйтесь Главному Управленію по дѣламъ печати, которое также подъ руками. *То же самое можно сказать о всѣхъ родахъ сношеній, въ какія вамъ пришлось бы вступить съ разными правительственными мѣстами и лицами.* Такимъ образомъ если съ одной стороны васъ раздражитъ какое нибудь неправильное дѣйствіе лица, съ которымъ вамъ необходимо быть въ тѣхъ или другихъ обязательныхъ отношеніяхъ, то съ другой стороны васъ успокоитъ дѣйствіе противоположнаго характера, оказываемое лицомъ высшимъ. («Дѣло». 1868 г. 3 кн. стр. 100. Внутр. Обозр.).

Спрашивается, для чего редакціи „Московскихъ Вѣдомостей" понадобилось сокращеніе цитаты, на которой она основывала свою довольно неблаговидную инсинуацію? Читателю, неискушенному въ журнальномъ фокусничествѣ, можетъ показаться это случайнымъ пропускомъ, недосмотромъ, но тому, кто знаетъ, какой превратный смыслъ можно придать мысли, перетасовавъ слова или сокративъ выраженія, — тому дѣло должно представиться въ другомъ свѣтѣ. Выпущенная фраза даетъ совершенно другое значеніе цитатѣ, чѣмъ то, какое нужно было московскому публицисту. Ему нужно было подтвердить свою сплетню ссылкой на „Дѣло", а такъ какъ „Дѣло нигдѣ не говорило и не имѣло ни малѣйшаго повода говорить о томъ, на что инсинуируетъ редакція „Московск.

Digitized by Google

Вѣдомостей", то онъ прибѣгаетъ къ искаженію цитируемой имъ выдержки; онъ выхватываетъ ее изъ средины цѣлой статьи, неимѣющей ничего общаго съ этой цитатой. Въ статьѣ говорится о нашихъ жалобахъ на недостатокъ людей, въ виду лучшаго осуществленія тѣхъ реформъ, которыя требуютъ и новыхъ способностей, и новой энергіи; далѣе говорится, что этотъ недостатокъ сглаживается въ Петербургѣ, какъ административномъ центрѣ, нѣкоторыми удобствами относительно высшаго контроля надъ произволомъ отдѣльныхъ личностей, а въ провинціи, гдѣ нѣтъ этого контроля подъ руками, недостатокъ людей даетъ себя чувствовать гораздо хуже, чѣмъ въ столицѣ. Вотъ резюме всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ страницъ, изъ которыхъ московскій публицистъ выхватилъ свою цитату:

Сравнивая Петербургъ съ провинціей и припоминая тѣ благопріятныя условія, въ какихъ находится Петербургъ, какъ главный административный центръ, необходимо придешь къ заключенію, весьма, повидимому, странному. Въ силу того обстоятельства, что каждая ошибка или намѣренная несправедливость, дѣлаемая лицомъ низшимъ въ Петербургѣ, можетъ быть немедленно парализирована дѣйствіемъ высшей власти, а провинція между тѣмъ лишена этого важнаго удобства, слѣдовало бы желать, чтобы въ провинціи были самые лучшіе изъ дѣятелей, а въ Петербургѣ—самые худшіе.» («Дѣло» 1868 г. Внутр. Обозр. Стр. 101.)

Такимъ образомъ приведенная цитата „Москов. Вѣдомостями" является, какъ одинъ изъ пояснительныхъ пунктовъ основной мысли, и не имѣетъ ни предъ собой, ни за собой ничего похожаго на то, что понадобилось доказать, или лучше, указать г. Каткову. И такъ какъ искалеченная цитата лучше отвѣчала его цѣли, то онъ выбросилъ изъ нея то мѣсто, которое могло бы навести читателя на другія соображенія. Такое фокусничество, говорятъ, помогаетъ выигрывать въ карты, но едва ли оно годится для сколько нибудь порядочной и уважающей себя литературной полемики.

Впрочемъ это не единственный пріемъ, употребленный „Московскими Вѣдомостями" въ ихъ филиппикѣ противъ „Дѣла". Собственно говоря, вся тенденціозность ея сплетена изъ подобнаго подбора отрывочныхъ, переиначенныхъ и логически ничѣмъ не связанныхъ фразъ. Такъ, напримѣръ, подтасовано нѣсколько цитатъ для того, чтобы обморочить читателя, что „Дѣло" *прежде всего*

Digitized by Google

усматриваетъ безполезность всякихъ улучшеній въ современномъ обществѣ", что „*потребность народнаго образованія (оно) считаетъ воображаемой*"; хотя тутъ же рядомъ говоритъ „Дѣло" слѣдующее:

«Нужна ли народу грамотность? Этотъ вопросъ считается настолько удовлетворительно разрѣшеннымъ, что одна постановка его можетъ вызвать у многихъ ироническую улыбку вмѣсто отвѣта. Что грамотность полезна—это считается такой же банальной истиной, какъ и то, что ученье—свѣтъ, неученье—тьма.»

«Дѣйствительно, если вопросъ поставленъ въ той общей формѣ, въ какой мы его сейчасъ поставили, то о немъ и говорить не стоитъ. Даже въ наше время, обильное всякими оригиналами, врядъ ли найдется какой нибудь чудакъ, который пытался бы доказывать, что грамота вообще безполезна. И если у насъ существуютъ публицисты, заслужившіе кличку «противниковъ народнаго образованія», то они нисколько не отрицаютъ пользы грамотности *вообще*, а не признаютъ ее лишь при извѣстныхъ условіяхъ, прикрывая ими свои настоящія, сокровенныя цѣли». («Дѣло». 1869 г. № 3. Внутр. Обозр. стр. 87.)

Кажется, перетолковать эти слова вкривь и вкось было очень трудно. Ясно, что „Дѣло" не только не считаетъ потребность народнаго образованія воображаемой, но признаетъ такой несомнѣнной истиной, о которой говорить въ общихъ фразахъ могутъ только словоохотливые болтуны. Но „Дѣло" даетъ этому вопросу болѣе широкіе размѣры: оно постоянно высказывало ту мысль, что одной грамотности недостаточно для поднятія умственнаго и нравственнаго благосостоянія народа, что для образованія его нужны громадныя матеріяльныя средства, которыя могутъ явиться у него только съ улучшеніемъ его экономическаго быта. Это одинъ изъ основныхъ взглядовъ „Дѣла", который проводится во всѣхъ его статьяхъ, и только „Московскія Вѣдомости", давно уже одержимыя головокруженіемъ, могли перевернуть эту идею наизнанку. Можно было оспаривать самую мысль, можно было возражать „Дѣлу" въ его частностяхъ,—это было бы только умственною недалекостію, но извращать ясно и категорически выраженное мнѣніе—это значитъ поддѣлывать чужія мысли и доносить на нихъ съ самой неблаговидной цѣлью.

То же самое московскій публицистъ продѣлываетъ съ нашими мнѣніями о значеніи медицины для народнаго здоровья. „*Заботы*

Digitized by Google

объ устройствѣ больницъ, продолжаютъ „Москов. Вѣдомости", *о приглашеніи врачей и т. п. цензурный журналъ объявляетъ столько же безполезными, какъ и заведеніе школъ*". Для подкрѣпленія этого обвинительнаго пункта опять повыдергано нѣсколько фразъ, безъ всякаго объясненія главной идеи „Дѣла". Отрицаютъ дескать медицину, — говорю я самъ, Михаилъ Никифоровичъ, слѣдовательно и толковать съ ними больше нечего: держите, вяжите ихъ, и идите подписываться на мои почтенные газеты и журналы. Но полно такъ ли, московскій публицистъ? Если вы умѣете также понимать настоящій смыслъ идей, какъ вы поддѣлываете ихъ подъ свой колеръ и форсъ, то вы могли бы уразумѣть, что „Дѣло" говоритъ не о безполезности медицинской помощи, а о томъ, что народное здоровье стоитъ въ прямой зависимости не отъ числа больницъ и докторовъ, а отъ гигіеническихъ условій, которыми обставленъ народъ, и отъ матеріяльнаго его довольства. Вотъ что говорило и будетъ говорить „Дѣло" въ этомъ отношеніи:

«Всѣ медицинскія системы, всѣ улучшенные способы леченія, при всемъ ихъ разнообразіи, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на смертность людей. Лечите ихъ какими угодно средствами и методами, или вовсе ничѣмъ не лечите, смертность и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинакова. Хоть это кажется невѣроятнымъ, ужаснымъ, но это такъ. Знаменитый Н. И. Пироговъ въ своемъ классически-знаменитомъ сочиненіи «Начала военно-полевой хирургіи» говоритъ, что онъ убѣжденъ въ томъ, что *всѣ наши врачебныя средства и пособія едва колеблютъ общую цифру смертности*». Это положеніе ясно доказываетъ общая статистика. Возьмите, напримѣръ, Вѣну и Пензу или Вологду. Даже обидно сравнивать въ ученомъ отношеніи какую нибудь Вологду съ Вѣной, гдѣ сосредоточена такая масса медицинскихъ знаменитостей, гдѣ врачебныя средства и пособія доведены до высочайшей степени совершенства, просто грѣхъ и смѣшно проводить параллель между Вологдой и Вѣной, куда стекаются со всѣхъ концевъ Европы поучиться и усовершенствоваться въ медицинѣ и особенно полечиться въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ никакая Вологда не въ состояніи помочь. А между тѣмъ разверните превосходную статистику Отто Гауснера и вы увѣритесь собственными глазами (на 246 стр.), что въ Вѣнѣ смертность больше, чѣмъ въ Вологдѣ и Пензѣ. Въ то время, какъ въ Вѣнѣ умираетъ одинъ на 24, въ Вологдѣ или Пензѣ умираетъ одинъ на 25 и т. д.» (Дѣло. стр. 86. Ист. бол. № 3, 1869 г.)

Что же изъ этого слѣдуетъ? По мнѣнію московскаго публициста будетъ слѣдовать, что Пироговъ—опасный нигилистъ, потому

Digitized by Google

что отрицаетъ полезность медицины. Но мы готовы не все относить насчетъ тѣхъ темненькихъ цѣлей, съ которыми обличаетъ насъ московская газета, а кое-что должны приписать рѣшительной тупости ея въ пониманіи современныхъ требованій европейской культуры. Въ классическихъ книжкахъ Квинтиліана, конечно, ничего не говорится о вліяніи гигіены на общественное здоровье, но кто же въ наше время, кромѣ московскаго публициста, этого не знаетъ? Онъ видимо путается въ тѣхъ элементарныхъ понятіяхъ, которыя давно какъ дважды два четыре извѣстны всякому нѣмецкому гимназисту.

При всей опытности редакціи „Московскихъ Вѣдомостей" обращать полемику въ инквизиторскій протоколъ, она не вездѣ выдерживаетъ свою похвальную роль. Иногда она прибѣгаетъ просто къ голословнымъ возгласамъ противъ „Дѣла", не находя нужнымъ даже прикрыть ихъ какой нибудь перетолкованной или полуоборванной фразой. Такъ московская газета поучаетъ своихъ читателей, что

«главная задача людей новыхъ, какъ свидѣтельствуетъ «Дѣло», состоитъ въ разрушеніи того, что сдѣлано нынѣ дѣйствующимъ поколѣніемъ».

Мы адресуемся не къ совѣсти, а къ литературной деликатности, если она еще не совсѣмъ забыта „Московскими Вѣдомостями", и спрашиваемъ ихъ: гдѣ же именно объ этомъ свидѣтельствуетъ „Дѣло?" Если оно, какъ мы увидимъ ниже изъ приводимыхъ выписокъ, сочувствуетъ крестьянской реформѣ, земскимъ учрежденіямъ и гласному суду—этимъ капитальнымъ основамъ дѣятельности современнаго поколѣнія, если оно, по мѣрѣ своихъ силъ, постоянно противодѣйствовало тѣмъ враждебнымъ элементамъ, которые обскурантизмъ, какъ вашъ, такъ и вашихъ сподвижниковъ, вносилъ въ эти реформы, то какимъ образомъ, не отказываясь отъ здраваго смысла, оно стало бы приписывать подобную задачу новымъ людямъ? И подъ силу ли какимъ бы то ни было людямъ разрушать то, что совершалось по законамъ историческимъ и вслѣдствіе логики самой жизни? Чтобы понимать всю нелѣпость этого, не нужно даже заглядывать въ пергаментную мудрость Квинтиліана, а достаточно пощупать свою голову и убѣдиться въ ея нормальномъ

Digitized by Google

состоянія. Посмотримъ, какъ разсуждаетъ „Дѣло“ объ исторической солидарности поколѣній:

«Люди сороковыхъ годовъ поставили цѣлую массу соціальныхъ вопросовъ и дали на нихъ цѣлую массу отвѣтовъ, и мы не преувеличиваемъ значенія этихъ людей, а только отводимъ имъ принадлежащее мѣсто. Только люди сороковыхъ годовъ взглянули первые на внутреннюю русскую жизнь и на работавшую до того русскую мысль сознательнымъ взглядомъ; только они первые начали дѣйствовать подъ вліяніемъ просвѣщеннаго патріотизма... Только люди сороковыхъ годовъ сознали первые, что все наше предыдущее литературное движеніе было сколкомъ съ иностраннаго и только съ нихъ начинается настоящая русская литература и настоящая русская критика. Въ лицѣ людей сороковыхъ годовъ русскій умъ провѣрялъ свое прошлое, опредѣлялъ всему мѣру и мѣсто, давалъ направленіе новымъ стремленіямъ, *толкалъ Россію къ великимъ результатамъ, выразившимся наконецъ въ освобожденіи крестьянъ, въ гласномъ судѣ, въ земствѣ,—этихъ великихъ зачаткахъ нашего будущаго развитія*». («Дѣло». 1869 г. № 9, стр. 24—25.)

Если „Дѣло“, стоящее въ разрѣзъ по своему направленію съ эстетическимъ міровоззрѣніемъ людей 40-хъ годовъ, отдаетъ имъ полную справедливость, какъ двигателямъ нашей общественной мысли и жизни, то какимъ же образомъ оно,—органъ недоученыхъ студентовъ, какъ выражается московскій публицистъ (какая жалкая изобрѣтательность! даже выраженія своего не пріискано, а конфисковано у фельетониста „Петербургскихъ Вѣдомостей“),—какимъ образомъ, говоримъ мы, оно будетъ призывать молодое поколѣніе къ разрушенію того, что оно считаетъ великимъ пріобрѣтеніемъ нашего времени? Это даже не ложь, а просто голая нелѣпость, пускаемая con amore къ журнальной хлыщеватости, которая такъ свойственна алармистамъ, дѣйствующимъ на темныя страсти толпы.

„*Обѣдненіе крестьянъ*, продолжаетъ московская газета, *дурные инстинкты русскаго общества, безполезность земства и новыхъ судовъ—вотъ содержаніе статей «Дѣла», относящихся къ современнымъ дѣламъ*“. Что касается обѣдненія крестьянъ, въ которомъ насъ обвиняетъ московская газета, то намъ остается только указать на крайній недостатокъ ея мыслительныхъ аппаратовъ, на неумѣнье связать хоть бы внѣшними логическими нитями одну идею съ другой. На одномъ столбцѣ поносится „Дѣло“ за то, что оно витаетъ въ „пріятныхъ помышленіяхъ“ о равно-

Digitized by Google

мѣрномъ распредѣленіи богатствъ въ обществѣ, что оно признаетъ безполезность медицины, пока не будетъ поднятъ экономическій уровень народа, а на другомъ столбцѣ отпускается ему анафема за то, что оно проповѣдуетъ обѣдненіе крестьянъ. Какъ же все это сообразить, примирить и объяснить, какъ не галлюцинаціями патологическаго состоянія редакціи. Мы впрочемъ догадываемся, въ чемъ тутъ секретъ. Въ головѣ редакціи, какъ въ ящикѣ Пандоры, помѣщаются подъ разными рубриками *измѣны*, *крамолы*, *наводненія*, *поджигатели*, *сепаратисты*, *нигилисты* и т. п. Когда ей нужно ниспровергнуть врага или усилить вниманіе къ себѣ передъ подпиской, она начинаетъ подергивать этотъ механизмъ, и онъ помимо ея воли и сознанія дѣйствуетъ согласно разъ устроенной конструкціи. Редакціи остается только пріискивать факты, выхватывать отдѣльныя фразы, — и потомъ подгонять ихъ подъ извѣстныя рубрики: измѣна, крамола, поджигатели и т. д. Такимъ образомъ съ помощію этого легкаго снаряда можно разомъ обвинить кого угодно и что угодно во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ, не отвѣчая при этомъ ни за здравый смыслъ, ни за логику. Относительно дурныхъ инстинктовъ общества мы не станемъ входить въ разсужденіе съ „Московскими Вѣдомостями"; имъ лучше знать, что такое это за инстинкты и какъ нужно разворачивать ихъ. Нигдѣ, ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ мы не называли ученыхъ обществъ комплотами, ассоціацій труда и капитала— заговорами, въ пожарахъ не искали предлога для инсинуацій, сепаратизмъ не дѣлали пугаломъ для нашихъ противниковъ. Никто не упрекнетъ насъ ни въ преднамѣренной клеветѣ, ни въ умышленной лжи; нигдѣ и ни съ кѣмъ мы не полемизировали ради того, чтобы упрятать куда нибудь своего противника; мы не подмѣняли ни фразъ, ни ихъ смысла — а это и есть тѣ дурные инстинкты общества, о которыхъ говоритъ московскій публицистъ.

Останавливаясь на послѣднихъ словахъ сакраментальной фразы, а именно на безполезности земства и новыхъ судовъ, будто бы пропагандируемой „Дѣломъ", мы должны также отнести ихъ къ числу галлюцинацій московской редакціи. Вотъ что „Дѣло" говорило о земствѣ:

Digitized by Google

Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ кладется начало русской коллективности, кладется начало сліянію всѣхъ сословій въ одно цѣлое, кладется предѣлъ антагонизму, раздѣлившему было русскій міръ на отдѣльные міры, преслѣдующіе свои сословные интересы.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ есть фактъ, можетъ быть, болѣе громадной важности, чѣмъ освобожденіе крестьянъ.

Въ освобожденіи крестьянъ однимъ изъ дѣйствующихъ факторовъ могло быть честное чувство, возбужденное скотоподобнымъ положеніемъ крѣпостныхъ людей, освобожденіе крестьянъ своею юридическою многотрудностію, могло заслонять экономическія послѣдствія новыхъ общественныхъ комбинацій, которыхъ и невозможно было предвидѣть въ первый моментъ.

Но земство не то. Земскія учрежденія есть прямой продуктъ русскаго государственнаго интеллекта. Право земства есть результатъ спокойной мысли, ясно сознанной во всѣхъ ея отдаленныхъ послѣдствіяхъ. Земство нашего времени есть историческое примиреніе съ прошлымъ. Оно начало нашего будущаго самоуправленія; оно школа нашей общественной дѣятельности.

Если свобода крестьянъ создала равноправность, то земскія учрежденія должны воспитать насъ въ умѣньи пользоваться своей свободой и правами. Одно—гражданское рожденіе, другое—начало гражданскаго воспитанія (стр. 2 и 3. Зад. Земства № 1, 1869 г.).

Вотъ что говорило „Дѣло“ о новомъ судѣ:

Изъ всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія — уничтоженіе крѣпостного права, введеніе новыхъ судебныхъ уставовъ и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ—безспорно самыя важнѣйшія. Это реформы такого рода, что введеніе ихъ кладетъ новое основаніе общественному строю государства. Уничтоженіе крѣпостного права, освобождая трудъ, имѣетъ громадное экономическое значеніе и кромѣ того поднимаетъ народный духъ изъ того низкаго, полнаго фальши уровня, на какомъ удерживало его вѣковое рабство. *Судъ правый, скорый и дешевый, съ главнѣйшимъ участіемъ въ немъ общественной совѣсти—развиваетъ въ народѣ чувства законности и справедливости.* (Дѣло. 1867 г. № 4. Стр. 75.)

Вотъ что говорило „Дѣло“ объ уничтоженіи крѣпостного права:

Припоминая общій характеръ конца пятидесятыхъ годовъ, нельзя не обратить вниманія на то, что эти годы предшествовали манифесту 19 февраля, пол жившему начало великой соціальной реформѣ въ нашемъ отечествѣ. (Дѣло. 1867 г. № 12. Вн. Обозр. Стр. 94.)

Вотъ что мы говорили по поводу уничтоженія стараго откупа:

Такъ какъ новой акцизной системой наше правительство разорвало всю традиціонную связь съ существовавшей прежде откупной системой... и т. д. (стр. 155. Пер. мом. наш. пр. № 9, 1867)... Только тотъ, кто понимаетъ все, зло, принесенное Россіи откупами, будетъ въ состояніи оцѣнить благодѣяніе для народа новой акцизной системы (стр. 162. Idem)... 1000 лѣтъ понадобилось намъ, чтобы дожить до поворота къ лучшей экономической жизни.. Отмѣна крѣпостного права уничтожила сразу все то, что мѣшало нашему правильному экономическому развитію (стр. 165. Idem.)

Digitized by Google

Гдѣ же это вычиталъ въ „Дѣлѣ“ московскій публицистъ о безполезности земства и новыхъ судовъ? Гдѣ онъ *сыскалъ* наше потворство дурнымъ инстинктамъ общества и теорію обѣдненія крестьянъ? Намъ невольно думается,—ужь не подшутилъ ли кто нибудь надъ московскимъ мудрецомъ, подложивъ ему „Русскій Вѣстникъ“ подъ обложкой „Дѣла“, и онъ прочиталъ собственныя произведенія подъ чужой фирмой. Мы не имѣемъ здѣсь мѣста для подтвержденія нашего мнѣнія, но ручаемся, что мы не далеко были бы отъ истины, если бы возымѣли намѣреніе покопаться въ органѣ г. Каткова,—въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ всего дряхлаго, отсталаго и слабоумнаго.

Точно съ такимъ же апломбомъ московскій публицистъ навязываетъ „Дѣлу“ желаніе сдѣлать изъ Стеньки Разина идеальнаго героя русской жизни, и тутъ же, по дорогѣ, проводитъ паралель между нашимъ журналомъ и „Вѣстью“. Выхвативъ нѣсколько строкъ въ началѣ статьи и нѣсколько строкъ въ концѣ ея, соединивъ ихъ вмѣстѣ и объяснивъ по-своему, онъ заключаетъ не безъ особеннаго удовольствія:

«Вѣсть утѣшаетъ людей «Дѣла», свидѣтельствуя, что изъ нѣдръ русской земли ежеминутно могутъ выйдти желаемые ими идеалы»...

Но во-первыхъ слѣдовало доказать, что такіе идеалы желаемы „Дѣлу“, во-вторыхъ, не прятать отъ читателя главной идеи статьи. Съ первыхъ же строкъ „Дѣло» говоритъ слѣдующее:

«XVII вѣкъ былъ въ Россіи вѣкомъ общественнаго перелома, вѣкомъ окончательной борьбы стараго строя, породившаго казачество, съ новымъ строемъ, побѣдившимъ его. Разинъ, стрѣлецкій бунтъ, раскольничество были послѣднимъ словомъ, послѣднимъ періодомъ этой борьбы. Сильное напряженіе и должно было создать сильныхъ борцовъ».

Далѣе говорится о той необыкновенной энергіи этого порожденія темнаго времени, съ которою вожди раскола и Разинъ переносили свои страданія. Это были желѣзные люди, созданные желѣзнымъ вѣкомъ, фанатики и мистики, для которыхъ мученія и пытки были ни по чемъ. Они могли ошибаться, но они были преданы своему дѣлу и вызваны тѣми историческими переворотами, которые,

Digitized by Google

обыкновенно, выдвигаютъ на сцену людей сильныхъ. Только эта сторона и разсматривается въ историческомъ значеніи Разина. Но чтобы сдѣлать его идеаломъ русской жизни, надо было сказать, что совершенныя имъ убійства, его жестокость, его необузданная натура составляютъ типическія народныя черты русскаго человѣка. Думаемъ, что подобная клевета не имѣла бы за собой даже наружнаго смысла. Изъ того, что „Дѣло" не называетъ вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ Стеньку Разина „извергомъ человѣческаго рода" и рекомендуетъ историку болѣе объективный взглядъ на эту титаническую личность, московскій публицистъ выводитъ заключеніе, что „Дѣло" совѣтуетъ всѣмъ обратиться въ разбойниковъ. Но неужели въ самомъ дѣлѣ г. Катковъ не понимаетъ, что объективное отношеніе къ историческому дѣятелю есть первое условіе безпристрастной оцѣнки давно пережитыхъ фактовъ и давно зарытыхъ въ землю людей. Надо стоять, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на сто отъ своего времени, чтобы думать, что если мы назовемъ Чингисъ-Хана злодѣемъ или Аввакума негодяемъ, то значитъ и покончили съ характеристикой этихъ дѣятелей. Вопросъ не въ томъ, былъ ли извергъ Разинъ или гуманный человѣкъ, а въ томъ, что было причиною явленія его, какія обстоятельства сформировали эту желѣзную натуру, куда и почему направлена была его дѣятельность, наконецъ чѣмъ и опять почему она окончилась такъ или иначе. Только при такомъ взглядѣ на историческихъ дѣятелей, можно возстановить истинную физіономію той эпохи, въ которую они дѣйствовали. Исторіи нѣтъ никакого дѣла до правыхъ и виноватыхъ— ихъ судить на основаніи криминальныхъ законовъ поздно,—она имѣетъ дѣло не съ злодѣями и добродѣтельными людьми, а съ причинами и послѣдствіями извѣстныхъ явленій. Такъ понимаетъ задачу исторіи самый талантливый и разносторонне-образованной историкъ нашего времени Бокль, и надо быть крайне ограниченнымъ, чтобы не соглашаться съ нимъ.

Но у московскаго публициста такъ настроено воображеніе, что онъ только и видитъ изверговъ и злодѣевъ не только въ живыхъ людяхъ, но и въ давно умершихъ. Ему все кажется, что патріотизмъ, такъ щедро оплачиваемый подписчиками „Московск. Вѣдо-

Digitized by Google

мостей", непремѣнно обязываетъ его только и дѣлать, что отыскивать крамольниковъ и взывать къ ихъ истребленію. Многотрудная обязанность, но достойная лучшаго исполнителя!.. Поэтому московскій публицистъ имѣетъ дѣло не съ мнѣніями своего противника, не съ принципами его—до этого ему нѣтъ никакой надобности,—но ему нужна частная жизнь, все то, что можетъ подать поводъ къ инсинуаціи или повальному обвиненію,—однимъ словомъ, ему нужно удовлетвореніе той или другой затаенной задней мысли или мелкой страстишки. И потому, для него все можетъ служить матеріяломъ и всякое средство по плечу. Тутъ нечего разбирать, что можно сказать и чего нельзя, тутъ не до уваженія къ чужимъ идеямъ, къ совѣстливому обращенію съ цитатами, тутъ нечего церемониться съ поддѣлкой фразъ и чужого образа мыслей,—все это хорошо, лишь только бы служило извѣстной цѣли. Но только хорошо ли это по отношенію къ тому общественному мнѣнію, къ той народной совѣсти, передъ которыми московскій публицистъ выплясываетъ себѣ рукоплесканія и титулъ спасителя всѣхъ окраинъ Россіи? Хорошо ли это по отношенію къ той журналистикѣ, которая легко воспринимаетъ подобные уроки и очень туго усвоиваетъ дѣйствительно хорошія вещи? Наконецъ, хорошо ли это по отношенію къ тому кругу читателей, которые посылаютъ въ редакцію настоящіе кредитные билеты, а имъ возвращаютъ фальшивой монетой журнальныхъ сплетень и инсинуацій? Вѣроятно, всѣ эти вопросы разрѣшитъ не въ пользу московскаго публициста близкое будущее.

Когда мы окончили эту статью и перечитали ее, то видимъ, что еще многое должны были сказать по поводу статьи „Московскихъ Вѣдомостей"; но выходъ нашей книжки заставляетъ насъ отложить дальнѣйшія объясненія съ московскимъ публицистомъ до болѣе благопріятнаго случая. Мы чувствуемъ, что мы остались бы въ долгу у г. Каткова, если бы не разсмотрѣли ближе его журнальныхъ подвиговъ, съ фактами въ рукахъ, по его же журналамъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Оппозиціонное настроеніе Парижа. — Несомнѣнная близость переворота.— Всѣ депутаты, кромѣ одного, высказываются противъ «Mandat imperatif».— Проектъ закона объ общинахъ и избирательномъ правѣ.—Краснобайство депутатовъ законодательнаго собранія.—Интриги по вопросу о новомъ министерствѣ. — Католическая демонстрація противъ идей новаго времени.— Достойная подраженія дѣятельность правительства и народа Соединенныхъ штатовъ.

Нѣсколько времени тому назадъ каждый парижанинъ задавалъ себѣ тревожный вопросъ: какихъ убѣжденій держится парижскій народъ, какая партія имѣетъ въ его средѣ преобладающее значеніе! Казалось, результаты послѣднихъ выборовъ не должны бы возбуждать никакихъ сомнѣній; они слишкомъ явно показали, что столица Франціи находится въ рѣшительной оппозиціи съ тенденціями второй имперіи: Но прежніе примѣры не менѣе убѣдительно показывали, что узнать желанія и волю парижскаго населенія чрезвычайно мудрено. Они обнаруживались ярко только во время возстаній и революцій. И потому только въ этихъ вспышкахъ масса привыкла видѣть мѣрило народной иниціативы. Хотя опять-таки и даже на нихъ нельзя было основывать вполнѣ точныхъ выводовъ. Даже послѣ революцій 1830 и 1848 года, когда правительства Карла X и Луи-Филиппа были низвергнуты, можно было серьезно подумать, что парижане, несмотря на совершившіяся событія, гораздо болѣе роялисты, чѣмъ они думали сами; потому что то, что разрушала ре-

Digitized by Google

волюція, — контръ-революція въ скоромъ времени созидала вновь. Между тѣмъ существуетъ могущественное и вѣрное средство узнать требованія и убѣжденія народа. Свободная всеобщая подача голосовъ заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для правильной оцѣнки общественнаго мнѣнія, и потому понятно, какъ лихорадочно бились у всѣхъ сердца, пока не стали извѣстными результаты послѣднихъ выборовъ, слишкомъ убѣдительно доказавшіе, что теперь уже нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ относительно настроенія парижскаго народа.

И дѣйствительно, теперь стало всѣмъ ясно, чего хочетъ „великій Парижъ, сердце Франціи", — этотъ городъ, который даетъ иниціативу жизни цѣлой націи. Посредствомъ свободнаго, правильнаго всеобщаго голосованія,—парижское населеніе показало, что его оппозиція второй имперіи и сочувствіе къ демократической партіи не есть временной капризъ, а твердо высказанное убѣжденіе. Оно избрало въ палату Кремье потому, что послѣдній былъ въ числѣ членовъ правительства 1848 года. По той же самой причинѣ оно избрало Араго; Глэ-Бизуена послали въ палату за его ѣдкія насмѣшки надъ министерствомъ, а Рошфора главнѣйше для того, чтобы этимъ досадить главѣ бонапартистской партіи. И такъ была разстроена эта послѣдняя партія, что не осмѣлилась выставить для состязанія никого изъ своихъ. Рошфоръ, Карно, Араго, Жентъ, Лавертюжонъ, Аллу, Герольдъ, Бриссонъ и всѣ прочіе кандидаты, между которыми шла избирательная борьба,—всѣ они республиканцы.

Результаты послѣднихъ парижскихъ выборовъ должны оказать и уже оказываютъ несомнѣнное вліяніе и на всю Францію. Въ наше время, когда неодолимой силой вещей, идеи, выработанныя столицей, быстро сообщаются второстепеннымъ городамъ и усваиваются ими, когда онѣ такимъ же порядкомъ отъ второстепенныхъ городовъ передаются деревнямъ,—нѣтъ ничего удивительнаго, что желанія и требованія, высказанныя Парижемъ, должны въ скоромъ времени стать желаніями и требованіями всей Франціи. Избиратели перваго парижскаго округа сдѣлали починъ, и къ нимъ не преминутъ пристать сотни другихъ избирательныхъ округовъ Франціи, и какова бы ни была французская внѣшняя политика, толчекъ,

Digitized by Google

данный Парижемъ, отразится во всей Франціи, а дѣло, имъ начатое, пойдетъ своимъ порядкомъ и съ каждой минутой будетъ пріобрѣтать себѣ все большее и большее число сторонниковъ въ провинціяхъ. Рябь и водовороты никогда не могутъ заставить рѣку течь назадъ. И тщетно нѣкоторые газетные публицисты, — одни искренно, другіе изъ разныхъ видовъ,—обманываютъ себя и стараются обмануть публику, отыскивая разные выходы изъ затруднительнаго положенія, возлагая надежды на примиряющее министерство Оливье или на таланты Форкада. Теперь, впрочемъ, даже и тѣ изъ этихъ публицистовъ, которые искренно вѣрили въ возможность примиренія, и они начинаютъ сомнѣваться и готовы согласиться съ неминуемостію переворота, который повлечетъ за собою новый порядокъ, діаметрально противоположный порядку, водворившемуся во Франціи послѣ Coup d'Etat второго декабря.

Теперешнее настроеніе вполнѣ серьезно. Теперь невозможно будетъ отвести глазъ пышными фразами, блистательными обѣщаніями и реформами-полумѣрами, которыми во Франціи прежнія правительства нерѣдко пытались поворачивать общественное мнѣніе на свою сторону. Нынче ужь немыслимы тѣ средства, которыя часто удавались въ доброе старое время. Парижъ, столько пережившій послѣ сорокъ восьмого года, сталъ опытнѣе и недовѣрчивѣе. Тѣмъ менѣе онъ можетъ довѣрять нынѣшней палатѣ, наполненной оффиціальными кандидатами. Сами оппозиціонные депутаты далеко не всѣ пользуются сочувствіемъ и довѣріемъ избирателей, вѣдь и въ 1852 году многіе изъ республиканскихъ депутатовъ перешли на сторону дѣятелей второго декабря. Имя ничего не значитъ. Потому избиратели желаютъ, чтобы избранные ими депутаты, и послѣ выборовъ, сохраняли съ ними тѣсную связь и дѣйствовали, ни въ чемъ не отступая отъ полученной инструкціи. Это требованіе, понятно, встрѣтило сильное противодѣйствіе какъ со стороны депутатовъ, такъ и въ средѣ самого общества. „Избиратели утверждаютъ, говорили противники требованія (Mandat imperatif), — что втеченіе шести лѣтъ они сохраняютъ надъ своимъ уполномоченнымъ верховныя права, что они въ избранномъ ими депутатѣ видятъ просто своего приказчика, котораго обязанность состоитъ единственно въ букваль-

Digitized by Google

номъ исполненіи приказаній, получаемыхъ отъ хозяина—избирателей. Но вѣдь они сами едва ли понимаютъ, чего они требуютъ; масса избирателей ничего не смыслитъ въ политикѣ, при рѣшеніи многихъ вопросовъ требуются обширныя познанія, предварительное долгое изученіе, а многіе ли изъ избирателей при существованіи всеобщаго голосованія, принадлежатъ къ числу людей, получившихъ солидное научное развитіе? Вопросъ о «Mandat imperatif» пущенъ въ ходъ агитаторами, желающими чѣмъ бы то ни было, но только возбуждать массы". Вотъ вкратцѣ аргументы, съ которыми выступили противники идеи подчиненія депутата волѣ его избирателей. Они высказывались и въ печати, и съ трибуны законодательнаго собранія, гдѣ всѣ депутаты, за исключеніемъ одного, высказались противъ «Mandat imperatif». Защищалъ его одинъ Рошфоръ, который, какъ извѣстно нашимъ читателямъ изъ прошлыхъ нашихъ хроникъ, только подъ однимъ этимъ условіемъ и принялъ избраніе. Но возбужденіе по этому вопросу между избирателями сильное, оно проявляется на сходкахъ и въ печати.

Распайль, Рошфоръ и Бансель представили палатѣ проектъ закона, изъ котораго видно, что народныя желанія, заявленныя на парижскихъ сходкахъ, нашли своихъ истолкователей въ законодательномъ собраніи. Понятно, что на такой проектъ, въ которомъ резюмируется программа партіи дѣйствія, не могла посмотрѣть серьезно палата, огромное большинство которой избрано префектами и полевыми сторожами; она отнеслась къ нему насмѣшливо и равнодушно. Между тѣмъ этотъ проектъ, перепечатанный всѣми газе-

Digitized by Google

тами, въ тысячахъ экземплярахъ распространился по всей Франціи и познакомилъ массу съ программой партіи непримиримыхъ. Крестьяне, которые вообще имѣютъ очень смутное понятіе о парижскихъ дѣлахъ, прочтутъ этотъ документъ и убѣдятся, что крайняя партія ставитъ ихъ нужды на первый планъ и заботится объ устройствѣ ихъ общины на свободномъ, выборномъ началѣ, о чемъ они давно мечтаютъ. Выборный мэръ—да это задушевнѣйшее ихъ желаніе. Нечего и прибавлять, что проектъ закона, выражающій собою желанія парижскаго народа, высказанныя на сходкахъ, принятъ сочувственно Парижемъ. Этотъ проектъ даетъ широкія права общинѣ, которая сама избираетъ свой административный совѣтъ, сама вѣдаетъ свои собственныя хозяйственныя дѣла, не спрашивая ни чьего утвержденія. На тѣхъ же основаніяхъ должны быть устроены кантоны и департаменты. Такимъ образомъ рушится эта крайняя централизація, которая во Франціи мѣшаетъ свободному, правильному развитію. Исполнительная власть—мэръ долженъ избираться административнымъ совѣтомъ общины, отъ которой онъ и будетъ находиться въ полной зависимости и отвѣчать передъ ней за свои дѣйствія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ законъ предлагаетъ расширить выборное начало и распространить его на министровъ, которые будутъ назначаться законодательнымъ собраніемъ страны. Такимъ образомъ въ рукахъ законодательнаго собранія сосредоточится вся власть и руководительство дѣлами, имѣющими общественный характеръ; оно заключаетъ международные трактаты, которые непремѣнно должны имѣть своимъ основаніемъ мирный характеръ; война вовсе не допускается, ее можно дозволить только въ случаѣ защиты отъ непріятеля, вторгнувшагося во Францію. Постоянная армія должна быть уничтожена; всякій гражданинъ будетъ умѣть владѣть оружіемъ и въ случаѣ надобности пойдетъ на защиту отечества; разные военные начальники въ такихъ случаяхъ избираются всеобщимъ голосованьемъ.

Таковы основанія проекта закона, на который въ палатѣ занятой повѣркой выборовъ, почти никто не обратилъ серьезнаго вниманія. Во время преній открывались самыя неблаговидныя продѣлки со стороны кандидатовъ ихъ благопріятелей, представителей администраціи.

Digitized by Google

Однакожъ, несмотря на такія открытія, краснобаи-депутаты поговорятъ, поговорятъ, да и утвердятъ выборъ личности, представшей передъ ними въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Тогда для чего же было и убивать время въ безполезномъ словоизверженіи? Нельзя же иначе, традиція того требуетъ. Но кромѣ этого переливанія изъ пустого въ порожнее, депутаты большинства законодательнаго собранія всѣ свои усилія и заботы отдали другому дѣлу, такъ называемому министерскому вопросу. Мечты о доходныхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, играютъ главную роль въ этихъ мелочныхъ интригахъ, которыми ознаменовали себя въ это время члены большинства палаты. Кто будетъ министромъ? Къ кому слѣдуетъ обратиться сегодня съ льстивыми рѣчами? Кого слѣдуетъ увѣрять въ своей сердечной привязанности и глубокомъ уваженіи? Сегодня они толпятся подлѣ графа Дарю, завтра перебѣгаютъ къ Оливье и его другу Дювернуа; потомъ опять обиваютъ пороги у Форкада. А эти великіе люди, которымъ расточаютъ лесть, сами въ свою очередь, перебѣгаютъ изъ сената въ министерства, изъ министерствъ во дворецъ, желая прочесть на лицахъ свою судьбу, ожидая изъ устъ *самого* услышать рѣшительное слово. А *самъ* молчитъ, онъ тоже ожидаетъ.

Старцы Ватикана думаютъ удержать свой расшатавшійся авторитетъ торжественнымъ открытіемъ вселенскаго собора. Католическая демонстрація противъ идей новаго времени, въ самомъ дѣлѣ, составилась въ громадныхъ размѣрахъ. Болѣе трехъ четвертей прелатовъ—кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ,—съѣхались на соборъ, влача за собой безконечныя свиты изъ патеровъ и мо-

Digitized by Google

наховъ, монахинь и ханжей. На этотъ римскій соборъ, численностію своею превосходящій тридентскій, епископы съѣхались изъ великихъ пустынь дальняго Запада, съ равнинъ Потоникапама, съ луговъ Патагоніи, изъ Китая, изъ Океаніи, изъ степей Центральной Африки, не считая толпы епископовъ „in partibus infidelium", которые никогда не видѣли тѣхъ городовъ, гдѣ они прелатствуютъ, отчасти и потому, что большая часть этихъ городовъ нынче уже не существуетъ, какъ Гіерополисъ, Пергамъ, Эфесъ, Гиппонъ, Томбукту. За этой толпой католическихъ прелатовъ и патеровъ тянутся ряды любопытныхъ еретиковъ — русскихъ, англичанъ, американцевъ, нѣмцевъ-протестантовъ, грековъ и пр., интересующихся посмотрѣть на диковинки, которыя долженъ будетъ представить этотъ вселенскій католическій соборъ. Содержатели гостиницъ, чичероне и разные торговцы потираютъ отъ удовольствія руки въ виду такого нашествія варваровъ, и возсылаютъ мольбы къ небесамъ, чтобы римскій соборъ продолжался не менѣе двадцати семи лѣтъ, какъ и его предшественникъ соборъ тридентскій.

Этотъ громадный синедріонъ изъ 750 прелатовъ въ фіолетовыхъ рясахъ навѣрное оправдаетъ надежды, которыя мы возлагаемъ на него. Уже папа, съ помощію своихъ кардиналовъ и бѣшеныхъ клерикаловъ, въ родѣ Вельо, при пособіи беззастѣнчивыхъ интригановъ-патеровъ, сдѣлалъ все, что было можно для ослабленія авторитета католичества, чѣмъ, безъ сомнѣнія, послужилъ тому именно дѣлу, противъ котораго направлена вся его дѣятельность, и для подавленія котораго онъ созвалъ настоящій соборъ. Если римскій соборъ, какъ слѣдуетъ ожидать, выдумаетъ еще какой нибудь новый догматъ, который даже въ средѣ нынѣшнихъ вѣрующихъ католиковъ произведетъ расколъ, то опять-таки онъ послужитъ тому дѣлу, которое отъ всего сердца онъ проклинаетъ. Будемъ надѣяться, что почтенные прелаты объявятъ религіозный догматъ о непогрѣшимости папы. На весь міръ они провозгласятъ, что Пій IX — человѣкъ безгрѣшный, нѣчто въ родѣ божества, сошедшаго на землю. Но если соборъ, подъ вліяніемъ какихъ нибудь пагубныхъ еретическихъ доктринъ, откажется провозгласить догматъ непогрѣшимости Пія IX, мы отвернемъ лицо и заплачемъ,

Digitized by Google

горько заплачемъ: для людей прогресса это будетъ такимъ же пораженіемъ, какъ ментанское для свободы Италіи.

Въ то время, какъ католическіе епископы, собравшіеся въ Римъ со всѣхъ сторонъ свѣта, въ своихъ тайныхъ собраніяхъ и мрачныхъ ораторіяхъ, приготовляются къ открытію новыхъ сверхъестественныхъ мистерій, практическіе люди, избранные американскимъ народомъ, собрались въ Вашингтонѣ для вульгарныхъ занятій національными интересами. Такое дѣло, разумѣется, недостойно людей, парящихъ въ сферахъ таинственнаго и невѣдомаго; но какъ бы ни думали о немъ прелаты римскаго католическаго собора, американскій конгрессъ, между всѣми другими подобными собраніями, занимаетъ самое почетное и самое достойное мѣсто. Онъ представляетъ собою народъ въ 40 милліоновъ гражданъ, развитыхъ, способныхъ, сильныхъ, могущественныхъ.

Послѣдніе дебаты въ законодательныхъ палатахъ Соединенныхъ Штатовъ показали, въ какомъ блистательномъ положеніи находятся финансовыя дѣла сѣверо-американской республики. Парламентскимъ собраніямъ старой Европы только и приходится всѣми возможными и невозможными средствами вывертываться въ виду постоянно-возростающихъ дефицитовъ, покрывать которые съ каждымъ годомъ становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Депутаты вашингтонской палаты гораздо счастливѣе: на ихъ долю выпадаетъ болѣе благородное дѣло: распредѣлять излишки доходовъ на дѣла громадной общественной пользы. Въ своемъ посланіи отъ 25 ноября (6 декабря), президентъ Грантъ заявляетъ, что втеченіе послѣдняго финансоваго года доходы превышаютъ расходы болѣе чѣмъ на 260 милліоновъ франковъ, что на будущее время финансовое положеніе еще улучшится и правительство будетъ въ состояніи ежемѣсячно уменьшать на 35 милліоновъ фран-

Digitized by Google

ковъ долгъ, сдѣланный во время послѣдней войны, и въ тоже время, чтобы быть готовыми на всякія случайности, въ сундукахъ казначейства никогда не будетъ менѣе 500 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ весь долгъ будетъ погашенъ въ 10, 12 лѣтъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такое разительное благосостояніе притягиваетъ къ себѣ эмигрантовъ изъ Ирландіи, Англіи и Германіи. Переселеніе въ Соединенные Штаты, нѣсколько было пріостановившееся во время гражданской войны, въ этомъ году приняло такіе размѣры, до какихъ оно не доходило никогда въ прежнее время. Ежедневно около 1,100, ежечасно болѣе 40 человѣкъ европейцевъ садится на корабли и отплываетъ въ отечество Вашингтона и Франклина, надѣясь безпрепятственно пользоваться тамъ правами свободнаго гражданина и безъ всякой помѣхи развивать свое благосостояніе.

Жакъ Лефренъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТІЕ СУЭЗСКАГО КАНАЛА.

АЛЕКСАНДРІЯ, *2 (14) ноября.*

Послѣ шестичасоваго скучнаго и утомительнаго плаванія, мы наконецъ увидѣли египетскій берегъ. Предъ нами была Александрія, съ ея пальмовыми рощами, мечетями, дворцами, жалкими хижинами, помпеевской колонной и, — что насъ особенно удивило, — со множествомъ вѣтряныхъ мельницъ. Подлѣ города, не въ далекомъ отъ него разстояніи, красовалась дача кедива, выстроенная въ смѣшанномъ индѣйскомъ и мавританскомъ стилѣ. Оффиціально она называется увеселительнымъ дворцомъ, но нисколько не соотвѣтствуетъ этому названію; подлѣ нея нѣтъ ни одного дерева, никакой зелени, она стоитъ на скалѣ, среди песковъ;—будь на ея мѣстѣ простой шалашъ, пейзажъ оттого ничего бы не потерялъ, напротивъ, онъ, можетъ быть, придалъ бы печальной мѣстности болѣе веселый видъ.

Капитанъ отдалъ въ наше распоряженіе два съ половиною часа для осмотра города. Едва нашъ корабль успѣлъ бросить якорь, какъ былъ формально осажденъ множествомъ баркасовъ, предлагавшихъ свои услуги для перевозки пассажировъ на берегъ. Лодочники кричали, шумѣли, бранились, чуть не дрались за насъ. Я не прочь былъ посмотрѣть на классическій городъ древняго просвѣщенія, и вмѣстѣ съ корреспондентомъ американской «New York Tribune», скромнымъ, меланхолическимъ, хладнокровнымъ мистеромъ Смалли, помѣстился на баркасѣ, управляемомъ тремя арабами, которые гребли плавно и во всю дорогу тянули какую-то пѣсню, имѣющую, очевидно, религіозный характеръ. Высадившись на берегъ, я почувствовалъ, что нахожусь въ новомъ, совершенно незнако-

Digitized by Google

момъ мнѣ мірѣ. Кажется, еслибъ я попалъ на планету Юпитеръ или Сатурнъ, то и тогда едва ли бы мнѣ пришлось такъ много изумляться, какъ теперь. Я ожидалъ встрѣтить много для себя новаго, но никогда не думалъ, что мнѣ приведется наблюдать такую любопытную фантастическую картину, какую представляетъ поразительное смѣшеніе человѣческихъ типовъ и костюмовъ, такъ рѣзко бросающееся въ глаза въ Александріи. Здѣсь были греки, малайцы, итальянцы, англичане, французы, негры всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, изъ Сенегала, изъ Абиссиніи, изъ Нубіи, изъ Судана и кто ихъ знаетъ еще откуда. Здѣсь можно было встрѣтить обезьяньи, верблюжьи, тигровыя, кошачьи физіономіи, головы съ цѣлымъ лѣсомъ курчавыхъ волосъ, головы бритыя, татуировку всевозможныхъ видовъ, длинныя, тощія ноги на широкихъ ступняхъ и пр. Особенно поражали женщины въ ихъ черныхъ плащахъ, имѣющихъ форму мѣшка; какое-то дикое и таинственное впечатлѣніе производятъ арабскія женщины въ черномъ покрывалѣ съ вырѣзомъ для глазъ. Одѣтыя въ такой безобразный костюмъ, онѣ на видъ вовсе не привлекательны. Безъ сомнѣнія, красивую и молодую женщину можно узнать и подъ покрываломъ и въ безобразномъ плащѣ, но какъ всѣ попадавшіяся на встрѣчу женщины, по наблюденію моему и всѣхъ пассажировъ корабля, были рѣшительно некрасивы, то мы и вынесли убѣжденіе, что Александрія не можетъ похвастать красотой своихъ обитательницъ. Впрочемъ, сегодня жара нестерпимая, мы высадились на берегъ тотчасъ послѣ полудня и весьма вѣроятно, что всѣ красавицы нѣжились дома, въ прохладной тѣни, куря трубки. По улицамъ же шныряли только тѣ, кто не имѣлъ права мечтать о прохладныхъ убѣжищахъ и долженъ былъ тягостнымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ. Даже лавки были открыты далеко не всѣ. Купцы турецкаго происхожденія, съ апатичными, недовольными лицами, сидѣли, скрестивъ ноги, у порога своихъ лавокъ и лѣниво пускали табачный дымъ изъ трубокъ; они неохотно, почти съ досадой, подымались съ своихъ мѣстъ, исполняя требованія зашедшихъ въ лавку покупателей. Греки,—тѣ, напротивъ, вѣжливы до приторности, ловки, расторопны; александрійская торговля вся находится въ ихъ рукахъ. Въ франкскомъ (европейскомъ) кварталѣ почти всѣ вывѣски на лавкахъ написаны на греческомъ языкѣ, очень

Digitized by Google

немногія на французскомъ и почти совсѣмъ нѣтъ арабскихъ или турецкихъ. Франкскій кварталъ, самый лучшій въ Александріи, не представляетъ собой, однако, ничего привлекательнаго; дома въ немъ маленькіе, низенькіе; нѣтъ ни тротуаровъ, ни мостовой; пыль страшная; улицы узкія, воздухъ спертый. По улицамъ толпится множество нищихъ и праздношатающихся. Движеніе въ городѣ довольно сильное, мнѣ попадалось на встрѣчу множество людей разнаго пола и возраста, разныхъ положеній и состояній. Но это сильное движеніе прекращается за предѣлами франкскаго квартала. Шумъ и гамъ, характеризующій эту часть Александріи, смѣняется поразительной тишиной въ арабской части города, гдѣ по преимуществу живетъ бѣдное рабочее населеніе. Лица здѣсь болѣзненныя, испитыя, нужда и недостаточная пища отнимаютъ силы и сокращаютъ жизнь бѣдныхъ страдальцевъ. Количество потребляемой ими пищи ничтожно до послѣдней степени; горсть овощей и микроскопическій кусочекъ говядины считается величайшей роскошью за столомъ этого люда,—роскошью, которую онъ позволяетъ себѣ, какъ исключеніе, въ торжественные праздники, въ прочіе же дни питается только одними финиками. Бѣдняки ходятъ въ лохмотьяхъ, почти совсѣмъ безъ одежды и терпятъ страшныя мученія отъ разныхъ насѣкомыхъ, въ особенности дѣти, буквально почти голыя и грязныя до крайности. И здѣсь, какъ и въ франкскомъ кварталѣ, встрѣчается множество нищихъ, живущихъ подаяніемъ. Александрійскіе нищіе до того наглы и надоѣдливы, что подобныхъ имъ едва ли можно встрѣтить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Они вывели изъ себя даже моего спутника, спокойнѣйшаго, добрѣйшаго Смалли, который, засучивъ рукава, приличными случаю жестами показалъ, что онъ принадлежитъ къ англо-саксонскому племени. Эти жесты были такого внушительнаго свойства, что толпа, слѣдовавшая за нами, мгновенно разсѣялась.

Но пора было окончить прогулку, два часа, данные капитаномъ, истекали. Мы поспѣшили къ пристани, гдѣ встрѣтили многихъ своихъ товарищей, которые просьбами и угрозами старались отдѣлаться отъ тучи комиссіонеровъ и нищихъ, просящихъ на-водку или подаяніе. Кое-какъ удалось намъ высвободиться, мы разсѣлись по лодкамъ и поплыли къ своему кораблю.

Digitized by Google

Скоро якорь былъ поднятъ и мы направились къ Портъ-Саиду.

ПОРТЪ-САИДЪ, *4 (16) ноября.*

Было великолѣпнѣйшее утро, когда мы подошли къ Портъ-Саиду. Впереди были слышны выстрѣлы, вдали клубился пороховой дымъ. Это батареи салютовали „Эглю", пароходъ императрицы Евгеніи. За „Эглемъ" вошла въ портъ „Пелуза", большой пакетботъ, на которомъ находился административный совѣтъ компаніи, а за нею и наша „Гвіана", предназначенная для лицъ, получившихъ приглашеніе кедива. Въ портѣ стояло много кораблей и между ними не мало военныхъ, изобильно снабженныхъ пушками и порохомъ. Странное и не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ на меня, производили эти гиганты, имѣющіе своимъ назначеніемъ разрушеніе и присутствующіе здѣсь, на мирномъ праздникѣ науки и человѣческой изобрѣтательности. Непріятное чувство овладѣло мною, когда они стали салютовать нашъ корабль. Здѣсь были военные корабли едва ли не всѣхъ націй. Шумъ отъ выстрѣловъ поднялся невообразимый, и, сколько я могъ замѣтить, болѣе всѣхъ гудѣлъ одинъ прусскій фрегатъ. На всѣхъ военныхъ судахъ стояли матросы съ ружьями, гремѣли барабаны, грохотали пушки. Моимъ ослабѣвшимъ нервамъ грозила серьезная опасность, но меня спасли волны, на которыя я заглядѣлся. Ихъ фосфорическій блескъ, ихъ бѣлая пѣна, ихъ движеніе, знаменующее жизнь, — все это было прелестно. Чудная картина природы отвлекла мои мысли отъ печальныхъ размышленій по поводу этого грома пушекъ, боя барабановъ и блеска штыковъ. Я успокоился и хладнокровнѣе сталъ смотрѣть на окружающія меня со всѣхъ сторонъ пловучія крѣпости. Вонъ тамъ впереди всѣхъ бросилъ свой якорь „Эгль", привезшій французскую императрицу, подлѣ него расположился „Фэйюнъ", далѣе „Макруса"—судно кедива; еще далѣе адмиральскій корабль, на которомъ пріѣхалъ австрійскій императоръ—случай устроилъ такъ, что онъ помѣстился между двумя итальянскими кораблями, которые онъ разбилъ подъ Лиссой. Тотъ же случай распорядился поставить датскій фрегатъ между двумя прусскими, которые напорядкахъ исполосовали ему борты въ сраженіи при Ди-

Digitized by Google

нелѣ. Всѣ снасти кораблей были украшены разнообразными флагами — произведеніями Мюльхауза и Манчестера. Эти украшенія придали имъ веселый, свѣжій, праздничный видъ. Едва были брошены якоря, какъ со всѣхъ судовъ спущенныя шлюпки, баркасы, ялботы направились къ берегу и обратно къ кораблямъ.

Послѣ хорошаго завтрака, мы на шлюпкахъ переѣхали въ Портъ-Саидъ. Здѣсь глаза мои были поражены изумительнымъ зрѣлищемъ.

Портъ-Саидъ—городъ, въ родѣ тѣхъ городовъ дальняго Запада Соединенныхъ Штатовъ, которые основываются чуть не въ одинъ день. Но тамъ ихъ строятъ среди великолѣпныхъ луговъ, имѣя въ своемъ распоряженіи дѣвственные лѣса. Здѣсь же пришлось работать среди пустыни, лучше сказать на морѣ. Портъ-Саидъ—созданіе чисто-человѣческое, такъ какъ самая почва, на которой онъ построенъ—приготовлена человѣческими руками. Громадныя манзалесскія лагуны, примыкающія къ Средиземному морю, были избраны для входа въ новый каналъ, и на нихъ рѣшились создать приморскій портъ. Грязь и песокъ, добываемые черпаками, валили въ озеро, и такимъ образомъ образовали островъ, постоянно увеличивавшійся въ размѣрахъ, благодаря искуству, дѣятельности и энергіи рабочихъ. Для укрѣпленія почвы, по всѣмъ направленіямъ вколочены сваи, на нихъ наложены доски, кирпичъ и камни. Такія сложныя работы произведены, впрочемъ, только въ европейскомъ кварталѣ, въ арабскомъ же—почву укрѣпляли корнями тростника. Дома представляютъ чрезвычайно оригинальный видъ; это по большей части шалаши, у которыхъ стѣны, потолокъ и крыши сдѣланы изъ соломенныхъ циновокъ, по неимѣнію въ наличности другого строительнаго матеріяла; домовъ въ настоящемъ значеніи слова очень немного, ими владѣютъ исключительно европейцы. Грунтъ улицъ песчаный; песокъ яркаго сѣраго цвѣта, ослѣпляющій при полуденномъ солнцѣ. Судя по вывѣскамъ, здѣсь идетъ борьба между французскимъ и греческимъ элементами; все, что носитъ на себѣ оффиціальный характеръ, непремѣнно французскаго происхожденія; всѣ же продуктивныя занятія, какъ умственныя, такъ и матеріяльныя, представляются греческимъ элементомъ; лучшія лавки, таверны, проституціонные дома тоже въ рукахъ грековъ. Мелкіе греческіе промышленники предлагаютъ вамъ на каждомъ шагу фотографіи самыя

Digitized by Google

непристойныя, какія мнѣ только случалось видѣть. Дороговизна здѣсь страшная. Наемъ маленькой лавченки стоитъ 1,200 франковъ въ годъ. Компанія владѣльцевъ земли продаетъ ее съ каждымъ днемъ дороже и дороже,—если только такой способъ отчужденія имущества, какой употребляется въ Портъ-Саидѣ, можно назвать продажей:—земля продается только на десять лѣтъ съ непремѣннымъ условіемъ возвести на ней постройки. Въ Лондонѣ собственники продаютъ участки земли на 99 лѣтъ, въ Мельборнѣ на 30; не думаетъ ли компанія, что Портъ-Саидъ идетъ къ процвѣтанію въ три раза скорѣе, чѣмъ Сидней и Мельборнъ. Позволительно сомнѣваться въ вѣрности этого смѣлаго предположенія. Лавочники убѣждены, что имъ придется пережить еще много тяжелыхъ годовъ; работы на каналѣ пріостановились, рабочій людъ разошелся въ разныя стороны, а транзитъ еще не начинался. Въ то время, когда иные работники получали даже по 50 франковъ въ день, лавочники съ малыми капиталами могли дѣлать хорошія выгодныя дѣла. Нынче же для такихъ дѣлъ требуются капиталы солидные, какихъ у портъ-саидскихъ торговцевъ въ наличности не имѣется. Правда, теперь торговля не носитъ на себѣ характера безшабашной спекуляціи, какъ прежде, и ведется честнѣе. Это, пожалуй, утѣшительно, но тѣмъ не менѣе, цѣны на всевозможные товары и жизненные продукты стоятъ все еще высокія.

Несмотря на невыгодное положеніе среди лагунъ, Портъ-Саидъ представляетъ весьма благопріятныя цифры въ санитарномъ отношеніи; правда, европейцы страдаютъ здѣсь воспаленіемъ глазъ, но большая часть скоро вылечивается; что же касается до аклиматизаціи европейцевъ, то судя по здоровому виду ихъ дѣтей можно бы считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ въ пользу ея, еслибъ не то обстоятельство, что болѣзни дѣтей — впрочемъ весьма рѣдкія — почти всегда принимаютъ здѣсь опасный характеръ. Смѣшеніе расъ происходитъ безъ всякихъ затрудненій: французы легко сходятся съ арабками, почему живутъ въ большой дружбѣ съ арабскимъ племенемъ и въ союзѣ съ нимъ ведутъ борьбу противъ общаго ихъ врага-грековъ. Сѣверные итальянцы въ этой борьбѣ соединяются съ французами, неаполитанцы же берутъ сторону грековъ. Недавно эта вражда дошла до битвы, въ которой приняло

Digitized by Google

участіе почти поголовно все греческое и арабское населеніе Портъ-Саида; арабы были вооружены палками, а греки ножами; арабовъ было такъ много и они наступали такъ рѣшительно, что греки принуждены были спасаться на корабли, стоявшіе въ портѣ.

Въ Портъ-Саидѣ есть госпиталь, управляемый докторомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ въ одно и тоже время консулъ Англіи, Швеціи и Италіи. Тутъ же рядомъ съ больницей городской садъ, представляющій собой чрезвычайно любопытное явленіе. Онъ разведенъ только три года тому назадъ, но при помощи орошенія, его деревья и кусты доведены до полнаго роста. Тамарисы, лавры, перечники даютъ такую тѣнь, какъ будто имъ отъ роду не однинъ десятокъ лѣтъ.

Для парижанина, въ первый разъ высадившагося на этотъ берегъ, арабскій кварталъ представляетъ гораздо большій интересъ, чѣмъ французскій. Нищета, грязь и вонь составляютъ отличительныя качества этого жалкаго квартала. Улицъ здѣсь нѣтъ, хижины лѣпятся одна къ другой безъ всякаго плана. Раны покрываютъ тѣла бѣдныхъ обитателей квартала, почти всѣ они страдаютъ воспаленіемъ глазъ, грязи на каждомъ изъ нихъ на пол-вершка, разныя насѣкомыя безъ всякой помѣхи спокойно прогуливаются по ихъ тѣлу, но арабъ гордо носитъ свои лохмотья, и во внѣшней его некрасивости ничего нѣтъ отталкивающаго. Мужчины по виду красивѣе женщинъ, закутанныхъ въ свои покрывала. Но кто знаетъ, можетъ быть, нашъ неопытный глазъ въ этомъ случаѣ насъ сильно обманываетъ.

По дорогѣ мнѣ встрѣтилась арабская школа, она же и пріютъ, и при ней бакалейная и мелочная лавка. Въ то время, какъ я подходилъ къ ней, хозяинъ лавки, онъ же и школьный учитель, красивый человѣкъ, съ меланхолическимъ взглядомъ, выдавалъ покупателю стеариновую свѣчу—стеариновую, а не сальную, ибо въ этой странѣ, только-что открытой для европейской цивилизаціи, самый бѣдный желаетъ непремѣнно жечь не сало, а парафинъ или стеаринъ. Во время отсутствія учителя, занятаго продажей, старшій изъ учениковъ водворялъ въ классѣ порядокъ съ помощію бамбуковой палки, которой онъ потчивалъ шалуновъ по головѣ. Подлѣ школы, какъ и вообще подлѣ всѣхъ здѣшнихъ хижинъ, куры и

Digitized by Google

овцы жались въ тѣни; какъ питались эти домашнія животныя — неизвѣстно, но только хозяева, какъ мнѣ говорили, заботу объ этомъ возлагали на нихъ самихъ.

Подлѣ самаго города былъ устроенъ военный лагерь, совершенно сходный со всѣми лагерями, устраиваемыми въ Европѣ. А сзади его помѣщались бараки, занятые полковыми маркитантками. Эти дамы, по большей части, крайне некрасивы и стары; онѣ всѣ сидѣли за своими стойками, подлѣ которыхъ толпились иностранцы — гости кедива; подлѣ одной изъ нихъ, болѣе молодой и красивой, сгруппировалось человѣкъ до пятидесяти англичанъ, французовъ, австрійцевъ и пруссаковъ, — преимущественно офицеровъ съ военныхъ судовъ, стоящихъ въ портѣ. Они весело о чемъ-то разговаривали съ дамой, которая была въ самомъ отличномъ расположеніи духа, — она знала, что ей предстоитъ хорошая пожива: обычай требуетъ, чтобы ея собесѣдники на прощанье каждый снабдилъ ее приличнымъ бакшишемъ. Если кто забывалъ или не хотѣлъ слѣдовать этому обычаю, о немъ говорили съ презрѣніемъ.

Пройдя за бараки и миновавъ нѣсколько гробницъ, я очутился среди песковъ, въ совершеннѣйшей пустынѣ, на перешейкѣ, отдѣляющемъ Средиземное море отъ озера Мензалегъ. Среди этой тишины я вздохнулъ полной грудью, мной овладѣло пріятное чувство, что я нахожусь далеко отъ всѣхъ нашихъ треволненій, вдали отъ пушекъ и ружей, до меня доносились только слабые отголоски выстрѣловъ. Дойдя до берега, я раздѣлся и окунулся въ волнахъ, но не въ синихъ, а въ желтыхъ; купанье было такъ пріятно и хорошо, что я долго его не забуду. Одѣвшись, не въ далекомъ разстояніи я замѣтилъ какую-то массу на берегу. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что это мертвая акула, вѣроятно, недавно погибшая, потому что она смотрѣла какъ живая; чудовище имѣло въ длину почти сажень; я измѣрилъ ея хвостъ, зубы, пасть и рѣшилъ, что на египетскихъ берегахъ купаться не совсѣмъ удобно.

Когда я вернулся въ Портъ-Саидъ, весь городъ былъ на ногахъ, народъ толпился, желая посмотрѣть на процессію, въ которой должны были принять участіе государи. Подлѣ меня помѣстились два мясника съ лотками не совсѣмъ свѣжей говядины, что дѣлало мое положеніе весьма не завиднымъ. Процессія двинулась

Digitized by Google

она открывалась тамбуръ-мажоромъ огромнаго роста, съ такими внушительными жестами, какъ будто бы онъ всѣмъ хотѣлъ накостылять по шеѣ. За нимъ музыка. Впереди всѣхъ государей шла императрица Евгенія съ кедивомъ, за ними австрійскій императоръ, потомъ принцъ прусскій, принцъ и принцесса голландская, принцъ гессенскій. Потомъ шли разные господа въ блестящихъ мундирахъ, вышитыхъ золотомъ и серебромъ. На песчаной площади между моремъ, городомъ и двумя лужицами, далеко отъ канала, который слѣдовало освятить, были устроены оффиціальныя эстрады: одна для государей и для высшихъ сановниковъ, другая для разныхъ оффиціальныхъ лицъ; прочіе приглашенные расположились сзади той или другой; дамы старались стать ближе къ Абдель-Кадеру, граціозно драпирующемуся въ голубую мантію. Напротивъ оффиціальныхъ эстрадъ были выстроены два возвышенія: одинъ для мусульманскаго духовенства, другой для католическаго. Массы народа, желавшаго поглазѣть на церемонію, толпились сзади, какъ попало.

Обѣ эстрады для духовенства по виду были совершенно схожи между собою: тѣхъ же размѣровъ, той же высоты, даже наружныя украшенія были одинаковы; но внутреннее убранство въ нихъ было различно; въ лѣвой, мусульманской, была только одна небольшая будочка изъ зеленыхъ вѣтвей, въ то время, какъ въ правой, католической, былъ устроенъ большой алтарь, поставлены огромные золотые канделябры съ зажженными высокими восковыми свѣчами. Мусульманская эстрада была занята всего пятью улемами — тремя стариками и двумя молодыми, одѣтыми въ платья различныхъ цвѣтовъ: красное, зеленое, черное, фіолетовое, голубое. У католическаго алтаря сгруппировалось множество аббатовъ, священниковъ, монаховъ разныхъ орденовъ, дѣтей изъ хора. Двѣ религіи—восточная, мусульманская, и западная, католическая, вышли какъ бы на состязаніе, и огромная масса присутствующихъ зрителей приглашалась быть судьею между ними.

Начали мусульмане. Самый младшій вошелъ въ свою узкую зеленую будочку и, напоминая своей фигурой муэззина, молящагося въ минаретѣ, съ воздѣтыми руками, съ глазами, обращенными на небо, медленнымъ, монотоннымъ, но громкимъ голосомъ произнесъ:

Digitized by Google

„Аллахъ! Благослови Европу, которая, какъ ты видишь, собралась здѣсь у насъ. Благослови предпріятіе, обѣщающее обогатить нашу бѣдную страну. Благослови всѣ народы. И насъ, простершихся у ногъ твоихъ: Аллахъ!“

Это было все. Улемъ вышелъ изъ будочки и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Дамаскій банкиръ перевелъ мнѣ его молитву.

Пришла очередь католикамъ. Выступилъ духовникъ императрицы, одѣтый въ фіолетовую рясу, съ фіолетовой камилавкой на головѣ. Вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей знаютъ исторію этого аббата Бауэра, недавно сдѣланнаго монсиньеромъ. Происхожденіемъ онъ венгерскій еврей. Въ 1848 году онъ былъ революціонеромъ, вмѣстѣ со многими студентами въ Вѣнѣ онъ провозгласилъ изгнаніе Меттерниха. Но изгнанный изъ отечества реакціею, маленькій Бауэръ бѣжалъ во Францію, гдѣ онъ скоро понялъ, какая сторона представляетъ болѣе шансовъ для успѣха. Онъ рѣшился перейти въ католицизмъ, а какъ въ то время были рѣдки переходы изъ еврейства, то новому сыну папы легко было эксплуатировать разныхъ знатныхъ барынь, преданныхъ ханжеству. При помощи своей крестной матери, юный Бауэръ былъ представленъ въ Тюльери и очаровалъ императрицу. Скоро онъ сдѣлался духовникомъ парижскхъ элегантныхъ дамъ. Мнѣ припоминается теперь видѣнное мною передъ отъѣздомъ изъ Парижа объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги, написанной молодымъ монсиньеромъ, подъ заглавіемъ: „Наставленіе молодой дамѣ, какъ ей жить въ христіанской религіи“. Эта личность имѣла честь представлять теперь католическую религію предъ лицомъ Европы, Африки и Азіи.

Онъ выступилъ съ длинной, либеральной, даже очень либеральной, банальной и цвѣтистой рѣчью. Это безконечное словоизверженіе утомило всѣхъ и произвело самое непріятное впечатлѣніе на слушателей.

Рѣчь этого краснобая можетъ быть резюмирована такимъ образомъ:

„И такъ одно изъ величайшихъ предпріятій XIX вѣка окончено и имя Фердинанда Лессепса покрылось неувядаемой славой. Барьеръ, раздѣляющій Востокъ и Западъ, снятъ; корабли всѣхъ націй могутъ спокойно плавать по каналу, который не только-что

Digitized by Google

соединилъ два моря, но онъ знаменуетъ собою наступленіе новаго историческаго періода—періода мира. Исторія правдиво разскажетъ, какія преграды долженъ былъ преодолѣть Фердинандъ Лессепсъ для достиженія великой цѣли; сколько превратностей испыталъ онъ на пути къ этой цѣли; какой тяжелый, почти неодолимый трудъ взялъ онъ на себя для исполненія своей благородной миссіи. Окончаніе прорытія суэзскаго перешейка составитъ величайшій монументъ XIX вѣка; это монументъ нравственный, но великое событіе увѣковѣчится и другимъ матеріяльнымъ монументомъ; свидѣтельство всемірной признательности къ строителямъ будетъ увѣковѣчено на камнѣ и бронзѣ... Предстоящій здѣсь Фердинандъ Лессепсъ не менѣе великъ, какъ Христофоръ Колумбъ... Предстоящій здѣсь кедивъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ кедивовъ... Императрица французская представляетъ собою воплощеніе генія Франціи, въ ней соединены грація, красота, всѣ добродѣтели (она была одѣта въ сѣрое серебристое платье, глаза ея были скромно опущены на грудь, на которой блестѣлъ крестъ). Предстоящій здѣсь австрійскій императоръ есть самый благородный и великодушный изъ всѣхъ государей...“ Потомъ Бауэръ опять обратился къ кедиву и снова назвалъ его величайшимъ изъ кедивовъ, неусыпно работавшимъ день и ночь для довершенія великаго предпріятія (правда кедивъ имѣетъ сонливый и изнуренный видъ, но это происходитъ отъ излишнихъ празднествъ, съѣдающихъ милліоны государственныхъ доходовъ, что заставляетъ увеличивать налоги, и безъ того тяжелые для нищенствующаго, раззореннаго народа)... Отъ восхваленія кедива Бауэръ перешелъ къ восхваленію принца прусскаго, принца и принцессы голландскихъ, даже принца гессенскаго, рабочихъ и распорядителей работъ по каналу; онъ восхвалилъ даже Наполеона I за его мудрую экспедицію въ Египетъ. И кого онъ только не превознесъ. Впрочемъ, его лакейски-умилительная, напыщенная рѣчь производила на меня такое же впечатлѣніе, какъ морская болѣзнь. Я поспѣшилъ поднять глаза къ верху и занялся разсматриваніемъ крыши католическаго алтаря. По забывчивости ли строителя или по какимъ другимъ причинамъ, но только, къ моему изумленію, она была увѣнчана полумѣсяцемъ, эмблемой побѣды ислама. Съ трепетомъ я перенесъ свои глаза на улемовъ и

Digitized by Google

увидѣлъ, что они, величественные и спокойные, смотрятъ на монсиньора и слушаютъ его съ презрительной улыбкой... Мнѣ стало лучше. Я поднялъ глаза вверхъ, началъ вдыхать въ себя воздухъ и замечтался.

Сколько времени я предавался мечтамъ—я не знаю, но я былъ разбуженъ отъ нихъ громкими рукоплесканіями, вслѣдъ за которыми монсиньоръ александрійскій епископъ отслужилъ молебенъ, сопровождаемый музыкой и пушечными выстрѣлами.

Церемонія кончилась. Толпа заколыхалась; слѣдуя общему теченію, двинулся и я обратно въ городъ; на пути я столкнулся съ однимъ изъ своихъ друзей, ревностнымъ египтологомъ, Брюггомъ. Онъ съ энтузіазмомъ сталъ припоминать мнѣ философскія и религіозныя доктрины народа феллаховъ за три или за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени. Онъ увѣрялъ меня, что исторія человѣчества, какъ можно судить по послѣднимъ геологическимъ открытіямъ, шла инымъ путемъ, какъ предполагали до сихъ поръ, и что ее слѣдуетъ передѣлать до основанія, для возстановленія истины.

Наступила ночь; мои испанскіе друзья предложили мнѣ прогулку по морю въ лодкѣ. Въ воздухѣ было тихо и прохладно, луна ярко свѣтила, корабли были иллюминованы, въ городѣ на различныхъ пунктахъ горѣли бенгальскіе огни и римскія свѣчи. На насъ нашло хорошее меланхолическое расположеніе духа; мои товарищи запѣли андалузскія мелодіи. Мы говорили мало, но думали много, безъ сомнѣнія о друзьяхъ, оставшихся въ Кадиксѣ, въ Севильѣ, въ Гренадѣ и въ иныхъ мѣстахъ.

Такъ кончился этотъ прекрасный день.

5 (17) ноября.

На разсвѣтѣ я былъ уже на палубѣ. По программѣ въ шесть часовъ мы должны были услышать сигналъ ста выстрѣлами, что будетъ означать приказаніе готовиться къ плаванію. Въ семь часовъ весь флотъ долженъ былъ поднять якорь и двинуться въ путь. Первымъ въ каналъ войдетъ „Эгль“ съ французскою императрицею; за нимъ корабль австрійскаго императора; потомъ воен-

Digitized by Google

ныя суда съ принцами; потомъ гости кедива; кортежъ закончится разными небольшими купеческими судами. Флотилія состояла изъ ста судовъ. На маленькихъ судахъ совершенно справедливо замѣчали: „не лучше ли было пустить насъ впередъ, вѣдь дѣло идетъ объ опытѣ. Гораздо разумнѣе отъ легчайшаго идти къ труднѣйшему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Если одно изъ этихъ большихъ судовъ сядетъ на мель, оно загородитъ проходъ другимъ, которыя, по своей конструкціи, совершенно удобны для плаванія по мелкимъ водамъ“. Но такое законное требованіе небольшихъ судовъ было оставлено безъ вниманія и рѣшено пустить впередъ тѣ суда, на которыхъ пріѣхали государи и принцы, а они пріѣхали на судахъ большихъ размѣровъ съ пушками. Такимъ образомъ „Эгль“ долженъ былъ открыть шествіе. Императрица Евгенія спала, когда грянулъ 101 выстрѣлъ, возвѣщавшій, что слѣдуетъ приготовиться къ плаванію. Императрица проснулась отъ грохота, но ей слѣдовало еще одѣться, а на такое дѣло она употребляетъ не мало времени: данъ приказъ эскадрѣ ожидать новаго сигнала.

Уже 9 часовъ, а мы еще не трогаемся съ мѣста. Отъ скуки я ходилъ по палубѣ взадъ и впередъ, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ капитанъ. „Милостивый государь, сказалъ онъ съ пріятной улыбкой, шепча мнѣ на ухо,—рѣшено, что наша „Гвіана“ будетъ идти въ хвостѣ эскадры и мы тронемся въ путь развѣ вечеромъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, непріятно потерять цѣлый день и, кромѣ того, лишиться удовольствія видѣть самое торжество. Вы изъ числа тѣхъ, для которыхъ отведено мѣсто на „Пелузѣ“, нашемъ лучшемъ кораблѣ. Онъ тронется черезъ часъ, не позже. Соберите поскорѣе вашъ багажъ и если встрѣтите въ чемъ нибудь затрудненіе, обратитесь ко мнѣ“.

Компанія опасалась, что „Гвіана“, по своей широкой конструкціи, можетъ застрянуть въ каналѣ, почему распорядилась всѣхъ пассажировъ перевести на „Пелузу“ и „Таборъ“. Можно судить, какая суматоха произошла на нашемъ кораблѣ, гдѣ каждый пассажиръ успѣлъ пріютиться какъ дома. Во время этой перекочевки случилось не мало курьезныхъ происшествій, но нѣкоторые пассажиры поплатились частію своего имущества, забытаго ими на „Гвіанѣ“ или утеряннаго во время переѣзда.

Digitized by Google

„Пелуза“, великолѣпнѣйшее судно, несравненно болѣе удобное, чѣмъ „Гвіана“, биткомъ набилась пассажирами, въ числѣ которыхъ было много административныхъ лицъ, знати и депутацій отъ разныхъ обществъ. Когда мы взошли на палубу этого корабля, капитанъ хладнокровно объявилъ намъ, что всѣ комнаты заняты и намъ предоставляется располагаться по своему усмотрѣнію, гдѣ придется.

Наконецъ въ 11 часовъ мы тронулись въ путь. Торжественна была та минута, когда мы вошли въ каналъ, который долженъ былъ соединить два свѣта и приблизить другъ къ другу на нѣсколько тысячъ верстъ Индію и Германію, Китай и Англію, Францію и Японію! Не въ милліоны ли разъ полезнѣе употреблять капиталы на такія акціи, какъ акціи трансатлантическаго телеграфа или компанія соединенія каналомъ Средиземнаго моря съ Индѣйскимъ океаномъ, чѣмъ на мексиканскія и иныя экспедиціи!

Я никакъ не ожидалъ увидѣть такой широкій каналъ — сто метровъ, глубина 8 метровъ. Къ сожалѣнію, этой глубины достигли не по всей длинѣ канала и еще наканунѣ открытія канала работы во многихъ мѣстахъ продолжались съ лихорадочной энергіей, но до конца еще далеко. По дорогѣ во многихъ мѣстахъ мы видѣли гигантскія машины, предназначенныя для извлеченія песку со дна канала. Къ удовольствію моему, я могу засвидѣтельствовать, что винтъ нашего парохода дѣйствовалъ легко и плавно, и наше громадное судно въ 315 футовъ длиною бѣжало ровно и спокойно. Этотъ фактъ, можетъ быть, неважный съ перваго взгляда, для меня, какъ акціонера, представлялъ большой интересъ при разрѣшеніи вопроса: можетъ ли дать это предпріятіе, стоющее такъ дорого, современемъ какой нибудь дивидентъ?

Мы плыли черезъ озеро Мензалегъ, въ которомъ фарватеръ углубленъ и образуетъ каналъ, а вычерпанная земля пошла на устройство двухъ узкихъ дорогъ по обоимъ берегамъ, на правомъ поставлены телеграфные столбы и устроенъ подземный каналъ прѣсной воды. Лѣвая сторона озера имѣетъ неправильное очертаніе; намъ казалось, что озеро усѣяно островами, но опытный инженеръ, хорошо знакомый съ географіей страны, объяснилъ намъ, что мы ошибаемся: эти кажущіеся острова не существуютъ въ дѣйстви-

Digitized by Google

тельности — это не болѣе, какъ простой миражъ: тамъ, гдѣ мы видимъ озеро и острова, разстилается необозримая пустыня... Такъ вотъ она знаменитая пустыня! Всякому изъ насъ невольно припомнилось дѣтство и уроки священной исторіи о переходѣ израильтянъ изъ Египта черезъ эту пустыню. Съ правой стороны озеро идетъ далеко въ ширину, но оно не глубоко; время отъ времени попадались намъ рыбачьи лодки; рыбы въ озерѣ должно быть множество, если судить по многочисленнымъ стадамъ фламинго, безпрерывно встрѣчающимся на нашемъ пути. Для насъ, новичковъ въ этой странѣ казалось изумительнымъ, какъ эти сотни тысячъ прожорливыхъ птицъ не пожрали до сихъ поръ всей рыбы, водящейся въ озерѣ?

Первое значительное мѣстечко, встрѣченное нами на пути, было Эль-Кантара, лежащее на половинѣ дороги между Портъ-Саидомъ и Измаиліей; черезъ него проходятъ караваны; и мы замѣтили на берегу одинъ, приготовлявшійся двинуться въ путь. По случаю открытія канала Эль-Кантара имѣлъ праздничный видъ; мы были встрѣчены восторженными восклицаніями собравшагося на берегу народа и ружейными салютами.

Мы весело обѣдали, когда проѣзжали мимо порога Эль-Гирча здѣшнія работы стоили компаніи многихъ милліоновъ; песокъ все осыпался, чтобы укрѣпить почву, пришлось прибѣгнуть къ труднымъ и дорогимъ работамъ. Наша „Пелуза“ продолжала идти ровно и хорошо, никакихъ помѣхъ до сихъ поръ не встрѣчалось, а если и происходили кое-какія неловкости, то всѣ мы старались показать видъ, что не замѣчаемъ ихъ. Радость наша была велика, когда мы услыхали выстрѣлы въ Измаиліи, извѣщавшіе, что первые большіе корабли благополучно вошли въ рейдъ. „Пелуза“ въ ряду шла десятой; каждый корабль шелъ одинъ за другимъ, въ 10 минутахъ разстоянія. Луна взошла, когда мы оставили за собой Эль-Гирчъ. До Измаиліи оставалось еще одно мѣсто, опасное для нашего корабля, сидящаго 5 метровъ въ водѣ: когда каналъ круто поворачиваетъ къ озеру Тимзаху. Но и оно было пройдено благополучно. Между тѣмъ наступила чудная египетская ночь, въ воздухѣ стало свѣжѣе; луна ярко свѣтила и отражала свой свѣтъ въ чистыхъ водахъ озера. Вотъ показалась и Измаилія, тоже ярко освѣщенная луннымъ свѣтомъ, а передъ ней суда, ставшія уже на якорь и

Digitized by Google

превосходно иллюминованныя. Намъ показалось, что мы видимъ предъ собой Венецію будущаго, мимо которой снуютъ тысячи кораблей и заходятъ на отдыхъ въ ея гостепріимный портъ. А еще только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, здѣсь было море песку, которое обѣгала даже гиена, которое казалось слишкомъ пустыннымъ даже для шакала. Этотъ городъ, эти корабли, эта иллюминація уже не была миражемъ нашего разгоряченнаго воображенія. Это чудо произведено усиліями человѣческаго труда и энергіи. А вѣдь созданіе его представлялось такимъ же волшебствомъ, какъ разсказъ въ „Тысячи и одной ночи“ о магикѣ, который ударомъ жезла превращалъ скалы въ богатую королевскую резиденцію съ дворцами, улицами, площадями, мечетями, богато-населенную и имѣющую многочисленную армію.

Но вдругъ мы почувствовали, что съ нашимъ кораблемъ произошло что-то необыкновенное; намъ показалось, что онъ разомъ остановился на всемъ ходу. Дѣйствительно, онъ врѣзался въ песокъ. Пассажировъ толкали и туда и сюда, посылали на носъ, потомъ приглашали перейти на корму — но толку отъ этого не выходило никакого. Всѣ усилія сдвинуть „Пелузу“ съ мѣста оказывались тщетными. Между тѣмъ стали подходить другія суда; наскучивъ ожидать, стоя на мѣстѣ, одно изъ нихъ попыталось обойти нашъ корабль справа—ничего, удалось благополучно; потомъ другое, съ такимъ же успѣхомъ, за нимъ третье обошло слѣва. А мы все стояли на мѣстѣ. А еще нашъ капитанъ славился своей опытностью и знаніемъ дѣла! Судите же о неудовольствіи пассажировъ! Прибавьте къ этому, что на нашемъ пароходѣ были герцоги; элегантные сыновья членовъ жокей-клуба и ихъ папаши; здѣсь же былъ король бароновъ, Жеромъ Давидъ, побочный сынъ вестфальскаго короля; экс-министръ знаменитый Дюрюи; славный Дюпюи де-Ломъ, геній морского строительнаго искуства по части мониторовъ. Потомъ гг. Синусъ и Тангенсъ изъ Политехнической школы въ сотовариществѣ съ Котангенсомъ изъ горной школы и Косинусомъ изъ путей сообщенія. Они мечтали, что представляютъ своими фигурами всю инженерную силу Франціи. Эти господа и имъ подобные, какъ вороны, налетающіе всюду, гдѣ строится желѣзная дорога, гдѣ разработываются руды, выговариваютъ себѣ

Digitized by Google

такія жалованья, какія даются развѣ главнокомандующимъ и составляютъ цифру, равную доходу богатаго архіепископа и феодальнаго барона. Эта новѣйшая аристократія, болѣе способная и болѣе опасная, чѣмъ древнія, раскинула надъ страной сѣть своего могучаго вліянія. Съ максимумомъ власти и съ минимумомъ отвѣтственности, она влѣзла всюду; она знаетъ всѣ тайны и обладаетъ всѣми секретами, вовсе не отличаясь скромностью.

Для такихъ высокихъ и могущественныхъ личностей было очень непріятно, что случай заставилъ ихъ сидѣть за однимъ столомъ съ бельгійцами и голландцами, депутатами торговыхъ палатъ, съ нѣмецкими, американскими, датскими журналистами и съ разными буржуа-негоціантами. Они въ Измаиліи расчитывали избавиться отъ непріятныхъ сосѣдей. Но „Пелуза" все еще стояла на мѣстѣ; капитанъ изъ подобострастія въ $9^1/_2$ часовъ посадилъ въ шлюпки 40 пассажировъ, принятыхъ на „Пелузу" съ „Гвіаны," и пустилъ ихъ на произволъ случая. „Распоряжайтесь сами, какъ хотите, сказалъ онъ,—вамъ нѣтъ мѣста на моемъ кораблѣ и мнѣ нечѣмъ будетъ васъ кормить".

Какъ ни мелокъ этотъ фактъ, но я заявляю о немъ; онъ такъ хорошо характеризуетъ глупость и мелочность, отъ которыхъ эти люди не могли освободиться даже въ виду тѣхъ великихъ событій, при совершеніи которыхъ они присутствовали.

ИЗМАИЛІЯ, *6 (18) ноября.*

Рано утромъ мы высадились на египетскую землю. На пристани толпилось множество арабовъ, ожидающихъ случая заработать что нибудь, таская на себѣ нашъ багажъ; они дрались между собой и надоѣдали намъ до безконечности, пока не появился какой-то мѣстный французъ съ хлыстомъ въ рукѣ, которымъ сталъ подчивать арабовъ направо и налѣво и очистилъ намъ свободный путь. Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди я замѣтилъ толстаго нѣмца, ругавшагося самыми отборными словами и отбивавшагося кулаками отъ арабовъ, настоятельно предлагавшихъ ему свои услуги по переноскѣ багажа. Такой способъ обращенія съ туземцами трудно было извинить, но здѣсь облегчающими обстоятельствами еще могла послужить вспышка

Digitized by Google

гнѣва, — въ сущности этотъ нѣмецъ былъ добродушенъ и скоро поладилъ съ своими преслѣдователями. Но я не могу вспомнить безъ отвращенія объ одномъ морскомъ офицерѣ, совершенно хладнокровно, безъ всякаго, повидимому, повода, угощавшемъ туземцевъ своимъ хлыстомъ: эту операцію онъ производилъ съ такимъ же наглымъ презрѣніемъ, съ какимъ бездушный, разжирѣвшій плантаторъ производитъ ее надъ своими рабами. Я космополитъ, но смотря на этого наглеца, я понялъ, почему нѣмцы шестьдесятъ лѣтъ не могутъ простить французамъ спесь и наглость бонапартовскихъ офицеровъ! И въ эту минуту я симпатизировалъ сицилійцамъ, истребившимъ до послѣдняго своихъ завоевателей, я симпатизировалъ ирландцамъ въ Ирландіи и неграмъ въ Сан-Доминго! Я вовсе не фанатикъ идеи національности; я готовъ согласиться съ дѣятелями революціи 1789 года, что наше рожденіе въ той или другой человѣческой семьѣ есть случайность, а никакъ не принципъ, но я какъ бы чувствую оскорбленіе, когда вижу, что туземца на его собственной землѣ, подлѣ его дома, бьетъ иностранецъ... Бѣдный феллахъ! сколько ты выстрадалъ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, ты теперь скроменъ, воздерженъ, терпѣливъ, какъ верблюдъ, твой старый товарищъ по нуждѣ и горю. И тебя еще бьютъ до сихъ поръ цивилизованные европейцы! Съ какой горечью подумалъ я о тѣхъ трудахъ, которые несешь ты для того, чтобы можно было раскупорить бутылку медоку или шампанскаго, которые были предложены сегодня мнѣ, заѣзжему гостю, на балѣ въ Измаиліи, устроенномъ для насъ твоимъ повелителемъ!

Балъ давался во дворцѣ, который кедивъ выстроилъ въ три мѣсяца, считая сегодняшній день, такъ какъ и нынче еще производились работы. Во многихъ его комнатахъ на всякій случай были приготовлены постели, выписанныя изъ Европы. Что стоилъ этотъ дворецъ со всѣмъ его убранствомъ — мудрено сказать, извѣстно только, что отдѣлка комнатъ для французской императрицы обошлась въ 1,200,000 франковъ. Ночлегъ во дворцѣ былъ предназначенъ для приглашенныхъ высшаго полета; прочіе же гости кедива, имъ же приглашенные, получили на его счетъ помѣщенія въ гостиницахъ. Въ этомъ городѣ, построенномъ среди безпредѣльной пустыни, могли бы жить въ это время развѣ только крезы; взять ванну

Digitized by Google

здѣсь стоитъ 10 франковъ; одинъ господинъ, неполучившій приглашенія кедива, долженъ былъ жить на свой счетъ: за то, что онъ пробылъ въ гостиницѣ нѣсколько болѣе часа, отдохнулъ и перемѣнилъ свой туалетъ, онъ заплатилъ 30 франковъ. Мнѣ пришлось провести ночь въ палаткѣ, гдѣ я получилъ новый, совсѣмъ еще не бывшій въ употребленіи матрацъ и подушку; бѣлье было также совершенно чисто. Подлѣ нашихъ палатокъ, въ огромномъ сараѣ были накрыты столы для обѣда. Вино было подано въ изобиліи и прекраснаго качества. Но несмотря на изобиліе какъ яствъ, такъ и напитковъ, многіе жаловались, что остались голодны. За питаніе каждаго изъ насъ кедивъ платилъ 50 франковъ въ день, но доставать кушанья приходилось чуть не съ боя. Я очень былъ радъ, что сегодня могъ овладѣть хлѣбомъ, сыромъ, сухими финиками и бутылкой вина, и этими невзыскательными припасами насытился какъ слѣдуетъ. Многимъ недостало стульевъ и они ѣли стоя. Такой бивуачный обѣдъ, какъ новость, былъ интересенъ, но нашлись чудаки, которые сердились, что въ пустынѣ имъ не подавали обѣдъ съ такимъ же конфортомъ, какъ у Вефура или Тортони.

Въ полдень солнце страшно жгло и я отправился къ измаильской достопримѣчательности—къ фонтану. Здѣсь я засталъ многочисленную публику; всѣхъ изумляла сила паденія воды въ этомъ фонтанѣ, устроенномъ посреди жгучаго, сыпучаго песку.

Вдругъ произошло движеніе въ толпѣ и она бросилась на уголъ улицы, я поспѣшилъ туда же. Проѣзжала французская императрица въ желтой амазонкѣ, сопровождаемая большой кавалькадой разныхъ раззолоченныхъ мундировъ; всѣ они ѣхали на дромадерахъ въ лагерь баши-бузуковъ. Какъ женщины, такъ и мужчины были одѣты въ самые фантастическіе костюмы. Арабы не отставали отъ своихъ гостей европейцевъ, и изъ всего этого вышелъ престранный маскерадъ. Востокъ и Западъ съ изумленіемъ смотрѣли одинъ на другого, каждый находилъ другъ друга смѣшнымъ. Только надменный Западъ выражалъ въ слухъ свое изумленіе, а сдержанный Востокъ довольствовался изумленіемъ про себя.

Въ лагерѣ происходили разныя игры, гремѣла музыка, наѣздники показывали свое искуство и бѣгъ своихъ лошадей, и въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи преимущество осталось, разумѣется, за сынами пустыни. Но объ ихъ ловкости на конѣ такъ много писано и въ стихахъ, и въ прозѣ, что не зачѣмъ повторять здѣсь эти описанія, которыя я провѣрилъ собственными наблюденіями и долженъ сознаться, что они нисколько не преувеличены.

Но становилось уже поздно, солнце заходило за горизонтъ, наступилъ часъ омовеній, предписанныхъ кораномъ. Туземцы омывали свое лицо и другія части тѣла публично, нисколько не стѣсняясь. Не стѣснялись они и при другихъ отправленіяхъ организма... Надобно видѣть это омовеніе, чтобы понять, насколько эти арабы грязны и неопрятны... Въ ихъ палаткахъ и подлѣ палатокъ грязь и вонь невыносимыя.

Въ случаѣ недостатка воды или даже чистой воды, вѣрующимъ предписано дѣлать омовеніе пескомъ и даже голышами. Молятся они очень усердно, обращаясь лицомъ къ сторонѣ Мекки, а самые ревностные во время религіозныхъ упражненій должны проползти извѣстное пространство на колѣняхъ. Меня въ особенности удивило одно странное религіозное упражненіе: двѣнадцать человѣкъ образовали кругъ, непрерывно кланялись въ середину, и въ тоже время пѣли какую-то религіозную пѣснь, то протяжно, то скоро, однообразнымъ ритмомъ, похожимъ на блеяніе овецъ. Кто не успѣлъ попасть въ кругъ, стоялъ въ сторонѣ, повторяя молитву про себя.

Насмотрѣвшись на эти диковины, я возвратился въ городъ, время было готовиться къ наступающему балу, который открывался въ девять часовъ вечера. Когда я вошелъ, залы уже были наполнены гостями. Никогда въ жизни мнѣ не случалось видѣть разомъ столько различныхъ форменныхъ одеждъ, вышитыхъ золотомъ, серебромъ, обшитыхъ галунами, столько лентъ, звѣздъ, орденовъ. Залы были роскошно убраны, позолотой не поскупились и разсыпали ее всюду ужь слишкомъ щедрою рукою. Да впрочемъ, и некогда было подумать о всѣхъ тонкостяхъ. Сто дней тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь расхаживаютъ наши дамы, слишкомъ декольтированныя и усыпанныя бриллiантами, — на томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ диваны и софы — былъ глубокій сыпучій песокъ. Постройка и убранство этого дворца обошлись въ 30 милліоновъ франковъ. Жара была нестерпимая, а новые гости все прибывали и прибывали. Я почувство-

Digitized by Google

валъ головокруженіе — и поспѣшилъ къ выходу. Но не такъ-то легко было достигнуть его. Послѣ страшныхъ усилій мнѣ наконецъ удалось выйдти въ садъ, гдѣ въ это время въ особой бесѣдкѣ ужинали кедивъ съ французской императрицей, австрійскимъ императоромъ и прусскимъ принцемъ. Оттуда я прошелъ на улицу; вдругъ мой слухъ былъ пораженъ знакомыми мотивами... Что это такое? Эту музыку я слышалъ въ Кадиксѣ... Играли испанцы. Далѣе, что ни шагъ, то музыканты или пѣвцы—европейскіе или арабскіе. Иду еще далѣе и одна сцена меня живо заинтересовала. Кругомъ палатки, изъ которой доносились голоса пѣвицъ, собралась большая толпа любопытныхъ. Я вошелъ въ палатку и въ глубинѣ ея, на возвышеніи, замѣтилъ группу женщинъ, сидящихъ на корточкахъ. Сцена, ими занятая, была слабо освѣщена красноватымъ свѣтомъ лампы. Онѣ были одѣты довольно богато въ шелковыя платья, на шеѣ и на рукахъ у нихъ блестѣли драгоцѣнные камни. Двѣ изъ нихъ курили папиросы, оставляя ихъ, когда приходила очередь пѣть хору, аккомпанирующему примадоннѣ, здоровой женщинѣ, съ бубномъ въ рукахъ. Публикѣ какъ видно нравилось пѣніе и она по временамъ подтягивала хору. Мой ближайшій сосѣдъ таялъ отъ восторга, впиваясь глазами въ одну изъ пѣвицъ съ сильно развитыми формами; о своемъ восторгѣ онъ поспѣшилъ сообщить и мнѣ, съ энтузіазмомъ безпрестанно повторяя: какая красавица! какая красавица! Я не могъ сочувствовать его восторгу, находя эту даму дѣйствительно замѣчательной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но ужь никакъ не красавицей. Наслушавшись пѣнія, я вышелъ на улицу и побрелъ куда глаза глядятъ. Недалеко отъ дороги, ведущей въ портъ, я замѣтилъ большее сборище людей, толпившееся подлѣ какого-то барака. Въ баракъ никого не впускали. Верхняя часть одной стѣны барака была замѣнена кисеей; за этой преградой танцорки выдѣлывали разныя па.

Меня нѣсколько удивили принятыя предосторожности относительно танцорокъ, разобщенныхъ съ внѣшнимъ міромъ и заключенныхъ какъ бы въ крѣпости. Одинъ изъ моихъ сосѣдей обязательно разъяснилъ мнѣ эту кажущуюся странность.

— Видите-ли, европейскіе матросы — народъ безцеремонный и

Digitized by Google

дерзкій; опасались, что они перепьются и тогда могутъ броситься на танцорокъ, съ цѣлью ихъ похитить, или...

Я поблагодарилъ за разъясненіе и хотѣлъ удалиться, но въ это время подошли ко мнѣ два шейка и пригласили выпить съ ними кофе. Я принялъ ихъ приглашеніе и послѣдовалъ за ними на почетное мѣсто, гдѣ и усѣлся, подобно имъ, поджавъ подъ себя ноги. Шейки старались быть любезными хозяевами и охотно удовлетворяли моему любопытству, обязательно отвѣчая на всѣ мои вопросы, разъясняя, насколько могли, мои недоумѣнія.

Я простился съ моими любезными собесѣдниками и снова вышелъ на воздухъ. Музыка раздавалась въ моихъ ушахъ, разнообразныя впечатлѣнія тѣснились въ моемъ мозгу. А луна свѣтила такъ нѣжно, звѣзды блестѣли такъ ярко! Было уже очень поздно. Усталый вернулся я въ свою палатку, поспѣшилъ лечь въ постель, но долго не могъ заснуть.

Такъ кончился для меня странный пышный праздникъ въ Измаиліи.

НА СЕНААРѢ, 7 (19) и 8 (20) *ноября*.

Но надобно было серьезно подумать, какими средствами выбраться изъ Измаиліи. „Гвіана“ уже не была въ нашемъ распоряженіи; также нечего было и пытаться найдти мѣсто на „Пелузѣ“. Однакожъ такъ или иначе, но слѣдовало добраться до Суэза. Въ Измаиліи шла страшная суматоха: по улицамъ везли и несли различные предметы, предназначенные къ отправленію въ Суэзъ. Чиновникъ кедива, распоряжающійся пріемомъ гостей вице-короля, совершенно потерялъ голову: чтобы избавиться отъ докучливыхъ требованій, онъ взвалилъ всю отвѣтственность на своего помощника, тотъ, въ свою очередь, буквально подражалъ своему начальнику и, вмѣсто себя, выставилъ тоже своего помощника; а этотъ послѣдній предалъ намъ на жертву какую-то маленькую административную спицу, неимѣвшую никакого значенія. Значитъ съ этой стороны нечего было ожидать толка и намъ оставался только одинъ рессурсъ: отправиться по желѣзной дорогѣ, но въ 11 часовъ уже закрыли кассу и объявили, что не станутъ выдавать билетовъ.

Digitized by Google

Я, также, какъ и многіе другіе, не имѣлъ нигдѣ пристанища. Что было дѣлать? Къ моему благополучію я столкнулся съ Смалли. Онъ дѣйствовалъ съ достодолжной энергіей и успѣлъ убѣдить высшихъ египетскихъ сановниковъ, что журналисты, пользующіеся въ своей странѣ замѣтнымъ вліяніемъ, пріѣхали на открытіе канала по приглашенію кедива вовсе не затѣмъ, чтобы ожидать среди пустыни, когда окончится праздникъ и ихъ заберетъ какой нибудь отставшій корабль, что они имѣютъ право требовать, чтобы ихъ приняли на корабли, идущіе во главѣ экспедиціи. Его краснорѣчіе убѣдило египетскихъ сановниковъ и они дали приказаніе принять насъ на египетскій военный корабль „Сенааръ". Египетскій адмиралъ, которому мы вручили приказаніе принять насъ на его корабль, черезъ машиниста-англичанина отвѣчалъ, что онъ охотно приметъ насъ, но долженъ предупредить, что ему нечѣмъ будетъ насъ кормить и мы сдѣлаемъ лучше для себя, если возвратимся на берегъ и поищемъ другихъ средствъ для переѣзда въ Суэзъ. Мы отвѣчали, что готовы голодать, и требуемъ, чтобы спустили трапъ. Наше желаніе было исполнено.

„Сенааръ" небольшое военное судно, вооруженное семью аристронговыми пушками. Оно построено въ Англіи для англійской эскадры въ Китаѣ и продано кедиву. Войдя на палубу, мы замѣтили сидящихъ подлѣ пушки четырехъ англичанъ, которые, какъ мы узнали впослѣдствіи, были приняты на корабль на тѣхъ же условіяхъ, какъ и мы. Двое изъ нихъ были депутаты бирмингэмской торговой палаты, третій рисовальщикъ для „Англійской иллюстраціи" и четвертый—корреспондентъ газеты „Bombay Times".

Оставалось только узнать, когда мы отправимся, и пойдемъ ли въ головѣ или хвостѣ экспедиціи. Но получить на этотъ счетъ положительныя свѣденія было почти невозможно: несмотря на точное распредѣленіе мѣстъ, которыя долженъ занимать каждый корабль, никто, повидимому, знать не хотѣлъ этого распредѣленія; всякій желалъ идти впереди, отчего происходили безпорядки, напрасная потеря времени и была опасность столкновеній между судами, которая могла сопровождаться печальными послѣдствіями. „Сенааръ" по росписанію долженъ бы былъ идти изъ числа первыхъ, но какъ корабль египетскій, онъ на египетскихъ водахъ желалъ оказать

Digitized by Google

вѣжливость иностранцамъ, и потому дозволилъ опередить себя всѣмъ иностраннымъ кораблямъ, которые только хотѣли воспользоваться его деликатностію. Такимъ образомъ мы пошли почти въ хвостѣ эскадры.

Между тѣмъ намъ слѣдовало позаботиться о своемъ пропитаніи. Смалли, которому не удалось сегодня даже позавтракать, принялъ этотъ вопросъ близко къ сердцу и быстро разрѣшилъ его. Пока мы стояли еще на якорѣ, онъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ бирмингэмцевъ, переѣхалъ на сосѣдній марсельскій корабль „Тонарегъ", нанятый на общій счетъ 24 мужчинами и 2 дамами, которые, по окончаніи праздника открытія Суэзскаго канала, намѣревались посѣтить Смирну, Константинополь, Афины и главные города Италіи. Смалли описалъ имъ наше горестное положеніе, осуждающее насъ на двухъсуточный постъ и просилъ позволенія пріобрѣсти на ихъ кухнѣ нѣкоторые необходимые для насъ припасы. Ему отвѣчали, что подобный случай не входилъ въ ихъ разсчеты, сами они не могутъ похвастать обиліемъ запасовъ, но въ виду нашего безвыходнаго положенія готовы намъ помочь и предложили Смалли обратиться къ метръ-д'отелю и выбрать, что намъ надо. Такимъ образомъ мы пріобрѣли въ достаточномъ количествѣ сухари, анчоусы, копченый языкъ, сыръ и бордосское вино. Но любезные хозяева „Тонарега" отказались взять какую бы то ни было плату за отпущенные припасы. Замѣчательно, что ни они не узнали нашихъ именъ, ни мы ихъ.

На другой день нашего плаванія, съ нами разлюбезничался и адмиралъ, угостивъ насъ легкимъ, но хорошимъ обѣдомъ.

На „Сенаарѣ" мы пробыли 45 часовъ. Во время пути мы нѣсколько разъ останавливались, получая сигналы отъ впереди идущихъ судовъ и каждый разъ узнавали, что причиной остановки „Пелуза", которой суждено было переходить отъ приключенія къ приключенію.

Адмиралъ и капитанъ „Сенаара" получаютъ весьма небольшое жалованье, но корабельный поваръ, нѣмецъ, и механикъ, англичанинъ, получаютъ каждый по 500 франковъ въ мѣсяцъ. Матросы народъ неповоротливый, пассивный; имъ даютъ жалованья всего по 6 $^1/_4$ франковъ въ мѣсяцъ! Они прислуживали намъ охотно, съ преду-

Digitized by Google

предительностію. Ночью всѣ они спали на палубѣ, завертываясь въ свои холщевые плащи. Они, какъ и вообще всѣ жители Египта, страдаютъ воспаленіемъ глазъ.

Отъ Измаиліи до Горькихъ озеръ видъ мѣстности крайне монотонный. Усталый отъ этого однообразія, глазъ съ удовольствіемъ останавливается на Горькихъ озерахъ, которые въ сущности нездоровое болото; Красное море влило въ нихъ изъ себя 1,900 милліоновъ кубическихъ метровъ воды. Въ Измаиліи озеро Тимзахъ заключаетъ въ себѣ всего только 80 милліоновъ.

Не доѣзжая до Горькихъ озеръ существуетъ порогъ Серапеумъ; онъ возбуждалъ серьезныя опасенія, однакожъ весь нашъ караванъ миновалъ его благополучно. Слѣдующій за нимъ порогъ Шалуфъ пройденъ былъ также безъ всякихъ приключеній.

Но первыя суда нашего каравана уже подошли къ Суэзу. Намъ же выпала горькая участь: мы опоздаемъ къ первому празднику и бросимъ якорь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

СУЭЗЪ, *9 (21) ноября.*

При яркомъ солнечномъ освѣщеніи одни изъ послѣднихъ мы вошли въ рейдъ Суэза. Видъ былъ простъ и величественъ. На высокой красноватой скалѣ намѣчено было сильное укрѣпленіе, а у подножія ея разбросался городъ Суэзъ, одна изъ будущихъ міровыхъ столицъ, нынче же неопредѣленная куча изъ шатровъ и маленькихъ домишекъ. Напротивъ него, въ туманномъ отдаленіи высится гора Синай; влѣво идетъ пустыня. Мы находились теперь въ одномъ изъ центровъ міра, между Европою, Азіею и Африкою. Великій фактъ прорытія канала совершился, онъ прославитъ нашу генерацію и дастъ ей почетное мѣсто въ исторіи человѣчества! Здѣсь не было теперь ни дружейныхъ выстрѣловъ, ни грохота пушекъ, какъ въ Портъ-Сайдѣ, но царствовала торжественная тишина и чистое лазурное небо смотрѣло такъ привѣтливо. Мысль работала и думы влекли въ будущее.

Мы распрощались съ „Сенааромъ“ и на его лодкѣ отправились въ Суэзъ. Переѣздъ нашъ длился три четверти часа; мы высади-

Digitized by Google

лись подлѣ англійскаго отеля, но тутъ узнали, что поѣздъ желѣзной дороги отходитъ въ Каиръ черезъ 20 минутъ, и что намъ надо торопиться, чтобы успѣть запастись билетами. Мы, разумѣется, послѣдовали благому совѣту.

Въ это время Суэцъ, надо правду сказать, не представлялъ собой ничего привлекательнаго. Солнце жгло страшно и мелкая песочная пыль столбами стояла въ воздухѣ и густо покрывала стѣны и окна домовъ. Англійскій языкъ господствовалъ на вывѣскахъ. Цѣны на все варварскія. За какую-то дыру въ гостиницѣ требовали 125 франковъ въ день съ каждаго человѣка, неполучившаго приглашенія отъ кедива. Слѣдовательно благоразуміе требовало постараться, какъ можно скорѣе уѣхать въ Каиръ.

Что дѣлать въ пустынѣ, какъ не размышлять? Я долженъ былъ привести въ порядокъ идеи насчетъ канала. Меня послали на его открытіе вовсе не за тѣмъ, чтобы я удовольствовался живописнымъ описаніемъ его, — нѣтъ, въ качествѣ журналиста я обязанъ дать подробный отчетъ о всемъ, что я видѣлъ, слышалъ, что ощупывалъ руками,—я долженъ объяснить настоящее положеніе, я долженъ сдѣлать изъ него выводы. Я не принадлежу къ числу друзей г. Лессепса, я также не чувствую къ нему никакой вражды, и могу съ полнымъ безпристрастіемъ сказать, что считаю его дѣло дѣломъ великимъ, изумительнымъ.

Проѣхавъ весь каналъ отъ начала его до конца, я имѣлъ много случаевъ бесѣдовать съ развитыми путешественниками, съ людьми компетентными и лично незаинтересованными въ предпріятіи и ни одинъ изъ нихъ не могъ не согласиться, что это предпріятіе, не только велико по своей идеѣ, но вмѣстѣ практично и серьезно. Опытъ былъ сдѣланъ, цѣлый флотъ прошелъ изъ Средиземнаго моря въ Красное, и теперь уже невозможно считать предпріятіе химерой и утопіей. Фактъ на лицо: туннель между двуия мірами прорытъ и имъ можетъ пользоваться всякій. Если и есть кое-какія неисправности, если многое еще не вполнѣ окончено, то для исправленія и окончанія не представляется непреодолимыхъ преградъ. Цифры въ этомъ случаѣ могутъ дать удобный матеріялъ для правильной оцѣнки факта. Цифры сдѣланныхъ уже издержекъ извѣстны

Digitized by Google

въ точности, не трудно также опредѣлить цифру затратъ, необходимыхъ для совершеннаго окончанія предпріятія.

160 километровъ канала стоили 374 милліона франковъ; одинъ километръ (465 сажень) 2,350,000 франковъ. Это не дешево— правда, но всего въ 6 разъ дороже средней стоимости километра французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Правда, Компаніи не приходилось ни гроша издержать по отчужденію земель, но какія непомѣрныя затраты она должна была сдѣлать на машины, какую громадную заработную плату ей приходилось назначать рабочимъ. Послѣдніе брали иногда отъ 12 до 14 франковъ въ день.

Многіе обвиняли компанію въ мотовствѣ,—въ томъ, что она давала себя эксплуатировать первымъ антрепренерамъ. Утверждали, что Лессепсъ придавалъ слишкомъ большую цѣну рекомендаціямъ отъ высокопоставленныхъ лицъ и давалъ большія содержанія людямъ неспособнымъ, которые поэтому дѣлали очень мало или портили и, въ свою очередь, покровительствовали своимъ подчиненнымъ фаворитамъ. Чрезъ это контроль былъ слабый, деньги тратились непроизводительно, а самъ Лессепсъ, упоенный лестью, закрывалъ глаза на всѣ эти безпорядки. Высчитали, что вмѣсто 374 милліоновъ можно было истратить даже нѣсколько менѣе 300 и все-таки довести предпріятіе до того положенія, въ которомъ оно находится теперь.

Разумѣется, путешественнику, неимѣющему въ рукахъ данныхъ, трудно повѣрить справедливость тѣхъ и другихъ вычисленій и потому принять ту или другую сторону. Но дѣло въ томъ, что спорные 75 милліоновъ составляютъ непроизводительную затрату пятой части всего капитала. Если такую мѣрку перенести на желѣзныя дороги, напримѣръ, на французскія, то легко убѣдиться, что въ этихъ предпріятіяхъ потеря не только пятой, но даже четвертой и третьей части капитала не рѣдкость. Тутъ дѣло не въ распорядителѣ предпріятіемъ, а въ цѣлой системѣ, представителями которой служатъ инженеры и подрядчики, споконъ вѣка умѣющіе гдѣ можно утянуть лишнія копѣйки въ свою пользу.

О непроизводительной растратѣ этихъ 75 милліоновъ не стоило бы, разумѣется, и упоминать, еслибъ каналъ былъ совершенно оконченъ. Но на самомъ дѣлѣ въ немъ еще много прорѣхъ. По всей длинѣ каналъ долженъ бы имѣть 8 метровъ глубины. Мѣстами и теперь онъ

Digitized by Google

даже доходитъ до 9, но мѣстами уменьшается до 7, до 6 и даже до 5; на послѣдней глубинѣ засѣла „Пелуза". Отъ одного берега до другого ширина канала должна имѣть 100 метровъ,—и съ этой стороны нельзя сдѣлать упрека строителямъ. Почему же они такъ исправны въ этомъ отношеніи и неисправны въ другихъ? А потому, что верхнюю ширину канала всякій можетъ самъ видѣть. Не то съ внутренней шириной на днѣ канала; она должна бы быть въ 22 метра; но мѣстами доходитъ до 18, до 16 и даже до 11. Это обстоятельство помѣшало „Гвіанѣ" выйдти изъ Портъ-Саида. Но даже и 22 метра недостаточны, слѣдовало нормой положить 33.

Впрочемъ, церемонія открытія канала доказала, что по немъ и теперь уже могутъ ходить довольно большіе корабли. А на такихъ-то корабляхъ, разумѣется, и будутъ перевозиться товары изъ Азіи въ Европу и обратно. На большихъ разстояніяхъ транспортировка производится всегда на вмѣстительныхъ судахъ. Кромѣ того только предпріятія, основанныя на большіе капиталы, будутъ въ состояніи платить огромный тарифъ по 10 франковъ съ тонны и съ пассажира за проходъ черезъ каналъ. Корабль въ 2,000 тоннъ принужденъ будетъ разомъ заплатить 20,000 франковъ только за право прохода. Десять франковъ за 160 километровъ, вѣдь это составитъ почти 7 сантимовъ за километръ. Принимая во вниманіе, что каналъ стоитъ уже 375 милліоновъ франковъ, что на него еще придется употребить значительную сумму, что онъ за тѣмъ потребуетъ значительный ремонтъ,—тарифъ въ 10 франковъ не покажется чрезмѣрнымъ. Но является вопросъ: не выгоднѣе ли для компаніи, разсчитывая на усиленіе движенія по каналу, уменьшить этотъ тарифъ? Но разрѣшить такой вопросъ въ настоящее время можно только гипотетически—слѣдуетъ подождать, что скажетъ первый годъ опыта.

Но за то легко разрѣшить другой вопросъ. Опытъ показалъ, что теперь суда, сидящія въ водѣ 5 метровъ, съ трудомъ проходятъ по каналу. А такія суда еще не изъ самыхъ большихъ. „Пелуза" вмѣщаетъ въ себѣ 1,600 тоннъ и сидитъ въ водѣ 4,8 метра. Она, правда, прошла, но съ большимъ трудомъ, и шла медленно. Между тѣмъ необходимо, чтобы такія суда могли идти

Digitized by Google

день и ночь безостановочно, со скоростію по крайней мѣрѣ 10 километровъ въ часъ.

Чтобы достичь такого результата, необходимо ширину дна сдѣлать въ 33 метра, для чего потребуется еще 18 мѣсяцевъ работы. Затраты придется сдѣлать большія. При средней цѣнѣ 2 франка 45 сантимовъ за кубическій метръ, вся работа обойдется около 80 милліоновъ франковъ. Но, говорятъ, что находятся антрепренеры, желающіе взять дополнительныя работы по $1\frac{1}{2}$ франка за кубическій метръ, что, разумѣется, значительно сократитъ валовую цифру расхода.

Можно бы сказать еще многое, но по неимѣнію достаточныхъ фактовъ приходится умолчать, напримѣръ, по вопросу объ отчужденіи земель, принадлежащихъ компаніи въ Портъ-Саидѣ, Измаиліи и Суэзѣ, которыя она продаетъ на 10 лѣтъ и слишкомъ дорого, что, повидимому, тормозитъ развитіе въ этихъ мѣстахъ промышленности, и по многимъ другимъ вопросамъ.

Во всякомъ случаѣ, въ результатѣ оказывается, что для совершеннаго окончанія предпріятія необходимо затратить еще отъ 65 до 75 милліоновъ франковъ,—сумму, въ сущности, незначительную, которую можно легко пріобрѣсти, продавъ дюжину или полудюжину броненосныхъ судовъ. Но будетъ ли компанія имѣть возможность легко достать эти 75 милліоновъ? Позволительно сомнѣваться, если вспомнить исторію послѣдняго ея займа, подписка на который покрыла только третью часть необходимой суммы, да и то, чтобы его совершенно реализировать, пришлось прибѣгнуть къ пособію лоттереи, къ чему вовсе не слѣдъ прибѣгать такой общеполезной компаніи, какъ компанія прорытія Суэзскаго канала.

Если доходы компаніи, которые скоро начнутъ поступать въ ея кассу, будутъ значительны, нѣтъ сомнѣнія, что подписка на необходимый для нея заемъ, пойдетъ хорошо. Но еслибы этого не случилось, то единственный совѣтъ, который можно дать старымъ акціонерамъ — это отказаться отъ дивидента до тѣхъ поръ, пока предпріятіе не будетъ приведено къ настоящему концу. Когда же это совершится, когда каналъ принесетъ тѣ великія услуги, какія онъ долженъ принести, тогда, нѣтъ сомнѣнія, предпріятіе будетъ приносить громадные барыши. Но тогда непремѣнно самъ собою

Digitized by Google

поставится для разрѣшенія слѣдующій вопросъ: должны ли частныя лица на вѣчныя времена держать въ своемъ карманѣ ключъ міра? Каналъ почти на 10,000 верстъ сближаетъ между собой Европу, Индію и Китай. Эти 10,000 верстъ будутъ ли вѣчно принадлежать Лессепсу и его сотоварищамъ? Интересы 200 милліоновъ европейцевъ и 700 милліоновъ азіятцевъ будутъ ли вѣчно подчинены дивидентамъ нѣсколькихъ акціонеровъ? Не слѣдуетъ ли во имя общей пользы отобрать у нихъ это право и поступить съ ними, какъ поступила Англія съ индѣйской компаніей. Еще недавно европейскія націи выкупили право зундскихъ пошлинъ. Не слѣдуетъ ли теперь же поступить точно такъ же съ Суэзскимъ каналомъ и объявить его, Босфоръ и Панаму, международной собственностію. Не слѣдуетъ ли подчинить ихъ распоряженію Высшаго Совѣта изъ соединенныхъ государствъ Европы, Африки, Азіи, Австраліи и Америки.

Такія мысли наполняли мой умъ, когда я былъ въ пустынѣ, когда я проѣзжалъ въ вагонѣ по зеленымъ нильскимъ долинамъ по дорогѣ въ Каиръ, наполненный мечетями и окруженный пальмовыми рощами.

Эли Реклю.

Digitized by Google

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(*Общественный и литературный листокъ.*)

I. СЕЗОНЪ (Изъ дневника петербуржца). . . . . Анонима.

II. НА СВѢЖУЮ ВОДУ! (Письмо изъ провинціи.) . М. Бурбонова.

III. НАШИ ЧИТАТЕЛИ (Юмористическіе эскизы.). . Что въ имени тебѣ моемъ?

IV. ПЕСТРЫЕ ДИФИРАМБЫ . . . . . Странствующаго пѣвца Одноцвѣтнаго.

V. ГРАЖДАНСКІЙ ПОДВИГЪ. . . . . Н. Верхова.

VI. МИКРОСКОПЪ (Разныя замѣтки, мелочи, слухи.) L'homme qui rit.

VII. НАДПИСИ И ЭКСПРОМТЫ . . . . . L'homme qui rit.

Digitized by Google

СЕЗОНЪ.

(Изъ дневника петербуржца.)

Календари и фельетонисты. — Зимній сезонъ и два слова за публику. — Нѣмецкій писатель Тургеневъ и римскій драматургъ Жандръ. — На Петербургъ вмѣсто наводненія опрокидывается драма «Неронъ». — Что отъ этого произошло.—Нѣчто о г. Семевскомъ и о дамѣ, кушающей пепелъ.—Вирши г. Ступишина.—Литературные зазыватели и англійскій лавочникъ.—Сдержанность «Голоса» и скромность «Судебнаго Вѣстника».—«Заря», сама себя поощряющая.—Случай въ маскерадѣ.—Устарѣлая поговорка.—Н. Соловьевъ и его новая книжка.

Если вѣрить календарямъ, а ихъ у насъ легіонъ, то нужно предполагать, что на Невѣ давно наступила зима; если вѣрить фельетонистамъ, которыхъ еще больше, чѣмъ календарей, то зимній сезонъ въ Петербургѣ находится въ полномъ разгарѣ.

Но — старая истина — „всѣ врутъ календари“ и еще больше ихъ врутъ фельетонисты. Ихъ завѣренія совершенно ложны. Во-первыхъ, зимы мы еще не видали и про нынѣшнюю безконечную осень петербуржцы впослѣдствіи будутъ вѣроятно долго говорить:

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ...

Что же касается до разгара зимняго сезона, то и это извѣстіе весьма подозрительно. Въ городѣ больныхъ гораздо болѣе, чѣмъ здоровыхъ, гораздо болѣе похоронъ и поминокъ, нежели праздниковъ и развлеченій. Маскарады пусты. Клубная публика странствуетъ уныло по заламъ, не находя въ клубѣ оживленія и привлекательныхъ новинокъ... Публичныя лекціи въ клубѣ приказчиковъ привлекаютъ очень мало публики. Наша публика не въ томъ настрое-

Digitized by Google

ніи, чтобъ интересоваться лекціями, да и вообще всякими литературными явленіями. Чѣмъ собственно она особенно интересуется теперь—сказать довольно трудно. Вѣрнѣе всего ничѣмъ, кромѣ того, что составляетъ ея личные интересы или что возбудительно щекочетъ ея притупленные нервы. На литературу петербургская публика давно привыкла смотрѣть, какъ на прѣсное блюдо, которому не достаетъ ни соли, ни перцу.

Если петербургскіе журналы гдѣ нибудь читаются, то никакъ не въ самомъ Петербургѣ, а въ провинціяхъ... Провинціалы во всемъ разочаровываются гораздо позднѣе скептической невской столицы. Петербургъ не только мало читаетъ, но даже мало пишетъ, да и то болѣе старыми, ржавыми перьями сошедшихъ со сцены дѣятелей, вдругъ снова неожиданно являющихся. Какой нибудь дѣятель 40-хъ годовъ въ родѣ автора повѣсти „Огненный змѣй“ или другой, ему подобный по залежалости — г. Жандръ, въ наше скудное время вынимаютъ изъ сундуковъ свои надтреснутыя лиры, затканныя паутиной, и снова дебютируетъ передъ обществомъ въ качествѣ старыхъ Орфеевъ, галванизмомъ поднятыхъ изъ могилы. Публика чувствуетъ запахъ ладона и равнодушно отвертывается отъ замогильнаго творчества...

Я смѣло становлюсь на сторону публики. Живые люди требуютъ живой дѣятельности, живыхъ голосовъ, живой мысли. Праху великихъ дѣятелей поклоняются, но если ихъ трупъ издаетъ запахъ разложенія, то мы зажимаемъ носъ и спѣшимъ поискать свѣжаго воздуха, забывши даже о геніальности покойниковъ.

Литературная гигіена тоже требуетъ свѣжаго воздуха... Мы тоже зажимаемъ носы, углубляясь по временамъ въ катакомбы разныхъ патологическихъ изданій и въ произведенія многихъ отжившихъ репутацій... Литературные старьевщики наводятъ на всѣхъ только одну апатію и уныніе...

Гдѣ-жъ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы принять должны за образцы?

Гдѣ они? Посмотрите, что сталось даже съ самимъ г. Тургеневымъ. Въ Россіи перестали курить передъ нимъ фиміамы, и онъ отомстилъ намъ за это, перешелъ къ нѣмцамъ и сталъ писать повѣсти на *„нѣмецкомъ“* языкѣ.

Digitized by Google

Теперь „Голосъ“ переводитъ Тургенева на *р-у-с-к-і-й* языкъ!.. Не знаменательно-ли это?..

Еще удивительнѣе дѣятельность другого писателя, г. Жандра, достойнаго соперника Любича-Романовича. Г. Жандръ, кажется, послѣ столѣтняго молчанія, угостилъ Петербургъ уже не нѣмецкой повѣстью въ переводѣ Ан. Краевскаго, а римской драмой, написанной самодѣльными бѣлыми стихами, отъ слушанья которыхъ можетъ сдѣлаться бѣлая горячка. Давно уже въ Петербургѣ носился слухъ о постановкѣ на сцену драмы г. Жандра „Неронъ“ и къ несчастію общему, не исключая и самого г. Жандра, этотъ слухъ подтвердился. Долго шились новые костюмы, стряпались новыя декораціи, разучивали на изусть новую Телемахиду, нѣкоторые артисты даже заболѣвали отъ такой египетской работы, и спектакль откладывался,—но наконецъ все было готово, всѣ препятствія были отстранены. Бездарность, говоритъ Шиллеръ, не могутъ побѣдить даже самые боги. На дняхъ, въ бенефисъ г. Нильскаго, шла эта безконечная драма, состоящая изъ пяти дѣйствій и *пятнадцати* (!!) картинъ, шелъ этотъ пресловутый „Неронъ“, тянувшійся отъ вечерни до заутрени. Піеса написана такъ хорошо, что большинству сдѣлалось дурно. Многихъ, какъ говорятъ, свезли изъ Маріинскаго театра прямо въ Маріинскую больницу. Кому надоѣло здоровье, тому я совѣтую сходить посмотрѣть на „Нерона“, а разсказывать его содержаніе, я считаю непозволительнымъ насиліемъ. Самому же г. Жандру я могъ бы сказать только одно, что его пьеса такое *мертвое* произведеніе, которое годится болѣе для театра... анатомическаго.

* * *

Нѣтъ, г. Жандру во вѣки вѣковъ не добиться у насъ популярности. Онъ долженъ позавидовать г. Семевскому, который извѣстенъ Петербургу гораздо болѣе автора „Нерона“, хотя первый никогда не писалъ для театра да и вообще ничего никогда не писалъ въ литературномъ значеніи этого слова, а только перепечатывалъ въ журналахъ чужія записки или письма, снабжая ихъ хронологическими примѣчаніями. Таланты г. Семевскаго гораздо разнообразнѣе для успѣха въ обществѣ. Онъ никогда не былъ писа-

Digitized by Google

телемъ, а былъ только переписчикомъ, а между тѣмъ всѣ его считаютъ за литератора. Его знаютъ очень многіе. Вы являетесь въ клубъ и видите, что г. Семевскій читаетъ нѣчто въ родѣ лекціи о томъ, когда въ Петербургѣ были построены первые тротуары, а на Невскомъ проспектѣ устроенъ бульваръ. Назидательное чтеніе на эту тему продолжается весь вечеръ. На другой вечеръ вы пріѣзжаете въ клубъ и видите на сценѣ того же самаго г. Семевскаго, но уже не читающаго исторію петербургскихъ тротуаровъ, а самымъ залихватскимъ образомъ изображающаго Жадова въ „Доходномъ мѣстѣ“ Островскаго. Какъ видите, человѣкъ на всѣ руки и можетъ дойти „до степеней извѣстныхъ“, если не остановится въ развитіи своихъ разнообразныхъ дарованій. Если такія дарованія не приносятъ обществу вреда и даже могутъ развлекать его, то никто не вправѣ глумиться надъ подобными охотниками до какой бы то ни было извѣстности. Я зналъ, напр., одну даму, которая, въ томъ же самомъ клубѣ, гдѣ увеселяетъ публику г. Семевскій, постоянно глотала пепелъ съ той папиросы, которую она курила, и съ такой же охотой проглатывала пепелъ и отъ сигаръ своихъ знакомыхъ. Многія суровыя барыни косились на эту любительницу табачнаго пепла, а между тѣмъ кому какое до этого дѣло, кому какой вредъ отъ этого? Вѣдь „Неронъ“ г. Жандра гораздо зловреднѣе: онъ портитъ вкусъ, рождаетъ мигрень и расположеніе къ грубому обращенію съ ближнимъ... Г. Жандръ гораздо бы сдѣлалъ лучше, если бы для достиженья безобидной популярности сталъ подражать скромной дѣятельности г. Семевскаго или даже занятію той дамы, которая публично кушаетъ пепелъ отъ сигары своего сосѣда...

Итакъ, послѣднее слово о „Неронѣ“ г. Жандра. Чтобы высидѣть до конца эти пяти-актные сценическіе маневры, нужно соблюсти слѣдующія условія: во-первыхъ, въ день представленія выспаться передъ спектаклемъ часовъ шесть, во-вторыхъ, выпить нѣсколько стакановъ крѣпкаго кофе и кромѣ всего этого обладать самымъ готентотскимъ взглядомъ на драматическое искуство.

Для оживленія пьесы и для собственнаго развлеченія публика иногда хлопала и даже вызывала г. Жандра.

— Его бы слѣдовало вызвать... но только на дуэль за такую

Digitized by Google

пятнадцати-картинную дерзость, сказалъ кто-то при разъѣздѣ, въ театральномъ коридорѣ.

Это уже слишкомъ рѣзко сказано, по моему мнѣнію...

* * *

Г. Ступишинъ издалъ недавно *трагедію въ стихахъ*„ Марфа Посадница или покореніе Новгорода“, гдѣ Марфа говоритъ совершенно современнымъ языкомъ и въ 1478 году выражается о себѣ такъ: *„я дочь свободы!“*—но за то самая трагедія написана такими варварскими стихами, которые могли удивить и въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Да и кто рѣшится признать за стихи такія строки:

Что до меня касается, такъ мнѣ
Рѣшительно, гдѣ постановленнымъ
Не быть; лишь только цѣли бы достичь.
. . . . . .
А ежели хотите быть друзьями
И братьями вы намъ, такъ вмѣстѣ съ нами
Возстаньте противъ самовластія
Иванъ Васильевича и Москвы.
Одними пользуемся мы правами
И независимостію вмѣстѣ съ вами...
. . . . . .
Притомъ старинную пословицу
Припомните... и пр. и пр.

Что это такое, господа? Только во всякомъ случаѣ не стихи..

* * *

Отъ общественныхъ дѣятелей трудно ожидать самоотрицанія, но скромности мы отъ нихъ вправѣ требовать.

— „Вотъ чего захотѣлъ—скромности!.. Да еще передъ новымъ годомъ!“ могутъ съ негодованіемъ крикнуть мнѣ тѣ газетные „зазыватели“, которые изъ кожи лѣзутъ, чтобъ покрасивѣе и позаманчивѣе написать свои „объявленія“ передъ подпиской.

Дѣйствительно, имъ теперь не до галантерейности. Даже олимпійцы „Московскихъ Вѣдомостей“ не пренебрегаютъ нынче систе-

Digitized by Google

мой „зазывательства“ и несмотря на то, что нѣтъ даже никакихъ слуховъ объ уменьшеніи телеграфной таксы, они смѣло заявляютъ, что „предстоящее въ будущемъ году пониженіе внутренней телеграфной таксы дастъ возможность произвести существенное улучшеніе въ изданіи „Мос. Вѣдомостей“. Улучшеніе давно уже необходимо, но только его можетъ произвести не пониженіе телеграфной таксы, а повышеніе здраваго смысла и добросовѣстности самой редакціи.

Г. Старчевскій распинается передъ публикой за свою „Сѣвер. Пчелу“, а „Биржев. Вѣд.“ пускаютъ въ ходъ всевозможныя сплетни и даже, въ виду подписки, пустили утку о прекращеніи „Спб. Вѣд.“ въ будущемъ году.

Газетные зазыватели не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобъ привлечь побольше народу къ своей лавочкѣ, но увы! Богъ ихъ обидѣлъ изобрѣтательностью иностранныхъ рекламистовъ, которыхъ шарлатанство отчасти искупается ихъ находчивостью и остроуміемъ. Русскіе газетчики хоть бы поучились у англійскихъ лавочниковъ разнообразію способовъ для привлеченія къ себѣ публики. Очень недавно, напр., въ нѣкоторыхъ лондонскихъ газетахъ два дня сряду печаталась слѣдующая публикація: „милый мой Черли, сердце мое изнываетъ. Приходи завтра на выставку крупнаго скота: мы встрѣтимся около двухъ часовъ, въ концертной залѣ, у клѣтки № 53. Ты меня не заставишь ждать напрасно, неправда-ли? твоя на вѣки — Лаура“. Лондонскую публику, разумѣется, заинтересовало это объявленіе и цѣлыя толпы любопытныхъ въ назначенный часъ ринулись на мѣсто свиданія. Время шло; каждый искалъ глазами милаго Черли и прекрасную Лауру и, понятно, не находилъ. А толпа, между тѣмъ, все увеличивалась и въ ожиданіи трогательной сцены, разсматривала магазины и дѣлала покупки. Купецъ, сочинившій заманчивую публикацію, остался въ большихъ барышахъ.

Вотъ какой изобрѣтательности недостаетъ г. Трубникову и К°. Спекулировать имъ смерть какъ хочется, а въ находчивости и фантазіи они не могутъ соперничать даже съ книгопродавцемъ Лисенковымъ...

Digitized by Google

* * *

Въ сдержанномъ и приличномъ тонѣ петербургскихъ газетъ намъ съ умиленіемъ приходится убѣждаться почти каждый день. На выдержку вотъ два примѣра. Читай, россіянинъ, и чествуй прогрессивную нашу прессу. Всѣмъ извѣстна, конечно, манифестація дерптскихъ студентовъ передъ квартирою ихъ приватъ-доцента Валькера и затѣмъ приговоръ университетскаго суда, который на время удалилъ изъ университета двухъ студентовъ, а остальныхъ приговорилъ къ аресту въ карцерѣ на три, на двѣ недѣли и на восемь дней. „Голосъ", перепечатавшій подробно это извѣстіе, заключилъ его слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Нельзя при этомъ не обратить вниманія, говоритъ эта газета, на умѣренность взысканій"...

Хвалю „Голосъ" за такую сдержанность... „Голосъ" не любитъ ничего умѣреннаго, даже наказанія. Хвалю!..

Еще лучше—игривость „Судебнаго Вѣстника", въ фельетонѣ котораго канканируетъ какой-то докторъ Опальный. Этому опальному фельетонисту не пришлась по вкусу одна журнальная статья, и онъ, махнувъ рукой на всѣ литературныя приличія, съ предупредительностью Держиморды прямо заявилъ, что не мѣшало бы за авторомъ присматривать участковому надзирателю. Мы думаемъ, что эту обязанность всего лучше исполнитъ самъ докторъ *Опальный*.

* * *

Хвастливость очень свойственна людямъ, мало увѣреннымъ въ своихъ силахъ. Истинно сильные люди всегда скромны. Псевдоэстетики „Зари" тоже стали хвастаться передъ новымъ годомъ. „Заря", этотъ—

«Тощій плодъ, до времени созрѣлый,

безъ самохвальства, какъ она выражается, увѣряетъ, что *ея направленіе—ясно*, что она „заняла опредѣленное положеніе въ литературѣ", что она имѣетъ „свое особое дѣло, которое всего ближе къ истиннымъ интересамъ русской жизни..." И это называется—говорить безъ самохвальства!!. И замѣтьте, что это говоритъ „Заря",

Digitized by Google

„оптовый складъ“ эстетическихъ дѣятелей, носящихъ постоянную фантонель „искуства для искуства“.

Затѣмъ „Заря“ съ гордостью указываетъ на имена и труды своихъ сотрудниковъ, въ родѣ Боева, Руновскаго, Хрущева, Авсѣенко и другихъ *знаменитостей*... Много подобныхъ именъ красуется въ объявленіи „Зари“, но за то, къ моему удивленію, въ ней не участвуютъ совершенно подходящія къ ея характеру дѣятели, какъ-то гг. Щегловъ, Охочекомонный и наконецъ г. Заринъ... Странно!...

Въ «*Зарѣ*»—нѣтъ *Зарина!*..
Престранное явленье!..
Вѣдь Зарина творенья
Одна «Заря» должна
Печатать безъ смущенья...

***

На дняхъ мнѣ случилось быть въ маскарадѣ. Ко мнѣ подошла маска, по всѣмъ примѣтамъ и соображеніямъ—довольно пожилая и некрасивая. На любезности маски я отвѣчалъ молчаніемъ, намековъ ея будто бы не понималъ.

— Что за проклятый вѣкъ! сказала она наконецъ.—Неужели нынче не похищаютъ женщинъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я ей,—нынче похищаютъ однихъ только мужчинъ.

***

Всѣ древнія русскія пословицы устарѣли для нашего времени. Напримѣръ, одна изъ пословицъ гласитъ: „*Паръ костей не ломитъ...*“

— „Кромѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ“, замѣтилъ мнѣ одинъ пріятель: „тамъ постоянно *паръ ломаетъ кости*“.

***

На этихъ дняхъ въ Петербургѣ была всеобщая перепись. Въ одной графѣ обозначается вопросъ: „холостъ, вдовъ или женатъ?“

Digitized by Google

Каждому, разумѣется, не трудно отвѣтить на такой вопросъ. Всякій изъ гражданъ или холостой, или женатый или вдовецъ. Вѣдь, кажется, такъ? Нѣтъ, ошибаетесь. По мнѣнію Н. Соловьева, издавшаго недавно книжку „Женщины и дѣти", есть еще особая порода двуногихъ существъ, которыхъ онъ называетъ: *„холостыми сердцемъ людьми..."* Слава Богу, что въ бланкахъ статистическаго комитета нѣтъ особаго вопроса о томъ: „холостой ли ты сердцемъ человѣкъ или женатый?" Тогда всякій бы сталъ въ тупикъ передъ такою графою...

Гдѣ же, наконецъ, и кто они такіе—эти „холостые сердцемъ люди?"

***

Тотъ же чревовѣщатель Н. Соловьевъ высказалъ въ своей книжкѣ такую удивительную мысль: „Безъ преувеличенія можно сказать, что въ томъ домѣ, который оглашается звуками фортепіано, бываетъ меньше ссоры и крика".

Прежде, чѣмъ произносить эту фразу, г. Соловьеву слѣдовало посовѣтываться съ авторомъ „Петербургскихъ трущобъ", и Вс. Крестовскій объяснилъ бы ему, что въ притонахъ его любезныхъ героинь день и ночь не умолкаютъ звуки фортепіано и въ тоже время день и ночь ссоры переходятъ въ крики, а крики въ побоища.

Если есть „холостые сердцемъ люди", то самого г. Соловьева мы смѣло можемъ назвать „вдовымъ мыслями человѣкомъ".

Анонимъ.

НА СВѢЖУЮ ВОДУ!

(Письмо изъ провинціи отставн. маіора Михаила Бурбонова.)

Давненько мнѣ не случалось брать пера въ руки. Старъ сталъ, глаза слабы. Перебравшись изъ шумной столицы въ мирный хуторъ, я уже болѣе двухъ лѣтъ опочилъ отъ всѣхъ литературныхъ трудовъ и только по старой привычкѣ интересуюсь постоянно вся-

Digitized by Google

кими новыми явленіями россійской журналистики. Такъ старый боевой конь, услыша военную трубу, начинаетъ ржать и плясать, хотя бы онъ былъ запряженъ въ чухонскую одноколку.

Совершенно неожиданно для самого себя мнѣ приходится теперь прервать свое молчаніе. Вашъ петербургскій медикъ Ханъ меня къ этому понуждаетъ. За тѣмъ прошу прослушать. Въ началѣ прошлаго года извѣстился я черезъ газеты, что въ Петроградѣ появился новый журналъ г. Тиблена „Современное обозрѣніе". Старое сердце мое взыграло, слухи о новомъ изданіи носились хорошіе. Выписалъ я его. Полдюжины книжекъ „Современнаго Обозрѣнія" я получилъ. Доволенъ ли я былъ имъ или нѣтъ, объ этомъ умолчу. Есть какая-то латинская фраза... какъ бишь она?.. ну, да однимъ словомъ, скажу по-русски: о мертвыхъ дурно не говорятъ...

Долго ждалъ я на своемъ хуторѣ прихода седьмого тома «Совр. Обозр." и ждалъ напрасно. Сообразилъ я, что журналъ прекратился, а почему—въ нашемъ захолустьи узнать трудно. Вдругъ однажды, въ концѣ сентября того же прошлаго года, получаю я съ почты письмо. На конвертѣ стоитъ мое имя. Разрываю конвертъ и дивлюсь. Что за исторія! Письмо во 1-хъ печатное, а во 2-хъ за подписью редактора „Всемір. Труда" М. Хана.

Я нахмурился. Не привыкъ я, милостивые государи, получать письма отъ незнакомыхъ людей: такія письма всегда подозрительны. Начинаю читать, и еще болѣе удивляюсь. Оказывается, что столичный вашъ медикъ пишетъ ко мнѣ, какъ къ бывшему подписчику „Совр. Обозрѣнія" и, слѣдовательно, всѣ подписчики послѣдняго, подобно мнѣ, тоже получили печатное посланіе М. Хана. Вотъ какую онъ изволитъ разводить антимонію: „Вамъ вѣроятно уже извѣстно (отрывки изъ печатнаго документа привожу съ буквальною точностью), что редакторъ-издатель „Совр. Обозр." *бѣжалъ за-границу* (а тебѣ, думаю, что за-дѣло!) и что вслѣдствіе того изданіе этого журнала прекратилось. Редакція „Всем. Тр.", продолжаетъ г. Ханъ, *случайно* (?!) получивъ адресы подписчиковъ „Совр. Обозр." (какъ это случайно получивъ? на улицѣ, что-ли нашли, или по кумовству съ переплетчикомъ, отъ него ихъ заполучили?) и *желая пріобрѣсти этихъ подписчиковъ* (да развѣ мы движимая собственность, г. Ханъ?) на свое изданіе въ буду-

Digitized by Google

щемъ году (вотъ она въ чемъ штука-то!) рѣшилась (да, нѣсколько рѣшительно!) дѣлать (букву *с* пропустили, г. Ханъ) имъ слѣдующее предложеніе, съ цѣлью познакомить ихъ съ „Всемір. Трудомъ" (Т. е. по просту говоря, навязать намъ его на шею.).

Затѣмъ излагаются подробныя условія, весьма выгодныя для предпріимчиваго лекаря, при которыхъ мы, старые подписчики погибшаго журнала, можемъ получать изданіе погибающее, но еще влачащее свое существованіе.

Далѣе, редакторъ, „случайно достающій адресы чужихъ подписчиковъ и нежелающій очень церемониться съ нами, бѣдными провинціалами, начинаетъ расхваливать статьи собственнаго журнала, „У насъ, пишетъ онъ, будутъ напечатаны въ девятой и десятой книгѣ (не *книгахъ*-ли вѣрнѣе, сударь?) журнала „*Бывые соколы* А. Писемскаго—одна (*одно*, вы хотите сказать?) изъ лучшихъ произведеній этого автора и „Жизнь барона Беневскаго", Д. Мордовцева—чрезвычайно интересная историческая драма".

Въ веселую минуту получилъ я сей рапортъ г. Хана, да и желаніе у меня было изрѣдка потѣшать себя курьезами „Всемір. Труда", а потому я по востребованію мудраго эскулапа выслалъ ему 23 р. съ тѣмъ, чтобы получить „Всемір. Труда" какъ за прошлый, такъ и за текущій 1869 годъ.

Многіе-ли послѣдовали моему примѣру — мнѣ неизвѣстно, но извѣстно мнѣ только то, что журналъ, особенно въ нынѣшнемъ году, я получалъ неакуратно: осенью доходили только весеннія, а зимой лѣтнія книжки. Вотъ и теперь у насъ зима стоитъ, а „Всемір. Трудъ" насъ еще только съ августомъ мѣсяцемъ поздравляетъ. За то въ послѣднемъ нумерѣ докторъ Ханъ знакомитъ насъ съ своимъ хозяйствомъ и, такъ сказать, съ домашнимъ устройствомъ. Докторъ Ханъ сообщаетъ намъ, что онъ выписалъ изъ-за границы скоропечатную машину для типографіи: за ней, дескать, была одна остановка и журналъ опаздывалъ, а теперь дѣло пойдетъ на ладъ.

Разсудите, милостивые государи мои, какое намъ дѣло до того, какія покупки дѣлаетъ г. М. Ханъ, какія машины и какая мебель стоитъ въ его квартирѣ? Послѣ того всякій издатель неакуратность выхода журнала можетъ объяснять публикѣ такимъ образомъ: „по случаю вступленія въ законный бракъ (или по слу-

Digitized by Google

чаю того, что моя супруга разрѣшилась отъ бремени тройней) журналъ мой опоздалъ своимъ выходомъ, но по совершеніи брачнаго союза (или послѣ крестинъ) акуратная доставка журнала будетъ возстановлена"...

Обо всемъ этомъ я не могъ умолчать и довожу до всеобщаго свѣденія, дабы всѣ познали, какъ докторъ Ханъ интиминчаетъ съ своими читателями, добываетъ *по случаю* адресы чужихъ подписчиковъ и пишетъ письма къ людямъ, которымъ онъ не былъ представленъ и съ которыми совершенно незнакомъ.

М. Бурбоновъ.

Крутыя Горки.
29 ноября 1869.

НАШИ ЧИТАТЕЛИ *).

Юмористическіе эскизы.

I.

Землевладѣлецъ раззоренный
Не спитъ, съ заботой на челѣ,
Въ усадьбѣ, снѣгомъ занесенной,
Въ глухую ночь въ родномъ селѣ.

Жена ворчитъ: «Не спишь всю ночь ты!..
Чего ты ждешь все, mon ami?»
—«Вѣдомостей Московскихъ» съ почты
Я жду, сударыня!.. Пойми!..

II.

Сплетню путая за сплетней,
Двѣ сосѣдки, сѣвъ рядкомъ,

*) Помѣщая эти стихотворные опыты одного изъ начинающихъ провинціальныхъ поэтовъ, мы хоть и замѣчаемъ въ немъ нѣкоторую «легкость въ мысляхъ», но надѣемся, что онъ отъ большаго упражненія и въ особенности отъ солиднаго изученія статей гг. Страхова и Н. Косицы, впослѣдствіи станетъ глубже и серьезнѣе относиться къ своей дѣятельности и къ тѣмъ мотивамъ общественной жизни, на которыхъ придется ему останавливать свое вниманіе.

Digitized by Google

Беззаботно въ день субботній
Забавляются чайкомъ.

Сплетенъ все же не достало...
Тихо. Чайникъ лишь кипитъ...
И маіорша замолчала,
И поручица молчитъ.

Наконецъ одна сказала:
—Завтра мы,—забудь свой страхъ,—
Сплетенъ выудимъ не мало
Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

III.

Въ погребкѣ дешевый хересъ
Вечеркомъ приказчикъ пьетъ,
И дешевый хересъ черезъ
Край стакана на полъ льетъ.

Дремлетъ парень. Съ красной хари
Отирая локтемъ потъ,
Носомъ въ «Голосѣ» клюетъ
Подпись Нила Адмирари.

IV.

Въ спальнѣ сабли, ружья, сѣдла,
Этажерки, столъ, кровать...
Видно, что живетъ осѣдло,
Только кто? Прошу понять!..

Все есть въ комнатѣ богатой,
Кромѣ книгъ, и лишь въ углу
«Инвалида» нумеръ смятый
Кѣмъ-то брошенъ на полу.

V.

Появилась въ лавкѣ дама,
Хороша, какъ муза Жандра,
И нарядна, какъ реклама
Кача Александра.

Digitized by Google

Платья моднаго закройка
Ей нужна,—по той причинѣ
Стала рыться дама бойко
Въ «Модномъ Магазинѣ.»

VI.

На крыльцѣ сидитъ слуга—
Княжескій — Кузьма.
Съѣвъ краюшку пирога,
Молвилъ онъ: «Эхъ-ма!
Отслужилъ я господамъ,
Значитъ, время есть»
И читать сталъ по складамъ
Онъ газету «Вѣсть».

VII.

КУПЕЦЪ.

Какъ дѣлишки, братецъ?

РАЗСЫЛЬНЫЙ ИЗЪ ГАЗЕТНОЙ КОНТОРЫ.

Худо.
Поручила мнѣ контора
Продавать по гривнѣ съ пуда
«Время Новое» Киркора.
Въ лавкѣ есть у васъ посуда,
Такъ купите, чтобъ отсюда
Не таскать тюка мнѣ дальше.

КУПЕЦЪ.

Что-жъ! давай сюда... Безъ фальши
Взвѣсимъ тюкъ твой, да и баста!..
Намъ нужна бумага часто.

VIII.

Блуждаетъ фельдшеръ хромоногій
Въ больницѣ съ ранняго утра,
Глядитъ насупясь, недотрогой,
Какъ всѣ на свѣтѣ фельдшера.
Онъ ставитъ банки, кровь пускаетъ,

Digitized by Google

Съ больными пасмуренъ и крутъ,
А въ ночи тихо вслухъ читаетъ
Двумъ сторожамъ «Всемірный Трудъ».

IX.

Ему было семьдесять лѣтъ,
Она была годомъ моложе;
Ума въ немъ отъ дряхлости нѣтъ,
Съ ума она спятила тоже.

Надѣвши подъ вечеръ очки,
«Зарю» они вмѣстѣ читали,
А послѣ — играть въ дурачки
До самаго сна начинали.

X.

Недавно въ желтый домъ больного привезли
И въ немъ талантъ особенный нашли:
Всѣ сумасшедшіе дивились книгоѣду,
Который,—подивитесь, господа!—
Зналъ наизусть «Домашнюю Бесѣду»
За всѣ ея года,
На чемъ и помѣшался навсегда.

Что въ нашемъ тебѣ моемъ?

IV.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ.

(Замѣтка для любознательныхъ старичковъ и старушекъ.)

Въ наше время, бѣдное литературными новостями, появленіе „Литературныхъ воспоминаній“ такого писателя, какъ И. Тургеневъ, нельзя не признать за новость очень любопытную и болѣе заслуживающую вниманія, чѣмъ записки кн. Ю. Голицына. Для каждаго интересны воспоминанія дѣятеля, посвятившаго двадцать лѣтъ „служенію музъ“, жившаго въ самую горячую эпоху развитія русской мысли, встрѣчавшаго и знавшаго на своемъ вѣку

Digitized by Google

„лучшихъ русскихъ людей“ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Всего этого достаточно, чтобъ возбудить вниманіе читающей части нашего общества.

Только на этихъ дняхъ вышелъ первый томъ сочиненій И. С. Тургенева (изданіе братьевъ Салаевыхъ), гдѣ напечатаны его „Литературныя воспоминанія“ и (еще того любопытнѣе) нѣчто въ родѣ исповѣди по поводу „Отцовъ и дѣтей“.

Прежде всего остановимся на воспоминаніяхъ г. Тургенева. Отрывокъ изъ нихъ (и именно глава о Бѣлинскомъ) уже былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и о немъ въ свое время было говорено въ нашемъ журналѣ. Кромѣ этого отрывка въ первомъ томѣ мы нашли еще двѣ главы: 1) Литературный вечеръ у Плетнева и 2) замѣтки о Гоголѣ. Самъ Тургеневъ сознается въ отрывочности и недосказанности своихъ записокъ и проситъ не искать въ нихъ чего нибудь очень новаго, чего нибудь „пикантнаго“. „Всѣ мы знаемъ, пишетъ онъ, что многое измѣнилось съ 1849 года, многое исчезло совершенно... но не всѣ еще связи порваны между нынѣшнимъ настоящимъ и тогдашнимъ прошедшимъ; много лицъ осталось въ живыхъ—и не одни лица уцѣлѣли“... Этимъ онъ объясняетъ недомолвки своихъ воспоминаній.

Мы не будемъ говорить о томъ, чего нѣтъ въ этихъ воспоминаніяхъ и о томъ, что ожидали мы въ нихъ встрѣтить; мы остановимся только на томъ, что намъ предлагаетъ самъ г. Тургеневъ. Записки его начинаются довольно оригинально. „Вступленіе“ открывается слѣдующимъ образомъ. „Около пасхи 1849 года въ Петербургѣ *произошло событіе*... появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л. подъ названіемъ „Параша“. Этотъ Т. Л. былъ я...“ Говоря о такомъ событіи (да внесутъ его гг. Гоппе и Гриневскій въ свой календарь), какъ появленіе своей первой и довольно слабой поэмы, г. Тургеневъ дѣлаетъ это вовсе не по самохвальству, по нашему мнѣнію, а только по старческой наивности, доходящей у него часто до смѣшного, что мы и увидимъ далѣе изъ его объясненія по поводу романа „Отцы и дѣти“. Только по художественной наивности г. Тургеневъ себя то иногда самъ по головкѣ погладитъ, а то подчасъ и умалитъ себя свыше мѣръ... Какъ увидимъ дальше, онъ далеко невысокаго мнѣнія о своей литера-

Digitized by Google

турной дѣятельности, которой задачу онъ вмѣщаетъ въ очень узкія рамки. Въ концѣ 1838 года, г. Тургеневъ, сознавая, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣденій, отправился въ Берлинъ. Къ какой же высокой цѣли стремился г. Тургеневъ? А вотъ къ какой—на это онъ отвѣчаетъ самъ: „Я бросился *внизъ головою* (?) въ Нѣмецкое море, долженствовавшее очистить и возродить меня... Преданность моя началамъ, выработаннымъ западною жизнью, не помѣшала мнѣ живо чувствовать и *ревниво оберегать чистоту русской рѣчи* (только одной рѣчи?). Отечественная критика, возводившая на меня столь многочисленныя, столь разнообразныя обвиненія, помнится, ни разу не укоряла меня въ нечистотѣ и неправильности языка, въ подражательности чужому слогу“.

Да, отечественная критика, при всѣхъ ея нападкахъ на г. Тургенева, никогда не сводила его дѣятельности къ почтенной, но болѣе чѣмъ скромной роли „оберегателя чистоты русской рѣчи“... Стоило ли, послѣ того, русскому художнику „бросаться внизъ головою въ Нѣмецкое море“ лишь съ цѣлью обработки самобытнаго, чистаго русскаго слога!.. Какъ хорошо выясняется передъ нами этимъ откровеніемъ истинный „жрецъ искуства для искуства“, который двадцать лѣтъ труда и таланта употребилъ, по собственному признанію, на сбереженіе „чистоты русской рѣчи“... Какъ ни бѣдно наше время литературными талантами, но даже дарованія самаго маленькаго калибра едва ли плѣняются теперь ролью Грибоѣдовскаго Фомы Фомича, образцовому слогу котораго такъ удивлялся Молчалинъ.

Охраненіе цѣломудрія русской рѣчи, не шутя, безпокоитъ автора „Дыма“. Въ концѣ своихъ „литературныхъ воспоминаній“ онъ говоритъ, что у него есть „послѣдняя просьба“, съ которой онъ обращается къ молодому поколѣнію русскихъ писателей. „Берегите нашъ языкъ, восклицаетъ г. Тургеневъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками“.

Печальна и жалка та литература, въ которой одинъ изъ ея корифеевъ въ своей исповѣди не нашелъ ничего лучшаго сказать мо-

Digitized by Google

ледому поколѣнію, умоляя его только о риторической чистотѣ литературнаго стиля...

Перейдемъ однако къ „Литературнымъ воспоминаніямъ". Хотя г. Тургеневъ считаетъ покойнаго И. Панаева за человѣка „крайне легкомысленнаго и способнаго только схватывать одни лишь верхи верхушекъ", но литературныя воспоминанія послѣдняго, при всей ихъ поверхности, производятъ болѣе полное впечатлѣніе, чѣмъ воспоминанія г. Тургенева... Въ прихожей Плетнева г. Тургеневъ встрѣтилъ человѣка *средняго роста, съ бѣлыми зубами*; это былъ Пушкинъ. О Пушкинѣ болѣе интересныхъ свѣденій мы у Тургенева не находимъ. Далѣе мы узнаемъ, что въ гостиной Плетнева авторъ „Дворянскаго гнѣзда" встрѣтилъ бѣлокураго жандармскаго офицера и издателя „Утренней Зори" г. Владиславлева, видѣлъ очки стихотворца Карлгофа, растрепанныя бакенбарды Губера и симпатическій лобъ Гребенки Болѣе любопытнаго мы ничего не находимъ въ главѣ: „Литературный вечеръ у Плетнева". Затѣмъ изъ конца статьи о Бѣлинскомъ, мы узнаемъ мнѣніе самого г. Тургенева о г. Галаховѣ, какъ о „почтенномъ авторѣ, мнѣніе котораго въ дѣлѣ исторіи литературы пользуется справедливымъ уваженіемъ и вѣсомъ". (!!!) О Гоголѣ мы узнаемъ, что 20 октября 1851 года Гоголь сидѣлъ дома (въ Москвѣ) и былъ одѣтъ въ темное пальто, зеленый бархатный жилетъ и коричневые панталоны. Удивительнаго свойства память у нашихъ прежнихъ художниковъ! Черезъ двадцать лѣтъ они вспоминаютъ даже цвѣтъ панталонъ того или другого писателя и, вспомнивъ объ этомъ, спѣшатъ даже вносить въ свои литературныя воспоминанія. Разумѣется, всякая пустая мелочь, которая характеризуетъ знаменитаго человѣка, для насъ должна быть дорога, но личность Гоголя едва ли вырисуется передъ нами живѣе, если мы будемъ знать цвѣтъ его панталонъ и жилета, надѣтыхъ 20 октября 1851 года. Впрочемъ, глава о Гоголѣ—самая еще любопытная въ воспоминаніяхъ г. Тургенева.

Рядъ отрывочныхъ замѣтокъ у г. Тургенева кончается статейкой по поводу „Отцовъ и дѣтей". Это собственно запоздалое немного „оправданіе" нашего нѣмецко-россійскаго беллетриста. На сколько искренно и правдоподобно это „оправданіе"—пусть рѣшатъ сами читатели. По нашему мнѣнію, оно до нѣкоторой степени дѣй-

— Этъ нестрѣбочный, — стоитъ они съ
пѣвѣнъ и пить Тургенев не пѣвѣнъ
Дружинов

Digitized by Google

ствительно искренно, хотя совершенно покажется неправдоподобнымъ для всѣхъ людей, несозданныхъ по образу и подобію г. Тургенева, для людей, непостигающихъ безсознательнаго творчества, зависящаго отъ всякой случайности. Тотъ же, напр., г. Рѣшетниковъ, въ произведеніяхъ котораго самъ г. Тургеневъ удивляется ихъ „трезвой правдѣ“ (неужели есть еще въ искуствѣ „пьяная правда?),—тотъ же г. Рѣшетниковъ никогда не пойметъ г. Тургенева, который удивляется, какъ это художникъ можетъ „отправляться отъ идеи“ или „проводить идею“ въ своемъ произведеніи.

Читая объясненіе по поводу „Отцовъ и дѣтей“, мы невольно припомнили предисловіе Лермонтова къ „Герою нашего времени“. Какая разница! Лермонтовъ смѣется надъ нелѣпостью тѣхъ читателей, которые очень тонко замѣчали, что Печоринъ — портретъ или самого сочинителя или кого нибудь изъ его знакомыхъ. Лермонтовъ говоритъ, что „Герой нашего времени“ точно портретъ, но портретъ, составленный изъ пороковъ всего поколѣнія... Съ г. Тургеневымъ случилась совершенно противоположная исторія. Его Базаровъ былъ принятъ за каррикатуру на нашу молодежь, а г. Тургеневъ въ своемъ запоздавшемъ объясненіи, увѣряетъ, что онъ не „создавалъ образа“, а только рисовалъ портретъ своего знакомаго, молодого провинціяльнаго врача, уже теперь умершаго. „Впечатлѣніе, произведенное на меня этой личностью, пишетъ г. Тургеневъ, было очень сильно, *но въ тоже время не совсѣмъ ясно*“. Мы совершенно понимаемъ, что типическія черты человѣка новаго поколѣнія, его стремленія, его цѣли и его дѣятельность должны были показаться мало понятными и совершенно чуждыми старому эстетику и блюстителю за чистотою русской рѣчи. Какъ бы то ни было, къ изображенію Базарова привело романиста *живое лицо* (которое онъ кстати плохо понималъ), къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы

Купаясь въ морѣ въ Вентнорѣ на островѣ Уайтѣ въ концѣ 1860 года, г. Тургеневъ обдумывалъ планъ своего новаго романа. а потомъ въ Парижѣ принялся за работу. Романъ былъ напечатанъ въ „Рус. Вѣстникѣ“. Вернувшись въ Россію, г. Тургеневъ (такъ говорилъ онъ, по крайней мѣрѣ) былъ изумленъ, что слову *нигилистъ* было дано у насъ такое превратное значеніе. „Я за-

Digitized by Google

мѣчалъ, продолжаетъ онъ, холодность, доходящую до негодованія, во многихъ близкихъ мнѣ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобзанія отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. *Меня это конфузило... огорчало*, но совѣсть не упрекала меня; я хорошо зналъ, что я честно, *и не только безъ предубѣжденія, но даже съ сочувствіемъ* (?) отнесся къ выведенному мною типу"...

Какъ видите, г. Тургеневъ выдаетъ себя за человѣка, который самъ не вѣдаетъ, что онъ говоритъ. Но такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Неужели для него такъ неожиданна была печаль его друзей и радость враговъ при выходѣ „Отцовъ и дѣтей?" Неужели онъ впередъ не зналъ, какое дѣйствіе долженъ произвести его романъ въ обществѣ и журналистикѣ? Нѣтъ, г. Тургеневъ зналъ это очень хорошо и его оправданіе болѣе чѣмъ неловко. Онъ самъ выдаетъ себя, выписывая слѣдующее мѣсто изъ своего дневника: „Часа полтора тому назадъ я окончилъ наконецъ свой романъ... Не знаю, каковъ будетъ успѣхъ—„Современникъ" *вѣроятно обольетъ меня презрѣніемъ за Базарова*—и не повѣритъ (еще бы!), что во время писанія я чувствовалъ къ нему (къ писанію или къ Базарову?) *невольное* влеченіе".

Видите ли, Тургеневъ зналъ, что онъ творилъ; значитъ романистъ былъ уже приготовленъ къ этой сумятицѣ, которую произвелъ его новый романъ. Оправданіе неловкое и слишкомъ запоздалое...

Послѣ впечатлѣнія, произведеннаго на общество „Отцами и дѣтьми", намъ странно и смѣшно слушать увѣренія автора, что онъ, рисуя фигуру Базарова, исключилъ изъ круга его симпатій все художественное и придалъ ему рѣзкость и безцеремонность тона „не изъ нелѣпаго желанія оскорбить молодое поколѣніе, а просто вслѣдствіе наблюденій надъ своимъ знакомымъ докторомъ Д. и подобными ему лицами". Чтобъ окончательно сбить съ толку довѣрчивыхъ читателей, Тургеневъ прибавляетъ: „Личныя мои наклонности тутъ ничего не значатъ; но вѣроятно многіе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что за исключеніемъ воззрѣній Базарова на художества—*я раздѣляю почти его убѣжденія*". (!?!) Какъ это вамъ покажется! Тургеневъ—нигилистъ, Тургеневъ—тотъ же Базаровъ... Такой оборотъ дѣла очень остроуменъ со стороны г. Тургенева, только его аргументація далеко не убѣдительна.

Digitized by Google

Намъ кажется очень подозрительнымъ то обстоятельство, что, питая платоническую любовь къ своему Базарову, Тургеневъ въ тоже самое время боялся, что журналистика „обольетъ его презрѣніемъ“ за того же самаго Базарова.

Г. Тургеневъ, отказываясь отъ солидарности съ злокачественными друзьми, оканчиваетъ свое объясненіе грустнымъ сознаніемъ, что его дѣятельность прекращается „среди постепеннаго охлажденія публики“. „На мое имя, говоритъ онъ, легла тѣнь. Я себя не обманываю; я знаю, эта тѣнь съ моего имени не сойдетъ“... Тургеневъ сознается (и въ этихъ словахъ заключается его приговоръ надъ самимъ собою), что для *уловленія жизни* мало одного таланта. Нужно постоянное общеніе съ средою, которую беремся воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ“. Да, эти собственныя, личныя ощущенія стараго обиженнаго писателя „заслонили въ Тургеневѣ художника и правдиваго мыслителя. Но будемъ великодушны... При всей неловкости оправданій г. Тургенева, его объясненіе по поводу „Отцовъ и дѣтей“ все же имѣетъ характеръ нѣкотораго раскаянія; все же мы должны понимать, что нашъ маститый романистъ проситъ прощенія у молодого поколѣнія, а для этого во всякомъ случаѣ необходимо нѣкоторое гражданское мужество. Господа, будьте же великодушны и простите кающагося грѣшника, которому въ талантѣ и въ „чистотѣ рѣчи“ никогда не отказывали самые непримиримые его противники.

Д. Свіжскій.

V.

ГРАЖДАНСКІЙ ПОДВИГЪ.

Ты полонъ, другъ, высокихъ думъ,
Мѣщански-доблестныхъ стремленій,
И вѣритъ собственный твой умъ
Въ свой собственный творящій геній.

Digitized by Google

Но это кончится все вдругъ,
Все выгоритъ въ стремленьи быстромъ—
И станешь ты, мой юный другъ,
Вполнѣ законченнымъ филистромъ.
Угаснутъ прежнія мечты,
Послушный голосу природы,
О размноженіи породы
Начнешь заботиться лишь ты;
Иной задачей оживленный,
Ты ею умъ свой обновишь,
И для отчизны умиленной
Филистровъ юныхъ наплодишь.
Трудись, пока достанетъ силы,
Тебѣ дарованной Творцомъ,—
И назовутъ тебя, мой милый,
Предобросовѣстнымъ самцомъ!
Есть у судьбы свои капризы:
Такъ конь могучій и лихой,
На скачкахъ получавшій призы,
Вдругъ ногу вывихнетъ, порой—
Его торжествъ минуло время,
Побѣдамъ наступилъ конецъ,
Но оставляется на племя
Сломавшій ногу жеребецъ.

Н. Верховъ.

VI.

МИКРОСКОПЪ.

(Разныя замѣтки, мелочи, слухи.)

Извѣстно, что современники не признаютъ пророковъ своего отечества. Къ одному только г. Мюнстеру неприложимо это замѣчаніе. Г. Мюнстеръ въ самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ готовъ видѣть пророковъ и даже г. Гербеля считаетъ за „замѣчательнаго русскаго дѣятеля“, почему въ своей „Портретной галлереи“

Digitized by Google

и изобразилъ его въ полной парадной формѣ. *Галлерея* г. Мюнстера (не лучше ли было назвать ее *райкомъ?)* продолжаетъ издаваться и до сихъ поръ, изъ чего слѣдуетъ, что у насъ на Руси, по мнѣнію г. Мюнстера, существуетъ неизсякаемый родникъ знаменитыхъ соотечественниковъ, для которыхъ „портретная галлерея" предпріимчиваго издателя составляетъ нѣчто въ родѣ россійскаго Пантеона. Г. Мюнстеру стоитъ выйдти на улицу, чтобъ изъ пяти прохожихъ выбрать двухъ для своего гостепріимнаго „райка". Г. Мюнстеръ и Рафаиломъ Зотовымъ не побрезгаетъ и г. Кушнерева не пропуститъ. Но изданіе одной „Портретной галлереи" видимо не удовлетворило г. Мюнстера, этого Плутарха въ иллюстраціи, и для полноты своего предпріятія и для украшенія портретовъ онъ издалъ въ видѣ приложенія особую книжку біографій дѣятелей, въ его литографіи изображенныхъ... Все это очень похвально и для нашей національной гордости очень пріятно, но вотъ что обидно: г. Мюнстеръ, хорошо знакомый съ литографскимъ дѣломъ, не только неспособенъ составлять самыхъ ученическихъ біографій, но даже не умѣетъ выбрать человѣка, сколько нибудь для такого дѣла способнаго. Такимъ образомъ, его неизвѣстный библіофилъ, говоря о дѣятельности покойнаго поэта Щербины, восхваляетъ звучность и прелесть его стиха и для доказательства указываетъ на одну выписку. Вотъ, говоритъ, посмотрите, какое прелестное стихотвореніе:

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ,
За дверями голосъ милаго звучитъ и т. д.

Вы видите, что извѣстнѣйшую „Еврейскую пѣсню" А. А. *Мея*, знакомую всѣмъ и каждому, неизвѣстный біографъ приписываетъ Щербинѣ!!! Послѣ этого, пожалуй, мы скоро узнаемъ, что „Юрія Милославскаго" писалъ Ростиславъ Ступишинъ, что г. Дьяченко — авторъ „Ревизора", а Гомеръ есть псевдонимъ какого нибудь Загуляева. Послѣ того, наконецъ, г. Мюнстеръ, издававшій также рядъ рисунковъ Лебедева изъ жизни русскихъ камелій, по ошибкѣ можетъ назвать ихъ „Портретной галлереей замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей", а портреты дѣятелей въ сюртукахъ и мундирахъ назоветъ „Погибшими, но милыми созданіями". Хотя со стороны

Digitized by Google

г. Мюнстера послѣдняя ошибка и была бы ошибкою остроумной, но подобное свойство болѣе вредно, чѣмъ полезно для патріотическаго библіофила...

* * *

Каждый годъ совѣтъ академіи художествъ изощряетъ своей умъ на сочиненіе сюжетовъ для конкурса молодыхъ художниковъ. Характеръ этихъ сюжетовъ, вѣроятно, хорошо извѣстенъ всѣмъ: такъ много о нихъ было писано и говорено. Но едва ли когда либо изощреніе ума академическаго ареопага доходило до такой изумительной нелѣпости, какъ въ конкурсѣ, назначенномъ для будущей выставки. Мы знаемъ, что по предложенію профессора Неффа на будущій годъ утверждена программа такого содержанія: „Въ ворота Трои ввозятъ извѣстнаго деревяннаго коня". Не правда-ли, какой удобный случай отличиться русскимъ художникамъ, какое широкое поле для фантазіи, для творчества?.. За то художники освобождаются отъ всякихъ хлопотъ: они не будутъ нуждаться въ костюмахъ, въ натурщицахъ, а прямо могутъ отправляться въ игрушечную лавку. Въ игрушечной лавкѣ они запасутся картонною крѣпостью и деревянной лошадью, разставятъ эти покупки въ мастерской—и дѣло пойдетъ, какъ по маслу...

Кто-жъ станетъ клеветать,—на это люди падки,—
Что юности въ искуствѣ нашемъ нѣтъ,
Когда академическій совѣтъ
Играетъ въ деревянныя лошадки...

* * *

Какъ хотите, а русскій человѣкъ великій юмористъ, юмористъ часто безсознательный, наивный, способный всякое хорошее дѣло, мысль довести до абсурда, до смѣшного. Такъ, напр., протесты и обличенія русскій человѣкъ умѣлъ опошлить до того, что въ настоящее время къ нимъ можно прибѣгать только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, да и то съ нѣкоторымъ раздумьемъ. Вы не рѣшитесь теперь, вѣроятно, протестовать, и прибѣгать къ такъ называемому „суду общественнаго мнѣнія". Я уже не упоминаю о безцѣльности и

Digitized by Google

комичности протеста не противъ извѣстныхъ личностей, а противъ г. А, Б, В и т. д. Наивные такіе протесты однако попадаются и теперь. Любезные наши артисты гг. Монаховъ и Марковецкій сидѣли какъ-то въ гостинницѣ Ф. (такъ сами протестуютъ они), вдругъ къ нимъ подходитъ *нѣкто*, повидимому купецъ и сильно подвыпившій, и вступая съ ними въ разговоръ, называетъ ихъ Ахилломъ и Менелаемъ. Артисты старались отдѣлаться отъ незваннаго собесѣдника, а этотъ, вломившись въ амбицію, осерчалъ на нихъ. „Я говоритъ, кому хочу, тому свищу въ театрѣ, кому хочу, тому хлопаю... Значитъ, все отъ насъ зависитъ...“ Вотъ и вся исторія, и исторія очень обыкновенная, особенно въ тѣхъ трактирахъ, которые обозначаются буквою Ф... (Къ чему такая таинственность?) Однако артисты обидѣлись и протестовали... Читая этотъ протестъ, я такъ и ждалъ, что г. Монаховъ воскликнетъ:

О, тяжела ты шапка... Монахова!..

* * *

Встрѣчаются, однако, протесты, на которые нельзя не обратить вниманія: они характеристичны по самымъ фактамъ, даже безъ указанія именъ и фамилій. Не характерный-ли фактъ, напр., сообщаетъ въ газетахъ г. Омега. Въ губернскомъ „городкѣ“ устроился такого рода *„семейный вечеръ“*: въ великолѣпныхъ хоромахъ собралось общество изъ шести кавалеровъ и столькихъ же дамъ. Общество скучало, и для разнообразія выдумало игру, достойную временъ Нерона: дамы рѣшились розыграть себя въ лотерею,—кто кому достанется по жребію на весь вечеръ. Одна только дама, *прозванная нигилисткою (?)*, отказалась отъ такой возмутительной игры и уѣхала. За тѣмъ лотерея состоялась, при чоканіи бокаловъ...

Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...

На такихъ *„семейныхъ* вечерахъ“ едва ли будутъ читать „Ниву“.

Digitized by Google

***

Какъ прогрессивно уѣздное земство въ г. Симбирскѣ! Судите сами: изъ 38 тысячъ дохода, оно ассигновало на народное образованіе *сто* рублей серебромъ, и на возраженіе *одного* члена (слава Богу, хоть одинъ нашелся!) всѣ отвѣчали единодушнымъ отрицаніемъ.

L'homme qui rit.

НАДПИСИ И ЭКСПРОМТЫ.

I.

АВТОРУ «НЕРОНА», ЖАНДРУ.

Неронъ сжегъ Римъ во время оно
И судъ исторіи суровъ былъ и жестокъ.
Но кто-бъ тебѣ могъ высказать упрекъ,
Когда бы своего несчастнаго «Нерона»
Ты, русскій стихотворецъ, въ печкѣ сжегъ?

II.

МАННУ.

(Творцу «Говоруновъ» и «Общаго блага».)

Трудъ, взятый не по силамъ,
Не кончится добромъ
И, если разберемъ:
Владѣть ты могъ бы шиломъ,
Но вовсе не перомъ.

III.

ЧЕЛОВѢКЪ ОНЪ БЫЛЪ...

Вы правы, человѣкъ онъ милый, господа.
Я бросилъ къ спорамъ глупую привычку;

Digitized by Google

Къ тому жъ и спорить то какая мнѣ нужда:
Сказать при встрѣчѣ съ нимъ мнѣ хочется всегда:
—Эй, «человѣкъ», подай-ка, братецъ, спичку!

IV.

Стихи свои ты пишешь безъ цензуры,
И этому я радъ,
Но вотъ что худо, братъ:
Зачѣмъ стихи ты пишешь безъ цезуры?

V.

ЗЕМЛЯЧКѢ.

Попасть, — я право не лукавлю, —
Къ вамъ на зубокъ я не хочу:
Я этимъ лишь доходъ доставлю
Зубному вашему врачу.
Нѣтъ, просто мной пренебрегая,
Отъ гнѣва будьте далеки;
Вставные зубы сберегая,
Меня, землячка дорогая,
Не поднимайте на зубки.

L'homme qui rit.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Въ Разбродъ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Часть II, гл. I—VI). . . . . *А. Михайлова.*
Жена каторжнаго. (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе. . . . . *М. Л. Михайлова.*
Послѣднее слово науки. . . . . *В. О. Португалова.*
Аргентинская конфедерація . . . . . *Эли Реклю.*
Историческія судьбы женщины. (Стат. третья). *С. С. Шашкова.*
За работой. Стихотвореніе. . . . . *А. Ш.*
Пѣшій конному—не товарищъ. Романъ въ пяти частяхъ. (Част. вт. Гл. V. Част. тр. и четв. Гл. I—IV). . . . . *Герм. Шмидта.*
Передъ судомъ. (Стихотвореніе). . . . . *Мих. Михайлова.*
Надгробіе поэта (Изъ Элліота). Стихотвореніе. *М. М.*
Исторія одного товарищества. Романъ. (Ч. тр. Гл. VI—X. . . . . *Н. Ф. Бажина.*
Ратклифъ (Изъ Гейне). Стихотвореніе. . . *Мих. Михайлова.*
Пряха. (Изъ Гете). Стихотвореніе. . . . *М. Л.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Люди сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. (По поводу романа г. Писемскаго, «Люди сороковыхъ годовъ». «Заря» 1869. г.). . . . . *Н. Ш.*
Новыя книги.
Рецензенту «Отечественныхъ записокъ» . . *И. П.*
Херсонскій философъ г. Чуйко. . . . . *Н. Л.*
Проектъ положенія объ исправительныхъ тюрьмахъ. . . . . *Н. Соколовскаго.*
Политическая и общественная хроника . . *Жака Лефреня.*

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

Повальное недоразумѣніе. (Стансы бывшаго крѣпостного). . . . . *Анонима.*
Непроизводительныя силы. (Заупокойная замѣтка о художественной академической выставкѣ). . . . . *Вологжанина.*
Интимная бесѣда. . . . . *Анонима.*
Шагъ впередъ и два назадъ. (Изъ памятной книжки). . . . . N. N.
Петербургскіе прозаики и московскіе стихотворцы. (Поучительная параллель). . *Анонима.*
Микроскопъ. (Разныя замѣтки, мелочи и слухи). . . . . L'homme qui rit.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ:

Въ Разбродъ. Романъ. (Изъ исторіи нашей семьи.). Окончаніе. . . . . *А. Михайлова.*
Въ театрѣ. Директоръ, поэтъ и комикъ. (Изъ Гете.) Стихотвореніе . . . . . *Д. Д. Минаева.*
Послѣднее слово науки . . . . . *В. О. Португалова.*
Исторія одного товарищества. Окончаніе . . *Н. Ф Бажина.*
Ирландская мелодія. (Изъ Томаса Мура) (Стихотвореніе) . . . . . *М. Л. Михайлова.*
Историческія судьбы женщины. (Статья четвертая) . . . . . *С. С. Шашкова.*
Пѣшій конному—не товарищъ. Романъ въ пяти частяхъ. Окончаніе . . . . . *Гер. Шмидта.*
Къ Италіи. (Изъ Леопарди.) Стихотвореніе. *Л. Граве.*
Можетъ быть послѣдняя моя пѣсня. (Изъ Беранже) . . . . . *М. Л. Михайлова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Люди сороковыхъ годовъ. (Окончаніе).
(Люди сороковыхъ годовъ. Романъ А. Писемскаго. «Заря» 1869 г.) . . . . *Н. В. Шелгунова.*
Полемическіе пріемы «Моск. Вѣдомостей».
Политическая и общественная хроника . . *Жака Лефреня.*
Открытіе Суэзскаго канала . . . . . *Эли Реклю.*

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

Сезонъ. (Изъ дневника петербуржца). . . *Анонима.*
На свѣжую воду! (Письмо изъ провинціи отставнаго маіора Михаила Бурбонова). *М. Бурбонова.*
Наши читатели. (Юмористическіе эскизы.) *Что въ имени тебѣ моемъ?*
Литературная новость. (Замѣтка для любознательныхъ старичковъ и старушекъ.) *Д. Свіяжскаго.*
Гражданскій подвигъ . . . . . *Н. Верхова.*
Микроскопъ. (Разныя замѣтки, мелочи и слухи) . . . . . L'homme qui rit.
Надписи и экспромты . . . . . L'homme qui rit.

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1870 ГОДУ

САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ИСКРА“

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

«ИСКРА» въ 1870 году будетъ выходить еженедѣльно, въ числѣ пятидесяти-двухъ нумеровъ въ годъ, по слѣдующей, вновь утвержденной программѣ:

Отдѣлъ I. Художественная сатира (беллетристика). Сатирическіе очерки, повѣсти, разсказы, небольшіе романы, театральныя пьесы—въ стихахъ и прозѣ, оригинальныя и переводныя.

Отдѣлъ II. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаться будутъ, какъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ:

а) Статьи по современнымъ вопросамъ.

б) Хроники: финансовая, торговая, промышленная, судебная, земская, литературная, художественная и проч., большею частію въ видѣ общихъ критическихъ обзоровъ русской и иностранной жизни въ извѣстные періоды времени.

в) Корреспонденціи - внутреннія и заграничныя.

Отдѣлъ III. Выдержки изъ иностранныхъ сатирическихъ изданій. Мелкія замѣтки, новости, шутки, пародіи, афоризмы и проч.

Освобожденіе отъ предварительной цензуры, уравнивая «Искру» въ правахъ съ другими періодическими изданіями, даетъ, наконецъ, редакціи возможность, дѣйствуя въ извѣстныхъ размѣрахъ самостоятельно, проявить то значеніе, которое можетъ и долженъ имѣть сатирическій журналъ въ Россіи.

Редакція усерднѣйше проситъ провинціальныхъ читателей, сочувствующихъ ея задачѣ, не оставлять ее своими корреспонденціями, хотя бы въ видѣ необработаннаго литературнаго матеріяла.

Въ ИСКРѢ примутъ участіе слѣдующіе литераторы:

И. В. Андреевъ.—П. А. Бибиковъ.—В. П. Буренинъ.—В. И. Богдановъ.—М. А. Вороновъ.—П. И. Вейнбергъ.—Ѳ. Д. Гриднинъ.—И. Ѳ. Горбуновъ.—Н. А. Деммертъ.—Г. З. Елисеевъ (Грицко).—

Digitized by Google

П. А. Ефремовъ.—Н. С. Курочкинъ.—А. П. Лукинъ.—В. В. Лесевичъ.—А. И. Левитовъ.—Д. Д. Минаевъ.—Н. А. Некрасовъ.—А. П. Пятковскій.—А. Н. Плещеевъ.—А. А. Потѣхинъ.—Ѳ. П. Рѣшетниковъ.—И. А. Рождественскій.—М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).—М. М. Стопановскій.—А. М. Скабичевскій.—Н. М. Соколовскій.—В. А. Слѣпцовъ.—Г. И. Успенскій.—Н. В. Успенскій.—П. И. Шумахеръ.—Чечерскій.—П. И. Якушкинъ и др.

Для веденія иностранной хроники, редакція между прочимъ вошла въ сношенія съ гг. **Анри Рошфоромъ**, **Луи Ульбахомъ** и **Альберъ Вольфомъ**. Кромѣ того, редакція полагаетъ въ будущемъ году печатать въ переводѣ сатирическія сказки **Эд. Лабуле**, одновременно съ ихъ появленіемъ въ оригиналѣ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ просп., у Казанскаго моста, домъ Ольхиной; *въ Москвѣ*: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго. *Гг. Иногородные* благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: «*Въ редакцію* «ИСКРЫ», *въ С.-Петербургѣ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (при подпискѣ въ конторахъ «ИСКРЫ») **7 руб.**; съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ **8 руб.**

В. Курочкинъ.

ОТПЕЧАТАНА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ПРОЛЕТАРІАТЪ ВО ФРАНЦІИ

1789—1852.

(ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РАБОЧАГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ.)

А. МИХАЙЛОВА.

Большой томъ въ 400 стр. Цѣна 1 руб. 75 к., съ перес. 2 р.

Digitized by Google

1870 ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.	ПОДПИСКА НА	48 НУМЕРОВЪ.

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ"

иллюстрированный дамскій журналъ,

изданіе В. Гольдшмидта.

48 нумеровъ съ рисунками до 2,000, посвященныхъ модамъ, рукодѣлью и литературѣ.

24 прибавленія съ выкроечными рисунками бѣлья, накидокъ, платьевъ, дѣтскаго гардероба и разныхъ рукодѣлій, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ этихъ предметовъ.

24 вырѣзныя изъ бумаги выкройки.

12 парижскихъ раскрашенныхъ модныхъ картинъ.

6 печатанныхъ красками узоровъ для вышиванья по канвѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ . .	6 руб.	
Съ доставкою » » . .	7 »	
Съ пересылкою въ другіе города *)	8 »	

на 6 мѣсяцевъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ . .	3 руб.	50 к.
Съ доставкою » » . .	4 »	— »
Съ пересылкою въ другіе города *)	4 »	50 »

*) За пересылку 90 коп., за упаковку 1 руб. 10 к.

*) За пересылку $47\frac{1}{2}$ коп., за упаковку $52\frac{1}{2}$ к.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи «Новаго Русскаго Базара», на Невскомъ просп., въ д. Голландской церкви, кв. № 22,

48 НУМЕРОВЪ.	и въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго.	1870 ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Digitized by Google

Л. ШАДНОРА.

ВЪ 1869-ОМЪ ГОДУ ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ

ШАНДОРИНО-ГАЗОВЫЯ СВѢЧИ

БЕЗЪ СВѢТИЛЬНИ

и

БЕЗЪ ИГЛЫ

продаются оптомъ и въ розницу

въ магазинахъ **Л. ШАНДОРА**

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, большая Конюшенная д. № 17.
Въ МОСКВѢ, на углу большой Никитской и Газетнаго переулка, д. княгини Вадбольской.

и у всѣхъ моихъ въ газетахъ объявленныхъ агентовъ.

цѣна **Шандорину**
для шандориновыхъ лампъ
въ С.-Петербургѣ 11 к. за фунтъ.
„ Москвѣ 12 „ „ „

Л. ШАНДОРЪ
Американскій гражданинъ.
Контрагентъ для столичнаго освѣщенія.

Digitized by Google

ВЫШЛА ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ИСТОРІЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ

Джона Вильяма Дрепера

профессора въ нью-іорскомъ университетѣ

Переводъ съ англ. подъ ред. **А. Н. Пыпина.** Изданіе **О. И. Бакста.**

Два тома. Цѣна 4 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ О. И. БАКСТА:

ИСТОРІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА, *Г. Гервинуса.* Переводъ подъ редакціей М. Антоновича. Ц. I-го т. 2 р., II-го т. 2 р. 75 к., III-го т. 2 руб., V-го т. 2 р.

Его же, ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ XIX ВѢКА. Ц. 75 к.

ИСТОРІЯ АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ, *К. Ф. Нейманна.* Т. I. Ц. 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1848 года, *Гарнье-Пажеса.* Ц. 1 р. 50 к.

Его же, ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г. Два тома. Ц. 2 р.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА, отъ заключенія библейскаго періода до настоящихъ временъ, *Э. Гехта.* Ц. 1 р.

ПОЛЬСКІЕ ЕВРЕИ, этнографическіе разсказы, очерки и картины, Герцбергъ-Френкеля. Ц. 1 р.

О ЗАКОНАХЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ, *Г. Зибеля,* Ц. 20 к.

ГЕРОИ ГРЕЦІИ ВЪ ВОЙНѢ И МИРѢ. Исторія Греціи въ біографіяхъ, *В. Штолля.* Ц. 2 р. (Книга эта одобрена учеными комитетами М-ва Нар. Пр. и Военно-Учебныхъ заведеній).

Digitized by Google

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ *І. Шерра.* Переводъ подъ редакціей А. Н. Пыпина. Изданіе второе. Ц. 3 р.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВОСЕМНАДЦАГО ВѢКА, *Г. Геттнера.* Переводъ А. Н. Пыпина. Ц. 2 р.

ИСПОВѢДЬ, *Ж. Ж. Руссо.* Переводъ Устрялова. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ, *В. Бауэра.* Переводъ подъ редакціей М. Антоновича. Ц. 2 р.

ФИЛОСОФІЯ УГОЛОВНАГО ПРАВА, *А. Франка.* Ц. 1 р.

ЧЕЛОВѢКЪ И РАЗВИТІЕ ЕГО СПОСОБНОСТЕЙ ИЛИ ОПЫТЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФИЗИКИ, *А. Кетле.* Т. I. Ц. 1 р.

СИЛЫ ПРИРОДЫ И ИХЪ ВЗАИМНЫЯ СООТНОШЕНІЯ, *М. Фарадея.* Переводъ В. Лугинина. Съ рис. въ текстѣ. Ц. 80 к.

ПОПУЛЯРНЫЙ КУРСЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ, *М. Ф. Мори.* Съ 2 картами—направленія вѣтровъ и морскихъ теченій. Ц. 80 к.

ОБЩІЙ КУРСЪ ФИЗИКИ, *Ф. Шпиллера.* Съ рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОВРЕМЕННОЙ ХИМІИ, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ, *А. Ф. Гофманна.* Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

ЖИВОТНАЯ ХИМІЯ, *В. Одлинга.* Пер. Бакста. Ц. 75 к.

ЛЕКЦІИ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ХИМІИ, *А. Вюрца.* Пер. П. Алексѣева. Ц. 90 к.

ЧЕЛОВѢКЪ И СОХРАНЕНІЕ ЕГО ЗДОРОВЬЯ. Популярныя гигіеническія письма, *Д-ра Эстерлена.* Ц. 2 р.

ЛЕКЦІИ О ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ, *Д-ра Сенкея.* Переводъ съ англійск. подъ редакціею В. Чехова. Ц. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ФАРМАКОЛОГІИ, *Р. Бухгейма.* Переводъ В. Бакста. Изданіе второе. Ц. 3 р. 50 к.

О СВОЙСТВАХЪ ЖИВЫХЪ ТКАНЕЙ (Курсъ Общей Физіологіи), *Клодъ-Бернара.* Съ рисунк. въ текстѣ. Ц. 1 р. 75 к.

ФИЗІОЛОГІЯ СЕРДЦА, *Кл. Бернара.* Съ рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА, ПРОИСХОЖДЕ-

Digitized by Google

НІЕ ВИДОВЪ И ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ПРИРОДѢ, *М. І. Шлейдена.* Изданіе второе. Съ прибавленіемъ лекціи академика *Бера:* О ДРЕВНѢЙШИХЪ ОБИТАТЕЛЯХЪ ЕВРОПЫ. Ц. 40 к.

ТРИГОНОМЕТРІЯ, прямолинейная и сферическая, *Мюллера.* Съ рис. въ текстѣ. Ц. 50 к.

Означенныя книги продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Главный складъ находится въ книжныхъ магазинахъ Черкесова. Гг. иногородніе, обращаясь въ эти магазины, за пересылку ничего не платятъ.

ВЪ 1870 ГОДУ

будетъ издаваться по прежней программѣ

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВАЗА"

съ отдѣломъ рукодѣлій и модъ.

Всѣхъ нумеровъ выйдетъ двадцать четыре, отъ трехъ до четырехъ листовъ каждый; въ текстѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи и политипажи.

1) На будущій годъ редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи оригинальные романы «Старая исторія» соч.—Л. Незнаевой и «Заблудшая овца» соч. Н. С. П.; переводный романъ съ шведскаго «Афрая» (жизнь въ Лапландіи). Кромѣ того съ 1-го января начнется печатаніе цѣлаго ряда руководящихъ статей по женскому вопросу.

Права женщины на трудъ и образованіе по прежнему будетъ основною цѣлью дѣятельности новой редакціи женскаго журн. «Ваза».

2) По отдѣлу рукодѣлій подписчики получатъ *девять* премій работъ съ приложеніемъ матерьяловъ для выполненія ихъ.

3) По отдѣлу модъ вырѣзныя выкройки, литографированные узоры и модныя парижскія картинки будутъ прилагаться къ каждому нумеру совершенно также, какъ это дѣлается при нѣмецкомъ изданіи «Der Bazar».

Digitized by Google

Подписная цѣна

На годъ безъ премій . .	7 р.	съ перес.,	6 р.	»	безъ перес.
На полгода безъ премій.	4 »	» »	3 »	40 к.	» »
На годъ съ преміями .	12 »	» »	10 »	80 »	» »
На полгода съ преміями.	7 »	» »	5 »	80 »	» »

Подписка принимается въ Главной Конторѣ Редакціи: въ С.-Петербургѣ, на углу Малой Садовой и Большой Итальянской ул., домъ № 17—2.

Редакторъ-Издательница **Ж. Гедеонова.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

АРХИВЪ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ

и

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ

въ 1870 году.

«Архивъ судебной медицины и общественной гигіены» будетъ издаваться въ 1870 году по той же программѣ и съ тѣмъ же направленіемъ, какъ и въ 1865—1869 годахъ, 4 раза въ годъ: въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ, книжками отъ 15 до 20 листовъ.

Сверхъ 4-хъ книжекъ журнала, будетъ издано особо «Приложеніе».

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала: «Архивъ судебной медицины и общественной гигіены», на углу Кабинетской и Ивановской улицъ (входъ съ Кабинетской), въ домѣ Аллера, № 9—5, кварт. № 3; въ главномъ коммисіонерствѣ журнала при «книжномъ магазинѣ для иногородныхъ» (на Невскомъ проспектѣ, противъ думы, въ домѣ Рогова, № 36) и въ газетныхъ экспедиціяхъ с.-петербургскаго и московскаго почтамтовъ.

Подписная годовая цѣна «Архива судебной медицины и общественной гигіены» 1870 г., съ «Приложеніемъ» и съ пересылкой во всѣ города россійской имперіи, или доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ, семь рублей.

Редакторъ С. ЛОВЦОВЪ.

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ

МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

---

1) Архивъ судебной медиц. и обществ. гигіены 1865 г. Цѣна 3 р.
2) » » » » » 1866 г. » 4 »
3) » » » » » 1867 г. » 5 »
4) » » » » » 1868 г. » 5 »

5) Повальное воспаленіе оболочекъ головного и спинного мозга. Соч. проф. Нимейера. Цѣна 50 к.

6) Исторія повальныхъ болѣзней. Соч. проф. Гезера. Части 1-я и 2-я. Цѣна 2 руб. Отдѣльно за каждую часть по 1 руб.

7) Предохранительныя мѣры противъ холеры. Составили: профессоры: Гризингеръ, Петтенкоферъ и Вундерлихъ. Цѣна 20 к.

8) Способы возвращенія къ жизни утопленниковъ. Таблица съ 4-мя рисунками и объяснительнымъ текстомъ. Раздается безплатно въ медицинскомъ департаментѣ.

9) О мышьяковистыхъ краскахъ. П. А. Кочубея. Раздается безплатно въ медицинскомъ департаментѣ.

10) Труды комиссіи, учрежденной къ изысканію мѣръ противъ развитія сибирской язвы, преимущественно на рѣкѣ Шекснѣ. Съ приложеніемъ санитарной карты Шексны, чертежей, лодки для перевозки лошадиныхъ труповъ и печи для сожиганія ихъ и фотографическаго снимка съ ниловицкаго карантина. 1868 г. Цѣна 1 р. 50 к. Гг. иногородные прилагаютъ для пересылки за одинъ фунтъ.

Всѣ означенныя книги продаются въ редакціи «Архива судебной медицины и общественной гигіены» и въ главномъ комиссіонерствѣ журнала при «книжномъ магазинѣ для иногородныхъ».

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ

ВЪ 1870 Г.

САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„БУДИЛЬНИКЪ.“

Редакція заявила, что объявитъ въ свое время, на какомъ основаніи будетъ издаваться въ 1870 г. «Будильникъ», если послѣдуетъ разрѣшеніе издавать его по новой программѣ, согласно съ условіями, обязательными для періодическихъ изданій, выходящихъ безъ цензуры.

Нынѣ канцелярія главнаго управленія по дѣламъ печати, отъ 13 ноября за № 3216, сообщила издателю-редактору «Будильника», что ходатайство объ освобожденіи издаваемаго имъ журнала отъ предварительной цензуры, признано неподлежащимъ удовлетворенію.

Поэтому, редакція, въ дополненіе къ бывшему заявленію, считаетъ долгомъ присовокупить, что «Будильникъ», не получившій правъ, присвоенныхъ безцензурнымъ изданіямъ, будетъ издаваться въ 1870 г. по прежней программѣ безъ измѣненія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:

Съ пересылкою.	7 р. 50 к.
Съ доставкою	7 » — »
Безъ доставки	6 » — »

На полгода:

Съ пересылкою.	4 р. 50 к.
Съ доставкою	4 » — »
Безъ доставки . . . . . , .	3 » 50 »

Digitized by Google

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *въ Петербургѣ* — въ редакціи, (Средняя Мѣщанская, д. Лобанова № 12), и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ѳ. Базунова, (Невскій просп., у Казанскаго моста, д. Ольхиной) и Д. Е. Кожанчикова (Гостиный дворъ). *Въ Москвѣ*— въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, (бывшій Базунова). *Въ Казани*—въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова. *Въ Одессѣ*— въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бѣлаго. Въ почтовыхъ конторахъ подписка прекращена.

Подписка на 1870 годъ.

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖЕНСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СОФЬЕЮ ГРИГОРЬЕВНОЮ МЕЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Съ 1870 года МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ обращается въ еженедѣльное изданіе, и будетъ выходить 50 разъ въ годъ, по субботамъ (кромѣ страстной и рождественской недѣли), нумерами въ 1 или $1^1/_2$ листа большого формата.

Каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ литературный, модный и хозяйственный отдѣлы.

Въ модномъ отдѣлѣ каждаго нумера будетъ помѣщаться множество политипажныхъ рисунковъ избранныхъ парижскихъ модъ, какъ нарядныхъ, такъ и домашнихъ простыхъ туалетовъ, всякаго рода модныхъ новостей, а также различныхъ женскихъ работъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться, по прежнему, рисунки изъ нашей общественной жизни, виньетки къ стихотвореніямъ, иллюстраціи къ повѣстямъ и разсказамъ и т. п. Сверхъ того, отъ времени до времени, будутъ даваться рисунки мужскихъ модъ.

Digitized by Google

Всѣ рисунки литературнаго отдѣла и большая часть модныхъ исполняются извѣстными нашими художниками собственно для МОДНАГО МАГАЗИНА.

Приложенія будутъ состоять изъ 25 парижскихъ раскрашенныхъ модныхъ гравюръ, 13 листовъ рисованныхъ выкроекъ, узоровъ и разныхъ работъ и 13 вырѣзныхъ выкроекъ, преимущественно крупныхъ вещей, какъ-то: цѣлыхъ платьевъ, бурнусовъ, манто и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . . . 6 р. 50 к.
Въ Москвѣ безъ доставки.. . . . . 7 » — »
Съ доставкою и пересылкою . . . . . 8 » — »
(въ томъ числѣ 97½ к. за пересылку иногороднымъ и 1 р. за доставку городскимъ, а 52½ к. или 50 к. за бандероли и адреса.)

НА ПОЛГОДА:

Въ Петербургѣ безъ доставки. . . . . 3 р. 50 к.
Въ Москвѣ безъ доставки . . . . . 3 » 75 »
Съ доставкою и пересылкою . . . . . 4 » 50 »
(въ томъ числѣ 52½ к. за пересылку иногороднымъ и 50 к. за доставку городскимъ, а 47½ или 50 к. за бандероли и адресы.)

НА ТРИ МѢСЯЦА:

Съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября.

Въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . . . . . 2 р. — к.
Съ доставкою и пересылкою . . . . . 2 » 50 »
(въ томъ числѣ 30 к. за пересылку иногороднымъ и 25 к. за доставку городскимъ, а 20 или 25 к. за адресы и бандероли.)

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ, въ редакціи МОДНАГО МАГАЗИНА, по Литейной, противъ Бассейной, № 45. *Въ Москвѣ*, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія въ Петербургъ, въ редакцію МОДНАГО МАГАЗИНА.

Редакторъ-издательница **С. Г. Мей.**

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА“ ВЪ 1870 Г.

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕРГАМЪ и СУББОТАМЪ,

кромѣ дней слѣдующихъ за табельными праздниками.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

«ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ» имѣетъ главнѣйшею цѣлью служить органомъ общественной жизни Петербурга, не упуская вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристичныхъ фактовъ, совершающихся какъ въ Россіи, такъ и заграницею. Согласно этой цѣли «ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ» дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

1) **Передовыя статьи**, касающіяся какъ городского хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребностей жителей столицы.

2) **Хроника**, заключающая въ себѣ всѣ **новости дня**: сюда входитъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ обществъ, дневникъ происшествій, театральныя обозрѣнія, отчеты объ увеселеніяхъ вообще, уличная жизнь столицы, распоряженія, касающіяся Петербурга, слухи, вѣсти и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю полную картину жизни Петербурга.

3) **Судебная Хроника** — заключаетъ въ себѣ замѣчательнѣйшіе процессы, встрѣчающіеся какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, а также сцены у мировыхъ судей.

4) **Отовсюду**: отдѣлъ этотъ заключаетъ въ себѣ внутреннюю и заграничную почту. Какъ та, такъ и другая часть, занимая небольшое мѣсто въ газетѣ, заключаютъ въ себѣ самые выдающіеся факты внутренней и заграничной жизни.

5) **Фельетонъ**—содержитъ въ себѣ повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, преимущественно изъ петербургской жизни.

Воскресный фельетонъ заключается въ юмористической газетѣ «**ЭХО**», сообщающей всѣ новости недѣли: политическія, внутреннія, литературныя и др.

Digitized by Google

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

На мѣсяцъ.	На 3 мѣсяца.	На полгода.	На годъ.
65 к.	1 р. 75 к.	3 р. 25 к.	5 р. 50 к.

СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

$77^1/_2$к.	2 р. $12^1/_2$	4 р.	7 р.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА ПО ПОЧТѢ:

Почтовый расходъ . . . 13) Бандероль и упаковку *) 7)	85 к.	35) 22) 2р. 32к.	70) 45) 4р. 40к.	1р. 10к.) 90) 7р. 50к.

СРОКИ ПОДПИСКИ.

По распоряженію Почтамта, подписка принимается на

СЛѢДУЮЩІЕ СРОКИ:

На годъ только съ 1-го Января
На полгода » » 1-го Января и 1-го Іюля.
На 3 мѣсяца » » 1-го Января, 1 Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября.
На 1 мѣсяцъ » » 1-го числа каждаго мѣсяца.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ.

Ни въ газетныхъ экспедиціяхъ санктпетербургскаго и московскаго почтамтовъ, ни въ другихъ почтовыхъ мѣстахъ имперіи подписка на „Петербургскій Листокъ“ не допускается.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія заблаговременно, чтобъ не испытать поздняго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адресы четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

---

*) *Примѣчаніе.* Назначеніе платы за бандероль и упаковку было необходимо потому, что цѣна *собственно за изданіе* осталась таже, какъ и въ предыдущемъ году.

Digitized by Google

Программа газеты остается прежняя. Число подписчиковъ истекающаго года, ежедневно прибывающее, даетъ намъ возможность увеличить форматъ газеты и кромѣ того ежемѣсячно давать прибавленія отъ 1-го до 2-хъ печатныхъ листовъ.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ

„ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА“:

ТЕАТРАЛЬНЫЯ БОЛОТА

ХРОНИКА-РОМАНЪ

ПЕРВАЯ КНИГА

(ЖИЗНЬ И ВОСПИТАНІЕ ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ)

(БОЛѢЕ 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.)

Цѣна 1 р. с.

(2-я часть выйдетъ втеченіе 1869 года.)

БРОШЮРА:

ПРОЭКТЪ

ДРАМАТИЧЕСКАГО КЛАССА

ПРИ СПБ. ТЕАТРАЛЬНОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Сост. Е. И. Вороновъ.

Цѣна 25 коп.

ДНЕВНИКЪ ПРАПОРЩИКА

ВЛАСА ЛОВЛАСОВА.

Цѣна 50 к. с.

Выйдетъ въ январѣ.

ЛЕКОКЪ.

Соч. Габоріо.

ДВѢ ЧАСТИ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Digitized by Google

БАЛЕТНЫЙ МІРОКЪ.

(Очерки современной жизни.)

Цѣна 1 р.

ИЗЪ МІРА УМЕРШАГО И ПОГРЕБЕННАГО.

(Очерки Западнаго края.)

Цѣна 1 р.

ПЕРЕСЫЛКА НА СЧЕТЪ РЕДАКЦІИ.

ВЪ ЧЕРЕНИНСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

Въ Москвѣ, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго,

продаются слѣдующія книги:

Сонъ и Сновидѣнія. Психологическія изслѣдованія и наблюденія А. Мори. Пер. А. Пальховскаго. М. 1867. Цѣна 2 руб. Содержаніе: Мой методъ наблюденія.—О физіологическомъ изслѣдованіи во время сна.—О сновидѣніяхъ и о способѣ, какимъ функціонируетъ разумѣніе во время сна.—Гипналогическія галлюцинаціи.—О сходствѣ галлюцинацій и сна съ болѣзненнымъ ослабленіемъ ума.—О сходствѣ сна съ умственнымъ помѣшательствомъ.—Объ умственномъ помѣшательствѣ и бредѣ. — Сравненіе нѣкоторыхъ недостатковъ умственныхъ способностей и чувствъ со сномъ и умственнымъ помѣшательствомъ. —О естественномъ сомнамбулизмѣ.—Дѣйствіе разумѣнія въ этомъ состояніи.—Отсутствіе памяти.—Объ экстазѣ и о проявленіи способности разумѣнія въ этомъ состояніи.—О гипнотизмѣ и дѣйствіи наркотическихъ, анестезическихъ и спиртныхъ веществъ на способность разумѣнія.—Объ искуственномъ сомнамбулизмѣ.—Его сходство съ вышеописанными состояніями.—Заключеніе.

ЗЕМЛЯ И ЧЕЛОВѢКЪ или физическая географія въ отношеніи исторіи человѣческаго рода. *Арнольдъ Гюйо.* Пер. съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ. *Я. Молешотта.* Пер. съ примѣчаніями А. Пальховскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Ц. 1 р. 25 к.

Digitized by Google

ВОЙНА И МИРЪ. Изслѣдованіе о принципѣ и содержаніи международнаго права. Соч. *Прудона.* Перев. съ французскаго. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

ОЧЕРКИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ. *А. Забѣлина.* Ц. р.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ ПО КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОМУ ДѢЛУ. за 1866 годъ. Изданіе книгопродавца А. Черенина. Ц. 1 р. 50 к.

ШЕКСПИРЪ, РАЗСКАЗАННЫЙ ДѢТЯМЪ. Соч. *Мери* и *Чарльза Ламбъ.* Пер. съ англійскаго. Ц. 50 к.

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, собранныя сельскими учителями. Издан. А. Эрленвейна. Ц. 55 к.

КАТАЛОГЪ русскихъ книгъ и періодическихъ изданій Черенинской Библіотеки. Новое полное изданіе. М. 1869. Ц. 40 к.

Плата за пересылку книгъ принимается на счетъ Библіотеки и каталогъ при книгахъ прилагается безплатно.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЗАРЯ"

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1870 ГОДУ.

«Заря» будетъ издаваться въ 1870 году подъ тою же редакціей, съ тѣми же сотрудниками, по той же программѣ, въ томъ же направленіи, въ томъ же объемѣ, какъ и въ 1869 году. Въ «Зарѣ» постоянно будутъ участвовать: Д. В. Аверкіевъ, Б. Н. Алмазовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Боевъ, А. Д. Градовскій, В. В. Григорьевъ (оріенталистъ), А. Ѳ. Гильфердингъ, Н. Я. Данилевскій, Ѳ. М. Достоевскій, В. П. Клюшниковъ, В. В. Крестовскій, А. Кобякова, В. И. Ламанскій, К. Н. Леонтьевъ, А. Н. Майковъ, О. Ѳ. Миллеръ, А. Ѳ. Писемскій, А. Н. Поповъ, Н. Н. Страховъ, гр. Л. Н. Толстой, Ѳ. И. Тютчевъ, А. Н. Чаевъ, П. К. Щебальскій, и другіе.

Назовемъ главнѣйшія изъ произведеній, уже пріобрѣтенныхъ нами для журнала:

Нѣсколько очерковъ изъ современной жизни А. Ѳ. Писемскаго;

Digitized by Google

повѣсть Ѳ. М. Достоевскаго; *Лѣсная рѣка*, повѣсть въ двухъ частяхъ, Н. Боева; разсказы В. В. Крестовскаго; разсказы изъ русской исторіи А. Н. Майкова; повѣсти А. Кобяковой; стихотворенія А. Н. Майкова, Н. Боева и др.; *Знакомство съ Павломъ Прусскимъ*, В. И. Кельсіева. *Русскіе люди на Кавказѣ*, рядъ статей А. И. Руновскаго. Редакція можетъ обѣщать новое произведеніе гр. Л. Н. Толстого. По ученому отдѣлу въ редакціи имѣются статьи: Н. Я. Данилевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Д. Градовскаго, А. Н. Попова и пр.

Сверхъ того въ «Зарѣ» будутъ помѣщаться постоянно матеріалы по русской исторіи, доставляемые извѣстными спеціалистами по русской археологіи.

Подписная цѣна на годъ 15 руб.

Съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ 15 р. 50 к.

Съ пересылкой въ губерніи 16 р. 50 к.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по соглашенію съ казначеями.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи журнала «Заря» (Саперный пер., д. Мельникова, № 19), въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невскій просп., д. Ольхиной) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, домъ Алексѣева).

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПОПУЛЯРНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТЫ

„ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“

ВЪ 1870 ГОДУ (ВТОРОЙ ГОДЪ).

Постоянно возрастающая въ публикѣ потребность популярныхъ медицинскихъ сочиненій, побудила насъ предпринять изданіе медицинской газеты, хотя строго научнаго содержанія, но общедоступной по формѣ изложенія.

Digitized by Google

Приступая нынѣ ко второму году предпринятаго нами труда, мы не желаемъ, по общепринятому обычаю, заниматься здѣсь разсмотрѣніемъ вопроса, насколько намъ удалось удовлетворить ожиданія нашихъ читателей. Съ насъ пока довольно, что «ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ» не остался незамѣченнымъ уже въ первый годъ своего существованія, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ, съ одной стороны, частыя перепечатки изъ нашей газеты въ столичныхъ и въ провинціальныхъ повременныхъ изданіяхъ, съ другой, поступившія въ редакцію многочисленныя заявленія сочувствія какъ отъ здѣшнихъ, такъ и отъ иногородныхъ нашихъ подписчиковъ.

Оставаясь вѣрнымъ своей задачѣ, «ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ» и въ 1870 году будетъ выходить подъ той же редакціею и по той же программѣ, а именно въ немъ найдутъ мѣсто слѣдующія статьи: 1) ПРАВИЛА сохраненія здоровья; 2) ОБЩЕСТВЕННОЕ здоровье; 3) ФИЗИЧЕСКАЯ природа человѣка (анатомія, физіологія и проч.); 4) ФИЗИЧЕСКОЕ воспитаніе дѣтей; 5) УХОДЪ за больными; 6) УЧЕНІЕ о пищѣ; 7) ПРАКТИЧЕСКАЯ медицина (распознаваніе и предупрежденіе болѣзней, леченіе въ отсутствіе врача и проч.); 6) РАЗНЫЯ методы леченія (водою, сывороткою, кумысомъ, минеральными водами, гимнастикою, электричествомъ и проч.); 9) СУДЕБНАЯ медицина и психіатрія; 10) ПРАКТИЧЕСКАЯ и общественная дѣятельность врача; 11) ЗЕМСКАЯ медицина (врачебныя учрежденія и проч.); 18) БИБЛІОГРАФІЯ; 13) СМѢСЬ и разныя извѣстія; 14) СПРАВОЧНЫЙ листокъ (указаніе разныхъ лечебныхъ заведеній, спеціалистовъ, минеральныхъ источниковъ и проч.); 15) ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Газета «ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ» будетъ выходить по прежнему разъ въ недѣлю, по середамъ; цѣна безъ доставки и пересылки 4 руб. въ годъ, съ доставкою и пересылкою въ другіе города 5 руб. сер. (за годовое изданіе 4 руб., за пересылку 60 к., за упаковку, бандероль, печатный адресъ и проч. 40 коп).

Выписывающіе полный экземпляръ газеты «ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ» за 1869 годъ, платятъ 4 руб. съ пересылкою.

Служащіе могутъ подписаться черезъ своихъ казначеевъ, при чемъ допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи газеты «ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ», въ Троицкомъ пер., д. Лѣсникова, № 36, и въ главной конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ

Digitized by Google

А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ просп., д. Ольхиной № 30; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ д. Загряжскаго.

Иногородные адресуютъ такъ: въ Петербургъ, въ редакцію газеты «ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ».

Редакторъ-издатель **С. Штернъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ДѢТСКАГО САДА"

въ 1870 году.

Вступая во 2-й годъ своего существованія, настоящая редакція оставляетъ на судъ читателей вопросъ о томъ, въ какой степени она удовлетворила ихъ педагогическимъ взглядамъ. Съ своей же стороны считаетъ необходимымъ высказать, что она неуклонно будетъ преслѣдовать и въ будущемъ туже педагогическую цѣль, т. е. будетъ крѣпко держаться за жизнь, за ея требованія, будетъ брать матеріалъ для журнала изъ жизни и издавать его для жизни, иначе сказать — издавать его съ тою цѣлью, чтобы читатели могли воспользоваться во-благо своихъ семействъ опытомъ людей, всецѣло отдавшихся дѣлу воспитанія. Жизнь и дѣло—были нашимъ девизомъ и останутся таковыми.

Перечень статей лучше всего напомнитъ читателямъ твердо ли мы держались упомянутаго выше направленія. Статьи: «Лингардъ и Гертруда» — Песталоцци, «Жизнь и стремленія Дистервега», «Теорія воспитанія Спенсера», «О совмѣстномъ воспитаніи мужчинъ и женщинъ», «Нѣсколько словъ о народномъ воспитаніи», 4 случая изъ «Жизни», «Дочери Ярослава» и другія непосредственно касались жизни. Точно такъ, какъ статьи: «Картофель и живущія на немъ насѣкомыя», «Писчая бумага», «Пыль», «О горючихъ веществахъ», непосредственно касались дѣла.

Digitized by Google

Прямое отношеніе къ жизни имѣетъ также и повѣсть *Ив. Дм. Бѣлова:* «Виновата ли она?» Повѣсть эта заключаетъ въ себѣ глубоко-педагогическое значеніе, ибо самою жизнію доказываетъ, какъ важны въ дѣлѣ воспитанія среда и общество, окружающія ребенка.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи заключается разборъ многихъ русскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ, а въ отдѣлѣ хроники и смѣси—обзоръ педагогической дѣятельности за границею и преимущественно въ Россіи; мелкія ошибки противъ положеній педагогики, которыя, однако, могутъ имѣть огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе характера ребенка; самыя общедоступныя медицинскія средства и проч. Кромѣ того, заботясь и о наружномъ видѣ и изяществѣ нашего изданія, мы приложили къ нему много весьма цѣнныхъ политипажей.

Приступая къ продолженію изданія ДѢТСКАГО САДА въ будущемъ 1870 году и придя къ убѣжденію, что выходъ нашего журнала разъ въ два мѣсяца крайне неудобенъ для подписчиковъ на него—долгимъ ожиданіемъ книжекъ,—редакція рѣшилась выпускать свое изданіе *ежемѣсячно*, съ тѣмъ же направленіемъ и въ томъ же объемѣ, т. е. отъ 3 до 4 листовъ въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна остается та же самая, какая была въ предыдущіе 4 года существованія ДѢТСКАГО САДА, а именно:

Безъ пересылки и доставки. . . . . **3 р. 50 к.**
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . . **4 » — »**
Съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи, упаковкою и проч. . . . . **4 » — »**

Подписка принимается:

1) Въ самой редакціи: въ С.-Петербургѣ, по Стремянной улицѣ, д. № 5, кв. № 7.

и 2) Въ Главной Конторѣ «Д. С.» при книжныхъ магазинахъ А. А. Черкесова: въ Спб., на Невскомъ проспектѣ, противъ публичной библіотеки, д. № 54, и въ Москвѣ, на Лубянкѣ, д. Мазуриной.

Такъ какъ повѣсть Ив. Дм. Бѣлова **Виновата ли она?** въ нынѣшнемъ году не могла быть вся помѣщена на страницахъ «Дѣтскаго Сада», то всѣ новые подписчики на него въ 1870 году *получатъ первыя 4 главы этой повѣсти при январской книжкѣ*, въ видѣ приложенія. Кромѣ того въ будущемъ же году мы окончимъ печатаніемъ остальные 6 случаевъ изъ **Жизни** того же автора.

Редакторъ-Издательница **Елисавета Бороздина.**
Редакторъ **Владиміръ Толмачевъ.**

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА

въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 4; *въ Казани*, на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Апалова и *въ Варшавѣ*, на Новомъ Свѣтѣ, въ домѣ подъ № 1245,

въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу:

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Это новое изданіе значительно исправлено и дополнено по вновь обнародованнымъ документамъ и рукописямъ, съ приложеніемъ народныхъ пѣсенъ объ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Нѣкоторыя части этого изданія написаны совершенно вновь, такъ что вмѣсто прежнихъ двухъ будетъ три тома. Цѣна за три тома назначается 5 руб.

Въ этихъ же магазинахъ продаются:

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова, 11 томовъ. Цѣна за полное изданіе 20 руб.

СОДЕРЖАНІЕ:

ТОМЪ I И II.

Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси. — Черты народной южно-русской исторіи.—Двѣ русскія народности.—Легенда о кровосмѣсителѣ.—О значеніи великаго Новгорода. — Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы XVI вѣка.—Иванъ Сусанинъ.—Иванъ Свирговскій, украинскій казацкій атаманъ XVI вѣка. — Гетманство Выговскаго.—Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ: «Сельское духовенство». Спб. 1863 г. Этихъ двухъ томовъ осталось весьма немного, а потому они отдѣльно не продаются.

Digitized by Google

ТОМЪ III.

Куликовская битва. — Ливонская война, нападеніе Ивана Васильевича Грознаго на Ливонію и паденіе ливонскаго ордена. — Южная Русь въ концѣ XVI вѣка: а) Подготовка церковной уніи; б) Бунтъ Кассинскаго и Наливайки; в) Унія.—Литовская народная поэзія. — Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи. Спб. 1867 г. Продается отдѣльно по 2 руб. за томъ.

ТОМЪ IV, V И VI.

Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія: а) Названный царь Димитрій; б) Царь Василій Шуйскій и воры; в) Московское раззоренье. Спб. 1868 г. Продаются отдѣльно; цѣна за три тома 6 руб.

ТОМЪ VII И VIII.

Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчевого уклада (Сѣверно-русскія народоправства). Спб. 1868 г. Продаются отдѣльно; цѣна за два тома 3 руб. 50 коп.

ТОМЪ IX, X И XI.

Богданъ Хмельницкій. Значительно исправленный и дополненный по вновь обнародованнымъ документамъ и рукописямъ, съ приложеніемъ народныхъ пѣсенъ объ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Нѣкоторыя части этого изданія написаны совершенно вновь. Будетъ выдаваться по выходѣ, а также продаваться отдѣльно; цѣна за три тома 5 руб.

Исторія Россіи

съ древнѣйшихъ временъ; соч. С. М. Соловьева; томъ XIX (Царствованіе Анны Іоанновны). М. 1869 г. Цѣна 2 руб. За полное изданіе, или 19 томовъ, цѣна 38 руб., а также продаются отдѣльно по 2 руб. за томъ.

Княжна Тараканова

и принцесса владимірская, соч. П. И. Мельникова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

*

Digitized by Google

Графы Никита и Петръ Панины.

Опыты разработки новѣйшей русской исторіи; соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. Ц. 1 руб.

Самозванцы и понизовская вольница.

Историческія монографіи Д. Мордовцева, 2 тома. Спб. 1867 г. Ц. 2 руб. 50 коп.

Историческія очерки поповщины.

Соч. П. И. Мельникова. М. 1864 г. Ц 1 р. 50 к.

Земство и расколъ.

Соч. А. Щапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Ц. 75 к.

Разсказы изъ исторіи старообрядства,

по раскольничьимъ рукописямъ, переданные С. Максимовымъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Ц. 75 к.

Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія,

заимствованныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи г. Есиповымъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. 2 тома. Спб. 1863 г. Продаются отдѣльно. Ц. за 1-й томъ 2 руб. 50 к., а за 2-й томъ 2 р.

Домострой

попа Сильвестра. Новое изданіе по рукописямъ публичной библіотеки, подъ редакціею В. Яковлева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина,

преподобнаго игумена Волоцкаго; соч. И. Хрущова. Спб. 1868 г. Ц. 2 руб.

Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца,

съ приложеніемъ писемъ Яна Гуса, выбранныхъ Мартыномъ Лютеромъ. Соч. В. Бильбасова. Спб. 1869 г. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Румынскія господарства.

Молдавія и Валахія въ историко-статистическомъ отношеніи. Соч. С. Н. Палаузова. Спб. 1859 г. Ц. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

русской народной словесности и искуства. Соч. Ф. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома въ большой 8-д. л. на веленевой бумагѣ съ 212 рисунками. Спб. 1861 г. Ц. за 2 тома 7 руб.

О погребальныхъ обычаяхъ

языческихъ славянъ. Изслѣдованіе А. Котляревскаго. М. 1868 г. Ц. 2 руб.

Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу.

Опытъ сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. Соч. А. Афонасьева, 3 тома. М. 1869 г. Ц. 8 р., а также продаются отдѣльно. Ц. за 1 томъ 2 руб., а за 2-й и 3-ій по 3 руб за томъ.

Пѣсни русскаго народа,

Собранныя П. Рыбниковымъ, томъ 4; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1867 г. Ц. 2 р., за всѣ 4 тома. Ц. 8 р. Томъ 1, 2 и 4 продаются отдѣльно по 2 р. за томъ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ.

Сост. В. Варенцовъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 1 р.

Восемьнадцатый вѣкъ.

Историческій сборникъ документовъ по русской исторіи. Изд. Бартенева, 4 тома. М. 1869 г. Ц. за всѣ 4 тома 12 р., а также продаются отдѣльно. Ц. за 1 томъ 2 р. 50 к., за 2 томъ 3 р. 50 к., а 3 и 4 продаются по 3 р. за томъ.

Сборникъ русскаго историческаго общества.

Собраніе документовъ по русской исторіи XVIII вѣка, 4 тома. Спб.

Digitized by Google

1869 г. Ц. за всѣ 4 тома 10 р., а также продаются отдѣльно. Ц. за 1 и 2 томъ по 2 р., а за 3 и 4 по 3 р. за томъ.

Русскій Архивъ,

изд. Бартеневымъ. Сборникъ документовъ по русской исторіи, начиная съ Петра I. 7 большихъ томовъ. М. 1869 г. Ц. за полное изданіе 36 р., а также продаются отдѣльно. Ц. за 1 и 2 томъ по 4 р., за 3, 4 и 5 томъ по 5 р., цѣна 6 тому 6 р. и за 7 томъ 7 руб.

Объ историческомъ значеніи

царствованія Бориса Годунова; соч. П. Павлова. Спб. 1862 г. Ц. 50 к.

Тысячелѣтіе Россіи.

Очерки отечественной исторіи. П. Павлова. Спб. 1863 г. Ц. 70 к.

Исторія кабаковъ въ Россіи

въ связи съ исторіею русскаго народа. Соч. И. Прыжова. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.

Соціально-педагогическія условія

умственнаго развитія русскаго народа; соч. А. Щапова. Спб. 1860 г. Ц. 2 руб.

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

5 томовъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1869 г. Ц. за всѣ 5 томовъ 8 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

ТОМЪ I И II.

Семейная картина.—Свои люди—сочтемся.—Утро молодого человѣка.—Бѣдная невѣста.—Не въ свои сани не садись.—Бѣдность не порокъ.—Не такъ живи, какъ хочется.—Въ чужомъ пиру похмѣлье.—Доходное мѣсто.—Праздничный сонъ до обѣда.—Не сошлись характерами. Спб. 1868 г. Эти два тома продаются отдѣльно по 3 р. за 2 тома.

Digitized by Google

ТОМЪ III И IV.

Свои собаки грызутся—чужая не приставай.—За чѣмъ пойдешь, то и найдешь.—Старый другъ лучше новыхъ двухъ. — Воспитанница. — Гроза. — Тяжелые дни. — Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.—Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ.—Шутники.—Воевода. Спб. 1866 г. Эти два тома продаются отдѣльно, по 3 р. 50 к за 2 тома.

ТОМЪ V.

Пучина.—На бойкомъ мѣстѣ.—Самозванецъ.—Тушино.—Василиса Мелентьевна (въ сотрудничествѣ съ С. А. Г.). — На всякаго мудреца много простоты. Большой томъ, въ 40 печатныхъ листовъ. Спб. 1869 г. Продается отдѣльно по 2 р. за томъ.

Говоруны.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ; соч. В. А. Манна; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868 г. Ц. 1 р.

Горькая судьбина.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ; соч. А. Ѳ. Писемскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Ц. 50 к.

Смута.

Драма изъ временъ самозванцевъ; соч. Н. Бицина. М. 1867 г. Ц. 1 р. 50 к.

Банковая бухгалтерія.

Полное руководство къ изученію операцій и счетоводства во всѣхъ существующихъ въ Россіи банковыхъ учрежденіяхъ. Сост. контролеръ государственнаго банка В. Добролюбовъ. Большой томъ. Спб. 1864 г. Ц. 5 р.

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

УЧИТЕЛЬ

въ 1870 году.

Въ будущемъ 1870 году журналъ «УЧИТЕЛЬ» будетъ издаваться, какъ и въ нынѣшнемъ году,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

два раза въ мѣсяцъ, выпусками отъ 2 до $2^1/_2$ листовъ большого 8-дольнаго формата.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

Отдѣлъ I. 1) Ученіе о физической природѣ человѣка (анатомія, физіологія, діэтетика и гигіена). 2) Опытная психологія. 3) Теорія и исторія воспитанія.

Отдѣлъ II. 1) Изложеніе правилъ, способовъ и пріемовъ обученія (дидактика и методика). 2) Примѣрные уроки по всѣмъ учебнымъ предмѣтамъ.

Отдѣлъ III. 1) Педагогическое обозрѣніе (обзоръ педагогич. сочиненій, журналовъ и статей). 2) Критика и библіографія (разборъ учебныхъ руководствъ и книгъ для дѣтскаго чтенія). 3) Современная хроника внутренняя и иностранная (извѣстія объ устройствѣ и дѣятельности заведеній, учительскихъ съѣздовъ и т. д.; сообщеніе важнѣйшихъ правительственныхъ и начальственныхъ распоряженій). 4) Педагогическая переписка и смѣсь.

Отдѣлъ VI. Справочный листокъ (объявленія отъ учебныхъ заведеній, книгопродавцевъ и проч.).

Годовая цѣна журналу **3** руб. **50** коп. безъ пересылки и **4** руб. съ доставкою и пересылкою по почтѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторахъ редакціи, при книжныхъ магазинахъ Кожанчикова — въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Казани; а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ.

Редакторъ I. Паульсонъ.
Издатель Д. Кожанчиковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google